

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

А.М. ГУБАЙДУЛЛИН

**ФОРТИФИКАЦИЯ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ
В X – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВВ.**

**№ 3
2019**

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№3 2019

УДК 623.11

*Книга рекомендована к печати Ученым советом
Института археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан*

Ответственный редактор:член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков***Рецензенты:**доктор исторических наук *И.Л. Измайлов*, доктор исторических наук *Л.Ф. Недашковский***Ответственный секретарь:** А.С. Беспалова**Редакционный совет:**

Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуньков М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:

Асташенкова Е.В., к.и.н. (Владивосток); **Бочаров С.Г.**, к.и.н. (Казань); **Гавритухин И.О.** (Москва); **Доде З.В.**, д.и.н. (Ростов-на-Дону); **Зеленев Ю.А.**, д.и.н. (Йошкар-Ола); **Измайлов И.Л.**, д.и.н. (Казань); **Кирилко В.П.**, к.и.н. (Симферополь); **Мыц В.Л.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Руденко К.А.**, д.и.н. (Казань); **Хузин Ф.Ш.**, д.и.н., профессор (Казань); **Шакиров З.Г.**, к.и.н. (Казань); **Яворская Л.В.**, к.и.н., доцент (Москва).

Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв.
Казань, 2019. 323 с.

Монография посвящена рассмотрению одного из важных элементов средневековых городищ – системам их обороны. Именно они в значительной степени отражали особенности формирования и научно-технические достижения различных обществ. В работе анализируется фортификация государств Среднего Поволжья X – первой половины XVI вв., которая демонстрирует достаточно высокий уровень не только на общем фоне развития военно-оборонительного дела народов Восточной Европы, но и всей Евразии.

Книга адресована археологам, историкам, военным инженерам и всем, кто интересуется историей фортификации.

ISBN 978-5-98946-305-3

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203

Телефон: (843)210-19-76

E-mail: archeosteps@gmail.com**<https://www.evrazstep.ru>**

Индекс 71457, агентство «РОСПЕЧАТЬ»

Выходит 6 раз в год

© ООО «Поволжская археология», 2019

© Академия наук Республики Татарстан, 2019

© Журнал «Археология Евразийских степей», 2019

© Губайдуллин А.М., 2019

ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

№ 3 2019

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
 Doctor of Historical Sciences **Ayrat G. Sitdikov**

Reviewer:

Doctor of Historical Sciences **Iskander L. Izmailov**,
 Doctor of Historical Sciences **Leonard F. Nedashkovsky**

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Editorial Council:

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocaru Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Véronique**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial Board:

Astashenkova Elena V., Candidate of Historical Sciences, (Vladivostok); **Bocharov Sergei G.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Gavritukhin Igor O.** (Moscow); **Dode Zvezdana V.**, Doctor of Historical Sciences, (Rostov-on-Don); **Zeleneev Yuriy A.**, Doctor of Historical Sciences (Yoshkar-Ola); **Izmailov Iskander L.**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Kirilko Vladimir P.**, Candidate of Historical Sciences, (Simferopol); **Myts Victor L.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Rudenko Konstantin A.**, Doctor of Historical Sciences, (Kazan); **Khuzin Fayaz Sh.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., (Kazan); **Shakirov Zufar G.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Yavorskaya Liliya V.** Candidate of Historical Sciences (Moscow).

Gubaidullin Airat M. Fortification in the Middle Volga Region in the 10th – first half of the 16th Centuries. Kazan, 2019. 323 p.

ISBN 978-5-98946-305-3

Editorial Office Address:

Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
 Telephone: (843)210-19-76

E-mail: archeosteppe@gmail.com

https://www.evraststep.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

Введение	6
Глава I. История изучения фортификации и источники	9
§ 1. История изучения болгарских памятников фортификации	9
§ 2 История изучения памятников фортификации Казанского ханства.....	22
§ 3 Источники по фортификации Волжской Булгарии и Казанского ханства.....	26
Глава II. Планировка и системы обороны городищ	32
§ 1 Природно-географические условия Среднего Поволжья и пространственное размещение городищ	32
§ 2 Планировка и типология городищ.....	36
§ 3 Системы обороны городищ.....	40
§ 4 Конфигурация оборонительных линий и системы проездов.....	45
Глава III. Фортификационные сооружения Волжской Булгарии домонгольского периода	53
§ 1 Городища Закамья	53
§ 2 Городища Предволжья	81
§ 3 Городища Предкамья	91
Глава IV. Булгарские фортификационные сооружения золотоордынского периода	100
§ 1 Городища Закамья	100
§ 2 Городища Предволжья	111
§ 3 Городища Предкамья	116
Глава V. Фортификационные сооружения Казанского ханства	120
§ 1 Фортификация городов.....	120
§ 2 Дополнительная оборона и сравнительный анализ.....	131
Глава VI. Военно-инженерный и историко-культурный анализ	135
§ 1 Общие тенденции развития фортификации	135
§ 2 Типы дерево-земляных крепостных сооружений.....	139
§ 3 Корреляция данных и социальная классификация городищ	145
§ 4 О фортификации в золотоордынский период.....	149
§ 5 «Длинные валы» (археологические исследования и историческая интерпретация).....	152
§ 6 Истоки фортификации	155
Заключение	160
Список использованных источников и литературы	166
Summary	184
Список сокращений	185
Иллюстрации	187
Таблицы	315

CONTENS

A MONOGRAPH IN THE JOURNAL

Introduction	6
Chapter I. History of Fortification Studies and Sources.....	9
§ 1 History of the Study of Bolgar Fortification Monuments.....	9
§ 2 History of the Study of Fortification Monuments of the Kazan Khanate.....	22
§ 3 Sources for the Fortification of Volga Bolgaria and the Kazan Khanate Studies.....	26
Chapter II Planning and Defensive Systems of Fortified Settlements and Hillforts.....	32
§ 1 Environment of the Middle Volga Region and Spatial Arrangement of Fortified Settlements.....	32
§ 2 Planning and Typology Fortified Settlements and Hillforts.....	36
§ 3 Defensive Systems of Fortified Settlements.....	40
§ 4 Configuration of Defensive Lines and Passage Systems.....	45
Chapter III. Fortifications of Volga Bolgaria of the Pre-Mongol Period.....	53
§ 1 Hillforts and Fortified Settlements in the Trans-Kama Region.....	53
§ 2 Hillforts in the Cis-Volga Region.....	81
§ 3 Hillforts in the Cis-Kama Region.....	91
Chapter IV Bolgar Fortifications of the Golden Horde Period.....	100
§ 1 Hillforts and Fortified Settlements in the Cis-Kama Region.....	100
§ 2 Hillforts and Fortified Settlements in the Cis-Volga Region.....	111
§ 3 Hillforts and Fortified Settlements in the Cis-Kama Region.....	116
Chapter V. Fortifications of the Kazan Khanate.....	120
§ 1 Fortification of Towns.....	120
§ 2 Additional Defense and Comparative Analysis.....	131
Chapter VI. Military-Engineering and Historical-Cultural Analysis.....	135
§ 1 General Fortification Development Trends.....	135
§ 2 Types of Earth-and-Timber Fortifications.....	139
§ 3 Data correlation and Social Classification of Settlements.....	145
§ 4 Fortification in the Golden Horde Period.....	149
§ 5 “Long Ramparts” (Archaeological Studies and Historical Interpretation).....	152
§ 6 Origins of Fortification.....	155
Conclusion	160
List of Cited References and Publications	166
Summary	184
List of Abbreviations	185
Illustrations	187
Tables	315

ВВЕДЕНИЕ

Хронологический период X – середина XVI вв. для Среднего Поволжья является важным этапом истории. В это время в регионе происходит формирование государств – Волжской Булгарии, Улуса Джучи (Золотой Орды) и Казанского ханства, активно проходят процессы урбанизации и становления городской инфраструктуры. Появление сети городских центров привело к кардинальным изменениям во всей жизни общества, изменив не только материальную основу жизнедеятельности – хозяйство и быт населения, но и всю культурную среду, создав новые условия для развития цивилизации. Этот период оказал влияние на весь регион в Средние века, а также на последующее развитие народов Волго-Уральского региона. Именно поэтому все проблемы, связанные с историей и культурой этих средневековых обществ, привлекают внимание историков и археологов. Особый интерес исследователей вызывают вопросы, связанные с урбанизацией и городской жизнью, взаимодействием города и его округа, а также города как целостной системы и его исторической динамики.

Важным элементом средневековых городов являлась система их обороны, включая городские укрепления и другие фортификационные сооружения. Именно они в значительной степени отражали уровень развития государства, его территориальную структуру и степень внешней опасности, свидетельствуя о сложности и противоречивости внутрисударственных и межгосударственных отношений, а также в концентрированном виде отражали научно-технические достижения различных обществ. Фортификация государств Среднего Поволжья X – первой половины XVI вв. демонстрирует достаточно высокий уровень не только на общем фоне развития военно-оборонительного дела народов Восточной Европы, но и всей Евразии. Их связывала целая цепочка традиций и взаимных влияний. При этом наряду с общими тенденциями, фортификация государств Среднего Поволжья имела ряд особенностей, которые обуславливались местными традициями культуры, развитием строительства и условиями военной практики.

Валы и рвы средневековых городищ уже два века привлекают внимание исследователей,

в результате чего был собран значительный массив данных и наблюдений. За несколько последних десятилетий проведен целый ряд широкомасштабных археологических работ, позволивших накопить значительный материал по отдельным вопросам фортификации Волжской Булгарии, Болгарского улуса Золотой Орды и Казанского ханства. К сожалению, качественного сдвига и обобщения этого материала не произошло. Тем более, не было специальных работ, рассматривающих средневековую фортификацию государств Поволжья в целом. Все это обуславливает необходимость концентрации накопленных сведений и современном их научном осмыслении.

Территориальные рамки данной работы охватывают районы расположения средневековых государств Волго-Уральского региона – Волжской Булгарии, Болгарского улуса Золотой Орды и Казанского ханства. Они имели разную, но в целом близкую по размерам территорию. В географическом отношении изучаемое пространство включает три обширных региона Среднего Поволжья – Закамье, Предволжье и Предкамье, которые имеют ярко выраженную специфику по природно-географическим условиям, различаясь строением рельефа, высотными отметками, густотой речной сети и т.д., что определяющим образом сказалось на формировании системы фортификации, при этом являясь единой историко-культурной областью.

Хронологические рамки работы определены временем существования в Среднем Поволжье и Приуралье средневековых государств (начало X – середина XVI вв.). Эту эпоху можно разделить на три этапа, которые имели хозяйственно-экономическую, военно-политическую и культурную специфику, предопределившую особенности развития военно-оборонительного дела и фортификации. Булгарский этап (X – первая треть XIII вв.) характеризовался становлением государства и развитием урбанизации, а также формированием собственных традиций в фортификации. Золотоордынский этап (вторая треть XIII – первая треть XV вв.), начинается с монгольского завоевания Булгарии и образования Улуса Джучи (Золотой Орды) в Поволжье и характеризуется значитель-

ным сокращением количества укрепленных поселений. Следующий этап (1437–1552 гг.) связан с образованием Казанского ханства и активным строительством различных фортификационных сооружений, сохранявших традиции предшествовавшего времени. В целом, все эти три этапа, несмотря на определенные различия, являлись довольно единым периодом, сохранявшим преемственность традиций и единство форм и систем фортификации.

Основными источниками работы являются археологические материалы, полученные в результате многолетнего изучения средневековых городищ, касающиеся их размещения на местности, планировки, устройства оборонительных линий, а также конкретных крепостных сооружений, расположенных на территории Среднего Поволжья. В работе также использовались как опубликованные по теме данные, так и полевые отчеты предшествующих и современных исследователей, хранящиеся в архивах Института археологии РАН, ИИМК РАН, Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Болгарского государственного историко-археологического музея-заповедника и др., в том числе и сведения, которые получил автор во время проведения собственных археологических разведок и раскопок.

В качестве дополнения автором также привлекаются данные средневековых письменных (древнерусских, арабо-персидских и латинских) источников. Эти материалы, хотя и достаточно отрывочны, но уникальны по передаваемой информации о материале строительства, конструктивных особенностях укреплений и системе обороны. Кроме того, для лучшего осмысления технологических приемов возведения крепостных сооружений и их реконструкции, широко используются общетеоретические наработки, отраженные в целом ряде литературы по фортификации.

В ходе совокупного исследования собран и по единой методике обработан материал 198 средневековых городищ, из которых используются археологические данные по раскопкам валов и рвов 46 укрепленных поселений. Все эти памятники распределены по периодам на основании полученного в ходе различных полевых исследований материала (рекогносцировка, разведки, сбор подъемного материала, раскопки). Так к домонгольскому времени

относится 156 городищ, к домонгольскому и золотоордынскому – 17, только к золотоордынскому – 19, к золотоордынскому и «ханскому» – 4 и ко всем трем – 2 памятника. Они охватывают весь спектр типов укрепленных поселений и крепостных построек в плане, как общей фортификационной картины, так и ее отдельных элементов. Сюда, наряду с основными, входят и впервые подробно изученные дополнительные защитные сооружения, типы оборонительных линий, устройства систем воротных проездов. Также в работе обращается внимание и на такие неисследованные темы, как профилировка валов и рвов, различное соотношение и конфигурацию линий обороны, а также дается обоснованная датировка строительства и функционирования крепостных сооружений.

На основе анализа изобразительного материала, исторических описаний и работ предыдущих исследователей, изучавших памятники военного зодчества, автором представлена методика реконструкции оборонительных сооружений, которая была проверена в полевых условиях при изучении укреплений целого ряда городищ. Также были смоделированы процессы генезиса традиций строительства и военного зодчества, прослежены параллели с развитием фортификации в различных регионах Евразии, в первую очередь связанных с Поволжьем историческими, цивилизационными и торгово-экономическими связями. Выявлены и обоснованы параллели, как с традиционными формами военного зодчества, так и их модификацией. Определено место средневекового Поволжья в формировании науки об укреплениях в общем контексте с практикой обороны других народов и государств, показано развитие и уровень военно-инженерного дела в исследуемый период. Выявление подобной связи выводит на рассмотрение общетеоретических вопросов возникновения и этапов эволюции типов крепостных сооружений на всем евразийском пространстве.

В ходе теоретического осмысления темы автором был предложен терминологический словарь, своего рода тезаурус сведений о средневековой фортификации, призванный унифицировать употребление целого ряда важных понятий и терминов, относящихся к описанию и теоретическому осмыслению объектов изучения в рамках

данной книги. Было упорядочено использования таких понятий, как «фортификация», «военное зодчество», «полевая фортификация», «естественная фортификация», а также рассмотрены дополнительные способы

защиты, меры по жизнеобеспечению укрепленных поселений в качестве крупных узлов обороны и др. Остальные же названия в работе приводятся для характеристики конкретных военно-инженерных объектов.

ГЛАВА I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ФОРТИФИКАЦИИ И ИСТОЧНИКИ

Фортификационные сооружения всегда относились и относятся к одним из наиболее значимых показателей уровня развития каждого конкретного государственного образования. Если принципы возведения оборонительных построек у одних народов находились в постоянном развитии и многообразии, то у других они не претерпевали существенных изменений. Это связано с социальными и экономическими процессами, их темпами, немаловажным было и влияние демографических и природно-географических условий, которые сопутствовали становлению и существованию различных государств. Существенным являлся и фактор возможного воздействия окружающих народов, или, наоборот, отсутствие него.

Оборонительные сооружения выступали важными гарантами существования Волжской Булгарии и Казанского ханства на протяжении всей их истории. Много раз крепостные стены этих государств останавливали завоевателей. Своим наличием, да-

леко не последнюю роль, крепостные стены булгар сыграли и в тринадцатилетнем сдерживании монгольского похода, вторжения первоклассной армии, оснащенной передовой осадной техникой Востока. Поэтому, далеко не случайно, что вот уже на протяжении более чем двух столетий памятники фортификации привлекают к себе внимание исследователей. Историю ее изучения можно разделить на три этапа: первоначальный период накопления сведений – XVIII – первая треть XX вв., содержащий в себе поиск, выявление и описание остатков укрепленных поселений и их оборонительных линий; второй – с 30-х гг. до 80–90 гг. XX в., связанный с проведением археологических раскопок городищ и их систем обороны; третий этап – с конца XX в. по настоящее время, который включает не только продолжение исследований памятников фортификации, но и обобщение накопленных данных, анализ всего военно-оборонительного дела.

§ 1

История изучения болгарских памятников фортификации

Интерес к памятникам фортификации возникает с наступлением просвещенного XVIII в. Первые известия об оборонительных сооружениях Болгарского городища относятся к 1712 г. и связаны с построением Болгарского Успенского монастыря, когда «дьяк Андрей Михайлов, приехав на то прежде бывшее Болгарское городище, древнее строение, что в окружном земляном валу ныне есть, описал». Кроме «окружного земляного вала» он упомянул также внутреннее укрепление – «малый окоп, где был царский дом» (Невоструев, 1871, с. 528). Сделанная им выписка из межевых книг Успенскому монастырю явилась началом накопления исторических сведений по данной теме.

В 1732 г. подполковником Казанского гарнизонного полка Никоном Савенковым и геодезистом Исаем Крапивиным были сняты оборонительные линии Болгарского городища. Они измерили и описали основные крепостные сооружения XIV в., «замошный

вал», Малый городок, а также ныне не существующие укрепления в северо-восточной части памятника, т.н. «окоп Савенкова» (Савенков, Крапивин, 1732; Шпилевский, 1877, с. 571). Это, пожалуй, было самой первой профессиональной фиксацией остатков крепостных сооружений Болгара и, в первую очередь, не дошедших до нас укрепленный домонгольский период. Она стала и основой для последующих археологических изысканий нашего времени.

О болгарских городах писал и известный историк В.Н. Татищев (Татищев, 1964). Он явился одним из ярких представителей нарождающейся плеяды исследователей, различавшихся по социальному происхождению, профессии, вероисповеданию и др. Свое историческое повествование, Тайный советник В.Н. Татищев, основывал на целом ряде русских летописей, часть из которых, возможно, не дошла до нашего времени. Тем не менее, его упоминание некоторых укреп-

пленных поселений Волжской Булгарии давало примерные сведения об их месторасположении. Это не только позволяло опираться на них последующим исследователям при выявлении и идентификации поселенческих памятников, но и давало некоторое представление по их пространственному размещению.

Нам сложно судить, что в его «Истории Российской» является вымыслом, а что основывается на конкретных исторических сведениях. Как бы там ни было, его работа послужила одной из основ становления интереса не только к исторической науке вообще, но и к археологическим древностям в частности.

Исторические достопримечательности Болгарского городища продолжали привлекать внимание различных специалистов. Так наряду с архитектурными развалинами, описание крепостных валов Болгара в 1765 г. сделал и подполковник Правительствующего Сената А.И. Свечин, который проводил ревизию лесов в Поволжье (Борисов, 1898¹; Саначин, 2018, с. 121). Кроме этого, особый вклад в исследования укрепленных поселений внесли и академические экспедиции. Зимой 1768 г. Болгарское городище посетил знаменитый путешественник, ученый–энциклопедист П.С. Паллас и кратко описал его линию обороны (Паллас, 1773, с. 186). Некоторые сведения об укреплениях содержатся и в описаниях памятника, сделанные студентом Н.Я. Озерецковским, работавшим в составе экспедиции академика И.И. Лепехина (Полное собрание ученых путешествий по России: Записки путешествия академика Лепехина, 1821).

В то время наиболее серьезное внимание болгарским укреплениям было уделено адъютантом Императорской Академии наук, капитаном Н.П. Рычковым, описавшим развалины Билярского, Елабужского «Чертова» городищ (Рычков, 1770, с. 13, 45) и других памятников. Например, у первого городища он отметил «...просторные и порядочные валы, суть ясные свидетели огромных тех времен строений» и далее: «Укрепление его состояло из трех глубоких рвов и в толиком числе валов, обнесенных вокруг городских развалин...» (Рычков, 1770, с. 13). Ему же принадлежит заслуга и в составлении первого плана Билярского городища, основанного на его собственных измерениях (Рычков, 1770, с. 23–24).

Исследователем были рассмотрены и некоторые особенности болгарских городищ и их оборонительных линий: «Во всех старинных укреплениях сие больше замечания достойно, что труды их соответствовали самой природе и выбору укрепляемых ими мест были всегда так начинаемы, чтобы согласить их с намерением своим» и далее: «Обыкновение и искусство древних народов состояло в том, что, укрепляя валами жилища свои, наблюдали они всегда, чтобы наружный вал уступал возвышению второго, а оный превосходил бы высоту внутри стоящий вал» (Рычков, 1770, с. 6, 7).

Таким образом, исследователь уже в то время отметил неоднозначность укрепленных поселений древности в плане их неслучайного распределения на местности и соотношения с окружающей топографией. Кроме того, его последнее замечание вообще подводит к более внимательному рассмотрению оборонительных насыпей в плане фортификации как науки.

Во всех местах, где проезжал Н.П. Рычков, он не только описывал городища, но и пытался их интерпретировать, увязывать с тем или иным народом (Рычков, 1772). Здесь уже виден новый подход в плане изучения памятников фортификации. Так от простого описания оборонительных сооружений исследователи начинают переходить к их анализу.

Небольшое описание развалин каменного строения на Елабужском «Чертовом» городище было дано знаменитым писателем и философом, секунд-майором А.Н. Радищевым, посетившим памятник в 1797 г. В своем «Дневнике путешествия из Сибири» он пишет: «...то была башня или терем в два жилья, где уже потолка не было, но видны только места для балок», отмечен им даже состав раствора: «...известь, смешенная с крупно разбитым алебастром...» (Знаменитые люди..., 1996, с. 75).

Здесь нам интересно описание не только сохранившихся к тому времени остатков постройки, но и краткое замечание по составу раствора применяемого в средневековье при строительстве. Примечательно, что А.Н. Радищев уже тогда обратил внимание на такой, казалось бы, незначительный факт. Так, пожалуй, лишь только в наше время исследователями стало уделяться наиболее пристальное внимание различным строительным приемам древности (Раппопорт, 1994;

Шарифуллин, 1999, с. 49–50; Шарифуллин, 2001¹, с. 225, 229, 252, 254; Липатов, 2006; Носов, 2010, с. 56–59).

ЗаклЮчить изыскания XVIII в. можно сведениями, составленными работавшим в Казанской межевой конторе уездным землемером, этнографом К.С. Милковичем. На базе собранных им в конце XVIII – начале XIX вв. данных, основанных на результатах Генерального межевания, появляется информация о нескольких десятках археологических памятниках. Так, например, К.С. Милковичем были отмечены Кокрятское, Старокамкинское, Балымерское, Старонохратское I, Коминтерновские I–II и другие городища (приведены современные названия) (Борисов, 1898¹, с. 497–518).

Дальнейшим подъемом интереса к истории знаменуется XIX в. Именно в это время активизируются археологические обследования и раскопки. В первой половине XIX в. Болгарское городище еще раз подвергается топографической фиксации губернским архитектором А. Шмитом (Шмит, 1832). Затем съемку валов и рвов памятника произвел полковник А.М. Штраус. Составленный по его обмерам план городища был опубликован в 1870 г. в книге А.Ф. Риттиха (Риттих, 1870). Определенные сведения об укреплениях Болгара приводились также основателем и первым издателем журнала «Отечественные записки» Статским советником П.П. Свиныным (Свинын, 1824, с. 6–7).

Несколько позже при изучении Закамских засечных черт («длинных валов») военный историк, генерал М.И. Иванин выдвинул точку зрения о принадлежности некоторых из них булгарам (Иванин, 1851, с. 75). Позже ее поддержали и некоторые другие исследователи. Однако, как будет рассмотрено ниже, они не имели на то каких-либо серьезных оснований.

Таким образом, интерес к другим укрепленным поселениям, со временем, все возрастает. По этому поводу необходимо отметить работы Действительного статского советника, члена статистического совета при МВД Российской империи, редактора «Казанских губернских ведомостей» А.И. Артемьева, которого можно по праву считать родоначальником критического направления исторической школы в Казанской губернии. Ему принадлежит честь установления местонахождения городища Джукетау, дано описание и анализ его обо-

ронительных линий, а также линий укреплений Билярского городища и упомянуто еще около 30 памятников (Артемьев, 1851, с. 3–4, 6–11). По поводу крепостных валов Биляра А.И. Артемьев даже выдвинул предположение о том, что у Билярска в XVII в. «...древние укрепления были дополнены новыми». На чем конкретно он основывал свое размышление – сейчас определить трудно. Возможно, это связано с отмеченным им «...рядом валов, в иных местах как бы с батареями или шанцами и ретраншаментами» (Артемьев, 1851, с. 13).

Стоит отметить, что его предположение имеет серьезные основания. Во-первых: действительно до сих пор существуют следы таких «батарей» и «шанцев» в южной части укреплений памятника и, во-вторых: неоспоримый факт, что в районе (или на месте) Билярского городища существовал русский острог, для обороны которого вполне могли использоваться и болгарские валы. С другой стороны, все (или некоторые) эти «окопы» могут являться остатками от поздних крепостных овощных хранилищ.

Интересно его замечание, касающееся и количества линий обороны поселений болгар: «Тремя валами, как думают, укреплялись резиденции сильнейших князей, тогда как прочие города обводимы были только одним валом. Впрочем, такому объяснению противоречат городища Иски–Казань и Болгарское (Успенское), имеющие также по одному валу» (Артемьев, 1851, с. 13). Помимо того исследователю принадлежит и попытка локализации некоторых исторически известных болгарских городов.

Достаточно интересные замечания о линиях обороны Болгарского городища оставил известный востоковед, профессор Казанского Императорского университета И.Н. Березин: «...кроме рва и вала город был обведен, без всякого сомнения деревянной стеной... если б у Болгара существовала каменная стена, то следы ее где-нибудь уцелели бы; отсутствие же всякой стены у столицы болгарского царства невероятно» (Березин, 1853, с. 11). Малый городок же автор трактовал как аналог персидскому арку, в котором находился ханский дворец, и в подтверждение своих слов им был приведен план города Тебриза (Березин, 1853, с. 12). Это довольно интересное предположение для того времени и действительно, если смотреть с точки зрения планиграфии и аналогов, можно про-

вести такие параллели. Однако данные рассуждения являются чисто умозрительными, а назначение самого объекта до сих пор неизвестно.

Со временем все более увеличивается тяга к изучению родной старины и вовлекает в свой круг все больше исследователей. Например, корреспондент Губернского статистического комитета С.Е. Мельников публикует серию статей в «Казанских губернских ведомостях», посвященных Большетоябинскому городищу. В них автор дал довольно подробное описание оборонительных линий памятника, их состояния, а также датировал его основание «во времена Батыевы, и разоренный Русскими еще до покорения Казани» (Мельников, 1856¹, с. 293–295; Мельников, 1856², с. 302–304). О возросшем интересе к древности говорит, например, и примечание редакции газеты к первой статье: «Жаль, что автор не упомянул, нельзя ли, при разрытии этих валов, ожидать каких-нибудь археологических находок» (Казанские губернские ведомости, N 39, 1856, с. 304).

В одной из публикаций С.Е. Мельников упомянул и расположенные к востоку от с. Балымеры укрепления одноименного городища: «...большой земляной вал, окружавший в древности бывший здесь город» (Мельников, 1858, с. 104–106). В статье этого же издания в 1862 г. он дал краткое упоминание и о городище, расположенном выше с. Шуран на р. Каме и его двойной линии обороны, считая, что это был «древний болгарский город Кашан». В подтверждение своих слов автор сослался и на путевые записки «Китайского посланника, посещавшего в прошедшем веке нашу столицу», где «эта именно местность названа Каш-ан» (Мельников, 1862, с. 348). В данном случае С.Е. Мельников совершил небольшую неточность, приняв городище Кашан II за остатки известного по историческим источникам болгарского города, который ныне идентифицируется с более крупным городищем Кашан I.

В Российской империи во второй половине XIX в., в связи с общей тенденцией роста интереса к объектам старины, начинают проводиться и археологические съезды. В 1871 г. на I Археологическом съезде в Москве был сделан обобщающий доклад членом-корреспондентом Императорской Академии наук, профессором К.И. Невоструевым, который привел и описал уже 36 бул-

гарских городищ (Невоструев, 1871). Среди них Болгарское, Майнское (Старомайнское), Балымерское, Кокрышское (Кокрятское), Тетюшское, Ундорские, Симбирское (Крестовое), Арбухимское (Криушское II) и другие городища. Его работа явилась одной из последних по историографии краеведческих исследований того времени. С 70-х гг. XIX в. начинают более интенсивно развиваться непосредственные историко-археологические изыскания.

Через три года выходит в свет большой труд Члена-секретаря Губернского статистического комитета, надворного советника Н.Н. Вячеслава, составленный на основе сообщений волостных управлений, которые отмечают более 70 городищ. Сюда, например, вошли: в Чистопольском уезде – Аксубаевское, Русскосарсазское, Малотолкишское, Утяковское, у дер. Верхней Никиткиной (городище Тубулга-Тау); в Лайшевском уезде – Тангачинское; в Спасском уезде – Чувбродское, Староматакское, Шмелевское, Суварское; в Тетюшском уезде – Зеленовское, Большекляринское, Танай-Тураевское, Уразлинское, Сюкеевское, Большетоябинское и др. Были отмечены не только сами городища, но и их месторасположение, топографические особенности и характер оборонительных линий (Вячеслав, 1874). Большая часть из этих семи десятков памятников ныне определена как болгарские.

Для территории Среднего Поволжья важнейшим вкладом в изучении памятников древности и, в частности, болгарских городищ стала книга профессора Казанского императорского университета С.М. Шпилевского «Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии». В ней были собраны все имеющиеся сведения по известным к тому времени поселениям. Работа, вышедшая в 1877 г., накануне проведения в Казани IV Археологического съезда, до сих пор заставляет нас обращаться к ней как интереснейшему источнику (Шпилевский, 1877).

К сожалению, в книге мало данных о военно-инженерном искусстве Волжской Булгарии. Большую роль, однако, играют именно сведения по расположению городищ. В этой связи, С.М. Шпилевский указывал и на высокую значимость для науки рукописной карты Генерального межевания, что, затем, подвигло других исследователей к ее более пристальному рассмотрению и, как ре-

зультат, выявлению ранее неизвестных памятников древности. Сейчас уже понятно, что анализ пространственного размещения укрепленных поселений является одним из важных факторов при оценке и определении оборонительной значимости того или иного городища.

С.М. Шпилевскому также принадлежит очередная попытка датировать «длинные валы» болгарским временем, считая их пограничными укреплениями Волжской Булгарии (Шпилевский, 1877, с. 329). Впрочем, подобные ошибки понятны в связи с уровнем накопленных знаний того времени. Это, однако, несколько не умаляет их значимости для нас.

Значительная часть работ этого периода времени принадлежат перу различных по профессии и образованию авторов и очень редко касаются оборонительных сооружений волжских болгар. Например, священник В.Е. Бетьковский на страницах Известий ОАИЭ дал лишь краткую характеристику Староматакского городища и его валов (Бетьковский, 1880, с. 180–183).

Исключение составляют две статьи, вышедшие в 1884 г. В первой, В.А. Казаринов, детально описал укрепления Билярского, Бальнгузского и Николаев-Баранского II городищ, что имело большое значение для дальнейших исследований данных памятников (Казаринов, 1884, с. 89–127). Нужно отметить, используя свои довольно точные личные наблюдения, исследователь совершенно справедливо считал Бальнгузское городище, расположенное на возвышенности к северу от Билярского, единым целым (Казаринов, 1884, с. 119–120, 121). В наше же время оно было ошибочно разделено на два отдельных памятника (Бальнгузское и Горкинское II) (Археологические памятники бассейна р. Черемшан, 1990, с. 76). Однако ранее Р.Г. Фахрутдинов (Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии, 1975, с. 109), а также Е.П. Казаков, П.Н. Старостин и А.Х. Халиков (Археологические памятники Татарской АССР, 1987, с. 75) считали памятник единым целым.

Следующая статья явилась первой попыткой определения функциональных особенностей городищ Волжской Булгарии. Ее автор профессор Казанского Императорского университета Н.А. Толмачев писал: «Помещение укреплений на таких возвышенных местах откуда открывался вид на далекое

пространство давало их гарнизонам возможность зорко следить за окрестностью, делать внезапные набеги, защищаться за окопами в случае надобности и властвовать над окружающей местностью. Весьма неправильный способ распределения их по местности и незначительность размеров не говорят в пользу предположения о том, что они могли быть возведены в видах защиты государства от нападения многочисленных армий. Напротив, вышеприведенные особенности говорят скорее в пользу того мнения, что укрепления, которых городища остались следом, могли быть возведены для обитания мелких владельцев страны, подобных средневековым баронам в Германии, и для помещения их гарнизонов, и представлять таким образом аналогию замкам последних; с той разницей, что болгарские укрепления построены были не из камня, как германские, и оставили к настоящему времени по сие одни только земляные валы и рвы» (Толмачев, 1884, с. 88).

Автор совершенно верно обратил внимание на распределение городищ на местности, что позволяет выйти к анализу их пространственного размещения. Особо примечательно – доктор медицины Н.А. Толмачев имел такие разносторонние знания и интересы, позволявшие ему рассматривать памятники фортификации древности, что, впрочем, было свойственно и многим другим исследователям того времени.

Продолжают выходить и очерки посвященные только каким-то конкретным болгарским памятникам. В 1891 г. во втором томе Трудов IV археологического съезда была опубликована статья Е.Т. Соловьева о городище у с. Русские Кирмени. В ней, помимо прочего, уже дано не только простое описание, но и попытка осмысления топографических особенностей этого болгарского поселения и его оборонительных свойств (Соловьев, 1891, с. 249–251). В следующем году в Известиях ОАИЭ была напечатана заметка о Большетоябинском городище. Ее автор И. Зайцев предоставил небольшое описание этого укрепленного поселения. В нем давались краткие обмеры линии обороны и приводились рассказы местного населения о том, что некогда эти валы «...были очень высоки и круты, так что козы не могли лазить на вершину, но теперь значительно обвалились и сделались довольно отлогими» (Зайцев, 1892, с. 113).

Необходимо также отметить и серьезные исследовательские работы П.А. Пономарева «Данные о городах Камско-Волжской Булгарии» опубликованные в Известиях ОАИЭ. Автору удалось связать известные по письменным источникам города болгар с конкретными археологическими объектами. П.А. Пономаревым был дан обширный материал, включающий, в частности, сведения о городищах, их укреплениях и военно-политических событиях (Пономарев, 1892; Пономарев, 1893).

Попыткой серьезного исторического анализа болгарских древностей можно назвать и исследования профессора медицины В.М. Флоринского. В них, в частности, уделялось небольшое внимание и крепостным сооружениям, где автор сравнивал их конфигурацию со «скифским» типом (Флоринский, 1894, с. 111). То есть здесь подразумевались линии укреплений полукруглой формы, построенные в два-три параллельных ряда. Нужно отметить, что точка зрения о каких-то южных традициях в болгарской фортификации является, несомненно, верной. К такому выводу пришли исследователи уже только во второй половине XX в.

В конце XIX в. публикуются две работы – А. Обрезкова и Г. Ахмарова. Первый автор уделил внимание описанию оборонительных линий Кураловского (Старокуйбышевского) городища (Обрезков, 1892), второй же впервые отметил, что у Луковского (Япанчино) городища укрепления имеют ломаную форму (Ахмаров, 1891, л. 1; Ахмаров, 1894, с. 179–182). Это замечание, кстати, очень существенно для анализа фортификационных сооружений, их особенностей и функциональных отличий, а подобная конфигурация оборонительных сооружений применялась булгарами довольно широко. К сожалению, большинством исследователей, за редким исключением, это не замечалось или не бралось во внимание.

В начале XX в. в Известиях ОАИЭ вновь публикуется статья, посвященная актам Генерального межевания. В ней автор, С.И. Порфирьев, основываясь на данных документах, а также карте Генерального штаба, попытался уточнить имеющиеся сведения по древностям Казанского края, а также довольно подробно дал описание местонахождения некоторых городищ и их укреплений (Порфирьев, 1904, с. 6–14). Кроме того, он выявил и памятники, которые к тому вре-

мени уже не сохранились или позже были «забыты» исследователями. Например, ранее считалось, что укрепленные поселения у современного поселка Коминтерн, расположенного в Спасском районе РТ, открыты относительно недавно. Однако думается, что в процессе работ по Генеральному межеванию такие исторические объекты, как городища, не могли быть не замечены и, тем более, не отмечены. Это и подтверждается нижеследующим: «По сторонам р. Ахтая верстах в 2–3 ниже по течению от дер. Измери (Христофоровки) в атласе изображены два городка, в расстоянии не более полуверсты один от другого, оба четверугольного очертания, каждый обведен чертой вала только с трех сторон» (Порфирьев, 1904, с. 8). К сожалению, все эти сведения долго не были введены в научный оборот. Лишь через 100 лет, в конце XIX – начале XX вв. их опубликовали В.Л. Борисов и С.И. Порфирьев.

Одними из последних в дооктябрьский период изучения военного зодчества Волжской Булгарии были работы В.Л. Борисова и протоиерея А.П. Яблокова. В.Л. Борисов опубликовал материалы своих исследований по Русскоурматскому селищу, Арскому и Болгарскому городищам, где об укреплениях последнего он выдвинул предположение, что там шла каменная стена, т.к. «...иначе ничем нельзя объяснить строго прямолинейное направление рва» (Борисов, 1898²; Борисов, 1900, с. 292–298; Борисов, 1901, с. 64). В свою очередь и А.П. Яблоков привел некоторые исторические сведения по Болгарскому городищу, а также дал краткое описание его оборонительной линии (Яблоков, 1905, с. 18).

Происшедшие после 1917 г. политические и социальные изменения не повлияли на подход к изучению болгарских памятников. Вопрос же об изучении военного дела и, в частности, фортификационных сооружений не ставился. В то же время, нам интересна работа профессора Казанского университета В.Ф. Смолина «Археологический очерк Татарской Республики», где автором был сделан ряд наблюдений. Он считал, что «длинные валы» являлись защитой для отдельных феодальных владений, а об укреплениях Биллярского городища писал: «... в местах прорыва валов были, по-видимому, деревянные укрепления, бойницы, башни, под которыми проходил проезд в город» (Смолин, 1925, с. 48, 53). В очередной раз подобные заклю-

чения хотя и были довольно любопытными, но также являлись чисто умозрительными и, к сожалению, не основывались на археологических исследованиях.

Только в 20–30-х гг. XX в. А.С. Башкиров стал проводить археологическое изучение остатков крепостных сооружений болгар. Им была проведена расчистка вала Болгарского городища, а также исследован т.н. «Малый городок» (Башкиров, 1928, с. 12, 17, 20, 23). Ему же принадлежала и организация экспедиции для раскопок оборонительной системы Биляра–«Великого города». Исследование валов Билярского городища дало сведения о неоднократной их перестройке и деревянных конструкциях внутри, а также был снят подробный план городища под руководством В.Н. Сементовского (Башкиров, 1929, с. 27, 29, 30). Самое же начало крупномасштабных археологических работ в регионе по праву связывается с именами А.П. Смирнова и Н.Ф. Калинина.

В 30-х гг. XX в. А.П. Смирнов начинает раскопки городища Сувар. Впервые им были исследованы вал и ров, что позволило реконструировать укрепления, состоявшие из срубов шириной 3,5–4 м, длиной 5 м и рва глубиной до 5 м, отлогости которого укреплялись кольями в шахматном порядке, а также многоугольных башен (Смирнов, 1941, с. 139). Исследователь выявил целую систему фортификационных сооружений, которую, пожалуй, можно назвать показательной для многих памятников военного зодчества Волжской Булгарии. Также, А.П. Смирновым изучался и целый ряд других памятников, например: линии обороны Большестоябинского городища (Смирнов, 1950, с. 133, 136), Болгарское городище (Смирнов, 1951).

В 1951 г. на основе значительных по объему исследований им издается монография «Волжские болгары», где рассматривалось наряду с другими вопросами и военно-оборонительное дело волжских болгар. В ней автор сделал и парадоксальный вывод, что болгарам были известны приемы постройки крепостей и системы обороны, отвечавшие всем требованиям военной техники того времени, но болгары защищали свои города далеко не блестяще, даже слабо, что объясняется пережитками кочевого быта и тактикой, схожей с тактикой сармат (Смирнов, 1951, с. 88–89).

Здесь налицо явное противоречие, так

как умение строить первоклассные крепости подразумевает, несомненно, и умение их оборонять и осаждать. Другого просто не может быть. Теоретически, если бы все крепостные сооружения в государстве строили иностранные «градодельцы», строительные артели пришедшие извне, то можно было бы как-то с этим согласиться. Однако это также невозможно в силу целого ряда причин. Поэтому, что имел ввиду исследователь – не совсем понятно.

А.П. Смирнов не обошел вниманием и тему «длинных валов», считая, что болгарам для защиты территории своего государства было недостаточно укреплений городищ и они прибегли к строительству целых оборонительных линий (Смирнов, 1951, с. 94). В очередной раз мы видим произвольные выводы, основанные только на умозрительных построениях, т.к. ни один из этих объектов фортификации в то время не был исследован археологически и никаких других подтверждающих материалов, в том числе письменных, не существовало. Почему-то в то время никто не брал во внимание возможность принадлежности их к более позднему хронологическому периоду, ко времени уже централизованного Русского государства. Впрочем, исследователи данной темой специально тогда и не занимались.

Несколько позже, в 1949–50-х гг. под руководством Н.Ф. Калинина также проводились наиболее крупномасштабные археологические работы. Его экспедициями были обследованы и описаны многие древние и средневековые укрепленные поселения различных хронологических периодов, в том числе и памятники Волжской Булгарии (Калинин, 1952, с. 58, 63; Халиков, 1951, с. 119–120). На основе полученных данных, болгарские городища впервые были классифицированы исследователем по площадям на четыре группы: менее 3 га, от 3 до 5 га, от 8 до 13 га и от 28 до 100 га (Калинин, Халиков, 1954, с. 63–64). Это послужило отправной точкой для последующих попыток определения социального статуса городищ Волжской Булгарии.

В 1956 и 1958 гг. выходят статьи О.С. Хованской, посвященные результатам изучения укреплений города Болгара. Автор анализировала весь комплекс оборонительных мер – естественных и искусственных: топографические особенности, систему надолбов, остатки крепостных стен, а так-

же предположительно датировала их время возведения не позднее первой четверти XIV в. (Хованская, 1956, с. 129–134; Хованская, 1958, с. 320–322). Последние О.С. Хованская интерпретировала как тарасы – наиболее передовые устройства крепостных стен для того времени (Хованская, 1958, с. 325).

Можно конечно предположить, что исследователь имела в виду не срубные конструкции, свойственные тарасам, а столбовые¹. В этом случае мы имеем дело с довольно интересным и практически неизвестным ранее типом крепостных стен и способом их строительства. Насколько долговечными и крепкими были подобные сооружения – вопрос остается открытым. Во всяком случае, их строительство было проще и дешевле. Все же думается, что они в оборонительном плане значительно уступали срубным.

Важный вывод был высказан автором в заключении, который не всегда брался другими исследователями во внимание: «Болгарское крепостное зодчество возникло и развивалось на местной основе, было самобытным. Сходство русских и болгарских крепостных деревянных сооружений можно объяснить применением такого материала, как дерева, ставившего строителей в определенные рамки и подсказывавшего наиболее выгодные конструкции» (Хованская, 1958, с. 329).

Новые исследования Большетоябинского городища были проведены в 1957 г. Г.А. Федоровым-Давыдовым. Он интерпретировал памятник, как «военный укрепленный центр, замок», «резиденция баскака» (Федоров-Давыдов, 1960, с. 95). Думается, что отнесение этого городища к категории феодальных замков было не совсем правильным, т.к. занимаемая им площадь довольно значительна и составляет 27,5 га. Также у нас нет никаких данных о том, что данное поселение могло быть местопребыванием какого-либо представителя ордынской администрации.

Впоследствии, изучение линий обороны следующего памятника – Тигашевского городища, позволило Г.А. Федорову-Давыдову

выявить «...остатки деревянных конструкций, видимо, от срубов», а также облицовку внешней отлогости вала обожженной глиной (Федоров-Давыдов, 1962, с. 60). Автор выдвинул и точку зрения о способе «укреплений входов на городище путем создания хорошо простреливаемых предвходных пространств – периболов...» (Федоров-Давыдов, 1962, с. 63–64). На этом памятнике Г.А. Федорову-Давыдову удалось раскрыть довольно интересный комплекс оборонительных сооружений, который еще требует дальнейших исследований и осмысления.

Продолжавшиеся археологические исследования того времени иногда выявляли и состояние укреплений некоторых городищ, которые сейчас уже почти не фиксируются визуально. Так А.М. Ефимовой были отмечены плохо сохранившиеся линии обороны Балымерского городища, состоявшие из двух оплывших валов и разделенные заплывшим рвом (Ефимова, 1962, с. 26).

К теме оборонительных сооружений домонгольского времени обращался и Р.Г. Фахрутдинов. На основе осмотра некоторых укрепленных поселений по р. Утка в Закамье, им был сделан вывод о принадлежности их к категории крепостей. Сюда автор относил городища Маклашеевское, Танкеевские I и II, Шмелевское и Кокрятьское (Фахрутдинов, 1964, с. 112). Также исследователь попытался свести целый ряд памятников в единую систему, состоявшую из двух линий «...идушей полукругом от Волги почти до самой Камы» (Фахрутдинов, 1964, с. 113). По его мнению, данная оборонительная линия была построена «для защиты Булгара от нападений с юга» и это также подтверждается тем фактом, что ворота вышеуказанных городищ «устроены не с южной стороны, а были обращены в тыл, в сторону г. Булгара» (Фахрутдинов, 1964, с. 115).

Вопрос об оборонительных линиях («длинных валах») будет рассмотрен позже, что же касается ворот на этих городищах, то в рассуждения автора вкралась неточность. По меньшей мере на трех памятниках (Маклашеевском I, Танкеевском I и Кокрятьском) древние воротные проезды находились именно с южной стороны (см. например: рис. 24), а другие же пробиты в более позднее время, не ранее XVIII–XIX вв. Кроме того стоит отметить – для обороны не так и важно с какой стороны света и по отношению к чему находятся ворота, главным

¹ Столбовая (каркасно-столбовая) конструкция – крепостная ограда, составленная из горизонтально положенных бревен, связанных через определенное расстояние вертикально стоящими бревнами.

является их степень защищенности от штурма, достигавшейся использованием свойств рельефа местности и (или) навыков строительства военно-инженерных сооружений.

Мы вынуждены констатировать остававшуюся нерешенность вопроса о «длинных валах» или засечных линиях в то время. Большинство исследователей (С.М. Шпилевский, А.П. Смирнов, Н.Ф. Калинин, Р.Г. Фахрутдинов) были склонны считать их булгарскими укреплениями, расходясь во мнении лишь об их назначении. Однако отсутствие археологических данных, которые бы выявили их конструктивные особенности и время возникновения, делали все подобные выводы и заключения голословными.

В это время исследовались и оборонительные сооружения Билярского городища (Халиков, Старостин, Фахрутдинов, 1969), а также продолжалось изучение Болгара, начавшееся еще в довоенное время, возрастает и интерес к его оборонительным линиям. Так, в совместной статье, вышедшей в 1969 г., авторы Ю.А. Краснов, А.П. Смирнов, Т.А. Хлебникова, отмечают: «...определенный фортификационный прием, обеспечивающий более удобный фланговый обстрел врагов, приближающихся к стенам крепости» (Краснов, Смирнов, Хлебникова, 1969, с. 220). Это замечание относится к извилистой системе укреплений Болгара. Необходимо здесь добавить – подобный прием был характерен для многих средневековых городищ, корни которого уходят еще в Древний мир, и часто использовался при отсутствии фланкирующих башен или в дополнение к ним. Также авторы предполагали наличие других укреплений «расположенных вне основных валов»: Малый городок, «Окоп Савенкова» и «зафиксированные старыми планами следы каких-то укреплений в районе «Армянской колонии», которые могли выполнять роль фортов, прикрывавших дороги, ведущие к городу (Краснов, Смирнов, Хлебникова, 1969, с. 220). Вполне возможно, что этим объектам принадлежали также и оборонительные функции. Примыкая с южной, восточной и западной сторон, они могли защищать основные подъезды непосредственно к самому городищу.

Значительное внимание продолжало уделяться исследователями и некоторым другим памятникам, например: Хулашскому городищу, в валах которого были просле-

жены деревянные конструкции (Каховский, Смирнов, 1972, с. 12–14), Билярскому городищу, где был выявлен целый комплекс фортификационных сооружений (Халиков, 1976; Кавеев, 1981), Елабужскому «Чертову» городищу, на котором М.М. Кавеевым исследовалась одна из оборонительных насыпей (Кавеев, 1984, с. 20–21).

Наряду с изучением собственно остатков крепостных сооружений, требующими внимательного рассмотрения, оставались и вопросы булгарской тактики обороны крепостей. Так, применительно к Билярскому городищу, М.М. Кавеев полагал, что «...огромная протяженность линии валов должна была занимать большое число пешего караула» и далее: «кроме того гульбище (боевой ход на крепостной стене – А.Г.) позволяло использовать конный разъезд, а при обороне этой пространной площадки позволяло свободно передвигаться дружинникам» (Кавеев, 1981, с. 41). Здесь налицо ошибочное мнение об использовании конницы для контроля и защиты крепостных стен, что является характерным для того времени исследований, когда только намечались основные направления в изучении данной проблемы.

Обобщающей работой по истории Булгарского государства явилась монография Р.Г. Фахрутдинова «Очерки по истории Волжской Булгарии» (Фахрутдинов, 1984). Она была посвящена анализу письменных и археологических источников, рассмотрению проблем, связанных с политическим и экономическим развитием Волжской Булгарии, а также формированию городов на ее территории. В контексте последнего, автором рассматривались и некоторые вопросы, касающиеся вооружения и военного дела булгар. Частично Р.Г. Фахрутдинов затронул и оборонное искусство, фортификационные сооружения. Примечательно его замечание о том, что военное зодчество булгар «возникшее на местной основе, сохраняло свои традиции в течение ряда столетий». В основном же в работе давались сведения по пространственному размещению городищ и их топографии, где исследователь попытался представить целую систему укрепленных поселений, выделив из нее даже категорию крепостей, а также ошибочно датировал булгарским временем т.н. «длинные валы» (Фахрутдинов, 1984, с. 65–71).

Важной работой целого коллектива авторов, которая вобрала в себя и обобщила

основные итоги исследований, в том числе и по фортификации болгарских городищ, явился сборник статей «Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии», изданный в 1985 г.

Первая статья, открывающая сборник, посвящена ее автором И.Л. Измайловым истории изучения темы. Вместе с тем, им затрагивались и некоторые дискуссионные вопросы – об истоках болгарской фортификации, о «длинных валах» и др. И.Л. Измайлов ближе всех подошел к решению последнего вопроса, правильно указав, что «многие из этих валов выполняли роль русских засечных черт для защиты от южных кочевников» и далее: «Остается недоказанным и сам тезис, что длинные валы являются частью общевенгерской системы обороны, так как не валы, а стены городов и крепостей являлись основой обороны рубежей...» (Измайлов, 1985, с. 13). Примечательно, что точка зрения И.Л. Измайлова позже и подтвердилась в результате археологических исследований (Измайлов, 1991¹; Измайлов, 1991², с. 71–73; Губайдуллин, Измайлов, 2011, с. 56–65).

Результаты изучения интереснейшего памятника – «Девичьего городка» были даны в статье П.Н. Старостина. Автор провел исследования округлых выступов в системе укреплений городища и пришел к выводу, что они являются остатками деревянных башен, а также интерпретировал памятник, как «...своеобразный феодальный замок в центре многих неукрепленных болгарских поселений» (Старостин, 1985, с. 38, 40). Насколько верным являлось мнение П.Н. Старостина об остатках башен – вопрос открытый. Возможно, что они являлись остатками своеобразных бастионообразных выступов, предназначенных для фланкирования стен, которые были прототипом–аналогом более поздних ронделей².

Комплексную характеристику валов и рвов Билярского городища дали Ф.Ш. Хузин и М.М. Кавеев. Также они рассматривали окружающий рельеф местности, попытались провести отождествление «проездов» в укреплениях с воротами (Хузин, Кавеев, 1985, с. 43). Авторами был поднят вопрос и о времени возникновения оборонительных линий (Хузин, Кавеев, 1985, с. 43–44). К сожалению, из-за оплыва валов не везде были

выявлены следы деревянных конструкций. Как бы там ни было, на основе значительных по объему археологических исследований им удалось проследить эволюцию фортификационных сооружений Биляра начиная с X в., со времени возникновения столь неординарного по своему статусу памятника (Хузин, 1985, с. 69).

В свою очередь, А.Х. Халиковым рассматривались результаты исследований Казанского кремля в 1978 г. В ней автором был дан анализ древнейших укреплений Казани, выявленных при археологических раскопках, построенных в домонгольский период и состоявших из земляного вала и надвальных белокаменных стен, возведенных из камня-известняка в технике панцирной кладки. Автор связывал их тип с укреплениями салтовских городищ VIII–IX вв. Подонья и датировал XII в. (Халиков, 1985, с.104, 108). В дальнейшем же точка зрения А.Х. Халикова была подтверждена в ходе последующих археологических исследований.

Городищам Пензенского края, современная территория которого входила в состав Волжской Булгарии, давалась комплексная оценка в статье Г.Н. Белорыбкина. Исследователь прослеживал в этих памятниках общевенгерские черты, а также провел их классификацию по расположению на местности и по оборонительным линиям (Белорыбкин, 1985, с. 112–116). Он попытался отождествить современные проезды в валах с древними воротами, что довольно спорно, особенно для мысовых поселений. Также Г.Н. Белорыбкин сопоставил площади городищ и количество оборонительных поясов, сделав вывод, что малые городища имеют «наиболее мощные укрепления в 3 и 4 пояса», средние в 1 пояс, большие в 2 пояса (Белорыбкин, 1985, с. 117–118). Таким образом, это являлось первой попыткой сопоставления размеров площадей и количества линий обороны и, на этой основе, определения социального облика укрепленных поселений.

Булгарские фортификационные сооружения продолжали изучаться и далее, но не в достаточных масштабах. В основном это делалось лишь для показа общей картины поселений, как небольшое дополнение к ним. В тоже время и по этим данным можно получить некоторое представление о предмете.

В 1986 г. была опубликована работа И.Б. Васильева и Г.И. Матвеевой, в которой приведены результаты исследований оборо-

² Рондели – полукруглые выступы в крепостной ограде.

нительных сооружений «Муромского городка» (Валынского городища), бывшего одним из крупнейших городов Волжской Булгарии домонгольского периода. В ней авторы рассматривали систему обороны городища в разное время его существования. Ими были выявлены первоначальные укрепления города в виде глинобитных стенок и рва относящиеся, видимо, к X в. Облик же других оборонительных конструкций, возникших позднее, исследователям определить не удалось (Васильев, Матвеева, 1986, с. 170–171).

В 1987 г. вышла первая книга коллективной монографии «Город Болгар», в которой впервые были обобщены и рассмотрены все накопленные материалы по истории этого средневекового города. В ней, в частности, приводятся сведения по стратиграфии и топографии памятника, а также его крепостным сооружениям (Город Болгар, 1987). Такой важный труд явился не только итогом многолетних исследований Болгарского городища, но и послужил основой для продолжающегося и поныне его изучения.

Продолжающееся изучение памятников Пензенского края, позволило Г.Н. Белорыбкину в 1986 г. получить интересный материал при раскопках тройной линии укреплений Юловского городища. Исследователем были выявлены несколько строительных периодов, а также частокол, срубы и «крепида» внешних отлогостей валов из щебня (Белорыбкин, 1990, с. 6–7). В следующем году И.Л. Измайловым и автором представленной работы археологическими раскопками обследовалось Кураловское (Старокуйбышевское) городище. Тогда были выявлены и зафиксированы остатки городней внутри южного вала и гласисообразная насыпь с внешней стороны рва (Измайлов, Губайдуллин, 1992, с. 81, 84, 88).

Опубликованная в 1990 г. работа Р.Г. Фахрутдинова стала следующей попыткой проведения классификации городищ Волжской Булгарии, определения их социального статуса. Все укрепленные поселения им были разделены на три типа: остатки городов и их детинцев–кремлей, остатки феодальных замков, остатки военных крепостей (Фахрутдинов, 1990, с. 69). Однако, подобное разделение поселений на малые, средние и крупные было произведено без какой-либо аргументации. В тоже время, вопрос о существовании в развитое средневековье крепостей чрезвычайно дискуссионен

и может быть поставлен под сомнение. Такая единица обороны как крепость, была характерна только для Древнего мира и Нового и Новейшего времени.

Данная проблема была детально рассмотрена и Ф.Ш. Хузиным. Он подверг критике высказанную Р.Г. Фахрутдиновым точку зрения (Хузин, 1993, с. 10–12). Автором была приведена историография вопроса, а также предпринята попытка составления своей классификации памятников. Исследователь поделил их на семь групп: городища с укрепленной площадью до 1 га, от 1 до 5 га, от 5 до 10 га, от 10 до 20 га, от 20 до 50 га, от 50 до 100 га, более 100 га (Хузин, 1993, с. 12).

Классификация Ф.Ш. Хузина показывает всю сложность определения социального статуса болгарских городищ, требующих индивидуального подхода. В данном случае необходимо как можно более полно учитывать весь комплекс сведений, которые можно получить при исследовании этой темы. Сюда входят не только занимаемые памятниками площади, но и характер линий обороны, мощность культурных напластований, комплекс археологических находок и т.д. (Куза, 1989).

Ф.Ш. Хузин позднее возвратился к данной теме в своей монографии, посвященной истории Волжской Булгарии домонгольского периода (Хузин, 1997). В ней он совершенно справедливо затронул и проблему соотношения размеров укрепленных и неукрепленных частей поселений, их интерпретацию.

В последние десятилетия XX в. исследователями стало уделяться больше внимания оборонительным линиям городищ Волжской Булгарии. Например, продолжилось изучение памятников, расположенных на Самарской луке. Были подвергнуты почвоведческим и археологическим исследованиям укрепления «Муромского городка» (Валынского городища) (Пономаренко, Офман, Пономаренко, 1995, с. 3–32; Офман, Пономаренко, 1995, с. 67–68; Матвеева, Кочкина, 1998), а также фортификационные сооружения Междуреченского городища (Зубов, Матвеева, Приказчиков, 1995, с. 208–210).

Вновь к исследованию тактики обороны крепостей вернулся И.Л. Измайлов в монографии «Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в.». Им были сопоставлены и проанализированы оборонительные военные действия, проводимые булгарами в домонголь-

ское время, стремившихся «...использовать наличие сильных крепостей, чтобы сковать войска противника...», будь то походы русских дружин или нападения монголов (Измайлов, 1997, с. 150–153). Так для примера автор привел тактику обороны столичного центра – «Великого города» (Билярского городища), которая основывалась на многоуровневой системе крепостных построек и дополнительных защитных сооружений во время попытки осады его объединенными силами владими́ро-суздальских князей в 1183 г. (Измайлов, 1997, с. 151–152).

Совершенно справедлив содержащийся здесь смысл, заключающийся в том, что взаимодействие войск и оборонительных функций городищ позволяло эффективно сдерживать вторжения различного противника. Все же, подобная тактика не была всеобщей и окончательной панацеей против широкомасштабных военных действий, что мы и видим на примере монгольского похода осени 1236 г. и завоевания территории Булгарского государства.

Значительными обобщающими работами по результатам многолетних археологических раскопок стали монографии Ф.Ш. Хузина, посвященные Билярскому городищу (Хузин, 1995) и булгарским городам домонгольского времени в целом (Хузин, 2001). В первой работе нашел свое отражение целый комплекс интереснейших данных по «Великому городу» – Биляру, которые включали в себя и его фортификацию.

В связи с изучением средневекового сухопутного торгового пути из Булгара в Киев, экспедицией А.Х. Халикова в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. обследовались некоторые булгарские укрепленные поселения, расположенные вдоль данного маршрута. В результате были получены новые материалы, касающиеся военно-инженерного дела Волжской Булгарии, например с Кокрятского и Криушского II городищ (Моця, Халиков, 1997).

В 1993 г. А.Х. Халиковым и С.С. Айдаровым проводились археологические и историко-архитектурные исследования остатков белокаменного сооружения на Елабужском «Чертовом» городище. По определению А.Х. Халикова оно представляло собой своеобразную мечеть–цитадель, построенную не позже XII в. (Халиков, 1994, с. 96). Таким образом, применительно к этому архитектурному памятнику, мы можем назвать его

более ранним аналогом Соборной мечети Болгара XIII–XIV вв.

Во второй половине 90-х гг. XX в., после вынужденного долгого перерыва, продолжились археологические исследования остатков оборонительных сооружений Древнейшей Казани, начатые еще в 70-е гг. А.Х. Халиковым. Коллективом исследователей были изучены первоначальные укрепления города X–XI вв., состоявшие из частокола, вала и рва, а также мощная крепостная стена XII в., сложенная из необработанного известняка (Хузин, 1999¹, с. 16–18; Хузин, 1999², с. 213–214; Хузин, 2000, с. 12–21; Ситдииков, 2000, с. 22–40; Губайдуллин, 2000¹, с. 113–116; Ситдииков, Хузин, 2001, с. 12–15; Шарифуллин, 2001², с. 16–18; Мухамадиев, 2001, с. 19).

Эти работы позволили получить относительно полную картину крепостных сооружений Казани в домонгольское время. Остаются, однако, еще значительные участки кремлевского мыса, где оборонительный облик города того времени нам до сих пор не ясен. Во многом это связано или с невозможностью проводить в некоторых местах археологические раскопки в силу различных причин, или значительной разрушенностью домонгольских культурных напластований.

Таким образом, вновь заметно значительное повышение интереса к крепостным сооружениям Волжской Булгарии. Думается, все это связано с комплексным подходом в изучении булгарских городищ, начавшимся, в основном, в последнее десятилетие XX в. Именно в этот период времени возобновляются археологические раскопки исторически известных городов. Это можно связать с новым этапом в изучении укрепленных поселений и в целом средневековой археологии Волго–Камья.

В это время были продолжены исследования одного из крупнейших хозяйственно-административных и политических центров Булгарского государства – городища Джукетау (Хузин, Набиуллин, 1999, с. 90–113). В ходе его изучения Н.Г. Набиуллиным получены и некоторые сведения по крепостным сооружениям памятника: первоначальным – в виде частокола и последующим – в виде трех валов и двух рвов между ними (Набиуллин, 1998, с. 219–223; Набиуллин, 1999, с. 114).

Такое развитие довольно примечательно, т.к. оно является одним из показателей

общей эволюции болгарских оборонительных сооружений с течением времени. Подтверждается это и в ходе археологических исследований других городищ и их укреплений, во время которых, иногда, прослеживаются и различные вариации типов крепостных сооружений. Как бы там ни было, это может быть применено в качестве примера при изучении многих других памятников средневековой фортификации.

В это время делаются и попытки осмысления некоторых вопросов, касающихся болгарских городищ и их укреплений. Так в статье К.А. Руденко на основе длительных исследований были сделаны некоторые выводы по интерпретации различных остатков крепостных дерево-земляных сооружений (Руденко, 1999, с. 111–134). Автор подверг серьезному анализу отдельные памятники фортификации, что позволило, в некоторых случаях, по-новому взглянуть на способы возведения и типы оборонительных конструкций. В это же время, К.А. Руденко в своей работе останавливался и на рассмотрении немаловажных проблем, связанных с формированием городов, что является совершенно справедливым в свете современных исследований (Руденко, 1999, с. 128–132).

В 80-х – 90-х гг. XX в. археологическими экспедициями И.Л. Измайлова и А.М. Губайдуллина целенаправленно обследовались укрепления некоторых городищ, расположенных на значительной части всех трех регионов Среднего Поволжья. В правобережье р. Волги были исследованы оборонительные линии Луковского (Япанчино), Тавлинского, Исаковского (Губайдуллин, Измайлов, 1991, с. 107–108), Сюкеевского (Галимова, Губайдуллин, 2003, с. 191–204), в Предкамье – Кашана I (Губайдуллин, 1995)¹, Чаллынского (Губайдуллин, 1995², с. 24–27; Губайдуллин, 2000², с. 203–215; Губайдуллин, 2003¹, с. 21–22), Камаевского I (Губайдуллин, 2003², с. 207–209), в Закамье – Болгарского, Бураковского I и др. (Губайдуллин, 1995³, с. 24–25; Губайдуллин, 1998¹, с. 29–30, Губайдуллин, 1998², с. 197–198; Губайдуллин, 1999, с. 140–142; Губайдуллин, 2003¹, с. 21–22; Кавеев, Губайдуллин, 2003, с. 203–204).

Все полученные в ходе работ материалы существенно дополнили имевшиеся сведения по фортификации болгарских поселений. Причем удалось исследовать не только разновременные памятники, но и разнотипные: по социальному статусу, расположению

на местности, количеству и характеру оборонительных линий и др.

Кроме «классических» городищ Волжской Булгарии, вошедших в Археологическую карту (Фахрутдинов, 1975), существовали и укрепленные поселения болгар на территории Верхнего Прикамья. Их исследователь А.М. Белавин привел некоторые данные, касающиеся этих памятников: «Здесь возникают болгарские торговые фактории, подобные той, что, видимо, была на Городищенском городище на р. Усолка, а также возникают и функционируют вплоть до XIV в. болгарские городки Афкуль, Ыбыр и Чулыман» (Белавин, 2000, с. 7). Это не только дополнило список уже известных болгарских укрепленных поселений, но и позволило по-новому взглянуть на их пространственное размещение и характер оборонительных линий.

Первое десятилетие XXI в. продолжилось в русле тех же научных археологических тенденций, заложенных и развивавшихся в предыдущие года. Несомненно, это касается и изучения памятников фортификации Волжской Булгарии. Кроме специальной научной литературы начинают издаваться книги и пособия направленные на популяризацию археологии нашего региона. Так в 2001 г. публикуются «Очерки по археологии Татарстана», где обобщались новейшие археологические материалы, охватывающие большой хронологический период, начиная с эпохи камня и до Казанского ханства включительно. В четырех очерках различных авторов, входящих в работу, так или иначе затрагивались и некоторые проблемы фортификации Булгарского государства. Они посвящены отдельным городищам и темам, касающимся военного зодчества, а также краткому обобщению данного материала (Очерки по археологии Татарстана, 2001, с. 172–196, 197–208, 209–220, 225–251). В это же время Г.Н. Белорыбкиным были опубликованы две монографии по результатам многолетних археологических исследований памятников Западного Поволжья и, в частности, Золотаревского городища. В обеих книгах автором даны развернутые сведения о целом ряде укрепленных поселений данного региона и проведен анализ их фортификации (Белорыбкин, 2001, с. 12, 15–18, 186; Белорыбкин, 2003, с. 59–62). Кроме того, на основе сравнений технологических приемов строительства и конструктивных особенно-

стей оборонительных сооружений Г.Н. Белорыбкиным сделан справедливый вывод «...о местных традициях строительства крепостных сооружений и наличии специалистов-фортификаторов» (Белорыбкин, 2001, с. 18).

В первые года XXI в., помимо продолжавшегося изучения отдельных памятников болгарского военного зодчества, появляются и небольшие обобщающие статьи (Губайдуллин, 2002¹, с. 174–177; Губайдуллин, 2004¹, с. 78–79; Губайдуллин, 2004², с. 51–53; Губайдуллин, 2006¹, с. 208–218; Губайдуллин, 2006², с. 218–223). Также публикуются книги и монографии А.М. Губайдуллина (Губайдуллин, 2002²; Губайдуллин, 2006³), А.З. Нигамаева (Нигамаев, 2005), А.Г. Ситдикова (Ситдинов, 2006), К.А. Руденко (Руденко, 2007). Первая работа была посвящена конкретно военно-оборонительному делу Волжской Булгарии, в том числе попытке обобщения всех имевшихся на то время данных, а вторая посвящена общей теории фортификации. У второго автора в большей степени даны некоторые общие результаты исследований болгарских городищ Предкамья – Елабужского, Кирменского и Чаллынского. В следующей книге А.Г. Ситдиковым обобщается большой археологический материал, отразивший ранние этапы истории Казани – с X–XI до XVII в. Здесь же были проанализированы разновременные и разнотипные остатки крепостных сооружений города, прослежена их эволюция. К.А. Руденко, в свою очередь, сделал попытку обобщения материалов домонгольского времени,

где, в том числе, рассмотрел и некоторые памятники фортификации, отразив свое видение по их реконструкции и технологическим приемам возведения.

Исследования городищ и памятников фортификации Волжской Булгарии, так или иначе, продолжают и до сих пор (Зеленева, 2013, с. 51–79; Коваль, 2016, с. 64–66). Тем не менее, это происходит уже не в столь значительном объеме как ранее. Часто их изучение связано с археологическими охранно-спасательными целями. В тоже время, давно назрела необходимость в систематизации имеющихся данных по теме. Поэтому помимо публикаций статей, посвященных результатам исследования отдельных городов и городищ, а так же некоторым обобщениям (Бурханов, Хамзин, 2004, с. 55–58; Ситдинов, 2008, с. 148–150; Руденко, 2009, с. 45–65; Ситдинов, 2010, с. 97–106; Губайдуллин, 2011¹, с. 109–111; Губайдуллин, 2011², с. 88–90; Губайдуллин, 2012¹, с. 217–220; Губайдуллин, 2012², с. 250–253; Шигапов, 2013, с. 299–306; Губайдуллин, 2014, с. 236–239; Губайдуллин, 2015, с. 125–143; Губайдуллин, Хузин, Шакиров, 2016, с. 226–237; Баранов, Губайдуллин, 2016, с. 193–218; Губайдуллин, 2018², с. 173–176; Коваль, 2018, с. 181–184) выходят и работы, в которых помимо различных историко-культурных аспектов поселенческих памятников, рассматриваются и крепостные сооружения (Белавин, Крыласова, 2008; Ситдинов, 2013¹; Ситдинов, 2013²; Коваль, Русаков, 2018).

§ 2

История изучения памятников фортификации Казанского ханства

Вопросы военного зодчества Казанского ханства малоизученны и давно требуют внимательного рассмотрения. Несомненно, что с развитием военной техники, тактики и стратегии осады и обороны крепостных сооружений не могли не происходить изменения в фортификации того времени.

В XVII и XVIII вв. литературы затрагивающей вопросы фортификации Казанского ханства практически не выходило. Определенное исключение составляли краткие сообщения различных путешественников, посещавших Поволжье. К их числу относятся немецкий ученый Адам Олеарий (1647 г.), служащий Ост-Индской компании Ян Стрейс (1676 г.), голландский художник

Корнелис де Бруин (1711 г.), которые отмечали, что город Казань, помимо части кремля, окружен деревянными стенами с башнями (Знаменитые люди..., 1999, с. 36, 44; Стрейс, 2006, с. 217). Здесь необходимо заметить – в те времена еще сохранялись остатки дерево-земляных оборонительных сооружений ханской Казани (Рыбушкин, 1849, с. 69–70; Пупарев, 1856, с. 376), поэтому данные сведения представляют некоторый интерес для нас.

Эти незначительные и малоинформативные упоминания можно заключить выдержкой из статистико-географического труда обер-секретаря Сената И.К. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского госу-

дарства...» (1731 г.): «Город Казань прежде был построен...деревянный, и в 7061 году... взят от российских войск штурмом, и после того построен каменный на горе...» (Знаменитые люди..., 1999, с. 47).

Только в XIX в. после длительного перерыва, среди некоторых представителей общества нарождается серьезный интерес к памятникам старины и возникает новый этап, направленный на их изучение. Начинают выходить различные периодические издания. Так в 30-х гг. XIX в. стал издаваться журнал «Заволжский муравей», в котором публиковались материалы и по истории Казанского края. Перу его редактора М.С. Рыбушкина принадлежат некоторые статьи на различные исторические темы. Они посвящались археологии, Билярскому и Болгарскому городищам, а также «Старой Казани» (Камаевскому городищу) и Казани (Заволжский муравей, 1833, ч. III, № 21). В последнем случае вызывает интерес неожиданное суждение автора о характере строения Кремлевского холма, где он отметил, что грунт под крепостью состоит из «дикого камня, расположенного плитами» и сделал заключение, что «...ежели не вся сия возвышенность искусственная, то, по крайней мере, некоторая часть оной приведена в правильное положение руками человеческими» (Заволжский муравей, 1832, ч. 1, № 2).

То, что перед строительством каких-либо фортификационных сооружений сначала проводилась определенная нивелировка территории – это несомненно. Однако, что конкретно имел в виду М.С. Рыбушкин, не до конца ясно. Возможно, современные исследования дадут ответ на данный вопрос.

В другой своей работе «Краткая история города Казани» М.С. Рыбушкин писал, что город в 1552 г. «...был вдвое меньше нынешнего...», а крепостная стена его имела 12 ворот «...срубленная из толстых, в два ряда, бревен...» (Рыбушкин, 1849, с. 4). Далее он привел более подробные сведения: «...город обнесен был еще деревянною стеною, вокруг которой находился ров. Стена эта с ее воротами и башнями построена была из чрезвычайно толстых дубовых бревен, связанных внутри такими же крестообразными перемычками. Наполненная камнями, песком и глиною, она имела ширины до 4¹/₂ саж.» (Рыбушкин, 1849, с. 85–86). Данное сообщение существенно дополнило имевшиеся сведения по крепостным соору-

жениям ханского времени, которое позволяло уже более достоверно реконструировать в дальнейшем фортификационный облик цитадели Казани первой половины XVI в.

Изучение «Старой Казани» продолжалось и другими исследователями. Некоторая информация по его крепостным сооружениям была дана священником П. Маловым, который привел новые сведения, указав на дополнительные укрепления памятника в мысовой части и по его краю (Малов, 1853, с. 116–120). Примечательно, что таким образом стало развиваться и местное краеведение. В результате оно позволяло собирать новые интересные данные при непосредственном содействии населения, проживавшего в тех или иных местностях.

Начиная с середины XIX в. и всю его вторую половину среди исследователей велась полемика об облике древней Казани и, в первую очередь конечно, ханской Казани. Здесь нужно отметить публикации в «Казанских губернских ведомостях» (Древняя Казань..., 1996, с. 170–185), работы М. Лаптева (Материалы для географии..., 1861, с. 555–557), С.М. Шпилевского (Шпилевский, 1877, с. 431–473), П.Г. Заринского (Заринский, 1877), М.Н. Пинегина (Пинегин, 1890, с. 62–67), а также сведения «Спутника по Казани» Н.П. Загоскина (Спутник по Казани, 1895). Во многом эти дискуссии касались границ и размеров города, местонахождения крепостных стен и башен, что, в конечном итоге, постепенно подводило исследователей к выработке общих основных концепций. Последние, кстати, до сих пор вызывают споры ученых. И это не смотря на уже довольно длительное изучение ими архивных, изобразительных материалов, а также данных археологии.

В это же время начинают выходить работы, посвященные осаде Казани Иваном IV в 1552 г. Так в фундаментальном труде «Материалы для истории инженерного искусства в России» военный инженер Ф.Ф. Ласковский привел свое видение данного события в плане описания осадных мероприятий, проводившихся русскими войсками, а также оборонительных действий, предпринятых защитниками города (Ласковский, 1858¹, с. 178–190; Ласковский, 1858², л. 22). Затем в конце XIX в. публикуются работы М.А. Богдановского и В.Л. Борисова, также посвященные осаде Казани в 1552 г. В обеих на основе исторических источников авторы

анализировали имеющиеся сведения и сделали попытку реконструкции комплекса фортификационных построек города (Богдановский, 1898; Богдановский, 1899; Борисов, 1898³). Также, в статье С.И. Порфирьева, посвященной древностям Казанского края и основанной на актах Генерального межевания давалась краткая информация по городам Арск и Казань. По отношению к первому, им отмечалась «старинная шестиугольная крепость, на коей по углам было шесть башен деревянных, из коих только одна существует», а также земляной вал со рвом с северной стороны (Порфирьев, 1904, с. 12). Из описания г. Казани автор заимствовал сведения, касающиеся Тайницкого ключа, который «впадает в изыскиваемую реку Казанку... по которому изнутри крепости был сделан потаенный ход» и далее «но ныне окоп обвалился, а виден его не(ко)торой остаток вне города у сих ворот возле стены...» (Порфирьев, 1904, с. 13).

Тайницкий ключ, как известно, относится к Казани ханского (и более раннего) времени, тогда как приведенные в описании остатки Арской крепости, скорее всего, имеют отношение к периоду не ранее XVII в. Вряд ли бы деревянные укрепления, а точнее крепостная башня, могли просуществовать столь длительное время еще с эпохи Казанского ханства. Заключить же исследования дооктябрьского периода можно работой Н.А. Спасского «Очерки по родиноведению». В ней автор касался некоторых проблем истории Казани, а также считал, что до 1552 г. город имел деревянные укрепления (Спасский, 1912, с. 243–246).

Важным итогом изучения истории ханской Казани и ее фортификации можно считать труды М.Г. Худякова. В «Очерках по истории Казанского ханства» автор писал: «Казань, расположенная на крутых утесах, была сильно укреплена самой природой, и стены постоянно находились в превосходном оборонительном состоянии. Казанская крепость по справедливости считалась неприступною...» (Худяков, 1990, с. 229). М.Г. Худяков отмечал устройство крепостных стен «в виде городен, наполненных землей и камнями», подтверждая это сообщением из «Царственной книги»: «Стена городная обгоре, и земля из города сыпая: бе бо весь град насыпан землею и хрящем» (Худяков, 1990, с. 264).

Исследователь считал, что в эпоху Ка-

занского ханства «город был окружен деревянной стеной с башнями и воротами», которая являлась только посадской, а отдельной крепости на Кремлевском холме не было (Худяков, 1990, с. 256–265). Кроме того, одной из причин падения государства М.Г. Худяков полагал отсутствие каменных крепостей, не умение противодействовать подкопам, отсталость военной техники от уже имевшейся в то время у иностранцев: «В лице английского инженера западно-европейская военная техника нанесла поражение искусству восточных народов» (Худяков, 1990, с. 232, 243).

Последнее утверждение является совершенно справедливым и верным, т.к. западноевропейская фортификация уже с XV в. шагнула далеко вперед, постепенно отказываясь от сооружения высоких стен и башен в пользу более приземистых крепостных построек, призванных противостоять не только артиллерии, но и подкопам. В то же время, наличие каменных (кирпичных) крепостей для того времени также уже далеко не было панацеей против осадного искусства того исторического периода. Однако здесь имеется некоторая неточность в рассуждениях исследователя. Земляные или дерево-земляные оборонительные постройки были ничуть не хуже каменных. Все дело заключалось в фортификационных формах, способах создания тех или иных объектов. На территории же Русского государства и Казанского ханства продолжалось строительство и эксплуатация устаревших оборонительных конструкций. Отказ же от них начинается только не ранее конца XVI – начала XVII вв., что далеко не повсеместно.

В работе «Татарская Казань в рисунках XVI столетия» на основе картины «Апофеоз взятия Казани (другое название «Церковь Воинствующая») М.Г. Худяков провел анализ изображенных на ней построек, в том числе ворот и башен. Он также сделал и важное заключение, что зодчество казанцев «находилось в тесной связи с архитектурой болгар... казанское зодчество являлось непосредственным продолжением болгарской архитектуры... было тесно связано с болгарским искусством предыдущей эпохи» (Худяков, 1930, с. 50, 52). Здесь мы можем только добавить – это касается и фортификации в том числе.

В 20–30-х и 40–50-х гг. XX в. на территории Казани и Казанского кремля про-

водились археологические исследования Н.Ф. Калинин, В.Ф. Смолиным, И.Н. Бороздиным. В это время были выявлены остатки рва ханского периода, расположенного к северу от Спасской башни, остатки крепостной стены в виде дубовых бревен толщиной 60–70 см во дворе воинской части в районе Тезицкого оврага, а также деревянный помост около Тайницкой башни (Бороздин, 1929, с. 37–40; Калинин, 1955, с. 128; Калинин, 1957, л. 245; Ситдииков, 2006², с. 16, 18, 19).

В 1945 г. вышла работа К. Топуридзе «Казань», где автор писал, что город в первой половине XVI в. состоял из «внутренней цитадели – Кремля, расположенного на высоком холме, и посада, также окруженного стенами», которые «были дубовыми, рубленными из целых бревен, с заполнением из утрамбованного ила и камня», а для прикрытия от обстрела «...по краю стены шла дубовая изгородь», крепостные же башни «также были дубовые, рубленые» (Топуридзе, 1945, с. 7).

Следует сказать, что данная работа явилась лишь пересказом имевшихся и опубликованных к тому времени сведений по укреплениям ханской Казани. Однако она все же подтверждала высказанные ранее предположения. Это, в свою очередь, также легло в основу предварительного накопления знаний и сведений по некоторым элементам казанской фортификации.

Этим же 1945 г. датируются рукописные заметки и подборка материалов по истории Казани О.С. Хованской. В частности, они были посвящены разработке темы вероятных подземных ходов города в ханское время. Здесь также помимо крепостных сооружений исследователь рассматривала и немаловажную для любого укрепленного поселения тему водоснабжения и подземных резервуаров (Руденко, 2010, с. 82–83).

В 60 – 70-е гг. XX в. продолжились археологические наблюдения и раскопки, возглавленные А.Х. Халиковым. В ходе них были зафиксированы возможные следы посадского вала и рва на месте будущего здания физкорпуса КГУ (Халиков, 1983). По результатам изучения кремлевских крепостных стен и башен А.Х. Халиков, С.С. Айдаров и Л.С. Шавахин связали постройку Северной башни с эпохой Казанского ханства (Халиков, Мухамадиев, Шавахин, 1977, с. 179–181; Ситдииков, 2006², с. 24). По мне-

нию А.Х. Халикова казанская крепость XV–XVI вв. занимала площадь в 13 га и ограждалась, как и посад, дубовыми крепостными стенами (Казань в памятниках..., 1982, с. 159).

В этот же период времени были достигнуты значительные результаты в изучении исторической топографии средневековой Казани и другими исследователями. Здесь следует отметить работы С.С. Айдарова, И.П. Ермолаева, В.П. Остроумова (Казань в памятниках..., 1982, с. 158–161; Ермолаев, 1981; Остроумов, 1978).

Детальному рассмотрению облика Казани ханского времени были посвящены и работы архитекторов Г.Н. Айдаровой–Волковой и Н.Х. Халитова. Авторы на основе изобразительных и письменных источников, а также данных геологии дают свое видение различных объектов, в том числе и военного зодчества. По мнению Г.Н. Айдаровой–Волковой, крепостные башни города «были в основном каменными», а стены сделаны из дубовых городней заполненных камнем и землей. Кроме острожной посадской стены острогом ограждались и слободы: Кураишева, Армянская, Биш-Балта, Куль-Маметова (Айдарова–Волкова, 1997, с. 23). В свою очередь Н.Х. Халитов, поддерживая точку зрения о каменных башнях, пришел к выводу, что и крепостные стены в нижней части высотой до 5 м были белокаменными с востока и кирпичными с запада, а над ними «шли деревянные мощные стены, зафиксированные летописцами и Курбским» (Халитов, 1999, с. 63, 79).

Здесь необходимо заметить, что археологических свидетельств подтверждающих данные утверждения не существует, за исключением Северной башни Казанского кремля и прилегающего участка обороны. И как бы интересными и заманчивыми они не были, все же необходимо опираться в подобных рассуждениях и реконструкциях на имеющиеся более достоверные археологические материалы.

В начале XXI в. исследователи на основе письменных источников и полученных археологических данных продолжают анализировать историческую топографию ханской Казани (Губайдуллин, 2001, с. 24–26; Ситдииков, 2002, с. 160–206; Валиев, 2004, с. 39–47; Старков, 2004, с. 23–27; Хузин, Ситдииков, 2005, с. 96–100; Исаков, 2004, с. 85; Исаков, Измайлов, 2005, с. 33, 34, 78,

101, 102). Это время можно назвать новым этапом в изучении памятников фортификации Казанского ханства. Значительное количество накопленного материала выводит на новый уровень исследования, позволяет во многом конкретизировать некоторые аспекты рассматриваемой темы.

В эти годы публикуются также работы и по фортификации других памятников эпохи Казанского ханства, основанные на новых археологических исследованиях Чаллынского, Камаевского, Арского, Утернянского и Кукморского(?) городищ (Губайдуллин, 2002³, с. 138–142; Бурханов, 2002, с. 246–267; Бурханов, Замалтдинов, 2003, с. 256–261).

Длительная история изучения фортификации Казанского ханства продолжается, таким образом, и в современных исследованиях. Благодаря археологическим материалам мы можем более полно представить себе военное зодчество этого государства в XV–XVI вв. Заключить этот раздел можно двумя научными изданиями, опубликованными в 2006 г. Это сборник «Казань в средние века и раннее новое время» и книга А.Г. Ситдикова «Казанский кремль: историко-археологическое исследование».

В первом издании опубликованы материалы Всероссийской научной конференции, где освещены малоизученные и дискуссионные проблемы истории Казани. Новые данные по топографии города даются в статье А.Г. Ситдикова, результаты исследований Северной башни и ее датировка приводятся А.М. Губайдуллиным (Ситдинов, 2006¹, с. 21–22; Губайдуллин, 2006⁴, с. 49–57). Интересные сведения мы находим в публикации С.П. Саначина, где автор, привлекая письменные, археологические и изобразительные источники убедительно связывает остатки Северной башни с «великой башней» А.М. Курбского, а рядом располагает Елбугины ворота (Саначин, 2006, с. 66–74).

Позже, свое видение по фортификации Казани последних дней ее существования в качестве столицы ханства было отражено исследователем и в другой статье. В ней С.П. Саначин сокращает оборонительный периметр города, говоря о том, что во время последней осады казанцы защищали только кремлевские стены, а посадские укрепления были ими уничтожены, соответственно и места некоторых подкопов и дальнейшего прорыва русских войск помещены им на других участках (Саначин, 2013, с. 73–89). В последнем случае, однако, остается непонятным как осаждающие смогли подвести минные галереи в высокой южной части кремлевского мыса.

Обобщающей работой по истории Казани стала книга А.Г. Ситдикова, в которой приводятся данные разного рода источников, в том числе, преимущественно, и археологических. Особое место в ней занимает Казань ханского времени, когда она становится столицей государства. Здесь нашли свое отражение качественные изменения в ее облике, увеличение размеров самого города и его кремля, а также формирование мощных на то время оборонительных сооружений (Ситдинов, 2006²).

Таким образом, были проведены существенные по объему исследования укрепленных поселений Казанского ханства, которые дали интересные результаты. Тем не менее, они, в основном, были посвящены изучению остатков только конкретных объектов. Также и объем полученного материала требовал осмысления всего комплекса данных, чего, зачастую, не делалось. Это и не позволяло как можно более полно подходить к раскрытию всей темы. Здесь, как и в случае с памятниками военного зодчества Волжской Булгарии, требуется обобщение и серьезный анализ всех имеющихся сведений.

§ 3

Источники по фортификации Волжской Булгарии и Казанского ханства

Археологические источники

Основными источниками данной работы являются археологические сведения, полученные в ходе многолетнего изучения памятников фортификации X – первой половины XVI вв. Сюда относятся болгарские городища домонгольского и золотоордынского периодов, а также эпохи Казанского ханства.

Для исследования были взяты наиболее достоверные данные по 198 укрепленным поселениям, расположенным во всех трех регионах, входящих в территорию Среднего Поволжья – Закамье, Предволжье и Предкамье. Такая выборка определилась в результате изучения практически всех материалов, касающихся этих средневековых городищ, в

том числе их культурной и хронологической принадлежности, а также конкретной интерпретации того или иного объекта. Кроме опубликованных сведений, в работе используется и архивная документация в виде полевых отчетов.

Привлекаемые археологические материалы включают в себя все имеющиеся в нашем распоряжении данные по способам возведения крепостных сооружений, внутривальным и иным конструкциям, устройстве и планировке оборонительных линий, а также пространственное размещение памятников, их соотношение как между собой, так и по отношению к окружающему ландшафту. В работе привлечены сведения не только по стационарным раскопкам, но и систематизированы данные многочисленных археологических разведок.

Все городища картографированы и привязаны к конкретной местности, что дает нам возможность проводить их надежную типологию, которая выводит нас на функциональные особенности этих укрепленных поселений. В некоторых случаях для интерпретации памятников фортификации используется сводка ранних письменных свидетельств, аналогии древнерусского оборонного зодчества, среднеазиатской фортификации и др.

Письменные источники

Для изучения фортификации, в том числе и памятников военного зодчества любого народа и государства, несомненно, важную роль играют сообщения письменных источников. В них, так или иначе, отражены не только происходившие исторические события, но и приводятся некоторые сопутствующие им краткие описания, касающиеся городов и их оборонительных сооружений. Так, например, наиболее ранние сведения по укреплениям поселений Волжской Булгарии мы можем почерпнуть в арабо-персидских и русских источниках.

О Булгарском государстве появляются сообщения в арабских письменных документах еще практически со времени становления его в Среднем Поволжье. Несмотря на их краткость, мы имеем некоторое представление о предмете исследования. Пожалуй, первым здесь можно назвать среднеазиатского географа Абу-Абдаллаха Мухаммада ал-Джайхани писавшего в первые десятилетия X в. Его перу принадлежит интересное, на наш взгляд, сообщение: «... между двумя

городами пространство пути в дня по берегу реки в очень густых зарослях, в которых они укрепляются против врагов» (Заходер, 1967, с. 37). Судя по нему, мы видим, что здесь болгары использовали для своей защиты т.н. «естественную фортификацию»³. Нельзя исключать также и дополнительного применения засек, устройство которых уходит корнями в древность.

К одним из ранних упоминаний крепостных сооружений болгар можно отнести и краткие сведения из письма хазарского кагана Иосифа в Кордовский халифат. В нем, в частности, говорится: «Они живут на открытой местности и в укрепленных стенами городах» (Коковцов, 1932, с. 98–99). Примечательно, что эти данные относятся к середине–второй половине X в., в наше же время они подтверждаются и археологически. Об этом свидетельствуют оборонительные сооружения многих городищ Волжской Булгарии, например Билярского, Суварского, Болгарского, Коминтерновского II, Танкеевского I и др.

Посетивший Волжскую Булгарию в первой половине XII в. арабский путешественник Абу-Хамид Мухаммад ал-Гарнати писал: «А Булгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена – из дуба» (Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати..., 1971, с. 30). Его современник, знаменитый арабский географ Абу Абдаллах Мухаммад ал-Идриси в своем сочинении указывал, что в стране болгар «... находится город Сабун. Это укрепленный город, (расположенный) на вершине горы...» (Коновалова, 1999, с. 192). Для написания своей работы он заимствовал сведения у более ранних авторов и нам сложно идентифицировать и локализовать этот памятник. Все же само упоминание такого, возможно неординарного, укрепленного поселения является интересным фактом. Тем более что подобного типа болгарские городища известны науке.

В сочинении середины XIII в. «История завоевателя мира» (закончено в 1260 г.) персидского историка Ала ад-Дина Ата-Мелика ибн Мухаммеда Джувейни имеются некоторые сведения о городах Волжской Булгарии времени захвата их монголами: «Сначала

³ Естественная фортификация – название естественных укрытий или преград на местности, которые не требуют дополнительных земляных работ.

они (царевичи) силою и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большою населенностью...» (Тизенгаузен, 1941, с. 22–23; Арсланова, 1988, с. 40). Интересным на наш взгляд может быть и описание окрестностей одного из городов: «...а окрестности были покрыты болотами и лесом до того густым, что нельзя было проползти змее» (Тизенгаузен, 1941, с. 22–23; Арсланова, 1988, с. 41).

Является ли это только указанием на природные защитные свойства местности или здесь говорится еще и о дополнительных рукотворных засеках – вопрос открытый. Ала ад-Дином Джувейни показан и один из способов штурма городов, которые использовали монголы. В данном случае это осада неизвестного города – М.л.с. или М.к.с.: «Царевичи сообща окружили (город) с разных сторон и сперва с каждого бока устроили такую широкую дорогу, что (по ней) могли проехать три–четыре повозки, а потом против стен его выставили метательные орудия. Через несколько дней они оставили от этого города только имя его, и нашли (там) много добычи» (Тизенгаузен, 1941, с. 22–23; Арсланова, 1988, с. 41).

В русских же летописях даются более конкретные сведения, где уже упоминаются «ворота городные», «плоть», «твердь оплотом», а также некоторые способы осады и штурма крепостных сооружений, которые применяли как болгарские, так и русские дружины: «...и обстоупиша градъ...», «...приидоша Болгаре...безъ вѣсти и остоупиша градокъ в лодияхъ, бе бо малъ градокъ, и изнемогаху людие въ граде гладомъ и жажею, и не бе лзе никому же изити изъ града и дати вѣсть...», «...расекше плотъ, вбиша я в градъ и отяша у нихъ врата, и зажгоша градъ ихъ, и взяша и на щить» (ПСРЛ, т. I, 1962, с. 390, 443–444; ПСРЛ, т. II, 1962, с. 625; ПСРЛ, т. VII, 1856, с. 96; ПСРЛ, т. XV, 1965, стлб. 269; ПСРЛ, т. 24, 1921, с. 72–73, 77). Вызывает интерес система укреплений болгарского города Ошеля и эпизод его обороны, отраженные в летописях под 1220 г.: «...около же града бе острогъ, тын дубовъ, а за нимъ два оплота и межи ними вал съсыпанъ, и по тому валу рышуще из затыния бяхуся» (ПСРЛ, т. VII, 1856, с. 127; ПСРЛ, т. XV, 1965, с. 330).

Если для золотоордынского времени письменные сведения по болгарской фортификации практически отсутствуют, то для

эпохи Казанского ханства они представлены более широко. К наиболее ранним источникам здесь можно отнести сообщения Никонской и Воскресенской летописей, «Записки о Московии» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна, «Историю о Казанском царстве (Казанский летописец)» неизвестного автора и «Историю о великом князе Московском» князя А.М. Курбского.

В Никонской летописи под 1500 г. говорится: «Царь же казанский повеле около града нарядити острог...» (ПСРЛ, т. XII, 1965, с. 253). Этот тип укреплений упоминается и под 1530 г.: «...острогъ у нихъ по Булаку взяша...», «въ остроге» (Воскресенская летопись, т. 3, 1998, с. 360); те же и другие оборонительные конструкции упомянуты под 1552 г.: «...на Арьскую засеку», «обламки», «...острог бе их рублен городнями и землею насыпан», «...многими засеками засечено», «...крыющесе в ямы и рвы копающе под врата градцкые и под стену и рыюще норы под тарасы», «...у всяких ворот за рвом тарасы великие, землею насыпаны», «...на мостех градных и воротех и такожде и о стенах», «...на стенах градных и ворот града и в башне града» (ПСРЛ, т. XIII, 1965, с. 201–221).

Насколько достоверными являются эти описания нам судить трудно, тем более памятуя о том, что авторы летописей, не являясь специалистами, плохо представляли себе некоторые отображаемые ими предметы. В значительной степени, конечно, это касается военно-инженерной науки.

С. Герберштейн в своих записках, касающихся событий 1524 г., упоминает «казанскую крепость, построенную из дерева» и «крепостной холм» (Герберштейн, 1988, с. 177). Не совсем только понятно по тексту, что он имел в виду, говоря о «крепости» – крепостную ограду посада или кремля, так как нам известно и о построенном ранее посадском остроге, упоминавшемся выше.

Из «Истории о Казанском царстве» мы также можем почерпнуть некоторые сведения по фортификации XV – первой половины XVI вв. Интересен факт строительства ханом Улу-Мухаммедом ледяной крепости: «...и здела себе град ледяный, из реки влача толстыи лед, и снегом осыпа, и водою поля...», «...и затворися во граде ледяном», упоминаются здесь также и «градные врата» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 214, 218). Впоследствии летопись приписывает ему

и перестройку укреплений Казани, где он «...постави себе деревянные град крепок, на новом месте, крепчайше старого, не далече от старыи Казани...» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 220).

Одним из серьезных примеров наличия в Казанском ханстве военно-инженерной науки и существования специалистов-фортификаторов является описание разгрома в 1524 г. «казанской черемисой» судовой рати князя И. Палецкого, когда в узких местах реки «...в местех островных запрудыша великим древием и камением, и доспеша аки праги», что привело к скоплению многих судов, которые стали разбиваться друг о друга. После этого, срубив толстые деревья «...и держажу на ужех, и на ладия пушаху со брехов, удуже миновати им...», в результате чего «...от единого древа ладеи пять болши погружахуся с людми и з запасом» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 248). Здесь мы видим применение прообраза т.н. «албанского камнемета»⁴, только вместо камней были использованы бревна – тип катков укладываемых обычно на крепостных стенах, чтобы во время штурма сбрасывать на противника в ближнем бою (Губайдуллин, 2006³, с. 31, 72).

Под 1530 г. автор «Истории о Казанском царстве» писал, что хан Сафа-Гирей повелел строить «...подле Булака острог, окало посаду, по Арскому полю, от Булаку же и до Казани реки, и около его рвы копати по-за острогу, ...яко граду помочь будет и посадки от запаления, от огня, целы отстоят» и, таким образом «...зделану бывшу острогу повелением царевым вскоре крепку, и велику, с камением и з землею, двема же концами ко граду притчену ему...» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 252, 254). Впоследствии автор также заметил: «И кто может град таков стрелами взять едиными, без пушек, аще не Господь его некако предасть» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 282).

В 1552 г. перед приходом войск Ивана IV казанцы начали «...крепити град, и застениша вси врата граду камением и землею...с приступных мест града бреши, и да ведает кождо их воевод свою страну и крепце блюдет и вся устрояет и готовит...»

и стала Казань «...яко великая гора каменная твердо стояше град и неподвижимо ни откуда же...» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 131, 133). Об укреплениях города также говорится: «Много град же Казань тверд бяше, паче меры, подобен каменной горе; стена дубовая рублена в целых древесех, а в городни сыпан ил да хрящ...» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 452).

Основные крепостные сооружения Казани вызывали удивление и уважение противника. В «Истории о Казанском царстве» под 1552 г. пишется, что Иван IV при объезде вокруг Казани «...смотряше стенныя высоты и мест приступных, и увидев удивися необычной красоте стен крепости града» и было отчего: «Град же Казань зело крепок, велми, стоит на месте висоце, промеж двою рек Казани и Булака, и согражден в седьмь стен, в велицех и толстых древесей дубовых: в стенах же сыпан внутри хрящ и песок и мелкое каменье, толстина же градная от рек, от Казани и от Булака, трех сажен, и те бо места ратным неприступныи» и далее: «...и яко крепкими стенами и водами вкруг обведен бе град, и токмо со единыя града с поля Арского приступ мал, но туда стена градная была в толстоту 7 сажен и прекопана около ея стремнина велия, глубока. И от сего Казанцы не малу себе притяжаша крепость, не бояхуся никого же, аще и вси царства околная совокупльшася восстанут и подвижутся на них, крепок бо бе град их» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 119–120).

Кроме собственно Казани здесь упоминаются также «крепки черемисские», «великие и малые остроги» и «укрепления», а также «...острог стары, Ареск зовом, зделан аки град тверд, и з башнями, и з бойницы, и живет людей много в нем, и брегут велми, и не бе взиман ни от коих же ратей никако же, стоит от Казани 60 верст, в местех зело крепких и в непроходных, в дебрех и блатах, единым путем к нему притти и отоити» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 126–127).

Определенный интерес вызывает информация, отраженная в ханских ярлыках. Так в ярлыке хана Ибрагима упоминается место его выдачи – «в Арке», т.е. в кремле (Усманов, 1979, с. 34–35, 265). Эти косвенные данные указывают на то, что в Казани уже в XV в. укреплен был не только посад и ханский двор, но и существовала такая единица обороны как кремль. Впрочем, это подтверждалось и подтверждается археоло-

⁴ Албанский камнемет – препятствие, которое состояло из уложенных камней, удерживаемых бревенчатой стенкой. Для приведения в действие, веревки, держащие бревна, обрубались – камни скатывались вниз.

гически.

Некоторые дополнительные сообщения, имеющие отношение к фортификации можно почерпнуть и из посольских книг XVI в. Несмотря на то, что они довольно отрывочны и скудны, мы имеем некоторые сведения, отраженные в дипломатических грамотах, касающихся связей с Ногайской Ордой. Сюда можно отнести сообщения под 1551 г. о подготовке завоевания Казанского ханства и постройке Свияжска во время похода Шейх-Али: «...землю Казанскую воюют добре и села жгут и города ставят», способах осады Казани: «...силу взяв, пришед, Казань облегал» и ее обороны с использованием пушек и пищалей (Посольские книги..., 2006, с. 54, 59, 61). Говорится в документах и о некоторых переправах через р. Каму, в частности о «Чаллыеве перевозе», для контроля которого, как нам известно, существовал Чаллынский городок – современное Чаллыновское городище, а также упоминаются «остроги и крепости по Арской дороге» (Посольские книги..., 2006, с. 61).

Будучи очевидцем и участником осады, а также последнего штурма Казани, А.М. Курбский оставил ценные сведения о некоторых фортификационных постройках города 1552 г. Автор указывал, что Казань стоит на неприступном месте, упоминал об угловой вышке в районе впадения протоки Булак в р. Казанку, а также писал об очень глубоком крепостном рве, выкопанном от Булака до озера Поганое, высоких башнях и городских стенах (Древняя Казань..., с. 122, 123). Кроме этого, неоднократно А.М. Курбский говорил о большой башне «что стояла на горе у ворот», башенных амбразурах, больших крепостных воротах; также ханском дворе, обнесенном «большим забором» и Тезицком рве (Древняя Казань..., 1996, с. 129, 130, 131, 133). Сведения о наличии крепостных башен города относятся и к более раннему времени – походу на Казань князя Дмитрия Углицкого в 1508 г., когда упоминается «стрельница града»⁵, с которой казанский хан Мухаммед-Эмин наблюдал за русским войском (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 235).

Представляет интерес и краткий эпизод обороны казанцев, которые «...на стены вскакаха, и бияхуся з града, ...и колием изо-

стренным и каменем бросяху, и смолоу, и водою кипящею в котлах на подскакающая воины блиско к стене возливаху...» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 132–133). А.М. Курбский привел краткие сведения и о центральной части цитадели – ограде ханского двора: «...бо бе зело крепок, между палат и мечетей каменных, оплотом великим обточен» (Источники по истории Татарстана..., 1993, с. 33).

Есть у А.М. Курбского и упоминание о заставе «в двух примерно милях от города», где казанцы «...соорудили было стены на горе между большими болотами...» и Арской крепости, которая стояла пустая (Древняя Казань..., 1996, с. 127, 128).

После захвата Казани войсками Ивана IV ее сохранившиеся фортификационные постройки продолжали использоваться по своему прямому назначению. Поэтому некоторые источники второй половины XVI в. еще отражают необходимую для нас информацию. Так английский купец и дипломат Антоний Дженкинсон во время путешествия по р. Волге в 1558 г. оставил краткое замечание об еще остававшихся крепостных сооружениях ханской Казани: «Замок был обнесен земляным валом с деревянными укреплениями, но русский царь приказал снести старые стены и выстроить новые из белого камня» (Знаменитые люди..., 1999, с. 32).

Интереснейшим источником по топографии ханской Казани являются «Писцовые книги города Казани», составленные в 1565–1568 гг. Они содержат подробные сведения, касающиеся, в том числе, и оборонительных сооружений. Здесь отмечаются «старые городские стены», «старые городские городни», «старый острог», а также упомянуто т.н. «Старое городище», которое, предположительно, находилось на Федоровском бугре (Древняя Казань..., 1996, с. 141, 147, 148, 151).

Отрывочность сведений письменных источников, недостаточная их полнота по исследуемому вопросу конечно не случайна. Они были призваны в первую очередь отображать наиболее важные события, с точки зрения того времени. Поэтому задача полного описания некоторых аспектов военного и, тем более, военно-инженерного дела и не стояла перед теми или иными авторами, безотносительно имевшихся у них профессиональных знаний или отсутствия таковых. Вместе с тем, мы имеем довольно значительный материал для попытки раскрытия

⁵ Стрельница – древнерусское название крепостной башни.

общей картины болгарского и «казанского» оборонительного зодчества.

Заключая главу, мы можем констатировать факт недостаточной изученности и спорности темы военного зодчества Волжской Булгарии и Казанского ханства. Средневековые укрепленные поселения Среднего Поволжья стали привлекать внимание исследователей уже с XVIII в., но только в первой

половине XX столетия начались планомерные археологические раскопки, как самих городищ, так и остатков оборонительных сооружений. Труд многих поколений историков и археологов позволяет поднять данную тему на более высокий уровень. В связи с этим, наша задача заключается в наиболее полном раскрытии исследуемого вопроса, в попытке комплексного подхода к нему.

ГЛАВА II

ПЛАНИРОВКА И СИСТЕМЫ ОБОРОНЫ ГОРОДИЩ

Остатки оборонительных валов и рвов, крепостных стен и башен в первую очередь привлекают внимание исследователей. Их возвышение среди окружающего ландшафта представляют собой своеобразные маркеры, отмечающие места сосредоточения военной, политической и культурной жизни в древности и средневековье. В тоже время, любое конкретное укрепленное поселение не может считаться полностью изученным и понятным без знаний о его месторасположении применительно к ближайшей округе, общего вида, его функциональных особенностей. Для чего значительным подспорьем являются и оборонительные сооружения, их расположение и взаиморасположение.

Сами крепостные стены и башни определяли также и градостроительный облик поселений. Планировка основной укрепленной части, ее тип сказывались и на планировке окружающих селищ-посадов. Мысовые городища, обычно, подразумевали и

наличие основного пригорода с напольной стороны, иногда имевшего радиальную конфигурацию. Памятники, расположенные преимущественно ровной местности, имели посад концентрической типа и т.д. Таким образом, форма укрепленной части (частей) могла влиять и влияла на прилегающую застройку любого поселения.

Есть укрепленные поселения, которые прекращают свое существование в раннее время по тем или иным обстоятельствам, а им на смену и в иных местах по различным причинам строились другие. Однако, некоторые городища продолжали функционировать на протяжении всех хронологических периодов. В данной главе мы рассматриваем в комплексе не только памятники фортификации Волжской Булгарии обоих этапов ее истории – домонгольского и золотоордынского, но и Казанского ханства. В первую очередь, это связано с несомненной преемственностью последних, продолжавших существование и в это время.

§ 1

Природно-географические условия Среднего Поволжья и пространственное размещение городищ

Несомненно, что одним из основополагающих факторов пространственного размещения любых укрепленных поселений, а также зачастую формирования и развития их типов, всегда были природно-географические условия тех или иных территорий. Не является исключением и район Среднего Поволжья, которое имеет разнообразный ландшафт и состоит из трех крупных регионов – Закамья, Предволжья и Предкамья (рис. 1, рис. 1а-в).

Первый регион – **Закамье** (рис. 1–А). Оно занимает территорию к югу от долины р. Камы и к востоку от р. Волги и представляет собой самую значительную по площади территорию Булгарского государства, на которую приходилась его центральная часть с основными памятниками как домонгольского, так и золотоордынского времени. Отличается данная территория от остальных частей равнинным характером местности,

имея слегка «волнистый вид», характерный для заволжских равнин и слабо выраженную овражную сеть (Воробьев, 1957, с. 132). Однако северная его часть имеет развитую речную систему – это «район слияния крупнейших рек Восточной Европы Камы и Волги, а также их притоков Утки, Бездны, Ахтая», их же бассейны «создают значительные поверхностные перепады» (Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье, 1986, с. 5).

В то же время, рельеф южной его зоны характеризуется, в основном, «как слабо расчлененный без выраженных овражно-речных врезов» и здесь же расположены реки, принадлежащие к бассейну р. Большой Черемшан: Малый Черемшан, Малая и Большая Сульча, которые текут с северо-востока на юго-запад (Археологические памятники бассейна р. Черемшан, 1990, с. 5). Однако имеются и резко асимметричные части

в долине р. Малый Черемшан, где левый берег почти незаметно спускается к реке, а на правом возвышаются обрывистые высоты Балынгуз, поднимающиеся над рекой на 40–50 метров (Воробьев, 1957, с. 133). Также существуют некоторые места и с пересеченным глубокими оврагами рельефом. В основном же западная часть представляет собой низменную равнину.

Территории Закамья к востоку от р. Шешма относятся к Восточному Закамью и «географически являются восточной окраиной Среднего Поволжья», также относясь к лесостепи (Археологические памятники Восточного Закамья, 1989, с. 4). Однако, основная часть ее, в отличие от западной, занята Бугульминско-Белебеевской возвышенностью, которая прорезана наиболее крупными реками региона – Шешмой, Иком и Заем, а также их притоками и вообще имеет более густую речную сеть.

Местность Закамья, состоящая в основном из равнин и наиболее благоприятная для ведения сельского хозяйства, предопределила довольно равномерное распределение городищ Волжской Булгарии на всей территории региона. Большая их часть находится в бассейнах рр. Большого и Малого Черемшана, Шешмы, Ахтая, Бездны, Сульчи. Они покрывают особой сетью всю местность, контролируя сельскую округу. Таким образом, подобная равномерность распространения укрепленных поселений как нельзя лучше служила обороне всей территории.

Как известно, равнинные пространства, особенно летом или зимой, благоприятствуют для продвижения войск противника. Не смотря на это, распределение укрепленных поселений болгар чрезвычайно затрудняло и препятствовало свободе маневра любой неприятельской армии. Это утверждение далеко не случайно, т.к. является следствием невозможности для внешнего противника одновременно осаждать два и более крупных укрепленных поселения, ввиду того, что со стороны других могли быть нанесены ответные тыловые удары. Это, например, произошло в 1183 году во время похода и неудачной попытки осады русскими князьями «Великого города»–Биляра, когда на помощь осажденной столице пришли отряды болгар из различных других городов (ПСРЛ, 1962, с. 389; Измайлов, 1984, с. 99–107; Измайлов, 1997, с. 151–153; Измайлов, 2008, с. 150). Только хорошо спланированная и длитель-

ная акция вторжения с достаточным количеством войск и осадной техники способна привести к захвату тех или иных территорий. Такая военная кампания, как известно, и была осуществлена монгольскими войсками во время похода на Волжскую Булгарию в 1236 г.

Второй регион – **Предволжье** (рис. 1–Б). В основном ему характерен своеобразный «горный» рельеф, который представляет собой один сплошной массив. Данная возвышенность тянется от с. Верхний Услон (напротив г. Казани) до Самарской Луки, занимая всю его излучину, а также проходит по территории современной Пензенской области в районе г. Городище. Кроме этого, здесь располагаются и холмистые равнины. В широтном направлении регион делится на две большие части: до устья р. Камы – Северное Предволжье, а ниже – Южное. В долготном направлении по рельефу он разделяется на три части: Свияжское левобережье и правобережье, а также Волжское правобережье (Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье, 1985, с. 5). Если первое более пологое, а в южной части местами переходит в низменность, то другие более высокие и сложные по рельефу.

На данной территории северные окраины речных поперечных долин являются крутыми. Они представляют собой относительно высокие обрывы, а южные – отлого спускаются с юга на север: «на профильной линии ряд последовательных невысоких перевалов, которые широкими, пологими скатами обращены на север, а обрывами на юг...» отмечено в «Военно-географическом описании Казанского военного округа» (Яблонский, 1907, с. 10). Чередование лесостепных равнин и «горных» массивов определяет не только сложную структуру поверхности этого региона, но и создает естественные природные рубежи труднопреодолимые для противника, продвигающегося с юга или юго-запада. Учитывая же, что в период с осени по весну южная часть Предволжья «где преобладает глина, самая неблагоприятная» для продвижения, а «средняя, по преимуществу, черноземная, к тому же почти с горным рельефом...» (Яблонский, 1907, с. 38), то можно констатировать наибольшую изолированность и защищенность этого региона от нападений противника. В тоже время, вся территория правобережья удобна для проживания и ведения сельского

хозяйства.

Наиболее удобные пути для продвижения в Предволжье с запада, юго-запада и юга находятся в долинах р. Свияга и ее притоков: Цильны, Булы, Кубни и др. Собственно на них и расположено подавляющее большинство средневековых городищ, которые были построены там не только из-за удобства для проживания, но и несли наиболее важную функцию – защиту территории. Укрепленные поселения булгар контролировали эти долины, передавая оборонительную эстафету от одного к другому.

Центральная территория распространения булгарских поселений приходится на среднее и нижнее течение р. Свияга. Это относится как к памятникам домонгольского, так и золотоордынского периодов. Остальные концентрируются отдельными группами на Самарской Луке, в современной Пензенской области или тяготеют к р. Волга. Основная территория, таким образом, с запада защищалась Тигашевским, Староянашевским и Большетоаябинским городищами, контролировавшими долину р. Булы; с юго-запада – Чувбезднинским и Городищенским (Кала-Елгинским); с юга – Староалейкинским, Красносундюковскими I и II городищами, тяготеющими непосредственно к р. Свияга.

В эпоху Золотой Орды контроль над долиной р. Свияги и ее притоков продолжал существовать. Так укрепленные поселения этого периода времени лишь изменили свое месторасположение, сдвинувшись несколько севернее и северо-восточнее. В стратегическом плане о важности южного пути, как дополнение, может говорить и устройство здесь т.н. «Арбузовского вала» (Фахрутдинов, 1975, с. 175), построенного здесь не ранее XVII в. для защиты территории от частых вторжений поздних кочевников. То же самое можно сказать и про памятники эпохи Казанского ханства, которые также сконцентрированы на территории Северного Предволжья (Фахрутдинов, 1975). Из всех поселений этого времени нам известно только одно городище, предположительно датированное этим хронологическим периодом – Тавлинское городище. Оно находится в низовьях Свияжского левобережья на высоком мысу коренной террасы и, благодаря своему расположению, контролировало все возможные подходы с запада и северо-запада.

Третий регион – **Предкамье** (рис. 1–В). Оно, в основном, занимает междуречье Волги и Вятки, а с юга ограничивается р. Кама. Кроме того, в него входит и Восточное Предкамье. В зависимости от рельефа, данная территория делится на три части: Вятско-Волжский водораздел, который ближе к юго-востоку переходит в Вятско-Камский; далее, длинный и пологий спуск к Волге, и короткий спуск к Каме, создающий ее правый берег (Воробьев, 1957, с. 128). Значительная часть этой возвышенности разрезана глубокими долинами рек – Казанки, Меши, Шошмы, Вятки, Тоймы, Ижа и их притоков, а также узких оврагов. Наибольшей резкости достигает рельеф ближе к устью р. Вятки. Во многих же местах он напоминает Волго-Свияжский водораздел (Воробьев, 1957, с. 129). Регион также входит в южную часть лесной зоны, чем значительно отличается от других, входящих в лесостепь.

Концентрация булгарских городищ и городищ эпохи Казанского ханства, в основном, приходится на места, наиболее защищенные природой и удобные для проживания. Часть из них расположена в низовье р. Камы (Кашан I и Кашан II, «Ежевичная стрелка») и контролировала не только ее течение, но и древнюю переправу в районе современных Сорочьих гор – Мурзики. Последнюю функцию, кроме контроля собственно сухопутного пути, несло и Чаллыньское городище, расположенное на р. Шумбут. Другие доминировали над местом слияния с р. Вяткой (Красногорское, Граханьское?) или господствовали над бассейном р. Омарки, правого притока р. Камы (Омарское, Дигитлинское, Кирменское городища).

Район Заказанья, как исходит из его названия, расположен к северо-востоку от г. Казани и занимает, в основном, бассейн р. Казанки и ее притоков. Сюда же можно отнести также и бассейн р. Меши, за исключением, пожалуй, ее самого нижнего течения и приустьевой части (Республика Татарстан. Атлас, 2009). Данный район представляет собой относительно ровную поверхность и имеет густую речную сеть. Его типичным ландшафтом является пологосклонная долина с довольно широким дном, то расширяющимся, то суживающимся (Воробьев, 1957, с. 130). Здесь существовало лишь три городища – Камаевское, Арское и Утернясьское, датированные золотоордынским временем и

эпохой Казанского ханства, которые располагались на мысовых выступах коренной террасы.

Необходимо отметить Казань (городище «Казанский кремль»). Это укрепленное поселение, возникло еще в первую половину домонгольского периода как военно-административный, торговый и вообще один из самых северных форпостов Волжской Булгарии. Городище было основано на высоком коренном мысу, сложенном пермскими известняками. Судя по всему, это поселение задумывалось и как сторожевой пункт. С площадки мыса, занимаемого им, хорошо просматривалось русло р. Волги на несколько километров как вверх, так и вниз по течению. Данное болгарское городище контролировало крутой изгиб реки с запада на юг, а также запирало устье р. Казанки и ее долину для прохода вглубь территории Заказанья. Такое важное в стратегическом плане укрепленное поселение просуществовало без перерыва достаточно длительный промежуток времени. В результате оно стало одной из самых первоклассных крепостей на территории всей Восточной Европы. Вообще следует заметить, что в регионе нет укрепленных поселений, кроме Елабужского «Чертова» городища, которые функционировали только в домонгольское время. Часть городищ существовала два периода истории Волжской Булгарии, тогда как другая возникла только лишь в золотоордынское время. Отдельные же поселения функционировали вплоть до эпохи Казанского ханства включительно.

В рассмотренных нами регионах нужно отметить различное распространение на местности городищ Волжской Булгарии как домонгольского, так и золотоордынского периодов, а также Казанского ханства. Здесь прослеживается прямая зависимость от строения окружающего рельефа, однако укрепленные поселения второй половины XV – первой половины XVI вв., т.е. датирующиеся ханским временем, в Закамье нам неизвестны. Они расположены только в Предкамье и Предволжье. Для позднего же периода серьезной преградой и защитой территорий от вторжений извне уже служили в значительной мере сами реки – Волга и Кама. Поэтому наибольшее внимание в то время необходимо было уделять и уделялось контролю за местами переправ, причем независимо от времени года. Судя по всему, другие участки побережий, являясь более за-

щищенными природой, представляли собой естественную фортификацию.

Все укрепленные поселения, в данном аспекте, объединяются лишь одним – подавляющее большинство их расположено над уровнем рек или ручьев на высоте от 10 и более метров. В некоторых же случаях возвышение мыса коренной террасы, занимаемого памятником, достигает и значительно большей высоты. Например, над уровнем р. Шешма Черемухово-Слободское городище возвышается почти на 100 м. Думается, что это далеко не случайно, т.к. подобная тенденция имела место и в более ранние времена, начиная с эпохи первобытности, со времени появления первых укрепленных поселений на территории Урало-Поволжья в неолите-энеолите (Губайдуллин, 2007, с. 84–85; Губайдуллин, 2009, с. 43–47). Следует сказать, что такое расположение городищ никак не могло являться следствием колебания воды в реках. Подобного высокого поднятия водного уровня просто не могло быть. По-видимому, присутствуют несколько иные факторы, связанные с чисто оборонительными функциями памятников. Сюда могли входить функции наблюдения, степень сношения с прилегающей местностью – эспланадой⁶, сектора обстрела (в том числе учитывая вероятные и для противника), возможности отражения прямого штурма и др.

Имеется и немаловажная для всех трех регионов деталь, касающаяся природных защитных свойств лесов, которые, в значительной мере, успешно использовались в XVII–XVIII вв. русскими стрельцами при устройстве засек. Современные леса, занимающие сегодня небольшие площади, являются остатками громадных древних лесных массивов (Воробьев, 1957, с. 233). Они не позволяли свободно передвигаться, кроме как по определенным дорогам и маршрутам, что также не могло не отложить свой отпечаток на пространственное размещение городищ, которые не только контролировали различные пути, но и могли служить препятствием для вторжения возможного противника. Таким образом, думается, что некоторые из средневековых укрепленных поселений как раз и прикрывали все подобные маршруты. Однако какие именно – сейчас сказать довольно сложно.

⁶ Эспланада – открытое пространство перед крепостью.

§ 2

Планировка и типология городищ

Одной из важнейших черт любого укрепленного поселения является его планировка. Она определяет не только основные особенности обороны, но и уровень военно-инженерного развития того или иного общества. Для ее всестороннего анализа и анализа стратегического положения памятников необходимо, прежде, подвергать рассмотрению топографию территории, на которой находятся те или иные городища, так как «...местность находится в тесной и всегда сказывающейся связи с военной деятельностью» (Клаузевиц, 1936, с. 429–430).

Избрание местности для возведения того или иного укрепленного поселения всегда являлось основной целью. Поэтому при выборе участка для строительства любого городища всегда учитывались особенности рельефа. Эта первоочередная задача, зависящая от финансовых, людских и других возможностей для строительства, также связанная с будущим предназначением поселенческих памятников и т.д. Вследствие этого, большую роль играет знание типов городищ, вписанных в окружающий рельеф. В процессе исследований памятников, это помогает выявлять определенные закономерности, как в количественном, так и в качественном их соотношении. Основываясь на данных топографии тех или иных городищ, можно определить и их типологическую принадлежность.

Типологическое разделение городищ, составленное П.А. Раппопортом для древнерусских памятников является, на сегодняшний день, наиболее общепринятой классификацией. В тоже время, с некоторыми авторскими дополнениями, оно хорошо применяется и для Волжской Булгарии и Казанского ханства. Сюда, впрочем, можно отнести и все другие сопредельные и более отдаленные территории, например: Верхнее Прикамье, Приуралье, Зауралье, Сибирь и др. Все это исходит из ее простоты и информативности. В связи с этим, иногда вызывает недоумение встречающиеся в научной литературе попытки создания своих собственных типологий, которые, часто, довольно примитивны и значительно уступают типологии П.А. Раппопорта. Впрочем, это право любого исследователя.

Процесс изучения топографии городищ

Волжской Булгарии, Болгарского улуса Золотой Орды и Казанского ханства позволил нам обозначить среди них общие четыре типа, которые были выделены П.А. Раппопортом (Раппопорт, 1961, с. 215–220) (рис. 2).

Сюда входят:

I тип – городища с планировкой укреплений, подчиненной окружающему рельефу местности. В своем подавляющем большинстве – это мысовые памятники (рис. 3–5);

II тип – городища с планировкой оборонительных сооружений, лишь частично использующей защитные свойства рельефа местности (рис. 6);

III тип – городища, не подчиненные рельефу. Они располагаются на ровной местности или одной своей стороной примыкают к обрыву, краю террасы. Обычно эти памятники имеют относительно правильную геометрическую форму (рис. 7–8);

IV тип – городища со сложным планом, т.е. относящиеся к сложно-мысовым и сложным. Они занимают несколько мысов или площадок, которые иногда объединены вместе общей линией обороны или имеют самостоятельные укрепления, но составляют единое в хронологическом и культурном плане поселение (рис. 9).

Для лучшего понимания планировочных особенностей и распределения исследуемых городищ на типы, каждый из них был поделен нами на подтипы. Это может помочь при анализе и сопоставлении памятников, как в оборонительном плане, так и при их последующей классификации. Далеко немаловажной является и вероятность определения возможного происхождения и существования тех или иных типов укрепленных поселений, как во времени, так и в пространстве.

Так первый тип по своим планировочным особенностям делится на два подтипа – в нашем случае это только городища, которые расположены на мысах или в петлях рек. Нам неизвестны памятники исследуемых периодов времени, которые бы находились на отдельных холмах.

Второй тип разделяется также на два, каковые имеют одну или двухчастную структуру, т.е. состоят из одной площадки или двух объединенных вместе. Зачастую,

около половины протяженности их сторон были защищены свойствами рельефа – оврагами или краем террас, тогда как другая часть прикрывалась искусственными сооружениями.

Третий тип состоит из трех подтипов – городища с концентрически вписанными друг в друга линиями укреплений; городища, где цитадель стоит в системе крепостных стен (на углу или посередине одной из сторон); городища, имеющие башне или бастионообразные выступы. К последнему подтипу относится лишь один известный нам памятник – «Девичий городок», который находился в Закамье, а ныне уничтожен Куйбышевским водохранилищем.

Четвертый тип делится на два – поселения с площадками, объединенными общей линией укреплений и памятники, занимающие изолированные друг от друга мысы. В последнем случае мы располагаем сведениями по двум городищам. Одно расположено на территории современной Пензенской области – Николо-Райское городище и Пермском Предкамье – Рождественский комплекс памятников.

Нами для исследования были взяты наиболее полные на сегодняшний день топографические сведения по 196 памятникам из 198 наиболее достоверно известных (см. таблицу 1). Все они распределились по типам, а их соотношение разделилось следующим образом:

– к первому типу относится 122 городища, например: Джукетау, Казань, Чувбезднинское, Старокамкинское, Нижнекатмисское, Красноключинское, Березовогривское, Змеевские I и II, Андреевское, Чувбезднинское и др.;

– ко второму типу – 24 городища: Садовское I, Красносундюковское I, Староалейкинское, Белоярское II, Янтиковское, Чаллыньское и др.;

– к третьему типу – 44 городища: Билярское («Великий город»–Биляр), Богдашкинское, «Девичий городок», Коминтерновское II, Гусихинское, Екатеринино-Слободское I, Шмелевское, Большекляринское и др.;

– к четвертому типу – 6 городищ: «Балынгузское», «Муромский городок» (Валынское), Большетарханское, Николо-Райское, Сундровское и Рождественское (вместе с Филипповским).

Необходимо все же оговориться касательно планировки Болгарского городища

(рис. 10). В первую половину домонгольского периода, в X–XI вв., памятник имел площадь около 9 га и занимал мыс коренной террасы, и, таким образом, относился к I типу. Во вторую половину, в XII – начале XIII вв., его укрепленная часть вырастает до 25 га и, судя по планировке, городище приобретает черты близкие ко II типу. В золотоордынское же время его территория значительно более увеличивается – до 400 га. Границы и план города изменяются и он становится не подчиненным рельефу местности, т.е. уже относится к III типу. Так с течением времени происходит его эволюция не только в административном и торгово-экономическом плане, но и планировочном. Налицо определенная взаимосвязь. Тем не менее, это, пожалуй, единичный случай, который вряд ли может повлиять на общую картину типологического распределения всех городищ.

В эпоху Казанского ханства из шести известных на сегодняшний день памятников только один, Чаллыньское городище, имеет отношение ко II типу. В то время как пять других расположены на мысах и подчинены рельефу местности, т.е. относятся к I типу по типологии П.А. Раппопорта.

Таким образом, на протяжении всех исследуемых периодов времени мы видим значительное преобладание укрепленных поселений I типа. Это говорит о предпочтении к всемерному использованию защитных свойств рельефа местности в военно-инженерной науке болгар и, впоследствии, казанских татар. В первую очередь это касается мысовых городищ, строительство укреплений которых не требовало больших земляных работ и, в то же время, создавало максимально эффективную оборону.

Самой значительной по количеству после первой, остается и третья группа – одна четверть от общего числа памятников. Необходимо, однако, отметить, что большинство из них существовало в домонгольский период. Сокращение в золотоордынское время городищ этого типа и полное отсутствие их в эпоху Казанского ханства говорит, по-видимому, о наступивших изменениях в тактике осады и обороны крепостей после монгольского нашествия. Здесь можно сделать вывод – сложная и дорогостоящая фортификация укрепленных поселений, расположенных на равнинных местах, в оборонительном плане не оправдала возложенных на нее функций. Несомненно, в первую

очередь это касается крупных по размерам городов домонгольского периода. Даже не смотря на присутствие в них значительных контингентов войск и населения, данные поселения с мощными крепостными сооружениями не смогли противостоять хорошо отлаженной осадной тактике и технике монгольской армии. Самые передовые средства осады и военно-инженерное обеспечение в полиоркетике⁷ Востока, применявшиеся при штурме городов в то время, сводили на нет оборонительные мероприятия осажденных. Если не было природных защитных свойств местности – высоких холмов и мысов, болотистых низменностей и др., тяжелая осадная техника часто главенствовала и преобладала над обороной. Возможно, что последствием этого явился более частый выбор труднопреодолимых мест при дальнейшем строительстве крепостных сооружений, связанного с максимальным использованием рельефа местности.

Наиболее же серьезно эти изменения затронули территорию Древней Руси. Так, по мнению П.А. Раппопорта: «Тенденция к всемерному использованию естественных защитных свойств рельефа местности скоро (после монгольского нашествия–А.Г.) возобладала. Во всяком случае в памятниках XIV в. можно отметить уже полный отказ от строительства геометрически правильных в плане крепостей с мощными деревянно-земляными оборонительными сооружениями» (Раппопорт, 1967, с. 112).

Напротив, некоторые золотоордынские города Нижнего Поволжья можно отнести к неподчиненным, или частично подчиненным, рельефу местности (Егоров, Полуобяринова, 1974, с. 39–42; Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974, рис. 1, 2; Федоров-Давыдов, 1994; Недашковский, 2010). Это, конечно, не случайно, т.к. многие из них изначально строились без фортификационных сооружений на ровной удобной местности и не нуждались в укреплениях. Лишь в период междоусобиц в 60-е гг. XIV в. были возведены линии валов и рвов, например на Царевском, Селитренном, Водянском городищах, у Хаджи-Тархана, Старого Орхоя и Крыма (Федоров-Давыдов, 1994, с. 42–44), вследствие этого они и стали принадлежать ко II и III типам.

Факт существования в Булгарском государстве городищ правильной конфигурации – подквадратной и округлой, которые относятся к неподчиненным рельефу местности, т.е. к III типу, совсем не говорит, однако, о присутствии в такой планировке кочевнических традиций. Нужно иметь в виду, что по правилам строительства фортификационных сооружений на ровной местности необходимо создавать именно «правильные» по форме крепости и крепостные постройки. Такая форма всегда являлась и является наиболее оптимальной для их обороны (Бусмар, 1818, с. 159). В данном случае мы видим непосредственное влияние рельефа на выбор и тип любого укрепленного поселения во время его основания и строительства, чему, вне всякого сомнения, сначала предшествовала рекогносцировка на местности.

Довольно небольшая по количеству группа городищ относится к IV типу. Не исключено, что это связано с довольно дорогостоящими инженерными работами, требующими гораздо более сложных вычислений, а также с трудностью при выборе места для будущего поселения столь сложного по планировке. Возможна и определенная специфика данного типа городищ, касающаяся их функционального предназначения. Разумеется, мы не относим эти памятники к крепостям, т.к. они, три из шести, очень значительны по занимаемой площади – от 70 до 400 га. Строительство подобных больших по размерам пунктов, предназначенных только для охранных целей, нецелесообразно, как в плане дороговизны их строительства, так и возможностей защиты. К тому же такие единицы обороны, как крепости, характерны лишь для более раннего и более позднего времени, например древнеримские кастеллумы и кастры или русские стоялые остроги⁸. В Средние же века они повсеместно пропадают или принимают на себя и другие функции – административные, хозяйственные и др. Мы можем только отметить размещение этих городищ в стратегически важных пунктах на территории Волжской Булгарии домонгольского времени: на Самарской Луке, в Предволжье и Предкамье, в центральных

⁷ Полиоркетика – древнегреческое название искусства осады городов.

⁸ Кастеллум – небольшая древнеримская крепость. Кастра – древнеримский форт. Стоялый острог – острог, который не имел постоянного населения, а только периодически сменяемый гарнизон.

районах государства. Представляется, что в каждом конкретном случае, к каждому конкретному памятнику необходим отдельный подход, т.к. их предназначение могло быть как различным, так и в чем-то схожим. Также, в наше время, некоторые исследователи к болгарским укрепленным поселениям, возникшим в домонгольское время, относят и ряд памятников Верхнего Прикамья, например городища Рождественское и Анюшкар (Кыласово) (Белавин, 1999, с. 163) По справедливому мнению их исследователя А.М. Белавина, первое из них имеет «не характерную для предуральских городищ подпрямоугольную форму» и вместе с расположенным в непосредственной близости Филипповским городищем составляет единое целое – городок Афкула (Белавин, 2000, с. 133–134). Данное поселение, состоявшее из двух укрепленных частей, может быть отнесено также к сложномысовым и сложным памятникам.

Нужно констатировать факт датировки почти всех укрепленных поселений IV типа домонгольским периодом. Исключением, пожалуй, здесь является вышеприведенный археологический Рождественский комплекс, который существовал вплоть до XIV в. включительно (Белавин, Крыласова, 2008, с. 500–501). Что же касается городищ частично подчиненных окружающему рельефу, то здесь видно особое смещение первого и третьего типов. К ним, кстати, можно отнести и некоторые памятники бассейна р. Белой, которые, возможно, имеют болгарское происхождение, например Охлебининское II и Шиповское городища (Овсянников, 2006, с. 282–287). Все же укрепленные поселения второго типа более тяготеют к неподчиненным ландшафту памятникам, тогда как сложномысовые и сложные городища подчинены рельефу местности.

Рассматривая особенности планировки городищ, нужно обратить внимание на одну интересную особенность, отмеченную нами выше. Имеется в виду структура укрепленных поселений, состоящих из двух и более частей. Думается не вызовет сомнений утверждение, что наличие нескольких отдельно расположенных линий валов и рвов улучшает защиту любого поселенческого памятника. В свою очередь, они также делят поселение на «внутренний» и «внешний» город. В других случаях мы видим разделе-

ние городищ на цитадель–арк⁹ и укрепленный посад. Обычно это незначительные по занимаемой площади памятники, что, впрочем, не зависит от их возможного административного уровня и социального статуса на то время.

Касаясь функций этих внешних частей, профессор Императорской военной академии Н.С. Голицын выдвинул точку зрения, что «пространство между ними (крепостными стенами – А.Г.) (болонье¹⁰) служило убежищем для окрестных жителей и их стад, равно для загородных строений и проч.» (Голицын, 1878, с. 43). Это утверждение относится к пограничным городам Древней Руси, расположенным на юге. Все же, думается, его можно использовать и по отношению к некоторым, особенно большим по занимаемой площади, укрепленным поселениям Волжской Булгарии. Практически все они датируются только домонгольским периодом истории Булгарского государства. Это, несомненно, выводит нас и к попытке понимания некоторых торгово-экономических процессов того времени, что, впрочем, не входит в тему данной работы.

Подобного типа городища составляют примерно 1/5 часть от общего количества памятников. Около одной трети из них имеют большую площадь, которая выражается в нескольких десятках гектар и более. Все они могли являться местом сбора военных отрядов во время обороны для последующей вылазки или в период подготовки различных походов. Также такое устройство оборонительных линий не позволяли штурмующим войскам сразу форсировать все укрепления, что заставляло противника после эскалады¹¹ первой линии крепостных сооружений вновь сосредотачивать свои силы под обстрелом обороняющихся. Очень важным в применении внешних укреплений является и факт смещения обороны от внутренних крепостных сооружений. Таким образом, обеспечивалась безопасность основных линий стен от непосредственного штурма и

⁹ Арк – персидское название крепости или цитадели.

¹⁰ Болонье – польское название пустого пространства–площадки между внешним и внутренним валом.

¹¹ Эскалада – преодоление фортификационных сооружений противника во время штурма.

создавался новый защитный рубеж, более приспособленный к активной обороне. В результате эти внутренние пространства могли вмещать в себя также не только торговые караваны, но и значительную часть окрестного населения в период крупных вооруженных столкновений. Остальные памятники, меньшие по площади, являлись, возможно, временным укрытием для жителей небольших непосредственно прилегавших к городищам открытых поселений–селищ.

Многообразие городищ по планировочным особенностям говорит о высоком уровне военно-инженерного дела, которое, несомненно, связано со сложными рекогнос-

цировочными работами и вычислениями на местности по всей территории, как Булгарского государства, так и Казанского ханства. Предпочтение в строительстве отдавалось наиболее защищенным природой местностям независимо от конкретных регионов. На территории Закамья более 60 % городищ относятся к I и IV типам, в Предволжье – более 50 %, в Предкамье же вообще отсутствуют памятники, неподчиненные рельефу местности и лишь три укрепленных поселения из 14 принадлежат ко II типу. Из сложно-мысовых и сложных городищ – четыре укрепленных поселения находятся в Предволжье и по одному в Закамье и Предкамье.

§ 3

Системы обороны городищ

Анализируя планировочные особенности городищ Волжской Булгарии и Казанского ханства, необходимо рассмотреть и их системы обороны. Время от времени исследователями отмечалось различное соотношение валов и рвов, даже предпринимались попытки сопоставить их количество с социальным обликом поселений (Фахрутдинов, 1990, с. 80–81). Нам представляется, что подобные стремления вполне оправданы. Однако, в тоже время, вряд ли возможно напрямую связывать с этим число и размеры оборонительных линий. Думается, важную роль здесь играет и размещение на местности того или иного городища, его площадь, а также комплекс археологических находок.

По наиболее достоверным сведениям, имеющимся у нас, мы можем проследить распределение оборонительных линий у 198 городищ (Таблица 1). Они разделяются на девять групп. Среди этих групп существенно преобладает простая схема – один вал, один ров, которая зафиксирована у 97 памятников. Она наличествует у всех четырех типов городищ, независимо от занимаемой ими площади. Следующая группа: один вал, два рва – 10 памятников, где последние расположены с внутренней и внешней стороны оборонительной насыпи.

Самой большой группой после первой является третья, которая характеризуется двумя валами и двумя рвами и объединяет в себе 50 памятников. Здесь, на этих двух примерах, видна определенная универсальность. Судя по всему, она была типична для данных укреплений в местной военно-инженерной науке. Таким образом, эти системы

можно назвать «классическими» применительно к рассматриваемым памятникам фортификации Среднего Поволжья.

Следующая группа памятников имеет два вала и один ров и в нее входит 13 укрепленных поселений. В этом случае имеются в виду действительно два вала, из которых внешний вал нельзя путать с гласисом (гласисообразной насыпью), который представлял собой отлогую в сторону поля насыпь, имевшую вид неправильного треугольника. Он был прослежен нами в оборонительных линиях целого ряда булгарских городищ. В этом месте необходимо заметить, что удельный вес данной схемы в количественном отношении значительно возрастает в золотоордынское время. Он составляет, примерно, одну пятую от общего числа памятников. В предыдущий домонгольский период эта система присутствует значительно меньше, она характерна примерно одной десятой от общего количества поселений.

К пятой группе – два вала, три рва относится уже только два памятника. Здесь идет резкое сокращение количества городищ с подобной системой укреплений. Возможно, что появление данной схемы просто связано с выборкой грунта для увеличения мощности основного вала и, таким образом, созданием третьего (внутреннего) рва. Это же, кстати, можно предположительно отнести и ко второй группе.

Многорядные системы укреплений являются меньшими по количеству. О данном способе обороны и его происхождении имеется интересная точка зрения «...сооружение трех валов с напольной стороны особен-

ность, не свойственная русским городищам и ... известная строителям салтовских крепостей. Древнерусские городища с двумя или тремя линиями напольных валов расположены, как правило, на степном пограничье» (Плетнева, Макарова, 1965, с. 60). Интересно, что данный способ обороны в фортификации Волжской Булгарии имеет свое происхождение именно в салтово-маяцкой культуре, а также на территории Южной Сибири. Именно там закладывались некоторые основы военно-инженерной науки болгар.

К шестой группе памятников имеющих три вала, три рва относится 17 городищ. Они хотя и немногочисленны, но в их число входят и остатки такого крупнейшего города, как «Великий город»–Биляр (расположенный в Закамье), который был столицей всего Булгарского государства в домонгольский период. Как минимум, линии его укреплений состоят из двух отдельных поясов – внешнего со схемой 3 вала и 3 рва и внутреннего со схемой 2 вала и 2 рва. Чтобы было удобнее сопоставлять и классифицировать рассматриваемые данные, мы взяли лишь внешний пояс обороны. Этого же принципа мы придерживались и в случае с другими городищами. Так было сделано во избежание возможной путаницы, тем более памятники подобного типа составляют лишь менее 1/10 от общего количества.

Значительно меньше по численности седьмая группа поселений, имевших три вала и два рва – 6 памятников, а восьмая и девятая почти сходят на нет. Так к группе четыре вала и четыре рва относятся два городища – Бураковское I (расположенное в Закамье) и Золотаревское (расположенное в Предволжье). Данные поселения пока единственные известные на сегодняшний день, которые были защищены столь мощными укреплениями. Правда, здесь нужно оговориться, что только первый из них имеет линии обороны в один пояс, тогда как у второго они отделены друг от друга площадками.

Девятая группа – три вала, четыре рва, представлена одним памятником: Нижнекатмисским городищем (Предволжье), расположенным на территории современной Пензенской области. Возможно, что в этом случае мы имеем более усложненную модель схемы 1/2 или имеет место предположение, высказанное для пятой группы.

Здесь, однако, нужно отметить – не все линии укреплений городищ строились по

классической схеме, когда рвы располагались с внешней стороны, а валы с внутренней. Нам известно значительное количество поселений с противоположной системой обороны, когда рвы располагаются с внутренней стороны, а валы с напольной части. Похожий фортификационный прием имеет аналогии и в древнерусском оборонительном зодчестве XIV–XV вв. (Раппопорт, 1961, с. 94–95). Тем не менее, на территории Волжской Булгарии он возник в более раннее время – в домонгольский период ее истории. Одним из примеров этому являются укрепления Николаев-Баранского I городища, расположенного в Закамье. О функциональных особенностях этого фортификационного приема нам пока судить трудно, т.к. одно из основных препятствий для штурма со стороны эспланады отсутствовало. Не исключено, однако, что эта оборонительная схема сосуществовала в древности с какими-то дополнительными защитными ограждениями, выдвинутыми в поле.

Кроме основных систем обороны, как упоминалось ранее, использовались и дополнительные укрепления. Они, зачастую, также несли немаловажную функцию по защите поселений, как в древности, так и в средневековье. Поэтому без их рассмотрения мы не получим как можно более целостной картины фортификационных особенностей городищ. Такие дополняющие, а иногда и корректирующие, оборону объекты располагались с наименее защищенных местностью сторон. В основном они ограждали от штурма пологие оконечности и склоны мысов.

Еще в раннее средневековье у некоторых городищ именьковской культуры имелись дополнительные отрезки валов, находившиеся на пологом конце мыса или у его подножья (Старостин, 1967). Булгарские же племена данный навык принесли с собой из Подонья, где этот «прием хорошо знали и пользовались им строители салтовских крепостей VIII–IX вв. Они познакомились с ним при сооружении своих крепостей на бывших скифских городищах, для которых этот прием был характерен», то же самое касается и эскарпирования склонов, устройства на них рвов (Плетнева, Макарова, 1965, с. 56, 60).

Нам достоверно известно на сегодняшний день о 29 городищах, которые имели дополнительные укрепления. Из них 23 памятника относятся к I типу, т.е. к подчиненным рельефу местности, по одному ко II

и III типам – частично подчиненным и неподчиненным рельефу, а также четыре к IV типу – к сложномысовым и сложным. Мы видим, что почти все эти укрепленные поселения располагаются на мысах, т.е. и так являются наиболее защищенными природой и человеком. Площадь, занимаемая ими, варьирует от 0,22 га (Ашиязское городище) и 1,24 га (Иляшкинское городище) до 108 га (городище Кашан I). Половина этих поселений, в количестве 15, занимают небольшое пространство и не выходят за пределы 6 га. Сюда, например, относятся Нарат-Елгинское («Кала») (1,5 га), Ромоданское I (2,8 га), Ивашкинское (3,04 га) и др.

Как правило, принято считать, что небольшая «площадка для жилья, окруженная сильными укреплениями, наиболее характерная особенность феодального замка» (Раппопорт, 1965, с. 14). Действительно ли мы имеем дело, в данном случае, с их остатками – тема отдельного исследования, однако мы попытаемся подойти к ней несколько позже.

Рассматривая наиболее типичные типы дополнительных укреплений ограждавших поселения, мы разделяем их на 5 групп. В первую очередь это городища, у которых наиболее пологие склоны мысов защищены отдельными отрезками валов и рвов. Их число достигает 15 памятников. Следующая группа – городища, у которых кроме напольной стороны укреплен отдельно склон мысовых стрелок с количеством в 5 памятников. Затем следуют городища с дополнительной обороной со всех трех сторон, которая устраивалась примерно по середине между площадкой и подошвой мыса. В данном случае пока нам известно лишь 2 памятника. Четвертая группа городищ, куда входят 4 поселения, имеет эскарпированные склоны. Последняя пятая характеризуется применением т.н. «волчьих ям»¹². Пока нам известно лишь о трех памятниках, где применялись эти ямы-ловушки.

Первая группа укреплений характеризуется двумя сравнительно незначительными по мощности валами со рвом между ними, что, например, видно на Сюкеевском городище (рис. 11). Далее следуют дополнительные препятствия в виде вала и рва, где первый расположен всегда с внешней стороны. Данный тип прослеживается на Ромоданском I,

Красносундюковском II и Савгачевском городищах (рис. 12). Также имеются поселения с «классическими» одним валом или рвом, где ров находится с внешней стороны. Сюда относятся Новоаксубаевское, Кураловское (Старокуйбышевское), Кашан I и некоторые другие городища (рис. 13).

Вторая группа укреплений состоит из двух валов и рвов как, например, на Ивашкинском городище, или вала и рва – на Красногорском, Старокамкинском и Чуру-Барышевском городищах, где вал также находится с внешней стороны (рис. 14). Здесь для примера можно привести древнерусские городища XIV–XV вв., где «валы всегда строятся с напольной стороны, и в тех местах, где склоны холма имеют недостаточную крутизну или примыкающие овраги недостаточно широки и глубоки» (Раппопорт, 1961, с. 94–95). В случае же с рассматриваемыми нами памятниками, оборонительные линии такого типа появляются уже в домонгольский период. Своего же развития они достигают в золотоордынское время, правда, развития далеко не подавляющего.

Третья группа характеризуется дополнительными укреплениями двух поселений – Сундровского и Староматакского городища. На первом они располагаются только частично вдоль западной и восточной сторон мысового склона (рис. 15). На втором же они представляют собой один сплошной вал, который проходит примерно вдоль середины мысового склона, не поднимаясь к площадке и не опускаясь к подошве. Кстати, здесь его строительство, несомненно, явилось следствием частичного эскарпирования склона, что и позволило создать дополнительную оборонительную линию. Кроме этого, по самому верху мыса, вдоль его края, по всему периметру проходят основные укрепления в виде двух валов и рва между ними. Таким образом, имеющее с напольной стороны еще одну площадку по типу болонье и линии обороны ломаной формы, Староматакское городище может считаться одним из самых укрепленных памятников среди городищ Волжской Булгарии и последующего периода времени (рис. 16).

Довольно распространенным приемом в фортификации многих народов является эскарпирование склонов для придания им большей крутости, а значит и недоступно-

¹² Волчьи ямы – замаскированные конусообразные ямы, вырытые перед укреплениями в шахматном

порядке, в дно которых вбивались заостренные колья.

сти. В данном случае не составляло исключения и оборонное зодчество булгар. Например, эскарп прослеживается вдоль северного края городища Кашан II, который представляет собой продольную площадку шириной до 3 м. Также на Татбурнаевском городище зафиксирована подрезка части восточного склона (Руденко, 1999, с. 124). Кроме того, К.А. Руденко отмечает применение данного приема на Чувбродском, Старонохратском и некоторых других городищах домонгольского времени (Руденко, 2007, с. 38). Все же мы имеем пока мало данных по другим памятникам, т.к. зачастую эскарпы в значительной мере, или полностью, со временем оплыли. Поэтому их наличие можно определить только путем археологических раскопок.

В этом случае исключение составляет Луковское (Япанчино) городище, расположенное в Предволжье, но несколько с других позиций. С юго-западной стороны от этого памятника имеется останец террасы, который, видимо, составлял с городищем некогда единое целое. Об этом говорит и наличие на нем культурного слоя (Измайлов, 1991, с. 12). Проведенные исследования позволили выяснить, что «протока, прорезавшая останец мыса, имеет антропогенное происхождение. Об этом говорит мощный слой материкового суглинка...», который перекрыл культурные слои поселения по обеим сторонам канала, прорытого через юго-западную часть мыса. (Измайлов, 1991, с. 20–21). Судя по археологическому материалу и керамике домонгольского облика из этого «погребенного» слоя, он датируется именно данным периодом. В связи с этим, гидротехнические работы по корректировке течения протекающей здесь р. Кубни были проведены, предположительно, в золотоордынское время. Это позволило обеспечить лучшую защиту поселения путем отсечения более низкой, на 3–4 м, части мыса (рис. 17).

К пятой группе, имевшей «волчьи ямы», относятся три городища, датирующиеся домонгольским временем – Кокрятьское, Большетарханское и Золотаревское. Первое из них расположено в Закамье, а два других в Предволжье. Некоторые признаки этих устройств были выявлены в северной части укреплений Кокрятьского городища. Здесь между линиями обороны прослеживаются следы от системы ям–ловушек диаметром до 1–1,5 м (рис. 18, рис. 19–20). На Большетарханском же городище «волчьи ямы» распо-

лагаются с внешней стороны от вала и рва. Они представляют собой полосу шириной от 75 до 200 м, а их диаметр варьирует от 1 до 2–3 м с глубиной около 1 м (Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье, 1985, с. 93) (рис. 21). Такого же типа данная система присутствует и с напольной стороны Золотаревского городища. Здесь можно наблюдать несколько рядов «волчьих ям», расположенных в классическом шахматном порядке (Белорыбкин, 2001, рис. 1). На Кокрятьском же городище отмечается иное размещение этих оборонительных объектов, являющееся как бы вариантом основного их предназначения. По-видимому, они также должны были служить в качестве ловушек для противника, в случае если он преодолевал первую линию обороны. Таким образом, прорвавшись через внешние вал и ров атакующие, оказывались под обстрелом защитников со стороны внутренней стены и, в это же время, попадали в замаскированные «волчьи ямы».

Эти устройства создавались против наступающей пехоты и конницы неприятеля. Они, конечно, не представляли собой непреодолимого препятствия и призваны были только замедлить или даже на какое-то время остановить продвижение войск противника, не позволяя ему быстро подойти и с ходу напасть на поселение. Следует добавить, что на территории Среднего Поволжья самые ранние из известных нам таких внутренних ловушек, были выявлены на Щербетьском городище, относящемся к раннему средневековью, к именьковской культуре. Правда мы не склонны в этом проводить каких-либо параллелей с болгарскими памятниками, в том числе и по поводу влияний и заимствований, ввиду отсутствия подтверждающих сведений. Насколько же эффективным было такое устройство – нам неизвестно. Однако думается, что уже в случае самого факта непосредственного штурма укреплений, если таковой имел место, часто можно говорить об «агонии» любого укрепленного поселения. В связи с этим, данное устройство и относится только к категории дополнительных, а столь малое количество известных нам фактов по использованию в болгарской фортификации ям–ловушек, не говорит, конечно, об их исключительной редкости. Скорее всего, от многих из них просто не осталось следов вследствие оплыва и поздней хозяйственной деятельности.

Дополнительные типы укреплений являлись, несомненно, важной и неотъемлемой частью в фортификации. Она была призвана максимально обезопасить поселения от нападений, создавая наиболее эффективную защиту. Военными инженерами средневековья не только тщательно отбиралась местность для размещения и строительства будущих поселений, но и искусственно дополнялся или исправлялся рельеф для нужд обороны. Таким образом, все в комплексе, должно было давать преимущество обороняющимся над противником. Следует также отметить, что по имеющимся у нас сведениям, в основном комплекс дополнительных укреплений применялся на территории Среднего Поволжья в домонгольское время, тогда как в золотоордынский период и эпоху Казанского ханства он использовался лишь незначительно.

Не менее интересен в оборонном зодчестве средневековья еще один дополнительный тип укреплений, применявшийся в болгарской фортификации домонгольского и золотоордынского времени, который гораздо позже, после значительного изменения в сторону увеличения размеров, получил название гласис¹³ (для исследуемого хронологического периода, его, скорее, можно назвать гласисообразной насыпью). Он представляет собой отлогую к полю насыпь, которая возводилась с внешней стороны рва непосредственно за контр-эскарпом и была устроена в форме неправильного треугольника. Она ограничивается «двумя плоскостями: внутренней отлогостью гласиса... и поверхностью гласиса...» (Кюи, 1892, с. 13) и имеет форму неправильного треугольника (рис. 22). Эта насыпь предназначалась для затруднения штурма укреплений «увеличивая глубину и ширину рва» (Кюи, 1892, с. 13–14). Благодаря своему возвышению, она, также, помогала осажденным обстреливать непосредственно прилегающую территорию. Необходимо еще раз оговориться, что имеется в виду именно эта насыпь, а не внешний вал, возведенный с napольной стороны городища. Обычно исследователями гласисообразная насыпь не принималась во внимание или отмечалась как

дополнительный оборонительный вал. Это можно увидеть на примере Чуру-Барышевского городища, расположенного в Предволжье. В связи с малоизученностью вопроса, имеется лишь небольшое количество сведений, основанных на наблюдениях и исследованиях автора.

Наиболее достоверно известно о наличии этих насыпей пока только у восьми памятников – Омарского, Кураловского (Старокуйбышевского), Утяковского, Старотатадамского, Чуру-Барышевского, Богдашкинского, Суварского и Щербеньского I городищ. Их система обороны различна. Три поселения ограждаются одним валом и двумя рвами, еще три поселения – двумя валами и двумя рвами, а также два городища имеют один вал и один ров. В данном случае трудно выявить какие-либо закономерности. Памятники расположены на территории всех трех регионов и датируются как домонгольским, так и золотоордынским временем. Их, кроме Богдашкинского и Суварского городищ, объединяет одна особенность – занимаемая ими небольшая площадь: до 6 га. Самое крупное городище – Утяковское (5,6 га), а самое небольшое – Омарское (0,8 га). Важно также знать, что на памятниках, имеющих внушительные размеры и, соответственно, значительные по протяженности оборонительные линии, могли различаться по конструкции и определенные их отрезки. Поэтому подобная насыпь могла возводиться не со всех сторон, а только там, где она была необходима или где была такая возможность. Применение же такой вариации для небольших укреплений было нецелесообразно и невозможно.

Пример такой гласисообразной насыпи мы можем видеть и на территории Древней Руси, в оборонительной системе окольного города Изяславля (Кирпичников, 1976, с. 60), которая была зафиксирована А.Н. Кирпичниковым с napольной стороны перед внешним рвом в виде отлогой насыпи, чья внутренняя отлогость является непосредственным продолжением контр-эскарпа. Данный факт еще раз подтверждает наше мнение о некоторых имеющихся параллелях в военно-оборонительном деле Волжской Булгарии и Древней Руси, проходивших свое развитие примерно в похожих условиях. Сведений же касающихся применения такой насыпи в эпоху Казанского ханства, на сегодняшний день нет.

¹³ Гласис – пологая в сторону поля насыпь, возводившаяся перед рвом, которая увеличивала глубину и ширину рва, а также облегчала обороняющимся обстрел местности, прилегающей к крепостным сооружениям.

§ 4

Конфигурация оборонительных линий и системы проездов

Крепостные башни не всегда являлись обязательным элементом для эффективной обороны. Одну из их функций по продольной защите прилегающей к городищам территории, несли изломы линий укреплений. Такая простая, надежная и, относительно, недорогая система использовалась достаточно широко еще в государствах Древнего мира (Щетенко, 1998, с. 58–62; Буйских, 1991, с. 24). Их применение заменяло собой башни и бастионообразные выступы. Своими изломами они обеспечивали фланговый обстрел идущего на штурм неприятеля.

Во время изучения городищ и составления их топографических планов многие исследователи не обращали должного внимания на конфигурацию, точную направленность оборонительных валов и рвов. Они изображались в виде упрощенных извилистых линий, которые показывали только их относительно верные направления. Часто это являлось следствием того, что фортификация привлекалась лишь в виде попутного дополнительного материала, да и то это делалось не всегда. Впрочем, такая тенденция существует и по сей день.

Системы обороны многих городищ Волжской Булгарии, Казанского ханства, Древней Руси и других средневековых государств и территорий представляли собой ломаные линии. Они являются целым комплексом, состоящим из так называемых «исходящих» и «входящих» углов, где к первым относятся изломы направленные во внешнюю сторону, а ко вторым – во внутреннюю. Таким образом, исходящие углы «производят двустороннюю фронтальную оборону», а входящие защищают местность перед собой перекрестной стрельбой (Теляковский, 1839, с. 31, 34–35). Кроме того, зачастую во входящих углах часто устраивались и воротные проезды. Это позволяло более эффективно их контролировать, а также оборонять во время штурма.

Самое большое количество болгарских и «казанских» памятников с ломаной формой укреплений относится к подчиненным рельефу местности, т.е. к I типу. В основном, это городища расположенные на мысах. Из общего числа известных с данным типом обороны, это 40 городищ. Много меньше их среди неподчиненных рельефу, т.е. относя-

щихся к III типу и расположенных на ровной местности, а также II типа – частично подчиненных окружающему рельефу: по 13 памятников в каждом типе. Не исключено, что подобное соотношение связано с возможным отсутствием на городищах I типа крепостных башен или бастионообразных выступов, которые требовали при строительстве значительных материальных затрат. К тому же и занимаемая площадь большинства из них довольно незначительна и не превышает 6 га. Мала, соответственно, и протяженность оборонительных линий, как с напольной стороны, так и общая, что вряд ли требовало строительства каких-нибудь дополнительных защитных сооружений, кроме крепостных стен. Здесь исключением могут являться лишь проездные башни, т.к. места воротных проемов были всегда самыми уязвимыми в обороне.

В свою очередь, для памятников II и III типов, особенно для последних, имеющих часто большую занимаемую площадь, по-видимому, уже было недостаточно одной ломаной формы укреплений, поэтому оборону усиливали с помощью крепостных башен. Для примера можно привести Суварское или Болгарское городища, где в процессе археологических исследований были отмечены их предполагаемые следы (Смирнов, 1951, с. 235; Хованская, 1958, с. 235). Необходимо помнить и один важный факт – памятники частично подчиненные и неподчиненные окружающему рельефу местности, независимо от размеров и мощности обороны наиболее уязвимы для нападений, так как мало или вообще не укреплены свойствами ландшафта. Как известно, ни одно фортификационное сооружение не может соперничать с защитными особенностями местности, которые включают в себя высокие холмы, мысы, коренные террасы с крутыми склонами, глубокие и широкие овраги и т.д.

Самое значительное количество укреплений болгарских городищ домонгольского и золотоордынского времени, а также Казанского ханства имеют в системе обороны только исходящие углы. Чаще всего их величина равна 150–160 градусам, а расстояние между изломами колеблется обычно от 20 до 60 м. Скорее всего здесь мы имеем дело с определенным военно-инженерным расче-

том. Он применялся непосредственно в каждом конкретном случае к отдельно взятому поселению. Все это зависит от рельефа прилегающей территории – как непосредственно, т.н. «эспланады», так и значительно более отдаленной. Кроме того, необходимо учитывать, что сами дерево-земляные конструкции, конструкции из дерева не могут быть закругленными или округлыми. Особенности самого материала этого не позволяют. Крепостные срубные стены в виде городней или тарас уже подразумевают различные изломы в местах их поворотов. Другое дело, что они могли устраиваться вынужденно или специально, с определенным расчетом. Лишь каменные и кирпичные фортификационные сооружения могли закругляться, однако они также зачастую состояли из входящих и исходящих углов. Это лишь подтверждает сознательное использование данного военно-оборонительного приема уже в древности и средневековье, задолго до его полного преобладания и практически повсеместного использования в Новое время.

В связи с этим можно констатировать факт, что количество входящих углов на исследуемых городищах очень незначительно, кроме «Великого города»–Биляра, Суvara, Болгара и некоторых других, имеющих размеры от нескольких десятков гектар и выше. Количество изломов на них до сих пор не определено. Однако несомненно, что оно исчисляется гораздо большим числом, чем у других памятников. У Суvara, например, исходящих углов более 25, а входящих более 14. Исключая вышеназванные, больше всех входящих углов еще отмечается у Якимово-Стрелкинского городища – 5 (рис. 23). Обычно же их количество равно двум. Если же говорить в общем, то в данной области наиболее защищенными среди укрепленных поселений являются: Староматакское городище с 11-ю исходящими и 4-мя входящими углами, которое относится к подчиненным рельефу – I тип (рис. 16); Николаев-Баранское II городище с 8-ю и 4-мя углами соответственно, относящееся к частично подчиненным – II тип) (рис. 24). Далее идут наиболее крупные поселения неподчиненные местности – Билярское городище, Болгар, Сувар и др. У них, в силу внушительных размеров, количество изломов было много больше. Даже судя по плану Болгарского городища предмонгольского времени, снятого в первой половине XVIII в., его укрепления

имели не менее 12 исходящих и 5 входящих углов (рис. 25). Однако на сколько он точно отразил ситуацию – сейчас уже судить трудно из-за полной нивелировки валов. Также нужно констатировать факт использования подобной системы обороны и у многих других средневековых государств Азии и Европы, в том числе и территории Древней Руси, чье развитие фортификации шло параллельно болгарской и «казанской». В результате можно сделать вывод, что использование сложной организации обороны не являлось только чьей-либо прерогативой.

Таким образом, дополнение и замена защитных свойств башен и бастионообразных выступов ломаной линией укреплений имеет древнюю историю и уходит своими корнями в античность и древние государства Востока. Эта система применялась и в более поздние периоды времени. Ее использование фиксируется и при строительстве некоторых русских острогов на территории Сибири в XVII–XIX вв. (Ополовникова, 1989, с. 72–73).

Несомненно, что в средневековье весь комплекс оборонительных линий призван был защищать городища от нападений войск противника, не давая ему близко подойти и проникнуть на территорию поселений. В то же время, каждый укрепленный населенный пункт должен был иметь места въездов и выездов, позволявших эффективно использоваться и в мирное и в военное время. Так одним из важнейших условий при организации обороны, особенно крупных городов, являлась свобода входа и выхода солдат гарнизона. Но любые воротные проемы городища также являлись и самым уязвимым местом в защите и обычно подвергались обстрелу и штурму в первую очередь. Поэтому, их во все времена инженеры-строители стремились как можно более обезопасить от нападений и прорыва. Еще Витрувий Марк Поллион, наряду с системой городских стен и башен, относил к фортификационным сооружениям еще и ворота, что все в комплексе было рассчитано «на неотступное отражение неприятельских нападений» (Витрувий, 1936, с. 30).

При исследованиях средневековых дерево-земляных укреплений в линиях валов часто наблюдаются проемы. Их иногда ошибочно связывают с проездами на площадки поселений, при этом используются только визуальные способы, что далеко не всегда

подтверждается во время археологических раскопок объектов. Поэтому всегда требуется при изучении отдельный подход к каждому укрепленному поселению в плане рассмотрения его расположения на местности, его отношения к окружающему ландшафту, занимаемой им площади и др. Так, например, неподчиненные рельефу городища находятся на ровной местности и не имеют каких-либо естественных преград для штурма, кроме искусственных. Поэтому проездные ворота у них должны были устраиваться в системе крепостных стен.

Разрывы в валах, которые фиксируются в наше время, иногда можно отождествить с древними проездами. Правда для этого, несомненно, требуется также и археологическое подтверждение. Автор исходит из мысли, что некоторые из них могут иметь значительно более позднее происхождение по времени. Например, А.П. Смирнов по отношению к Суварскому городищу отмечал, что пять разрывов в валах памятника «... не имеют черт, позволяющих по внешнему виду определить их как древние городские ворота» (Смирнов, 1934). В данном случае нужно отметить, что подобных примеров множество.

Н.Ф. Калинин в 1949 г. на территории Предволжья было исследовано место проезда на Янтиковском городище, датирующемся домонгольским временем, который располагался в северной части памятника (рис. 26). Во время раскопок выявились следы семи столбов, стоявших по прямой линии поперек вала: «Промежутки между столбами 30–40 см. Толщина столбов 20–25 см. Они были стесаны на конце и вбиты в темно-серый гумированный суглинок первоначальной почвы. Столбы служили, видимо, для связи горизонтальных бревен или плах, образовавших стенку проезда, предохранявшую проезд от осыпания вала. Длина проезда определяется в 5,5–6 м., что соответствует ширине вала в этом месте» (Калинин, 1957, с. 26–27) (рис. 27; рис. 28, реконструкция).

В свою очередь, исследование предполагаемого места ворот в виде разрыва в восточной части т.н. «внутреннего города» Богдашкинского городища, расположенного в этом же регионе и существовавшем в то же время, не принесло ожидаемых результатов. В ходе археологического изучения было определено, что они оказались пробиты в более позднее время (Измайлов, 1989).

На территории Среднего Поволжья известны, однако, и другие укрепленные поселения неподчиненные рельефу местности, которые не имеют видимых проездов в системе обороны. Они составляют одну сплошную линию валов и рвов без каких-либо разрывов. Для примера можно привести Горкинское городище домонгольского времени, находящееся в Закамье (рис. 29). Здесь, судя по отсутствию в укреплениях следов от проема, ворота не заглублялись в тулово вала и проезд не проходил по дневной поверхности или, тем более, ниже ее. Не исключено, что для въезда на такие поселения применялась какая-то платформа в виде аппарели¹⁴ или подъемный мост. Подобные деревянные конструкции можно было быстро разобрать в случае опасности и тем самым преградить путь нападавшим (рис. 30, реконструкция). Археологических свидетельств, подтверждающих данное предположение до сих пор, однако, не выявлено. Возможно, такие укрепленные поселения и не нуждались в наличии сложных воротных проездов из-за довольно незначительной занимаемой ими площади – например Горкинское городище имеет территорию в 1,34 га.

Другого типа система проезда была отмечена Г.А. Федоровым-Давыдовым на Тигашевском городище, которое расположено на территории Предволжья и датируется домонгольским периодом истории Волжской Булгарии. Ее исследователь связывает с хорошо простреливаемыми предвходными пространствами типа перебол¹⁵ (Федоров-Давыдов, 1962, с. 63–64). По его мнению, этот прием представлен на памятнике в виде различного взаиморасположения ворот в трехрядной системе укреплений (Федоров-Давыдов, 1962, с. 63). Такого типа система заставляла штурмующего противника в случае прорыва внешней обороны поворачивать по своеобразному коридору к следующим воротам, находясь при этом под постоянным обстрелом. Скорее всего, она была эффективна только во время незначительных средневековых столкновений. Нам думается, что вряд ли такое устройство могло служить препятствием для хорошо обученного и оснащенного противника, каким, например, были монголы, которые «осажда-

¹⁴ Аппарель – наклонная платформа для въезда.

¹⁵ Перебол – внутреннее пространство между двумя крепостными стенами – главной и дополнительной.

ли крепости по тем же правилам, как греки и римляне» (Иванин, 1876, с. 31). Подтверждением может служить и небольшая площадь, занимаемая памятником, которая составляет 2,2 га. Его размеры и, соответственно, возможное количество вмещаемого гарнизона не позволяли выдержать серьезную и организованную осаду.

Не менее примечателен и прием, получивший в военно-инженерной науке римлян название *clavicula* (Буйских, 1991, с. 97). Он имеет ранние аналогии на городищах Средней Азии, а также позднеантичных крепостях и представляет собой принцип, при котором концы вала заходят друг за друга, тем самым образуя относительно небольшой коридор. Судя по аэрофотоснимку, сделанному до разрушения «Девичьего городка» Куйбышевским водохранилищем в Закамье и датированным домонгольским временем, в северо-западном углу городища существовал именно такой тип проезда (рис. 31). В этом месте линия вала, подходя с востока, поворачивала под тупым углом внутрь площадки памятника, тогда как с запада вал также под таким же углом был повернут в противоположную сторону, тем самым образовывался коридор шириной до 4 м и длиной до 10 м. Кроме того, место данного проезда располагалось в непосредственной близости от края террасы, со стороны р. Камы, т.е. в дополнение к искусственным сооружениям, болгарскими инженерами для защиты ворот городища, в какой-то мере, была использована и естественная фортификация.

Также один из таких типов воротного проезда был зафиксирован с противоположной стороны в южной части укреплений Чуру-Барышевского городища XI–XIV вв., находящегося в Предволжье, тем самым связывая площадку памятника с неукрепленным селищем-посадом (рис. 32). В этом месте один конец укреплений вытянут на юго-восток, а другой – на северо-запад. Проходя, таким образом, параллельно друг другу, они образуют небольшой коридор, составляющий в ширину не более 7–8 м. Это несколько велико для въезда, но нужно учитывать и то, что он был разрушен или сильно оплыл с течением значительного времени.

Другой аналогичный пример был прослежен в южной части Болгарского городища золотоордынского времени, где конец восточной части вала был загнут внутрь площадки памятника, а западный – во внеш-

нюю сторону (Краснов, 1968, с. 31). К сожалению, в наше время он уже почти не фиксируется, т.к. был уничтожен хозяйственной деятельностью.

Применительно к данному типу проезда имелись также и две его разновидности. Одна из них была зафиксирована во время исследований в восточной части Болгарского городища, расположенного в Западном Закамье, и датируется первой половиной – серединой XIV в. Нам неизвестно его средневековое наименование, но, судя по аналогиям, он имеет позднеантичное название *internal clavicular*, т.е. когда «концы вала с одной стороны заходят внутрь укрепления ...» (Буйских, 1991, с. 97). Этот проезд, называемый «Восточным», расположен недалеко от истока Старо-Иерусалимского оврага. Здесь южный конец вала прямой, а северный повернут внутрь городища под углом 130–135 градусов (рис. 33, реконструкция). В 50-х гг. XX в. О.С. Хованской отмечался также и дополнительный «небольшой отрезок другого вала». Он располагался перпендикулярно загнутой части и здесь, по ее мнению, «несомненно, были ворота, поставленные так, что наступающий должен был подставлять правую ... часть тела под выстрелы защитников города» (Хованская, 1958, с. 326). По-видимому, этот «отрезок» являлся остатками укреплений, которые подходили с юга и поворачивали под углом внутрь площадки памятника.

На территории Южного Предволжья расположено Юловское городище, существовавшее в X–XIII вв. На нем зафиксирована более сложная, но схожая по типу организация проезда (Белорыбкин, 1987). Система укреплений его так называемого «внутреннего города» состоит из двойной линии, где в первой применен принцип *internal clavicular*, тогда как во второй оба конца вала, подходя друг к другу, повернуты во внутреннюю сторону, таким образом создавался воротный проезд в виде дополнительного оборонительного коридора (рис. 34).

Синхронной аналогией ему может служить также имеющийся въезд на Николаев-Баранском II городище, расположенном недалеко от «Великого города» – Биляра на территории Закамского региона (рис. 24). Расположение его валов и рвов, а также их конфигурация на первый взгляд, как бы указывают на их незавершенность и недостро-

енность. Возможно, что это верно отчасти. Правда, обращают на себя внимание два отрезка валов в восточной части городища. В этом месте они повернуты внутрь под прямым углом и идут далее параллельно друг другу. Они создают тем самым коридор длиной около 50 м в виде своеобразного «мешка», куда неизбежно попадаешь при въезде на памятник. Вместе с входящим углом, который находится в укреплениях немного южнее и тем самым фланкирует подступы к проезду, последний был хорошо защищен от нападения. Аналогичен же и тип ворот на Кокрятском городище, находящемся также в Закамье и датированном также домонгольским временем. Здесь имеются отдельные въезды в цитадель и внешний город, устроенные в юго-западной и юго-восточной частях памятника (рис. 35). До сих пор въездные дороги в этих местах идут на площадку укрепленного поселения со стороны селища–посада, которое примыкает с юга к городищу. Следы их и сейчас хорошо заметны в виде пологих пандусов, поднимающихся на памятник. Верхние отрезки въездов попадают в специально устроенные коридоры, сооруженные из крепостных дерево-земляных сооружений. Первый имеет длину около 50 м, а второй – около 100 м. Что же касается современных проемов в двойной линии обороны с напольной стороны, то, скорее всего, они относятся к более позднему времени. К такому выводу мы приходим на основании наших многочисленных наблюдений и самом характере этих так называемых «ворот». Здесь, например, можно отметить наличие современных земляных перемычек во рвах, которые являются следствием сдвига грунта из насыпи валов в более позднее время. Кроме того, их присутствие в древности серьезно бы ослабило оборонительную систему и свело бы на нет многие защитные мероприятия осажденных жителей.

На укрепленных поселениях Закамья, существовавших в домонгольское время, зафиксированы и другие типы проездов. Так в северо-западной части Екатеринино-Слободского II городища в створе ворот имеется дополнительное защитное сооружение в виде короткого отрезка рва и вала (рис. 36). Используя как аналог римскую военно-инженерную практику, мы можем данный прием отнести к типу *titulus*¹⁶ (Буйских, 1991,

с. 97). Судя по всему, он служил в качестве препятствия непосредственному нападению на ворота. Своим расположением данный отрезок вала заставлял противника маневрировать, а также не позволял осадной технике бить прямо по въезду. По-видимому, это предвратное укрепление осуществляло функции барбакана¹⁷, только как его более упрощенная модель (рис. 37, реконструкция). Таким образом, оно стоит в целом ряду оборонительных устройств подобного рода, которые различались по типу, но были объединены общей задачей защиты проездных ворот от прямого штурма (Ласковский, 1858, изобр. 21). С введением же огнестрельной артиллерии их начинают заменять туры и срубы, заполнявшиеся землей, а также тарасы (Богдановский, 1898, с. 8).

Укрепленные поселения, которые располагались на мысах, обычно имели небольшую площадь. Соответственно у них была и такая же по протяженности линия крепостных стен, установленных с напольной стороны. Чтобы конструкция ворот не ослабляла оборону системы валов и рвов, применялись, в том числе, и еще два вида проездов. Для первого нам известны четыре примера, где один из них устраивался непосредственно вдоль края мыса, проходя между обрывом и оконечностью укреплений. На территории Закамья он зафиксирован на Краснокадкинском городище X–XIII вв. Здесь вал в восточной части памятника поворачивает на юго-запад и тянется вдоль края мыса на протяжении около 50 м, оставляя свободной узкую площадку (рис. 38). Поэтому нападающий противник должен был продвигаться к воротам, имея справа крепостную стену, а слева обрыв, что подставляло под выстрелы его правую незащищенную часть.

Примерно такого же типа существовали проезды на Городищенском (на р. Волга) городище, расположенном в Предволжье. Первый из них находился в западной оконечности укреплений его внешнего города, где имеется излом в виде входящего угла (рис. 39). На этом месте линия обороны поселения немного не доходит до склона крутого оврага, оставляя между ним и валом свободный промежуток не более 6–8 м. Второй, возможно, также располагался в районе

¹⁶ Более позднее название – траверс.

¹⁷ Барбакан – отдельное укрепление, оборонявшее подступ к мостам или внешним входам в крепостной ограде.

западной оконечности укреплений внутреннего города, полностью повторяя тип первого проезда. Остальные же разрывы в валах, скорее всего, относятся к более позднему времени.

В свою очередь, следующие два примера несколько отличаются. Сюда относятся укрепления, перегораживающие полностью площадку поселений с напольной стороны. К ним принадлежат городища расположенные на территории Предволжья – Луковское (Япанчино) и Исаковское, где первое датируется XII–XIV, а второе – XIII–XIV вв. У обоих памятников имеющиеся сейчас «проезды» относятся к позднему времени, далеко выходящему за рамки средневековья. Это, в свою очередь, и удостоверяли наши археологические исследования, подтверждая высказанную ранее мысль (Измайлов, 1991; Губайдуллин, 1993). Со всех же других сторон эти памятники почти неприступны для восхождения.

Опираясь на вышесказанное, а также принимая во внимание зафиксированные нами небольшие изломы в укреплениях самой южной оконечности линии обороны Луковского (Япанчино) городища, повернутого в напольную сторону, а также в юго-западной части Исаковского городища, можно выдвинуть предположение об имевшихся здесь в древности помостах или проездах, которые проходили вдоль края мысов (рис. 40). Насколько верно наше предположение – вопрос открытый. Однако здесь другое объяснение вряд ли возможно, тем более учитывая наличие упомянутых небольших изломов линий укреплений. Их устройство в этих местах иначе труднообъяснимо, так как, судя по своему расположению, они должны были фланкировать именно конкретные края мысов.

Не менее интересным и малоизученным является второй вид проездов на городища. Он заключался в использовании для въездов склонов террас или оврагов, по которым осуществлялся подъем на площадки поселений. Нам известно не менее семи таких примеров. К ним относятся Елабужское «Чертово» (XI–XIII вв.), Арское (XIII–XVI вв.) и Камаевское городища (XIV–XVI вв.), расположенные в Предкамье, Богдашкинское (X–XIII вв.) и Тавлинское городища (XIII–XIV вв.), расположенные в Предволжье, а в Закамском регионе – Бураковское и Щербеньское II городища, суще-

ствовавшие в X–XIII вв.

На Арском городище следы въезда прослеживались вдоль восточной части его мысового откоса (рис. 41). Он начинался от подножья южной оконечности мыса, поднимался по его склону, затем проходил по дну рва до западного края площадки, где ранее еще сохранялся проезд шириной около 3 м. На этом месте в ходе археологических раскопок были выявлены остатки деревянного настила длиной более 7 м и шириной около 4 м, состоявшего из досок уложенных по линии въезда (Шутова, 2010, с. 17).

На Камаевском городище по обеим сторонам мыса имеются дороги вырубленные уступом в известняке, из которого сложен мыс (рис. 42). Первая из них, восточная, представляет собой лишь неширокую тропу, а вторая – пологий пандус в среднем 4–8 м шириной. Последняя проложена вдоль западного склона и начинается у подножия оконечности стрелки, постепенно поднимаясь к площадке памятника. В ходе наших археологических исследований было установлено, что поверхность этого въезда состояла из плотно утрамбованного мергеля. Не исключено, что это являлось наилучшим предохранением от возможного скольжения во время движения вверх или вниз по дороге. Кроме того, нами были выявлены и следы от столбовых конструкций. Таким образом, любой, кто поднимался на площадку городища, на самом верху дороги попадал в узкий, до 3 м, коридор. Нам думается, что, скорее всего, он представлял собой предворотный въезд, устроенный в виде перибола (рис. 43, реконструкция). Также, судя по зафиксированным следам неоднократных ремонтных работ, данная конструкция функционировала определенное длительное время.

В свой черед, мы предполагаем, что въезд на второе поселение – Тавлинское городище, осуществлялся по пологому скату в северо-западной части памятника. Он представлен в виде относительно пологого пандуса, который опускается с южной площадки, т.н. «шишки», укрепленного поселения (рис. 44). Исключая проем в укреплениях с напольной стороны, который возник много позже, другого удобного пути на городище не существует. Несомненно, что в противном случае столь удобный подъем на площадку поселения был бы эскарпирован.

Как отмечалось выше, у расположенного в этом регионе Богдашкинского городища

современный разрыв в системе укреплений внутреннего города датируется поздним временем – не ранее XVIII в. Однако в северо-западной части цитадели нами были зафиксированы два отдельных отрезка валов, повернутых внутрь площадки памятника в виде небольшого входящего угла (рис. 45). Думается, что это неслучайно. Не исключено, таким образом, наличие древнего въезда именно в этом месте. Сама же подъездная дорога могла идти с юга, поднимаясь вдоль оврага, тем самым заставляя поворачиваться к оборонительным сооружениям правым незащищенным боком.

Зафиксированный нами въезд на четвертое городище – Бураковское I, проходил по его восточному краю (рис. 46). Древняя дорога шла по оврагу, который выходит к протекающей рядом р. Ахтай. Не смотря на то, что она довольно сильно оплыла – следы ее в виде узкого уступа шириной до 2 м хорошо видны и в наше время. Таким образом, городище имело защищенный выход в сторону речной поймы и непосредственную связь с водным путем, что очень важно. Тем более нужно принимать во внимание, что в средневековье р. Ахтай была более полноводной и, как следствие, более проходимой для небольших судов.

По устройству въездов на Щербеньском II и Елабужском «Чертовом» городищах также прослеживается параллель с Камаевским городищем. На этих укрепленных поселениях хорошо видны древние дороги в виде пандусов, проходящих вдоль склонов мысов. У первого он поднимается по юго-западному склону, начинаясь у подножия южной части памятника и имеет современную ширину в 2–3 м (рис. 5). На втором городище въезд осуществлялся по его юго-восточному склону со стороны стрелки мыса. В настоящее время он довольно сильно оплыл и имеет незначительную ширину (рис. 47). В результате, постепенный подъем выводил их ближе к центру площадок поселений. Не исключено, что в этих местах должны были быть и какие-то воротные оборонительные устройства. Возможно, что они также дополнялись и проездными башнями. Различие между этими тремя поселениями заключается лишь в хронологии – первые два памятника датируются домонгольским периодом, а последний – поздним золотоордынским временем и эпохой Казанского ханства. Таким образом, налицо преемственность, выражен-

ная в использовании рельефа местности для обороны въездов на городища на протяжении нескольких веков.

Имелись и второстепенные места для входа на городища. По-видимому, они часто использовались для удобного доступа к воде, а также сообщения с прилегающей местностью на случай осады поселения. Подобные входные устройства отмечаются в виде узких тропинок, как, например, узкого пандуса, проложенного вдоль восточного склона Камаевского городища (рис. 42). Также они фиксируются и в виде небольших входящих углов, образованных концами валов повернутых внутрь, как, например, в северо-восточной части Староматакского городища (рис. 16). Кроме этого использовались и относительно пологие стрелки мысов, защищенные дополнительными отрезками укреплений, например на Ашиязском городище (рис. 219), расположенном, как и Камаевское, на территории Предкамья. Все они датируются разным временем – первый и последний памятники имеют позднюю по сравнению со Староматакским городищем датировку. Все же во всех этих случаях они предназначались для выхода к протекавшим рядом речкам, что говорит об имевших место традициях и устройстве дополнительных способов доступа как на площадку поселения, так и выхода с нее.

Как было видно, рассмотренные нами городища располагаются во всех трех регионах, занимаемых некогда Волжской Булгарией, затем Болгарским улусом Золотой Орды, а потом и Казанским ханством и датируются разными временными периодами. Таким образом, проследить какую-либо военно-инженерную специфику типов оборонительных линий и систем проездов, которая может характеризовать только отдельно взятую территорию или хронологический период, не представляется возможным. По-видимому, таковой и не существовало, безотносительно времени функционирования городищ. Нужно констатировать лишь факт возможного соответствия некоторых входящих углов линий укреплений с воротными проездами на городища. В данном случае мы можем видеть не только сложный и разнообразный комплекс фортификационных сооружений, вобравший в себя многие достижения военной науки древности и средневековья. Кроме оборонительных функций налицо и создание максимальных

удобств, призванных связать поселения с окружающей местностью и, соответственно, для ее контроля. В результате мы можем утверждать, что весь комплекс оборонительных мер, применявшихся в военно-оборонительном деле государств существовавших на территории Среднего Поволжья в X – первой половине XVI вв., представлял собой чрезвычайно сложную картину. Данное положение касается всех аспектов фортификации – систем обороны, устройств оборони-

тельных линий, размещения проездов и т.д. Также, несомненно, применение и развитие в этих государствах различных навыков в крепостном строительстве, заимствованных в Средней Азии и Причерноморье. Все это показывает почти непрерывную преемственность со времен Древнего мира до средневековья, отраженную в такой важной отрасли военно-инженерного искусства, как фортификация.

ГЛАВА III

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА

Непременным атрибутом городов и замков средневековья, в большинстве своем, были крепостные сооружения, которые включали в себя валы, рвы, стены и башни. Оборонительные постройки выступали в качестве существенной структурообразной роли, определявшей архитектурный облик поселений, так как являлись их своеобразным «лицом» (Раппопорт, 1965, с. 88). Изучение данных объектов фортификации позволяет получить важную информацию не только о военном зодчестве, но и хронологии и характере самих укрепленных поселений.

Устройства крепостных сооружений Волжской Булгарии делятся на внутривальные и наземные. При их постройке использовались одни материалы – дерево, грунт и камень. Применение этих строительных конструкций должно было заставлять их создателей придерживаться определенных

правил и законов, используемых при возведении дерево-земляных и каменных оборонительных сооружений.

На сегодняшний день объекты фортификации исследованы у трех с лишним десятков городищ Волжской Булгарии, которые датируются X – началом XIII вв. (рис. 1а). Здесь мы привлекаем сведения по изученным оборонительным линиям 34 укрепленных поселений. Однако, даже принимая во внимание относительно небольшое их количество по соотношению с общим числом памятников, мы имеем довольно широкий спектр типов оборонительных построек. Для удобства наиболее целесообразным будет рассмотрение исследованных дерево-земляных конструкций по регионам, как это было сделано во второй главе по отношению к природно-географическим условиям.

§ 1

Городища Закамья

В Закамье оборонительные линии изучались у 16 памятников. Это Билярское городище («Великий город» – Биляр), Танкеевское I, Андреевское, Болгарское, Суварское (город Сувар), Коминтерновское II, «Девичий городок», Джукетауское (город Джукетау), Бураковское I, Кураловское (Старокуйбышевское), Щербеньские I и II, Староматакское, Татбурнаевское, Краснокадкинское и Старомайновское (Грязнухинское).

Все вышеперечисленные укрепленные поселения булгар возникли и существовали в домонгольский период – в X – первой трети XIII вв. Только лишь три из них – Болгар, Джукетау и Коминтерновское II городище функционировали и в золотоордынское время. Первые два – до XV в., а последнее запустело не ранее середины-второй половины XIII в.

Билярское городище («Великий город» – Биляр)

Расположено в бассейне р. Малый Черемшан, по обоим берегам р. Билярки на равнинной местности (рис. 48). Занимаемая

памятником площадь – 620 га, а с примыкающими посадками – более 800 га. Городище имеет мощные укрепления в виде валов и рвов, разделяющих поселение на внутренний и внешний город. Средняя высота валов – 2–3 м, ширина – до 20 м, глубина рвов – 2,5–3 м, ширина – 15–18 м. Поселение датируется только домонгольским периодом истории Булгарского государства. Как укрепленный город, возникнув еще в X в., оно существовало до первой трети XIII столетия, погибнув осенью 1236 г. во время монгольского похода на Волжскую Булгарию. Археологическими экспедициями были изучены линии укреплений как внешнего, так и внутреннего города (рис. 49–51, рис. 52).

На Билярском городище внешний пояс обороны состоит из трех параллельных валов и рвов. Первоначально их исследовал П.Н. Старостин в 1968 г. В восточной части внешних укреплений им были выявлены следы от внутривальных конструкций, которые представляли собой легкие городни, тогда как наземную стену удалось зафиксиро-

ровать в виде остатков сгоревшей тыновой ограды (Халиков, Старостин, Фахрутдинов, 1969, с. 168–169).

Позже, изучение внешнего пояса крепостных дерево-земляных сооружений позволило Ф.Ш. Хузину установить, что самые ранние укрепления внутреннего ряда представляли собой лишь линию частокола и узкую канаву. По мнению исследователя, основанного на комплексе найденного археологического материала, эта линия датируется первой половиной X – началом XI вв.

Следующий этап в строительстве Ф.Ш. Хузин соотносит уже с сооружением земляных насыпей. Ширина основания земляного вала составляла 760 см, а высота – 140 см, который сложен в основном из плотного суглинка (Хузин, 1985, с. 65). Что касается деревянных конструкций, то исследователю удалось зафиксировать лишь небольшую ямку с древесным тленом в верхней части насыпи, а сооружение самого вала было отнесено им к первой половине XI в. Только уже с третьим строительным периодом Ф.Ш. Хузин связывает перестройку укреплений и значительное увеличение насыпи. В это время вал достиг максимальной ширины – 12,6 м, а высота увеличилась до 2 м, что произошло благодаря подсыпке слоя плотного желтого суглинка. Никаких следов деревянных конструкций и в этом случае не выявлено. Согласно стратиграфии и комплексу находок автор отнес его к XII – началу XIII вв., а уничтожение наземных укреплений связал со временем монгольского нашествия (Хузин, 1985, с. 69).

Заложенный Ф.Ш. Хузиным в 250 м от предыдущего другой раскоп, подтвердил полученные ранее данные о времени строительства и характере этой линии обороны. Были выявлены следы частокола-тына на валу и рва перед ним. Ширина небольшого вала – 360 см, высота – до 50 см; глубина рва 140–150 см. Исследователю удалось определить, что в XI в. укрепления были перестроены, древнейший ров засыпан, а на его месте возведен вал из плотно утрамбованного пестроцвета. Высота его от уровня погребенной почвы 160 см, ширина в основании 12 м. По гребню вала исследователь выявил три столбовые ямки диаметром 12–18 см и глубиной 30–60 см. По его мнению – это остатки деревянной стены из вертикально врытых столбов, служивших связками для горизонтально положенных бревен. Наибо-

лее же значительная по мощности насыпь вала относилась к третьему строительному периоду. Она была наращена до 240 см при ширине основания 14,4 м и состояла из плотного суглинка. По определению Ф.Ш. Хузина, по вершине вала были устроены деревянные укрепления, чьи следы зафиксированы непосредственно под дерном в виде параллельных канавок заполненных гумусированной супесью. Они располагались вдоль оси вала на расстоянии 210 см друг от друга. Как считает автор, данные объекты представляли собой следы от нижних венцов стены, которая имела вид городней. Датируется этот строительный период, по его мнению, второй половиной XII – началом XIII вв. (Хузин, 1985, с. 71).

При исследовании средней линии укреплений было установлено, что вал состоял из чернозема с включениями материкового суглинка. Наибольшая высота его составляла 100–120 см при ширине основания около 8–10 м. Следов деревянных сооружений выявить не удалось. Отсутствие же следов рва могло компенсироваться руслом р. Елшанки, протекавшей между линиями укреплений. Судя по найденному археологическому материалу, как считает Ф.Ш. Хузин, эта насыпь датируется временем не раньше второй половины XII в.

Таким образом, по мнению Ф.Ш. Хузина, внешняя линия укреплений Билярского городища была возведена в конце XI – начале XII в. В течение же своего функционирования она подвергалась перестройке. Сам крепостной вал содержал в себе следы двух строительных периодов. Первый состоял из темно-серой супеси с небольшими прослойками материкового суглинка при ширине основания 7,6–8 м и высотой 125–130 см. Затем в конце XII в. укрепления были перестроены. Насыпь увеличилась в высоту до 220 см, а в ширину достигла 10–11 м за счет желтого суглинка взятого из рва (Хузин, 1985, с. 84). По мнению ее исследователя, в это время были сооружены деревянные стены, которые прослеживались в виде углублений-ямок, заполненных гумусированной супесью. Верхняя хронологическая граница существования данной линии обороны синхронна верхней границе функционирования всего городища, т.е. она относится к периоду монгольского нашествия – к осени 1236 г.

Внутренний пояс города состоит из двух рядов рвов и валов. Их исследования

выявили сложную стратиграфическую картину. Внутренний вал содержал в себе следы четырех строительных периодов (рис. 53). Здесь насыпь первого строительного периода состояла из плотной гумусированной супеси темно-коричневого цвета – высота ее 50–60 см при ширине 7–8 м. По обеим сторонам этого первоначального вала были зафиксированы также узкие канавки и столбовые ямки. Данная насыпь была стратиграфически увязана с нижним горизонтом культурного слоя Билярского городища, датируемого первой половиной X в. (Хузин, Кавеев, 1985, с. 45, рис. 2).

Следующий строительный период, зафиксированный исследователями, характеризовался увеличением мощности насыпи еще на 100 см, которая сложена из чередующихся слоев плотного коричневого суглинка, темно-серой супеси, пестроцвета и желтой материковой глины. В процессе исследований никаких следов деревянных конструкций выявлено не было. Они скорее всего подверглись уничтожению во время последующей перестройки вала. Однако Ф.Ш. Хузин и М.М. Кавеев обратили внимание на имеющиеся золисто-углистые пятна, оставшиеся, возможно, от сгоревших укреплений (Хузин, Кавеев, 1985, с. 48).

Само возведение наиболее мощных оборонительных насыпей относится к третьему и четвертому строительным периодам. В это время вал был наращен путем подсыпки мощных пластов материкового суглинка. Эти реконструкции довели высоту оборонительной насыпи до 3–3,5 м, а ширину в основании до 20 м. Исследователями были выявлены и остатки наземных укреплений, которые дошли до нас в виде «...обугленных остатков частокола-тына из плотно подогнанных друг к другу толстых плах поставленных на гребне вала» вдоль вершины его внешней отлогости. Все четыре периода строительства оборонительной насыпи и ее функционирование Ф.Ш. Хузин и М.М. Кавеев уложили в хронологические рамки – с первой половины X в. по 1236 г.: первая насыпь – первая половина X в., вторая – XI–XII вв., четвертая – начало XIII в. (Хузин, Кавеев, 1985, с. 48, 52).

Следующий, внешний ряд укреплений, расположен на расстоянии около 30 м от внутреннего. Он состоит из вала и рва. Как было определено исследователями, максимальная высота насыпи достигала лишь

110–125 см от уровня погребенной почвы. Каких либо следов надвальных сооружений не было прослежено. Установленная ширина рва доходила до 10 м, а глубина до 3 м. По мнению авторов исследований, сооружение этой линии относится ко второй половине XII в. (Хузин, Кавеев, 1985, с. 53–54).

Таким образом, основываясь на полученных материалах исследований «Великого города»–Биляра, мы можем проследить почти всю эволюцию болгарских оборонительных сооружений – от самых простых, до наиболее сложных. Этот факт является показателем развития фортификационных сооружений в целом за все время существования Волжской Булгарии. Выявленные на памятнике самые ранние укрепления представляли собой небольшую насыпь – частокол и неглубокий ров с напольной стороны. Однако это вряд ли может говорить о том, что болгары не знали других типов оборонительных конструкций. Видимо на определенный промежуток времени столь простые сооружения были достаточны. Вскоре, однако, они перестраиваются. В связи с этим вызывают интерес дерево-земляные конструкции внутреннего города. В последний период своего существования они представляли собой довольно сложную конструкцию.

Мы отмечали выше, что в ходе археологических исследований Ф.Ш. Хузиным и М.М. Кавеевым были выявлены остатки крепостных стен из толстых плах, установленных по гребню внутреннего вала. Их исследователи интерпретировали как частокол–тын. Может показаться странным, что последний рубеж обороны такого города, каким являлось Билярское городище, состоял из довольно простых укреплений. Однако, понятие «простой» еще далеко не значит «слабый». Нужно также учитывать – у такого важного административно-хозяйственного, торгового, военного, политического и духовного центра государства, занимавшего огромную по тем временам территорию, имела сложная фортификация. Кроме того, поздняя датировка этой конструкции не исключает ее спешного возведения, осуществлявшегося в процессе общего ремонта крепостных сооружений и подготовки обороны города незадолго до монгольского вторжения. То есть на каких-то участках городских линий укреплений «старые» стены могли только ремонтироваться, а на других же, из-за недостатка времени и средств,

строились более легкие защитные устройства вместо предшествующих более сложных, которые пришли в непригодность.

Скорее всего, на разных участках линий обороны имелись различные по типу крепостные сооружения. Существовал принцип разумной достаточности. Об этом может говорить и использование для защиты внутреннего города русла р. Мал. Елшанки, включенной в северо-восточную часть укреплений. И здесь действительно достаточно было построить только стены типа тыновой ограды. Можно предположить, что наклонное положение стены, которое выявилось в процессе исследований, говорит о наличии здесь разрушенных укреплений. По-видимому, они были завалены в процессе их уничтожения во время или после штурма города. Подтверждением применения такой конструкции могут свидетельствовать и использованные в ее устройстве плахи, имеющие себе аналогии в древнерусском военном зодчестве (Енуков, Енукова, 1993, с. 48–50). Данный тип крепостных стен позволял обороняющимся иметь открытой подошву укреплений и эффективно ее обстреливать, а также лучше предохранял от камней и копий, как само сооружение, так и его защитников (Бусмар, 1818, с. 4). Наклон этой постройки давал возможность отразить рикошетом выпущенные метательными машинами снаряды с наименьшим ущербом для всей оборонительной постройки, в том числе и для прикрытия боевого хода. Таким образом, значительная часть энергии летящего камня при ударе теряла свою разрушительную силу.

Деревянная ограда параллельной наружной линии укреплений, располагавшейся на расстоянии около 30 м, выявлена не была, т.к. причиной тому являлся оплыв крепостного вала. Судя по незначительной мощности насыпи, она представляла собой дополнительное оборонительное сооружение, препятствовавшее прямому штурму основного рубежа. В связи с этим, вряд ли деревянное заграждение на ней отличалось какой-либо степенью сложности. Скорее всего, оно могло быть устроено в виде частокола или, что также может быть, столбовой конструкции. Не исключается возможность и устройство булгарами одной лишь оборонительной насыпи в виде дополнительного препятствия без каких-либо надземных стен из дерева.

Не менее примечательным в области фортификации является внешний пояс укреплений, состоящий из трех линий обороны. Первоначальные сооружения, как во внутреннем городе, представляли собой лишь частокол, невысокую насыпь и неглубокий ров. Второй строительный период внутренней линии обороны характеризовался увеличением насыпи и строительством крепостной стены в виде столбовых конструкций. Наземные укрепления третьего строительного периода представляли собой более сложную картину. По-видимому, они имели уже вид городней. Таким образом, только на примере одной линии обороны мы можем видеть эволюцию в военном зодчестве Волжской Булгарии, шедшего от простого к сложному.

К сожалению, не удалось определить облик крепостных надвальных сооружений средней линии. Лишь во внешнем валу были прослежены следы «углублений-ямок», относящихся к предмонгольскому периоду. Скорее всего, они представляли собой остатки оборонительной стены в виде тыновой ограды с боевой площадкой с внутренней стороны (Хузин, 1985, рис. 9). Об этом могут свидетельствовать также и результаты исследований, проведенных П.Н. Старостиным и упомянутые нами выше.

Рассматривая фортификационные сооружения внешнего пояса обороны Билярского городища, необходимо отметить одну важную деталь в ее системе. В 25 м от наружного вала в результате исследований были прослежены две линии параллельных «глубоких и широких столбовых ям с промежутком в 20 м между ними» (Халиков, 1976, с. 54) (рис. 54). Вполне возможно, что здесь мы имеем дело с фортификационной постройкой, получившей название фоссебрея, которая препятствовала непосредственному штурму основных укреплений, не позволяя сразу подойти атакующим колоннам и подвезти близко осадную технику. В связи с этим, она не могла обстреливать внутренний город и его укрепленные линии. В свою очередь, эта ограда позволяла обороняющимся выдвигаться вперед и вести обстрел противника еще на подступах к городу, не подпуская его на близкое расстояние, т.к. непосредственный штурм любых основных крепостных сооружений часто должен был приводить и приводил к их захвату. Возможно, что фоссебрея была устроена в виде

частокола, наиболее простого защитного сооружения. Это не требовало при строительстве значительных материальных затрат, но, тем не менее, могло эффективно использоваться при обороне.

Такого же типа внешние укрепления строились в средневековье и на территории Западной Европы. Привлекает внимание, что и они представляли собой деревянные палисады, построенные из невысоких бревен в рост человека. Вызывает также интерес их месторасположение – они размещались на примерно таком же расстоянии от основных укреплений – от 20 до 30 шагов (Виолле-ле-Дюк, 2009, с. 173, 229). По-видимому, вряд ли сейчас можно говорить о каком-то влиянии. Не исключено, правда, заимствование этого защитного приема крестоносцами на Востоке и привнесение его в западноевропейскую оборонительную практику. Скорее всего, в очередной раз, мы имеем дело с общими правилами и одинаковыми расчетами в военно-инженерной науке того времени, касающихся принципов обороны фортификационных сооружений.

Можно констатировать факт, что оборона «Великого города» – Биляра отличалась значительной сложностью. Ее искусственные рубежи имели три пояса фортификационных сооружений. Однако, необходимо, иметь в виду, что крепостные стены Билярского городища вряд ли были единообразны по всей длине валов. Скорее всего, с наиболее угрожаемых сторон могли устанавливаться мощные конструкции или наоборот, там, где опасность нападения была меньше – более простые.

Судя по окружающему ландшафту и линиям обороны, наиболее опасными для города и удобными для штурма были юго-восточная, восточная и, частично, северо-восточная стороны. Именно здесь находятся три ряда внешних валов и рвов, а также относительно ровная прилегающая местность. Также некоторым подтверждением этого являются зафиксированные в юго-восточной части укреплений внутреннего города небольшие впадины, устроенные в валах в виде окопов-шанцев. Сейчас они считаются остатками хозяйственных сооружений русского села Билярска. Однако, согласуясь с их формой и мнением А.И. Артемьева, приведенного в I главе работы, можно предположить устройство этих объектов стрельцами. Ими в Билярске был построен острог, входивший

в русскую засечную черту. Поэтому не случайно, что, как и ранее булгарами, данному направлению оказывалось особое внимание.

Несмотря на относительное небольшое количество вскрытых раскопов и площадей, все же мы имеем определенное представление, касающееся общего облика крепостных сооружений Билярского городища, основанное на археологических исследованиях (рис. 55, реконструкция). Вопрос же о возможном существовании в древности цитадели-арке у «Великого города» до сих пор не решен. Мы вообще сомневаемся в факте присутствия ее в центре данного поселения, т.к. никаких достоверных свидетельств этому нет.

Танкеевское I городище

Находится на левом берегу р. Старая Рытвина правого притока р. Утка. Памятник расположен на подчетыреугольном мысу коренной террасы. Занимаемая площадь – 6 га. Линии укреплений городища состоят из двух валов и двух рвов (рис. 56, рис. 60–61). Современная высота оборонительных насыпей 2–2,5 м, ширина около 10 м, глубина рвов 1–1,5 м, ширина 6–8 м. Укрепленное поселение датируется только домонгольским периодом, причем оно возникло не позже второй половины X в.

Во время археологических раскопок памятника Т.А. Хлебниковой были выявлены остатки ранних оборонительных сооружений. Они представляли собой ров шириной 5–6 м и глубиной – 2,7–2,8 м, а также и двух рядов частокола из бревен диаметром 10–20 см, которые располагались вдоль эскарпа и контр-эскарпа на расстоянии от края последних 1,2–1,5 м (рис. 57–58). Зафиксированы и следы насыпи небольшого вала из материковой желтой глины с внутренней стороны рва. Как считает исследователь, их строительство датируется второй половиной X в. (рис. 59, реконструкция). По наблюдениям Т.А. Хлебниковой, эта система укреплений в конце X – начале XI веков, была перестроена путем засыпки рва и сноса частокола, а также переноса оборонительной линии на новое место, что, тем самым, расширило площадку поселения (Хлебникова, 1964, с. 67–68).

Исследователем также было выдвинуто справедливое предположение и о социальном статусе памятника: «Малая площадь городища при довольно сильных укреплениях его позволяет думать, что оно возникло как

феодалный замок» и продолжало существовать далее как «...резиденция феодала с еще более мощными укреплениями» (Хлебникова, 1964, с. 68). Мы еще раз можем убедиться, что подобное видение и интерпретация статуса городищ не является чем-то исключительным, а наоборот довольно распространенным.

К сожалению, та система фортификационных сооружений, которая визуальнo фиксируется в наше время, пока не исследовалась. Мы можем лишь констатировать факт о схожести ранних укреплений Танкеевского I городища с Билярскими. На последнем, однако, они возведены в более раннее время. Все же нужно отметить, что, несмотря на различие по периоду возникновения этих сооружений, перестраиваются они примерно в один и тот же хронологический отрезок – в начале XI в. По-видимому, данный факт не является случайным совпадением и связан с какими-то общими закономерностями в развитии науки об укреплениях булгар. Подтверждается это и сведениями по фортификации некоторых других памятников, что будет рассмотрено ниже.

Андреевское городище

Памятник располагался на высоком правом берегу р. Калмаюр, левого притока р. Волга. Городище занимало мыс высотой 20 м, ограниченный с запада и юга безымянной речкой, а с востока и севера оврагами (рис. 62). Занимаемая площадь – 2,7 га. С западной и восточной сторон поселение защищалось линиями укреплений в виде двух валов и двух рвов. С юго-запада оно ограждалось одним валом и рвом. По мнению его исследователя А.П. Смирнова, с этой стороны находилась заболоченная долина реки, что создавало естественную преграду (Смирнов, 1962, с. 28–29). Городище датируется домонгольским периодом истории Волжской Булгарии – X–XIII вв.

Оборонительные сооружения памятника изучались археологической экспедицией А.П. Смирнова в местах их наибольшей сохранности (рис. 63). Исследования в восточной части городища показали, что первоначально площадь поселения была окружена валом шириной 4,5 м, насыпанном на слой погребенного чернозема. Связанный с ним ров прослежен не был, т.к. возможно он был включен в более позднюю оборонительную преграду. Через некоторое время этот внутренний вал был реконструирован: ширина

его доведена до 9 м, а также увеличилась и высота насыпи. В его основании А.П. Смирнов выявил полосу золы и угля. С внешней стороны к нему примыкал ров шириной около 6,2 м и глубиной 2,8 м. Каких-либо следов деревянных конструкций выявлено не было (Смирнов, 1962, с. 30).

Далее за рвом исследователем отмечалась узкая площадка шириной ок. 2,5 м, располагавшаяся с внутренней стороны внешнего вала. Его насыпь состояла из чернозема, перемешанного с супесью и имела ширину ок. 6 м. Непосредственно за ним шел ров шириной ок. 7 м и глубиной 2,8 м. Его заполнением являлась супесь, смытая с вала. В нижней части заполнения рва А.П. Смирновым была прослежена прослойка серого песка толщиной 15 см. Данный факт исследователь интерпретировал как следы заполнения рва водой в древности (Смирнов, 1962, с. 30).

Подобное заключение довольно сомнительно, т.к. данный ров вырыт в песчаном грунте, что не позволяло содержать в нем воду никаким образом. Проблемным было бы и специальное осуществление подъема воды на такую высоту, что довольно трудно и вряд ли вообще делалось где бы то ни было. Даже для воспрепятствования обычному оплыву, склоны рва укреплялись деревянной облицовкой, следы которой были выявлены в виде остатков древесины. Поэтому никакой речи не может идти о водяных рвах ни на данном памятнике, ни на многих других подобных. Все же при многих реконструкциях оборонительных сооружений исследователи часто совершали и совершают такую ошибку, которая, видимо, является следствием желания несколько «приукрасить» фортификационную картину некоторых городищ.

А.П. Смирновым также была изучена и система обороны в западной части укрепленного поселения. Ширина внутреннего вала здесь достигала 3,6 м, ширина рва – 5 м при глубине 2,6 м. Также как и в восточной части укреплений, на дне внешнего рва был прослежен слой намывного песка, что, по-видимому, являлось следами воздействия природных осадков. В этой части крепостных сооружений также не оказалось следов деревянных конструкций (Смирнов, 1962, с. 30). Однако, исходя из профиля разреза оборонительных линий и характере внутренних насыпей, можно предположить, что наиболее мощный внешний вал был основ-

ным и наверняка мог нести главную оборонительную функцию, тогда как внутренний являлся дополнительным и обладал предназначением в качестве абшнита или ретраншемента¹⁸.

Основываясь на этих данных, можно реконструировать облик дерево-земляных конструкций в виде каких-то относительно мощных стен во внешней линии обороны и более «легких» – во внутренней. Не исключено, что первые могли представлять собой срубные постройки, а вторые – тыновую ограду или столбовую конструкцию, возможно даже двухрядную с внутренней забутовкой грунтом.

По мнению А.П. Смирнова, во время исследования площадки городища были расчищены и остатки первоначальных укреплений в виде тына, ограждавшего первоначальную часть поселения. Он был сделан из неочищенных бревен, лежавших в направлении юг–север. Они имели длину 3,8 м и ширину 0,2–0,45 м. Этот тын был присыпан небольшим валом из песка и чернозема. С внешней стороны в 4 м находился первоначальный ров шириной от 2 до 4 м и глубиной, достигавшей 1,7 м. В самом рву были выявлены остатки кола, забитого в дно. Как считает А.П. Смирнов, «это остатки кольев, обычно проходивших по дну рвов средневековых городов и замков» (Смирнов, 1962, с. 30). Исследователем был сделан вывод о том, что первоначально поселение было укреплено тыном и рвом, которые не отвечали инженерным требованиям того времени и носили временный характер. С этой ранней стеной связан и первоначальный вал, вскрытый в восточной части, а также вал на границе с западным краем площадки городища (Смирнов, 1962, с. 31). Здесь, таким образом, мы видим некоторую параллель с ранними укреплениями Танкеевского I городища, что также может служить и датировкой их возведения, т.е. временем не позже X в. Последующие же крепостные сооружения Андреевского городища и их тип находят себе аналогии и на некоторых других памятниках Волжской Булгарии домонгольского периода, что будет видно далее.

Болгарское городище

В домонгольский период первоначально занимало подтреугольный мыс высотой около 30 м, который находится в северо-северо-восточной части современного памятника. Занимаемая поселением площадь достигала 9 га и ограничивалась с юго-востока Большим Иерусалимским оврагом, с севера краем коренной волжской террасы, а с запада искусственными укреплениями (рис. 10).

Специально вопрос о самых ранних оборонительных сооружениях Болгарского городища был поставлен исследователями еще в 60-х гг. XX в., т.к. это было тесно связано со временем возникновения самого города. Первоначально проводился поиск укреплений, отмеченных дьяком А. Михайловым в начале XVIII столетия: «...и из того под строение того монастыря отведено земли внутри малого окопа, где был царский дом, длиннику 80, поперек 60 саж. трехаршинных.» (Невоструев, 1871, с. 528). Однако в ходе них были сначала выявлены неизвестные ранее линии обороны.

В районе северо-восточной части от Успенской церкви «...была разрезана система укреплений из двух перестраивавшихся рвов с восьмиметровой площадкой между ними, с остатками двух стен по краям восточного рва» (Хлебникова, 1974, с. 19). Они представляли собой деревянные конструкции в виде частокола или тына, а их строительство относится ко времени не позже начала X века. По мнению Т.А. Хлебниковой, обе линии «юго-восточными концами были подведены к отрогам оврага (Большого Иерусалимского–А.Г.), а северным, сходясь вместе, подходили к обрыву террасы» (Хлебникова, 1987, с. 49).

Их остатки были обнаружены в 1967 г. Т.А. Хлебниковой и В.И. Ледяйкиным (раскоп XVI). Следы западного рва вскрыты на глубине 180–182 см от современной поверхности. Его заполнение состояло из V (домонгольского) слоя в нижней части и IV (золотоордынского) в верхней. Удалось также зафиксировать и свидетельства ремонта объекта. Дно его, в виде канавы, выявлено на глубине 460 см. По мнению авторов раскопок, она представляла собой след от столбов (Хлебникова, Ледяйкин, 1967², с. 14). Сам же ров функционировал два этапа. Во время первого он имел ширину около 7 м и глубину 280 см от уровня материка. Во второй этап он был смещен немного западнее в наполь-

¹⁸ Абшнит, ретраншемент – внутренняя крепостная вспомогательная постройка в виде вала со рвом впереди, дававшая возможность продолжать оборону после того, как противник занял главные укрепления.

ную сторону и стал иметь размеры 530–540 и 240 см соответственно. Кроме того, удалось обнаружить и следы вертикальных кольев диаметром до 14 см, которые шли рядами вдоль рва. По мнению исследователей, данное оборонительное сооружение перестало существовать к XIII в. и не имело отношения к т.н. «малому окопу» (Хлебникова, Ледяйкина, 1967², с. С. 15; Хлебникова, 1974, с. 19).

Нам представляется несколько странным соединение двух рвов в один. В то время как с большей части сторон имеется двойная линия, оставшийся отрезок обороны сознательно ослаблен. В этом случае непонятно, почему болгарские военные инженеры не продолжили параллельного строительства обеих рубежей до конца, причем на относительно короткое расстояние. Все это позволило бы иметь равнозащищенной площадку поселения с наиболее уязвимой напольной стороны. По-видимому, здесь существует или некоторая неточность в современной реконструкции, или, по какой-либо причине еще в древности в X в. ров был перенесен на другое место – в сторону уменьшения или увеличения площади городища. Таким образом, эти линии не были возведены и не существовали синхронно, в то время как восточная, судя по всему, является более ранней. Однако стоит учитывать, что хронологическая разница между ними небольшая и строительство обоих рвов относятся к X в.

Сам восточный ров, по мнению Т.А. Хлебниковой, обнаруживает три периода функционирования. Выявленная ширина первоначального – около 6 м, а глубина 2,5–2,6 м. Следующий этап существования связан с его перестройкой и смещением к западу на 1,5 м. Также он значительно расширяется – примерно до 9 м, а его эскарп делается несколько более пологим по сравнению с контр-эскарпом. С перестройкой объекта связан и третий этап существования. Ширина рва достигает 10 м, а глубина соответствует первому периоду (Хлебникова, 1974, с. 19). Еще более увеличивается и асимметрия отлогостей – внешняя делается почти вдвое круче внутренней (Хлебникова, 1974, с. 21). Таким образом, он приобретает черты классического т.н. «пунического рва» (Губайдуллин, 2006³, с. 103).

Нужно отметить, что рвы подобной формы затрудняли штурмующему противнику спуск в них, а также быстрое форсирование данных препятствий. Кроме того, за счет по-

логого эскарпа дно их оставалось наиболее открытым для обстрела. Как указывалось ранее, свое происхождение такой тип имеет еще в античности, о чем, в частности, говорит и его название.

В дополнение Т.А. Хлебниковой были отмечены и пласты желтого суглинка с внутренней стороны рва мощностью 40–50 см. По мнению исследователя, они «могут быть истолкованы как остатки скрытого вала, который, вероятно, входил в систему укреплений города» (Хлебникова, 1974, с. 21). В подтверждение данной мысли, позже подобные остатки были также зафиксированы нами и на другом участке. Кроме этого, Т.А. Хлебниковой удалось проследить и остатки крепостных стен вдоль рва в виде ям от столбов, диаметром от 40 до 75 см, расположенных друг от друга на расстоянии 1,8–2 м. Как считает автор раскопок, они представляли собой основу конструкции, при которой пространство «между столбами было забрано, по-видимому, горизонтальными бревнами, крепившимися в пазы столбов» (Хлебникова, 1974, с. 21). Здесь мы видим один из самых ранних типов оборонительных стен, что еще не раз будет подтверждено впоследствии. Это так называемая «столбовая конструкция», которая возникла не позже X в. и существовала параллельно частоколу и тыновой ограде. Нужно также отметить – данный тип использовался впоследствии и на других памятниках на протяжении длительного хронологического периода. Благодаря относительной простоте, дешевизне при строительстве и, в тоже время, функциональности в обороне можно причислить эту конструкцию к разряду универсальных.

Продолжение восточного рва Т.А. Хлебниковой было случайно выявлено в 1972 г. при помощи траншеи, заложенной значительно южнее (раскоп XLI) (рис. 64). Во время раскопок границы объекта выявились только при выходе на уровень материкового суглинка. Ширина его составляла 4,3–4,4 м, глубина 2,85 м. Судя по описаниям, ров имел коническую форму и возник «к началу образования культурных напластований города» (Хлебникова, 1972, с. 21). К концу домонгольского периода он «как укрепление не функционировал, будучи заполнен чуть ли не до дневного уровня». С ним также связано и обнаружение следов от «вертикальных кольев, вбитых в юго-западный (внешний – А.Г.) склон рва», а в его ниж-

них напластованиях «...найлены фрагменты салтово-маяцкой лесостепного варианта ее лепной керамики шамотного теста рубежа IX–X – начала X вв.» (Хлебникова, 1972, с. 22) (рис. 70).

В процессе работ на дне этого оборонительного сооружения выявилась и дренажная канавка (Хлебникова, 1972, с. 3 (профиль северо-западной стенки)). Она впервые была вскрыта на раскопе XVI, которую исследователи интерпретировали как следы от столбов. Нужно отметить, что долгое время данный объект не принимался во внимание. Однако он является показателем некоторой «архаичности» в плане происхождения, т.е. еще со времен укрепленных поселений поздней античности Северного Причерноморья. И это снова отсылает нас к истокам болгарской фортификации.

Для выяснения расстояния между восточным и западным рвами Т.А. Хлебниковой был заложен раскоп XLVI, смещенный на 21–22 м западнее раскопа XLI. Однако выявленный в процессе работ на уровне материка объект, по мнению исследователя «...является ничем иным, как склоном естественного оврага, обращенного устьем к юго-юго-востоку...», а сам крепостной ров должен выходить к его вершине (Хлебникова, 1973, с. 21). По-видимому, это природное образование было включено в систему укрепления города X в., что часто фиксируется и на многих других городищах. Наряду с ним, при описании памятника А.И. Свечиным в 1765 г., были упомянуты и два других рва, которые также выходили к Большому Иерусалимскому оврагу (Борисов, 1898¹, с. 574). В данном случае мы еще раз видим один из примеров использования рельефа местности в военно-инженерной науке болгар.

В дополнение к этому исследователи отмечали, что при строительстве крепости ее создатели умело включили в систему обороны также крутые склоны Большого Иерусалимского оврага и высокий 30-метровый обрыв к р. Волге (Краснов, 1987, с. 104). Кроме того у подножия последнего протекала реч. Меленка, берега которой еще в тот период времени были заболочены, что еще более затрудняло подступ к городу с северной стороны. Ранее также считалось, что в древности в оборонительных целях имело место и специальное затопление данной территории посредством устройства близ устья речки плотины, выявленной раскопками

1952 г. (Хованская, 1958, с. 318; Краснов, 1987, с. 104).

Здесь стоит несколько «подкорректировать» приведенную точку зрения. Создание плотины, скорее всего, имело целью улучшение водного пути для доставки грузов со стороны р. Волги непосредственно к городу. По-видимому, это осуществлялось посредством мелкосидящих судов или лодок. Кроме того, в нижней подгорной части Болгарского городища с раннего времени существовали и различные ремесленные производства, особенно керамическое, металлургическое и кузнечное, для которых, так или иначе, нужна была вода (Город Болгар, 1988; Город Болгар, 1996). Нельзя забывать и высокую пожароопасность данных объектов.

Учитывая природную труднодоступность местности с северной стороны памятника в виде очень крутого склона, вряд ли еще требовалось проведение каких-то гидротехнических дорогостоящих работ. Не исключено и то, что в древности скаты террасы могли быть дополнительно эскарпированы, таким образом существенно удешевляя фортификационные работы. Поэтому мы не склонны относить подгорную часть Болгарского городища к системе фортификации. Скорее она входит в так называемую «естественную фортификацию» только в качестве дополнения. Сам же город в тот период времени мог быть подвергнут штурму лишь с напольной западной стороны.

В недавнее время появились свидетельства того, что линия обороны X века не выходила непосредственно к Большому Иерусалимскому оврагу, а поворачивала на восток и шла далее вдоль этой естественной преграды на удалении около 60–70 м в северо-восточном направлении, на что указывают данные геофизических исследований последнего времени, а также материалы археологических работ С.Г. Бочарова (раскоп СХСIX). Это же косвенно подтверждает и территория распространения VI домонгольского слоя, не выходящего за определенную границу (рис. 10). Данный факт довольно примечателен, т.к. позволяет по-новому взглянуть на некоторые принципы обороны, которые продолжали применяться и в более позднее время.

Не решенным оставался вопрос о границе посада раннего города и возможном наличии его укреплений. В свое время Т.А. Хлебникова предполагала существова-

ние третьей системы обороны, располагавшейся на некотором расстоянии к западу от описанной выше (Хлебникова, 1974, с. 21). Наши недавние исследования, проведенные в центральной части городища, подтвердили ее предположение. Нами были выявлены остатки оборонительного рва, шедшего с северо-запада на юго-восток и датирующегося X в. Он был обнаружен в 750 м к юго-западу от места прохождения ранних укреплений, в районе современного перекрестка ул. Назаровых и Школьного переулка (раскоп ССXXXV). Ров имел трапециевидную форму шириной ок. 2,5 м и глубиной ок. 1,5 от уровня выявления (рис. 80). Его заполнением служил VI слой стратиграфической шкалы городища в виде плотной серой гумусированной супеси, который перекрывался V слоем второй половины домонгольского периода. В процессе вскрытия рва, почти на самом дне, был выявлен частичный развал раннего гончарного сосуда (рис. 80а). Таким образом, данный оборонительный объект существовал в раннедомонгольское время и был засыпан не позже нач. XI в. Учитывая эти новые свидетельства, можно утверждать, что посад города имел укрепления, а площадь самого укрепленного поселения была значительно больше.

В последующие два десятилетия внимание археологов в основном было обращено на изучение других объектов, расположенных на территории памятника. Только с середины 90-х гг. XX в. возобновляются исследования фортификации раннего Болгара. Так вновь подверглась вскрытию внутренняя линия обороны (раскопы СХХIII, СХХV, СХХVI, СХХVII, СХХXI), причем раскопом СХХXI в 1997 г. она изучалась намеренно (Губайдуллин, 2002, с. 88–89).

Обнаруженный ранее траншеями (раскоп ХLI – 1972 г. и раскоп СХХVI – 1996 г.), восточный ров был выявлен также только на уровне материкового слоя. Его следы представляли собой полосу темно-коричневой супеси шириной 360–380 см. Как выяснилось позже – это слой раннезолотоордынского времени, которым окончательно были засыпаны остатки раннего объекта фортификации. В нижней части рва прослежены также и засыпи домонгольского времени в виде серой и светло-коричневой плотных супесей. Дно оборонительного сооружения выявилось на глубине 320 см от современного уровня (170–190 см от материковой по-

верхности). В процессе вскрытия нами были зафиксированы остатки дренажной канавки на дне рва, а также следы его ремонта (ремонтов?). Кроме того, на внутренней отлогости оборонительного сооружения удалось проследить следы от двух столбовых ямок диаметром около 15 см в виде пятен серого гумусированного суглинка. По имеющимся аналогиям с других раскопов, можно предположительно отнести их или к дополнительным препятствиям в виде остатков вбитых кольев, или к крепежу склонов крепостного вала. К сожалению, следов каких-либо других конструкций не было выявлено, т.к. ранние напластования данной территории, входящей в центральную часть памятника, сильно переработаны в золотоордынское время. И все-таки благодаря целенаправленным исследованиям, нам удалось в очередной раз проследить местонахождение этого раннего объекта обороны города, а также подтвердить его функциональное предназначение.

Наибольший интерес вызывают результаты изучения остатков мощной деревянной ограды из крупных столбов с забранными в них бревнами, начало которым положили еще исследования 80-х гг. прошлого столетия (раскопы LXVIII, ХСIII). По мнению Т.А. Хлебниковой, возникновение этой постройки связано с начальным периодом образования VI домонгольского слоя (Хлебникова, 1987, с. 49–50). Ее следы выявлены в виде светло-бурой полосы шириной 0,3–0,4 м и пятнами столбовых ямок в ней (раскоп СХХVII) (рис. 65–66). Она проходила в полутора десятках метров от восточного рва с внутренней стороны и шла параллельно ему. Судя по стратиграфическим наблюдениям, эта стена существовала всю первую половину домонгольского периода (в X–XI вв.) и подвергалась неоднократному ремонту (Кавеев, 1998).

Если раньше первоначальные оборонительные сооружения изучались попутно с другими задачами, то с 2000 г. они приняли планомерный целенаправленный характер (Губайдуллин, 2004², с. 51–53). В северной части памятника раскопами СХХХVII и СХLI было продолжено вскрытие данных объектов фортификации. В раскопе СХХХVII выявленный внутренний ров имел наибольшую ширину 2,8 м. Однако, эти параметры не соответствуют первоначальному размеру объекта, т.к. его границы были силь-

но переработаны вышележащими слоями и сооружениями. Подобная картина наблюдалась ранее и на других раскопах, где «Верхние края рвов... были срезаны сооружениями золотоордынского времени» (Краснов, 1987, с. 101). В данном же случае, их срыли уже во вторую половину домонгольского периода, что подтверждается стратиграфически. Об этом говорит и то, что ров перекрыт напластованиями V слоя, которые состоят из прослоек серой супеси и суглинка (рис. 67). Заполнение же самого объекта в нижней части относится к VI слою.

Наши наблюдения показали – ров, как и на других исследованных участках, треугольной формы с дренажной канавкой. Его склоны имеют различную крутизну: эскарп – 45–50 градусов, контр-эскарп – более 60 градусов (рис. 71–72). Таким образом, он является вариантом уже вышеотмеченного нами т.н. «пунического рва», что сближает его с позднеантичными сооружениями подобного рода Северного Причерноморья. Кроме того, на обеих отлогостях рва фиксируются уступы шириной 0,3–0,5 м. По-видимому, их устройство предназначалось для воспрепятствования оползанию склонов, являясь аналогом бермы. Такие уступы выявлены и в раскопе XLI, которым изучался этот же объект в южной его части (Краснов, 1987, рис. 10). Данный ров функционировал недолго и был засыпан в тоже время. По-видимому, это произошло из-за его недолговечности, т.к. он был выкопан в слое супеси и без специального крепежа склонов не мог существовать длительный период. Возможно, это произошло и вследствие расширения площадки поселения и переноса линии укреплений на другое место.

Стратиграфическая картина позволяет примерно определить первоначальную ширину рва. Она составляла не менее 4 м, а глубина – не менее 2,5 м. Также можно с определенной степенью уверенности говорить о том, что данный ров никогда не заполнялся водой и не был для этого предназначен в соответствии со своим типом. Это следует из его треугольной формы и состава грунта (суглинисто-супесчаного), в котором он выкопан. Обычно такие рвы оставались сухими и только трапециевидные в некоторых случаях могли быть водяными.

Раскопом CXXXVII были выявлены и остатки оборонительной насыпи, чьи следы удалось зафиксировать с внутренней

(восточной) стороны рва. Она представляла собой массив желто-красного суглинка мощностью до 0,73 м и шириной (сохранившейся) свыше 5 м, покоящийся на слое аллювиального песка. Ранее данный вал также фиксировался и на некоторых других исследованных участках территории памятника (Краснов, 1987, с. 103–104). Дата его строительства точно не устанавливается. Однако, одним из косвенных свидетельств, указывающих на время возведения насыпи, является факт отсутствия под его туловом погребенной почвы. Последняя была срезана перед насыпкой данного оборонительного сооружения. Обычно такой способ служил для выравнивания площадки и соответствовал начальному этапу возникновения поселения. Поэтому можно, с долей вероятности, датировать вал временем основания памятника.

С внутренней стороны рва был обнаружен ряд небольших столбовых ямок, углубленных в материк на 0,1–0,15 м и расположенных по линии его направления. Возможно, их следует интерпретировать как остатки кольев поддерживавших плетень, который, в свою очередь, служил в качестве крепежа внешней отлогости оборонительной насыпи. Зафиксированы и некоторые остатки надвальных конструкций. Они представлены двумя столбовыми ямами диаметром 0,3 и 0,7 м. Последняя, судя по всему, является следы от крепостной стены, установленной вдоль внешней отлогости вала. Меньшая же по размерам яма могла быть частью конструкции, некогда поддерживавшей настил боевого хода.

Нами было продолжено изучение деревянной стены цитадели города, существовавшей в X–XI вв. На раскопе CXXLI ее остатки выявились на глубине 155–160 см от современной поверхности (сооружение б) (рис. 68). Они представляли полосу темно-серой гумусированной супеси с включением мелкого угля и комочков обожженной глины шириной 0,3 м. Стенки его отвесные, дно ровное. Глубина сооружения от уровня выявления – 25–40 см. Внутри него также зафиксированы и столбовые ямы диаметром 0,2–0,3 м, являвшиеся следами от вертикальных бревен-связок. Кроме того, выявлен и слой древесной трухи до 0,06–0,07 м мощностью, связанный со строительством этого оборонительного сооружения, который соотносится с VI слоем (ранним домонгольским) стратиграфической шкалы городища

(рис. 69). В этом случае видна аналогия с результатами предыдущих исследований, характеризующих данную конструкцию и ее тип (Кавеев, Полубояринова, Старостин, Хлебникова, Шарифуллин, 1988, с. 66–67; Кавеев, 2002, с. 177–181).

Весь комплекс полученных данных, таким образом, позволяет реконструировать объект как деревянную крепостную стену, построенную в виде столбовых конструкций, которая к настоящему времени прослежена уже на протяжении более 50 м. В результате виден довольно интересный фортификационный комплекс, состоящий из двух рвов и вала с установленной поверх него стеной, а также внутренней цитадели (рис. 73). Также, судя по нашим наблюдениям и данным археологии, направление этих линий не являлось прямолинейным. По всей видимости, они представляли собой ломаную линию, в основном состоявшую из так называемых «исходящих углов». Все это говорит о принятых серьезных оборонительных мероприятиях и довольно высоком уровне развития болгарского военного зодчества уже в тот период времени.

Автор не склонен относить данные объекты к простым крепостным сооружениям, т.к. понятие «простое» не всегда применимо. Во-первых, необходимо учитывать уровень развития военного дела в целом и осадного искусства в частности, применимо к конкретному времени и региону. Здесь имеет большое значение принцип разумной достаточности. Во-вторых, комбинацию рвов, вала и стены (плюс цитадели) не совсем правильно было бы относить к простым сооружениям ввиду того, что их функции довольно сложны. Несмотря даже на отсутствие таких узлов обороны как башни, вся система представляла собой грозную силу. Треугольные рвы сложно преодолеть противнику, а ломаная форма линий укреплений позволяла вести продольную оборону стен и перекрестный обстрел прилегающей местности. По-видимому, имела место также ярусная и многорядная защита. В первом случае могли использоваться верхний и подошвенный бои (применительно к цитадели), во втором – система надолбов и палисадов вдоль бермы, два ряда рвов (вала) и основная стена.

Последние результаты исследований являются подтверждением того, что наиболее ранние укрепления Болгарского городища были возведены не позже начала X в. во

время основания города. Не случайно такой важный торгово-административный центр, занимавший столь выгодное положение, в тот хронологический период имел и соответствующую его статусу фортификацию, которая включала оборонительные сооружения центра города и его посада. Нашими исследованиями было определено, что следы рва, ограждавшего цитадель, после X века сохранялись еще долго, но уже в некотором заплывшем состоянии. Вероятно, его функции свелись уже просто к использованию в качестве дренажной системы города. Полная его нивелировка произошла только не ранее конца XIII века путем засыпки коричневой супесью, которая относится к так называемому IV раннему слою стратиграфической шкалы Болгарского городища, т.е. ко второй половине XIII – началу XIV вв. В целом же, как считала Т.А. Хлебникова, оборонительное предназначение данного пояса укреплений сохранялось весь домонгольский период (Хлебникова, 1987, с.55).

Болгарское городище продолжало оставаться значимым торгово-ремесленным центром и в последующем. Его культурный слой, датирующийся второй половиной XI – началом XIII вв., стал занимать территорию вдвое больше распространения раннего слоя (Краснов, 1987, с. 105). В связи с этим потребовалось увеличение и укрепленной части города. Следующая линия укреплений возникла гораздо позже, в конце XII – начале XIII вв. Она ограждала уже много большую территорию – около 25 га и состояла из рва и вала, по верху которого, видимо, проходила деревянная стена (рис. 74; рис. 75, реконструкция). Последний был «... обнаружен в виде остатков суглинистого основания» (Хлебникова, 1987, с.56).

В основном фортификационные сооружения Болгарского городища предмонгольского времени археологически представлены остатками крепостного рва. Наиболее полно они были выявлены и исследованы во второй половине 70-х – начале 80-х гг. XX в. (раскопы LI–1976 г., LVII–1977 г., LXXIII–1980 г., LXXVIII–1981 г.). Так на раскопе LI на глубине 103 см от 0, на фоне материкового суглинка наиболее четко определились границы оборонительного сооружения, представлявшего собой полосу неоднородной буровато-серой супеси и желтого суглинка шириной около 5,5 м. Во время его вскрытия была зафиксирована различная

крутизна стенок объекта (рис. 77). Внешняя имела скос под 60 градусов в верхней части и почти отвесный в нижней. Внутренняя стенка более пологая – под 40 градусов. Глубина сооружения от уровня древней дневной поверхности от 2,5 до 3 м (Хлебникова, 1977, с. 11). Как считала исследователь, оно являлось ничем иным, как рвом, который на данном участке шел «...с северо-запада на юго-восток с наметившимся...поворотом на восток» (Хлебникова, 1977, с. 12). Что касается остатков деревянных заграждений, то автором раскопок были отмечены «...признаки столбовой конструкции вдоль юго-западного края рва», прослеженной в виде «...12 округлых гуммированных пятен диаметром 12–20 см», каковые образуют нечто вроде частокола. Кроме того, Т.А. Хлебниковой была зафиксирована в верхней части склона рва яма от столба диаметром 26–27 см, который приходился как раз на поворот сооружения к востоку и «...по-видимому, связан с какой-то конструкцией фиксирующей этот поворот» (Хлебникова, 1977, с. 12). По мнению исследователя, ров был вырыт в конце домонгольского периода, а его строительство предпринято «с целью укрепления значительно разросшегося... г. Болгара, а возможно, и в связи с угрозой монгольского нашествия», а его ликвидация «...произошла сейчас же после разгрома города ханом Батыем» (Хлебникова, 1977, с. 14).

Продолжение этих укреплений обнаружено к северо-западу от предыдущего места в районе выступа линии обороны. Исследованиями М.Д. Полубояриновой в раскопах LVII и LXXIII на глубине 160 см от современного уровня земли был выявлен крепостной ров трапециевидной формы. Он имел ширину около 3 м, а его дневная поверхность относилась к «...верхней границе V домонгольского слоя». Кроме того, с внутренней стороны рва был выявлен и слой серо-рыжей глины, который ранее на раскопе LI «...был сочтен выбросом из рва или разрушенным валом» (Полубояринова, 1978, с. 95). Глубину от этого древнего уровня он имел 1,5–1,8 м. По мнению М.Д. Полубояриновой, данный объект для городских укреплений «как-будто недостаточно глубок и широк». В тоже время, рвы золотоордынских городов были еще меньше, а «...московский ров 1394 г. был шириной

2 сажени, т.е. 2,13 м¹⁹, а глубиной «человека стоящего», т.е. в рост человека /160–180 см/» (Полубояринова, 1978, с. 97–103).

Здесь, конечно, не совсем верно проведены параллели с более поздними памятниками фортификации, датирующимися второй половиной XIV в., когда правила осады и обороны крепостей, несомненно, претерпели серьезные изменения. Нам представляется, что на протяжении длительного времени все-таки могли сохраняться какие-то определенные взгляды, соотносящиеся с принципами достаточности при строительстве укреплений и поэтому мы согласны с мнением автора раскопок.

В раскопе LXXIII, заложенном юго-восточнее, также был прослежен данный ров, имевший направление с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Его дневной уровень лежал «...на верхнем уровне напластований домонгольского слоя, фактически на его верхней границе» (Полубояринова, 1981, с. 15–16). Ширина рва, как и на предыдущем раскопе, достигала около 3 м (по дну 0,8 м), а глубина – 1,85 м. Крутизна его склонов отлична от зафиксированных на р. LVII, где отлогости примерно равны. Здесь же внутренняя стенка наклонная, а внешняя более крутая и «...имеет на высоте 1,4 м от дна горизонтальный уступ, шириной 0,55 м» (Полубояринова, 1981, с. 16). Кроме того, интересно замечание исследователя о прохождении в этом месте границы домонгольского городища, что следует также из отсутствия в данном районе сооружений жилого характера (Полубояринова, 1981, с. 9). Думается, однако, их не должно быть здесь по различным причинам и не только из-за отношения территории к окраине поселения. Во-первых, строительство всевозможных построек невоенного назначения рядом с объектами обороны должно было находиться под запретом. Это исходит из их пожароопасности как в мирное время, так и во время вооруженных конфликтов. И, во-вторых, существовала необходимость обеспечения беспрепятственного доступа обороняющимся отрядам к крепостным сооружениям на всем их протяжении. Много позже такие свободные зоны стали имено-

¹⁹ Вероятно, это опечатка в тексте, т.к. 2 сажени равны более 4 м.

ваться военными улицами²⁰. Исключение могут составлять разве только небольшие феодальные замки, т.к. незначительная занимаемая ими площадь подразумевала некоторую скученность внутренних построек и, соответственно, возможное примыкание их к оборонительным сооружениям. Одними из наглядных примеров тому являются и многие средневековые замки Западной Европы (Томпсон, 2011, с. 230–255).

К сожалению, линию укреплений предмонгольского времени редко удавалось проследить при последующих раскопках, проводимых на территории Болгарского городища. Так раскопом LXXVIII получилось частично выявить ее остатки у Большого Иерусалимского оврага в виде внешнего склона рва, с заполнением из рыхлой серой и буровато-серой супеси с углем и древесной, который протянулся в направлении северо-восток – юго-запад. Его вскрытая ширина составляла 3 м, крутизна склона имела около 40 градусов, а максимальная вскрытая глубина – 3,1–3,2 м. Были выявлены и сохранившиеся следы какой-то «столбовой конструкции» вдоль края рва диаметром 0,5 м. По мнению Т.А. Хлебниковой: «Это сооружение не может быть истолковано иначе как ров... укрепления, известного под названием «замошного вала»...» (Хлебникова, 1982, с. 9–11).

В северной части городища, на краю верхней коренной террасы, раскопом CLXXII нам также удалось выявить небольшой участок данного предмонгольского рва. Он был прослежен в виде отрезка длиной около 22 м. Ров вытянут по линии север–юг, и начинался он от края террасы и продолжался вглубь городища. Его сохранившаяся глубина достигает 2,5 м, а ширина составляет 3 м (рис. 79). Скопления суглинка и глины, расположенные от него к востоку, в совокупности с уровнем залегания данных отложений в культурном слое, позволяет рассматривать их как остатки связанного со рвом домонгольского земляного вала, спланированного в раннезолотоордынское время. Форма выявленного рва реконструируется как трапецевидная. Эскарп объекта был более пологим, чем контр-эскарп, что также делает его аналогом т.н. «пунического рва». Судя по заполнению в нижней части,

ров использовался в домонгольский период и минимум один раз подвергался расчистке. В раннезолотоордынское время он был частично засыпан и в качестве линии обороны уже не использовался (Баранов, Губайдуллин, 2016, с. 196).

Городище и в этот период времени относилось к подчиненным рельефу, т.к. имело мысовое расположение. В связи с малой изученностью предмонгольских крепостных сооружений, нам пока трудно судить о каких-либо их особенностях. Можно говорить лишь о профилировке рва в это время. Она была двух видов – треугольной и трапецевидной. Первая из них отмечена в южной части городища, вторая – в западной (Краснов, 1987, рис. 11). Фиксируется и различное заложение²¹ склонов рва на разных исследованных отрезках линии обороны. Оно или примерно равно, или внешняя отлогость более крутая по сравнению с внутренней. Этот принцип продолжает традиции фортификации X – начала XI вв., т.е. устройство и использование в обороне «пунического рва». Здесь мы видим специальный выбор конструкции данного объекта на разных участках оборонительной линии памятника. Нам пока недостаточно ясно, с чем это связано. Тем не менее, еще раз подтверждается мысль о частых конструктивных различиях крепостных сооружений, входящих в одну линию.

Как отмечалось ранее, в первой половине XVIII в. Н. Савенковым и И. Крапивинным был снят план укреплений города и отмечен т.н. «замошный вал»: «Перваго замачного валу отъ горы до горы 545 сажень... Межь валовъ и горою 250 сажень» (Шпилевский, 1877, с. 571, 576) (рис. 156а). В те времена его остатки еще были видны на поверхности земли (рис. 76). Кроме этого имеются и некоторые археологические свидетельства существования в XII–XIII вв. каких-то дерево-земляных наземных оборонительных сооружений. Их остатки в виде суглинистых слоев и следов от столбовых конструкций позволяют нам предположительно представить первоначальный облик данных фортификационных построек. По-видимому, они в какой-то мере являлись аналогом ранних крепостных сооружений, отмеченных нами выше. Разница заключается лишь в типе

²⁰ Дорога, проходящая за главными крепостными сооружениями и служащая для передвижения войск.

²¹ Заложение – горизонтальное расстояние между вершиной и подошвой любой отлогости.

рва – треугольный X века против трапециевидного предмонгольского времени. Также как и раннее, устройство крепостной стены имело вид столбовых конструкций, но дополненных земляным валом, на который они были установлены (рис. 78, реконструкция). То есть опять видна преемственность в виде сохранения некоторых основных фортификационных элементов. Некоторые вопросы, правда, вызывает наличие выявленных в процессе археологических исследований следов от столбов, установленных с внешней стороны рва. Каков смысл в устройстве довольно мощной стены вдоль контр-эскарпа – нам пока непонятно. Установка же в этом месте обычного ряда (или рядов) частокола вполне оправдана и необходима, а также имеет себе много аналогий.

Судя по плану линии укреплений XVIII в., опубликованному Т.А. Хлебниковой, фортификационные сооружения городища имели в древности 12 исходящих и 5 входящих углов (рис. 74) (Хлебникова, 1975). С востока и юго-востока линия обороны проходила вдоль оврага, дополняя его защитные свойства, а с запада прикрывала памятник с напольной стороны. Не исключено, что в местах, где изломы укреплений были направлены в сторону поля, могли располагаться крепостные башни, фланкировавшие подступы к стенам.

Определенного внимания заслуживает и выступ в западной части этой линии обороны. Здесь его присутствие интересно и не совсем понятно. Вероятно его устройство служило для лучшего обстрела равнинной местности с напольной стороны, что достигалось путем выдвижения укреплений. В таком случае, это делало его прообразом будущих бастионов. В свою очередь в отрезке его южной части не исключена и вероятность расположения в древности проезда. В качестве подтверждения данного предположения может говорить и входящий угол, расположенный в непосредственной близости. Таким образом его размещение позволяло защищать въезд перекрестной стрельбой, что, несомненно, создавало бы дополнительное преимущество при обороне. Немаловажным фактом, в этом случае, также является принуждение противника при нападении на ворота поворачивать к крепостной стене правым незащищенным боком и подставлять его под выстрелы обороняющихся.

В целом, картина военно-оборонитель-

ных сооружений Болгарского городища домонгольского времени очень интересна. Его наиболее ранние укрепления X века показывают основные направления в развитии болгарской фортификации и аналогичны ранним укреплениям Билярского, Танкеевского I и некоторых других городищ (Губайдуллин, 1998², с. 197–198). Следующая оборонительная линия была построена только в XII–XIII вв. (рис. 81). Она также продолжает сохранять основные фортификационные тенденции предыдущего периода, но уже в более усложненном виде. Об этом свидетельствует и устройство оборонительных сооружений с восточной и юго-восточной сторон вдоль Большого Иерусалимского оврага, как и в X веке (рис. 16, 29).

Суварское городище (город Сувар)

Расположено в верхнем течении р. Утка на относительно ровной местности (рис. 82). Территория его имеет уклон к северо-западу в сторону речки, в левобережье которой и находится само поселение. Оно расположено в большой котловине. Город занимал площадь около 100 га. Поселение было окружено двумя линиями валов и рвов, чья протяженность составляла около 4,5 км. Современная высота валов достигает 2,5–3 м, а ширина 10–12 м. Глубина рвов – до 4 м, ширина – около 15 м. Овраги, которые частично окружают городище и в которые вписаны линии укреплений, в какой-то мере определяют его ориентировку с юго-востока на северо-запад. С северо-востока и юго-запада к нему примыкают посады–пригороды.

Памятник датируется одним периодом болгарской истории – домонгольским. Сувар, наряду с Болгаром, был основан в X в. и прекратил существование после монгольского нашествия осени 1236 г. Это был один из главных городов Болгарского государства, племенным центром савиров. Далеко не случайно, что такой крупный и важный в политико-административном и экономическом плане город был обведен мощными оборонительными линиями.

Первоначально укрепления и площадка городища исследовались археологической экспедицией под руководством А.П. Смирнова в 1933–1937 гг. Им была отмечена неодинаковая сохранность крепостных сооружений памятника на разных участках, а также частичное использование его строениями рельефа местности для нужд обороны, заключавшееся в углублении естественных

оврагов. Это, по мнению исследователя, исходит из того, что валы шли не параллельно друг другу, а на различном расстоянии. Кроме того, в северном углу городища им были зафиксированы следы основания башни четырехугольной формы, имевшей каждую из сторон по 12 м (Смирнов, 1933, с. 1).

Археологическое изучение оборонительных линий А.П. Смирновым позволило определить, что вал высотой до 2 м состоял из утрамбованного суглинка, смешанного с черноземом и кусками глиняной обмазки. В самой насыпи были встречены остатки деревянной конструкции в виде четырехугольного сруба. Исследователем установлено, что такие сооружения внутри вала шли по окружности города. Срубы были поставлены впритык один к другому и засыпаны внутри утрамбованным суглинком, черноземом, кусками глиняной обмазки, обломками кирпичей и шлаком. Удалось установить размеры данных конструкций: ширина – 3,5–4 м, длина – около 5 м (Смирнов, 1951, с. 234). В свою очередь результаты исследований рва показали, что глубина его равнялась 5 м, а сам он был выкопан в супесчаном грунте. Данный факт потребовал дополнительного укрепления эскарпа и контр-эскарпа деревянными слегами и кольями, предохранявшими стенки от осыпания. А.П. Смирнов также отмечает, что эти слеги были уложены более часто в верхней части рва, чем в нижней (Смирнов, 1934, с. 1). Данный факт, по-видимому, не случаен и говорит о том, что вершины отлогостей эскарпа и контр-эскарпа подвергались большему воздействию оплыва и существовала постоянная необходимость в их укреплении.

Исследователем в процессе работ были открыты следы ям и столбов в месте разрыва укреплений. Опираясь на этот факт, А.П. Смирнов сделал вывод о существовавшем здесь въездном мосту, переброшенном через ров, и городских ворот шириной около 6 м. Со стороны реки также были открыты внутривальные укрепления, состоявшие из срубов. В процессе работ удалось выявить и остатки сгоревшего многоугольного сооружения. Оно являлось башней выступавшей за пределы куртин. Облик же крепостной стены установленной на внешнем валу А.П. Смирновым интерпретировались как тын, поставленный на гребне оборонительной насыпи (Смирнов, 1934, с. 1–2; Смирнов, 1951, с. 236).

Для выявления наиболее полного облика фортификационных сооружений Суварского городища было продолжено их археологическое изучение автором работы. Более пристальное их исследование дало новые дополнительные материалы по топографии памятника и остатков дерево-земляных конструкций, причем в последнем случае для разных хронологических периодов существования города. Современное изучение топографии оборонительных линий позволило выявить новые существенные детали, не принимавшиеся во внимание другими исследователями ранее. Считалось, что с юго-западной, северо-западной, северной и северо-восточной сторон данное болгарское поселение окружалось двойными дерево-земляными укреплениями. Однако во время последующих исследований было определено – за внешний вал принималось дополнительное сооружение, которое можно охарактеризовать как гласисообразную насыпь. Это была пологая насыпь, возводимая перед рвом непосредственно за контр-эскарпом, которая увеличивала глубину и ширину рва, а также, своим возвышением облегчала обстрел прилегающей к крепостным стенам открытой местности – эспланады, путем сведения на нет так называемого «мертвого пространства» (рис. 22).

С наиболее угрожаемых сторон город Сувар был защищен двойной линией обороны. Сюда относятся северо-западная и юго-восточная части. Не смотря на то, что с северо-западной и северной сторон от поселения протекала р. Утка, здесь крепостные сооружения состояли из двух линий, однако они не были столь мощными по сравнению с другими. По-видимому, болгары все же учитывали данное природное препятствие. Самой уязвимой стороной все же была юго-восточная, как и у Билярского городища. Поэтому далеко не случайно, что в этом месте находится местность под названием «лодка». Она представляет собой длинную вытянутую площадку – болонье между двумя линиями валов и рвов. Ширина ее составляет от 40 до 60–70 м. В древности и средневековье такой способ обороны применялся довольно широко. Данное устройство не позволяло противнику при штурме сразу форсировать обе линии укреплений. После прорыва первой, штурмующие должны были вновь сосредотачивать свои силы для последующего преодоления второй линии.

Это тем более сложно делать под выстрелами обороняющихся.

Кроме вышеперечисленных основных фортификационных сооружений Сувар защищался и дополнительными укреплениями. Они состояли из надолбов – вертикально врытых заостренных кольев, которые установлены в шахматном порядке. Здесь надолбы были размещены во рву и с напольной стороны города. Данный фортификационный прием довольно широко использовался различными народами в эпоху средневековья, т.к. это заставляло наступающего противника огибать данные препятствия под обстрелом, что мешало сосредотачивать силы для штурма основной линии обороны. Кроме того, надолбы использовались и во время полевых сражений. Такой несложный способ защиты был, в тоже время, довольно действенным.

В результате наших исследований линии обороны в юго-западной части Суvara был получен новый дополнительный материал, касающийся конструктивных особенностей дерево-земляных крепостных сооружений города, а также систем его проездов. Раскоп V был разбит в месте небольшого излома линии обороны в западной части памятника на разрушаемой части вала. Высота его здесь незначительна – около 1,5 м от современного уровня площадки городища, ширина – 10 м. Нами выявлена интересная картина строительства и функционирования оборонительной насыпи (рис. 83). Первоначально, во время возникновения поселения, она была возведена из серой плотной супеси. Возможно, эта насыпь являет собой остатки дерна, срезанного в месте строительства рва и уложенного в качестве основы первого вала. Это довольно ранний прием и известен еще со времен античности (Греческие полиоркетики. Флавий Вегеций Ренат, 1996, с. 178). В южной части раскопа ширина ее составляет 296 см, а мощность – до 47 см, в северной – 200 см и 25 см соответственно. Затем с внешней стороны она перекрывается другой насыпью из светлой серо-коричневой супеси шириной до 320 см и мощностью до 48 см. Судя по выявленным линзам угля, данная дерево-земляная конструкция погибла при пожаре. Возможно, что это связано с внутривулканическими событиями, происшедшими в Волжской Булгарии во время ее централизации.

В последующее время крепостной вал

был перестроен. Об этом говорит выявленный вкоп внутрь первоначальной насыпи и установка в него деревянного сруба, который являлся основой надвальных стен. Ширина его составляла 280 см. По-видимому, его облик можно соотнести с конструкцией типа городней, т.е. крепостной стены, состоящей из деревянных срубов поставленных впритык друг к другу. Впоследствии данная стена также погибла от большого пожара, о чем может говорить значительное количество угля и остатки сгоревших деревянных конструкций. После этого крепостные сооружения уже больше не восстанавливались. В связи с этим, время их гибели относится к периоду монгольского нашествия, когда город был разрушен и более не возрождался. Возможно, что именно в этом месте находился в древности один из проездов на территорию города. Об этом может говорить наличие здесь входящего угла, который вдаётся внутрь площадки поселения, чем намного отличается от других участков оборонительной линии. Также некоторым свидетельством этого является и отсутствие продолжения остатков крепостных сооружений в этом месте.

Опираясь на вышеприведенные данные, можно сделать вывод о довольно мощных оборонительных сооружениях, которые окружали город (рис. 84, реконструкция). Суварское городище является одним из немногих болгарских памятников, имевших столь значительную систему обороны. Несомненно, что по своим особенностям она вплотную приближается к «Великому городу»–Биляру. Очевидно, что такие неординарные дерево-земляные укрепления не могли окружать простое поселение. Это еще раз подтверждает мысль о Суваре, как одном из общеполитарских центров, который осуществлял заметное влияние на внутривулканическую и экономическую жизнь Волжской Булгарии. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что город Сувар был далеко не ординарным болгарским поселением, который наряду с другими материальными свидетельствами оставил свой заметный след в истории Волжской Булгарии.

Коминтерновское II городище

Находится в левобережье р. Камы. Оно расположено на краю высокой обрывистой террасы высотой 16–18 м. С трех сторон городище ограждено линией обороны ломаной формы в виде двух валов и двух рвов общей

шириной ок. 30 м (рис. 85, рис. 86–87). Высота внутреннего вала – 2–2,5 м, внешнего – 1–1,5 м. Ширина 10–12 м и 6–8 м. соответственно. Ширина внешнего рва – 4–5 м, глубина – 0,8–1 м; ширина внутреннего – 6–7 м, глубина – 1,5 м. В настоящее время площадь памятника составляет около 3,8 га (ранее памятник занимал территорию в 4,48 га).

Судя по найденному в процессе исследований археологическому материалу, Коминтерновское II городище возникло не позже начала – первой половины X в. и существовало до середины – второй половины XIII в. Сама планировка памятника несет в себе традиции довольно раннего времени, к которым относятся как строительство укрепленных поселений на ровной местности, так и расположение их у края террасы, берега или обрыва. Следует также отметить – все болгарские городища подобного типа датируются не только домонгольским периодом, но и первой его половиной, а точнее X в. Не исключено, что похожие планировочные особенности могут, в какой-то мере, являться одним из датирующих факторов при определении времени возникновения того или иного укрепленного поселения.

Фортификационные сооружения нами были изучены в западной части поселения – внутренний и внешний валы, а также внешний ров. Проведение исследования внутреннего вала позволили проследить несколько слоев, из которых состояла насыпь. Общая мощность их достигала на раскопе 220 см (рис. 88). Сверху везде располагался слой дерна мощностью 10–15 см. Затем шел слой коричневатой рыхлой супеси (слой запустения?) – 10–60 см. Далее на некоторых участках следовал слой серой супеси мощностью до 40 см. Ниже него прослежена насыпь из желтого суглинка толщиной до 30–35 см и шириной 280–360 см. Она, в свою очередь, частично перекрывала насыпь, состоящую из серо-желтого суглинка мощностью до 80–90 см. Во внешней части вала под ней находился слой темно-серой рыхлой супеси толщиной 70–80 см, который, в свою очередь, незначительно наплывал на две значительных по размерам первоначальных насыпи. Они состояли из серо-коричневой и темно-серой плотных супесей мощностью до 80 и 60 см соответственно. Далее следовал выявленный почти по всей площади раскопа слой погребенной почвы толщиной около 20 см. Ниже располагалась кровля ма-

терикового суглинка. Остатков внутривальных деревянных конструкций, а также каких-либо находок выявлено не было. Однако в профилях стенок была прослежена канавка шириной 150–155 см, которая, возможно, является следами от каких-то наиболее ранних оборонительных сооружений. Кроме того, в восточной части раскопа выявлена траншея шириной 155–170 см и глубиной около 85 см от современной поверхности. Судя по внешним признакам, она прослеживается в длину на 85 м от обрыва реки вдоль внутренней стороны вала. Назначение ее неясно. Возможно она образовалась вследствие выборки грунта для подсыпки оборонительной насыпи или же в дренажных целях.

Изучались также и внешние укрепления памятника. Раскоп площадью 36 кв.м. был разбит в западной части городища на внешнем валу в 48 м к югу от обрыва к р. Кама. Исследования его позволили проследить несколько слоев, из которых состояла насыпь. Общая мощность их достигала на раскопе 170 см. Сверху везде шел слой дерна мощностью 10–15 см. Затем слой коричневатой рыхлой супеси (слой запустения?) – 15–60 см. Далее следовал слой серо-желтого суглинка мощностью до 18 см. Ниже него был прослежен слой серой супеси толщиной до 10–14 см. Непосредственно под ними располагалась насыпь из темно-серой рыхлой супеси, которая на разных участках имела мощность от 10 до 55 см. Она частично заплывала в ровик и представляла собой основную часть вала. Данная насыпь полностью перекрывала основное ядро – тулово оборонительной насыпи, состоящее из серо-коричневой плотной супеси мощностью до 70 см, которая была выявлена в центральной части оборонительного сооружения. В свою очередь, она лежала на слое темно-серой плотной супеси толщиной до 28 см. Он имел большую мощность с напольной стороны, где достигал 65 см. Ниже шел слой погребенной почвы толщиной до 10–12 см. Под ней находилась кровля материкового суглинка (рис. 88). В самом тулове вала в северной и южной стенках раскопа были выявлены три ямы, являвшиеся следами от находившихся здесь деревянных конструкций. Глубина их (по северной стенке – 213, 195 и 197 см от 0, ширина – 25, 30 и 35 см, (по южной стенке – 211, 201 и 203 см, ширина – 25, 40 и 45 см). Заполнением их служила темно-серая рыхлая супесь. С внешней

стороны оборонительной насыпи во рву был также выявлен дренажный ровик глубиной 297 см от 0 и шириной в верхней части – 70 см. Его заполнением, в основном, служила коричневатая рыхлая супесь.

Основываясь на результатах исследований, можно, предположительно, реконструировать оборонительные сооружения городища следующим образом: вдоль внешней насыпи проходила стена, устроенная в виде тыновой ограды, возможно с боевой площадкой позади. На внутреннем же валу стояла более мощная конструкция, которая представляла собой городни (рис. 89, реконструкция). Кроме того, на прилегающей к укреплениям внутренней территории не было выявлено никаких следов других построек, что в очередной раз может говорить о специально оставленном свободном пространстве – прообразе т.н. «военной дороги». В целом же, можно провести аналогию фортификационных сооружений с Суварским городищем. Это касается способов устройства линий обороны, правда с той лишь разницей, что Коминтерновское II городище имело меньшие масштабы в плане занимаемой площади и значительно меньшую мощность крепостных сооружений. Также оба памятника относятся к неподчиненным рельефу местности (Раппопорт, 1961, с. 215–220; Губайдуллин, 2002², с. 27–29; Губайдуллин, 2012², с. 250–253).

Городище «Девичий городок»

Располагалось на высокой надлуговой террасе левого берега р. Кама (рис. 31). Сейчас оно уже полностью уничтожено Куйбышевским водохранилищем. Площадь, занимаемая им, составляла около 0,8 га. Его укрепления состояли из вала шириной 10–12 м и высотой до 1,5 м, и рва глубиной 1 м и шириной 6–7 м. Также в линию обороны входили и округлые возвышения – остатки башен или бастионообразных выступов.

Археологические охранно-спасательные исследования линии обороны памятника были проведены довольно поздно, только во второй половине 70-х гг. XX в. К этому времени сохранялось лишь два башнеобразных всхолмления. Лишь один из них был раскопан в процессе работ, а сам вал так и остался неизученным. Его исследователем, П.Н. Старостиным, была выявлена насыпь, сложенная из темно-серой супеси с включением красноватого суглинка и имевшая мощность до 60 см. Диаметр ее составлял

около 16 м. Сам оборонительный ров имел первоначальную ширину около 4 м и глубину около 1,5 м. Заслуживает внимания его контр-эскарп, который был облицован кусками известняка для предохранения склона от оплыва.

Во время изучения центральной части насыпи П.Н. Старостиным было выявлено более 50 ямок с остатками древесной трухи. Как считает исследователь, основная их часть служила для крепления грунта под фундамент деревянной башни, вынесенной за пределы стен. Интересна и датировка самого памятника. Его функционирование относится к XI–XII вв. (Старостин, 1985, с. 35–37, 38).

Тип укреплений «Девичьего городка» довольно оригинален по сравнению с другими оборонительными сооружениями Волжской Булгарии. Например, вынос этих узлов обороны за пределы основной линии стен позволял не только вести фланкирующий обстрел подступающего противника. Вызывает также интерес не совсем равномерное распределение этих выступов по периметру крепостной ограды. Так в одном случае межбашенное пространство составляло ок. 35 м, в другом 56 м, в третьем – около 45 м. Не исключено, что небольшая длина куртины²² в первом отмеченном случае говорит об имевшемся здесь в средневековье дополнительном въезде внутрь городища. Столь близкое размещение крепостных башен относительно друг друга применялось в древности лишь для защиты ворот, как наиболее уязвимого элемента в системе обороны. Въезд и выезд мог осуществляться по перекидному подъемному мосту или деревянной аппарели (рис. 30). Последняя, в случае опасности, могла быть легко уничтожена. Каким же образом осуществлялась связь площадки поселения с башнями остается невыясненным. По-видимому, это происходило при помощи перекидных мостков (рис. 90, реконструкция). Какой-либо другой вариант здесь вряд ли мог быть. Некоторым условным подтверждением такого устройства могут быть более поздние по времени (1650 г.) оборонительные сооружения Хотмыжска, располагавшегося на Белгородской черте, где крепостные башни также были вынесены за пределы основных укреплений,

²² Куртина – участок крепостной стены между двумя смежными башнями.

соединяясь с ними по верху (Носов, 2017, с. 131, рис. 6).

Косвенные параллели с типом укреплений «Девичьего городка» можно провести и с каменным сооружением, расположенным на территории Елабужского «Чертова» городища». Здесь в системе стен также имелось несколько башне- или бастионообразных выступов. Сходные конструкции имеются и у Соборной мечети на Болгарском городище. Правда они также в каменном исполнении и датируются более поздним временем. Совокупность с применением в строительстве камня делало данные постройки самостоятельными единицами обороны. Наиболее ранние аналогии этим памятникам имеются в Средней Азии, а также среди некоторых раннесредневековых угорских городищ Южного Урала и Зауралья (Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, 1985, с. 439; Генинг, Евдокимов, 1969; Чиндина, 1991, с. 146). Последний факт, предположительно, может говорить и о происхождении строителей «Девичьего городка». Ведь, как известно, угорское население принимало активное участие в сложении Булгарского государства, особенно в домонгольское время (Казаков, 2007).

Джукетауское городище (город Джукетау)

Располагается на высоком коренном мысу подтреугольной формы, образованном левым берегом р. Камы и ее левым притоком речкой Килевкой. Высота мыса над уровнем реки около 30 м (рис. 91). Площадь занимаемая памятником равняется 5,8 га. С напольной стороны поселение защищено тремя рядами валов и двух рвов между ними, которые устроены в один пояс. Городище датируется двумя периодами истории Булгарского государства – домонгольским и золотоордынским.

Археологические исследования позволили выявить относительно полную картину всех линий обороны (рис. 92). По мнению автора раскопок Н.Г. Набиуллина, сначала был возведен внутренний вал, затем средний и внешний. Как считает исследователь, выявленная в основании внутренней насыпи серия ямок может быть следами уплотнения поверхности земли перед возведением вала (Набиуллин, 1998, с. 221; Набиуллин, 2011, с. 29–38). Думается, что подобный прием при строительстве использовался перед возведением значительных по размерам и весу

наземных конструкций из камня (кирпича) или дерева. Небольшая же мощность насыпи вряд ли подразумевает необходимость утрамбовки ее основания, тем более, что она не могла нести на себе сложную и тяжелую стену. Все же заслуживает интереса предположение Н.Г. Набиуллина о самых ранних укреплениях городища, выявленных в виде остатков канавки, идущей вдоль рва шириной 25 и глубиной около 20 см (Набиуллин, 1998, с. 221). Если судить также по некоторым следам столбовых ямок, это сооружение можно предположительно реконструировать как стену в виде столбовой конструкции, а ее постройку отнести ко времени не ранее конца X – начала XI вв. (рис. 93, реконструкция).

Во время возведения наиболее мощного среднего вала были использованы известняковые камни, уложенные в его основание в виде фундамента (Набиуллин, 1998, с. 221). Не исключено, что это было сделано для последующей установки здесь каких-то сложных деревянных конструкций, чьи следы, к сожалению, не были зафиксированы. Предположительно они имели вид городней, так как эта оборонительная насыпь являлась, судя по всему, основной. Исходя из стратиграфической картины разреза данного объекта, возведение его начиналось с внешней стороны, что обычно и делалось при строительстве валов. Все же последующие подсыпки осуществлялись во внутреннюю часть. В конце концов, все эти сравнительно небольшие насыпи были перекрыты другой более мощной (Набиуллин, 1998, рис. 3–Б). Скрепляла ли последняя все предыдущие или же является остатками от внутренней забутовки наземной стены – сейчас сказать довольно сложно вследствие оплывшего состояния вала в наше время и отсутствия следов каких-либо деревянных конструкций.

Во время строительства внешней незначительной по мощности оборонительной насыпи также использовались камни (Набиуллин, 1998, с. 221). Нам представляется наиболее вероятным, что, в данном случае, они уже были применены в качестве внутреннего крепежа этого дополнительного вала. Нельзя исключать и их применение в качестве утрамбовки нижней части наземной ограды. Используя различные аналогии, можно сделать предположение, что это был частокол или однорядная столбовая конструкция.

Очень характерным является устройство рвов, имевших трапециевидные в профиле очертания с дренажной канавкой и это не случайно, т.к. для двух небольших и одной значительной по размерам оборонительных насыпей требовалось и достаточное количество земли, чему были призваны служить и рвы такой формы. Вдоль их внутренних сторон фиксируется также и уступ в виде бермы с шириной не более одного метра (Набиуллин, 1998, рис. 3–А, Б, В), что представляется нам наиболее оптимальным в связи с функциональным предназначением данного фортификационного элемента. Эта деталь обороны служила не только в качестве препятствия оползанию валов во рвы, но и могла использоваться в виде дорожки для патрулирования, проходящей вдоль подножия основной крепостной стены городища.

На сегодняшний день сложно реконструировать первоначальный облик оборонительных линий памятника, ввиду их оплывшего состояния и отсутствия хорошо сохранившихся остатков дерево-земляных конструкций. Мы можем лишь предположить, что на внешнем валу был установлен частокол в качестве дополнительной преграды. Основная же стена была срубного типа, которая заглублялась через некоторое расстояние при помощи клетей–связок, а на внутренней насыпи находилась однорядная столбовая конструкция (рис. 94, реконструкция). В последнем случае, по-видимому, ее нужно считать прообразом крепостной вспомогательной постройки типа абшнит (ретраншемент), дававшей возможность продолжать оборону после того, как противник занял основные укрепления. Это исходит из незначительной высоты и мощности данной внутренней линии относительно основной средней стены. Поэтому нам не видится иного объяснения этому факту, кроме приведенного выше. Тем более нужно отметить, что подобный тип устройства фиксируется и на некоторых других болгарских памятниках и это, думается, вряд ли случайно, а, скорее всего, создано намеренно.

Несомненно, что городище Джукетау возникло еще в первую половину домонгольского периода и тогда же стали возводиться его оборонительные линии. Однако до сих пор остается невыясненным вопрос о продолжительности их существования. Использовались они по своему назначению

в золотоордынское время или нет – сейчас пока ответить сложно. Очевидно одно – город как административная единица продолжал существовать и развиваться в дальнейшем, вплоть до конца XIV в. (Фахрутдинов, 1975, с. 144–145; Казаков, Старостин, Халиков, 1987, с. 210).

Бураковское I городище

Находится на правом берегу р. Ахтай левого притока р. Камы, между двумя оврагами, выходящими к реке (рис. 95). Площадка поселения возвышается над речной долиной на 8–10 м. Городище с напольной стороны ограждено четырьмя валами и рвами, устроенными в один пояс. Его занимаемая площадь достигает 4,5 га. Памятник датируется домонгольским периодом истории Волжской Булгарии.

Автором работы были исследованы только два из четырех валов – внешний и третий. Это явилось следствием того, что значительная часть оборонительных линий оказалась разрушенной поздними перекопами и ямами, во время интенсивной хозяйственной деятельности жителей с. Бураково в XIX – начале XX вв. В связи с этим, в местах наибольшего разрушения оборонительных насыпей были проведены глубокие зачистки.

Выявленная нами во время исследования стратиграфическая картина третьего вала следующая (рис. 96): по верху насыпи шел слой дерна 5–7 см толщиной. Затем под ним следовал слой желто-коричневого суглинка мощностью до 20 см, который, возможно, являлся следами обмазки поверхности вала, препятствующей его оплыву. Ниже него располагалась основная насыпь, сложенная из темно-серого суглинка мощностью до 50 см. Под ним следовала прослойка желтого суглинка около 10 см толщиной, являвшаяся, видимо, выкидом из рва. Она лежала непосредственно на погребенной почве мощностью около 50 см. Ниже нее была расположена кровля материкового суглинка. Ближе к фасу внешней части оборонительной насыпи хорошо прослеживалась ямка от вертикального столба глубиной около 50 см и шириной около 20 см. Она прорезала насыпь почти до слоя желтого суглинка и была заполнена серым гумусированным суглинком. По всей видимости, она являлась следами от надземных конструкций, представлявших собой частокол или тыновую ограду.

Первый (внешний) вал также не отли-

чался большой стратиграфической сложностью (рис. 96). Верх оборонительной насыпи перекрывал слой дерна 5–7 см, затем шел слой темно-серого суглинка мощностью до 35 см. Он и представлял собой собственно насыпь вала. Судя по профилю, она не была обмазана по верху суглинком как на третьем валу и это послужило причиной ее более значительного оплыва. Далее под ней залегал слой желтого суглинка мощностью до 35 см, взятого, по-видимому, из рва. Он, в свою очередь, перекрывал культурный слой, состоявший из серого суглинка мощностью до 40 см, в котором были найдены фрагменты болгарской керамики домонгольского облика. Он отложился непосредственно на погребенную почву, имевшую толщину около 40 см, под которой следовала кровля материкового суглинка. На глубине 35–40 см от поверхности во внешней части оборонительной насыпи была выявлена ямка от вертикального столба шириной и глубиной 25 см с заполнением из темно-серой супеси. По-видимому, она являлась следами от частокола, аналогичного стене, стоявшей на третьем валу. Судя по тому, что эта насыпь была возведена на уже отложившемся культурном слое поселения, ее строительство относится к несколько более позднему хронологическому периоду, чем второй вал. В связи с этим, можно датировать и ее строительство, которое, скорее всего, соотносится с предмонгольским временем. Стены из частокола располагались через ряд и были установлены на относительно небольших насыпях по отношению к двум другим более значительным по размерам. Таким образом, они несли функции дополнительных укреплений, препятствующих быстрому форсированию оборонительных линий. Вместе с тем, на втором и четвертом валах должны были располагаться более мощные фортификационные сооружения, на которые были возложены основные оборонительные функции. Если же исходить из логики возведения многорядных укреплений, а тем более устроенных в один пояс, то напрашивается вывод об имевшем месте в древности двух-, трехъярусном способе обороны. При этом внутренняя линия должна быть основной и, соответственно, наиболее крепкой и высокой. Поэтому мы берем на себя смелость дать наше видение фортификационного облика Бураковского I городища.

Как говорилось выше, в предмонголь-

ское время на внешнем и третьем валах стоял частокол. Тип же укреплений второй и четвертой (внутренней) линий должен был отличаться. Вряд ли будет вызывать сомнение предположение о том, что облик последней представлял собой наиболее мощные стены, которые могли выглядеть как городни или как двойной ряд столбовой конструкции. Нельзя исключать и возможность наличия у них в то время внутренней забутовки (Моргунов, 2009, с. 42–51). Вторая же линия должна была быть менее высокой, иначе терялся бы всякий смысл в многорядности укреплений. Мы также можем только предположить как она выглядела. Возможно это была тыновая ограда или столбовая конструкция с боевой площадкой позади. В любом случае, данный памятник является одним из показателей уровня развития болгарского военного зодчества XII–XIII вв. и дает нам один из типов городищ со сложной системой обороны, распространенных на территории Волжской Булгарии.

Кураловское (Старокуйбышевское) городище

Расположено в петле р. Бездна левого притока р. Кама. Изначально занимаемая им площадь достигала 1,7 га (рис. 97). Памятник имел несколько оборонительных сооружений, однако после создания Куйбышевского водохранилища большая их часть была разрушена. С напольной северной стороны поселение ограждалось рвом и валом шириной 18 и 20 м соответственно. Несколько южнее проходила еще одна линия укреплений, состоявшая также из рва и вала 10 и 16 м шириной. Вдоль восточной стороны по краю площадки располагался также и дополнительный вал. Сохранившиеся до нашего времени южные укрепления состояли из рва и вала. Памятник возник не ранее XI в. и существовал до второй трети XIII в., когда он погиб в результате политических потрясений, связанных с монгольским нашествием.

Во время охранно-спасательных работ И.Л. Измайловым и автором была исследована оборонительная насыпь сохранившейся части укреплений. В процессе раскопок удалось проследить сложную стратиграфическую картину, которая показала, что вал городища состоял из нескольких насыпей (рис. 98). Из них самая ранняя покоилась на слое раннего селища и состояла из темного и перекрывающего его светло-коричневого суглинка. Она была сложена из материковой

глины, которую строители взяли при рытье рва. Высота ее достигала 0,8 м при ширине до 6 м. Эта насыпь частично перекрывалась слоем городища, который представлял собой его нижний горизонт. Находки из него позволили датировать возникновение и функционирование первой насыпи началом-третьей четвертью XII в. Затем эта насыпь была перекрыта более мощным слоем, сложенным из светло-коричневого материкового суглинка 0,6–0,8 м мощностью при ширине в 6 м.

Во время раскопок нам удалось проследить, что внешняя отлогость вала была обмазана глиной и обожжена, что было сделано для предотвращения сползания грунта в ров. Таким образом общая ее высота достигла 1,6 м, а ширина 8–9 м. Если же учесть, что она заметно оплыла, то первоначальная высота крепостного вала могла быть не менее 2–2,5 м. Вместе с этим одновременно был значительно углублен до 2,5 м и расширен до 12 м оборонительный ров. Кроме того, с напольной стороны перед рвом линия укрепления имела и хорошо прослеживаемую отлогую насыпь. Она была устроена в виде прообраза гласиса, при помощи которого увеличивалась глубина и ширина рва.

В ходе исследований удалось обнаружить также и остатки деревянных конструкций, связанные с последним строительным периодом. Они были выявлены в яме, имевшей ширину до 1,5 м и глубину 1,1 м. Она прорезала ранние напластования вала вплоть до погребенной почвы, а ее выкиды перекрывали их. Ее заполнение состояло из перемешанного темного суглинка. Установленные в ней конструкции представляли собой вертикально вбитые столбы диаметром 10–15 см и длиной 0,8–1,1 м. Наиболее мощными они были во внешней южной части. Непосредственно же над ними располагались горизонтально лежащие бревна, которые образовывали клеть 2×2 м. Как нам удалось проследить, затем после их устройства, они были засыпаны и забутованы землей. В свою очередь в верхней части насыпь была прокалена и перекрыта небольшой до 5 см линзой темного суглинка, насыщенного древесным тленом и углем. По-видимому, он явился следом от разрушенных или сгоревших надземных крепостных сооружений. Вся эта насыпь перекрывалась слоем запустения мощностью 15–20 см, которая образовалась, возможно, от размыва вала и частичного разрушения верхнего горизонта.

На основе полученных данных, можно констатировать возникновение первых земляных укреплений, скорее всего, в XII в. Они состояли из невысокой оборонительной насыпи и рва, и, судя по нескольким углестым прослойкам, включали также какие-то надвальные конструкции. Данная насыпь использовалась довольно долго и неоднократно обновлялась, о чем может говорить отложившийся на ней значительный слой. Скорее всего, в конце XII или начале XIII вв. укрепления были перестроены. В этот период внутрь насыпи вала происходит заглубление деревянных клетей. По-видимому, они являлись связками горизонтальных бревен, которые шли по верху вдоль всей линии обороны (рис. 99, реконструкция). Данный тип укреплений, получивший название «городни», довольно типичен и для древнерусского оборонительного зодчества (Раппопорт, 1961, с. 113–134). Например, он находит себе аналогии во многих дерево-земляных сооружениях и, в частности, в синхронных линиях обороны городища Слободка XII–XIII вв. (Никольская, 1987, с. 31).

Щербеньское I городище

Располагается на мысу, образованном р. Щербень, правого притока р. Малой Сульчи и ручьем Бакай (рис. 100). Высота площадки поселения над уровнем воды 8–10 м. Оно имеет подпрямоугольную форму с закругленными углами. Занимаемая городищем площадь – 3 га. С напольной юго-западной, южной и юго-восточной сторон поселение окружено тремя линиями валов и двух рвов между ними. С западной, северо-западной, северо-восточной и восточной сторон оно ограждено двумя валами и рвом между ними. Памятник датируется домонгольским периодом истории Волжской Булгарии. Для получения общего облика фортификации городища, нами были проведены исследования трех валов, расположенных с напольной стороны.

К началу археологических раскопок внутренний вал находился в сильно оплывшем состоянии. Над уровнем современной поверхности он имел высоту около 1 м, а ширину – 8–10 м. В ходе исследований была выявлена следующая стратиграфическая картина (рис. 101): оборонительная насыпь была возведена на уже отложившемся культурном слое открытого поселения до 40 см толщиной. Сам вал сложен из трех насыпей, расположенных друг над другом. Его нача-

ли строить с внутренней стороны в 4 м от линии будущего рва путем насыпки небольшого ядра из светло-серого суглинка до 30 см высотой. Затем оно было перекрыто более значительной насыпью из серого суглинка мощностью до 50 см. Окончательно же вал наращен в высоту и ширину благодаря досыпке слоя серо-желтого суглинка более 50 см в высоту. Непосредственно в самом тулове насыпи прослеживались следы от деревянных конструкций в виде мелкой трухи. По-видимому, это остатки клетей служивших крепежом вала.

В таком же довольно оплывшем состоянии находился и второй, средний вал. В момент раскопок он имел высоту около 1 м и ширину – 7 м (рис. 101). Способ его постройки представляется довольно несложным. Непосредственно на культурном слое, упоминавшемся выше, строители возвели оборонительную насыпь, состоявшую из досыпанного с площадки темно-серого суглинка и желтого суглинка, взятого при рытье рва. К остаткам наземных оборонительных сооружений можно отнести выявленную в верхней части вала столбовую ямку. Она была заполнена серым гумусированным суглинком с древесной трухой шириной 50 и глубиной 30 см. Так же, как и в первой насыпи, здесь прослеживались следы от сгнивших деревянных конструкций, заглубленных в нижележащий культурный слой.

Внешняя оборонительная насыпь имела современную высоту около 1,5 м и ширину 11 м. Мы отмечали ранее, что она не является валом в прямом понимании этого термина. Перед нами гласисообразная насыпь, предназначавшаяся для увеличения глубины и ширины рва, а также для облегчения обстрела наступающего противника. Не случайно, поэтому, что данная земляная постройка фиксируется только с напольной стороны. По стратиграфическим наблюдениям, она состояла из нескольких чередующихся насыпей, идущих одна за другой. Они начинались с внутренней стороны и были сооружены так, что отступая в напольную сторону, поочередно перекрывались последующими, т.е. перекрывали внешнюю отлогость предыдущей насыпи (рис. 101). Все они сложены на культурном слое поселения и состояли из суглинка от 40 до 70 мощностью.

Вдоль верхней части этой насыпи были прослежены два ряда столбовых ямок с за-

полнением в виде серого гумусированного суглинка. Они имели ширину 27 и 30 см, а глубину – 15 и 23 см соответственно. Расстояние между ними составляло около 180 см. Нам не удалось точно определить, остатками каких конструкций они являются. Однако представляется маловероятным, что это следы двух рядов сплошного частокола. Имея в виду аналогии, логичнее интерпретировать их как остатки бревен, установленных в шахматном порядке в виде надолбов, из которых нам удалось зафиксировать только два ряда. Об этом может говорить и расстояние между ними. Нужно учитывать и то, что установка на такой насыпи параллельных заградительных стенок совершенно нецелесообразна и невозможна с точки зрения обороны поселения. В противном случае ряды частокола свели бы на нет второе отмеченное предназначение данного земляного сооружения. Несомненно, что эта гласисообразная насыпь являлась только прообразом более позднего, так сказать «классического» гласиса, но мы посчитали возможным применить к ней такой термин, ввиду ее формы и, соответственно, назначения (Кюи, 1892, с. 13–14; Губайдуллин, 2006, с. 54). Согласно этому, данное определение автором используется и по отношению к другим подобным оборонительным сооружениям, которые фиксируются во внешних укреплениях целого ряда средневековых городищ.

Что касается облика наземных крепостных сооружений внутренней линии обороны, то реконструировать ее довольно сложно. В нашем распоряжении достаточно мало для этого сведений. Все же принимая во внимание выявленные в ходе археологических исследований внутривальные конструкции, можно предположить, что такого же срубного типа были и надвальные. В то же время здесь существует определенная доля вероятности т.к. далеко не всегда они бывают идентичны. Вероятно, таким образом, их можно реконструировать в виде следующих сооружений: внутренняя линия представляла собой срубные стены, на средней был установлен частокол или тыновая ограда, а на внешней насыпи, устроенной в виде гласиса, размещались надолбы (рис. 102, реконструкция). Такое видение облика фортификации Щербеньского I городища соотнобразуется и с ярусной обороной, элементы которой часто фиксируются на городищах Волжской Булгарии.

Щербеньское II городище

Находится на мысу, образованном двумя оврагами, выходящими в пойму правобережья р. Ермак левого притока р. Щербень и в 2 км к северо-северо-востоку от Щербеньского I городища (рис. 5). Площадка памятника расположена в 6–7 м над уровнем прилегающей поймы. Городище имеет неправильную форму и вытянуто с юго-востока на северо-запад. Занимаемая площадь памятника равняется 2 га. С напольной северо-западной стороны поселение защищено валом и рвом, которые сильно оплыли в результате многолетней распашки. Только лишь оконечности вала по краям мыса имеют удовлетворительную сохранность. Здесь его высота доходит до 1 м. На сегодняшний день городище датируется только домонгольским периодом.

Линия обороны исследовалась в ее северной оконечности, которая наиболее сохранилась к нашему времени. Во время археологических работ нами были выявлены несколько насыпей, из которых был сложен вал (рис. 103). Его строительство происходило непосредственно на слой погребенной почвы и это делалось в несколько приемов. Сначала для основы были возведены две насыпи незначительной до 30 см мощности, состоявших из серо-желтого и темно-серого суглинков. Затем их частично перекрыла более мощная насыпь, сложенная желто-серым суглинком, которая имела высоту свыше 60 см. Далее с внутренней стороны фиксируется срезка грунта, осуществленная вплоть до материка. Потом на ее месте была досыпана еще одна насыпь из материковой глины взятой из рва. Она также перекрыла и внутреннюю часть предыдущих насыпей, таким образом создав как бы «подпорку», предназначенную в качестве препятствия для оплыва вала. С внешней его стороны была выявлена и берма шириной около 1 м. Как и отмечалось нами ранее, данные размеры наиболее оптимальны с точки зрения ее основного функционального предназначения – предохранения вала от сползания в ров.

Остатки наземных крепостных сооружений были выявлены только в верхней части оборонительной насыпи, которые прослеживались в виде столбовой ямки шириной 35 и глубиной 40 см. Вероятно, что это следы от тыновой ограды. Каких-либо признаков устройства боевой площадки с внутренней стороны зафиксировано не было, но мы

можем предположить о ее существовании в древности (рис. 104, реконструкция). Не исключено, конечно, что отмеченные насыпи изначально являлись следами от забутовки крепостной стены, которая разрушилась с течением времени или была намеренно уничтожена. На сегодняшний день, однако, результаты наших исследований таких свидетельств не дают.

Староматакское городище

Расположено на высоком подпрямоугольном мысу между двух речек – верхьями р. Ахтай. Площадь 4,26 га (рис. 105). Памятник имеет двухчастную структуру. Северная часть, площадью 3,6 га, обладает формой многоугольника и ограждено двумя валами и рвом между ними. Южная «напольная» часть, площадью 0,66 га, имеет форму правильного прямоугольника и защищена валом и рвом. Высота валов достигает 2,5–3 м, а ширина 8–10 м. Кроме основных оборонительных сооружений на городище присутствуют и дополнительные укрепления. Они состоят из линии вала, проходящего почти вдоль всего мыса, в средней части его склона. Высота его около 1,5 м. По-видимому, судя по нашим наблюдениям, он был создан путем эскарпирования мысового откоса. Памятник датируется только домонгольским периодом истории Волжской Булгарии.

В западной части городища К.А. Руденко было изучено место разрушенных укреплений, что дало интересную картину системы насыпи вала. По мнению исследователя, данный объект обороны сооружался в два приема и сопровождавшихся установкой каких-то деревянных конструкций «...в виде горизонтальных бревен, уложенных в канавку шириной 40 см», а также заложением деревянного каркаса, шедшего вдоль гребня вала (Руденко, 1999, с. 123–124).

Судя по профилю оборонительной насыпи (Руденко, 1999, рис. 126), создается впечатление, что внутри нее ранее имелись какие-то конструкции. Об этом может свидетельствовать характер залегания слоев, из которых был сложен вал (рис. 106). Так во внешней его части наблюдается их резкое почти вертикальное падение. Это наводит на мысль о существовавшей некогда в данном месте уже полностью истлевшей вертикальной деревянной стены, которая крепила тулово насыпи. Иная картина прослеживается во внутренней части вала. Здесь слои, составляющие оборонительную насыпь, поло-

гие. В них, в частности, отмечены и какие-то древесные остатки в виде горизонтальных конструкций, уложенных вдоль линии вала. Вполне возможно их интерпретировать как завалившуюся (или сильно оплывшую) во внутреннюю сторону стену, стоявшую параллельно внешней. Во многом об этом говорит и внушительная мощность крепостного вала, каковая должна была содержать в себе какую-либо конструкцию, а также значительное наземное сооружение. Исходя из этого, мы можем предположительно реконструировать эту линию обороны по типу срубов-городней.

Вообще же сам оборонительный комплекс Староматакского городища очень интересен в плане неординарности его фортификации. Здесь наличествуют мысовое расположение, двухчастная структура поселения, ломаные линии укреплений, двойной ров с валом, дополнительные преграды в виде эскарпа, а также вала, устроенного вдоль середины мысового склона (рис. 107, реконструкция). Принимая также во внимание непосредственно окружающие городище селища-посады со следами интенсивной жизнедеятельности, нельзя исключать и возможный неординарный социальный статус этого болгарского укрепленного поселения.

Татбурнаевское городище

Находится в урочище «Алка» на мысу образованном оврагом и правым берегом речки Бурнайки, правого притока речки Ата-Су, правого притока р. Малый Черемшан. Площадь памятника – 1,6 га. Городище имеет округлую форму, вписанную в среднюю часть мыса. Со всех сторон оно ограждено линией обороны, состоящей из двух ровов и вала между ними (рис. 108). Современная высота вала достигает 1,5 м, а ширина – 7–8 м. Глубина ровов от 1 до 2 м, ширина – 6–7 м. Укрепленное поселение датируется X–XIII вв., т.е. только домонгольским периодом.

Исследования оборонительного вала с южной напольной стороны памятника выявило три конструктивные его части – две нижние «...были насыпаны на основу из плотного белесого суглинка и состояли из супесчаных отложений...», а от основного массива насыпи были отделены мощной прослойкой насыщенной углями супеси (Руденко, 1999, с. 124) (рис. 109). По мнению автора исследований, для укрепления рыхлого грунта использовалась деревянная конструк-

ция, от которой сохранились следы канавки и кольев. Третья конструктивная часть также характеризовалась заложением в толщу вала каркаса «...из расположенных параллельно друг другу слег...», который представлял собой сооружение в виде решетки, после чего он был засыпан и окончательно перекрыт суглинистым и супесчаным грунтом (Руденко, 1999, с. 124).

Исходя из профиля объекта, можно сделать заключение о существовавших двух строительных периодах возведения оборонительной насыпи. Первый характеризовался небольшим валом, на котором находилась какая-то конструкция, сгоревшая при пожаре. Принимая во внимание эти факты, можно прийти к выводу – незначительность сооружения вряд ли свидетельствует о ее сложности. Скорее всего, мы имеем здесь дело с тыновой оградой.

Второй период представлен более мощной насыпью, где также практически отсутствуют следы деревянных стен. Только судя по типу залегания в ней слоев, можно высказать предположение о том, что это остатки какой-то развалившейся дерево-земляной конструкции. Таким образом, остается под вопросом их первоначальный облик. Однако, все же характер напластований и размеры крепостного вала могут свидетельствовать о возможном наличии здесь в древности срубных стен или столбовых конструкций. В последнем случае двойных с внутренней забутовкой.

Иной тип оборонительной насыпи был изучен К.А. Руденко в северной части городища со стороны мыса. Исследователь выяснил способы возведения и этапы строительства данного отрезка крепостного вала: первоначальная насыпь была сооружена непосредственно вдоль рва и имела высоту не менее 70 см, а от основного массива отделялась прослойкой темно-серой супеси (Руденко, 1999, с. 125–126). Строительство же главной насыпи вала происходило в два этапа. Во время первого «...был досыпан первоначальный вал...», который существенно расширил его, а затем во время дальнейшей отсыпки грунта в качестве крепежа были введены легкие деревянные конструкции, состоявшие из небольших бревен (Руденко, 1999, с. 126).

Начало строительства этой части вала можно отнести к классическому методу сооружения подобных оборонительных объек-

тов, имеющему довольно древние корни. Основная же насыпь, отличаясь от напольной способом возведения, тем не менее, несла в себе признаки схожести с последней в плане внутреннего крепежа. Судя по залеганию слоев, здесь также наблюдается возможное существование в древности каких-то разрушенных и ныне оплывших конструкций (рис. 109). Не исключено, что они были аналогичны дерево-земляным сооружениям, возведенным с напольной стороны.

Краснокадкинское городище

Располагается на правом берегу р. Зай на подтреугольном мысу высотой около 100 м. Площадь памятника – 1,92 га (рис. 110). С северной и восточной сторон площадка поселения ограждена валом высотой около 1 м и шириной 6–8 м, а также рвом глубиной до 1 м (Набиуллин, Гариф, 2006, с. 226). Городище датируется домонгольским периодом истории Волжской Булгарии.

Оборонительная линия памятника изучалась Н.Г. Набиуллиным и Н.Г. Гарифом в его северо-северо-западной части. В процессе исследований было определено, что в этом месте сохранившаяся высота вала не превышала 70 см, а ее верхнюю и основную часть составляла глина средней плотности с включением известняковой крошки и супеси (рис. 111). Первоначальная же ширина объекта равнялась примерно 5 м (Набиуллин, Гариф, 2006, с. 229–230, 231). Его исследователи отметили также в центральной части насыпи «...круглые и подовальные в плане гумусированные пятна», на основании чего интерпретировали их «...как остатки ямок типа столбовых от какой-то наземной конструкции». Кроме того, были зафиксированы ряды прослоек и линз древесного угля, золы и обожженной глины, по причине чего выдвинуто предположение о ремонте и обновлении оборонительных сооружений, сгоревших во время пожара (Набиуллин, Гариф, 2006, с. 230). Вызывают также интерес и прослеженные в самой нижней части насыпи наиболее ранние объекты в виде столбовых ямок, заполненные зернистой серой супесью, которые, по предположению авторов, являются следами «...первоначальных оборонительных сооружений типа частокола» (Набиуллин, Гариф, 2006, с. 231).

Во время изучения самого рва были выделены различные прослойки, связанные со временем его существования, в том числе и линза угля до 3–5 см мощностью, выявлен-

ная непосредственно под слоем заустения (Набиуллин, Гариф, 2006, с. 227). В целом же объект имел небольшую глубину – 1,5 м от уровня погребенной почвы, а ширину – 4 м (Набиуллин, Гариф, 2006, с. 228). Судя по профилям оборонительной линии, можно сделать некоторые предположения, касающиеся облика дерево-земляных фортификационных построек конца XII – первой половины XIII вв. Ров имел треугольную форму, причем во время всего существования. В поздний период он был почти в полтора раза расширен во внутреннюю сторону, о чем свидетельствует проходящая вдоль склона эскарпа ступенька. При этом также увеличилась и внутренняя отлогость рва. Может показаться, что изначально он был трапециевидным, а лишь затем расширен в сторону поля и углублен приняв треугольную форму. Однако, принимая во внимание характер его заполнения, состав и количество грунта в основной насыпи вала, а также тезис о наиболее ранней хронологии треугольного профиля, нами сделан именно такой вывод. Кроме того, имеются и некоторые тому аналогии, например в укреплениях Болгарского городища X в. (Краснов, 1987, рис. 10).

Между рвом и оборонительной насыпью имелась также и берма, что характерно, с наиболее оптимальной шириной около 1 м. Далее находилось основное крепостное сооружение, представлявшее собой, скорее всего, ограду из одной или двухрядной столбовой конструкции, в последнем случае с внутренней забутовкой. Об этом могут говорить отмеченные выше следы столбовых ямок и характер расположения слоев внутри насыпи вала. По-видимому, подвергшись пожару, значительная часть стены обрушилась (была обрушена?) во внутреннюю сторону, а меньшая оказалась во рву. Что же касается самых ранних оборонительных сооружений Краснокадкинское городища, относящихся к X–XI вв. и представлявших собой ров и тыновую стену – их облик показывает один из двух наиболее ранних типов крепостной ограды, которые использовались в период ранней Волжской Булгарии.

Старомайновское (Грязнухинское) городище

Памятник располагается в правобережье р. Майны левого притока р. Волги на треугольном мысу надпойменной террасы (рис. 112). Высота над уровнем поймы – около 20 м. Площадь городища – 1,5 га. С наполь-

ной стороны поселение ограждено тремя валами и тремя рвами, датирующимися до-монгольским периодом. Современная высота болгарских оборонительных насыпей – около 2 м, ширина – около 12 м. Ширина рвов – около 4 м, глубина – около 1 м.

Из всех трех линий обороны городища исследовалась только внешняя (Матвеева, 1993) (рис. 113). Судя по результатам археологических раскопок, возведение наружного вала началось непосредственно на болгарском культурном слое, представлявшим собой гумусированную супесь с находками именковской и болгарской керамики. Он перекрывался сильно спрессованным, очень плотным грунтом толщиной 10 см, который, по мнению исследователя Г.И. Матвеевой, был скреплен каким-то раствором. На нем находилось само тулово оборонительной насыпи, состоявшей из культурного слоя и сильно уплотненной материковой глины, взятых при рытье рва общей мощностью до 120 см. В завершение, все это перекрывалось наиболее мощной насыпью из материковой глины – до 85 см, также взятой при рытье рва. В нижней части последнего, на самом дне, были выявлены крупные обугленные плахи (Матвеева, 1993, с. 157–158).

Проанализировав стратиграфическую картину, можно сделать некоторые выводы, касающиеся способа возведения и характера данного оборонительного объекта: в начале постройки вала с внешней его стороны по линии будущего рва был срезан культурный слой. Затем его строители на уровне материка оставили бровку шириной около 80–90 см, каковая служила в качестве препятствия оползанию оборонительной насыпи в ров. Следом за этим, оставшийся культурный слой был перекрыт хорошо уплотненной «подушкой», которая, по-видимому, служила «фундаментом» для основы самого дерево-земляного сооружения. При возведении вала видна классическая схема строительства подобных оборонительных конструкций. Она заключается в обратном чередовании насыпей в валу по отношению к залеганию слоев грунта, взятого при рытье рва. Таким образом, по наблюдениям Г.И. Матвеевой, в основе вала сначала залегала «...самая верхняя часть культурного слоя, снятого с площади рва», затем верхняя и выше ниж-

няя его части (Матвеева, 1993, с. 157). Затем все это было перекрыто и спрессовано своеобразным крепежом – сильно уплотненной материковой глиной, что часто встречается и при исследованиях других болгарских дерево-земляных оборонительных конструкций. Представляется, что не случайно при создании этого вала применялась утрамбованная «подушка». Скорее всего, она должна была держать вес какой-то постройки и не давать ей осесть под собственным весом. Остатками чего являлись выявленные на дне рва обгоревшие плахи, сказать трудно и можно делать лишь предположения. В тоже время, характер внутреннего тулова оборонительной насыпи может говорить о том, что здесь, по крайней мере с внешней ее стороны, существовала подпорная стенка, чьи следы не удалось зафиксировать во время раскопок. Сейчас вряд ли возможно точно делать конкретные утверждения о ее облике, но, по-видимому, это был специальный внутренний крепеж вала. Не исключено, что он представлял собой каркас в виде стены из горизонтально уложенных досок или небольших бревен, установленную на утрамбованную поверхность. Утверждать о существовании здесь частокола вряд ли возможно, т.к. от него должны были бы остаться следы заглублений. По-видимому, в данном месте находилась стена в виде столбовых конструкций, которая возвышалась и над самим валом. Нельзя, конечно, полностью исключить и вероятность расположения здесь гипп²³. Об их возможном присутствии может свидетельствовать наклон в сторону площадки городища внутреннего тулова насыпи и находка упоминавшихся обугленных плах. Однако, это лишь наше предположение. Как же выглядел весь комплекс оборонительных сооружений – вопрос открытый, но скорее всего, две внешние линии валов несли функцию дополнительных крепостных конструкций, тогда как внутренняя была основной и в этом месте располагалась более сложная и крепкая стена – главный и последний рубеж обороны поселения.

²³ Гиппы – крепостная ограда из вертикальных, плотно примкнутых бревен (досок), вкопанных в землю с наклоном к замыкаемому пространству.

§ 2

Городища Предволжья

Количество второй группы памятников с исследованными укреплениями, расположенных на территории Предволжья, достигает на сегодняшний день более чем полутора десятка городищ. Мы в работе привлекаем данные по 14 из них – это «Муромский городок» (Валыньское городище) (X–XIII вв.), Криушское II (Арбужинское) (X–XIII вв.), Городищенское городище (на р. Волга) (X–XIII вв.), Богдашкинское (X–XIII вв.), Тигашевское (X–XIII вв.), Хулашское (X–XIII вв.), Юловское (X–XIII вв.), Сундровское (X–XIII вв.), Садовское II (X–XIII вв.), Неклюдовское I (X–XIII вв.), Неклюдовское II (XI–XIII вв.), Золотаревское (XI–XIII вв.) городища. Все они существовали только в домонгольское время и их запустение, по меньшей мере большинства из них, так или иначе связано с монгольским нашествием. Еще два укрепленных поселения датируются двумя периодами истории Волжской Булгарии – Междуреченское (XII–XIV вв.) и Луковское (Япанчино) городища (XII–XIV вв.).

«Муромский городок» (Валыньское городище)

Памятник располагается на территории Самарской Луки, которая образована петлей р. Волги. Охватываемая им площадь – около 100 га (рис. 114). Городище находится в верховьях «Яблоневого оврага» и вписано в систему его ответвлений. Поселение занимает три смежные площадки, объединенные единой системой укреплений, т.е. относится к сложномысовому типу. Сохранность оборонительных линий памятника довольно плохая, что затрудняет их анализ. Однако, благодаря проведенным археологическим исследованиям, удалось выявить наиболее ранние укрепления X века, представлявшие собой ров и остатки стены в виде двух параллельных канавок, заполненные глиной (Васильев, Матвеева, 1986, с. 170). После этого, в конце XI столетия укрепления памятника были перестроены – на смену первоначальному рву насыпается вал и выкапывается новый ров. По мнению исследователей, по верху этой оборонительной насыпи был установлен частокол, следами которого являлось истлевшее дерево (Матвеева, Кочкина, 1998, с. 23). Здесь в нашем распоряжении имеется мало сведений для реконструкции ран-

них укреплений. Все же зафиксированный при раскопках частокол (тыновая ограда?) в очередной раз является одним из примеров оборонительных конструкций, применявшихся для защиты болгарских поселений в X–XI вв. В свою очередь, некоторые особенности строительства фортификации «Муромского городка» были выявлены в северной части городища. Авторам работ удалось установить, что до возведения вала площадка под него была предварительно разровнена. Для этого была срезана почва и затем утрамбована грунтом, вынутым при рытье рва. Сама же оборонительная насыпь состояла из культурного слоя, а внешняя ее отлогость укреплялась «оплеткой из тонких деревянных жердей» (Матвеева, Кочкина, 1998, с. 24).

Несмотря на то, что существенная часть фортификационных сооружений была уничтожена в 70-х гг. XX века распашкой – до сих пор можно определить, что поселение окружали три оборонительные линии, которые состояли из валов и рвов, где последние местами заменялись углубленными и расширенными оврагами (Васильев, Матвеева, 1986, с. 171).

Нам сложно что-то здесь добавить, ввиду малого количества имеющихся данных. Несомненный интерес представляют первоначальные укрепления «Муромского городка», представленный тип которых в виде глинобитных стенок, на сегодняшний день не имеет пока себе примеров на территории Волжской Булгарии. Наверное, больше можно сказать по облику оборонительных сооружений города в XII – начале XIII вв. Основываясь на различных других аналогиях, например на реконструкции фортификации «Великого города»–Биляра предмонгольского времени, чья система обороны в чем-то напоминает Валыньскую, можно провести некоторую параллель. Основная внутренняя линия укреплений «Муромского городка» ограждала т.н. «цитадель», которая наверняка играла главную роль в обороне, как последний ее рубеж. Это наверняка должно было отложить свой отпечаток на тип ее крепостных стен. Не исключено, поэтому, что они представляли собой наиболее мощные конструкции типа городней, наиболее распространенных и применяемых в тот период

времени.

Вид следующей линии также сложно реконструировать. Однако, принимая во внимание то, что она окружала и обороняла важную часть поселения – внутренний город, ее тип вряд ли был проще тыновой ограды с боевой площадкой. Что же касается третьей линии укреплений, защищавшей внешний город, то, думается, она могла быть аналогичной облику предыдущей или, как минимум, представлять собой частокол (рис. 115, реконструкция).

Междуреченское городище

Памятник расположен в юго-западной части Самарской Луки на обрывистом берегу р. Волга между двумя глубокими оврагами. Площадь занимаемая поселением достигает 24 га (рис. 116). На городище были исследованы основная линия укреплений, расположенная с напольной стороны, а также «цитадель» в юго-западной части поселения.²⁴ На последней в основе валов, достигавших к моменту начала археологических работ высоты 0,5–0,7 м, выявлены деревянные конструкции типа клетей. Кроме того, была зафиксирована и крепида поверхности оборонительной насыпи из обожженной глины (Зубов, Матвеева, Приказчиков, 1995, с. 210).

Основная оборонительная линия состояла из вала, имевшего ширину 10 м, и высоту 2 м, а также рва шириной около 10 м и глубиной 1,2 м. Их изучение не дало, к сожалению, данных о его наземных конструкциях. Возможно, из-за оплыва насыпи следы их не сохранились до нашего времени (Зубов, 1990). Однако, судя по залеганию и взаиморасположению слоев в валу, можно предположить, что какие-то сооружения здесь могли иметь место (рис. 117). Так слой светло-желтой комковатой глины в центре оборонительной насыпи, возможно, являлся заполнением каких-либо конструкций. Во внутренней части вала, к тому же, он выходит к поверхности, поднимаясь непосредственно к слою дерна. Таким образом, исходя из профиля насыпи, можно сделать предположение о некогда существовавшем внутри ее тулова какого-то устройства типа клетки, которая не только укрепляла вал внутри, но и являлась основой для наземной стены.

Мы затрудняемся сказать, как же выглядели крепостные стены этой оборонительной линии, так как имеем не достаточно данных для этого. Можно лишь утверждать с определенной степенью вероятности, что Междуреченское городище должно было иметь мощную систему обороны, так как его расположение в месте переволоки из р. Волги в р. Усу и наоборот имело стратегическое значение. Это укрепленное поселение булгар запирало и сухопутный путь на территорию Самарской Луки. Таким образом, оно должно было ограждаться соответствующими его предназначению и статусу наиболее мощными крепостными стенами, возможно, городнями.

Криушское II (Арбужинское) городище

Расположено на широком подтреугольном мысу, окруженном с востока и севера долиной р. Арбажка, а с запада р. Тушонкой (Тушанкой) правых притоков р. Волги. С южной напольной стороны поселение ограждено двумя валами и рвом между ними (рис. 118). Высота внутреннего вала – до 2 м, при ширине основания до 12–15 м. Высота внешнего вала – до 2,5 м, а ширина – до 20 м. Ширина рва – 12–18 м, глубина – до 3–5 м (рис. 119). Площадь занимаемая памятником составляет около 80 га (Халиков, 1991, с. 3–4). Городище датируется X–XIII вв.

По мнению А.Х. Халикова, остатки мощных земляных укреплений городища «...производят впечатление не достроенных, т.к. обе сохранившиеся линии валов имеют вид отдельных насыпей со значительными перерывами между ними». Технологические приемы возведения насыпей обоих валов выражены в одновременном их сооружении из грунта, взятого из рва, непосредственно на домонгольском культурном слое, имевшего мощность до 70 см. По предположению исследователя, они стали воздвигаться перед началом монгольского нашествия, однако до этого городище имело «...какие-то укрепления, скорее всего в виде деревянного тына или частокола» (Халиков, 1991, с. 4; Моця, Халиков, 1997, с. 160).

Нам неизвестно какой облик имели оборонительные линии Криушского II (Арбужинского) городища или как они должны были выглядеть, в последнем случае если придерживаться точки зрения А.Х. Халикова о недостроенности укреплений. Нам сейчас сложно об этом судить. Все же, исходя

²⁴ Автор выражает благодарность С.Э. Зубову за предоставленную возможность использовать в работе его материалы.

из значительной мощности насыпей валов, можно предположить, что и крепостные стены должны были им соответствовать, т.е., скорее всего, они могли быть или задумываться как городни. Здесь нельзя исключить и вероятность преднамеренного уничтожения целых отрезков линий обороны после монгольского нашествия, свидетельством чего и является эта «недостроенность».

Городищенское городище (на р. Волга)

Памятник занимает высокий коренной мыс подтреугольной формы, образованный большим оврагом и р. Волга. Площадь поселения – 80,9 га (рис. 120). Оно состоит из двух частей – «внутреннего» и «внешнего» города, каждая из которых ограждаются линией укреплений, состоящей из вала и рва. Современная высота вала внутренней площадки – около 2 м, ширина – около 10 м. Ширина рва – 6–8 м, глубина – около 2 м. Современная высота внешнего вала также доходит до 1,5–2 м, а ширина – 10 м. Ширина рва – до 5–6 м, а глубина – до 1 м. Городище датируется X–XIII вв.

Во время исследования Ю.А. Семькиным внутреннего вала на уровне погребенной почвы были прослежены следы древесного тлена в виде щепы (досок?). В центральной же части объекта выявлены фрагменты обожженных бревен, которые, по-видимому, представляли собой остатки клетки шириной ок. 4,5 м.²⁵ Внутреннее пространство ее было плотно забутовано гумусированным суглинком в нижней части, а в верхней слоем щебня, взятого при рытье рва, т.е. она имела обратную стратиграфию отложений (рис. 121). Судя по профилю насыпи, данная срубная конструкция не только крепила тулово вала, но и поднималась выше, возвышаясь над ним. Таким образом она продолжалась уже в виде наземной стены, представлявшей собой городни с внутренней забутовкой. С внешней стороны стена была присыпана слоем щебня, переходящим затем в берму шириной около 2 м. Внутренняя отлогость всей этой дерево-земляной конструкции была подрезана в позднее время хозяйственными постройками современной деревни, что, однако, незначительно нарушило основную насыпь.

²⁵ Автор выражает благодарность Ю.А. Семькину за предоставленную возможность использовать в работе его материалы полевых исследований.

Ров этой линии обороны имел трапециевидную форму. Его заполнением служил щебень и гумусированный суглинок, которое образовалось вследствие разрушения крепостной стены. Кроме того, внутри него были зафиксированы и следы частичной расчистки, относящиеся к XVII в., которые, правда, оказались небольшими.

Внешняя линия обороны Городищенского (на р. Волга) городища хранит в себе более серьезные следы подправления и перестройки XVII в. В это время булгарский ров, имевший трапециевидную форму, был почти полностью расчищен. За счет этого оборонительная насыпь увеличилась в размерах почти в полтора раза, значительно перекрыв более раннюю. Тулово последней, как и на внутренней линии, также состояло из гумусированного суглинка и слоя щебня, но имело несколько меньшие размеры (рис. 122). Если судить по ее профилю – во внешней части булгарского вала находилась какая-то конструкция, имевшая вид вертикальной стенки, о чем может свидетельствовать характер напластований насыпи. В период гибели этого большого поселения (по-видимому города) в первой половине XIII в. она во время пожара упала в сторону рва, на что указывают угли и зола, вынутые вместе с грунтом из рва и оказавшиеся в заполнении насыпи XVII в.

За исключением того как выглядели более ранние укрепления данного городища, возникшего не позже X–XI вв., первоначальный облик дерево-земляных оборонительных сооружений предмонгольского времени представляется довольно понятным и мы, с долей вероятности, можем представить его реконструкцию. Крепостная стена внутренней части поселения имела вид городней, тогда как внешний город, скорее всего, ограждала более легкая постройка, возможно возведенная по типу тына или столбовой конструкции. Принимая во внимание характер напластований в насыпи вала, можно также предположить, что данная крепостная ограда состояла из двухрядного частокола или такого же каркасно-столбового сооружения с внутренней забутовкой (рис. 123, реконструкция).

Интересны и типы рвов, примененные в системе обороны памятника. Они оба трапециевидные, но, все же, значительно отличаются друг от друга. Внутренний ров более глубокий и узкий, а его отлогости имеют

различную крутизну – эскарп более крутой по сравнению с контр-эскарпом. Внешний же ров шире и располагает примерно равными и более пологими склонами. Несомненно, что узкий ров проще засыпать, а без этого его гораздо сложнее быстро преодолеть, препятствием чему служит и крутизна его склонов, особенно внутреннего. В свою очередь, более широкий ров сложнее завалить грунтом или фашинами во время штурма. Для этого требуется как минимум время и различные осадные мероприятия. Возможно поэтому такой тип использован во внешней линии обороны. Сама же внутренняя линия в комплексе, как последний рубеж защиты, должна была также сдерживать длительную осаду, но уже благодаря мощности своих дерево-земляных оборонительных конструкций.

Богдашкинское городище

Памятник находится в бассейне р. Кильна правого притока р. Свяга в местности, представляющей собой волнистую пересеченную равнину. Занимаемая площадь – 77 га (рис. 124). Само городище частично вписано в окружающие овраги, в некоторой степени используя их в качестве природных рубежей обороны. Несмотря на это, основа его защиты представлена линиями валов и рвов, что относит городище к неподчиненным рельефу. Поселение состоит из двух частей – внутренней и внешней. Первая ограждалась двумя валами и рвами. Высота внешнего вала от современной поверхности достигала 2–2,4 м, внутреннего – 1,5 м, а ширина – 10–12 и 6–8 м соответственно, глубина рвов – до 1–1,5 м, ширина – около 4–6 м. Внешняя линия обороны состояла из вала и двух рвов. Ширина внешнего рва – 1,6–2 м, глубина 1–1,1 м, а внутреннего – ширина 4–4,5 м, глубина – 1,2 м. Крепостной вал имел ширину 8–8,5 м, а высоту 1,3–1,5 м. Памятник возник в X–XI вв. и существовал до первой трети XIII столетия.

И.Л. Измайловым на его территории были исследованы линии укреплений «внутреннего» и «внешнего» города – раскопы IV и V. Первый из них был разбит в северной части т.н. «цитадели» и охватил всю полосу ее укреплений (рис. 125). В процессе их изучения определено, что внешняя и внутренняя оборонительные насыпи сложены тремя чередующимися слоями плотного суглинка мощностью до 50–60 см каждый. Фортификационные сооружения этой ча-

сти городища, по мнению И.Л. Измайлова, создавались одновременно «...и, судя по материалам 1988 г. и отдельным находкам болгарской гончарной керамики и костей в нижней части насыпи, их строительство относится к началу XI в.». Сам же внешний вал за годы запустения «...достаточно сильно оплыл, именно поэтому в верхней части вала отсутствуют, видимо, следы надвальных конструкций» (Измайлов, 1991¹, с. 5). Не исключено, что отсутствие в раскопе следов древесных остатков не обязательно может говорить только в пользу оплыва оборонительной насыпи. В некоторых случаях надземные укрепления заглублялись лишь через определенные промежутки, например, городни или столбовые конструкции. Возможно, что в данном случае мы имеем дело как раз с одним из этих типов крепостных стен (рис. 126).

В северной части городища в 800 м от раскопа IV был разбит следующий раскоп – р. V. Им была прорезана линия внешних укреплений памятника (рис. 125). В этом месте насыпь вала состояла из двух мощных чередующихся слоев суглинка высотой до 60–70 см каждый. В самом нижнем слое были выявлены редкие находки болгарской керамики. Рвы, по мнению И.Л. Измайлова, оказались заполнены в период запустения памятника и последующей его распашки. Интересно, что внутренний ров гораздо шире и несколько глубже внешнего, что сближает их с аналогичными объектами, ограждавшими «цитадель». Судя по незначительному культурному слою, выявленному под туловом вала, и происходящим из него находкам, укрепления внешней линии обороны были датированы исследователем второй половиной домонгольского периода (Измайлов, 1991¹, с. 8–9).

Исходя из имеющихся материалов раскопок и принимая во внимание незначительную мощность оборонительной насыпи внешнего города, можно сделать предположение об имевшихся здесь в древности оборонительных постройках в виде тыновой ограды или столбовой конструкции. Данный вывод делается в связи с тем, что столь незначительный по размерам вал вряд ли мог нести на себе какие-то другие более сложные фортификационные сооружения, а также служить забутовкой какой-то более мощной дерево-земляной конструкции, ввиду недостаточного количества грунта в насыпи.

Что же касается рвов, если судить по профилям – рвы обеих линий обороны изначально имели трапециевидную форму и, что характерно, внешние были меньше по размерам. Однако отлогости последних сделаны более крутыми, чем у внутренних рвов, у которых склоны более пологие и примерно равны по своей крутизне. В данном случае не совсем понятно – для чего это было сделано, т.к. узкие и, относительно, неглубокие объекты легко засыпать. Для внутренней линии такой тип приемлем, тогда как для внешней – нет. Таким образом штурм наружных укреплений облегчался, ввиду слабости одной из основных фортификационных преград. Возможно, здесь основная ставка в обороне делалась на мощностные наземные дерево-земляные сооружения, тогда как рвы предназначались в качестве дополнительных препятствий, а также служили источником грунта для возведения валов.

Тигашевское городище

Памятник расположен на правом берегу старицы р. Була, левого притока р. Свияга (рис. 127). Поселение ограждено тремя линиями валов и рвов. Занимаемая площадь достигает 2,2 га. Его время существования ограничивается только домонгольским периодом Волжской Булгарии – X–XIII вв.

Исследователь городища Г.А. Федоров-Давыдов выделял на нем четыре периода истории – срубная стоянка, болгарское святилище, окруженное рвом, городище с мощной системой укреплений и последний: застройка площадки городища и уничтожение внутреннего кольца обороны (Федоров-Давыдов, 1962, с. 49). Автор раскопок ко второму периоду относил сооружение рва, выложенного слоем соломы, которая сохранилась до нашего времени в виде обмазки. Для третьего периода исследователь указал, что в это время укрепления уже состояли из трех линий валов и рвов с востока, юга и юго-запада, а с севера и северо-запада из одного вала без рва, так как в этом месте городище защищено рекой и болотом (Федоров-Давыдов, 1962, с. 59). В процессе исследований оборонительных линий Г.А. Федоровым-Давыдовым были выявлены также и остатки внешней облицовки валов из деревянных конструкций и глины. Они имели следы обожженных досок, поставленных вертикально, а также фрагменты деревянных внутривальных конструкций в виде срубов.

Несколько спорное суждение исследователь выдвинул для четвертого периода истории памятника. Оно заключалось в том, что, по его мнению, малая высота внутреннего вала и малая глубина рва относительно второй линии обороны, говорит об их специальном уничтожении в какой-то момент жизни городища (Федоров-Давыдов, 1962, с. 72). Ввиду отсутствия других данных подтверждающих это высказывание, мы склонны усомниться в этом, вследствие имеющихся здесь параллелей с некоторыми фортификационными сооружениями. Пример тому уже приводился нами в первой главе в виде замечания Н. Рычкова, касающегося различного соотношения высот валов у болгарских городищ и, в частности, у Большекандалинского городища (Рычков, 1770, с. 7) (рис. 128). Другим примером может послужить применявшийся в древности фортификационный прием, получивший позднее название «абшнит» (нем. abschnitt – отрезок). Он представлял собой вспомогательную постройку в виде вала со рвом впереди, которая давала «возможность продолжать оборону после того, как противник занял главный вал, и вести обстрел внутренности последнего...» (Шперк, 1946). Скорее всего, именно такой тип оборонительных сооружений имел место на Тигашевском городище. В целом же, судя по реконструкции укреплений выполненных Г.А. Федоровым-Давыдовым, они имели вид т.н. «столбовых конструкций» в надземной части и срубов во внутривальной (История Чувашской АССР, 1966, с. 42–43) (рис. 129, реконструкция).

Хулашское городище

Укрепленное поселение расположено на высоком правом берегу р. Кильны, левого притока р. Свияга (рис. 130). Оно частично ограждается оврагами и окружено системой обороны из валов и рвов: с северо-западной стороны тройной линией, с напольной северо-восточной двойной, а с юго-восточной лишь одним валом и рвом. Современная высота валов доходит до 1,5–2 м, ширина – до 10–12 м. Рвы на сегодняшний день сильно запылились. Площадь, занимаемая памятником – 11,29 га. Поселение датируется X–XIII вв.

Как считали его исследователи, городище «имело мощную по тому времени систему оборонительных сооружений, состоявшую из валов и рвов, а также деревянной стены с башнями» (Каховский, Смирнов, 1972, с. 11–12). А.П. Смирновым и В.Ф. Кахов-

ским был заложен раскоп 44×2 м в северной системе обороны и выявлено два строительных периода. В насыпях валов внутренней и внешней линий обороны, относящихся к первому периоду, во время исследований были прослежены включения древесного тлена – остатки деревянных конструкций. Второй же строительный период связан, по их мнению, лишь с расширением внешнего вала и устройством глубокого рва (Каховский, Смирнов, 1972, с. 12–13).

Подобные приемы возведения укреплений были также отмечены исследователями с западной и южной сторон. Это может скорее говорить о единовременном и комплексном подходе болгарских военных инженеров к перестройке оборонительных линий городища, а не о частичных изменениях или ремонте отдельных элементов.

А.П. Смирновым и В.Ф. Каховским были также зафиксированы и следы от крепостных башен, которые имели квадратные и прямоугольные в плане основания. На основе своих исследований они провели параллель «между укреплениями Хулашского городища и других болгарских городов домонгольского времени, в частности Суvara и Булгара...» (Каховский, Смирнов, 1972, с. 17). Здесь стоит отметить, что не совсем только остается ясным – с Суварским или Болгарским городищем, так как у первого крепостные стены представляли собой городни, а у второго памятника – устройства типа столбовых конструкций (тарас?), которые относятся к золотоордынскому периоду.

Судя по материалам исследований и имеющемуся описанию, можно лишь сделать предположение, что внутривальные конструкции были представлены на памятнике городнями, однако, утверждать это наверняка мы бы не стали (рис. 131). Сами рвы изначально имели, в основном, треугольную форму, достигая ширины 8–10 м и глубины около 2 м (рис. 132). Лишь внешний ров в северной части имел ширину только около 2 м и такую же глубину, а форму близкую к трапецевидной (рис. 133). В данном случае видна некоторая параллель с Богдашкинским городищем. Как бы там ни было, оборонительная система Хулашского городища довольно сложна и представляла собой комплекс крепостных сооружений из башен, стен и выносных дополнительных линий частокола или тыновой ограды.

Луковское (Япанчино) городище

Памятник расположен в петле р. Кубни левого притока р. Свияга. Занимаемая им площадь ранее достигала 2,3 га, однако к нашему времени она существенно уменьшилась, ввиду постоянного размыва. Его линии обороны состоят из внутреннего вала – высота до 2–2,5 м, ширина 10–12 м и рва перед ним – ширина 6–8 м, глубина – 1,5–2 м. Также с внешней стороны он защищен двумя невысокими валами высотой до 1–1,5 м, ограниченных с напольной стороны рвом глубиной до 1 м (рис. 134). Памятник датируется двумя периодами болгарской истории – домонгольским и золотоордынским. Судя по археологическому материалу и результатам наших исследований, он возник не ранее XII в. и существовал вплоть до XIV столетия включительно.

Исследования были проведены на внутреннем высоком валу И.Л. Измайловым и автором работы (рис. 135). В этом месте оборонительная насыпь подстилалась слоем плотного темно-коричневого гумусированного суглинка с редкими находками гончарной болгарской керамики домонгольского облика мощностью 15–20 см. В свою очередь он перекрывался тонким до 5 см слоем темного суглинка насыщенного углями. Сам вал был сложен из нескольких насыпей, что говорит о его периодической подсыпке. Первые три из них имели с внешней стороны узкие углистые прослойки до 2–3 см толщиной. Возможно, это следы некогда стоявших на валу каких-то оборонительных конструкций. Время существования данных насыпей, скорее всего, середина XII – первая треть XIII вв., так как именно к этому периоду относится культурный слой частично наплывающий на них.

Исходя из археологических данных, мы можем попытаться реконструировать крепостную стену домонгольского периода. Судя по наклонным углистым прослойкам, они представляли собой остатки сгоревшей конструкции завалившейся или преднамеренно заваленной во внутреннюю сторону. По-видимому, они являлись следами постройки, установленной вертикально и имевшей вид дерево-земляного трехрядного сооружения с внутренней забутовкой. Состояло оно из частокола или столбовой конструкции – нам сказать сложно. Все же думается, что для данного периода времени

логичнее было бы предположить наличие последней, т.н. «каркасно-столбового сооружения», которое тогда имело довольно широкое распространение (рис. 136, реконструкция). Имел ли памятник в то время вторую, внешнюю линию обороны – с уверенностью утверждать нельзя.

Юловское городище

Данное укрепленное поселение расположено в верховьях р. Суры в месте слияния двух речек – Кичкилейки и Юловки. Площадь занимаемая памятником – 22 га (рис. 137). Он состоит из двух частей – внешней и внутренней. Первая представляет собой вал и ров, а вторая – тройную линию. Городище датируется X – первой третью XIII вв.²⁶

Раскоп, заложенный Г.Н. Белорыбкиным через всю систему обороны внутреннего города, состоявшую из 3 валов и 3 рвов, позволил выявить слои, из которых были сложены насыпи, и остатки конструкций (рис. 138). Внутренний вал, самый небольшой, имел ширину около 8 м, высоту около 1 м и был сложен из глины со щебнем взятыми из внутреннего рва, глубина которого составляла около 1,5 м. В самой же насыпи во время археологических работ были зафиксированы следы деревянных конструкций (Белорыбкин, 1987, с. 23–24).

Средний вал на время начала исследования имел ширину 8 м и высоту 1,7 м от материка. Он оказался сложен из трех насыпей, в основном состоящих из щебня с глиной. Г.Н. Белорыбкиным был выявлен также и тлен от деревянной постройки в виде серой супеси с углем, относящейся ко второй насыпи. Конструкция имела ширину 3 м и представляла собой срубы, положенные уступами. В третьей насыпи также были выявлены остатки древесного тлена в виде слоя мощностью около 0,1 м.

Внешняя линия обороны внутреннего города состояла также из вала шириной 11 м, высотой 1,5 м и рва. Оборонительная насыпь делилась на 3 слоя. В основании ее Г.Н. Белорыбкиным были зафиксированы «многочисленные линзы и полосы угля – толщиной 5–10 см с прокалами». По мнению исследователя, они являлись остатками стоявшего здесь частокола, уничтоженного перед со-

ружением новой, уже срубной стены. О последней свидетельствовал слой серой супеси с трухой, толщиной 0,2–0,7 м и шириной 5 м. Следующий третий слой сложен был из глины со щебнем по верху которого, возможно, стояла крепостная стена. Как полагает Г.Н. Белорыбкин, об этом говорит «полоска коричневой трухи по всей насыпи». По мнению автора исследований, первоначально сооружался средний вал, а затем внешний и внутренний. Последний раз они подновлялись незадолго до разрушения, связанного с монгольским нашествием в 1237–38 гг. (Белорыбкин, 1987, с. 24–25). Как считает исследователь, наиболее наглядно следы этого события отражены на примере внутреннего вала «...где деревянную стену соорудили перед самым нашествием и даже не успели полностью насыпать вал» (Белорыбкин, 1988, с. 84).

Как считает Г.Н. Белорыбкин – крепостные сооружения всех трех линий обороны внутреннего города Юловского городища представляли собой срубные конструкции (Белорыбкин, 1990, с. 7). Мы поддерживаем такую интерпретацию имеющихся археологических сведений по отношению к внешней и центральной насыпям, но это касается лишь внутривальных деревянных сооружений, тогда как наземные, возможно, имели другой вид и различались друг с другом.

Так, например, вдоль первой линии могла стоять тыновая ограда, а вдоль второй – городни, или наоборот. Здесь нужно заметить, что нахождение в относительной близости и на одном уровне двух мощных стен из городской бессмысленно и бесполезно с точки зрения обороны. В этом случае невозможен многоярусный эшелонированный обстрел противника. Относительно же реконструкции внутренней линии обороны – вызывает сомнение отождествление ее с первыми двумя. Имеются некоторые возражения: во-первых, небольшая мощность вала, даже в оплывшем состоянии, тогда как наличие срубов подразумевает более значительную насыпь; во-вторых, несколько отличная стратиграфическая картина, касающаяся, в первую очередь, характера самих конструкций.

По нашему мнению они представляли собой более легкий тип – двухрядный тын или двухрядную столбовую конструкцию с внутренней забутовкой. Возможно, что в этом случае мы также имеем дело с типом

²⁶ Автор выражает благодарность Г.Н. Белорыбкину за возможность использовать в работе материалы его исследований.

укреплений «абшнит», как на Тигашевском и Большекандалинском городищах. Однако это лишь подтверждает значительную сложность и высокий уровень обороны поселения, тем более существовало еще и внешнее кольцо защитных сооружений в виде однорядной системы вала и рва, которая располагалась на некотором расстоянии от цитадели, образуя т.н. «внешний город» в виде пространства-болонье (рис. 139, реконструкция).

Все оборонительные рвы «внутреннего города» довольно широкие и достигают 6–8 м, а также они имеют треугольную в профиле форму (Белорыбкин, 2003, рис. 32–6). Их отлогости примерно равны по своей крутизне, за исключением внутреннего рва. Его эскарп заложен более круто по сравнению с контр-эскарпом, что должно затруднить подъем по нему. По-видимому, так было сделано преднамеренно, с целью как можно более воспрепятствовать противнику быстрое форсирование последней преграды. Таким является один из элементов последнего рубежа защиты, тогда как основная оборонительная нагрузка ложилась на внешние рвы.

Сундровское городище

Укрепленное поселение находится в верховьях р. Суры, на мысу образованном оврагом и р. Сундровкой. Высота площадки над уровнем воды – около 12 м. Площадь занимаемая памятником – 1,4 га. Городище относится к типу сложномысовых и, соответственно, имеет сложную систему обороны (рис. 140). Она представлена тремя отдельными линиями, каждая из которых состоит из вала и рва. Время существования городища – X–XIII вв.

На памятнике исследовался только внутренний вал (рис. 141). Современная ширина его около 6–7 м, высота – около 1,5 м. Он был сложен из супеси, которую при насыпке разравнивали слоями. По верху него стояла срубная стена, засыпанная внутри песком. Она была разрушена вследствие пожара, из-за которого часть ее сползла в овраг, а таже упала во внутреннюю сторону. Кроме того, в процессе исследований на склоне оврага был зафиксирован котлован от какой-то постройки, засыпанный внутри утрамбованным грунтом (Белорыбкин, 2003, с. 60).

Другие оборонительные линии городища не изучались и поэтому их первоначальный облик нам неизвестен. Все же, если судить, например, по значительной величине

внешних укреплений, можно предположить существование здесь каких-то мощных дерево-земляных конструкций типа городских. Об этом свидетельствуют современные размеры вала, имеющего высоту 2–2,5 м и ширину около 8 м, а глубина рва составляла 1–1,5 м и ширину около 6 м. При этом средняя оборонительная линия была менее значительной и уступала внешней примерно в 1,5 раза. Исходя из ее размещения не исключено, что она могла осуществлять функции дополнительной защиты по отношению к внутренней линии и обороняемой ею основной части – цитадели. Ее первоначальный облик также неизвестен, но вряд ли он был сложнее конструкций из частокола или каркасно-столбового сооружения. Рвы на памятнике имели треугольную в профиле форму и достигали ширины 6–8 м.

Возможно дополнительно ограждался и посад городища, располагавшийся к северу и занимавший продолжение мыса. Эта его часть представляет собой подпрямоугольную площадку, ограниченную с запада и востока склонами террасы. Поэтому совсем не трудно было бы перегородить ее со стороны поля простой линией частокола или тына, тем более учитывая неограниченное количество материала для этого. В свою очередь, данные укрепления могли не только служить защитой для посада, но и существенно дополнить оборонительную силу внешней линии обороны самого городища. Однако, это все лишь предположение автора работы – не более.

Садовское II городище

Расположено на мысу в верховьях р. Суры, на левом берегу ручья, правого притока р. Ишимки. Высота над уровнем поймы – около 12 м. Занимаемая площадь – около 4 га. Система обороны памятника состоит из трех валов и трех рвов, представляющих один пояс (рис. 142). Внутренний вал в настоящее время имеет высоту около 1 м, ширину – 10 м, ров находится в сильно оплывшем состоянии. Далее расположен средний вал высотой 1 м и шириной 10 м, с внешней стороны которого находится ров глубиной 1,5 м и шириной 7 м. Внешнюю линию обороны также составляет вал высотой 1–1,5 м, шириной 10 м. Перед ним расположен ров глубиной 1 м и шириной 6 м. Городище датируется X–XIII вв.

В центре оборонительного пояса поселения с целью изучения укреплений па-

мятника Г.Н. Белорыбкиным был заложен раскоп (рис. 143). В процессе археологических работ было определено, что насыпи внешнего и среднего валов были сложены из суглинка. Исследователю удалось установить, что в среднем валу имеются подчетыреугольные конструкции размерами 3,8×3,8 м. По мнению автора раскопок – это остатки деревянного сруба, укрепленного в основании суглинком, а с наружной стороны камнями. По-видимому, данный объект являлся частью крепостной стены из отдельно стоящих срубов. Они соединялись друг с другом посредством горизонтально положенных бревен, шедших вдоль вершины внешней отлогости оборонительной насыпи. В свою очередь, вдоль фаса вала была зафиксирована и целая группа столбовых ямок. Возможно, они представляли собой остатки дополнительного препятствия в виде стенки барьера или отдельных кольев.

Если судить по профилю внутренней оборонительной насыпи, на этом месте возможно также имелись внутривальные сооружения, однако сложно определить какого они были типа (Белорыбкин, 2003, рис. 32). Не исключено, что тулово вала здесь также скреплялось деревянными срубами. Что касается самой наземной крепостной постройки, то вряд ли она представляла какую-то мощную конструкцию. Как отмечалось выше – вызывает очень большое сомнение факт одновременного существования двух параллельных стен, находящихся в относительной близости и составленных из городней. Думается, что это не только нецелесообразно, но и просто не может быть.

При изучении внешнего вала сначала были выявлены лишь три столбовые ямки, что не давало возможности представить первоначальный облик наземных защитных конструкций (Белорыбкин, 1990, с. 11–12). Лишь затем, благодаря последующим почвоведческим исследованиям, удалось определить, что вал при насыпке тщательно утрамбовывали. На самой же оборонительной насыпи, как считает Г.Н. Белорыбкин, стояла дубовая срубная стена (Белорыбкин, 2003, с. 60). Таким образом, можно предположить, что крепостные стены, следами которых являются столбовые ямки, представляли собой частокол или столбовую конструкцию, как и в некоторых рассмотренных ранее случаях. Основу же вала могло крепить именно какое-то сооружение в виде деревянного сру-

ба, или же перечисленные выше постройки являлись двухрядными с внутренней забутовкой. Здесь наверняка можно исключить такие типы, как городни и, тем более, тарасы (рис. 144, реконструкция).

Отличаются от многих других городищ рвы, выявленные на этом памятнике (Белорыбкин, 2003, рис. 32–7). Они более узкие и имеют трапециевидную или даже подпрямоугольную в профиле форму, что не характерно для укрепленных поселений Волжской Булгарии. Такого типа объекты проще засыпать, а также форсировать во время штурма. Поэтому не ясно для чего они были так устроены. Можно только предположить, что эта разновидность является показателем развития одной из местных фортификационных школ.

Неклюдовское I городище

Памятник расположен на большом мысу в верховьях р. Суры. Занимаемая им площадь – 8 га (рис. 145). Его оборона состоит из двух поясов: внешний – из вала и рва, а внутренний – из двух линий валов и трех рвов. Поселение датируется X – первой третью XIII вв.

Археологическими исследованиями, проведенными Г.Н. Белорыбкиным, изучены внутренние и внешние укрепления городища (рис. 146). Они также были проанализированы почвоведом Е.В. Пономаренко, Г.Ю. Офман и С.В. Пономаренко (Пономаренко, Офман, Пономаренко, 1995, с. 14–23). Внешний вал внутренней линии высотой 160 см и шириной 7 м состоял из различных слоев, падающих от внутренней части к внешней, которые представляли собой супесь, смешанную с крупным щебнем. Он насыпался, начиная с внутренней стороны. По мнению авторов, довольно спорному, здесь сверху стоял сруб, установленный ближе к внешнему краю и, впоследствии, сгнивший (Белорыбкин, 2003, с. 60). Судя по профилю вала, внутри него находились остатки какой-то конструкции, упавшей во внутреннюю сторону (Белорыбкин, 2003, рис. 32–5). Не исключено, конечно, что он представлял собой сруб. Все же характер внутривальных напластований скорее свидетельствует о существовавшей здесь двойной «каркасно-столбовой» постройке с внутренней забутовкой.

Следующая исследованная насыпь – внутренняя. Как считают исследователи, она являлась синхронной предыдущей. Ее

высота составляла 130 см при ширине около 6 м. Внутренний вал был сложен более однородным материалом, состоящим из песка, мелкой и крупной щебенки. Исследователи заключили, что в отличие от внешнего вала здесь был небольшой сруб, который располагался ближе к фасу оборонительной насыпи. По их мнению, это сооружение не было расположено только внутри вала, но и возвышалось над его поверхностью: «Надземные части развалились по поверхности после сгнивания, сформировав черный гумусовый горизонт переменной мощности с резкой нижней границей» (Белорыбкин, 1994).

При сооружении внешней линии обороны использовался принесенный со стороны грунт, который затем утрамбовывался. Сверху на нем была установлена срубная стена, засыпанная землей, а внешняя ее часть обмазана глиной против воздействия огня (Белорыбкин, 2003, с. 60). По мнению исследователя, оборонительные сооружения памятника были разрушены и сожжены в период монгольского нашествия, о чем свидетельствуют многочисленные слои угля и прокалы (Белорыбкин, 1988, с. 84).

Внутренние дерево-земляные укрепления Неклюдовского I городища представляли собой комбинированную систему из городней во внутреннем валу и, каких-то, конструкций во внешнем. Вряд ли здесь по верху насыпи стоял частокол или тыновая ограда, от которых должны были остаться следы заглубления. Столбовые же конструкции могли заглубляться через определенные промежутки при помощи вертикально врытых бревен-связок, тогда как горизонтальные бревна проходили вдоль верхней части насыпи и возвышались над ней. Возможно, вследствие этого и не удалось зафиксировать их внутри вала, а лишь в его верхнем горизонте в виде темного гумуса. Основываясь на этих сведениях, таким образом, мы можем дать и возможную реконструкцию линий обороны памятника (рис. 147, реконструкция).

Неклюдовское II городище

Поселение находится на мысу, в верховьях р. Суры правого притока р. Волги. Его оборона состоит из двух линий валов и рвов. Городище возникло несколько позже предыдущего и датируется XI – первой третью XIII вв.

По мнению исследователя памятника, Г.Н. Белорыбкина, внутренняя линия пред-

ставляла собой деревянные срубы, заполненные землей без вала, а внешняя была насыпана из супеси, поверх которой также стояла срубная стена (Белорыбкин, 2003, с. 60).

Нам сложно здесь дискутировать с автором раскопок, который для подтверждения своей точки зрения использует и почвоведческие данные. Однако мы снова можем усомниться в факте одновременного существования двух параллельных крепостных стен, составленных из срубов. Возможно внутреннюю линию дерево-земляных сооружений и справедливо будет соотнести с этим типом, но внешняя конструкция наверняка относилась к другой, более «легкой» разновидности.

Золотаревское городище

Памятник расположен в верховьях р. Суры правого притока р. Волги на треугольном мысу высотой до 20 м, образованном двумя оврагами (рис. 148). Занимаемая площадь – около 2,5 га. Датируется памятник XI – первой третью XIII вв. Как и многие домонгольские городища, оно прекратило существование во время монгольского нашествия.

Исследователем городища Г.Н. Белорыбкиным были зафиксированы четыре линии валов со рвами, выгнутые в napольную сторону, расстояние между которыми составляет около 30–40 м, а также боковые вал и ров по верхнему краю мыса, где последний находится с внутренней стороны. Высота основных оборонительных насыпей составляет 3 м, ширина – 8 м, глубина рвов – 3 м, ширина – 5 м. Отмечена и широкая полоса волчьих ям с внешней стороны укреплений, которые расположены в шахматном порядке. Она начинается в 20 м от внешнего вала и имеет ширину не менее 40–50 м. Диаметр ям – около 1 м (Белорыбкин, 2001, с. 12).

Исследования стратиграфии внутреннего вала дали довольно сложную картину и несколько этапов его возведения (рис. 149). По мнению Г.Н. Белорыбкина наиболее ранняя насыпь с деревянной стеной была возведена местным мордовским населением еще в VIII в. и просуществовала до X столетия. (Белорыбкин, 2001, с. 7). В последующее время вал не использовался и только в начале XIII в. укрепления перестраиваются. Они становятся более мощными, и возводится срубная стена с засыпкой нижней части. По мнению автора раскопок, наиболее вероятно, что «стена сохранялась длительное вре-

мя и постепенно разрушилась, а ее остатки осыпались...». Им отмечены и некоторые технологические приемы сооружения насыпи вала. Они заключаются в первоначальном выравнивании внутривальных грунтовых слоев, предшествующего возведению деревянных конструкций, что также похоже на способ возведения валов Неклюдовского I городища. Весь же комплекс фортификационных сооружений автор реконструировал в виде стен из городней, дополненных проездными башнями.

Материалы исследований укрепленных поселений Западного Предволжья позволили Г.Н. Белорыбкину высказать мысль о существовавших в домонгольское время «... местных традициях строительства крепостных сооружений и наличии специалистов-фортификаторов» (Белорыбкин, 2001, с. 18).

Несомненно, поддерживая в основе данную точку зрения, мы, однако, сомневаемся в какой-то совершенной обособленности памятников фортификации этого региона от основной территории Волжской Булгарии. Понятие «местные традиции» – не может быть полностью верным, т.к. в любые времена существовали и существуют основные общие правила по возведению дерево-земляных оборонительных конструкций. В средневековье на это указывали не только целесообразность и возможность строительства тех или иных фортификационных построек в той или иной местности. Об этом свидетельствуют и отдельные законы возведения военно-инженерных сооружений из дерева и грунта, что исходит из особенностей применяемых материалов.

§ 3

Городища Предкамья

В третьем регионе – Предкамье, в домонгольский период возникают 5 из 11 известных нам городищ. Оборонительные сооружения были изучены археологически у Казани (городище «Казанский кремль»), Елабужского «Чертова» городища, Чаллынского городища (город Чаллы), Рождественского (и Филипповского) городища и городища Кашан I (город Кашан). На последнем, однако, наиболее интенсивная жизнь существовала в золотоордынский период. К этому времени, по-видимому, можно отнести и строительство основной линии обороны, частично сохранившейся до наших дней. Все они имеют различную датировку. Казань, основанная как самый северный форпост Волжской Булгарии не позже конца X – начала XI вв., существует без перерыва до нашего времени; Елабужское «Чертово» городище датировано на сегодняшний день только домонгольским периодом – XI–XIII вв.; городище Кашан I – XII–XIV вв.; Чаллыньское городище – XII–XVI вв.; Рождественское – XI–XIV вв.

Все эти памятники, за исключением Елабужского и Рождественского городищ, находятся в междуречье Волги и Вятки. Первое расположено много восточнее, а второе севернее. Елабужское городище является единственным булгарским укрепленным поселением, существовавшим между низовой рек Камы и Вятки, как еще один передовой

центр в Предкамье. В тоже время Рождественское осуществляло функции форпоста на территории Средней Камы. По-видимому, оба памятника несли также и торгово-административные функции, причем значение первого было значительно меньше. Это и обусловило его непродолжительное существование по сравнению с другими городищами.

Казань (городище «Казанский кремль»)

Городище располагается на высоком мысу, сложенном пермскими известняками и образованном р. Казанкой и древним руслом р. Волги, остатками которого является система озер Кабан (Верхний, Средний и Нижний), а также протока Булак (рис. 150). На сегодняшний день площадь занимаемая городищем в домонгольский период определена в 5 га.

Археологическими исследованиями второй половины XX и начала XXI вв. были выявлены остатки оборонительных сооружений первого периода истории Волжской Булгарии. Они представлены двумя типами и хронологически разделяются на самые ранние, относящиеся ко времени основания поселения, и поздние, возведенные во второй половине домонгольского периода.

Первоначальные укрепления памятника были выявлены далеко не сразу. Экспедицией под руководством А.Х. Халикова исследовались укрепления Казани XII–XIII вв.,

состоявшие из рва, вала с каменной крепидой, каменной стены и предмостного сооружения (Халиков, 1985, с. 93). Таким образом, это пока единственное достоверно известное городище Волжской Булгарии, которое имело каменную крепостную стену, ограждающую поселение с напольной стороны. А.Х. Халиковым был выявлен и прослежен ров шириной около 14 м и глубиной свыше 4 м, а также вал, возведенный непосредственно на слое погребенной почвы. По мнению исследователя, это произошло в период основания поселения. Ширина насыпи достигала 12 м, а высота 2 м. Автором раскопок были выявлены и дощатые клетки в тулове вала размером 3×3 м в виде тонких полос древесного тлена. Наиболее же интересным объектом, который был вскрыт А.Х. Халиковым, являлась крепостная стена, сложенная из камня-известняка с деревянной надстройкой. По мнению исследователя, она представляла собой сооружение из грубо отесанных белокаменных блоков 60×40×30 см, 50×30×30 см, скрепленных известково-глиняным раствором. Сложена стена была в системе панцирной кладки и имела ширину 1,5 м (Халиков, 1985, с. 98–99).

А.Х. Халиковым было выявлено и предмостное сооружение, состоявшее из прямоугольной выкладки «длиной в 400 см и прослеженной шириной в 180 см», что довольно уникально, так как следы мостов и сопутствующих им конструкций трудно определимы и очень редко выявляются в процессе археологических работ. Их поиск и изучение может дать интереснейший материал для раскрытия как общей фортификационной картины поселений, так и конкретной модели обороны отдельно взятого участка военно-инженерных сооружений.

В процессе исследований в северо-западной части кремля в районе съезда к Тайницкой башне также были вскрыты остатки крепостных сооружений этого периода времени. Здесь выявились остатки древнейших укреплений в виде земляной насыпи с деревянными конструкциями. По мнению А.Х. Халикова, данные дерево-земляные сооружения представляли собой конструкции типа городней (Халиков, 1985, с. 109).

В ходе дальнейших исследований напольной южной стороны поселения были уточнены данные, полученные А.Х. Халиковым. Дополнительное вскрытие наиболее ранних фортификационных сооружений

Казани Ф.Ш. Хузиным и А.Г. Ситдиковым позволило полнее представить их облик (Хузин, 1997/98, с. 133; Хузин, 2000, с. 17–18; Ситдиков, 2000, с. 26–28). Так древний вал имел ширину 12–14 м при сохранившейся высоте до 1,5–2 м и был сложен из нескольких чередующихся насыпей. В процессе работ удалось определить, что вначале насыпался слой погребенной почвы и подзола, затем материковый суглинок и в завершение желтая супесь. Данный грунт происходил из расположенного рядом Тезицкого оврага, который, возможно, «...имеет большей частью искусственное происхождение». В свою очередь, в центре тулова вала зафиксированы два «ядра» шириной около 5 м и высотой 55–65 см. Они состояли из последовательно перекрывавших друг друга пластов грунта, между которыми находились остатки деревянных столбовых свай (Ситдиков, 2000, с. 26; Ситдиков, 2013³). По-видимому, последние служили для уплотнения центральной части насыпи и последующей установки на ней каких-то наземных конструкций. Продолжением их по восточному краю кремлевского холма могли быть следы от линии столбовых ямок диаметром 15–20 см, оставшихся от частокола (Хузин, 2000, с. 18). Кроме того, вдоль внутреннего склона вала в ходе работ обнаружены остатки деревянных конструкций, которые подпирали насыпь от оползания, а также два ремонтных горизонта этих подпор (Ситдиков, 2013³, с. 162–208).

Вызывает также интерес и профиль рва, северная часть которого была исследована А.Г. Ситдиковым на ширину 7 м. Глубина объекта, которую удалось изучить, достигала 3,7 м от дневного уровня. Внутренняя его отлогость оказалась несколько специфичной, ввиду устройства на ней уступов (Ситдиков, 2000, с. 27). Это не случайно, т.к. грунт, в котором выкопан ров, не достаточно плотен. В связи с этим и были устроены такие уступы, чье предназначение состояло в воспрепятствовании оплыву эскарпа. Эту же функцию выполняла и берма, не позволявшая валу осыпаться в ров, которая широко применялась в системе крепостных дерево-земляных сооружений почти повсеместно.

Во время исследований были получены и новые данные по конструкции мостового проезда на городище. Она представляла собой кладку известняковых камней идущих по склону рва и, возможно, являлась опо-

рой подъемного моста, а время ее функционирования относится к «...существованию ранних каменных укреплений в этом районе – конец XII–XV в.» (Ситдигов, 2013³, с. 162–208). Кроме этого на склоне рва были выявлены и две столбовые ямы: одна имела диаметр 25 и глубину 20 см, располагаясь между рвом и воротным проездом. Вторая же яма находилась южнее, имел диаметр 100 см и заглубление в эскарп на 120 см. Заполнение состояло из желтой супеси и большого количества древесной трухи. Таким образом, они находились вдоль линии проезда, а их дневные горизонты были увязаны с верхним горизонтом домонгольского слоя. По справедливому мнению А.Г. Ситдикова, их расположение и конструктивные особенности позволяют связать данные ямы с остатками вертикальных несущих мостовых опор (Ситдигов, 2013³, с. 162–208).

Основываясь на результатах археологических исследований, А.Г. Ситдигов делает заключение о том, что линия укреплений памятника рубежа X–XI вв. шла по всему периметру – от Тезицкого оврага вдоль западного, северного и восточного склонов мыса. С юга и запада городище защищалось валом с деревянными конструкциями, причем в первом случае в комплексе со рвом. С других же сторон линия обороны представляла собой стену из вертикальных бревен диаметром 20–25 см (Ситдигов, 2013³, с. 162–208).

Продолжавшиеся исследования Казани, особенно в конце XX – начале XXI вв. раскрыли уже совершенно другой фортификационный облик памятника в предмонгольское время. В ходе археологических раскопок была изучена в значительной мере трасса прохождения каменной стены и ее конструктивные особенности. Таким образом, все это позволило разделить хронологически дерево-земляные укрепления древнейшей Казани и каменные крепостные стены. Первые датировались исследователями концом X – началом XI вв., а вторые – предмонгольским временем, т.е. второй половиной XII – первой третью XIII в.: “На месте прежних дерево-земляных укреплений появляются мощные каменные стены шириной 1,8–2 м, сложенные из необработанного известняка “всухую” или же с применением глинисто-известнякового раствора” (Хузин, 2000, с. 18).

Используя полученные в ходе исследований данные, можно с долей вероятности

реконструировать наиболее ранние оборонительные сооружения Казани. Так утрамбовка вала при помощи вертикальных свай приводит к мысли, что оборонительной насыпи предполагалось нести не себе вес какой-то тяжелой постройки. Едва ли она имела вид конструкции, составленной из городней. Для периода времени, относящемуся к X – началу XI вв., наиболее характерны частокол или тыновая ограда. Вообще сомнительно, что такой небольшой пограничный городок, каким была тогда Казань, мог иметь сложные оборонительные сооружения. По-видимому, с напольной стороны они имели вид тыновой ограды с боевой площадкой позади (рис. 151, реконструкция), а вдоль крутых склонов мыса стоял частокол, т.к. там не требовалось создания серьезных дополнительных укреплений кроме эскарпирования склонов.

Уникальность фортификации древнейшей Казани XII в. заключается не только в применении камня для строительства крепостных стен. Довольно интересно в этом случае наличие «двухчастного» сооружения, которое состояло из известняковых блоков в нижней половине и дополнительных деревянных конструкций – в верхней. Последние, в виде остатков обугленных бревен, были выявлены А.Х. Халиковым в процессе исследований (Халиков, 1985, с. 99). Возможно, они представляли собой бревенчатые зубцы с двухскатным перекрытием над боевой площадкой–валгангом. Это, несомненно, ослабляло оборону, так как деревянные конструкции легче сжечь, а также сбить баллистой или скорпионом²⁷. Все зависело от мощности метательных машин, которые могли метать камни и стрелы на расстояние до нескольких сотен метров. Однако, по сравнению с просто дерево-земляными укреплениями других памятников, применение камня–известняка делало оборону более выигрышной. Также заслуживает внимания и немаловажная деталь – если с напольной части поселение было защищено крепостной стеной из камня, а также с восточной и, частично, с северной, то с других сторон укрепленных самой природой булгары построили линии обороны из дерева и грунта (рис. 139). В данном случае булгарскими военными инженерами был применен прин-

²⁷ Баллиста, скорпион – прицельно действующие метательные машины.

цип «разумной достаточности». Данный факт еще раз подтверждает тезис о высоком уровне развития фортификации в Волжской Булгарии домонгольского периода.

Оборонительные сооружения Казани предмонгольского времени просуществовали, предположительно, до второй половины XIII в., когда они частично были скрыты или разрушились, вследствие естественного разрушения. Однако, по мнению А.Г. Ситдикова, они вновь восстанавливаются во второй половине XIV столетия и в таком виде «... продолжали функционировать, претерпев ряд реконструкций, в период Казанского ханства» (Ситдигов, 2013³, с. 162-208).

Елабужское «Чертово» городище

Памятник расположен в устье р. Тойма правого притока р. Кама на высоком мысу коренной террасы, вытянутом с северо-востока на юго-запад. Высота мыса над уровнем поймы – 60 м. Площадь занимаемая поселением – 3 га (рис. 152). Городище с напольной стороны располагает тремя линиями обороны, отстоящими друг от друга на 60 и 100 м. Внутренний и средний валы имеют слегка дугообразную форму, а внешний устроен в виде исходящего угла – редана²⁸. Их современная высота и ширина: внутренний – 2,5 м и 12 м, средний – 1,5 м и 12 м, внешний – 1–1,5 м и 6–8 м соответственно. Оборонительные рвы визуальными практически не прослеживаются. Памятник датируется одним периодом истории Волжской Булгарии – домонгольским.

Раскоп, заложенный М.М. Кавеевым с целью изучения стратиграфии, характера и времени строительства укреплений городища, прорезал второй средний вал, ров и частично захватил площадку городища. По описаниям автора оборонительная насыпь имела ширину 13 м и высоту 1,6 м. Сначала вал возводился с помощью грунта, взятого с площадки городища. Затем, после этого, досыпался желтый плотный суглинок, который был вынут при рытье рва. Он имел ширину 4 м и глубину 1,4 м (Кавеев, 1984, с. 20–21).

В процессе работ исследователем не было выявлено каких-либо деревянных конструкций. Возможно, их отсутствие связано с оплывом оборонительной насыпи. Не исключено, что их следами являлся прослеженный слой светло-серого суглинка, во внеш-

ней части которого М.М. Кавеевым было отмечено скопление камней в виде панциря проходящего по фасу вала (рис. 153).

Судя по залеганию слоев в насыпи, можно предположительно соотнести желтый суглинок с забутовкой каких-то бывших надземных конструкций. Об этом мы судим по его расположению в самой верхней части вала. Он также перекрывал с внешней стороны горизонтальную площадку типа бермы, имевшей ширину около 1 м, что возможно свидетельствует об обрушении крепостной стены наружу. Отрицать же существование деревянных оборонительных сооружений с напольной стороны вряд ли можно, так как теряется весь смысл возведения здесь крепостного вала.

Автором работы в охранных целях был также изучен средний вал городища. Высота его от современной поверхности площадки памятника – около 1,5 м. Сохранившаяся ширина – 8,5 м. Глубина рва незначительна и достигала 1 м. Глубокая зачистка перпендикулярно объекту была произведена в юго-восточной части оборонительной насыпи в месте ее разрушения карьером (рис. 154, рис. 157). Длина зачистки составляла 12,5 м. Она охватила частично разрушенный вал и ров.

Выявленная в ходе работ общая мощность культурных напластований оборонительной насыпи – до 120–140 см. Сверху везде шел слой дерна толщиной до 8 см. Под ним на некоторых участках прослежен слой серой рыхлой супеси – до 7 см, а также выявлен поздний вкоп в насыпь вала глубиной до 146 см, достигавший до материка. Ниже шел слой желтой супеси мощностью до 16 см. Далее по всей длине зачистки (исключая поздний вкоп) фиксировался слой коричневатой-серой супеси, который перекрывал все нижележащие слои вала и сам ров. Его мощность достигала – от 8–10 см до 40 см на валу и до 1 м во рву. Непосредственно под ним во внешней отлогости вала были прослежены две линзы из светло-коричневого суглинка и серой плотной супеси толщиной до 20 и 18 см соответственно.

В самом рву и вдоль его внутреннего края выявлен был и слой гаристости – до 10 см. Следующая прослеженная насыпь представлена слоем обожженной глины мощностью до 30 см. Она перекрывала остатки каменной обкладки внешней отлогости вала толщиной до 15 см, а также остат-

²⁸ Не исключено, однако, что внешний вал был возведен (или перестроен) только в XVII в.

ки сгоревшей деревянной стены, упавшей во внешнюю сторону. Ее следы выявились в виде полосы угля около 10 см толщиной и 220 см длиной, а также прослойки золы. Ниже было прослежено само тулово оборонительной насыпи, состоявшей из нескольких слоев: светло-желтого суглинка мощностью до 70 см, бурой супеси – до 70 см и светло-серой супеси – до 35 см мощностью. Под ними залегал слой золистой супеси и следы от столбовой ямки толщиной до 10 см и глубиной 30 см соответственно. Далее был выявлен слой частично переработанной погребенной почвы толщиной до 20 см. Ниже нее находилась кровля материкового суглинка.

Если характер внутренних напластований вала этих двух раскопов в основном сходны, то, как мы видим, профиль рва на разных участках отличается. В северо-западной части он имеет трапециевидную форму, а в юго-восточной – треугольную, что несколько странно, т.к. площадка городища здесь одинакова и не имеет каких-либо заметных различий в рельефе, в том числе отсутствуют, и всегда отсутствовали, водные преграды. Что вызвало подобный выбор – не совсем понятно. Возможно, это различие связано с необходимостью доставки большего количества грунта для некоторых участков оборонительной насыпи в ходе ее возведения или ремонта. Впрочем, нужно констатировать – это довольно характерно для болгарских оборонительных сооружений, что в очередной раз является показателем частой несхожести конструктивных элементов даже одной линии обороны. Делая такой вывод, автор основывается и на некоторых других имеющихся примерах, приведенных ранее. Реконструировать же имевшиеся здесь крепостные сооружения можно в виде тыновой ограды с боевой площадкой позади.

Каков был весь фортификационный облик Елабужского городища – на сегодняшний день неизвестно из-за недостаточного количества археологических данных. Тем не менее, учитывая, что внутренний вал даже в оплывшем состоянии до сих пор имеет значительные размеры по сравнению с внешними, можно предположить существование здесь в древности каких-то значительных дерево-земляных оборонительных конструкций типа городней (рис. 155, рис. 156). Не-

которым подтверждением этому могут быть и аналогичные исследованные крепостные сооружения целого ряда других болгарских городищ. Несомненно, что современные размеры валов отличаются от первоначальных, ввиду значительного оплыва линии обороны. Впрочем, подавляющее большинство укреплений городищ древности, как и их площадки, дошли до нас именно в таком «размытом» виде.

Чаллы́нское городище (город Чаллы)

Памятник расположен в левобережье р. Шумбут правого притока р. Камы на высоком коренном мысу, образованном обрывом к речке и широким оврагом. Площадка подквадратной формы. Высота ее над поймой реки составляет около 25 м и, таким образом, укрепленное поселение занимает господствующее положение над всей округой (рис. 158). Площадь его составляет 1,2 га. Городище с двух сторон с напольной стороны ограждено четырьмя валами и тремя рвами. Оборонительные насыпи сильно оплыли, а некоторые их отрезки разрушены в XX в. Две же внутренние подверглись еще и значительной нивелировке в позднее время. Современная высота их составляет от 1 до 1,5 м, а ширина от 6 до 12 м. Рвы находятся в заплывшем состоянии. Укрепленное поселение датируется XII – первой половиной XVI вв.

В охранно-спасательных целях автором было проведено изучение трех из четырех линий валов в местах их разрушения из-за хозяйственной деятельности и естественных причин. Исследования внутренней оборонительной насыпи проводилось вдоль осыпи края террасы, в ее северо-западной оконечности. В ходе археологических работ была выявлена следующая стратиграфия: по верху насыпи шел слой дерна мощностью 5–7 см, затем слой светло-коричневого суглинка, заполнявший также и ров, который можно соотнести со слоем запустения – 12–22 см (рис. 159). Далее под ним располагалась насыпь самого вала, сложенная из чередующихся слоев мергеля мощностью 40–60 см и, судя по стратиграфии, она возводилась начиная с внешней стороны. Непосредственно под слоем светло-коричневого суглинка в верхней части насыпи была выявлена ямка глубиной 22 см и шириной около 50 см, заполненная серо-коричневым гумусированным суглинком, которая явля-

лась, по-видимому, следами от деревянных конструкций. Затем, прямо под ними, находился мощный фундамент. Он имел вид подушки из рваного камня, на которую опирались крепостные стены. Ниже вся насыпь вала подстилалась слоем погребенной почвы. Там где она сохранилась, мощность ее составляла до 20 см. Под ней была расположена кровля материкового суглинка.

В связи с тем, что с внутренней стороны отлогость вала перекрывали два горизонта культурного слоя городища – оказалось возможным датировать эту первую оборонительную линию. Так первый, нижний слой, был сложен из светло-серого суглинка мощностью 15–20 см. В нем выявлены мелкие камни и фрагменты болгарской керамики переходного периода от домонгольского к золотоордынскому и, по-видимому, он отложился в XII – первой половине XIII вв. Перекрывающий его верхний горизонт имел мощность около 40 см и был сложен из темно-серого суглинка. Керамический материал из этого слоя относился к позднезолотоордынскому времени и эпохе Казанского ханства, т.е. ко второй половине XIV – первой половине XVI вв. Таким образом, на основании этого строительство насыпи вала может быть отнесено к домонгольскому периоду. Не исключено, что данная линия укреплений функционировала также и в золотоордынское время.

Также как и у первой, исследование второй линии укреплений проводилось вдоль осыпи края террасы (рис. 160). Аналогично предыдущей насыпи, здесь сверху везде шел слой дерна мощностью 5–7 см. Под ним залегал слой светло-коричневого суглинка – 15–20 см. Основная насыпь вала была сложена из плотного серого суглинка, имевшего мощность до 30 см. В нем были выявлены две ямы шириной 80 и 100 см и глубиной, соответственно, 40 и 45 см. Обе они оказались забутованы мергелем и крупными известняковыми камнями. В свою очередь, во второй наибольшей по размерам яме также были прослежены следы от вертикально стоящего бревна диаметром 20 см. Вполне вероятно, что это остатки частокола или тыновой ограды. Непосредственно под насыпью вала сохранился слой погребенной почвы мощностью 15–20 см, а затем следовала кровля материкового суглинка.

Ввиду отсутствия каких-либо археологических находок, нам сложно датировать

эту оборонительную линию. Принимая во внимание, однако, что вал насыпан непосредственно на погребенную почву, можно отнести его строительство также к раннему времени, т.е. к домонгольскому периоду. Возведение данного рубежа обороны, таким образом, относится к тому же времени, что и время строительства первого внутреннего вала. По-видимому, позднее был поставлен новый ряд частокола взамен предыдущего, о чем может свидетельствовать вторая яма. Какая из них более ранняя, выяснить не удалось. Нельзя исключить, конечно, наличия здесь двухрядного частокола с внутренней забутовкой, однако каких-либо данных для этого у нас нет. Одновременное же существование двух рядов частокола на расстоянии всего около 1 м друг от друга вряд ли целесообразно.

Третий наиболее мощный вал был исследован в северо-восточной части укреплений городища, часть которых скрыта землеройной техникой (рис. 161). Если судить по углисто-золистому слою мощностью около 5 см, который залегал на погребенной почве и подстилал оборонительную насыпь – здесь, по всей видимости, до постройки укреплений росли деревья или кустарник, которые перед строительством крепостных сооружений были вырублены, а остатки сожжены.

Следы подобной расчистки иногда фиксируются под валами городищ и распространены довольно широко (Белорыбкин, 2003, с. 60). Разумеется, такую подготовку площадок приходилось проводить на залесенных территориях. Это также свидетельствует и о предпринимаемых довольно серьезных рекогносцировочных работах, проводимых в древности с целью выбора места будущего основания поселений. Для чего, по-видимому, проводилось практически сплошное обследование местности, в том числе и лесной.

Из выявленных в процессе археологических исследований этого вала трех строительных периодов, домонгольским временем датируются только первые два. Наиболее ранний представлял собой насыпь сложенную из мергеля, имевшей ширину около 4 м и высоту 40 см. Она была возведена непосредственно над углисто-золистым слоем и погребенной почвой. Внешняя отлогость насыпи перекрывалась серым суглинком до 8 см толщиной, который отложился, предположительно, в период функционирования вала. Каких-либо следов наземных сооружений

выявить не удалось. Возможно, это связано с оплывом насыпи или последующих строительных работ, разрушивших крепостные стены. Также можно сделать предположение о том, что она не имела самостоятельного значения, а послужила лишь основой для последующей насыпи. В таком случае они обе должны относиться к одному времени.

В процессе второго строительного периода вал был увеличен путем подсыпки двух слоев мергеля с внешней стороны. Это довело его высоту до 110 см, а ширину в основании до 8 м. Из-за отсутствия следов деревянных конструкций – облик наземных крепостных сооружений определить не удалось. Часть внешней отлогости вала была перекрыта культурным слоем поселения в виде серой золистой супеси с находками болгарской керамики домонгольского облика. Мощность его перед оборонительной насыпью достигала 25 см. В связи с этим, постройка этого вала может быть датирована домонгольским периодом. Использовался ли он в золотоордынское время – сказать затруднительно. Однако, по мнению К.А. Руденко, здесь фиксируются следы какой-то реконструкции и ремонта для укрепления «...основы деревянных конструкций присыпкой отложившегося культурного слоя» (Руденко, 1999, с. 126). Все же каких-либо достоверных свидетельств этому до сих пор выявлено не было.

Таким образом, можно констатировать основание Чаллынского городища булгарами еще в домонгольский период. В это время строится три линии укреплений, состоявшие из трех валов и двух рвов между ними. Предположительно облик крепостных стен данного времени можно определить следующим образом: в связи с тем, что внутри первого вала выявлен мощный каменный фундамент – на нем стояли куртины, имевшие вид городней. Они опирались на эту «подушку», что должно было препятствовать их неизбежной осадке. По второму валу шла стена из частокола или тыновой ограды, нижняя часть которой была забутована камнями. На третьем валу, предположительно, также был установлен частокол (рис. 162, реконструкция). На сегодняшний день неизвестно, какие изменения в облике крепостных сооружений у этого поселения произошли в золотоордынский период. Не исключено, что они лишь ремонтировались время от времени и не претерпели каких-ли-

бо серьезных изменений.

Рождественское городище

Расположено на выступах коренного левого берега р. Обва, правого притока р. Камы. Высота над уровнем реки – 35 м. Состоит из двух частей – собственно Рождественского, а также Филипповского городищ, разделенных глубоким логом (рис. 163). Площадь первого – 3,8 га, второго – около 0,6 га. С напольных сторон они ограждены валом и рвом. Современная ширина вала Рождественского городища составляет от 6 до 12 м, высота – 3,7 м. Следы рва практически не прослеживаются. Ширина вала Филипповского городища – от 8 до 14 м, а высота – 2,5–3,5 м; ширина рва – 3–5 м, глубина – до 1,7 м (Белавин, Крыласова, 2008, с. 6–7, 79, 82).

Структура вала Рождественского городища была выявлена в ходе археологических раскопок Ю.А. Полякова и А.М. Белавина. Он включал в себя два разновременных строительных периода (рис. 164–165). Насыпь первого лежала на подушке из мощных слоев песка и глины, а сама она состояла из плотной утрамбованной глины с вкраплениями угля и золы, слоев прокаленной глины с углем. По мнению А.М. Белавина, «...это остатки какой-либо деревянной конструкции, располагавшейся на гребне вала» (Белавин, Крыласова, 2008, с. 80–81). Кроме того, прослеживался и целый ряд столбовых ямок, укреплявших стенку из горизонтально лежащих бревен диаметром 12–18 см. Высота самого же вала с конструкцией составляла около 4,5 м. Время его сооружения было отнесено исследователем к X в., а его разрушение к концу XI – началу XII вв. (Белавин, Крыласова, 2008, с. 81).

Во время второго строительного периода, который приходится на XII в., первоначальная насыпь была перекрыта с внешней стороны слоем плотной глины. Также автору раскопок удалось проследить «...остатки изгороди типа частокола, который, вероятно, был переплетен жердями и забутован глиной», шедшей по гребню этого вала (Белавин, Крыласова, 2008, с. 81).

По результатам исследований линии обороны Филипповского городища Н.Б. Крыласовой был зафиксирован один строительный период возведения вала. Основу его составляло тулово, сложенное из суглинка, в нижней части которого имелась канавка, заполненная рыхлой глиной вперемежку с

древесным тленом, напоминая сгнившую деревянную конструкцию. Во внешней отлогости вала залегал слой, содержащий древесный тлен и мелкие угольки (рис. 166). По мнению автора раскопок, он мог свидетельствовать о каких-то «древянных устройствах» (Белавин, Крыласова, 2008, с. 83–84). Также здесь было выявлено множество столбовых ямок диаметром от 10 до 16 см, которые являлись следами «укреплений типа частокола или плетня», поддерживавших склоны от осыпания (Белавин, Крыласова, 2008, с. 84).

Исходя из результатов исследований А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой, вырисовывается довольно интересная картина фортификационных сооружений данного памятника (рис. 167, реконструкция). Собственно Рождественское городище, несмотря на отсутствие видимого рва, имело довольно серьезную оборонительную преграду (Крыласова, 2018, с. 126–127). По-видимому, она представляла собой стену, имевшую вид двойной столбовой конструкции с внутренней забутовкой шириной около 6 м, где нижняя ее часть, возможно, была заглублена в тулово вала. Об этом говорит характер залегания внутривальных слоев, что хорошо видно по опубликованным профилям вала (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 25).

На Филипповском городище мы видим примерно схожий тип дерево-земляных сооружений, но уже дополненный трапециевидным рвом. Не исключено, что здесь также имелась стена из столбовых конструкций, однако с полной уверенностью мы бы не стали этого утверждать. Возможно, что она имела и вид тыновой ограды. Немаловажным является применение дополнительных защитных приспособлений, установленных во внешней части вала и вдоль эскарпа, что находит себе значительное количество аналогий в болгарской фортификации (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 34). Как бы там ни было, крепостные стены обоих городищ не представляли собой сложных «тяжелых» построек типа городней. Впрочем, они здесь и вряд ли были нужны, т.к. оборона поселения, скорее всего, была рассчитана для защиты местных жителей во время возможных внутренних локальных конфликтов, а также охраны самого торгового поселения и, являясь составляющим его элементом, Камского торгового пути в целом.

Принимая во внимание имеющиеся дан-

ные по фортификации городищ домонгольского времени, можно проследить эволюцию дерево-земляных оборонительных сооружений от относительно простого к сложному. Начинаясь с возведения крепостных стен в виде частоколов или тыновых оград в X–XI вв., в болгарской военно-инженерной науке стали применяться столбовые конструкции, часто двухрядные с внутренней забутовкой, которые не позже XII в. переросли в создание более сложных срубных укреплений по всей территории Волжской Булгарии. Причем так называемые более «простые» крепостные сооружения использовались на протяжении всего домонгольского периода и не только в качестве дополнительных, но и в качестве основных. Все зависело от социального статуса городищ, их роли в обороне, месторасположения, а также принципа разумной достаточности.

Прослеживается и влияние фортификационных школ или, точнее, направлений. При сохранении общих инженерных тенденций как конструктивных, так и хронологических – присутствовали и некоторые варианты в способах строительства и системах обороны. Здесь можно выделить условно называемые центральную и западную школы. К влиянию первой относятся памятники военного зодчества центральных районов Волжской Булгарии, включая и некоторые городища расположенные непосредственно в правобережье Волги; ко второй, в основном, памятники находящиеся на территории Верхнего Посурья и в Предволжье.

Основным их отличием является большее применение многорядных систем укреплений, устроенных в один пояс в центральных районах государства, тогда как в западных чаще использовалась многорядная оборона в несколько поясов. Не исключено, конечно, что на это различие повлиял в какой-то мере и характер ландшафта обоих регионов – более равнинный в центре и пересеченный в Предволжье. В тоже время, на основной территории, также в сравнительном соотношении, чаще применялась и однорядная система, т.е. включавшая в себя только один вал и один ров. Помимо этого, здесь ни разу не были зафиксированы узкие треугольные или подпрямоугольные рвы, которые выявлены в западных районах Булгарского государства. Встречались и некоторые отличия в способах возведения оборонительных насыпей. Например, в западных

районах при археологических раскопках иногда фиксируется горизонтальное разравнивание слоев во время насыпки валов (Белорыбкин, 2003, с. 60–62), чего на центральных территориях до сих пор не выявлялось. В свою очередь приемы строительства валов некоторых городищ во многом идентичны, независимо от их месторасположения.

Существует в научной литературе мнение, что прекращение существования поселений, в том числе и укрепленных, в первой половине–середине XIII в. связано с их разорением во время монгольского нашествия. Все же, думается, совсем не обязательно соотносить запустение многих из них со штурмом, последующим разграблением и сожжением монгольскими войсками. Судя по

археологическим исследованиям, на целом ряде городищ отсутствуют следы погрома и пожаров, которые могут об этом свидетельствовать. Скорее всего, значительная доля поселений не оказывала сопротивления и, так сказать, открывала ворота. Особенно это касается небольших городов и замков. Последующее же прекращение жизни на них можно связать с изменившимися в тот период времени экономическими, торговыми и политико-административными отношениями, что было неизбежно. Вследствие этого, нельзя исключать и вероятный отток населения на другие территории и в другие города, в том числе переселение части жителей на незначительное расстояние в сельскую местность.

ГЛАВА IV

БУЛГАРСКИЕ ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА

На сегодняшний день оборонительные сооружения исследованы у 12 болгарских городищ, датированных золотоордынским временем. Довольно небольшое их количество связано, не столько с малой изученностью памятников, а с тем, что в это время вообще существовало мало укрепленных поселений. Происходит резкое сокращение их количества по сравнению с домонгольским периодом (рис. 16). От общего числа в

198 известных городищ, только 42 функционировало в качестве укрепленных пунктов в это время, причем из них 22 памятника возникло именно в середине–второй половине XIII в. Не смотря на это, все же мы имеем представление о типах достаточно широкого спектра оборонительных построек, которые рассматриваются, как и в предыдущей главе, по регионам, т.е. по отношению к природно-географическим условиям.

§ 1

Городища Закамья

В Закамье на сегодняшний день наиболее достоверные сведения по технологическому характеру строительства оборонительных линий имеются по трем памятникам. Это Болгарское городище (город Болгар), Охлебининское II и Шиповское городища. Первое было основано в конце IX – начале X вв., а два других возникли и существовали только в золотоордынское время, в первую его половину. Причем последние относятся к территории Восточного Закамья, и то лишь формально, т.к. они расположены в бассейне р. Белой, левого притока р. Камы. Причины и время их появления здесь требуют отдельного рассмотрения, не входящего в тему данной работы.

Болгарское городище

В золотоордынский период площадь памятника увеличивается до 400 га. В это время он занимает край коренной волжской террасы высотой около 35–40 м (рис. 168). С запада, юга и востока городище окружается валом и рвом. Высота вала в южной и юго-восточной частях достигает 4 м, а ширина до 12 м. Глубина рва – около 2 м, ширина около 10 м. Размеры укреплений в западной и восточной частях несколько меньше. Здесь высота оборонительных насыпей около 2 м при ширине до 12 м. Глубина рва до 2 м, а ширина – 8–10 м. Такие различия не случайны, т.к. с восточной и западной сторон еще до недавнего времени существовали небольшие озера и заболоченные территории. С других же направлений (кроме северной)

природных преград не было и поэтому болгарские строители вынуждены были возводить там более солидные укрепления.

В южной части поселения появляется дополнительное укрепление – «Малый городок», а в северо-восточной т.н. «окоп Савенкова». Кроме того, можно предположить и наличие какой-то ограды у «армянской колонии», располагавшейся в это время у северо-западной окраины Болгарского городища (рис. 169, рис. 170). Таким образом, значительно расширив свою территорию, городище принимает подтреугольную форму. Его расположение на местности видоизменяется – поселение становится неподчиненным рельефу. В оборонительном плане данный факт накладывает на него свой отпечаток. Вся линия укреплений принимает ломаную форму и начинает состоять из целого комплекса входящих и исходящих углов.

Исследования обороны городища проходило в разное время и на разных ее участках. Так в середине XX века изучение западной части линии дерево-земляных сооружений выявило структуру вала. В верхней части она состояла из слоя почвы русского времени до 0,1 м с находками фрагментов керамики XVII–XX вв., затем шел насыпной суглинок серовато-красного цвета. Ниже его залегало основное тулово вала куполообразной формы мощностью до 1 м из серой супеси и песка, взятых при рытье рва, под которым проходил слой погребенной почвы (Хованская, 1958, с. 320).

На гребне вала были выявлены остатки дубовых столбов диаметром 0,1–0,5 м, заглубленных на 0,5–0,75 м. По мнению О.С. Хованской, они были забиты в тех местах, где предполагалось укладывать бревна и на основании этого ширина крепостной стены, установленной на вершине оборонительной насыпи, определяется 1,6 м (рис. 171, рис. 172). Также автор раскопок отмечала различие в расположении столбов западного и восточного отрезков вала: в первом случае они находились группами на расстоянии около 3 м, в другом – по прямой линии. О.С. Хованская совершенно справедливо объясняла данное несоответствие различными приемами возведения отдельных участков крепостного вала, а также частичным ремонтом разрушенных стен (Хованская, 1958, с. 325).

В свою очередь, при расчистке рва, имевшего глубину 2,2 м, были обнаружены следы от 28 ямок, являвшихся остатками кольев-столбов, забитых в его дно. Также выявлены сходные столбы диаметром от 8 до 20 см и на контр-эскарпе. По мнению О.С. Хованской, они представляли собой надолбы, которые служили дополнительным препятствием для противника. Таким образом, исследователь реконструировал элементы обороны в виде деревянной стены, шедшей по гребню вала; ров, заполненный водой с выступающими сваями и сплошную систему надолбов с внешней стороны рва (Хованская, 1956, с. 130; Хованская, 1958, с. 320).

Очень сомнителен и, более того, вряд ли возможен факт существования в древности на Болгарском городище заполняемых водой ровов. Во-первых, никаких свидетельств и следов от такого «заполнения» во время археологических раскопок выявлено не было. Во-вторых, грунт, в котором выкапывался ров, в основном состоит из супеси и заполнить его водой не представлялось возможным, т.к. она просто бы уходила в землю. И, в-третьих, сам тип рва не подразумевает какого-либо заполнения – треугольные и, тем более, неширокие рвы водой не заполнялись. Для этого обычно применялись более широкие трапециевидные рвы.

Как считала О.С. Хованская, в процессе работ были выявлены и следы от крепостных башен 8-ми или 12-угольной формы, что довольно редко встречается во время археологических раскопок оборонительных

сооружений. Размеры первых составляли 4,5×7 м, а вторых – 7,2×7,2 м. Исследователь полагала, что облик башен может быть реконструирован по аналогии с поздними русскими крепостными постройками XV–XVIII вв., когда нижняя часть башни обычно заполнялась землей и камнями, для доступа же оставлялись лишь узкие проходы к отверстиям нижнего боя, а на уровне прилегающих стен устраивался второй ярус обороны «...ибо заимствовать подобные приемы строительства болгары могли только у русских» (Хованская, 1956, с. 133).

Стоит, однако, заметить – бойницы нижнего наземного яруса в крепостных сооружениях устраивались, пожалуй, только для установки огнестрельного оружия и артиллерии и происходило это в более поздние времена. Поэтому мнение исследователя вряд ли применимо для оборонительных сооружений Болгарского городища XIV в.

Вообще же, как считала О.С. Хованская, крепостные стены Болгарского городища представляли собой прототип тарас, заполненных землей и камнями. Они состояли из двух параллельных деревянных стен, связанных на определенном расстоянии перевязями, по верху которых укладывался настил боевого хода, в то время как передняя стенка возводилась выше и в ней прорубались бойницы (Хованская, 1956, с. 132–133). Если с такой реконструкцией еще можно согласиться, то почему же исследователь считала, что для защиты «воинов устраивалась в большинстве случаев односкатная крыша» – нам непонятно (Хованская, 1956, с. 133–134). С учетом местных климатических особенностей, более логично предположить, что эти покрытия были двухскатными.

Выявленные непосредственно под слоем дерна в процессе археологических исследований «главного вала» следы от округлых ямок, являлись остатками свай для крепления грунта, аналогии которым О.С. Хованская находила в древнерусском крепостном строительстве (Хованская, 1956, с. 132). Нужно отметить – этот прием относился к одним из способов крепления оборонительных насыпей, характерных для болгарской фортификации.

Все это касается основной линии обороны города. Однако, до сих пор точно неизвестно – имелись ли и что собой представляли оборонительные сооружения в северной части поселения, а также остается неясным

как были защищены овраги с востока. На это еще обращала внимание О.С. Хованская, которая считала, что с северной стороны была крепостная стена. По ее мнению, в восточной части городища она опускалась с террасы в низину с разницей высот до 25,6 м и имела протяженность 85 м (Хованская, 1956, с. 130). В этом месте была выявлена искусственная подсыпка «...для создания ровной площадки при сооружении крепостной стены, остатки которой прослеживались... в виде округлых пятен с включением угля и древесины», строительство которой датируется началом XIV в. (Хованская, 1956, с. 131). Здесь также исследователь помещала многогранную башню, после которой крепостная стена под прямым углом шла на запад, причем без рва, т.к. с внешней стороны находились непроходимые болота. Таким образом, она прикрывала устье Большого Иерусалимского оврага. Как считала О.С. Хованская, крепостная стена стояла и на верхней террасе вдоль бровки крутого обрыва и соединялась на западе с основными укреплениями города (Хованская, 1958, с. 326, 327).

Действительно, несмотря на отсутствие археологических свидетельств и даже принимая во внимание значительную крутизну склона террасы, с этой стороны наверняка должны были находиться какие-то оборонительные конструкции. Скорее всего, они представляли собой стену, имевшей вид частокола или тыновой ограды, что должно было служить защитой от выстрелов легкого метательного оружия. Создание же здесь более мощной оборонительной постройки вряд ли было целесообразным.

Позже Ю.А. Красновым исследованиями западной части вала в месте северного проезда на территорию памятника, выявлены дополнительные сведения по фортификации этого участка обороны. При раскопках была установлена следующая стратиграфия: под дерновым слоем и культурными слоями русской деревни и золотоордынского времени находилась насыпь из желтой и серой гуммированной супеси. Во внешней юго-западной части вала зафиксирован и слой древней почвы, вынутой из рва. Здесь по верху насыпи были прослежены и остатки деревянных конструкций. Они состояли из горизонтальных и вертикальных бревен, диаметром ок. 20 см, причем первые лежали вдоль оси вала по одной линии. Такого же типа следы отмечены и при раскопках объек-

та значительно южнее, примерно в 400 м. На этом участке также были обнаружены остатки деревянных конструкций в виде темных гумусированных пятен и полос. Пятна от вертикальных столбов имели диаметр от 20 до 40 см и располагались поперек вала. Гумусированные полосы шли и параллельно оси оборонительной насыпи (Краснов, 1968, с. 29–31).

Следующий раскоп, заложенный Ю.А. Красновым в южной части городища в районе древнего проезда, выявил конструктивные особенности вала и места, где находилась предполагаемая фланкирующая башня. Оборонительная насыпь состояла из двух слоев – желтой и плотной темной гумусированной супеси. Также в ней были встречены остатки связующего вещества – извести, пущенной в глинистую массу. Здесь же прослежены и три группы столбов, по три столба в каждой группе, диаметром 0,12–0,25 м, которые служили для уплотнения насыпи. Помимо этого, были выявлены и остатки столбов, расположенных по периметру предполагаемой башни, диаметром 0,2–0,45 м. По их расположению Ю.А. Краснов предположил существование в этом месте многогранной конструкции, имевшей 6–8 граней и размеры 8×8 м. Кроме этого, вне пределов башни им отмечались и следы других столбов, находившихся в 1,5–2 м друг от друга и образующих два ряда на расстоянии 1,8–1,9 м. В центре насыпи также была сделана интересная находка – череп лошади, что возможно являлось оберегом этого объекта (Краснов, 1968, с. 31–34).

Остатки насыпи вала изучались и с восточной стороны городища, но они не выявили каких-либо конструктивных ее особенностей, ввиду значительного оплыва объекта. Только в юго-западной части памятника исследования еще одного полукруглого расширения с внутренней стороны вала позволило определить его специфику. Под слоем дерна здесь шел углистый слой мощностью до 10–15 см, далее находилась насыпь из желтой супеси и глины, служивших основанием башни. По мнению Ю.А. Краснова, ее остатками могли быть отпечатки круглых вертикально стоявших столбов диаметром 0,25–0,5 м, которые образовывали «несколько неправильный многоугольник периметра башни». От современной поверхности они имели глубину 0,45–0,7 м и их насчитывалось 8–9 штук. Таким образом, это позво-

лило исследователю говорить о шестигранной башне, или по аналогии с предыдущей, имевшей 7 или 8 граней, с размерами 6x8 или 7x8 м (Краснов, 1968, с. 36).

Исследователь указывал и на отпечатки столбов меньшего диаметра, расположенных внутри периметра башни параллельными рядами, которые могли быть опорами настила боевой площадки, а также на следы дополнительных свай-уплотнителей грунта. Кроме того, были прослежены и остатки крепостной стены, примыкавшей к башне, в виде крупных столбов диаметром 0,27–0,3 м. Они образовывали два параллельных ряда на расстоянии 1,3 м, установленных в 2,2 м друг от друга вдоль внешнего склона вала. От горизонтально уложенных между столбами бревен сохранились лишь слабые гумусные полосы шириной до 0,2 м (Краснов, 1968, с. 37).

Ю.А. Краснов, таким образом, реконструировал основу стен из вертикальных столбов, пространство между которыми забиралось горизонтальными бревнами. Сами валы сооружались из почвы, супеси и чистого песка, в основании которых иногда прослеживается слой супеси или суглинка куполообразной формы, взятый из рва или ближайшей площадки поселения (Краснов, 1968, с. 38–39). Кроме того, он полагал о наличии здесь крепостных башен, возведенных, в основном, на расстоянии около 120 м друг от друга, причем выдвигая предположение о возможной одновременности строительства их со стенами. В южной же части городища пространство между башнями было еще меньше и составляло 55 м, и в одном случае 75 м. Там, где они находились, направление стен было прямым, с других же сторон их заменяла извилистая линия.

Исследователем был сделан справедливый вывод о том, что наиболее серьезные оборонительные мероприятия коснулись именно южной части города, т.к. с севера находился высокий обрыв, а с запада и востока – заболоченные низины и озера (Краснов, 1968, с. 37–38). Ю.А. Краснов пришел к выводу о том, что характерной для Болгарского городища являлась столбовая конструкция тарас, которая была почти неизвестна в Древней Руси (Краснов, 1987, с. 116, 117). По-видимому, автор имел в виду двойные стены этого типа, имевшие внутреннюю забутовку.

Несколько странной является представ-

ленная реконструкция башен, состоявших из столбовых конструкций, что также вначале утверждалось О.С. Хованской. Могли ли они быть высокими, исходя из вероятной длины вертикальных бревен – думается, что вряд ли. При такой конструкции башни невозможно иметь сколько-нибудь значительного возвышения над стенами. Их высота является одним из основных предназначений для таких узлов обороны со всеми вытекающими отсюда функциями. С подобной конструкцией можно согласиться только, пожалуй, в одном случае – если это были не башни как таковые, а бастионообразные выступы типа ронделей, которые не превосходили высотой стены, а только выступали во внешнюю сторону для фланкирования подступов к крепостной ограде. Кроме этого, прочность и относительная долговечность такой конструкции довольно сомнительна. Если в данных местах и находились башни, то, скорее всего, они представляли собой срубные постройки 4-х или 6-гранные, которые опирались на насыпную грунтовую основу, утрамбованную вертикально вбитыми сваями.

Вызывает еще вопрос их месторасположение с внутренней стороны по отношению к валу площадках (рис. 173). Если бы это были крепостные башни, то они наоборот должны были находиться в противоположной части, выступая за внешнюю отлогость оборонительной насыпи. Скорее всего, такое устройство более похоже на прообраз барбет, служивших для установки метательных орудий и стрелявших через крепостную стену по наступающему противнику. Может поэтому на этих площадках и были выявлены следы довольно серьезных работ по уплотнению грунта, по верху которого мог укладываться деревянный настил, служащий для создания горизонтальной ровной поверхности, а также предназначенный для выдерживания веса катапульты или онагра. В этом случае имеются аналогии и в фортификации чжурчжэней первой трети XIII в. (Артемьева, 2007, с. 3–9; Артемьева, 2009, с. 4–7). Таким образом не исключено, что здесь прослеживается какое-то влияние или заимствование в военно-инженерном деле, привнесенное с Востока.

Отметим еще раз, что ранее выдвинутая некоторыми исследователями точка зрения о влиянии Древней Руси на болгарскую фортификацию не может быть верной, т.к. возник-

кает противоречие. Сами авторы указывают, что подобные типы крепостных сооружений возникли и использовались в Русском государстве гораздо позже, в то время как в Волжской Булгарии их стали применять уже с первой половины XIV в. И действительно, например в Переяславле Рязанском первоначальные стены из городней только к XV в. перестраиваются в тарасы (Козлова, 2012, с. 114). Поэтому, в данном случае, так утверждать можно только с точностью до наоборот. Что же касается разницы в размерах валов и рвов на различных участках обороны Болгарского городища, то это далеко не случайно. По мнению О.С. Хованской, усиление юго-восточной части городища более мощными оборонительными сооружениями было сделано со стратегической целью (Хованская, 1958, с. 323). И действительно, если с восточной и западной сторон города ранее располагались болотистые озера и другие водоемы, что входит в т.н. «естественную фортификацию», чьи остатки и следы фиксировались до недавнего времени, то с других направлений ничего подобного не было. Поэтому строители вынуждены были возводить там наиболее солидные укрепления, чего не требовалось с запада или востока, тем более в такой мере. Здесь мы видим в очередной раз применение принципа разумной достаточности, что было свойственно в строительстве, пожалуй, всех оборонительных построек во все времена их существования.

Как следует из имеющихся материалов, в основном исследовалась оборонительная линия Болгарского городища в западной части. На это влияла, зачастую, прокладка различных современных коммуникаций, что заставляло археологов проводить охранно-спасательные раскопки. Поэтому очередное исследование также было связано с такими работами.

Н.Д. Аксеновой в центральной части протяженности линии укреплений удалось зафиксировать остатки сильно нарушенного оборонительного вала. Он сохранился в виде слоя желтого суглинка, толщиной до 35 см, лежавшего на однородном коричневатом гумусированном суглинке без каких-либо находок, который автор работ связывала с культурным слоем поселения золотоордынского времени. Толщина его – 40–45 см. Кроме этого других данных по его профилю получить не удалось (Аксенова, 1970, с. 48).

Более полные сведения были получены при исследовании рва, который сохранился гораздо лучше. Его дневной уровень был перекрыт вышеотмеченным слоем мощностью в 22 см. Он имел ширину 6,8 м, а глубину – около 2 м от современной поверхности и перерезал поочередно слой материковой глины, а затем слой материкового песка и глины. Профиль рва сохранился хорошо. Его эскарп спускался двумя пологими ступенями, а контр-эскарп двумя более крутыми. Высота их была одинакова: верхних – 85 см, а нижних – 105 см. На профиле внутренней отлогости, на границе вала и рва, прослеживались следы двух вертикальных столбов, в виде черных сильно гуммированных пятен супеси. Их размеры составляли – глубина 1,2 и 1,1 м, а диаметр – 40 и 26 см. По мнению Н.Д. Аксеновой, траншея давала небольшие возможности для суждения об их назначении, однако, было ясно, что «это остатки деревянных конструкций линии обороны» и можно «предположить, что они служили для укрепления глиняного склона рва» (Аксенова, 1970, с. 48–49).

Далее автор раскопок отмечала, что в исследованиях О.С. Хованской деревянных конструкций на грани рва и вала обнаружено не было, а отмеченных ею следов заполнения водой, укрепления стенок рва глиной, на данном участке рва не прослеживалось. Поэтому Н.Д. Аксенова сделала справедливый вывод, что вода не могла здесь постоянно удерживаться (Аксенова, 1970, с. 49–50, 53).

Довольно интересным объектом является т.н. «Восточный проезд», расположенный в восточной части Болгарского городища, который имел примечательную систему въезда на территорию памятника, упомянутую нами ранее. В этом месте укрепления городища, идущие с северо-запада, имели два излома и поворачивали на юго-запад, где и завершались проездом. Они подвергались многолетним разрушениям из-за проходившей в этом месте грунтовой дороги и поэтому в охранно-спасательных целях нами были проведены исследования остатков укреплений в северной части данного проезда.

Современная высота крепостного вала в этом месте составляет 1,8 м от прилегающей поверхности земли. Его исследования выявили следующую стратиграфию (рис. 174): непосредственно под дерном шел слой светло-серой супеси, частично наплывавший на вал с внутренней стороны и, по-видимому,

являвшийся слоем запустения. Ниже него следовал слой желтой рыхлой супеси толщиной до 75 см, который составлял верхнюю часть насыпи. Основное тулово вала состояло из утрамбованной светло-желтой супеси с суглинком и серой плотной супеси, общей мощностью до 135 см. Его подстилал культурный слой около 40 см с редкими находками болгарской керамики золотоордынского облика и костями животных. Далее залегала погребенная почва, а затем следовала кровля материкового суглинка.

Вызывает интерес собственно насыпь вала, состоявшая из трех чередующихся слоев. Верхняя часть слоя из желтой рыхлой супеси несколько уплощена и вместе с внутренней отлогостью имеет вид трапеции, что характерно для первоначального облика многих оборонительных насыпей. У гребня ее внутреннего склона была зафиксирована ямка от столба диаметром около 25 см и глубиной до 60 см. Вторая подобная ямка выявлена ближе к внешней отлогости вала и имела диаметр 30 см и глубину ок. 80 см. Расстояние между ними составляло 1,5 м. По-видимому, это следы от каких-то надвальных конструкций, частично заглубленных в насыпь. Исходя из характера этих остатков, не исключено, что они представляли собой тыновую ограду с внутренним помостом для боевого хода или вариант столбовой конструкции.

Думается, что наличия в этом месте подобной стены было достаточно и оправдано. С этой стороны город вряд ли нуждался в более мощной крепостной ограде, т.к. прилегающая обширная территория была в древности значительно заболочена, а также покрыта небольшими озерами, от которых до сих пор остались следы. В качестве примеров можно привести озеро Подорлово и т.н. «Копцево болото» и «Тигулево болото».

Во время проведения охранно-спасательных работ в юго-западной части памятника, автором двумя раскопами CXLIV и CXLV исследовались крепостной ров и напольная сторона-эспланада (рис. 175). На первом объекте выявилась довольно простая стратиграфическая картина – слой дерна толщиной 8–10 см и слой серой гумусированной супеси мощностью от 30–40 см до 1 м. Прослеженный оборонительный ров XIV века имел треугольную форму (рис. 176). Судя по его типу и характеру грунта, он никогда не заполнялся водой и был в

древности сухим. Это еще раз подтверждает мысль о том, что ров Болгарского городища того времени представлял собой «классическое» оборонительное препятствие, при создании которого учитывались прилегающая местность и характер грунта. Следов каких-либо деревянных конструкций обнаружить не удалось. Не были выявлены остатки деревянных оборонительных сооружений и с напольной стороны, что, однако, явилось следствием строительства в советское время насыпи дороги, проходящей рядом.

Недавнее изучение валов и рвов в западной и восточной частях памятника позволило вновь актуализировать вопрос о времени и способах строительства укреплений городища в золотоордынский период, а также выявить их сходство и различие в общем контексте накопленных ранее сведений.

По результатам исследований раскопа ССVII (площадь 176 кв.м.), располагавшегося на западной стороне крепостных сооружений города, определены стадии возведения данного объекта фортификации (рис. 177–180). Впервые нами были выявлены следы от трассировки будущей линии обороны. Она шла непосредственно под насыпью и вдоль нее, представляя собой полосу шириной до 50 см и глубиной около 15 см, проведенную, возможно, при помощи лемеха. Затем, перед созданием вала поверхность земли подверглась выравниванию боронением. Не исключено, что это осуществлялось при помощи сучковатого бревна, о чем свидетельствовали следы от полос глубиной до 5–7 см, шедших немного наискосок по отношению к оси укреплений. Здесь нужно отметить – вряд ли они являлись свидетельством ранней распашки, т.к. были выявлены только под валом. Кроме того, из непо потревоженной перекрытой почвы происходили находки фрагментов красноглиняной керамической посуды XIII–XIV вв., свидетельствующие о существовании в этом месте раннего поселка с культурным слоем около 40 см. Наличие последнего наблюдалось нами и при исследованиях вала в месте т.н. «Восточного проезда».

Сама оборонительная насыпь возводилась из грунта, взятого при рытье рва, при этом сохранялся обратный порядок залегания земли. Основанием вала служила первоначальная насыпь, сложенная из темно-серой гумусированной супеси мощностью до 50 см. Далее строители присыпали к ней с

внутренней стороны еще две небольшие насыпи из коричневого и желтого суглинков, после чего они были перекрыты серо-желтым плотным суглинком. Кроме этого, в качестве связующего вещества применялась известь, прослеженная местами в тулове вала. Завершающим этапом стало возведение сверху и с внешней стороны еще двух более мощных слоев, состоящих из желтой супеси с суглинистыми включениями и желтого песка, толщиной до 90 и 60 см соответственно. Окончательная ширина насыпи, таким образом, достигла 10,5 м. Вдоль внешней отлогости вала была также устроена берма²⁹ шириной около 60 см, которая с течением длительного времени оказалась перекрыта оплывшей верхней насыпью. Несмотря на существенный опływ вала, в верхней его части под слоем дерна были выявлены остатки от наземных конструкций. Они представляли собой следы от нескольких вертикальных столбов диаметром 15–20 см и глубиной от 7 до 40 см, установленных в два ряда, и, как минимум, одного горизонтального бревна толщиной также 15–20 см, расположенного между ними (рис. 178).

С внешней стороны вала, сразу за бермой, находился ров треугольной формы, с первоначальной глубиной около 2,5 м от дневного уровня и шириной более 9 м. Непосредственно за ним, судя по характеру современной поверхности и выявленным напластованиям, ранее могла существовать отлогая к полю гласисообразная насыпь, ныне значительно оплывшая. Сохранившаяся высота объекта от древнего уровня земли составляла около 60 см. При ее вскрытии были выявлены следы от двух рядов вертикальных столбов, представлявших собой надолбы, установленные в шахматном(?) порядке (рис. 181). Их диаметр составлял 25–30 см, глубина – 20–30 см от уровня выявления. К сожалению, возможное продолжение этих рядов в сторону поля проследить не удалось, т.к. уже в наше время здесь были проложены телефонная и оптико-волоконная линии. Не исключено, что в древности ряды надолбов шли полосой шириной не менее чем в 15 – 20 м, т.к. они предназначались для затруднения доступа противнику и непосредственного штурма основных укрепле-

ний, иначе смысл в их установке теряется.

Следующим раскопом ССХV (площадь 132 кв.м.) нами изучались укрепления в восточной части городища. Здесь также были определены стадии возведения этого отрезка линии обороны (рис. 182–185). На данном участке нами тоже были выявлены следы от трассировки, которая шла непосредственно под насыпью, вдоль нее и представляла собой полосу шириной до 50 см и глубиной 12–15 см, проведенную, возможно, при помощи лемеха. Затем, перед созданием вала поверхность земли подверглась выравниванию боронением. Возможно, как и отмечалось нами выше, это осуществлялось при помощи сучковатого бревна, о чем свидетельствовали следы от полос глубиной до 5–7 см, но шедших уже вдоль оси укреплений. Это не являлось свидетельством ранней распашки, т.к. было выявлено только под валом. Кроме того, перекрытая почва представляла собой культурный слой раннего поселка с редкими находками фрагментов красноглиняной керамической посуды XIII–XIV вв.

Насыпь вала возводилась из грунта, взятого при рытье рва, поэтому сохранялся обратный порядок залегания земли. Основанием вала служила первоначальная насыпь, сложенная из светло-серой супеси (дерн?) мощностью около 40 см. В отличие от раскопа ССVII, где подобный объект располагался примерно в центральной части, здесь возведение вала началось с внутреннего края, а последующие насыпи, частично перекрывая друг друга, присыпались во внешнюю сторону. Они сложены из темно-серой гумусированной супеси, далее – серо-желтого и желтого суглинков. Лишь только потом все они были полностью перекрыты слоем желтого песка мощностью до 60 см. Общая ширина насыпи, таким образом, достигла 8,5 м. Вдоль внешней отлогости вала была устроена берма шириной около 60 см, которая также с течением длительного времени оказалась перекрыта оплывшей верхней насыпью. Как и в предыдущем случае, в верхней части вала под слоем дерна были выявлены остатки от наземных конструкций. Они представляли собой следы от нескольких вертикальных столбов диаметром 15–20 см и глубиной от 5 до 20 см, установленных в два ряда. Между ними выявлен и след от одного горизонтального бревна толщиной также 15–20 см (рис. 183).

С внешней стороны вала находился

²⁹ Берма – узкий уступ между валом и рвом, предохранявший оборонительную насыпь от осыпания в ров.

ров треугольной формы, с первоначальной глубиной около 2,5 м от дневного уровня и шириной около 7,5–8 м. Его размеры, форма, заполнение и грунт (супесь и суглинок), в котором он был выкопан, также свидетельствуют о том, что объект изначально не предназначался для заполнения водой. Данный факт характерен для всего Болгарского городища за все время его существования, как укрепленного поселения. Непосредственно за рвом с напольной стороны следов каких-либо конструкций–надолбов выявлено не было.

Как отмечалось выше, первоначально возведение крепостных сооружений Болгара относилось исследователями к первой четверти XIV в. Однако, мы внесли в этот вопрос некоторую корректировку. Впервые автору удалось определить время строительства основной линии обороны городища, которая довольно точно датируется 40-ми гг. XIV в., не позже. Этот вывод был сделан благодаря находкам медных монет в нижней части тулова вала как на раскопе ССVII, так и на раскопе ССXV (рис. 186–189, рис. 190–191). Наиболее ранняя монета, найденная на раскопе ССVII, анонимная, с так называемой «решеткой» на реверсе, чеканенная в Болгаре в начале XIV в. Остальные принадлежали Джанибек хану, с двуглавым орлом на реверсе, и имели хорошую сохранность, т.е. практически мало использовались. Кроме того, во время исследований восточной части раскопа ССXV, сразу за рвом с напольной стороны, были изучены остатки сооружения – «полуземлянки», во время вскрытия которой найдены две медные монеты Узбек хана со львом на реверсе, датирующиеся первой четвертью XIV в. (рис. 192–195). Постройка перестала функционировать и была засыпана перед строительством укреплений, причем ее край был частично срезан контр-эскарпом рва. Таким образом, результаты новых исследований позволяют нам выдвинуть наиболее обоснованную, на сегодняшний день, точку зрения на датировку этого памятника фортификации. По мнению же И.В. Волкова, наиболее вероятным временем возведения валов Болгарского городища является интервал между 1342 и 1346 гг. (Волков, 2018, с. 201).

Базируясь на полученных сведениях, мы можем констатировать некоторые различия в ходе сооружения данных оборонительных насыпей, что, возможно, говорит об участии

в их возведении двух групп строителей, а точнее двух «школ» инженеров-фортификаторов. Учитывая же данные предыдущих археологических исследований, несколько отличающихся от наших, то можно говорить, минимум, о трех группах. Как бы там ни было, окончательный результат в строительстве был достигнут один, включая одинаковые типы валов и наземных конструкций. Последние лишь частично заглублялись в грунт и поэтому, вследствие оплыва, остались только их следы. Также, опираясь на характер стратиграфии оборонительных насыпей, можно сказать и о временном периоде их возведения, который, скорее всего, велся без перерыва в течение нескольких месяцев. Об этом, например, может говорить отсутствие каких-либо прослоек между насыпями, которые бы свидетельствовали о длительных паузах во время их создания.

В плане интерпретации и реконструкции линии обороны Болгарского городища XIV в. необходимо отметить и недавние исследования в южной части памятника, проводившиеся под руководством В.Ю. Коваля и П.Е. Русакова (рр. ССV и ССVI). Авторы утверждают, что ни в одном из раскопов не было обнаружено следов от наземных деревянных конструкций, а значит их и не существовало (Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск, 2015, с. 26–27; Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск, 2016, с. 19–20; Коваль, Русаков, 2018). По-видимому, данная мысль является следствием имеющейся точки зрения о том, что насыпь вала с течением длительного времени почти не оплыла. Это же касается и «отсутствия» бермы, которую исследователи не отметили, т.к. она была перекрыта оплывшей оборонительной насыпью.

Автор книги придерживается традиционной точки зрения по отношению ко всем существующим дерево-земляным оборонительным сооружениям – возведенные из супеси и суглинка валы с течением столетий, конечно же оплывали, подвергаясь природно-климатическому воздействию. Это не могло не повлиять на остатки деревянных конструкций, лишь частично заглублявшихся в тулово оборонительной насыпи. В древности крепостные валы всегда утрамбовывались во время возведения, а отлогости обмазывались глиной, обжигались, обкладывались камнем, укреплялись деревянными слегами и кольями и т.д. Это фиксируется

на различных укрепленных поселениях, отличающихся как по хронологии, так и территориально. Стоит, правда, отметить – все данные меры лишь временно предохраняли от оплыва оборонительные насыпи, что мы и видим во время археологических исследований.

При рассмотрении фортификации Болгарского городища золотоордынского времени нельзя обойти вниманием и укрепление Малого городка. Это единственный из трех сохранившихся т.н. «фортов», которые несли функцию дополнительной обороны с наиболее угрожаемых сторон. Мы, конечно, не склонны напрямую относить территорию «Армянской колонии», «Окоп Савенкова» и «Малый городок» к типу оборонительных узлов, каковыми являлись форты, т.к. понятие «форт» относится к долговременным сомкнутым укреплениям, являвшимся также и элементом внешнего пояса обороны крепости и содержащим только воинский гарнизон (Губайдуллин, 2006³, с. 120). Все же, не смотря на относительную конструктивную слабость, они наверняка могли нести одни из функций этого оборонительного сооружения – контроля и защиты отдельных объектов: дорог, мостов и т.д., что мы и видим на Болгарском городище, особенно с южной наиболее угрожаемой для города стороны. Причем безотносительно, что могло располагаться на территории этих объектов – поселок купцов и ремесленников, караван-сарай, загородный ханский дворец и др.

Малый городок находится в самой южной части городища, с внешней его стороны и расположен поблизости от одного из основных въездов на территорию памятника (рис. 168–169). Он имеет вытянутую трапециевидную в плане форму и состоит из двух частей. Укрепления первой состояли из внутренней ограды, окружавшей подквадратную площадку. Она представлена двумя невысокими валами и рвом между ними, общей протяженностью 320 м. Укрепления второй внешней части также дошли до нашего времени в сильно оплывшем состоянии и состоят из вала и рва, имеющего протяженность 839 м (Хованская, 1958, с. 327).

Исследования оборонительных сооружений в районе восточного проездного пилона выявили подробную стратиграфическую картину и технологические приемы их возведения (рис. 196). По обеим сторонам рва возвышался насыпной слой, что мо-

жет говорить именно о двух валах. Основу внешнего из них составляла сплошная масса затвердевшего алебаstra куполообразной формы. Ниже его залегал насыпной суглинок, который сменялся мощной толщей черного гумуса, содержавшего кусочки перегнившего дерева. Здесь также были выявлены следы от двух перегнивших бревен, лежавших под прямым углом. Высота внешнего вала достигала от материка до его гребня 1,7 м, ширина – около 6 м. В свою очередь и внутренний вал имел те же характеристики напластований и примерно ту же высоту и ширину (Хованская, 1958, с. 328).

Ров имел трапециевидную форму и был заполнен темно-серым гумусом. В качестве датировки объекта служили найденные в верхней его части фрагменты поздней золотоордынской керамики, а в нижней – фрагменты темно-коричневой. Также в нем обнаружены и скопления угля. Глубина и ширина рва составляла около 2 м. По мнению исследователя, ров заполнялся водой, подводимой из озера, располагавшегося в 100 м к западу от Малого городка, от которого ко времени раскопок оставалось только заболоченное пространство (Хованская, 1958, с. 328).

Здесь мы снова видим ошибочное мнение о заполнении рва водой, что, не смотря на заманчивость, все же не имеет под собой какой-либо основы – ни по характеру выявленных в ходе раскопок напластований, ни, тем более, возможности и функциональной необходимости в этом. Нужно констатировать факт, что зачастую исследователи при подобных предположениях до сих пор продолжают «заполнять» многие рвы водой. Однако обычно такие основания просто отсутствуют, т.к. не принимаются во внимание или тип и размеры объектов, или характер грунта, в котором они выкопаны, или все вместе взятое. По-видимому, в подобных случаях исследователи как аргумент заполнения рвов принимают обычные следы от застаивавшихся талых и дождевых вод, что далеко не верно (Яруллина, Шинкарев, Гиниятуллин, Мельников, 2003, с. 104–105).

Исследования Малого городка на этом не останавливались, в том числе было продолжено изучение его внутренней и внешней оборонительных оград. Следующие археологические раскопки в восточной части памятника подтвердили, что насыпной грунт для возведения внутренних валов происходил из рва, однако к этому времени они еще

более оплыли. Об этом может говорить незначительная мощность насыпей – от 0,5 до 0,7 м, выявленная в ходе работ, что отличается от данных полученных предыдущими исследованиями. Зафиксированная глубина рва от уровня основания валов составляла 1,7 м, ширина – 6 м, а крутизна склона была заложена под 45 градусов (Хлебникова, Беляев, 1982, с. 5–7) (рис. 163). По мнению исследователей, в факте строительства двух валов видна незаинтересованность строителей в создании одного высокого вала, а так как никаких «конструктивных следов» на поверхности выявлено не было, то они и не могли играть роль укреплений (Хлебникова, Беляев, 1982, с. 6–7).

В данном случае видна несомненная ошибочность в интерпретации остатков этих укреплений. Возведение более высокого вала не является панацеей от нападений противника, наоборот – сами по себе две линии, пусть и невысоких валов со рвом между ними, представляли собой довольно серьезное препятствие. Тем более нужно принимать во внимание и наличие внешней линии ограды. Да и какой тогда смысл может заключаться в возведении таких довольно протяженных линий, траты на это значительных ресурсов и времени, кроме как для защитных функций – непонятно. Если же это караван-сарай³⁰, то тем более он должен был иметь какую бы то ни было защиту. Разумеется, что против хорошо организованного штурма многочисленной армии они не могли бы не только выстоять, но и играть какую-либо серьезную оборонительную роль. В то же время, для контроля над внешней территорией, простирающейся перед городскими воротами и подходящей с юго-востока дорогой, Малый городок даже с такими укреплениями вполне подходил. Также его оборонительные возможности, вместе с вооруженной охраной, вполне могли являться существенным фактором препятствующим попыткам нападения небольших отрядов, особенно в период т.н. «великой замятни».

При исследовании укреплений линии обороны внешней части Малого городка, Л.А. Беляевым был также выявлен технологический прием возведения вала. Здесь его основу составляла насыпь из серой супеси

мощностью до 75 см, по верх которой шла коричневатая-серая супесь до 20 см. Внутренняя сторона вала перекрывалась пластом светло-серой супеси с прослойкой разложившегося угля. Кроме этого, были выявлены и следы от вертикальной деревянной конструкции в виде столбовой ямки, а также углистая прослойка от сгоревшего дерева на гребне вала. Общая высота его составляла около 1 м, ширина – 7 м. Ров не исследовался, но современная его ширина достигает 5 м, а глубина – 1 м. По мнению Л.А. Беляева, создавалась эта линия одновременно с внутренней «...и входит в единую оборонительную конструкцию с ней» (Хлебникова, Беляев, 1982, с. 8–9).

Последние исследования восточной части данного памятника подтвердили ранее полученные материалы и дали новые сведения для общей картины этого объекта. Здесь внутренний ров не имел вала, а его ширина составляла до 3,5–4 м, при глубине 1,5 м. Внешний ров был создан более широким (более 4 м), но несколько более мелким (1,2–1,3 м), зато с внутренней (западной) от него стороны располагался небольшой сильно оплывший вал, с основанием более 3 м (Беляев, Елкина, Лазукин, 2016, с. 160; Беляев, Елкина, Лазукин, 2018).

Исходя из полученных материалов, можно предположить, что помимо двух оборонительных линий, состоявших из рвов и вала, облик укреплений Малого городка мог представлять собой какие-то «легкие» конструкции – типа частокола или тыновой ограды.

В целом, картина военно-инженерных конструкций Болгарского городища XIV в. очень интересна. Комплекс оборонительных сооружений этого времени по сравнению с домонгольским гораздо более сложен (Губайдуллин, 1998, с.197–198). Он состоял из целой системы взаимодополняющих и заменяющих друг друга типов фортификационных построек. Это надолбы с napольной стороны и во рву, ломаная линия обороны, крепостные башни(?) (установленные, по-видимому, с наиболее угрожающих сторон) и стены в виде столбовых конструкций (рис. 240–В), тарас(?) (наиболее передовой тип стен в то время), а также сложная система проездов.

Прослеживаются и отдельные технологические приемы в создании оборонительных конструкций, берущие свое начало

³⁰ Караван-сарай – название постоянного и торгового двора в странах Востока, который, зачастую, был укреплен по периметру и окружен помещениями.

еще в домонгольское время. Например, это тип стен в виде столбовых конструкций, но только более усложненная их модель в XIV в. Также наблюдается и некоторая асимметрия заложения склонов рва, где в золотоордынское время контр-эскарп имел большую крутизну, чем эскарп, что мы видим и в типе рвов предыдущего исторического периода (Краснов, 1987, с. 118).

Охлебининское II городище (Ак-Таш)

Памятник расположен в устье р. Сим, на высокой коренной террасе правого берега р. Белой (рис. 197). Высота ее над уровнем реки 120 м. Городище занимает площадь 25 га. С юго-восточной стороны оно примыкает к естественным крутым склонам террасы и, таким образом, фортификационные сооружения ограждают большой ее участок. В восточной части городища в его границы включен также и овраг. С напольной стороны поселение обведено линией укреплений п-образной формы, состоящей из одного вала и рва протяженностью около 850 м. Высота вала доходит до 2–2,5 м, ширина около 8 м. Ров небольшой и достигает глубины до полуметра, а ширины до 6 м.

Как показали исследования А.Х. Пшеничнюка, укрепления городища были созданы одновременно, в один прием. Для возведения оборонительного вала использовался грунт, взятый из рва, а также камни, которые были применены в качестве обкладки насыпи. Во время исследований также найдены и следы от столба, являвшегося остатками каких-то надвальных деревянных конструкций (Пшеничнюк, 1973, с. 190; Овсянников, 2006, с. 282–287).

Таким образом, исходя из имеющихся данных, можно лишь предположить, что сам облик крепостных сооружений памятника, скорее всего, представлял собой тыновую ограду, установленную на крепостной вал и шедшую вдоль его оси.

Следует отметить, что тип Охлебининского II городища совершенно отличается от местных более ранних кара-абызских укрепленных поселений и своей формой походит на некоторые болгарские памятники неподчиненные и частично подчиненные рельефу местности. В качестве аналогий ему можно привести, например, Гусихинское, Красносундюковское I, Коминтерновское II и Староалейкинское городища Волжской Булгарии, датирующиеся домонгольским периодом (рис. 198). Факт же включения ов-

рага в границы обороны площадки, по-видимому, может говорить об имевшемся здесь в древности проезде на территорию поселения со стороны речной поймы, что также свидетельствует о средневековой датировке памятника.

Шиповское городище

Расположено на мысу неправильной конфигурации высокого правого берега р. Белой (рис. 199). Занимаемая поселением площадь достигает 15 га. С трех сторон оно защищено крутыми склонами коренной террасы, а с северной напольной части двумя валами и рвом между ними, имеющих протяженность до 500 м. Современная высота валов достигает 1 м, ширина 6–7 м.

Во время исследований внутреннего вала и рва городища В.В. Овсянниковым, были прослежены остатки крепостной стены, основу которой составляла деревянная конструкция. Исследователь выявил семь ям от опорных столбов, которые располагались в два ряда с расстоянием между ними 1,6–1,7 м. Само междурядное пространство было забутовано грунтом, взятым из рва и с площадки памятника. Кроме того, у основания этой стены с двух сторон выявлена каменная кладка. По наблюдениям исследователя ров был довольно неглубоким и не мог играть оборонительной роли (Овсянников, 2006, с. 284).

В данном случае налицо «классический» тип средневековой оборонительной линии, состоявшей из двух крепостных валов и рва между ними. По-видимому, на внешнем из них могла существовать стена в виде частокола, тогда как внутренний имел несколько более сложную конструкцию, судя по технологии его возведения. Каков же был ее облик – сказать трудно. Принимая во внимание наличие рядов опорных вертикальных столбов, можно, однако, предположить, что внутренняя крепостная стена имела вид двойной каркасно-столбовой конструкции.

Как и в случае с Охлебининским II, Шиповское городище также имеет аналогии среди болгарских памятников домонгольского и золотоордынского времени. Не смотря на различие количества валов и рвов, это, например, Хулашское, Восточно-Войкинское и Омарское городища, которые по своему типу также относятся к частично подчиненным рельефу местности (рис. 200), что совершенно не характерно для памятников более ранних хронологических периодов.

§ 2

Городища Предволжья

В этом регионе укрепления исследовались у 5 памятников, датирующихся как двумя периодами болгарской истории, так и только золотоордынским. Они представлены городищами Луковским (Япанчино), существовавшим в XII–XIV вв., Большетоябинским, датирующимся XIII–XIV вв., Сюкеевским – XIII–XIV вв., Исаковским – XIII–XIV вв. и Тавлинским – XIII–XV вв.

Предположительно, к этому числу можно отнести и Мало-Сундырское (Важнангерское) городище, существовавшее в XIV–XV вв. Однако, оно не принадлежало к болгарским укрепленным поселениям, т.к. на нем проживало местное марийское население. Скорее всего, в постройке его оборонительных сооружений лишь участвовали болгарские военные инженеры. Поэтому мы условно относим укрепления этого памятника к болгарским.

Луковское (Япанчино) городище

Как мы указывали ранее, внутренний вал городища перестраивался. Это произошло уже в раннезолотоордынское время после сильного пожара. Для увеличения ширины оборонительной насыпи с внешней ее стороны была произведена подсыпка, состоявшая из темного суглинка мощностью до 60 см. Затем вся эта «подушка» была перекрыта мощным пластом материкового суглинка. Таким образом, она увеличила высоту вала до 2–2,5 м, а ширину до 11–12 м (рис. 201–А). В ходе исследований, однако, каких-либо остатков крепостных стен выявить не удалось. Возможно, что найденные камни в верхней части вала имели какое-то отношение к их конструкциям. Судя по всему, эта насыпь относится к XIII в. Об этом можно говорить, принимая во внимание культурный слой городища, который частично ее перекрывает. В нем найдены фрагменты гончарной болгарской керамики золотоордынского времени (Измайлов, 1991, с. 14–16).

Как нам представляется – не только оплывание вала стало причиной отсутствия следов каких-либо деревянных конструкций. Возможно, они также заглублялись через некоторые промежутки, путем вкапывания срубов-связок, которые не попали в раскоп. Также не исключено, что конструкции представляли собой и укрепления типа тарас,

появляющиеся в золотоордынское время. Об этом могут говорить многочисленные находки камней, которые могли служить забутовкой внутренностей деревянных камер. Нужно конечно заметить, что для ломаной формы укреплений, представленной на городище, наиболее оптимальным было бы применение одного из данных типов конструкций. Принимая это во внимание, можно с долей вероятности утверждать, что крепостные стены внутреннего вала должны были представлять собой более сложную систему, чем частокол или тын, о чем свидетельствует значительная мощность насыпи.

Дополнительную оборону, кроме этого, составляло наличие с внешней стороны двух невысоких валов, что позволяло защитникам городища выдвигаться вперед для обстрела прилегающей территории-эспланады и, таким образом, держать противника на удалении от основной крепостной стены. Все вместе это составляло довольно серьезную оборону, труднопреодолимую для осаждающих (рис. 201–Б, реконструкция). Таким образом, учитывая данные по фортификации городища, относящиеся к домонгольскому времени, можно в очередной раз проследить эволюцию оборонительных сооружений даже на примере одного укрепленного поселения.

Большетоябинское городище

Памятник расположен на ровной возвышенности в виде плато, которое омывается р. Тоябинкой – левым притоком р. Малой Булы. Занимаемая укрепленным поселением площадь – 27,5 га (рис. 202). Поселение ограждено двумя валами и рвами.

Первоначально исследование линий обороны городища проводилось А.П. Смирновым. В ходе археологических работ было определено, что нижний горизонт памятника относился к открытому поселению, а верхний горизонт к укрепленному поселку (Смирнов, 1950, с. 133). Основываясь на своих наблюдениях, исследователь затем реконструировал вокруг городища крепостную стену, составленную из срубов (рис. 203). Исходя из этого, им был сделан вывод, основанный на выявлении глиняной обмазки поверхности валов, что эта деталь характерна только для древнерусских городов. Таким образом, автор работ видел в строителях

укреплений Большетоябинского городища русских мастеров (Смирнов, 1950, с. 138). По данному поводу можно сказать, что сделанный А.П. Смирновым вывод был основан на чрезвычайно ограниченном материале и что он далеко не верен. Мы сможем в этом убедиться при дальнейшем рассмотрении укреплений болгарских городищ.

Несколько позже, Большетоябинское городище было исследовано археологической экспедицией Г.А. Федорова-Давыдова. Во время археологических работ вскрыто наиболее раннее сооружение, которое представляло собой глубокий ров шириной 2,5–3 м. С внешней его стороны исследователь отметил и следы деревянной стенки, врытой перед рвом. Возможно, как он считал, это остатки тына, служившего дополнительным препятствием для форсирования рва. Сами же укрепления могли служить оборонительной оградой небольшого феодального замка, кольцевидного в плане (Федоров-Давыдов, 1960, с. 84). Касаясь же укреплений, которые визуальным образом фиксируются и в наше время, Г.А. Федоровым-Давыдовым было установлено, что вал, опоясывающий подквадратное в плане городище, отделялся от раннего рва прослойкой культурного слоя. В итоге исследователь поддержал точку зрения А.П. Смирнова, касающуюся оборонительных конструкций памятника, а по составу керамики, найденной на городище, отнес сооружение валов к XIII в.: «...ко второй его половине» (Федоров-Давыдов, 1960, с. 87).

Оборонительные линии Большетоябинского городища золотоордынского времени довольно стандартны, не смотря на их сложность. Срубные конструкции, чьи остатки выявлены в ходе раскопок, были широко распространены, особенно в предмонгольское время. Относительно же древнейшей оборонительной системы в виде рва и частокола, то ее наличие на памятнике подтверждает тезис о том, что этот тип укреплений являлся наиболее ранним.

Сюкеевское городище

Укрепленное поселение находится на правом берегу р. Волги между двух глубоких оврагов выходящих к реке и занимает площадку подтрапециевидной формы. Высота ее над урезом Куйбышевского водохранилища достигает 25 м. Занимаемая памятником площадь – 12,5 га (рис. 11). Основные оборонительные сооружения, располагавшиеся

с напольной стороны, сейчас уже полностью распаханы. До разрушения они представляли собой два вала со рвом между ними (Шпилевский, 1877, с. 320).

В наше время в северо-восточной части памятника сохранились только дополнительные укрепления в виде двух невысоких валов и небольшого ровика между ними. Их устройство должно было препятствовать нападению противника со стороны оврага «Чачлы-кул», выходящему к р. Волге, и ограничивающего площадку городища с северо-восточной стороны. Здесь на протяжении нескольких десятков метров овраг имеет наиболее пологий склон в отличие от юго-западной, более крутой стороны.

Проведенные нами археологические исследования этих укреплений позволили определить, что ширина возвышений валов около 3 м. Их современная относительная высота над общей линией склона составляет около 29 см. Ширина ровика между ними достигает 1,5 м, а относительная глубина лишь около 15 см.

В ходе наших исследований было выявлено два периода строительства этих укреплений (рис. 204). Первый период характеризовался остатками насыпи, имевшей ширину около 3 м и мощность до 30 см, которая располагалась в восточной части под внешним валом. Эта насыпь была сложена из гумусированного суглинка и возведена непосредственно на слое погребенной почвы, которую подстилал снизу желто-коричневый суглинок. Предположительно она датируется временем возникновения городища, т.е. серединой XIII в.

Следующий выявленный строительный период представлял собой уже две насыпи. Каждая из них имела ширину около 3 м, а также неглубокий ровик между ними. Насыпи были сложены из серо-коричневого суглинка мощностью до 55 см. Об их датировке может говорить грунт, использованный для возведения этих укреплений. Он был взят из культурного слоя памятника. К сожалению, никаких следов деревянных конструкций ни в первом, ни во втором периодах строительства выявить не удалось.

Таким образом, принимая во внимание небольшую мощность насыпей, можно предположить, что существовавшие здесь ранее деревянные укрепления представляли собой, скорее всего, небольшой частокол

или плетень. Само же отсутствие подобных надвальных сооружений было бы странным, так как не имело бы смысла в этом случае возводить довольно продолжительные по длине земляные насыпи.

Исаковское городище

Памятник расположен в левобережье р. Свяга в самом нижнем ее течении (рис. 205). Он занимает мыс надлуговой террасы, имеющий вид вытянутого с юга на север треугольника. Занимаемая поселением площадь – около 0,3 га. С северной стороны его площадка перегораживается укреплениями в виде двух валов и рвом между ними. Ширина этой системы – около 20 м, а длина составляет около 40 м. Современная высота валов доходит до 1,5 м от дна рва, а их ширина достигает 7–8 м. Глубина рва – около 1 м, ширина – 4–5 м.

Археологическое исследование оборонительных линий было проведено нами в западной части укреплений. В процессе работ выявлена следующая стратиграфия (рис. 206). Сверху везде шел слой дерна мощностью 10–15 см. Далее залегал культурный слой городища, состоявший из светло-серого суглинка толщиной 15–25 см. Затем следовали тулова двух насыпей валов сложенных из светло-коричневого суглинка взятого из рва. Современная высота внешней насыпи доходила до 30 см, а ширина – 6,5 м. Современная высота внутренней насыпи составляла 40 см, ширина 3,5 м. Оба объекта прорезали вертикальные ямки из темно-серой супеси, являвшиеся вероятно следами от конструкций, имевших вид частокола и тыновой ограды. Во внешней насыпи они имели диаметр 20–25 см и глубину 20 см. В верхней части внутренней насыпи были выявлены две ямки. Диаметр первой 15 см, глубина 36 см, а диаметр второй – 22 см и глубина 13 см. Затем шел слой погребенной почвы, состоявшей из темно-коричневого суглинка мощностью до 4–5 см, а ниже его залегала кровля светло-коричневого материкового суглинка. Глубина рва от современной поверхности составляла 95 см, при ширине 470 см. Его заполнением являлся светло-серый суглинок имевший мощность до 77 см. В профиле он имел треугольную форму с довольно пологими склонами, что было сделано для увеличения расстояния между оборонительными насыпями.

Крепостные сооружения Исаковско-

го городища представляли собой следующую картину – на внешнем валу, ближе к его фасу³¹, был установлен частокол. В связи с тем, что он располагался не около рва и имел за собой площадку в виде поверхности насыпи, можно предположить, что данный частокол нес не только функцию искусственного препятствия, но и служил укрытием для обороняющихся. Таким образом, его удаленность от рва и основных оборонительных сооружений позволяла обстреливать противника приближавшегося с напольной стороны. На внутреннем валу, по-видимому, также имела деревянная стена, но уже в виде тына с боевой площадкой позади (рис. 207, реконструкция). Об этом может говорить выявленная столбовая ямка, располагавшаяся с внутренней стороны, которая, возможно, являлась следами от вертикальных деревянных конструкций подпиравших боевую площадку-валганг³². Не смотря на относительную простоту укреплений, обороняющиеся могли вести обстрел нападающих с двух линий и двух уровней высоты за счет комбинирования всех сооружений, что позволяло наиболее эффективно защищаться.

Тавлинское городище

Памятник находится в левобережье безымянной речки, левого притока р. Аря, левого притока р. Свяги в нижнем ее течении. Он занимает подтреугольный мыс коренной террасы высотой 25–30 м и владеет господствующим положением в округе (рис. 44). Площадка городища вытянута с юга на север и состоит из трех частей. Первая, южная, так называемая “шишка”, имеет площадь 1400 кв.м. Вторая, центральная, занимает площадь 800 кв. м, а третья, северная и самая большая, охватывает территорию в 4600 кв.м. Таким образом, общая площадь памятника достигает 0,68 га. Площадка городища с севера ограничена двумя валами и рвом между ними. Длина линий укреплений составляет около 100 м, которые представляют собой ломаную линию. Современная высота внешнего вала – 0,5–1 м, ширина – 6–7 м. Высота внутреннего вала – 1 м, ширина – 8 м. Глубина рва – 1,5 м, а ширина – 7–8 м.

Археологические исследования памят-

³¹ Фас – внешняя сторона любого укрепления.

³² Валганг – боевой ход на стене; также, часть крепостного вала позади бруствера.

ника позволили выявить однородный слой мощностью 20–25 см с находками болгарского материала золотоордынского периода. Лишь в южной части городища были найдены фрагменты именьковской посуды из переработанного слоя. Основываясь на археологических находках и характерном типе оборонительных линий, время возникновения этого болгарского укрепленного поселения можно отнести ко второй половине XIII в. Каковы же конструктивные особенности его оборонительных линий – определить не удалось.

Мало-Сундырское (Важнангерское) городище

Укрепленное поселение расположено на высоком мысу коренной террасы, образованном правым берегом р. Волги и левым берегом р. Малый Сундырь (рис. 210). Высота его площадки над уровнем поймы более 70 м. Занимаемая площадь городища – 5,67 га. С напольной юго-восточной стороны оно ограждается дугообразной линией укреплений, состоящей из вала и рва. Современная высота оборонительной насыпи – 1,2 м, ширина – 8–10 м; глубина рва – около 1 м, ширина – около 7 м. Кроме этого, с западной стороны мысового склона городище имело и дополнительные укрепления, состоявшие из вала и рва (Хлебникова, 1967¹, с. 148; Никитина, 2002, с. 37–38; Никитина, Михеева, 2006).

Первоначальные исследования основного крепостного вала, расположенного с напольной стороны, были проведены Т.А. Хлебниковой (рис. 208, рис. 209). По мнению исследователя, они не выявили каких-либо конструкций в основании вала и во рву, что «...вызвало со временем разрушение вала». Лишь на гребне насыпи было замечено небольшое скопление угля и два округлых гуммированных пятна диаметром 8–10 см. Т.А. Хлебникова допустила существование здесь какого-то сооружения, которое, однако, не поддавалось реконструкции (Хлебникова, 1967¹, с. 149–150). И действительно, не смотря на то, что внутривальных деревянных конструкций не сохранилось, мы можем констатировать их присутствие в прошлом. Об этом наглядно свидетельствует характер залегания насыпей внутри вала, его специфическая структура. Даже при наличии позднего вкопа, значительно нарушившего тулово насыпи с внешней стороны, в центральной и внутренней ее части видно,

что слои грунта как бы «обрываются» и даже представляют небольшой уклон во внутреннюю сторону, причем не имея какого-либо продолжения. Данный факт, несомненно, говорит об имевшем здесь место определенном укрепляющем устройстве. Именно при несохранившихся внутренних деревянных конструкциях, на некоторых средневековых памятниках фортификации исследуемого региона фиксируется подобный характер напластований.

Определить некоторые технологические приемы возведения оборонительных сооружений городища удалось при последующих археологических исследованиях. По мнению Т.Б. Никитиной и А.И. Михеевой, строительным работам предшествовала чистка поверхности и выжигание дернового слоя. Затем насыпался мелкий камень и песчаник для крепления нижней части насыпи. После этого устанавливались деревянные срубные конструкции, остатки которых прослеживались в виде древесной трухи. Они служили ядром вала и скрепляли его тулово. Сами срубы изнутри были заполнены плотно утрамбованной глиной, что хорошо прослеживалось во время археологических раскопок. Кроме того, исследователям удалось проследить послойное создание этих забутовок, в процессе которого каждый слой хорошо утрамбовывался и просушивался (рис. 211). Также для повышения прочности всей конструкции использовался и речной ил (Никитина, Михеева, 2006, с. 70–72).

Основываясь на этих данных, исследователи памятника сделали справедливое заключение о различии внутривальных и надземных конструкций. Облик последних интересен в плане реконструкции. Так во время работ были найдены разрозненные крупные камни, которые использовались для крепления отлогостей вала, выявлены следы глиняной обмазки поверхности оборонительной насыпи. Также зафиксировано наличие остатков от каких-то надвальных конструкций в виде частей сгоревшей постройки, по фрагментам которых реконструируется стена с пролетами до 3 м, связанных опорными столбами.

Не меньший интерес вызывают выявленные остатки двух деревянных крепостных башен, одна из которых, по-видимому, имела функции сторожевой и располагалась в северо-восточном углу городища со стороны р. Волги. Другая же башня находилась в

месте древнего проезда на территорию поселения, выступала за линию вала и имела, предположительно, размеры одной грани около 5 м (Никитина, Михеева, 2006, с. 73–75).

Кроме этих основных конструкций на контр-эскарпе крепостного рва были выявлены и следы «...бессистемно расположенных кольев», которые, по мнению исследователей, представляли собой т.н. «частик», который представлял собой прием из русской военно-оборонительной техники (Михеева, 2006, с. 11). Насколько они бессистемны – говорить сложно, т.к. часто от подобных устройств практически не остается следов, которые было бы возможно выявить при археологических раскопках.

По-видимому, это остатки от надолбов, располагавшихся в шахматном порядке. Отсюда и их «бессистемность». Многие из них просто не сохраняются до нашего времени, вследствие природно-климатических условий региона Среднего Поволжья, что обычно, или довольно часто, фиксируется в процессе исследований оборонительных сооружений как древности, так и средневековья.

На городище были выявлены и остатки дополнительных укреплений, располагавшихся на западном относительно пологом склоне мыса. Они состояли из сильно оплывшего вала и рва. Современная ширина оборонительной насыпи около 5 м, а высота – 70 см. Перед ее возведением поверхность земли также была освобождена от растительности, путем выжигания, от чего сохранилась углисто-золистая прослойка. Основа насыпи вала состояла из супеси с включением камней и имела четкие границы от внутренних конструкций, сохранившихся в виде углистых полос и плашек обожженного дерева. Как считают исследователи, основу их составлял каркас из жердей. От надвальных конструкций на вершине объекта сохранилась лишь яма диаметром 20 см и глубиной 40 см с углисто-гумусированным заполнением. Ров имел первоначальную ширину 4,4 м и глубину до 3,5 м от вершины вала. По мнению Т.Б. Никитиной и А.И. Михеевой, он имел котловидную форму с укрепляющими его дно камнями. С этой стороны были выявлены и следы подновления данной линии обороны, имевшей вид деревянной стены типа частокола, остатки которой состояли из серии столбовых ямок диаметром от 12 до

18 см.

Посад городища за пределами основной линии обороны, по мнению исследователей, также имел укрепления, остатки которых были зафиксированы в виде ям диаметром от 15 до 30 см, которые являлись следами от опорных столбов ограды, ограничивающей территорию с напольной стороны поселения (Никитина, Михеева, 2006, с. 77–78).

Исходя из материалов раскопок, вырисовывается довольно примечательная картина фортификации памятника. Здесь нужно отметить наличие внутривальных срубных конструкций, что довольно редко фиксируется в валах средневековых городищ на территории Среднего Поволжья. Также мы видим довольно широкий спектр типов оборонительных устройств. Здесь можно отметить использование берм, имевших ширину от 0,5 до 1 м, создание трапециевидного рва со следами подправления и возможной расчистки, использование столбовой конструкции в качестве основной наземной крепостной ограды, а также дополнительных укреплений и частокола. Интересным является и применение для обороны башен, выявленных именно в тех местах, где их устройство было наиболее необходимым – в качестве сторожевого пункта и проездных ворот. Причем, судя по стратиграфии, последние, возможно, имели в нижней части внутрисклапную забутовку из грунта, что очень важно в плане укрепления объекта, ввиду его наибольшей уязвимости в случае штурма.

Для этого памятника такое размещение данных оборонительных построек, тем более основанного на материалах раскопок, вполне оправдано, в отличие от некоторых реконструкций, встречающихся иногда в научной литературе, не говоря уже о научно-популярных изданиях, когда изображается целый ряд крепостных башен в системах обороны. Их наличие и размещение часто не только не подкрепляется археологическими свидетельствами, но и противоречит самой необходимости присутствия этих сооружений в тех или иных местах, особенно там, где достаточно было использования природных защитных свойств местности лишь дополненных крепостной оградой.

По нашему мнению, в создании фортификационных сооружений городища принимали участие болгарские инженеры, а местное население лишь служило в качестве рабочей силы. Такой вывод очевиден, при-

нимая во внимание технологическую сложность возведения данной оборонительной линии, требующей специальных знаний. В то же время, и самое главное, фортификация как наука присуща только государственным

образованиям и только им и сопутствует. В рассматриваемый же период времени эта территория сначала относилась к Волжской Булгарии, а затем к Болгарскому улусу Золотой Орды.

§ 3

Городища Предкамья

На территории Предкамья из 13 городищ, существовавших и в золотоордынское время, археологическими раскопками линии обороны изучались у 3 памятников – Кашан I, Кирменского и Ашиязского городищ. Судя по археологическому материалу, первое городище возникло еще в домонгольский период – в XII в., а два других укрепленных поселения были основаны только не ранее середины–второй половины XIII в. Несомненно, в это число входят также Казань и Чаллыньское городище, но нам достоверно неизвестно как выглядели их крепостные сооружения в XIII–XIV вв. Вполне возможно, что они продолжали ограждаться укреплениями, возведенными еще в предыдущий домонгольский период, и лишь иногда подвергались ремонту.

Городище Кашан I (город Кашан)

Городище находится на правом берегу р. Камы. Оно занимает относительно ровную площадку, которая имеет пологий наклон, идущий в сторону реки. Поселение ограждено с трех сторон речным обрывом и двумя оврагами Гремячим и Рыжным (рис. 212). Занимаемая памятником площадь – 108 га. Кашан I ограждается валом и рвом с напольной стороны, перекрывая свободный отрезок между двух оврагов, а также защищен дополнительными укреплениями со стороны р. Камы. Он датируется двумя периодами болгарской истории – домонгольским и золотоордынским. Городище возникло в XII в. и существовало до второй половины–конца XIV в.

Нами исследовался оборонительный вал, расположенный с напольной стороны памятника. Высота его 2,5–3 м, ширина – около 12 м, глубина рва – 2,5–3 м. На сегодняшний день большая часть линии обороны уничтожена при прокладке газопровода (рис. 215). Для определения стратиграфии и выявления возможных конструкций в насыпи вала была заложена траншея, протянувшаяся вдоль края сохранившейся части укрепления.

Во время археологических работ была выявлена следующая стратиграфическая картина: сверху везде шел слой дерна мощностью 7–8 см, затем слой желто-коричневого суглинка, при наибольшей мощности в 70 см. Эта небольшая насыпь представляла собой отвал, образовавшийся во время прокладки газопровода. Этого же типа небольшие насыпи были зафиксированы у внутренней и внешней подошвы вала. Далее под ним следовал слой темно-серого суглинка, который ранее, видимо, являлся дерном покрывавшим насыпь, его толщина достигала 8–10 см. Со стороны внутреннего склона вала он был срезан и прослеживался лишь по верху и фасу вала. Непосредственно под ним выделялись две линзы светло-серого гумусированного суглинка размерами 15×55 см и 12×55 см. Расстояние между ними составляло около 1 м.

Основная насыпь, выявленная в центральной части тулова, состояла из коричневого суглинка, имевшего мощность до 110 см. Во внешней ее части были прослежены две линзы, состоявших из прокала и углей толщиной до 8 см. Внутри этой насыпи находилось своеобразное ядро, имевшее подтрапециевидную форму и сложенную из тяжелого темно-коричневого суглинка мощностью более 100 см. Оно не является первоначальным валом, так как между двумя насыпями отсутствовали какие-либо прослойки, что может свидетельствовать об одновременности всего сооружения. Также, во внешней части этого ядра, на глубине 170–180 см, выявлены и следы от обугленного частокола, представлявшего собой крепиду этой внутренней насыпи, которая должна была препятствовать ее разрушению.

В последующем основной вал изучался К.А. Руденко. Исследователем также были выявлены некоторые его конструктивные особенности. Здесь ближе к внешнему склону оборонительной насыпи зафиксированы остатки вертикальных бревен высотой около 2,5 м и диаметром около 20 см (рис. 213).

Они вкопаны в специально вырытую траншею при расстоянии между ними не более 10 см. Для их устойчивости использовались также небольшие бревна высотой до 120 см, установленные в основании стены, которая, в свою очередь, была обмазана глиной. По мнению К.А. Руденко, эти бревна первоначально возвышались над уровнем дневной поверхности на высоту 1,6–1,7 м. На самой же верхней части вала «...стояли какие-то деревянные укрепления, вероятно, в виде уложенных горизонтально бревен, крепившихся вертикальными столбами, судя по заполненной угольками канавке...» (Руденко, 1999, с. 116; Руденко, 2007, с. 41).

Представляют интерес и результаты исследований К.А. Руденко дополнительных укреплений, расположенных вдоль речного берега, а также технологические приемы, использованные при возведении этой оборонительной линии (рис. 214). Перед их строительством сначала был сведен росший здесь лес, затем склон террасы был укреплен при помощи положенных вдоль него бревен диаметром 16 см, соединенными в обло с опорными вертикальными столбами. Выше них одновременно возводились деревянные конструкции в виде опалубки из толстых плах размером 360×200 см, заполненные затем пестроцветом и обмазанные снаружи глиной. После чего, по мнению автора раскопок, склон террасы был выровнен и «...произведена общая отсыпка насыпи вала суглинистым и супесчаным грунтом». Образованный при этом с внешней стороны ров имел ширину около 6 м, глубину до 1,5 м и крутизну склонов до 45–50° (Руденко, 1999, с. 114).

Последние на сегодняшний день исследования вала с напольной стороны были проведены М.Б. Шигаповым, во время которых выявлены четыре мощных слоя, составлявших насыпь. Также были прослежены и упоминавшиеся выше конструктивные особенности этого оборонительного вала (Шигапов, 2013, с. 302–305).

Крепостные сооружения городища Кашан I с напольной стороны, судя по имеющимся данным, можно реконструировать следующим образом: здесь на вершине оборонительной насыпи, которая имела уплотненную поверхность, находилась стена из горизонтально положенных бревен. Об этом могут свидетельствовать выявленные линзы светло-серого гумусированного суглинка.

Данная стенка, по-видимому, связывалась через определенные промежутки при помощи клетей, которые заглублялись в оборонительную насыпь. Этот тип сооружений можно реконструировать как городни в наземной части, а укрепляющую роль срубных конструкций и их замену внутри вала представляло ядро темно-коричневого суглинка подтрапециевидной формы с деревянным частоколом.

Вдоль рва с внешней стороны вала проходила берма в виде горизонтальной площадки, имевшей ширину 120 см, которая предохраняла оборонительную насыпь от осыпания в крепостной ров. Также по подошве внешней отлогости вала и по его фасу были установлены два ряда лгряды в виде частокола. Данный прием предшествовал фортификационному установлению более позднего времени: «и да бы от восхождения сохранено было, того ради пред сим борствером два ряда полисадов постановляются...» (Жогорн, 1710, с. 13). Это еще один показатель преемственности и непрерывности развития науки об укреплениях, прослеживаемых на протяжении длительного периода времени (рис. 216, реконструкция).

Что же касается дополнительных укреплений, располагавшихся со стороны берега р. Камы, вряд ли они были достаточно сложными. Функции дополнительных оборонительных сооружений и их незначительная мощность позволяет нам реконструировать данные укрепления как более легкие конструкции в виде частокола или тына, что совсем не говорит о слабости обороны города Кашана. Это дает нам право судить о хорошо продуманном комплексе военно-инженерных сооружений, которые соответствовали своему предназначению в том или ином месте.

Кирменское городище

Городище находится на мысу, имеющей форму неправильного четырехугольника, образованного оврагом «Сухая река» и левым берегом р. Кирменки, левого притока р. Омарки (рис. 217). Площадка памятника ровная, полого опускающаяся к юго-юго-востоку. Занимаемая площадь – 10,08 га. С северной напольной стороны поселение ограждено двумя рвами, расположенными на расстоянии 40–60 м друг от друга (Казанов, Старостин, Халиков, 1987, № 360).

Археологические исследования А.З. Нигамеева на городище выявили только один

ров на протяжении 60 м, имевший ширину 5 м и глубину около 2 м от древней поверхности (рис. 218). Заполнением его верхней части служила темно-серая гумусированная супесь, в которой были встречены фрагменты керамики, кости животных, древесный уголь и куски обгоревшего дерева. Нижняя часть рва оказалась заполнена буро-коричневым суглинком и кусками известняка. По мнению исследователя, это оборонительное сооружение возникло не позднее второй половины XI в. и к XIV в. уже не имело линий обороны (Нигамаев, 2005, с. 44).

Данная точка зрения выглядит довольно странно, учитывая общую датировку памятника золотоордынским временем. Мы не будем вторгаться в хронологическую дискуссию, однако здесь стоит заметить – городище давно и интенсивно распаивается. В связи с этим не осталось даже следов от оборонительных насыпей, а находки, имеющие зачастую широкую датировку, происходят из заполнения самого рва. Нам представляется, что памятник, возникнув еще в домонгольский период, существовал и в золотоордынское время как укрепленное поселение, что не противоречит также и имеющимся историческим сведениям (Воскресенская летопись, т. 3, 1998, с. 104). Что же касается конструктивных особенностей, то здесь мы можем только констатировать факт использования в обороне городища сухого, треугольного в профиле рва, труднопреодолимого для противника в случае неожиданного нападения.

Ашиязское городище

Городище расположено на подтреугольном мысу высокого правого берега р. Ашит, левого притока р. Илеть. Площадь памятника незначительная и составляет 0,5 га. Поселение с северной напольной стороны защищено двумя линиями валов и рвов, устроенных в два пояса (рис. 219). Внешний вал имеет ширину 4–5 м и высоту до 1 м, ров – ширину до 4 м и глубину до 1 м. Внутренняя линия плохой сохранности и отстоит от внешней на 44 м. По-видимому, она более ранняя и время ее возведения относится к азелинской культуре (Археологическая карата Татарской АССР. Предкамье, 1981, № 11; Казаков, Старостин, Халиков, 1987, № 172).

Археологической экспедицией Н.Ф. Калинина на месте одного из «проездов» исследовался внешний, наиболее сохранив-

шийся вал. Его насыпь состояла из нескольких чередующихся слоев (рис. 220). Под дерном залегал слой коричневого суглинка, полностью перекрывавшего всю насыпь. Затем следовало основное тулово вала, сложенное из желтой супеси мощностью до 120 см и шириной около 480 см. В ней выявлены остатки какой-то деревянной конструкции в виде бревен толщиной около 20 см и длиной более 2 м. Здесь же вдоль внешнего склона был найден камень–песчаник. Эта насыпь находилась на своеобразной подушке, сложенной из суглинка. Ниже шел слой погребенной почвы, а затем кровля материка (Халиков, 1958, с. 87).

В данном случае сложно интерпретировать эти конструктивные остатки. Все же наличие бревен, лежащих поперек линии вала, возможно свидетельствует о существовавших здесь внутривальных срубных клетях. Также камень–песчаник, скорее всего, служил для укрепления внешней отлогости вала. Однако, следов от каких-либо надвальных конструкций прослежено не было. По-видимому, это произошло из-за сильного оплыва оборонительной насыпи. Принимая во внимание размеры оборонительного вала, мы можем лишь высказать предположение об их облике. Не исключено, что они принадлежали к относительно «легкому» типу стен и имели вид тыновой ограды.

Ашиязское городище изначально и справедливо было отнесено Н.Ф. Калининым к болгарским памятникам (Калинин, Халиков, 1954, с. 69). Однако значительно позже его датировали более ранним временем, серединой I тыс. н.э. и отнесли к азелинской культуре (Казаков, Старостин, Халиков, 1987, № 172). Возможно, что какое-то раннее поселение существовало на этом месте, но сам тип данного городища и конфигурация его оборонительных линий совершенно отличается от возводимых в предыдущие века. Здесь мы видим подпрямоугольную площадку, образованную валами и рвами, что относит укрепленное поселение к частично подчиненным рельефу местности. Таким образом, этот памятник можно отнести к средневековым, имеющим аналогии среди других болгарских городищ.

Благодаря всему комплексу сведений, полученных в ходе исследований болгарских городищ золотоордынского периода, можно констатировать факт продолжавшегося в это время крепостных сооружений в это вре-

мя. Фортификация, как наука, развивалась на территории Болгарского улуса Золотой орды практически без перерыва. Об этом можно судить не только исходя из датировки оборонительных линий, но и принимая во внимание прослеживающуюся эволюцию в развитии укреплений. В свою очередь, об этом свидетельствует и сохранение всего комплекса традиций строительства защитных дерево-земляных конструкций и технологических приемов, применявшихся при их сооружении. Также на некоторых городищах в XIII–XIV вв. могли использоваться и построенные ранее укрепления, для функционирования которых, по-видимому, достаточно было просто проведения ремонтных работ. Например, в ходе исследований фортификационных сооружений Казани, воз-

веденных в домонгольское время, не было зафиксировано каких-либо их изменений и перестроек в золотоордынский период. Напротив, они продолжали использоваться и сохранялись в тех же размерах (Ситдииков, 2013³).

На болгарских памятниках этого хронологического периода прослеживается большинство известных, а также использовавшихся с домонгольского времени типов крепостных стен – это тыновая ограда, столбовая конструкция (каркасно-столбовая) и городни. Тарасы же являлись новым словом в развитии средневековой фортификации, чье последующее развитие привело к созданию наиболее мощных оборонительных построек уже в эпоху Казанского ханства.

ГЛАВА V

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

На сегодняшний день оборонительные сооружения исследованы у пяти из шести известных городищ, датированных эпохой Казанского ханства. Это довольно примечательно, т.к. дает нам основной спектр типов крепостных сооружений и технологических приемов их возведения, применявшихся в данный хронологический период.

За исключением одного, все «казанские» городища расположены в Предкамье – центральной части государства. Это Казань, Камаевское, Утернясьское, Чаллыньское и Арское городища. Лишь Тавлинское городище находится на территории Северного

Предволжья (рис. 1в). Думается, что его размещение в этой части региона не случайно, т.к. оно могло хорошо контролировать т.н. «Горную сторону» и сухопутные пути, проходившие здесь с юга на север и с запада на восток. Небольшое же количество известных укрепленных поселений может быть связано не только с малой изученностью данного вопроса, но и с тем, что в это время основная масса местного населения, видимо, предпочитала жить в селах, в сельской местности, а это связано уже с особенностями государственной экономики.

§ 1

Фортификация городов

Несомненно, что первостепенным, главным показателем достигнутого уровня фортификации любого государства являются оборонительные сооружения основных городских центров. Сюда входят их топографические особенности, заключающиеся в степени использования для защиты поселений окружающего рельефа местности, применение тех или иных типов крепостных построек, их комплекс и соотношение друг с другом. Именно по ним мы и можем судить о степени развития военно-инженерной науки в целом и военного зодчества в частности. Таковыми являются известные нам ключевые укрепленные поселения Казанского ханства. Анализ их фортификации и дает нам общую картину оборонительной науки этого государства. Все ли из них, за исключением Казани, можно отнести к социальному типу городов – вопрос открытый и требует отдельного рассмотрения. Мы же в работе делаем это условно.

Казань (городище «Казанский кремль»)

В эпоху Казанского ханства город расширяет свою территорию и общая площадь его начинает составлять около 60 га, куда входит и цитадель–кремль с занимаемой площадью около 10 га (Ситдииков, 2013³, с. 162–208).

Фортификационный облик Казани ханского времени недостаточно изучен археологически. Современные каменные стены и башни города до недавнего времени считались постройками, возникшими только во второй половине XVI–XVII вв. Справедливости ради нужно отметить, что еще в 70-х гг. прошлого века А.Х. Халиковым и С.С. Айдаровым было выдвинуто предположение, касающееся датировки остатков Северной башни. Исследователи отнесли время ее строительства к первой половине XVI в. Это мнение было высказано благодаря результатам частичного изучения данного объекта в ходе его реставрации (Халиков, Мухамадиев, Шавохин, 1977, с. 179–181). Для более же точной хронологической привязки требовались дополнительные исследования.

Нашим раскопом, заложенным непосредственно с восточной, северной и северо-западной сторон фундамента башни, а также в ее верхней части удалось установить, что время ее возникновения и функционирования относится ко времени не позднее первой половины XVI в. Об этом говорит выявленный в III слое (слой ханского времени) строительный горизонт постройки, а также находящаяся выше него прослойка пожара 1552 г.

Остатки башни сложены из крупных тесаных известняковых блоков на известковом растворе (рис. 221–222). Размеры их варьируют, поэтому определенную закономерность выявить трудно. Можно лишь констатировать наличие наибольших блоков в нижней половине объекта. В самом низу под ними были прослежены более мелкие камни, которые на некоторых участках подстилались остатками горизонтально уложенных деревянных досок и вертикально вбитых свай. Последние, по-видимому, служили для уплотнения материкового супесчанистого грунта.

Сохранившаяся высота башни – 4 м. Ее размеры: северный фас – 9,5 м, восточный фас – 8 м, западный фас – 7,6 м. В восточной части башни выявлен проем, похожий на калитку для вылазок шириной до 230 см, который позднее был заложен известняковыми блоками, залит известковым раствором и засыпан битым кирпичом. Южной своей частью постройка уходит под позднюю крепостную стену, поэтому первоначальные ее размеры определить довольно затруднительно. Толщина западной и восточной стен башни наиболее оптимальна, т.е. 240 см. Северный фас же более мощный. Он имеет толщину около 280 см. В нем во время вскрытия была выявлена внутренняя ниша глубиной 160 см при ширине около 210 см. Возможно, что это остатки площадки для доступа к бойнице в нижней части башни.

Некоторую информацию о данной фортификационной постройке дали материалы другого раскопа, заложенного нами с противоположной внутренней стороны современной крепостной стены (рис. 223). Здесь была отмечена плохая сохранность культурных напластований, которые, в основном, уничтожены слоем XIX–XX вв. Исключение составляли слои непосредственно примыкавшие к крепостной стене в северо-западной части раскопа.

Со слоем XVII–XVIII вв. связан вкоп, располагавшийся ближе к стене, в виде небольшого котлована для постройки или ремонта крепостных сооружений. Слой Казанского ханства состоял из нескольких чередующихся слоев – следов двух пожаров, верхний из которых относится к 1552 г., а также нижележащих перемешанных слоев песка, глины и серой супеси (рис. 224). Судя по стратиграфии, именно к нему относятся два нижних ряда известняковых блоков со-

временной крепостной стены.

Нижняя часть куртины состояла из горизонтально уложенных известняковых блоков различных размеров. В основном, в ее основании находились небольшие по размерам обработанные камни-плитняк длиной от 20 до 70 см при толщине от 8–10 до 20 см. Все последующие ряды состояли из более значительных блоков. Большой частью их размеры составляли 30×30, 60×30, 70×30 см. Для их скрепления применялся известковый раствор. Всего на разных участках выявлено от 3 до 6 рядов, выше которых начиналась конструкция стены из кирпича. Она была сложена способом чередования – «ложок, тычок, ложок» и т.д. Размеры кирпичей – 25×9×12 см. Таким образом, кирпичная стена возводилась гораздо позднее и использовала нижнюю часть в качестве фундамента.

Как было отмечено выше, два нижних выступающих ряда каменной кладки относились к «казанскому» слою. Однако можно предположить, что как минимум 3 и 4 ряда также датируются эпохой Казанского ханства. Судя по характеру позднего вкопа, он лишь обнажил нижние уже существовавшие ряды. Время же строительства основной части крепостной стены относится к русскому времени.

Во время наших исследований здесь также были выявлены и некоторые другие сооружения. Одно из них, зафиксированное в северо-восточной части раскопа, состояло из массива кладки известняковых блоков скрепленного известковым раствором. Размеры его 290×210 см при высоте до 1 м в северной части, примыкавшей без перевязки к крепостной стене. Полностью измерить блоки не представлялось возможным, ввиду того, что все сооружение было покрыто плотной известковой заливкой. Лишь выступающие грани имели размеры от 20 до 40–45 см. Таким образом, принимая во внимание технику кладки, сами блоки и состав примененного раствора, можно предположительно отождествить его с остатками конструкций Северной башни. В связи с этим, строительство данного сооружения относится ко времени не позже первой половины XVI в. (Губайдуллин, 2006⁴, с. 49–51).

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать факт, что Северная башня времени Казанского ханства являлась мощным фортификационным сооружением. Ее первоначальный облик реконструировать

довольно сложно, т.к. современная сохранившаяся высота объекта, скорее всего, составляет лишь одну треть, или даже одну четверть, от первоначальной.

Довольно гипотетичным может быть мнение о соответствии оригиналу рисунка немецкого ученого Адама Олеария, выполненного в первой половине XVII в. (рис. 225). Нами не ставится вопрос о том, насколько он точен и вообще как соотносится с какой-либо конкретной фортификационной постройкой, в том числе и хронологически. Если же считать его, с определенной долей вероятности, в какой-то мере соответствующим действительности, то мы видим изображение высокой каменной башни, предположительно квадратную в плане, возможно без машикулей³³. В данном случае, первое и последнее утверждение исходит из особенностей рисунка. Например, изображение вертикальных бойниц для того времени свидетельствует именно о каменной постройке. В свою очередь говорить о наличии или отсутствии машикулей проблематично, ввиду схематичности рисунка. Мы можем лишь утверждать о том, что каменных навесных бойниц не было. Такое дорогостоящее устройство в данном месте представляется нам излишним.

Косвенным, но довольно примечательным фактом, который свидетельствует о каменной конструкции башни, может также являться сообщение князя А.М. Курбского, касающееся непосредственного штурма города. В нем он упоминает о том, как его воины «...влезли в амбразуры большой башни, а из башни пробрались к большим крепостным воротам...» (Древняя Казань..., 1996, с. 131). Нам представляется, что в случае же с деревянной оборонительной постройкой такого типа этого просто не могло бы произойти, т.к. проникнуть в узкие бойницы, прорезанные в бревнах, было бы невозможно. Нельзя исключить, конечно, и возможного желания А.М. Курбского приукрасить свои действия, на подобие аналогичного описания штурма Константинополя Робером де Клари начала XIII в., в котором также описаны схожие способы проникновения в крепостные башни (Клари, 1986, с. 53–54).

Однако, скорее, это всего лишь совпадение в описании событий. На своей реконструкции Казанского кремля 1568 г. Н.Ф. Калинин также отметил Северную башню, как сохранявшуюся еще на тот период времени (рис. 226). Правда она, наряду с некоторыми другими, безымянная и показана несколько схематично.

Реконструировать этот объект можно двояко. Первый вариант представляет собой обычную «классическую» башню без навесных бойниц (рис. 227). В этом случае, она могла иметь каменные зубцы прямоугольной формы по периметру боевой площадки, перекрытую деревянной четырехскатной крышей, а также бойницы для среднего боя.

По второй версии башня реконструируется как «двухчастная» (рис. 228). Нижние три четверти ее были из камня, а верхняя построена в виде деревянного нависающего сруба, с т.н. «обламами» – навесными бойницами. Возможно также, как вариант, что башня была полностью каменная, а во время подготовки к обороне по ее верху могла устанавливаться хорда³⁴ из дерева. Последнее было довольно распространено, особенно в Западной Европе, начиная еще с XII в. (Виолле-ле-Дюк, 2009).

В данном случае вопрос открытый – какому из вариантов следует отдать предпочтение. Правда, по нашему мнению, более правилен второй. Здесь мы исходим из точки зрения о необходимости и возможности применения его к конкретному месту в общей системе фортификационных сооружений Казани того хронологического периода.

Мы довольно достоверно можем судить об облике крепостных стен, ограждавших цитадель Казани. Нам известны данные русских источников, свидетельствующие о тарахах великих, которые имели толщину в три и семь сажень. Это наиболее передовой тип оборонительных сооружений того времени. Их внутрстенное пространство, забитое землей и камнями, залитое речным илом, представляло собой своего рода бетон и являлось серьезным препятствием для пушечных ядер и камнеметных машин. Именно такой участок был вскрыт нами во время археологических раскопок в северо-запад-

³³ Машикули – навесные бойницы, расположенные в верхней части крепостных стен и башен, через которые велся обстрел приближавшегося к укреплениям противника.

³⁴ Хорда (гурдиция) – выступающая навесная галерея из дерева, которую пристраивали к парапету в период военных действий. Она позволяла осажденным держать открытой для обстрела подножие крепостной стены.

ной части Казанского кремля с внешней стороны современной крепостной стены.

Можно отметить относительно хорошую сохранность культурных напластований раскопа в этом месте. Они располагались последовательно, почти в ненарушенном состоянии (рис. 229). По-видимому, это можно связать с существованием здесь на протяжении веков крепостных сооружений, чье присутствие не позволяло проводить какие-либо интенсивные земляные работы кроме ремонтных. Нижняя часть культурных напластований, датирующихся второй половиной XVI–XVIII вв. и составляющих переработанный слой Казанского ханства, была представлена серо-коричневым пестроцветом с комками обожженной глины, крупными углями и остатками сгоревших бревен диаметром до 30 см. Сам слой второй половины XV – первой половины XVI вв. имел мощность до 140 см. Он содержал следы мощного прокала от 15 до 30 см толщиной, являвшегося следами пожара 1552 г. Непосредственно под ним был выявлен слой угля с остатками сгоревшего дерева. Здесь также прослежены обугленные и сгоревшие конструкции, составленные из бревен диаметром 25–30 см (рис. 230). Они представляли собой клетки, заполненные пестроцветом, перемешанным с углем, кусками обожженной глины и линзами пепла.

Судя по остаткам, внешняя стена, шедшая параллельно склону кремлевского мыса, была сложена из более толстых бревен до 40 см диаметром, тогда как подходившая к ней изнутри стенка состояла из более тонких бревен – около 25 см в диаметре. Кроме того, вдоль внешней стены, с внутренней ее стороны, был прослежен еще один параллельный ряд бревен, зафиксированный в виде крупных фрагментов сгоревших конструкций и кусков угля диаметром около 20 см. Расстояние между этими стенками составляло 20–25 см.

Необходимо отметить важный факт – стена-перевязка, подходившая изнутри к внешней стене не была сплошной. Она имела вид «разреженных» бревен, которые располагались между собой через промежутки около 45 см. По-видимому, здесь находились деревянные крепостные стены в виде тарас (рис. 231). Внутренние их перевязки устраивались таким образом, чтобы не ослабить толщины и крепости внешней стены в местах стыковки, а также для того, чтобы грунт,

забитый в клетки, не распирает конструкцию во внешнюю и внутреннюю стороны. Также, они применялись для воспрепятствования смещению стены, когда ее отдельные участки повреждались пушечными ядрами. Это достигалось устройством косых перевязок или в виде «андреевского креста» (Виолле-ле-Дюк, 2007, с. 201).

Особенностью тарас можно назвать их обязательную установку на преимущественно ровной поверхности. Поэтому, по различным склонам, например, в районе современных Тайницкой или Воскресенской башен кремля, должны были строиться крепостные стены в виде городней, составленных из примкнутых друг к другу деревянных срубов, которые поднимались и спускались ступенчато и, возможно, также заполнялись землей. Кроме того, над теми и другими на высоте не менее 3–4 м от земли должны были существовать крытые боевые ходы, снабженные бойницами для горизонтальной и вертикальной стрельбы. Последние выполнялись в виде обламов, каковые выглядели как выдвинутая вперед верхняя часть сруба и, таким образом, нависающая над нижней. Это был род машикулей в деревянном крепостном зодчестве, через которые бросались камни и бревна, лился кипяток и др.

Вопрос о существовании каменных крепостных стен кремля в эпоху Казанского ханства до сих пор открыт. Пока можно лишь констатировать факт наличия в некоторых местах фундаментов из известняковых камней, вскрытых при археологических раскопках, которые, скорее всего, представляли собой «подушки» для деревянных стен. Следует, однако, отметить, что по мнению А.Г. Ситдикова, в северной части кремлевского мыса существовала именно каменная крепостная стена. Как считает исследователь, она проходила вдоль восточной части мысового склона и примыкала к Северной башне. От нее эта стена следовала на протяжении около 100 м на запад и затем поворачивала на юг, не доходя до современной Тайницкой башни (рис. 232). Не вызывает лишь сомнения, что сам ханский двор ограждался каменной стеной, остатки которой были выявлены во время археологических раскопок. О ней же упоминает и князь А.М. Курбский, называя ее «...большим забором меж каменных мечетей и домов», который был «очень крепок» (Древняя Казань..., 1996, с. 131).

До сих пор точно не определено, как

выглядели оборонительные сооружения посада Казани. По предположению А.Г. Ситдикова, посадская стена по всему периметру была устроена в виде тарас. Ее остатки фиксировались в виде насыпи вала шириной в 15–20 м и высотой не менее 3–4 м, а перед стенами, «...иногда и позади них, был выкопан ров, местами глубиной в 10–15 м» (Ситдиков, 2013³, с. 162–208).

Несколько странным представляется использование тарас в качестве крепостной ограды для защиты всего посада Казани. Возможно, что стены такого типа существовали в южной части кремлевского мыса, однако неизвестно, как они выглядели в нижней юго-западной части города. Мы знаем, что одна и та же линия обороны на всем своем протяжении могла иметь разный конструктивный облик. Все зависело от наличия или отсутствия «естественной фортификации» и, как следствие тому, применение принципа разумной достаточности при возведении оборонительных сооружений.

По русским источникам известно, что посад города окружал острог (Древняя Казань..., 1996, с. 23; Воскресенская летопись, 1998, т. 3, с. 360). Летописцы, не будучи специалистами, часто путали различные термины, касающиеся оборонительных укреплений, что иногда вносит определенную неразбериху. Однако, судя по названию и более поздним свидетельствам, можно предположить соответствие этого слова тыновой ограде, которая состояла из вертикально установленных плотно примкнутых бревен диаметром не менее 20–30 см с боевым ходом за ней. Поверх нее могла проходить и двухскатная крыша для защиты от непогоды, наиболее вероятная в связи с местными климатическими условиями.

Несомненно, что в системе данных стен должны были находиться и крепостные двух- или трехъярусные башни четырехгранной формы, по крайней мере в местах проездов на территорию города. Вряд ли может вызвать сомнение их строительство из дерева, из дуба или сосны, наиболее дешевого и функционального строительного материала того времени.

Кроме основных крепостных сооружений города, вызывает значительный интерес находка Н.Ф. Калининским остатков бревенчатого сооружения, выявленного в районе Тайницкой башни. Оно представляло собой «систему бревенчатых настилов, состоящих

из 3–4 пластов плотно лежащих друг к другу бревен», уложенных слоями под углом и скрепленных между собой (Калинин, 1955, с. 117–138; Ситдиков, 2006, с. 19).

Автор согласен с А.Г. Ситдиковым, что это не крепостная башня, а остатки раската (роската) для установки пушек, предназначенных для ведения навесной стрельбы. Это важное нововведение, известное и на территории Восточной Европы в XVI–XVII вв., которое в очередной раз говорит о высоком уровне развития фортификации в эпоху Казанского ханства (Ситдиков, 2013³, с. 162–208).

Сведения русских летописей по крепостным сооружениям Казани часто довольно неточны и противоречивы. Все же, в значительной мере, они дают нам некоторое представление, особенно в тех случаях, когда отсутствуют данные археологии. В них говорится о городских стенах, строительстве укреплений посада: «Царь же Казанский повеле около города нарядити острог...». Этот же тип оборонительных конструкций отмечен и позже «...и острог у них по Булаку взяша», «...также в остроге...». Отдельно от него упоминается и «градь», «сташа около града и повелеша по граду ись пушек и ись пищалей бити», «выехаша изь града» (Воскресенская летопись, 1998, с. 210, 317, 360). Таким образом, летописцы разделяли линии обороны Казани, состоявшие как минимум из двух частей – посада и крепости.

В летописях есть сведения и об отдельных постройках и элементах крепостных сооружений города периода его осады в 1552 г.: «...и Арьские ворота до основания збиша, и обломки збили...», говорится и о других городских воротах – Царевых, Аталыковых, Тюменских и «...башне града». Упоминаются также и «...у всяких ворот за рвом тарасы великие, землю насыпаны...», «...ямы и рвы...норы», «стрельницы» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 118, 141, 150, 426, 433; Древняя Казань..., 1996, с. 41–43). По-видимому, в последнем случае, русский летописец описал созданные казанцами галереи, своего рода потерны, предназначенные для выхода во рвы, для сообщения с полем и устройства вылазок.

Одной из самых главных составляющих в оборонительных сооружениях Казани были, несомненно, ее крепостные стены, которые практически не могли пробить выстрелы из пушек. В «Истории о Казанском

царстве» указывается, что город ограждался семью стенами, построенными из длинных и толстых дубовых бревен, внутреннее пространство которых было заполнено хрящем, песком и мелким камнем. Толщина их достигала «со стороны рек Казани и Булака... трех сажень», а с напольной Арской стороны она имела толщину в семь сажень, кроме этого «Словно крепкими стенами, окружен был водами город тот...». Кроме того, и это немало важно, перед осадой казанцы «...заложили все городские ворота камнями и землею», тем самым обезопасив от прорыва и штурма наиболее уязвимые места в обороне – воротные проезды, т.к. именно их обычно стремились прорывать во время многочисленных осад городов (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 119–120; Древняя Казань..., 1996, с. 100, 104).

Не удивительно поэтому, что такой хорошо укрепленный город очень трудно было завоевать, используя одну лишь артиллерию, пусть даже и довольно мощную. Как написано в «Истории о Казанском царстве», осаждающие «...замышляя многочисленные стенобитные козни и много трудясь, иногда так, иногда иначе, но ничем не смогли они повредить городу. И стоял он твердо и непоколебимо, словно большая каменная гора, ни в каком месте от сильной пушечной стрельбы не шатаясь, не колеблясь. И не могли придумать стенобитные бойцы, что сделать с городом» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 132–133; Древняя Казань..., 1996, с. 105). Для этого понадобилось новое слово в военно-инженерной науке – проведение крупных подрывных работ при помощи минных галерей и больших запасов пороха, чтобы разрушить казавшиеся незыблемыми крепостные сооружения Казани (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 138–140, 148–150, 151–152, 426, 433). Уровень же развития минного и контр-минного дела на территории Восточной Европы до этого времени был довольно низким, если не сказать отсутствовал вообще. Таким образом, в этом случае осада взяла верх над обороной и начался новый этап в войне за крепости, который продолжался вплоть до Новейшего времени. В результате даже по отрывочным сообщениям письменных источников, мы можем иметь определенное суждение о фортификации Казани этого периода времени, что иногда подтверждается и данными, полученными при археологических исследованиях.

Основываясь на изысканиях историков XIX в., мы также располагаем некоторыми сведениями по облику крепостных сооружений города. Так М.С. Рыбушкин писал, что крепостная стена Казани состояла «...из толстых в два ряда бревен», построенная из дуба, она связывалась внутри крестообразными перемышками и была наполнена камнями, песком и глиной, достигая ширины 4,5 сажень (Рыбушкин, 1848; Древняя Казань..., 1996, с. 164, 169).

В работе протоиерея Казанской Кремлевской военной церкви П.Г. Заринского даются схожие данные, но немного более подробные. По его мнению, город окружался деревянными стенами, которыми была ограждена часть Кремля и весь посад. Они состояли из бревенчатых срубов, заполненных землей и камнями и «...составлялись из двух продольных стен – лицевой и внутренней, связанных между собою в известных местах поперечными, неглухими стенками, которые располагались на высоте стены в шахматном порядке». В след за М.С. Рыбушкиным он утверждал, что крепостная стена ханского времени была сделана из больших дубовых деревьев, а внутренность срубов заполнялась камнем, илом и хрящем (речным песком). Как считал П.Г. Заринский, в верхней части этих стен «у наружного края располагалась тонкая деревянная стенка, которая, подобно частоколу на земляных валах, служила прикрытием для обороняющихся, находившихся на вершине стен, и способствовала им с большим удобством поражать метательным оружием атакующего неприятеля» (Заринский, 1877; Древняя Казань..., 1996, с. 238–239).

Не смотря на довольно верную реконструкцию облика крепостных сооружений Казани и технологии их возведения, следует заметить – автор наверняка не мог знать некоторых деталей первоначального вида укреплений, основываясь только на личном теоретическом видении предмета. Это следует и из его реконструкции крепостных башен, которые «состояли из четырехугольных деревянных же срубов, возвышавшихся на несколько аршин над стенами», а также имели довольно узкие ворота. По мнению П.Г. Заринского, над ними устраивался особый этаж «с узкими продолговатыми окнами для пищалей», а сами башни накрывались «довольно крутыми крышами на четыре ската» (Заринский, 1877).

Действительно, точка зрения автора во многом справедлива, включая и вывод о том, что, не смотря на пожароопасность, деревянные стены в тот период времени представляли собой надежную защиту для осажденных «потому что профиль стен был чрезвычайно крут и, чтобы взобраться на верх стены, необходимы были лестницы, а чтобы приставить лестницы к стене, нужно было достигнуть ее подошвы, что чрезвычайно трудно для осаждающих, если только обороняющиеся вовремя успели занять вершину стен и имели все средства обороны...». Относя к последним камни, раскаленный песок и горячую воду, П.Г. Заринский, однако, совершил довольно распространенную ошибку, добавляя в этот список кипящее масло, серу и смолу «которыми осыпали и обливали осаждающих» (Заринский, 1877; Древняя Казань..., 1996, с. 239). В древности данные вещества практически не использовались в обороне городов из-за их дороговизны, сложности добычи и недостаточного количества. Для этого обычно применялся кипяток и раскаленный песок, как наиболее распространенные элементы. Лишь в литературе Новейшего времени и кинофильмах они добавляются для «красочности».

Здесь необходимо добавить – вообще достижение атакующими отрядами непосредственно крепостных сооружений было очень сложным и трудным делом, а непосредственный их штурм и эскалада начинались только после разрушения стенки-прикрытия боевой площадки и получения возможности обстрела находящихся на ней обороняющихся. Это, например, мы и видим в описаниях Никоновской летописи и в «Истории о Казанском царстве», когда из пушек «...Арьские ворота до основания збиша, и обломки³⁵ збили, и множество люди побиваху...», а из-за обстрела защитники Казани не могли находиться на стенах «...но сбегали с городских стен и прятались за ними...дожидаясь большого штурма города», а затем «когда подступали к городу все русские воины...тогда они все вскакивали на стены, и били с них из своих пушек и из пищалей, и стреляли из луков, и бросали в них заостренные колья и камни, и выливали

из котлов кипящую смолу и воду...» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 132–133; Древняя Казань..., 1996, с. 41, 105).

Нам неизвестно откуда автор «Истории о Казанском царстве» почерпнул сведения о «кипящей смоле». Возможно, что он не был непосредственным очевидцем этих событий или это сочинение написано позже них и несколько приукрашено в деталях. Наиболее достоверным источником в этом плане, являются сообщения князя А.М. Курбского, который был участником событий. Однако у него упоминается только «кипящий вар» и ничего о смоле или чего-либо подобном не говорится (Древняя Казань..., 1996, с. 130). Кстати, и само его сочинение было написано гораздо позже осады и взятия Казани. Интерпретировать же данный термин можно по-разному.

При рассмотрении темы фортификации Казани немаловажным являются и вопросы ее исторической топографии. Эта проблема рассматривается в литературе уже довольно длительное время, начиная еще с XVIII в. Однако, большей частью, разного рода предположения основывались на отрывочных данных письменных источников, соответственно существовал и значительный разброс мнений. Мы не будем вдаваться в подробности этих дискуссий, т.к. это тема отдельного исследования. Отметим лишь разработки последнего времени, которые, по нашему мнению, являются наиболее полными. Они основываются, в том числе, и на данных археологии, что очень важно.

Наиболее достоверные сведения по топографии ханской Казани принадлежат А.Х. Халикову и А.Г. Ситдикову (рис. 233). По их мнению, линия укреплений города, включая и проездные башни, шла от Муралеевой (совр. Тайницкой) башни к Елбугиным (совр. Воскресенским) воротам, затем поворачивала на юг к Збойливым (совр. Дмитриевским) и далее к Арским воротам. Между последними также находились Кабацкие и Крымские ворота. Затем повернув от Арских ворот, крепостная стена шла к западу вверх по склону кремлевского холма, где в его верхней части располагались Царевы ворота. Далее она уходила вниз до Ногайских ворот и в этом месте поворачивала в северном направлении параллельно протоке Булак до Кураишевых и затем Аталыковых ворот. От последних стена поднималась вверх к Тюменским (совр. Преображенским)

³⁵ Облам – древнерусское название нависающего выступа сруба в верхней части деревянной крепостной стены с продольным узким отверстием для ближнего боя.

и потом шла к Муралеевым (Нур–Али) воротам по краю мыса. В южной части от Збойливых до Тюменских ворот крепостная стена ограждала городской посад, а отрезок от Тюменских до Збойливых (с запада на восток) – кремль города (История Казани, 1988, с. 26–34; Ситдииков, 2002, с. 163–168).

Таким образом, здесь нужно отметить, что укрепленная часть города как в предшествующие домонгольское и золотоордынское время оставалась подчиненной рельефу местности, т.е. использовала естественную фортификацию для обороны. В эпоху Казанского ханства она лишь существенно увеличилась в южную сторону, преимущественно вдоль кремлевского мыса. Такова на сегодняшний день топографическая картина Казани первой половины XVI в., которая, конечно, не включает в себя неукрепленные слободы–пригороды, а определение их местоположения не входит в тему нашей работы.

Казань была одним из главных не только административно-хозяйственных центров, но и важнейшим военно-стратегическим пунктом Казанского ханства во второй половине XV – первой половине XVI вв. Ее фортификационные сооружения стояли в одном ряду наиболее укрепленных центров Восточной Европы, чем всегда привлекали внимание и удивляли современников. Исследования Казани средневекового времени на протяжении целого ряда лет позволили определить неоднозначность данного памятника, как в процессе его развития, так и во внешнем облике. В эпоху Казанского ханства город и его оборонительные сооружения стали своеобразным венцом крепостного строительства того периода времени. Не случайно в упоминаемом нами ранее письменном источнике XVI в., «Истории о Казанском царстве», написано: «И от сего Казанцы не малу себе притяжаша крепость, не бояхуся никого же, аще и вси царства околная совокупльшася восстанут и подвигнутся на них, крепок бо бе град их» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 119–120; Худяков, 1923, с. 263–264).

Камаевское городище

Памятник находится на правом берегу старицы р. Казанки, на высоком подтреугольном мысу коренной террасы, возвышающемся на 50 м над уровнем поймы (рис. 234). С западной стороны памятник огражден оврагом, с восточной краем террасы, а с северной напольной поселение за-

щищено двумя валами и рвом между ними. Современная высота внутреннего вала – 2,5–3 м, ширина – 10–14 м; высота внешнего вала достигает 1–1,5 м, а ширина 6 м. Ров между ними имеет ширину 12–14 м и глубину около 3 м. Занимаемая памятником площадь равняется 6,12 га. Городище датируется второй половиной–концом XIV – серединой XVI вв. (1552 г.).

В 1957 г. археологической экспедицией под руководством Н.Ф. Калинина был исследован дополнительный южный вал городища, который перегораживает мысовую стрелку. Его современная высота 1–1,5 м, ширина 8–10 м. В процессе работ выявлена сложная стратиграфическая картина оборонительной насыпи (рис. 235). Сверху везде шел слой дерна, под ним залежали чередующиеся слои и линзы из суглинка, извести и угля общей мощностью около 1 м, затем следовала кровля материка. (Калинин, 1957, рис. 4–В).

Во внешней южной отлогости вала, на глубине 180 см от нулевой отметки, исследователем было зафиксировано скопление известняковых камней. Они расположены на несколько покатом выступе оборонительной насыпи шириной около 1 м, представлявшей собой остатки бермы. По-видимому, здесь мы имеем дело с остатками каменного панциря препятствовавшего оползанию вала. Также Н.Ф. Калининым были зафиксированы и два ряда параллельных деревянных столбов диаметром 15–20 см, установленных вдоль отлогости эскарпа. Во время исследований какие-либо конструкции в самом валу выявлены не были. Видимо, их следами являются скопления углей в центральной части насыпи на глубине около 60 см (Калинин, 1957, рис. 4–В).

После долгого перерыва в изучении укреплений, нами был исследован внешний вал основной линии обороны в северо-восточной части памятника. Произведенная глубокая зачистка в месте, где насыпь перерезала поздняя яма, выявила довольно простую стратиграфию (рис. 236). Сверху везде шел слой дерна толщиной около 10 см. Затем следовал слой мергеля – около 15 см. Он, в свою очередь, подстилался по вершине и фасу вала слоем темно-коричневого суглинка толщиной 5–15 см. Непосредственно под ним залежали еще три мергелистых слоя, составлявших непосредственно насыпь вала, имевшую общую мощность до 60 см. Далее

следовал слой материковой глины, при глубине залегания от нулевой точки оборонительной насыпи – 70 см. Слой погребенной почвы выявить не удалось, ввиду его возможной срезки перед возведением вала.

На глубине 20–25 см во внешней части оборонительной насыпи под слоем темно-коричневого суглинка, была выявлена яма шириной около 1 м и глубиной около 30 см, утрамбованная мергелем. В ней хорошо прослеживались следы от деревянного сооружения, в виде вертикально стоящего столба диаметром около 25 см. Можно предположить, таким образом, что оборонительные конструкции внешнего вала имели облик тына, а слой темно-коричневого суглинка являлся следами обмазки фаса вала и его поверхности. Исходя из характера стратиграфии и отсутствию находок, эта насыпь вряд ли была построена ранее XV в.

В последующем, основная линия обороны городища исследовалась А.А. Бурхановым и И.Л. Измайловым раскопом, прорезавшим всю ширину укреплений и часть площадки поселения. Раскопки позволили установить, что укрепления памятника были возведены в начальный период его освоения. Они выявили деревянные конструкции, служившие для укрепления оборонительной насыпи. Они состояли из горизонтальных бревен, уложенных друг на друга и шедших вдоль внешнего склона вала, а также вертикально установленных столбов с внутренней стороны, что создавало крепиду насыпи. Пространство между ними было забутовано материковой глиной, камнем и щебнем, а сверху, по мнению исследователей, располагалась боевая площадка с парапетом. Таким образом, общая ширина крепостной стены достигала 3 м. В ходе исследований было определено, что основная линия обороны возводилась дважды. Во второй раз после значительного ее разрушения. В это время внутрисканное пространство было также забутовано камнями и щебнем. Сам ров имел небольшие уступы. Его эскарп был создан более крутым чем контр-эскарп, а склоны специально покрыты слоем плотно утрамбованной глины. Его первоначальная глубина достигала 4,3–4,8 м (Бурханов, 1997/98, с. 141; Бурханов, Измайлов, 1999, с. 135–136).

На основе найденного материала, исследователи подтвердили время основания Камаевского городища концом XIV – нача-

лом XV вв. и отнесли его к категории форпостов Казанского ханства. По их мнению, оборонительные сооружения памятника были разрушены в результате военной катастрофы, о чем могут свидетельствовать остатки сожженных надвальных конструкций, прослойки прокала и рассыпанная забутовка межстенного пространства (Бурханов, Измайлов, 1999, с. 137–138). Думается, что считать эту дерево-земляную конструкцию остатками собственно крепостной стены заполненной грунтом не совсем правильно, т.к. становится мало понятен ее облик. Это сооружение не могло иметь вид тарас, т.к. данный термин подразумевает другое по типу сооружение, которое, к тому же, должно было иметь значительную высоту в случае отсутствия оборонительной насыпи как основы. Нам представляется, что здесь мы имеем дело с остатками вала и его внутренним крепежом. В наземной же части могла стоять стена срубного типа, на возможное существование которой указывает и значительная по мощности насыпь, а также упоминание в русской летописи: «...острог бе их рублен городнями и землю насыпан» (Древняя Казань..., 1998, с. 41) (рис. 237, реконструкция).

Камаевское городище просуществовало длительный период времени, с эпохи поздней Золотой Орды вплоть до Казанского ханства включительно, т.е. не менее 150 лет. Поэтому несомненно, что его крепостные сооружения должны были ремонтироваться и при необходимости перестраиваться. На данный момент сложно представить их эволюцию, если таковая вообще имела место. Так, например, система въезда на памятник, рассмотренная ранее, оставалась без изменений за исключением неоднократных ее ремонтов. Не исключена и неизменность этого типа оборонительных конструкций на протяжении всего времени существования памятника, как наиболее оптимального для выполнения конкретных задач, которым служило данное укрепленное поселение.

Утернясьское городище

Находится в правобережье р. Мал. Меша, на высоком подтреугольном мысу, образованном речкой Кала-Тау-Елгасы и оврагом. С напольной стороны поселение ограждено двумя валами и рвом между ними. Занимаемая площадь – 1 га. Памятник датируется XIV–XVI вв. (Казаков, Старостин, Халиков, 1987, № 447).

Материалы исследований укреплений городища А.А. Бурханова, свидетельствуют, что его система обороны создавалась в два этапа. В основании валы были сооружены из камней, уложенных рядами. Сверху они утрамбовывались землей, а выше шел еще один ряд камней. В верхней части внутренней насыпи были также выявлены остатки деревянной стены в виде канавки, заполненной сгоревшим деревом (Бурханов, 2002, с. 254–255).

Технологические приемы возведения валов городища довольно интересны и отличаются от многих других памятников фортификации. Известен целый ряд укрепленных поселений, в чьих оборонительных насыпях для большего укрепления использовались камни. Для этого, в основном, применялся наиболее распространенный на территории Среднего Поволжья известняк. В этом же случае, исследователю удалось выявить и проследить их конструктивную особенность, характеризующуюся послойным созданием данных дерево-земляных конструкций с применением камней. Каким же был облик крепостных стен городища – выяснить не удалось. Причиной тому, несомненно, является значительный оплыв линий обороны. Не смотря на это, выявленные остатки конструкций, возможно, могут свидетельствовать о существовании здесь в древности стены, в чью конструкцию входили горизонтально уложенные бревна. Не исключено, что они имели вид столбовой конструкции или, учитывая применение камней в насыпи вала, более мощной стены по типу городской.

Чаллы́нское городище (город Чаллы)

Укрепленное поселение расположено в левобережье р. Шумбут, правого притока р. Камы на высоком коренном мысу, возвышающемся над поймой на высоту около 25 м и занимает, таким образом, господствующее положение над всей округой (рис. 158). В эпоху Казанского ханства с напольной стороны городище ограждалось тремя валами и двумя рвами между ними. Занимаемая площадь – 1,2 га. Как отмечалось нами ранее, памятник возник в XII в. и существовал до середины XVI столетия.

В эпоху Казанского ханства укрепления города перестраиваются. Третий вал становится более мощным и представляет собой наиболее значительную насыпь, возведенную с внешней стороны домонгольского со-

оружия. В результате этого он достигает ширины в основании 11,5 м и высоты 1,8 м (рис. 161). Здесь необходимо учесть, что насыпь за длительное время оплыла, поэтому ее первоначальная высота была более значительной. Одновременно был выкопан и третий ров, грунт из которого, по-видимому, использовали и для возведения четвертого вала.

Таким образом, третий строительный период представлен мощной подушкой толщиной до 50 см. Она была сложена из красно-коричневого суглинка, взятого из рва и перекрывавшего ранний культурный слой отмеченный нами ранее. Она послужила основой для насыпи из мергеля шириной до 6 м и мощностью до 90 см. Для предохранения вала от оползания, его вершина и внешняя отлогость были покрыты слоем коричневого суглинка до 30 см толщиной. Непосредственно под слоем дерна вдоль фаса оборонительной насыпи прослеживается также слой темно-серого сильно гумусированного суглинка мощностью до 20 см и шириной около 2 м. По-видимому, он являлся остатками разрушенных деревянных конструкций шедших по вершине вала. Это подтвердила и зачистка поверхности насыпи после вскрытия дерна. Она выявила желобки около 20 см шириной, также заполненные темно-серым сильно гумусированным суглинком. Не исключено, что это следы каких-то срубных конструкций, шедших по вершине и заглублявшихся через определенное расстояние при помощи перевязок-клетей.

Внешний четвертый вал был возведен параллельно предыдущему. Судя по нашим наблюдениям в месте его разрушения, он сильно оплыл и сохранился довольно плохо. Его высота в наиболее сохранившемся месте около 1–1,5 м, ширина – около 8 м. Его тулово состояло из чередующихся слоев суглинка и мергеля. Ниже их залегала тонкая прослойка мергеля, а затем следовала кровля материкового суглинка. Судя по стратиграфии, оборонительная насыпь возводилась, начиная с внутренней стороны. Внутри вала была выявлена, в свою очередь, и его крепида в виде известняковых камней. Судя по разрушенной части оборонительной насыпи, она шла вдоль нее и являлась как бы ядром. Внутри вала были прослежены следы от возможной стены в виде столбовой ямки, диаметром около 20 см.

Исходя из наших стратиграфических наблюдений и незначительной мощности этой насыпи, она относится к дополнительным крепостным сооружениям, возведенным уже в последний период существования городища. По-видимому, ее строительство было одновременным или несколько более поздним по отношению к предыдущему валу третьего строительного периода.

Чаллыньское городище, основанное булгарами еще в домонгольский период истории Волжской Булгарии, просуществовало довольно длительный промежуток времени. За это время его линии обороны претерпели целый ряд изменений. Каждый тип укрепления, соответствовавший строительным периодам, отвечал уровню развития фортификации, социальному статусу, предназначению поселения и политической обстановке. Поэтому в эпоху Казанского ханства оборонительная мощь городища увеличивается. Крепостные сооружения охватывают несколько большую территорию, а также изменяется сама система обороны (рис. 162).

В это время основная крепостная стена занимает центральное положение по отношению к двум другим линиям валов, которые несут функции дополнительных укреплений с ее внешней и внутренней сторон. Это, по-видимому, соответствовало взглядам на оборону того времени. Причем нужно отметить – довольно передовым взглядам, касающимся дерево-земляных конструкций. Таким образом, Чаллыньское городище прошло в своем развитии от небольшого городка до одного из наиболее значимых политико-административных городских центров на территории Казанского ханства вплоть до захвата его русскими войсками в 1556 г.

Арсское городище (город Арск)

Расположено на подтреугольном мысу коренной террасы правого берега р. Казанки высотой около 20 м (рис. 238). С юго-западной и юго-восточной сторон поселение ограничено крутыми склонами, а с северной напольной стороны ограждалось валом и рвом. Высота вала достигала 4 м, ширина – до 16 м. Глубина рва – до 2 м, ширина около 10 м. Площадь занимаемая памятником – 2,4 га (Казаков, Старостин, Халиков, 1987, № 171; Шутова, 2010, с. 16). Городище датируется XIII – серединой XVI вв.

В ходе проведения археологических исследований было определено, что насыпь вала является однослойной и возведена из

материкового суглинка, взятого из рва³⁶. Остатков каких-либо деревянных конструкций выявлено не было. Одним из предметов, датирующих строительство и функционирование вала, может являться железный килевидный наконечник стрелы, линзовидный в сечении, характерный для XV–XVI вв., который был найден в верхнем слое разрушения оборонительной насыпи.

Во время более ранних исследований здесь также фиксировалась подсыпка из известняковых камней, которая подстилалась углистой прослойкой (Шутова, 2010, с. 17). По-видимому, она являлась следами от укрепления поверхности насыпи вала или его тупа.

Археологических свидетельств указывающих на первоначальный облик оборонительных дерево-земляных построек памятника, к сожалению, у нас нет и вряд ли они когда-нибудь появятся, ввиду значительного разрушения территории поселения в наше время. Все же, основываясь на сведениях летописания, мы имеем некоторое представление о крепостных сооружениях Арского городища. Их облик в «Истории о Казанском царстве» предстает перед нами как «... острог стары, Арск зовом, зделан аки град тверд, и з башнями, и з бойницы ...».

Из этого же источника можно почерпнуть косвенные сведения и о применении естественной фортификации для обороны прилегающей к городу местности и непосредственных подходов к нему. Поселение находилось «... в местех зело крепких и в непроходных, в дебрех и блатях, едином путем к нему притти и отоити» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 126–127). По этому сообщению мы можем констатировать факт всемерного использования природных защитных свойств территории, на которой располагалось Арское городище. Нам сейчас неизвестно проводились ли для этого какие-либо еще дополнительные оборонительные мероприятия, однако учитывая уже известное с древности применение засек, можно предположить их наличие в данном случае.

Еще одна косвенная информация, отражающая значительность оборонительных возможностей Арска, содержится в сообщениях Воскресенской и Типографской летописей. В них, касаясь событий 1496(1497) г.,

³⁶ Автор благодарит И.Л. Измайлова за предоставленные сведения по раскопкам памятника.

имеются сведения о приходе ногайцев под Арский городок, во время которого «Арский же князи града не здаша, но бишася съ ними крепко...» (Воскресенская летопись, 1998, с. 307; Типографская летопись, 2001, с. 308). По-видимому, здесь говорится о неудавшейся осаде города, которую выдержали его стены, что позволяет нам говорить об их существенных защитных свойствах.

Принимая во внимание имеющиеся, пусть и небольшие, сведения, мы можем предположить, что Арское городище с напольной стороны ограждалось деревянной стеной, устроенной в виде тыновой ограды установленной на высоком валу. Оборона города была также усилена крепостными баш-

нями, имевшими обламы для ближнего боя, т.е. род машикулей.

Невзирая на то, что мы имеем очень ограниченное количество городищ Казанского ханства, как исследованных, так и вообще в численном соотношении с более ранними, у нас есть широкий спектр типов и знаний, касающихся технологии их возведения. На сегодняшний день известно применение в строительстве тарас для обороны Казани, городней – на Камаевском и Чаллыньском городищах, столбовых конструкций или городней на Утернясьском, а также, возможном наличии тыновой ограды на Тавлыньском и Арском городищах.

§ 2

Дополнительная оборона и сравнительный анализ

В комплекс оборонительных действий в эпоху Казанского ханства входили не только меры по укреплению отдельных городов. Как отмечалось ранее, к общему числу мероприятий такого рода относилась и охрана приграничных районов государства для защиты от неоднократных военных операций противника, предпринимавшихся с целью разорения подвластных Казани территорий и попытке подрыва ее экономики.

Здесь можно отметить походы на марийские земли, в ходе которых русские отряды «...много зла учиниша земли той, людей исекоша, а иных в плен поведоша...а что было живота ихъ то все взяша; и повоеваша всю землю ту, досталь пожгоша...» (Воскресенская летопись, 1998, с. 206). Поэтому для охраны и возможного предупреждения подобных вторжений входило и устройство специальных застав, призванных контролировать сухопутные и водные пути. В частности, нам известно о таком пункте, располагавшемся «...на Звеничь бору, за 40 верст до Казани», отмеченном в летописи под 1468 г. в связи с неожиданным нападением, предпринятым нижегородским отрядом во главе с Федором Ряполовским Хрипуном (Типографская летопись, 2001, с. 240). Также о заставе казанцев, находившейся «в двух примерно милях от города (Казани – А.Г.)» упоминает и А.М. Курбский, где они «...соорудили было стены на горе между большими болотами...» (Древняя Казань..., 1996, с. 127).

К категории «застав» можно отнести

также и пункты охраны наиболее узких речных участков, бродов через реки и мест переправ через них. При этом мы исходим из того, что наверняка они должны были иметь хотя бы минимальные укрепления или укрытия. Еще как минимум со времен походов ушкуйников по водным путям совершались грабительские набеги. В эпоху же Казанского ханства из плохо организованных налетов они переросли в более спланированные и хорошо устроенные нападения. К ним прибавились и периодические походы русских судовых ратей. К таковым относятся, например, продвижение отрядов в 1468 г. «...изъ Вятки по Каме на низь...и до Тамлуги, и гостей побили многихъ, а товару у нихъ поимали много; ходили до перевоза Татарского...», а в 1469 г. уже на р. Волге «...поидоша въ уское место въ бльших судехъ, и ту приидоша на них Татары на конех и начаша стреляти», а также другой эпизод, когда «...конници же Татарии начаша стреляти, и они отступиша отъ них къ своему берегу...» (Воскресенская летопись, 1998, с. 207, 210–211). Здесь, помимо прочего, упомянута и одна из переправ на р. Каме, которая, по-видимому, соотносится с упомянутым ранее Чаллыньским перевозом. Место последнего как раз и контролировало одноименное городище.

В другом сообщении под 1468 г. отмечено, что царевич Касим с русскими воеводами «...пришедши на оустъ Свяги, к Волзе, противу Казани, Татарове же Казанстии сретоша и и не даша перелестися за Волгоу», в результате чего «Царевичъ же и воеводы

возвратишася, не оуспев ничтоже...и назад идоучи, мнози наши кониноу ели, бысть бо гладь великъ...». В следующем году столкновение произошло уже в другом месте: «Татарове поидоша противу Оустюжан и сретошася на Волзе, оусть Камы. И бысть бой силен и сеча зла, множество же оть обоих ту оубьено бысть...» и здесь же на р. Волге в 1471 г. «Татарове же Казанстии переняша ихъ (вятчан – А.Г.) на Волзе...» (Типографская летопись, 2001, с. 239, 240, 245).

Походы русских судовых ратей на Казань происходили и в дальнейшем. Так нам известно, что в 1506 г. «...многие князи и дети боярские побieni быша, а ходиша х Казани и назад в судех» (Типографская летопись, 2001, с. 275). Одна из наиболее примечательных кампаний, имеющих отношение к нашей теме и упомянутая нами ранее, произошла в 1524 г., когда «...побиша великого князя воеводы конная рать Татаръ на Свяязе многих, месяца июня 24, да и подь Казанию ихъ же побили...». С этими событиями связано и описание разгрома «казанской черемисой» отряда князя И. Палецкого, двигавшегося на судах к Казани. Во время него р. Волга в узких местах была перерожена камнями и большими деревьями, что создавало своего рода рукотворные пороги, о которые разбивались речные суда, налетая друг на друга (рис. 239). В ходе этого на них также сбрасывались бревна с высоких берегов, от которых невозможно было уклониться (Типографская летопись, 2001, с. 283; ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 248).

В данном случае мы можем видеть не просто факт хорошо подготовленной серьезной засады, но и использование для этого военно-инженерной науки, выраженной в создании искусственных препятствий для прохода и уничтожения речных судов, а также своего рода «албанского камнемета». Здесь, несомненно, видна хорошо отлаженная работа местных инженеров-фортификаторов, что свидетельствует о достаточно высоком уровне знаний в данной области военного искусства среди казанцев.

Необходимо упомянуть и «периферийные» укрепленные поселения, принадлежавшие так называемым «черемисам» и датированным XV – первой половиной XVI вв. Их также можно причислить к общей фортификационной картине Казанского государства, т.к. они находились на его территории и чье население, несомненно, под-

вергалось его влиянию. Если не принимать во внимание оборонительные сооружения Мало-Сундырского (Важнангерского) городища, прекратившего свое функционирование еще до возникновения Казанского ханства, то остальные древнемарийские городища имели относительно более «легкие» укрепления.

Как отмечалось выше, в «Истории о Казанском царстве» упоминаются лесные остроги, «черемисские укрепления», дается их количество: «тридцать острогов, больших и малых, в которые убегала черемиса во время боя и, отсиживаясь там, спасалась...». Нам сейчас трудно судить, что подразумевалось автором (авторами?) под этим термином. Не исключено, что такое довольно общее определение для оборонительных сооружений содержало в себе общее определение конкретных типов крепостных оград. Можно лишь предположить соответствие их тыновым и столбовым конструкциям стен, возможно даже двухрядным с внутренней забутовкой грунтом. На данный вопрос могут ответить археологические исследования. Однако, каркасно-столбовой тип постройки, например, был выявлен на упоминавшемся Мало-Сундырском городище.

Кроме этого, в источнике имеются краткие сведения и по военным действиям, предпринятым местным населением против русских войск, в ходе которых проводилась тактика неожиданных нападений, а затем отступлений «...в лесные чащи и горные ущелья и, прячась в тех недоступных местах, спасались», а завоеватели были «...из-за этого в печали, ибо очень трудно было добраться до них», продвижение же в те места давалось «...с большим трудом три дня по плохим дорогам до мест, где обитала черемиса» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 126–127; Древняя Казань..., 1996, с. 102). Таким образом, можно констатировать факт умелого использования для обороны древними марийцами защитных особенностей территории и рельефа местности, т.е. естественной фортификации. Не исключено также и применение ими засек, что вполне могло иметь место в виду природной специфики этой части Поволжья, которая заключалась в значительном преобладании здесь огромных лесных массивов – своеобразной тайги. Думается же, что перекрыть немногочисленные дороги при помощи завалов из деревьев в то время не составляло особого труда. Воз-

можно, это также являлось одной из причин трудностей при продвижении и проведении военных действий в этом районе.

Как отмечалось нами ранее, принципы строительства дерево-земляных оборонительных сооружений везде в эпоху средневековья были довольно одинаковыми, т.к. сам характер используемого материала и его свойства заставляли придерживаться определенных правил при возведении крепостных построек. Для сравнения можно привести фортификацию Сибирского ханства, являвшейся в основном синхронной «казанской».

По своей типологии, по отношению к окружающему рельефу местности, городища этого государства были разделены В.И. Соболевым на три типа: мысовые, возведенные на мысу, образованном естественными берегами рек и оврагов; равнинные, возведенные на равнинной местности или гривах, но не имеющие доминирующего положения над окружающей местностью и островные, сосредоточенные на островах. Первые в количественном соотношении доминируют – 82,5 %, вторых значительно меньше – 12,5 %, а число последних составляет лишь 5 % (Соболев, 2008, с. 64). Следует отметить – памятников подчиненных рельефу подавляющее большинство. Это первый и третий типы.

Принимая во внимание, что количество поселений, имевших оборонительные сооружения в Сибирском ханстве, было больше, все же примерно такая же тенденция прослеживается и для городищ Казанского ханства, с той лишь разницей, что здесь полностью отсутствовали укрепленные поселения неподчиненные рельефу (равнинные по В.И. Соболеву). Как отмечалось нами ранее, только Чаллыинское городище относится к частично подчиненным, т.е. ко II типу по типологии П.А. Раппопорта (Раппопорт, 1961, с. 215–220).

Количество линий обороны на поселениях Сибирского ханства также варьировало. Они состояли, в основном, из одного–трех рядов, причем в последнем случае валы и рвы устраивались в три пояса с расстоянием в несколько десятков метров между ними, например у городищ Кучум–Гора и Чудская Гора (Соболев, 2008, рис. 5, 9, с. 234–235). У «казанских» городищ такой прием отсутствовал, т.к. к этому времени произошел уже полный отказ от него. Разве что исключение

составляла Казань, однако это был большой по тем временам город, имевший также укрепленный и не укрепленный посад (Ситдииков, 2002, с. 167–172, 204). Поэтому вряд ли его можно приводить для сравнения.

Кроме основных оборонительных сооружений на городищах Сибири зафиксированы и дополнительные укрепления, представлявшие собой небольшие бастионообразные постройки. Например, они прослеживаются в местах въездов на памятники или спусков к воде. Подобное устройство в виде вала, несшего функции барбакана было выявлено на Тунусском городке у подошвы останца в месте въезда на поселение (Татауров, 2007, с. 225; Матвеев, Татауров, 2012, с. 142) В тоже время, такие выступы были зафиксированы и в системе основных оборонительных линий, например на городище Безымянное–1 (Соболев, 2008, рис. 7). По-видимому, они исполняли функции крепостных башен, или более поздних ронделей, по продольной защите стен. Этот тип укреплений представляется нам несколько «архаичным», т.к. применялся он только в раннесредневековой фортификации и Волжской Булгарии, а для эпохи Казанского ханства такие примеры нам неизвестны.

В дополнение к вопросу устройства въездов на городища и их защиты, нужно отметить интересную конструкцию воротных проемов на укрепленном поселении Большой Чуланкуль-1, расположенном в бассейне р. Омь и датированном также временем существования Сибирского ханства (Соболев, 2008, с. 63–64). Здесь у небольшого подквадратного в плане памятника в юго-западной и северо-восточной частях имеются проезды типа *agricolan*, когда оба конца вала, подходя друг к другу, повернуты в противоположную сторону. Этот прием довольно ранний и еще восходит минимум к античным временам (Буйских, 1991, с. 97). Однако, в эпоху средневековья он практически перестает применяться, в том числе и в фортификации Казанского ханства. Для чего он был здесь устроен – не совсем понятно, т.к. сама очень незначительная площадь городища Большой Чуланкуль-1, расположенного на равнинной местности, делала его очень уязвимым для нападения армии противника. Поэтому не исключено, что это укрепленное поселение можно отнести к социальному типу феодальных усадеб-замков, чья оборона должна была соответствовать только защите от со-

седей.

Что касается наземных стен, то, зачастую, они строились в виде частокола или тыновой ограды. В тоже время, по-видимому, у некоторых более крупных и важных административных центров Сибирского ханства оборонительные конструкции могли создаваться и в виде городской (тарас?) (Муратова, Тычинских, 2017, с. 121–126). Однако на Кучумовом городище, являющемся остатками города Искер, скорее всего крепостные стены представляли собой тыновую ограду, в линию которой входили и четырехгранные башни. По мнению исследователей, это был деревянный палисад, установленный вдоль ската рва. Об этом, предположительно, можно также судить и по изображению укрепленного города на рисунке Сибирской (Кунгурской) летописи С.У. Ремезова (Овчинникова, 2014, с. 188, рис. 13).

Нам представляется, что такой тип деревянных оборонительных конструкций для этого памятника был достаточен, не смотря на его административную значимость, т.к. это городище, в первую очередь, являлось хорошо укрепленным самой природой. В результате для его обороны строители всемерно использовали труднодоступность местности. Кроме того, не исключено, что данное укрепленное поселение использовалось только в качестве официальной ставки правителя и представляло собой больше замок, чем город.

На укрепленных поселениях Сибири для фланкирования³⁷ подступов к стенам использовались также и крепостные башни (Матвеев, Татауров, 2012, с. 141). Исходя из всего комплекса имеющихся данных, можно провести некоторые параллели с наукой об укреплениях, развивавшейся на территории Среднего Поволжья в XV – первой половине

XVI вв., где также возводились похожие оборонительные сооружения.

В эпоху Казанского ханства был достигнут своеобразный венец военного зодчества, развивавшегося на территории Среднего Поволжья на протяжении нескольких веков. В XVI в. также состоялся и финал в его развитии, выраженный в прекращении местной военно-инженерной традиции строительства оборонительных сооружений и возможном ее переносе на территорию Западной Сибири, о чем могут свидетельствовать памятники фортификации Сибирского ханства (Матвеев, Татауров, 2012, с. 142). Касаясь последнего предположения – действительно является сомнительным, что основное количество крепостей, и вообще оборонительных сооружений, здесь строили выходцы из Средней Азии, т.к. принципы строительства и, особенно, материал для возведения фортификационных построек существенно различались. Сюда же можно отнести и навыки использования для обороны сходных топографических условий, которые довольно существенно отличаются от среднеазиатских. Однако полностью отрицать этого мы бы не стали. Не исключено также и то, что казанские инженеры, в силу своей специфичной и редкой профессии, могли пополнить число «градодельцев» других окружающих стран. Причиной всему этому явилось присоединение всего региона Среднего Поволжья после периодических военных конфликтов к Русскому государству. Таким образом, суммируя все вышесказанное в главе, мы можем говорить о том, что эпоха Казанского ханства характеризуется концентрацией, воплощением и дальнейшим развитием всех достижений в военном зодчестве, накопленных с предыдущих исторических периодов.

³⁷ Фланкирование – продольная оборона крепостных сооружений.

ГЛАВА VI

ВОЕННО–ИНЖЕНЕРНЫЙ И ИСТОРИКО–КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Исторический период с X по середину XVI вв. представлял собой довольно сложную картину. Он соотносится с государствами, занимавшими в то время территорию Среднего Поволжья – Волжской Булгари-

ей, Болгарским улусом Золотой Орды и Казанским ханством. С их военно-политической жизнью непосредственно было связано и развитие военно-оборонительного зодчества.

§ 1

Общие тенденции развития фортификации

Основываясь на имеющихся данных, мы можем констатировать использование, пожалуй, всех известных типов оборонительных конструкций, существовавших в средние века: частокол, тын, столбовую конструкцию, городни, тарасы, каменные стены, крепостные башни. Все они были характерны для рассматриваемого периода времени, длившегося несколько веков.

Используя материалы археологических исследований можно хорошо проследить эволюцию крепостных сооружений. В основном, они возводились из дерева и грунта, начиная от рва, с расположенным за ним частоколом, до заполненных землей тарас (рис. 240–241). Таким образом, прослеживается поступательное развитие от простого к сложному. Однако, необходимо отметить, что довольно простая конструкция стен, тыновая ограда с боевой площадкой с внутренней стороны, существовала на протяжении всего исторического периода, включая и Казанское ханство (рис. 242). Здесь присутствует определенная универсальность данного типа укреплений, которая уходит своими корнями в глубокую древность.

Сложно проследить какую-либо специфику типов фортификационных сооружений применительно к каждому отдельно взятому региону Волжской Булгарии. Возможно ее и не было. Можно лишь констатировать наибольшее распространение на ее территории оборонительных конструкций построенных в виде городней (рис. 243). Это замечание, однако, относится к развитому средневековью, а точнее к XII–XIV вв. Такой же вывод можно сделать и применительно к эпохе Казанского ханства. Сам же вопрос о повсеместном при-

менении и количестве крепостных башен на памятниках требует отдельного рассмотрения. Например, для домонгольского времени их численность в оборонительных системах городищ, скорее всего, была незначительной. Это можно утверждать не только вследствие очень редкой фиксации их остатков во время археологических раскопок. Нужно принимать во внимание и целесообразность возведения в том или ином месте данных элементов военного зодчества, а также высокую стоимость строительства по сравнению с крепостными стенами. Возможно также, что их наличие изначально и не было обязательным, т.к. само укрепленное поселение, тем более небольшое по занимаемой площади, могло представлять собой одну большую «крепостную башню». В другом случае, вряд ли можно сомневаться, что, пожалуй, только воротные проезды должны были иметь максимальную защиту, которая включала и проездные башни. Возможен, также, и вариант имевшихся в то время государственных ограничений и контроля над постройкой таких объектов фортификации, за исключением столичных центров. Некоторые параллели этому можно видеть на территории Западной Европы того же временного периода. Например, в Нормандии и Англии XI в. специальные королевские эдикты запрещали возводить фланкирующие башни и зубчатые парапеты стен при строительстве замков, что продолжалось до XIII в. (Томпсон, 2011, с. 141). Даже сама постройка укрепленных поселений и оград монастырей находилась под контролем королевской власти, для чего требовалось специальное разрешение даже в XIV в. (Томпсон, 2011, с. 148, 350). Како-

вы же были правила и законы, касающиеся возведения оборонительных сооружений на территории Волжской Булгарии и существовали ли они вообще – нам неизвестно. Не исключено все же, что какой-либо регламент в рамках государства мог иметь место.

Для предмонгольского времени и, возможно, золотоордынского периода могло быть более широкое применение фланкирующих крепостных башен. Не вызывает сомнений в этом вопросе, пожалуй, лишь эпоха Казанского ханства, для которой имеются различного рода свидетельства использования данных элементов фортификации. В то же время, часто неоправданными бывают графические реконструкции, появляющиеся время от времени в литературе, в том числе и научной, на которых изображены эти объекты обороны. Без каких-либо доказательств, в том числе и археологических, подобные построения являются излишне смелыми и голословными.

К немаловажным относятся и вопросы о форме бойниц в крепостных сооружениях, построенных из дерева. Если в этом плане для каменных построек все относительно ясно, т.к. мы имеем множество сохранившихся примеров в виде узких вертикальных или квадратных отверстий, то аналогий для деревянных конструкций практически не сохранилось, за исключением довольно поздних музеефицированных русских острогов Сибири (Крадин, 1988). Причем для последних часто характерны бойницы, приспособленные для огнестрельного оружия – небольшие или средние по размерам подквадратные отверстия, прорубленные в стенах. Формы этих проемов, возможно, зависели от конструкции стенок прикрытия боевого хода. Если они состояли из горизонтальных бревен, то и отверстия в них должны были быть аналогичными. В случае устройства парапетов (или стен) из вертикальных брусьев (толстых досок) – бойницы в них делались такими же. Об этом могут свидетельствовать реконструкции замка Шато-Гайар (конец XII в.) и города Каркассон во Франции (XIII–XIV вв.) (Виолле-ле-Дюк, 2007, с. 44, рис. 15, 19–20, 30, 58, 60).

Мы придерживаемся давней и наиболее распространенной точки зрения и склонны считать, что бойницы в деревянных крепостных сооружениях были горизонтальными (или вертикальными), но, в любом случае, устраивались в стыках бревен, наподобие

«волоковых окон» (Теляковский, 1839, с. 20). Это, несомненно, относится только к исследуемому хронологическому периоду, в основном относящемуся к доогнестрельному времени. Не исключено, конечно, что данные отверстия для ведения стрельбы из луков и арбалетов иногда могли быть и более широкими, и имели подквадратную форму, закрываясь специальными ставнями. Однако, в таком случае, прочность стенки прикрытия боевого хода должна была существенно нарушаться. Тем не менее, в эпоху Казанского ханства должны были произойти некоторые изменения в устройстве бойниц, т.к. данный период времени уже соотносится с более широким применением пороха для обороны крепостей. Соответственно кроме обычных отверстий для стрельбы из луков, должны были существовать и бойницы больших размеров для ведения боя из пищалей и пушек.

Относительно планиграфии городищ и соотношения оборонительных сооружений с бытовыми постройками также необходимо сказать несколько слов. Например, во время археологических исследований на территории первой столицы Болгарского царства Плиски Р. Рашевым зафиксировано, что плотно был застроен только центр территории поселения, тогда как пространство между ним и крепостной деревянной стеной почти было свободно или вообще пустовало (Рашев, 2007, с. 105). Такой принцип размещения гражданских и военных построек имел место и на укрепленных поселениях Волжской Булгарии, например на Коминтерновском II и Болгарском городищах. Этого правила придерживались и в городах многих других территорий вплоть до Дальнего Востока (Артемьева, 2014, с. 439–444). Здесь мы можем говорить об определенном законе, который, по-видимому, имел место и относился к строительству объектов различного назначения и их соотношения в пространстве. Несомненно, что жилые и ремесленные постройки, особенно деревянные, являлись во все времена пожароопасными. Поэтому, скорее всего, вообще запрещалось их сооружать вблизи от крепостных стен. В связи с этим, они специально строились в стороне от оборонительных сооружений или, наоборот, последние возводились на некотором расстоянии от гражданских объектов.

Еще одним из примеров этому может являться строительство деревянной крепостной стены в Москве, отраженное под 1493 г.

в Воскресенской летописи, когда «...церкви сносиша и дворы за Неглимною; и постави меру отъ стены до дворов сто сажень да девять» (Воскресенская летопись, 1998, т. 3, с. 299). Как видно, в данном случае даже есть указание на определенное необходимое расстояние. Впрочем, оно касалось, скорее всего, крупных городов, тогда как для небольших укрепленных поселений данное свободное пространство могло быть намного меньше. В результате подобные мероприятия вылились в создание специальных т.н. «Военных улиц» в период Нового времени, которые еще с древности служили также и местом для передвижения войск внутри крепостного периметра (Губайдуллин, 2006³, с. 49).

Особенно актуально это было во время обороны крупных населенных пунктов, например «Великого города» – Биляра, когда для защиты довольно протяженных линий крепостных стен требовался значительный по численности контингент войск. Одновременно же держать большие отряды воинов по всему периметру оборонительных сооружений вряд ли представлялось возможным, т.к. довольно сомнительно, что могло хватить на это людских ресурсов. Нужно тем более учитывать, что синхронно штурмовать противнику с разных направлений большой город практически невозможно – не хватит для этого ни людей, ни осадной техники, ни каких-либо других источников. Его лишь окружали со всех сторон и устраивали блокаду, а основную атаку производили только на определенных участках. Исторических примеров тому можно привести достаточное количество со времен Древнего мира и до эпохи средневековья (Записки Юлия Цезаря, 1999, с. 49; Флавий, 1999; Воскресенская летопись, 1998, т. 2, с. 190; Тизенгаузен, 1941, с. 22–23).

По-видимому, вдоль всех линий находились только группы наблюдателей. В случае же штурма того или иного участка (или участков) крепостных стен, в эти места по «военным улицам» и передвигались основные отряды защитников, которые и занимали оборону. По мере необходимости, затем, они также могли выдвинуться и в другие места.

Значительный интерес вызывает и вопрос об оборонительных мероприятиях и подготовке фортификационных сооружений для отражения монгольского нашествия на Волжскую Булгарию. Очевидно, что бул-

гары имели информацию о положении дел в Средней Азии, когда ее города в 1219–1220 гг. подверглись нападению и были захвачены войсками Чингис-хана (Петрушевский, 1970; Халиков, Халиуллин, 1988; Халиков, 1994, с. 21–22). В это время проводились значительные работы по усилению обороны различных городов и замков. Так, например, были усилены внешний и внутренний укрепленные пояса «Великого города» – Биляра (Хузин, Кавеев, 1985; Хузин, 1985; Хузин, 1995; Губайдуллин, Хузин, Шакиров, 2016).

Некоторым, возможно косвенным подтверждением подготовительных оборонительных мер, может служить различное соотношение валов и рвов на городищах домонгольского времени. Причем именно подавляющее большинство укрепленных поселений с такими схемами линий обороны датируются только этим периодом. Не исключено, что данный факт говорит о возможных перестройках и усилениях уже существовавших крепостных сооружений именно в первой трети XIII в. В первую очередь это касается линий обороны с количественным преобладанием рвов. Например, схемы один вал и два рва, два вала и три рва, три вала и четыре рва. Здесь внутренний ров, скорее всего, создавался не только в противопожарных целях, но и как источник дополнительного грунта для увеличения мощности основного вала.

Схема один вал и два рва зафиксирована у некоторых домонгольских городищ именно на территории южных районов Западного Закамья, а точнее Черемшанского Заволжья. Они с северо-восточной, восточной, юго-восточной и юго-западной сторон полукольцом прикрывали куст поселений с центром в «Великом городе»–Биляре. Это, например, Изгарское, Крещелтанское, Аксубаевское, Сосновское I, Татбурнаевское городища. Что же касается других болгарских укрепленных центров данной территории, то далеко не по всем из них имеются достаточные археологические сведения о проведенных на них дополнительных оборонительных мероприятиях. Однако думается, так или иначе, они должны были проводиться, пусть даже и частично.

К оборонительным мерам и, как следствие, фортификации, косвенно можно отнести и меры по обеспечению водой всех укрепленных поселений любого времен-

ного периода. Это соотношение городищ с водными источниками: ручьями, реками, озерами и возможными запрудами. Их ресурсы применялись как для поддержания жизнедеятельности населения, также и для нужд обороны – не только в качестве дополнительного препятствия во рвах, но и, в том числе, для пожаротушения на случай осады, а также в качестве оборонительного средства в виде кипятка. Сюда, несомненно, нужно отнести также и устройство колодцев, каких-либо цистерн и искусственных бассейнов, предназначенных для сбора воды на территории поселений, их количество, качество и др. На сегодняшний день нам известно относительно незначительное количество данных объектов. Почти все они выявлены на Билярском и Болгарском городищах (Шарифуллин, 1979, с. 102–113; Баранов, 2001, с. 322–330; Волков, 2018, с. 144–151). В связи с этим, рассмотрение любых водных источников применительно к оборонительным мероприятиям еще только предстоит и является интересной темой для будущего исследования.

Разделение различных показателей по периодам, включающим домонгольское и золотоордынское время, а также казанско-ханскую эпоху, и их сравнение также дает интересные результаты при сохранении основных тенденций. Для домонгольского и золотоордынского периодов анализ количественного соотношения типов укрепленных поселений (по расположению на местности) позволяет выявить некоторые различия. Например, в золотоордынское время возрастает удельный вес памятников подчиненных и неподчиненных рельефу местности – 68,6% и 25,7% соответственно, против 61,3% и 23,9% в домонгольское, а количество частично подчиненных рельефу местности резко сокращается до 5,7% против 12,3%, тогда как сложномысовые и сложные поселения вообще перестают существовать. В Казанском ханстве вообще из шести известных на сегодняшний день городищ, пять относятся к I типу и лишь одно ко II-му.

Меняется также и соотношение количества укрепленных. В золотоордынское время увеличивается число памятников со схемой оборонительных линий один вал и один ров (1/1) до 51,3% против 47,3% в домонгольское время; один вал и два рва (1/2) до 5,4% против 4,9%; два вала и один ров (2/1) до 13,5% против 5,6%; три вала и два рва (3/2)

до 5,4% против 4,1%. От более сложных многоярусных систем обороны вообще происходит полный отказ. В результате видна тенденция к относительному упрощению в способах защиты поселений на протяжении всего времени. Это, однако, вряд ли говорит об ее ослаблении. Несомненно, здесь сыграло свою роль изменение в тактике обороны крепостных сооружений, что, опять же, свидетельствует о принципе разумной достаточности в сложившихся к тому времени условиях. В Казанском ханстве также видна такая тенденция. Из всех городищ этого времени – четыре имеют один вал и один ров, два поселения – два вала и один ров и одно – три вала и три рва.

Соотношение размеров городищ Волжской Булгарии двух периодов ее истории также различно по количеству. В золотоордынское время уменьшается число памятников с площадью до 2 га – 37,1% против 44,0% в домонгольское время; от 6 до 11 га – 5,7% против 6,2%; свыше 50 га – 5,7% против 9,0%. Несколько увеличивается число укрепленных поселений – от 2 до 6 га по сравнению с домонгольским периодом – 34,3% против 34,0%. Наибольшее же предпочтение начинает уделяться т.н. “средним” по размерам городам с укрепленной площадью от 11 до 20 га – 5,7% против 2,0% и от 20 до 50 га – 11,5% против 4,8%. Такая направленность продолжает сохраняться и в эпоху Казанского ханства.

Уменьшение количества наиболее крупных городищ, несомненно, связывается с последствиями монгольского нашествия. В это время были разрушены крупнейшие городские центры Булгарского государства. Во второй половине XIII–XIV вв. им на смену приходят поселения-селища с торгово-ремесленными и административно-хозяйственными функциями. Они были по своей сути городами, но только открытыми, без опоясывающих их крепостных стен. Занимаемые ими площади также впечатляют – от нескольких десятков до нескольких сотен гектар. Это, например, II и III Билярские, а также Сюкеевское II селища (Археологические памятники бассейна р. Черемшан, 1990, с. 55–56; Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье, 1985, с. 87).

Каковы причины роста удельного веса городищ с размерами от 11 до 50 га еще предстоит установить. Предположительно, здесь сыграло роль уменьшение числа круп-

ных городов, чьи функции начинают распределяться по менее значительным центрам, что могло явиться следствием экономических изменений. Нельзя исключать и возможность того, что одной из причин явился

вероятный рост феодальной раздробленности в период господства Золотой Орды, когда город Болгар был лишь наиболее крупным административным и хозяйственным центром.

§ 2

Типы дерево-земляных крепостных сооружений

На сегодня сложилось некоторое представление о первоначальном облике средневековых оборонительных сооружений Восточной Европы и Среднего Поволжья в частности, о чем свидетельствует значительное количество специальной литературы. Однако существуют различные мнения, касающиеся их реконструкции. Зачастую это связано с плохой сохранностью объектов фортификации. Некоторые валы и рвы к нашему времени почти уничтожены временем или хозяйственной деятельностью, например поздней распашкой или сильно потревожены ею. В любом случае они находятся в оплывшем состоянии, в той или иной его степени.

Значительную роль здесь играют и природные условия различных регионов. На территории Среднего Поволжья довольно редко наблюдаются при исследованиях средневековые внутривальные и иные деревянные конструкции. Обычно они фиксируются только в виде остатков древесного тлена, а также, что наиболее часто, лишь гумусированных следов от столбовых ям, досок и бревен. Нередки случаи и полного отсутствия внутривальных конструкций изначально, что связано со способами возведения оборонительных насыпей (Губайдуллин, 2000³, с. 168–176; Белорыбкин, 2001, с. 15–18; Белорыбкин, 2003, с. 62; Коваль, 2016, с. 66).

В основном, исследователями для средневековых памятников фортификации Среднего Поволжья выделяются несколько типов деревянных внутривальных конструкций, например:

- срубы, заполненные плотным утрамбованным грунтом;
- жилые клетки;
- П-образная опалубка, засыпанная грунтом;
- частокол с присыпкой плотного грунта (суглинок и щебень);
- каркас в виде горизонтально положенной деревянной решетки, используемый при возведении оборонительной насыпи из рыхлого грунта (Руденко, 2014, с. 164).

Эти типы давно общеприняты исследователями и фиксируются на многих памятниках фортификации. Насколько же верно выделять «жилые клетки» – вопрос открытый, т.к. данную разновидность и ее признаки довольно сложно выявить, вследствие неудовлетворительной сохранности оборонительных насыпей средневековых городищ.

В некоторых случаях современная насыпь вала может представлять собой остатки разрушенной крепостной стены, которая в древности стояла на дневной поверхности земли и имела внутреннюю забутовку из грунта (Моргунов, 2009, с. 72–110; Руденко, 2014, с. 164). Мы не исключаем такой реконструкции, однако насколько широко ее можно применять? Для некоторых древнерусских и болгарских городищ – возможно. Если же считать, что все валы представляют собой забутовку каких-либо развалившихся конструкций, то оборонительные насыпи, дошедшие до нашего времени и имеющие высоту максимум 2–2,5 м (а часто и меньше), являются остатками крепостных стен высотой ок. 3–3,5 м³⁸. Тогда теряется весь смысл в ее возведении, т.к. она не может нести возложенные на нее оборонительные функции, для которых всегда предназначались долговременные фортификационные сооружения Древнего мира и Средних веков, времен предшествующих применению огнестрельной артиллерии. В первую очередь, конечно, это возможность обстреливать как можно дальше прилегающую территорию благодаря своему возвышению, т.е. держать нападающего противника вдали от основных укреплений, не давая ему приблизиться к оборонительному рву и непосредственно штурмовать или разрушать крепостную стену. Сама высота ее должна была препятствовать быстрой эскаладе³⁹, а также требовала для этого длинных и, соответственно, тяже-

³⁸ Это с учетом того, что валы сейчас находятся в оплывшем состоянии, в той или иной степени.

³⁹ Эскалада – преодоление фортификационных сооружений противника во время штурма.

лых лестниц.

По мнению военного инженера XIX в. Ф.Ф. Ласковского, древнерусские «земляные ограды» имели главное достоинство, заключающееся в значительной высоте оборонительных насыпей, глубине рвов и труднодоступной крутизне внешних покатостей, а также они могли «иметь на вершине тын, или рубленную стену» (Ласковский, 1858¹, с. 68; Ласковский, 1858², л. 7–8) (рис. 244). Это, скорее, относится к городищам с одной линией обороны, тогда как при двух- и более рядных системах защита поселения компенсировалась возможностью многоуровневого обстрела противника еще на подступах к самим крепостным сооружениям, а также трудностью их быстрого преодоления. В этих случаях необязательно было возводить мощные оборонительные насыпи, что мы и видим на многих укрепленных поселениях Волжской Булгарии домонгольского периода. В древнерусском военном зодчестве многорядная оборона также применялась, но значительно меньше и только в Южной и отчасти Центральной Руси (Голицын, 1877, с. 43; Кирпичников, 1976, с. 58). Здесь видно одно из отличий принципов обороны Булгарского государства от Древней Руси в X – нач. XIII вв., причем болгары строили такие оборонительные линии, как в один пояс, так и в несколько отдельных, используя для различных целей, в том числе и оборонительных, широкое пространство между валами – «болонье» (Губайдуллин, 2006, с. 40; Коваль, 2016, с. 66).

При реконструкции внутривальных и надземных крепостных сооружений, нельзя обойти вниманием сами насыпи валов, их первоначальный облик. Имея данные по составу грунта, из которого они состоят, можно, с долей вероятности, определить как они выглядели. По этому поводу существуют специальные расчеты, приведенные в литературе по фортификации: величина заложения «...изменяется по качеству земли: чем земля рыхлее, тем заложение делается больше, и наоборот, при твердом грунте, оно уменьшается» (Теляковский, 1839, с. 10). На основе многочисленных опытов определено, что «...отлогости насыпи из обыкновенной земли принимают заложение равное высоте насыпи; из песка или сыпучей земли в 1,1/2 и в два раза более высоты; из глины же, или крепкой земли – равно 2/3 высоты» (Теляковский, 1839, с. 10).

В случае с земляными оборонительными насыпями городищ Волжской Булгарии и Казанского ханства необходимо, однако, делать поправку, т.к. обычно при насыпке валы утрамбовывались. Вследствие этого, могло уменьшаться и заложение отлогостей: «...при глинистом грунте до 1/3, при обыкновенном до 2/3, и наконец при сыпучем от 1 до 1,1/2 своей высоты» (Теляковский, 1839, с. 10). Таким образом, опираясь на вышеприведенные расчеты, можно проводить и реконструкции первоначальных форм различных булгарских валов. Здесь нужно сказать, что в отличие от форм, первоначальные размеры реконструировать гораздо сложнее, ввиду оплыва оборонительных насыпей и трудностей в вычислении использованного для их возведения грунта. Кроме того, следует отметить немаловажную деталь – использование для укрепления отлогостей валов обкладки дерном, глиняной обмазки, обжига, каменных панцирей или решетки из деревянных слег и кольев являлось лишь дополнительной мерой защиты склонов насыпей от осыпания, так что это не было существенным фактором, определявшим их форму. На последнюю могли влиять только некоторые конструкции, типа «галльской стены» (*murus gallicus*) (Брей, Трамп, 1990, с. 38), «галькобетонных» стенок (Кызласов, 1998, с. 54), внутривальных сооружений ступенчатой формы как у города Белгорода X в. (Крадин, 1988, рис. 19) или Дмитриевского городища салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1989, рис. 19).

У оборонительных насыпей, ядро которых составляли обычные срубы, величина заложения должна подчиняться тем же законам, что и у простых валов из грунта. Разница между ними заключается в большей долговечности первых, тогда как вторые должны были подсыпаться через некоторые промежутки времени. Исключение здесь могут составлять лишь оборонительные насыпи, имеющие ядро из тяжелого суглинка, например вал городища Кашан I (рис. 180). Булгарскими же военными инженерами, зачастую, применялось комбинирование некоторых вышеописанных мер, примером чему служит Суварское городище.

Для наибольшей эффективности и долговечности оборонительных сооружений применялся целый комплекс мер, основанный на многовековом опыте и сложных инженерных вычислениях. Они включали в

себя выравнивание дневной поверхности земли перед строительством надземного крепостного сооружения, а также способы насыпки валов, чередование и взаиморасположение в них насыпей из однородного или различного по составу грунта.

Крепостные валы возводились из грунта, взятого в процессе рытья оборонительных рвов. Состав земли, вынутой из них, по-видимому, диктовал и способ их возведения. Согласно данным археологических исследований, накопленным к нашему времени, выделяются пять технологий строительства. Первая представлена чередующимися насыпями, частично перекрывающими друг друга, где первоначальная сооружена вдоль рва, а все остальные отступают от нее во внутреннюю сторону (рис. 245а). Второй технологический способ имеет такие же характеристики, но здесь первоначальную насыпь возводили на расстоянии в несколько метров от линии рва, а все последующие насыпались во внешнюю сторону (рис. 245б). Третий обладает сложной структурой из-за различного взаиморасположения слоев (рис. 245в). В этих случаях, иногда для скрепления насыпей использовалось перекрытие из мощного слоя суглинка или супеси. Четвертый представлен внутренним устройством валов, которые имеют центральное ядро, перекрываемое одним или несколькими слоями, расположенными друг над другом (рис. 245г). Варьирует в них и состав грунта, когда ядро оборонительных насыпей сложено из тяжелой материковой глины, а перекрывающие их слои – из более легкого суглинка, или же наоборот – основы валов состоят из супеси, а остальные слои из суглинка. Пятый технологический способ наиболее простой по устройству и представлен однородным грунтом – супесью или суглинком (рис. 245д).

В качестве варианта второго технологического способа можно привести процесс создания одного из участков линии обороны Болгарского городища. По результатам исследований раскопа ССVII, располагавшегося на западной стороне крепостных сооружений города, были определены стадии возведения данного объекта фортификации. Впервые нам удалось выявить следы от трассировки будущей оборонительной линии. Она представляла собой полосу шириной до 50 см и глубиной ок. 15 см, которая шла непосредственно под оборонительной

насыпью вдоль ее оси и была проведена, возможно, лемехом (Губайдуллин, 2018¹, рис. 7). Вслед за тем поверхность земли разравнивалась при помощи боронения. Не исключено, что это осуществлялось посредством применения сучковатого бревна, о чем свидетельствовали следы от полос глубиной до 5–7 см, шедших немного наискосок по отношению к оси укреплений. Вряд ли они являлись свидетельством ранней распашки, т.к. были выявлены только под валом. Кроме того, из перекрытой насыпью почвы происходили находки фрагментов красноглиняной керамической посуды XIII–XIV вв., свидетельствующие о существовании в этом месте раннего поселка.

Оборонительная насыпь возводилась из грунта, взятого при рытье рва, при этом сохранялся обратный порядок залегания земли. Основанием вала служила первоначальная насыпь, сложенная из темно-серой гумусированной супеси. Далее строители присыпали к ней с внутренней стороны еще две небольшие насыпи из коричневого и желтого суглинков, после чего они были перекрыты серо-желтым плотным суглинком. Кроме того, в качестве связующего вещества для тулова вала применялась известь. Завершающим этапом стало возведение сверху и с внешней стороны еще двух более мощных слоев, состоящих из желтой супеси с суглинистыми включениями и желтого песка. Вдоль внешней отлогости вала была также устроена берма шириной около 60 см, которая с течением длительного времени оказалась перекрыта оплывшей верхней насыпью. Следует заметить, что такой же способ строительства был зафиксирован нами и в восточной части Болгарского городища, где линия обороны возводилась одновременно с западной.

Несколько иные технологические приемы строительства дерево-земляных сооружений были отмечены Г.Н. Белорыбким для городищ домонгольского времени, расположенных на территории Верхнего Посурья. К ним, например, он относит: выравнивание внутривальных слоев во время возведения оборонительных насыпей, редкое использование внутривальных конструкций, строительство на валу у внешнего края срубов заполненных грунтом, сооружение плетня с наружной стороны вала или столбового каркаса с 2 сторон, рытье котлованов и засыпка их утрамбованным грунтом, для

предотвращения сползания грунта, насыпание вала крупными порциями, перекрытие слоев мокрым материалом (илом?) (Белорыбкин, 2003, с. 62).

Исследователь основывается на данные почвоведения, но насколько все эти пункты верны – вопрос открытый. Например, вызывает сомнение первый пункт, т.к. непонятно с какой целью, для чего предпринимались подобные действия, каково функциональное предназначение такого разравнивания. Следует отметить, что подобный прием ни разу не был зафиксирован при изучении памятников фортификации основной территории Волжской Булгарии. В то же время Г.Н. Белорыбкин в значительной мере прав, утверждая, что важность определения технологии строительства дерево-земляных сооружений заключается в возможности реконструкции практически всей системы обороны, а не только раскопанных зон (Белорыбкин, 2003, с. 62).

Соглашаясь с этим выводом, стоит, однако, оговориться – далеко не всегда оборонительные конструкции одной линии могли быть идентичны. Об этом свидетельствуют материалы исследований некоторых памятников, приведенных нами ранее. Важно всегда учитывать и наличие или отсутствие защитных особенностей рельефа отдельных участков местности, на которых возведены крепостные сооружения и которым они так или иначе должны были соответствовать.

Необходимо затронуть и малоисследованный раздел в фортификации Булгарского и Казанского государств, касающийся профилировки рвов. Они являются обязательным элементом в системе военно-инженерных сооружений независимо от их типов. Известны типичные профили рвов – это треугольные: Боровкинское, Чувбродское, Луковское (Япанчино) городища; или трапециевидные: Краснокадкинское, «Великий город» – Биляр (Хузин, Кавеев, 1985, с. 51; Хузин, 1985, с. 66, 83). В небольшом количестве мы знаем и рвы подпрямоугольной формы, например на Садовском II городище (Белорыбкин, 1990).

На территории Среднего Поволжья исследуемых периодов времени существуют городища, как с тем или другим типом рвов, так и с их комбинированием на одном памятнике. К ним относятся, например, Татбунаевское городище, где внешний ров трапециевидной формы, а внутренний – треугольной

(рис. 246). На Большекляринском же городище наоборот – внешний ров треугольный, а внутренний – трапециевидный (рис. 247). Отталкиваясь от сведений, по этой теме, которые имеются в нашем распоряжении можно, предположительно, констатировать наибольший удельный вес рвов треугольной формы. Здесь необходимо также отметить – преимущества и недостатки этого типа заключаются в том, что «рвы треугольные выгоднее трапециевидных, в том смысле, что переход атакующей колонны через треугольный ров затруднительнее и медленнее: по тесноте места он совершается только по одной шеренге, между тем как прочие должны ожидать очереди. ...Однако, ж треугольные рвы имеют и свои невыгоды: 1) их труднее вырывать, а неприятелю легче забросать; 2) они могут быть употреблены тогда только, когда ширина их менее удвоенной глубины; в противном случае образуются весьма отлогие эскарпы, способствующие неприятельской эскаладе (escalade), и 3) при одинаковой ширине и глубине треугольного рва с трапециевидным, первый доставляет менее земли для насыпи ...» (Теляковский, 1839, с. 11–12).

Для того, чтобы избежать последнего неудобства, болгарские военные инженеры для увеличения насыпи вала часто брали землю и с внутренней стороны, создавая, таким образом, второй ров. Это, в первую очередь, относится ко всем оборонительным линиям со схемой один вал, два рва, чему примером является Чуру-Барышевское городище. Также интересна, в этом случае, цитадель Богдашкинского городища (Измайлов, 1991). В этом месте с внешней стороны располагался трапециевидный ров для затруднения штурма, в то время как с внутренней, для придания большей высоты валу, был выкопан другой ров, также трапециевидной формы, что позволило максимально увеличить насыпь. Таким образом, строители достигли сразу двух целей – они создали неудобства осаждающим для приближения к стене и возвели более мощный крепостной вал.

Имелись и более сложные сочетания укреплений. Например, на Большекляринском городище линии обороны состояли из трех валов и двух рвов, где внешний ров имел треугольную форму, тогда как внутренний – трапециевидную, что было сделано для компенсации недостающего количества земли при возведении дерево-земляных обо-

ронительных конструкций.

Вызывает интерес оборонительная система Исаковского городища, каковая состоит из двух невысоких валов и рва между ними. Во время исследований последнего была зафиксирована его треугольная в профиле форма, которая имела относительно пологие отлогости⁴⁰. Они одновременно придавали большую ширину рву, но в ущерб глубине, составляющей около 1 м (Губайдуллин, 1993, с. 2–3). По-видимому, строителям обороны городища пришлось выбирать между тем и другим и в результате было отдано предпочтение первому. Нам думается, что это и неслучайно. Во-первых, данное городище хорошо укреплено самой природой и занимает очень незначительную площадь – 0,324 га, а значит, оно могло иметь и небольшой гарнизон. Во-вторых – форма рва говорит в пользу использования т.н. «активной обороны», заключающейся в возможном применении вылазок в случае защиты поселения. Учитывая также, что к нему примыкает неукрепленное селище-посад, здесь мы видим пример одного из типов городищ, которые по своему социальному статусу могли относиться к феодальным замкам. В связи с этим, вряд ли будет вызывать сомнение интерпретация других подобных памятников в этом же ключе.

Несколько иные рвы более раннего времени зафиксированы на Юловском городище, находящемся в Западном Предволжье (Белорыбкин, 2003, рис. 32–6). Они также имеют треугольную в профиле форму, но более широкие и глубокие. Таким образом, эти крепостные сооружения комбинируют в себе функции двух типов рвов – трапециевидных и треугольных, что довольно интересно и говорит о своей развитой фортификационной школе. По-видимому, данный факт еще раз является подтверждением уровня развития военно-инженерных знаний и передовой мысли на территории Волжской Булгарии.

Вызывает интерес присутствие рвов подпрямоугольной формы, что является несколько странным. Один из примеров его был зафиксирован на Садовском II городище, также расположенном на территории Западного Предволжья (Белорыбкин, 1990, рис. 4). Функциональные особенности данного типа малопонятны. Достигая ширины

не более 2 м, они не представляли серьезного препятствия для штурма и нападающие могли их форсировать без особых трудностей. Также, ко всему прочему, рвы такого типа при рытье доставляли мало грунта для заполнения внутреннего пространства крепостной стены или возведения оборонительной насыпи. В этом случае возникала задача в необходимости выкапывания еще одного рва и (или) доставки дополнительного грунта со стороны. Это во многом не только усложняло задачу возведения вала и увеличивало время его сооружения, но и делало все строительство гораздо более дорогим.

Нам думается, что не случайно рвы такого типа почти и не использовались в военно-инженерной практике государств, располагавшихся на территории Среднего Поволжья – ни в Волжской Булгарии, ни в Казанском ханстве. Кроме того, в средневековые крепостные сооружения такого типа обычно выкапывались (вырубались) в каменистом или скальном грунте, коего в Поволжском регионе наблюдается мало. В основном, подобные рвы появляются вновь только в Новое и Новейшее время. Однако они строятся в несоизмеримо больших размерах, как по глубине, так и по ширине. Впрочем, это уже другая эпоха, эпоха главенствования огнестрельной артиллерии и других принципов фортификационной науки.

Рассматривая профилировку рвов, необходимо отметить и одну ее особенность. Так в некоторых случаях контр-эскарп более крутой, чем эскарп. Это, несомненно, затрудняло противнику при штурме сход в ров, а осажденным позволяло вести эффективный обстрел его дна (рис. 248). Смотря по плотности грунта, в котором выкапывается ров, заложению контр-эскарпа дается «1/2 и 2/3 его высоты, т.е. глубины рва» (Теляковский, 1839, с. 10); заложение же эскарпа равняется 2/3 или целой глубине рва (Теляковский, 1839, с. 11). Подобный тип известен с эпохи Древнего мира и носит название «пунического рва» (Губайдуллин, 2006, с. 103). Среди болгарских укрепленных поселений, в качестве одних из примеров этому, можно привести линии обороны Утяковского и Луковского (Япанчино) городищ, где первое датируется только домонгольским временем, а второе двумя периодами истории Волжской Булгарии.

Нам известно, что на территории Сред-

⁴⁰ Отлогости – наклонные плоскости, ограничивающие вал и ров.

него Поволжья исследуемого периода времени имелись и другие типы рвов, чье заложение эскарпа и контр-эскарпа было примерно равным друг другу или когда контр-эскарп «делали пологим скатом, для удобнейшего производства вылазок и безопасного отступления» (Военный энциклопедический лексикон, т. X, 1956, с. 364) (рис. 249). Так, например, к первому типу можно отнести ров Исаковского городища, а ко второму – внешний и внутренний рвы цитадели Богдашкинского городища (Измайлов, 1991).

Имели место также и комбинированные на одном памятнике рвы с различными заложениями, как, например, на Хулашском городище. Внешний ров в его северной части укреплений имеет пологий контр-эскарп, а ров в западной части – одинаковые отлогости (Каховский, Смирнов, 1972, рис. 3, 5, 7). Многообразие форм и типов рвов, которые предназначались не только для пассивной, но и активной обороны говорит о специальном их выборе и применении для каждого конкретного случая. Это зависело, в первую очередь, от месторасположения городища и его размеров. Последнее напрямую касается возможности содержать большой или меньший гарнизон, что сказывалось на предпринятии попыток вылазок осажденными или отказе от них.

Иногда довольно затруднительно бывает определить первоначальный фортификационный облик поселений. Для этого требуется проведение анализа всего комплекса оборонительных сооружений, топографии местности и многого другого. Не исключено, что, зачастую, на одном конкретном памятнике могли применяться различные типы крепостных стен: с наиболее угрожаемых сторон – более мощные конструкции, а там где эскалада была наиболее затруднена из-за особенностей рельефа – более простые. В связи с этим, и при реконструкции фортификации любого городища необходимо учитывать такие возможности.

Следует отметить – встречающиеся иногда в научной литературе и в изобразительном искусстве реконструкции фортификационных построек не всегда верны. Например, часто изображаются крепостные

стены в виде городней, что далеко не всегда основано на материалах исследований. Даже выявленные при раскопках внутривальные конструкции из срубов, возможно, являлись только внутривальными, тогда как наземные могли представлять собой иной тип.

Некоторые отличия в типах и способах возведения оборонительных сооружений не являются случайными. Нам представляется, что точка зрения о существовании различных традиций в болгарской военно-оборонительной науке – совершенно правильна. На всей большой территории Волжской Булгарии не только существовало множество укрепленных поселений, а также основывались и другие. Строительство новых городищ требовало участия немалого числа квалифицированных специалистов для фортификационных работ. В свою очередь, всегда имелаась необходимость в ремонте или перестройке старых крепостных сооружений, особенно накануне и в период различных внутривосударственных конфликтов или международных политических потрясений. Здесь мы исходим не только лишь из теоретических размышлений. Действительно, во время исследований памятников дерево-земляной фортификации разных территорий и регионов, иногда наблюдаются их конструктивные отличия. И это касается не сколько типов оборонительных сооружений, а, в первую очередь, способов их возведения.

Таким образом, мы имеем довольно сложную картину, характеризующую средневековую военно-инженерную науку государств, располагавшихся в X – первой половине XVI вв. на территории Среднего Поволжья. Здесь не исключен сплав различных школ и влияний, применяемых не только для конкретных объектов, а, возможно, и для разных хронологических периодов. В частности, исследования оборонительных насыпей любой исторической эпохи, а также любой этнической и территориальной принадлежности могут дать и дают интересный материал, касающийся не только собственно фортификации (и не только развития инженерных знаний), но и конкретных культурных достижений определенных народов или государственных образований.

§ 3

Корреляция данных и социальная классификация городищ

Для более конкретного анализа имеющихся проблем, касающихся различных аспектов фортификации, была проведена корреляция имеющихся у нас сведений, призванная выявить наиболее общие закономерности, сходства и различия. Она была сделана на основе рассмотренного нами всего комплекса данных, включающего в себя типологию городищ, их классификацию и систему обороны.

В первую очередь мы сопоставили площади и типы укрепленных поселений (Таблица 2). Видно, что наибольшее количество памятников принадлежит к I типу, к подчиненным рельефу местности, с занимаемой площадью до 2 га. К ним относится 56 городищ, что составляет 31% от общего числа. Затем следует группа поселений этого же типа с площадью до 6 га – 37 городищ (21%). Городища III типа, неподчиненные окружающему рельефу, являются третьей по численности группой. Они также небольшие по занимаемой площади – до 2 га и к ним относится 17 городищ (9%). Лишь немногим меньше их по численности памятники площадью до 6 га – 13 укрепленных поселений (7%). Остальные довольно равномерно, в количественном соотношении, распределяются по таблице. В связи с этим можно констатировать факт, что наибольшее число городищ принадлежит к I типу независимо от занимаемой площади – 112 поселений (62%), а также к группе памятников до 2 и до 6 га, независимо от типа – 137 поселений (76%). Таким образом, хорошо видно предпочтение в местной фортификации к максимальному использованию защитных свойств рельефа местности, а также, что значительное количество городищ небольшие по занимаемым площадям. Это, несомненно, позволяет соотнести многие из них со средневековыми замками, как наиболее распространенный социальный тип среди укрепленных поселений.

Корреляция типов и систем укреплений городищ представлена в следующей таблице (Таблица 3). По ней видно, что наибольшее значительное число памятников принадлежит к I типу, к подчиненным рельефу местности. Они имеют простейшую схему укреплений – 1 вал и 1 ров. К ним относится 65 городищ, что составляет 35%. Следу-

ющая группа с такой же системой обороны принадлежит к III типу, к неподчиненным окружающему рельефу – это 21 городище (11%). Несколько более ее по количеству третья группа – это памятники I типа, подчиненные рельефу, со схемой 2 вала и 2 рва. Она состоит из 24 городищ (13%). Таким образом, принимая во внимание вышеприведенные данные, можно констатировать, что значительное предпочтение отдавалось устройству однорядной системы обороны. Она применялась ко всем типам городищ и это характеризует ее как наиболее универсальную. Не случайно к ней относится 93 памятника (51%).

Менее ее в два раза, но также выделяющейся из общей массы, является группа городищ с системой обороны 2 вала и 2 рва, также независимо от типа поселения – 46 памятников (25%). Городища I типа, неподчиненные рельефу, как и в первой таблице, являются доминирующими, но уже в соотношении с системами укреплений – 116 памятников (63%).

Следующая таблица отражает корреляцию площадей и систем укреплений (Таблица 4). По ней видно, что наибольшее число памятников – 46 (26%), имеет размеры до 2 га и однорядные укрепления. Далее следуют городища с такой же системой и занимаемой площадью до 6 га. К ним относится 28 памятников (16%). Следующие по численности группы поселений имеют размеры до 2 и до 6 га с укреплениями в виде двух валов и рвов – 14 и 13 памятников соответственно (8% и 7%). Существенное число небольших по площади городищ с однорядной системой обороны может являться свидетельством выдвинутого позже тезиса: «Малая крепость должна иметь вообще малое число укреплений; ибо она может содержать только посредственный гарнизон» (Нуазе–Сент-Поль, 1813, с. 2). В свой черед, система укреплений 1 вал и 1 ров, а также 2 вала и 2 рва являются самыми универсальными. Они использовались применительно ко всем категориям городищ с разными площадями. Сюда относятся 88 (50%) и 45 (25%) памятников соответственно.

Приведенные данные корреляции охватывают большинство рассматриваемых укрепленных поселений всего исследуемого

периода истории. Они показывают довольно сложную зависимость друг от друга многих факторов. Скорее всего, мы имеем дело с определенными закономерностями, которые являлись следствием конкретных законов науки об укреплениях – фортификации. Поэтому существующая «универсальность» некоторых показателей, отраженная в таблицах, и является этим результатом.

Очень важным является и само изучение процесса становления и развитие городов Волжской Булгарии, Болгарского улуса и Казанского ханства, которое входит в число значимых задач болгаро-татарской археологии. У нас на сегодняшний день имеются общие представления о городах Среднего Поволжья X–XVI вв. как центрах ремесла, торговли, которые имели административно-хозяйственные, военные и культурно-идеологические функции. В последние годы, однако, были достигнуты и определенные успехи в области археологического изучения поселений болгар домонгольского и золотоордынского периодов, а также Казанского ханства. Правда, многие аспекты “городской” проблематики в болгаро-татарской археологии не нашли еще удовлетворительного решения. Так, до сих пор среди исследователей не сложилось единого мнения о конкретных признаках, выделяющих города из общей массы укрепленных поселений.

Поиски ответа на этот вопрос логически приводят археологов к формально-типологической классификации городищ. Первый опыт в этом направлении был предпринят у нас Н.Ф. Калининым более 60 лет тому назад. Проработав материалы около трех десятков обследованных им болгарских памятников, Н.Ф. Калинин предложил классификацию городищ, в основу которой были положены размеры укрепленной территории поселений с учетом особенностей планировки, рельефа местности и характера культурного слоя (Калинин, Халиков, 1954, с. 63 и сл.).

60–70-е гг. XX в. ознаменовались открытиями новых многочисленных болгарских поселений, в том числе и городищ, вошедших в известный свод археологических памятников, составленный Р.Г. Фахрутдиновым (Фахрутдинов, 1975). Созданная им типология городищ (Фахрутдинов, 1990), однако, принципиально не отличалась от калининской и не учитывала многие существенные признаки изучаемых памятников,

за что была подвергнута справедливой критике Ф.Ш. Хузиным (Хузин, 1993, с. 10–15).

Действительно, очень сложным является процесс по определению социального облика городищ. При этом нужно учитывать множество факторов, где размеры укрепленной территории поселений играют, нам кажется, первостепенную роль при их классификации. Несомненно, только этот отдельно взятый признак не может служить достаточно надежным критерием оценки, т.к. кроме укрепленной части поселения часто имели и неукрепленные посады–пригороды. Необходимо также учитывать совокупность и характер археологического материала, выявленного в результате раскопок. Ранее исследователями была выделена целая группа признаков, которые могут характеризовать, например, категорию т.н. «малых» и «больших» городов (Куза, 1989; Коваль, 2014, с. 76–79).

Тем не менее, в представленной нами типологии, размеры городищ, т.е. площади поселений внутри оборонительных линий, рассматриваются как один из важнейших элементов, характеризующих город в целом. Но пока нужно сделать несколько предварительных замечаний.

В разное время количество городищ в трудах исследователей указывалось по-разному. Например, А.Х. Халиков доводил их число до 200 (Халиков, 1989, с. 90). Р.Г. Фахрутдинов включил в свою таблицу сведения о 161 памятнике (Фахрутдинов, 1990, с. 71–78). Ф.Ш. Хузин оперировал материалами 190 городищ (Хузин, 1993, с. 12–13), прибавляя к общему списку Р.Г. Фахрутдинова количество укрепленных поселений обулгаризированных буртас в Пензенской области, известных по работам Г.Н. Белорыбкина (Белорыбкин, 1985, с. 112).

Необходимо заметить, что некоторые памятники вошли в свод Р.Г. Фахрутдинова и Ф.Ш. Хузина ошибочно. Например, обваловка леса, проведенная в позапрошлом столетии, была принята за городище, получившее в литературе название «Кильдюшевское» (Фахрутдинов, 1975, с. 178). Это же относится, например, и к т.н. «Ржавецкому городищу», предположительно датируемому Ранним железным веком (Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье, 1986, с. 39, № 200).

Не все, что обнесено валом и рвом (или только рвом), можно относить к городищам.

Часто характерным признаком таких объектов является незначительная мощность земляных сооружений. Вообще, ограда подобного типа в садово-парковом искусстве получила название «ах–ах (ah–ah)» или, по-другому, «волчий скак» (Плужников, 1995, с. 20). Этот довольно поздний термин происходит из Великобритании и представляет собой несколько разных типов, в том числе и обваловку определенной территории: участка леса, парка, сада и др.

Натурное обследование местоположения так называемых городищ «Шонгутского», «Сатламышевского», «Тангачинского» и «Городищенского (на р. Свяга)», показало, что там никогда не было оборонительных сооружений, не найдено и материалов болгарского времени, т.е. сведения о памятниках строились на основе неточных данных. Поэтому их следует исключить из списка укрепленных поселений.

Есть и другой пример. Наземное обследование и анализ аэро-фотоснимков Балынгузского и Горкинского II городищ, считавшихся отдельными памятниками, показали, что это единый объект, искусственно разделенный исследователями. Его структура является цельной и не позволяет вычленить особенности планировки, способствующие обособлению каких-то частей или участков. В то же время, в последние годы, например, были открыты совершенно новые памятники, неизвестные ранее – это Исаковское и Старонохратское II городища (Губайдуллин, Измайлов, 1991, с. 109; Хузин, Измайлов, 1991, с. 152). Таким образом, учитывая вышесказанное, а также исключая памятники с неопределенной площадью, в целях нашего исследования можно оперировать данными по 187 городищам, подавляющее большинство которых хронологически относится к домонгольскому времени.

Чтобы решить поставленную задачу по определению соотношения размеров укрепленных площадей, нами был взят за основу принцип построения диаграммы А.В. Кузы (Куза, 1989, с. 141). Такое распределение площадей (в гектарах) на нашем графике далеко не случайно. Нежелание совершать предыдущие ошибки заставило нас более внимательно рассмотреть все имеющиеся в наличии цифры. Они распадаются на шесть отдельных групп, в каждой из которых размеры площадей тяготеют друг к другу. Наблюдаются явные разрывы между группами,

которые дают нам следующую картину (рис. 250).

Видно, что наибольшее количество городищ находится в первой и второй группах – 83 и 61 памятник соответственно. Затем идет резкое уменьшение числа укрепленных поселений: третья группа включает в себя 13, четвертая – 7 и пятая – 10 городищ. Лишь шестая группа, в которую входят 13 памятников, вновь возрастает. Таким образом, укрепленные поселения Волжской Булгарии можно условно разделить на три основные группы. В связи с этим, можно попытаться интерпретировать каждую из них.

Учитывая ранее проведенный нами анализ и имеющиеся факты, вряд ли будет вызывать сомнение отнесение большинства городищ площадью до 6 га к феодальным усадьбам-замкам, которые составляют наиболее многочисленные в средневековые укрепленные поселения, имеющие небольшие размеры – 144 городища. Однако, наряду с такими памятниками как Тавлинское – 0,68 га, Исаковское – 0,324 га, Луковское (Япанчино) – 2,3 га, Уразлинское – 2,4 га, Дигитлинское – 1,5 га городища с небольшими примыкающими селищами, в данную группу входят и Кураловское (Старокуйбышевское) – 1,7 га, Бураковское I – 4,5 га, Чуру-Барышевское – 3,77 га городища с обширными посадками и остатками интенсивной торгово-ремесленной деятельности.

Последние памятники, по нашему мнению, можно отнести к категории т.н. «малых» городов, являющихся центрами небольших округов и несших определенные административно-хозяйственные функции. Ю.А. Зеленева, например, их относит к периферийным городам, которые были «естественным элементом социально-экономического и политического развития болгарского государства, частью урбанизационного процесса». Однако их роль в политической и экономической структуре страны могла изменяться с течением времени (Зеленева, 2013, с. 59).

Следующая группа памятников с укрепленной площадью от 6 до 50 га, условно отнесена нами к средним по размерам городам. Их общая численность достигает 30. Сюда входят такие городища, как Сюкеевское – 12,5 га, Красносундюковское I – 45,92 га, Большеятоябинское – 27,5 га, Восточно-Войкинское – 8 га. Социальная интерпретация их довольно сложна, так как одни

могли быть столицами отдельных княжеств, другие административными центрами больших областей. Эту группу, конечно, можно было бы отнести также к «малым» городам, как было сделано А.В. Кузой по отношению к Древней Руси (Куза, 1989, с. 11), но мы видим слишком большие отличия в количественном соотношении с первой группой.

Выделяются 13 городищ, располагающихся в правой части графика, чья укрепленная площадь превышает 50 га. Скорее всего, большинство из этих памятников являлись центрами крупнейших земель-княжеств. Например размеры Богдашкинского городища – 77 га, городища Кашан I – 108 га, Староалейкинского городища – 230 га, Сувара – 100 га, «Муромского городка» – 100 га и др. «Великий город» – Биляр – 620 га (с учетом посадов – более 800 га) был, в свою очередь, политическим, административно-хозяйственным, духовным центром всего Булгарского государства в домонгольский период.

Мы сознательно не рассматриваем возможность существования в исследуемый период времени категории крепостей, т.е. памятников несших только охранно-дозорные функции и расположенных вдоль границ государства или отдельных административно-хозяйственных территорий. И это исходит не только из того, что в развитое средневековье крепости как элементы обороны прекращают свое существование и появляются вновь только в Новое время.

Прослеживаемое довольно часто в научной литературе отнесение некоторых городищ к крепостям, зачастую ни на чем не зиждется. Обычно приводятся лишь субъективные мнения, основанные на личных умозаключениях авторов. Только иногда в качестве довода выделения данной категории памятников, служит аргумент об отсутствии в наше время культурного слоя (а также археологических находок) на некоторых укрепленных поселениях или же незначительная его мощность. Однако это не может являться доказательством, т.к. в течение нескольких веков культурный слой подвергался плоскостному смыву, что особенно характерно для мысовых городищ или городищ примыкающих к краям террас. И чем больше их крутизна, тем больше объем смыва. Причем здесь говорится только о пологих склонах – от 1–2 до 10–15 градусов. Особенно это касается давно распаханых площадок

памятников, где плоскостной смыв может уносить от 5 тонн грунта с одного гектара в год (Романова, 2006, с. 49–51) Следует также отметить – т.н. «деградация» происходила и происходит не только на склонах, но и в оборонительных рвах, а также и насыпях валов, прорезая их, разбивая на отдельные фрагменты (Усков, Водорезов, 2006, с. 113).

В качестве примера можно привести Колунецкое городище XIII–XIV вв., относящееся к мысовому типу и расположенное в Предволжье. Еще во второй половине XIX в. Е.Т. Соловьевым при обследовании площадки памятника отмечались многочисленные находки керамики и различных бытовых вещей (Соловьев, 1884). Однако через столетие во время наших исследований городища не были выявлены не только какие-либо артефакты, но и сам культурный слой. Учитывая незначительную площадь, занимаемую укрепленным поселением – 1,8 га, некоторый уклон в сторону р. Волги, а также многолетнюю распашку поверхности, можно констатировать плоскостной смыв, приведший к полному отсутствию каких-либо слоев и археологических находок. Если же не принимать во внимание все это, то, конечно, формально данное городище относится к категории «крепостей». В некоторых случаях, это же может касаться и зафиксированной в наше время незначительной мощности культурных слоев на тех или иных памятниках – аргумент, который иногда приводится в пользу довода о небольшом количестве проживавшего населения на территории отдельных городищ и, как следствие, являющегося показателем малой интенсивности хозяйственной и иной деятельности. Все же, думается, что это не всегда соответствует действительности.

Таким образом, мы выделили лишь общие закономерности определения социального облика булгарских укрепленных поселений, поэтому данное разделение несколько условно. Например, из общей системы выпадает городище Джукетау, которое являлось столицей большого княжества. Укрепленная площадь его составляет лишь 5,8 га, что формально относит этот город к первой группе памятников. Но обращает на себя внимание огромная площадь его неукрепленных посадов – около 140 га (Хузин, 1994, с. 141). Возможны и различия между градостроительными процессами домонгольского и золотоордынского периодов, а

также эпохи Казанского ханства.

Не исключено, что значительное количество городищ имеющих довольно большую укрепленную площадь, даже без учета площадей селищ–посадов, говорит о концентрации населения и развивавшихся процессах урбанизации. В свою очередь, это может являться дополнительным аргументом в пользу теории о существенном преобладании торгово-ремесленной ориентированности поселений городского типа в Среднем

Поволжье X – первой половины XVI вв., причем далеко не только региональной, но и международной направленности. Примером могут служить и многие азиатские города, а также золотоордынские города Нижнего Поволжья. Таким образом, классификация городищ, проведенная нами, позволяет не только ближе подойти к определению социального статуса укрепленных поселений, но и определяет их неоднозначность и сложность как своеобразного организма.

§ 4

О фортификации в золотоордынский период

Возникновение и функционирование городов в золотоордынский период тесно связано с процессами градостроительства в Улусе Джучи. Причины, время и место их появления были различны. Данный процесс на всей огромной территории Золотой Орды протекал неодинаково. Так на Северном Кавказе и Нижнем Поволжье города возникли на пустом месте, где не было, или почти не было, оседлых поселений. Это, например, Сарай, Сарай ал-Джадид, Укек, Бельджамен, Маджар и др. Они строились сразу, в течение короткого промежутка времени. В тоже время, продолжали развиваться большинство городов Крыма, Хорезма, Волжской Булгарии, Древней Руси, которые существовали еще в домонгольское время. Они возникали в результате длительного экономического развития оседлого населения, в связи с этим, отличались и традиции их развития.

Тожe самое можно сказать и о строительных традициях, в том числе и о традициях в фортификации. Если новые построенные города Улуса Джучи изначально не имели оборонительных сооружений, то у других более древних центров они существовали и эволюционировали на протяжении длительного времени, предшествующего монгольскому завоеванию. Здесь необходимо, также, отметить и их географическое расположение. Новые города, в основном, строились в центре золотоордынского государства. Поэтому какой-либо непосредственной и явной угрозы извне они могли сразу не опасаться. В свою очередь «периферийные» поселения, так или иначе, пусть и гипотетически, находились под угрозой внешнего противника. Это могли быть какие-то другие государства или окружающие народы. Своим присутствием, своими крепостными валами и рвами, сте-

нами и башнями так называемая «окраина» могла охранять внутренние и внешние торговые пути, сельскохозяйственные территории, другие внутренние административные, духовные и ремесленные центры. Таким образом, они никому не позволяли войти на территорию государства «не постучав в дверь», но, в тоже время, должны были защитить в случае необходимости и самих себя. Недаром города (и их округа) более старых цивилизаций являлись довольно развитыми в экономическом отношении и, соответственно, притягательными для противника. В данном контексте здесь уместно вспомнить, например, Древний Рим эпохи Империи.

В связи с данной темой следует остановиться на одной важной проблеме, которая стала историографическим фактом, но от этого не стала более убедительной. Речь идет о довольно часто встречающемся в историко-археологической литературе мнении, что в Улусе Джучи якобы существовал «запрет» на возведение оборонительных сооружений в покоренных странах, к числу которых относилась и Волжская Булгария. Примеры подобного заблуждения достаточно многочисленны.

Следует отметить, что в большей части научной литературы данное утверждение приводится как факт, без каких-либо ссылок на доказательства. Только Г.А. Федоров-Давыдов в своей работе «Золотоордынские города Поволжья» приводит свидетельства, которые должны были подтвердить данную мысль (Федоров-Давыдов, 1994, с. 42–44). Их, по существу, два. Первое – ссылка на сведения Марко Поло, который (по версии Рамузио) писал: «Во всех областях Катая и Манги [Манзи] и в остальных его (Вели-

кого хана – А.Г.) владениях есть довольно предателей и неверных, готовых возмутиться, а потому необходимо во всякой области, где есть большие города и много народа, содержать войска... а городам не позволено иметь стены и ворота, дабы не могли препятствовать вступлению войск» (Книга Марко Поло, 1990, с. 260). Второе – неоспоримый факт, что золотоордынские города Нижнего Поволжья и частично Южного Приаралья вплоть до второй половины XIV в. не имели укреплений.

Между тем, оба эти доказательства мнимые. Так, в самом рассказе Марко Поло есть противоречие. Говоря о «запрете», он сам во время своего путешествия постоянно упоминает о различных городах, крепостях и замках «с высокими стенами и башнями» (Книга Марко Поло, 1990, с. 56, 60, 65, 67, 117). Кроме того, наличие городских стен вокруг городов и особенно пограничных крепостей в Китае в юаньскую эпоху хорошо известно по исторической литературе (У Хань, 1980; Бокщанин, Непомнин, 2002). Иными словами, если подобный запрет и был, то действовал он весьма непродолжительное время. Кроме того, нужно еще доказать, что подобный запрет имел всеобщий характер и был распространен по всей империи от Приамурья до Поднестровья.

Действительно, практика уничтожения укреплений городов была широко распространена в средневековом мире, но обычно только сразу после завоевания. После установления власти новых правителей происходит постепенная либерализация политики и вассальные территории отстраивают стены своих поселений. Показательна в данном случае ситуация в Таврике, где сначала были срыты крепостные стены у городов Сугдея, Кафа и Алустан, но уже при Узбек хане восстановлены «после обретения этими городами известной политической самостоятельности» (Баранов, 1987, с. 23). Также, характерным примером этого является Древняя Русь, где в период завоевания были уничтожены многие города. Позднее, во время похода 1259–1260 гг. на Польшу, ордынцы заставили волынского князя Даниила Романовича снести укрепления некоторых городов Галицко-Волынской земли (Ипатьевская летопись, 1962, с. 848–855). Это свидетельствует в пользу существования некоего запрета, но, вместе с тем, на территории Южной Руси продолжали существовать или

были заново отстроены укрепленные города (Беляева, 1982, с. 27). То же самое касается Рязанской и Владимирской земель, где во второй половине XIII в. началось восстановление разрушенных оборонительных сооружений (Раппопорт, 1967, с. 100). П.А. Раппопорт вообще связывал продолжение строительства или, наоборот, запустение городищ со степенью погрома их монголами в той или иной местности (Раппопорт, 1961, с. 54). Аналогичная ситуация возникла и на территории Волжской Булгарии после монгольского завоевания. Основные города, взятые штурмом, были уничтожены, но уже вскоре происходит процесс стабилизации и некоторые укрепленные поселения или возобновляются, те, что были разорены, или продолжают развиваться, не затронутые во время нашествия.

Справедливости ради стоит сказать, что на территории Нижнего Поволжья действительно существовали огромные неукрепленные города – Сарай, Сарай ал-Джадид, Хаджи-Тархан, Укек, Бельджамен и др. Подобные же большие по площади поселения, бывшие по своим функциям городами, не имели оборонительных сооружений, например золотоордынский Биляр (II и III Билярские селища) в Закамье, Большетряское II селище («Тысячедомный Шунгат») в Предволжье и др. В то же время, Болгарское городище в золотоордынское время значительно расширяет свою территорию: с укрепленной площади в 25 га в предмонгольское время, до почти 400 га в XIII–XIV вв. Уже в первой половине XIV в. вокруг него воздвигается вал и ров с крепостными стенами, башнями и дополнительными укреплениями (Хованская, 1958, с. 319–320; Хлебникова, 1987, с. 70). Наибольших размеров они достигают в южной и юго-восточной частях памятника, т.е. на самом опасном направлении. Именно здесь в древности к городу подходили основные дороги. Однако и с других сторон Болгар был хорошо защищен не только человеком, но и самой природой. Например, с запада к нему примыкала достаточно заболоченная территория, а также небольшие озера. Таким образом, во время расцвета и мощи Золотой Орды город Болгар достаточно серьезно укрепляется. Окраинные же земли Болгарского улуса также не оставались в стороне. Особенно небольшие города и замки хотя и имели оборонительные сооружения, но никакой внутренней угрозы для зо-

лотоордынского государства и его армии они не несли и нести не могли. Возможно, эти укрепленные поселения служили опорными пунктами на границах отдельных владений. Окраинные земли Волжской Булгарии продолжали строить укрепления на протяжении всего золотоордынского периода. Это хорошо видно на примере территории правобережья р. Волги – Предволжья.

Тема изучения средневековой истории данного региона, являвшегося в X–XIV вв. неотъемлемой частью государства Волжская Булгария, а затем Болгарского улуса Золотой Орды чрезвычайно интересна и актуальна. Различные политические и экономические процессы, проходившие здесь в то время, неразрывно связаны с такими же процессами и на сопредельных территориях. Зачастую можно говорить об их взаимосвязях и взаимовлияниях, что, в свою очередь, заставляет нас более пристально обращать на них внимание, тем более в связи со значительным повышением научного интереса к ним в последнее время.

Булгарские городища этого региона стали изучаться уже в XIX в. Материал, накопленный целым рядом исследователей, создал определенную значимую базу для последующего изучения памятников. Специального хронологического разделения городищ на домонгольские и золотоордынские не делалось, однако некоторые авторы пытались относить их к определенному периоду времени. Так, например, точка зрения С.Е. Мельникова об основании Большеятоябинского городища «во времена Батыевы» (Мельников, 1856) подтвердилась исследователями данного памятника А.П. Смирновым (Смирнов, 1950), а затем Г.А. Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов, 1960).

Впервые выделение городищ золотоордынского периода в Предволжье было осуществлено Н.Ф. Калининым в 40-х – начале 50-х гг. XX в. (Калинин, Халиков, 1954). Основываясь на археологических раскопках, он хронологически и территориально разделил их на два периода булгарской истории. Такое же мнение высказал позже в своих работах

и Р.Г. Фахрутдинов, отметив продолжение традиций «домонгольского градостроительства с мощными оборонительными укреплениями» (Фахрутдинов, 1990). Иная точка зрения принадлежала А.П. Смирнову и В.Ф. Каховскому, которые, в основном, отрицали золотоордынскую датировку памятников региона, указывая лишь на поздние города «по самому берегу Волги». По-видимому, данный вывод был сделан авторами в связи с отсутствием в этнографии современного чувашского населения следов старой городской культуры. По их мнению, это явилось следствием ранней (до XIII в.) гибели городской жизни в правобережных районах Волжской Булгарии (Каховский, Смирнов, 1968). Также в одной из своих работ А.Х. Халиков, поддерживая точку зрения Н.Ф. Калинина о продолжении интенсивной городской жизни в золотоордынское время в Предволжье, однако утверждал, что булгарские города второй половины XIII–XIV вв., «следуя ордынскому запрету, были слабо укреплены или вообще не имели укреплений» (Халиков, 1989, с. 128). Следует отметить – в большей части научной литературы данное утверждение приводится как само собой разумеющийся факт без каких-либо ссылок на первоисточник.

На примере археологически исследованных памятников фортификации хорошо представлена тенденция преемственности и дальнейшего развития булгарских укрепленных поселений XIII–XIV вв. Можно констатировать, что меньше половины городищ существовало два периода истории Волжской Булгарии. Большая же их часть возникает на новых местах уже в середине – второй половине XIII в. Это говорит не только об оттоке населения к северу после монгольского нашествия, но и изменившихся экономических условиях в рамках государства джучидов. Свидетельства тому и некоторые городища правобережья р. Волги. Некоторые из них, судя по археологическим исследованиям, имели функции городов со следами интенсивной торгово-ремесленной деятельности и, к тому же, были защищены оборонительными сооружениями.

§ 5

«Длинные валы»

(археологические исследования и историческая интерпретация)

В многолетнем процессе изучения территории Волжской Булгарии и ее поселений, в том числе и укрепленных, исследователи время от времени обращали внимание и на остатки так называемых «длинных валов». Первоначально, их предназначение и время сооружения не вызывало каких-либо вопросов и споров. В основном они интерпретировались как укрепления, входившие в русские засечные черты XVII–XVIII вв.

Одним из источников, касающихся Закамской черты, является описание ее М. Гладковым, относящееся к XVII в., где даются подробные сведения о местоположении острогов, надолбов, лесных засечных и полевых укреплениях (Перетяткович, 1877, с. 144–170, 159–160). Время строительства их датируется 1652–1656 гг. Однако еще раньше, уже в конце XVI в. Московское государство начинает строительство в Закамье военных городков. Так, например, в 1584 г. боярином Одоевским была построена крепость Мензелинск, в 1586 г. – крепость Самара. Кроме того, в 1589 г. в устье р. Большой Черемшан был основан монастырский двор от Чудского монастыря, а в 1626 г. переселенцы из Елабуги основали поселение Челны (Фролов, 2002, с. 15–16).

Другие сведения по данной теме даются в работах и изысканиях XVIII в. К ним относится труд обер-секретаря Сената И.К. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства...». Являясь начальником Оренбургской экспедиции, созданной для строительства систем укреплений на юго-восточных границах Российской империи, он отметил и Закамскую линию: «...в Казанском уезде, в давних годах сделан вал и лесные засеки в защиту от набегов степных каракалпаков» (Знаменитые люди о Казани и Казанском крае, 1999, с. 46; Вячеслав, 1874, с. 10).

Одним из первых «длинные валы» обследовал во время своей экспедиции и Н.П. Рычков, что позволило ему сделать вывод об их оборонительном назначении и использовании в комплексе с засечными чертами. Вместе с тем, он отметил и некоторые особенности строения закамских линий, например: извилистая форма, двухсторонние рвы, плохая сохранность. Правда, все это не по-

зволило исследователю отнести их к раннему времени (Рычков, 1770, с. 25).

Следующие данные были составлены работавшим в Казанской межевой конторе К.С. Милковичем. На базе собранных им в конце XVIII – начале XIX вв. сведений, основанных на результатах Генерального межевания, появляется информация о нескольких десятках археологических памятниках, в том числе и «длинных валах». Например имеются такие упоминания: «В Чистопольском уезде... Дача Малой Аккиреевой (120) – по земляному валу, указанному и в атласе; близкое к этой деревне село Богоявленское – Кутема (123) дачею... по рубеж развалившегося земляного вала, сделанного в бывшие времена от набегу ординских народов» (Порфирьев, 1904, с. 14).

Несколько позже при изучении Закамских засечных черт К. Иванин выдвинул точку зрения о принадлежности некоторых из них булгарам (Иванин, 1851, с. 75). Позже ее поддержали и некоторые другие исследователи. Однако они не имели на то каких-либо серьезных оснований.

Здесь также необходимо отметить работы редактора «Казанских губернских ведомостей» А.И. Артемьева, которого можно по праву считать родоначальником критического направления исторической школы в Казанской губернии. Ему принадлежит честь установления местонахождения городища Джукетау, дано описание и анализ его оборонительных линий, а также линий укреплений Билярского городища и др. (Артемьев, 1851, с. 68). По поводу крепостных валов Биляра А.И. Артемьев даже выдвинул предположение о том, что у Билярска в XVII в. «...древние укрепления были дополнены новыми». На чем конкретно он основывал свое размышление – сейчас определить трудно. Возможно, это связано с отмеченным им «...рядом валов, в иных местах как бы с батареями или шанцами и ретраншаментами» (Артемьев, 1851, с. 13). Нужно отметить, что Билярский острог был сооружен после 1654 г., но где конкретно он находился – сказать трудно.

В 1874 г. выходит большой труд Н.Н. Вячеслава, составленный на основе сообщений волостных управлений. В сво-

их «Заметках о городищах...» он приводит выписку из 1-го выпуска Трудов Казанского губернского Статистического Комитета за 1869 г., где говорится о старой Закамской линии в Чистопольском уезде: «В украинях русской земли..., где кочевали татарские орды, для обережи строились засеки и валы» и далее: «В Казанской губернии была только одна засека – Тетюшская, сделанная еще при Грозном. Что же касается до валов, то в пределах губернии, проходила так называемая старая закамская линия, устроенная в половине XVII в. (1650–1653г.)». Его протяженность описана так: «...при начале вала, верстах 10, сделан пригород Мензелинск, второй Заинск, третий – Старый Шешминск, четвертый – Новый Шешминск, пятый – Билярск, шестой Тиинск, от Билярска в 40 вер., ...Вал по этой линии был не сплошной; там где были леса устраивались засеки» (Вячеслав, 1874, с. 10).

Тетюшской засека действительно была одной из самых первых. Она начиналась от г. Тетюши, шла мимо дер. Пролей Каши и по берегу р. Карлы доходила до р. Свияги (Перетяткович, 1877, с. 72, 187). Затем линия проходила на Алатырь и далее на Арзамас и Темников. Датируется эта черта по разным сведениям 1555–1566 гг. или 1578 г. (Салихов, Хайрутдинов, 2002, с. 7–8; Ермолаев, 1982, с. 36). В первой половине XVII века данная линия была перенесена южнее и стала называться «Синбирским (Симбирским–А.Г.) земляным валом» или Синбирской чертой (Лебедев, 1986, с. 80–85).

В начале XX в. изучение Закамских линий обороны продолжалось (Карасев, 1911). Однако, не смотря на имеющиеся сведения, вопрос о длинных валах все также оставался. Большинство исследователей в XIX–XX вв. были склонны считать их болгарскими укреплениями, расходясь во мнении лишь об их назначении. С.М. Шпилевский, А.П. Смирнов, Р.Г. Фахрутдинов относили данные объекты к пограничным укреплениям Волжской Булгарии домонгольского времени. Н.Ф. Калинин считал их валами на границах отдельных феодальных земельных владений (Калинин, Халиков, 1954, с. 124). Также был запутан вопрос и о том, против кого они были созданы. Со времени С.М. Шпилевского утвердилось мнение, которое поддержал и А.П. Смирнов (Смирнов, 1951, с. 96), что «длинные валы» были сооружены на западе против походов русских князей, а

на востоке – против монголов.

Следует отметить – А.П. Смирнов специально не осматривал эти оборонительные сооружения. Поэтому карта его линий валов не совсем точна (рис. 251). Однако уже в начале 50-х гг. XX в., после непосредственных археологических обследований Западного Закамья, Н.Ф. Калинин подверг эти построения критике, отметив неточности в их нанесении. На его взгляд большинство этих линий не представляло определенной оборонительной системы (одну линию он вообще считал водоводом) (Калинин, Халиков, 1954, с. 120–124) (рис. 252–254). К болгарскому времени относил строительство и существование Никольского вала и О.С. Хованская, который, по ее мнению, служил для защиты южных рубежей и, в том числе, подходов к Болгарскому городищу (Хованская, 1958, с. 329).

Дальнейшее развитие выводы А.П. Смирнова получили в работах Р.Г. Фахрутдинова (Фахрутдинов, 1975, с. 32; Фахрутдинов, 1984, с. 67–70). Он не только включил их в корпус болгарских памятников, но и считал, что они возведены для защиты Биляра и Болгара (рис. 255). Здесь следует отметить, что объективных критериев для включения данных укреплений в ту или иную систему обороны авторы не приводят. Это позволяет считать одни и те же валы произвольно направленными против врага то с запада, то с юга. По-видимому, и способ защиты их также оставался неясен для исследователей, которые считали, что за этими валами скрывались обороняющиеся.

Имелись даже точки зрения о том, что эти валы сооружались в качестве ограды и защиты для многочисленных стад крупного рогатого скота. Отсутствие же археологических данных, которые бы выявили конструктивные особенности этих укреплений, время возникновения, делали все подобные выводы и заключения голословными.

Все это вынуждает думать о том, что нет ни одного серьезного факта говорящего в пользу болгарского происхождения «длинных валов». В то же время, их расположение, характерные особенности фортификации (реданный фронт, бастионы и др.) и, наконец, письменные источники заставляют считать их частью системы русских полевых укреплений входивших в засечные черты XVII–XVIII вв.

Еще в обобщающей работе «Военно-

оборонительное дело домонгольской Булгарии», вышедшей в 1985 г., И.Л. Измайлов правильно указал на то, что «многие из этих валов выполняли роль русских засечных черт для защиты от южных кочевников» и далее: «Остается недоказанным и сам тезис, что длинные валы являются частью общеполугарской системы обороны, так как не валы, а стены городов и крепостей являлись основой обороны рубежей...» (Измайлов, 1985, с. 13). Здесь также необходимо заметить – строительство подобных систем фортификационных сооружений свойственно и под силу только сильным централизованным государствам, что мы и знаем по примерам из истории. Волжская Булгария вряд ли во второй половине домонгольского периода относилась к таковым.

Данная точка зрения позже подтвердилась в результате археологических исследований. Появились данные об устройстве этих укреплений. Раскопки П.Н. Старостиным Маклашеевского вала в Спасском районе Республики Татарстан показали, что оборонительная насыпь перекрывает слой болгарского домонгольского селища. Зачистки валов на р. Шешме позволили установить, что все они однослойные, т.е. скорее всего позднесредневековые.

В свою очередь, исследования вала у с. Куралово (Спасский (Старокуйбышевский) вал) выявили его идентичность с Маклашеевским и, кроме того, он обращен как раз в направлении куста болгарских домонгольских памятников и не мог служить для их защиты. (Измайлов, 1991², с. 71–73). Также нами были изучены Никольский и Черемшанский валы (Губайдуллин, Измайлов, 2011, с. 56–65).

Никольский вал – расположен в Спасском районе Республики Татарстан близ с. Никольское на водоразделе между рр. Бездна и Волга (рис. 256). Он тянется от западной окраины села и вплоть до заболоченной местности и озера «Утиный озерок». Длина его около 2250 м. Линия укреплений состоит из двух валов и рва между ними. Высота насыпей составляла 1,5–2 м, ширина – до 8 м. Ширина рва – 6–10 м, глубина 1–2 м.

Судя по стратиграфии, по верху внутреннего вала был установлен частокол из бревен диаметром около 20 см (рис. 257). Время возведения этой линии укреплений позволили установить фрагменты русской глазурованной керамики, найденные в обо-

ронительной насыпи (Измайлов, 1991¹; Измайлов, 1991², с. 73). Судя по всему, Никольский вал являлся частью системы прикрывавшей подходы к р. Кама, а также переправу через нее.

Черемшанский вал – расположен на территории Черемшанского района Республики Татарстан. Он представляет собой оборонительную линию, состоящую из вала и рва, которая с перерывами тянется с запада от р. Волги на восток-северо-восток до г. Мензелинска (рис. 258). Она возведена на высокой (20–25 м) коренной террасе правого берега р. Бол. Черемшан в 1 км к северу от реки. Высота вала – до 1 м, ширина – около 8 м. Глубина рва – до 1,5 м, ширина – до 5 м (рис. 259). По верху оборонительной насыпи, вдоль ее внешней отлогости, нами в процессе археологических исследований были зафиксированы следы от частокола.

Недалеко к юго-западу, в этой же линии, находится также треугольный выступ-редан⁴¹ для установки пищали или пушки (рис. 260). Время возникновения и применения данного полевого укрепления относится только к XVII–XVIII вв. Еще западнее до сих пор существуют и остатки Черемшанской крепости (Фролов, 2002, с. 45–47). Она имела четыре бастиона⁴² по углам и небольшой рavelин⁴³ с восточной стороны (рис. 261).

Кроме вышеприведенных «длинных валов» археологически обследовались также Старокуйбышевский (Куйбышевский), Кожяевский, Карамышский, Елховский и Новошешминский валы. Пока не исследованы – Верхнеальмурзинский, Деушевский, Арбузовский, Молоствовский и Танкеевский валы.

Имея те данные, которые мы привели, можно уже с уверенностью утверждать о позднем характере всех этих объектов фортификации. Время строительства большинства из них относится к XVII–XVIII вв., а самых ранних – ко второй половине XVI в. Косвенным подтверждением этому может служить и возведение иных подобных линий

⁴¹ Редан – полевое укрепление, которое состояло из двух фасов, расположенных в виде исходящего угла.

⁴² Бастион – пятиугольное в плане оборонительное сооружение в виде выступа в крепостной ограде.

⁴³ Рavelин – фортификационное сооружение треугольной формы, расположенное перед крепостной стеной впереди рва.

защиты Московского государства в XVI–XVII столетиях, расположенных на других территориях (Лебедев, 1986; Гуркин, 2000; Голотвин, 2014, с. 584–589).

§ 6

Истоки фортификации

Вопрос об истоках средневековой фортификации государств Среднего Поволжья является одной из немаловажных проблем. В связи с этим, в завершение этой главы мы посчитали необходимым ее затронуть. Так, например, до сегодняшнего дня полностью не выяснено, кто оказал большее воздействие на полукочевых булгар в военно-инженерном деле. Ранее выдвигались различные точки зрения: влияние позднегородецкой (именьковской) культуры (Каховский, Смирнов, 1972, с. 17), Византии (Федоров-Давыдов, 1962, с. 63–64), Древней Руси (Смирнов, 1950).

Все подобные гипотезы основаны на отрицании инженерного искусства у болгарских племен или на относительно позднем влиянии одного или двух соседних народов, государств. Нужно, однако, отметить, что такой сложный и важный элемент культуры, как военное зодчество, не может быть перенят у кого-либо и затем чрезвычайно развит за короткое время, не имея для этого какой-то серьезной базы. Булгарское племенное объединение являлось наиболее примечательным по части навыков в земледелии, фортификации и градостроительстве, корни которых уходят в древность. Поэтому интересно обратиться к раннему периоду болгарской истории.

Ее истоки уходят вглубь веков, т.е. относятся еще к протобулгарскому времени. В Хронике Захария Ритора, относящейся к первой половине VI в., при описании различных земель и народов, например, говорится: «Базгун земля со [своим] языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, находящихся в пределах гуннских. За воротами [живут] бургары со [своим] языком, народ языческий и варварский; у них есть города и аланы, у них 5 городов» (Пигулевская, 2000, с. 568). Также, некоторыми исследователями, в частности П. Голденом, указывалось, что весь комплекс полученных знаний был перенесен булгарами еще из областей Казахстана и Западной Сибири: «Организованная городская жизнь была также отличительным признаком болгарских племен» и далее, ссылаясь на сооб-

щения Псевдо-Захария Ритора и Феофилакта Симокатты, автор пишет о существовании у булгар городов Бургар и Баката (Golden, 1981, с. 46).

Действительно, как указывают некоторые исследователи, прототюрки уже в начале нашей эры обживают Северное Приаралье. Здесь, несомненно, они испытали на себе значительное влияние державы Кангюй (Смагулов, Павленко, 1998, с. 146–147). Последняя, однако, не являлась просто кочевым государством. На его территории известны десятки городищ и селищ, принадлежащих скотоводческо-земледельческому населению (Смагулов, Павленко, 1998, с. 145). В связи с этим, мы не склонны считать протобулгар или, по-другому, носителей огузско-праболгарской группы прототюркских языков, как считал А.Х. Халиков (Халиков, 1989, с. 55), чисто кочевниками. В последнее время исследователи начинают пересматривать точку зрения о так называемой «кочевой стихии» и все больше говорят об элементах оседлости у кочевых народов и, в частности, о существовании у них поселений, в том числе и укрепленных (Кызласов, 1998, с. 47–64).

Немаловажную роль здесь сыграл уже имеющийся в этой области опыт, который был заимствован у одного из наиболее развитых кочевых народов древности, в большой степени влиявшим на окружающих, у племен хунну. Как указывал Л.Р. Кызласов, они задолго до переселения на запад «...вели комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство, развивая при этом горное дело, металлургию и другие ремесла» (Кызласов, 1984, с. 11). По данным Л.Р. Кызласова «...известно свыше 10 гуннских городков, укрепленных глинобитными стенами, валами, рвами и палисадами» (Кызласов, 1984, с. 11).

Примером может служить Иволгинское городище в Забайкалье. Памятник располагается на ровном месте и имеет подпрямоугольную форму. С одной своей стороны, восточной, он примыкает к обрыву поймы, а с трех сторон защищен поясом укреплений, «состоявшим из четырех валов и трех ровов...общей шириной 35–38 м» (Давы-

дова, 1985, с. 10). Основываясь на описаниях автора, можно предположить, что на самих валах также была установлена тыновая ограда (Давыдова, 1985, с. 12–13). Почти идентичны ему по планировке и линиям обороны некоторые болгарские городища домонгольского периода: Нижнекачевское, Коминтерновское II, Гусихинское и др. Необходимо отметить, что по современным археологическим материалам эти поселения были основаны не позже X в. К особенностям хуннских памятников Южной Сибири относится и возведение глиняно-земляных валов и реже глинобитных. На Алтае стены дополнялись деревянными конструкциями, относящимися к южносибирским технологиям, таким как основа стен и земляная забутовка (Тулуш, 2014, с. 477–480). Применялась и кольцевая форма городищ, что также позволяет провести некоторые параллели с болгарской дерево-земляной фортификацией.

Вообще на территории лесостепного Алтая в поздней древности и раннем средневековье были довольно распространены памятники с земляной фортификацией и деревянными стенами. Здесь кроме валов и рвов широко применялось и эскарпирование мысовых склонов и склонов террас, на которых располагались укрепленные поселения, а также использовались сложные системы проездов (Кунгуров, 2012, с. 137–140). Все это фиксируется и на территории Среднего Поволжья в средневековой науке об укреплениях. Примечательно, кстати, что в Дунайской Болгарии с приходом болгарских племен в VII в., традиция каменно-кирпичного строительства заменяется оборонительными сооружениями дерево-земляной конструкции. Например, в Плиске самые ранние укрепления «внутреннего города» представляли собой земляной вал с внутренней деревянной «арматурой» и двойную деревянную стену (Рашев, 2007, с. 104, 105; Георгиев, 2014, с. 202–206).

На территории Приаралья, где в конце III – начале IV вв. сложилось гуннское племенное объединение, в которое вошли и протоболгары, исследователи отмечают и «...небольшие укрепленные поселения с сырцово-архитектурой». Они относят все это к памятникам каунчинской археологической культуры (Смагулов, Павленко, 1998, с. 149). Некоторые параллели такому устройству крепостных сооружений про-

слеживаются на «Муромском городке», где древнейшая линия обороны состояла из рва и остатков двух параллельных глинобитных стенок с внутренней стороны (Матвеева, Кочкина, 1998, с. 23). Возможно, что эта конструкция крепостных сооружений была аналогична выявленной во время археологических исследований на территории ранней Плиски в Дунайской Болгарии. Здесь во внутренней части поселения зафиксированы остатки двойной полой деревянной стены т.н. «Деревянной крепости», облицованной глиной или материалом в виде кирпича-сырца (Георгиев, 2014, с. 207). Не исключено, поэтому, и некоторое их сходство или даже идентичность. Разница заключается лишь в принятой современной хронологии этих памятников – VIII и X в.

По-видимому, имело место и среднеазиатское фортификационное влияние. Это касается планировочных особенностей поселений. Сюда относятся памятники с концентрически вписанными друг в друга линиями укреплений. Они делили площадку на внутренний и внешний город. К таковым относятся раннесредневековые поселения Маргианы: Старый Кишман, Гебеклы, некоторые города Хорезма (Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, 1985, с. 378; Буниатов, 1986, с. 101), а также ряд городищ, расположенных на территории Казахстана имели сложную структуру с внутренним городом (Археологическая карта Казахстана, 1960). К подобному типу можно отнести Биллярское городище, находящееся в Закамье, а также города Плиска и Преслав в Дунайской Болгарии. Среднеазиатские корни имеют и укрепленные поселения, у которых цитадель стоит в системе городских стен – на углу или посередине одной из сторон. Сюда, например, относится Богдашкинское городище, расположенное в Предволжье.

Влиянию восточной фортификации подверглась впоследствии и Западная Европа. Однако это произошло значительно позже – только после начала Крестовых походов. В первую очередь примерами для крестоносцев послужили города Сирии и, конечно, Константинополь со своей концентрической организацией обороны (Томпсон, 2011, с. 200, 305, 307).

Иной тип болгарских поселений характеризуется башнеобразными выступами в системе укреплений. Данный принцип имел место на территории Ферганской области в

I–IV вв. н.э. Для примера можно привести городища Гайраттепе, Куюктепе, дома-замки, которые, правда, были построены из кирпича-сырца (Древнейшие государства..., 1985, с. 439). Из болгарских памятников к этой группе относится только «Девичий городок». Не исключено, что здесь имел место факт перенесения принципов строительства каменных (кирпичных) крепостей на дерево-земляные оборонительные сооружения. Это, однако, не влияло на их функциональные особенности.

Среднеазиатское происхождение имело и дополнительное препятствие–барьер, который выносился за внешний вал на некоторое расстояние от него. Данное крепостное сооружение, позднее получившее название фоссебрея, было довольно важным оборонительным элементом. Оно затрудняло доступ противнику непосредственно к самим крепостным стенам и, в первую очередь, не позволяло беспрепятственно придвигать осадную технику. В свою очередь и обороняющиеся могли выдвигаться далеко вперед от основных укреплений. Подобная конструкция отмечалась исследователями у ранне-средневековых оборонительных линий крепостей Средней Азии в виде невысоких стенок (Воронина, 1964, с. 46). Данный элемент обороны был перенят булгарами, которые достаточно эффективно его использовали. Это видно на примере осады русскими князьями в 1183 г. «Великого города» – Билляра (Измайлов, 1984, с. 103), в 1220 г. города Ошеля (ПСРЛ, 1856, с. 127; ПСРЛ, 1965, с. 330) и данных археологических раскопок (Халиков, 1976, с. 54).

Влияние позднеантичного мира также, несомненно, сказывалось на полукочевой среде ранних булгар. Все эти заимствования, по-видимому, происходили в период существования хорошо известного государственного образования *Magna Bulgaria*, занимавшего территорию Северного Причерноморья и Приазовья. Оборонительные линии многих болгарских укрепленных центров имели извилистую (ломаную) форму. Она позволяла более эффективно вести обстрел местности прилегающей к крепостным стенам, т.н. «эспланады». Особенно данный прием был результативен при отсутствии фланкирующих башен. В качестве примеров такого типа можно привести крепостные стены поселений Ольвийского государства первых веков нашей эры (Буйских, 1991, с. 24).

Необходимо отметить, что вышеприведенный тип оборонительных линий имеет аналогию в лесостепном Притоболье в виде Павлинова городища, датирующегося ранним железным веком. Его укрепления имели, по меньшей мере, четыре так называемых «исходящих угла» (Иванова, Батанина, 1993, с. 3). Связать это с чем-либо, на сегодняшний день, довольно затруднительно, ввиду малой исследованности вопроса. Данный прием более характерен для средневековья или древних государств Ближнего Востока (Герни, 1986, с. 101). Все же, можно высказать некоторое предположение. Наиболее близко географически памятники Сибири располагались с высокоразвитыми цивилизациями Средней Азии и существовали с ними синхронно. Южные соседи имели не только развитое градостроительство, но и, в том числе, военно-инженерную науку. Влияние же культуры среднеазиатских государств на окружающие территории и народы общеизвестно.

Интересна система укреплений некоторых болгарских поселений. Это, в первую очередь, неклассическая схема устройства обороны, представляющая собой двойной ров с валом. Такая система прослеживается на нескольких поселениях Волжской Булгарии: на Малотолкишском, Чуру-Барышевском, Татбурнаевском, Старотатадамском и других городищах. Всего таких памятников известно около десятка. Похожий принцип устройства оборонительных линий существовал и у позднеантичных поселений в римских провинциях, но с дополнительной каменной стеной с внутренней стороны (Буйских, 1991, с. 58).

Предположительно к этому влиянию может относиться и устройство проездных ворот некоторых болгарских городищ, когда оконечности крепостных стен при въезде заходят одна за другую – «внахлест». В то же время подъездная дорога устраивалась «...с левой стороны, ибо раз это будет достигнуто, тогда правый бок у подступающих, т.е. именно тот, который не будет у них прикрыт щитом, окажется в непосредственной близости к стене» (Витрувий, 1936, с. 35). Отметим, однако, что примеры этому известны и в Средней Азии в виде предвратных укреплений городищ Хорезма (Древнейшие государства..., 1985, с. 444).

Наибольшее количество укреплений болгарских городов и замков домонгольско-

го времени имели в системе обороны только исходящие углы. В основном, их величина равнялась 150–160 градусам, а расстояние между изломами варьировало обычно от 20 до 60 м. Судя по всему, в каждом конкретном случае проводился специальный расчет, применявшийся непосредственно к отдельно взятому поселению. Здесь в качестве примера можно привести линии обороны Луковского (Япанчино), Чуру-Барышевского, Тавлинского, Староматакского, Болгарского, Суварского городищ.

Стоит сказать и об одном обязательном элементе в системе военно-инженерных сооружений – оборонительных рвах. Они несли одну из главных функций по защите городов и крепостей и, к тому же, доставляли основную массу грунта для возведения валов. Рвы являлись труднопреодолимым препятствием для противника, который часто не рисковал их форсировать, т.к. там его ожидала смертельная опасность.

В основном, применялись рвы трапещиевидной или треугольной формы. Часто выкапывался не только тот или иной тип, но и создавалось их комбинирование на одном конкретном поселении. Наибольшим удельным весом у болгар пользовались рвы треугольной формы. Именно такой тип фиксируется на наиболее ранних болгарских городищах. Он также был заимствован у позднеримских укрепленных поселений Северного Причерноморья, а также имеет аналогии на некоторых хазарских памятниках, например на городище у с. Сидорово, расположенного в среднем течении Северского Донца (Кравченко, 2018, рис. 2–3). Он представлял собой в профиле треугольник с почти одинаковыми отлогостями и дренажной канавкой.

Несомненно, многие истоки военно-инженерной науки нужно искать и в салтово-маяцкой культуре. Например, необходимо отметить познания и использование булгарами техники каменной кладки при возведении крепостных стен. Здесь нужно упомянуть древнейшую Казань и Елабужское «Чертово» городище. Это, своего рода уникальное явление для Булгарского государства. Оно, тем не менее, не является исключением, т.к. ранние болгары имели подобный опыт строительства. В частности, аналогии Казанским укреплениям известны среди салтово-маяцких поселений Подонья и Таврики. Это Верхнесалтовское и Маяцкое городища,

а также раннебулгарские (хазарские) укрепления в Крыму (Баранов, 1990, с. 55–62). Для всех них характерна кладка крепостных стен панцирного типа без фундамента, состоящих из отесанных каменных плит или рваного камня. Подобного типа оборонительные сооружения имелись и на территории Дунайской Болгарии (Выжарова, 1987, с. 109), что, кстати, совершенно не характерно для византийской фортификации.

Еще одной немаловажной деталью является способ утрамбовки оборонительных насыпей при помощи вертикально вбитых деревянных кольев или свай. Данный прием был зафиксирован при исследовании линий укреплений Кураловского (Старокуйбышевского) городища (Измайлов, 1992, с. 115), «Девичьего городка» (Старостин, 1985, с. 37), города Болгара (Краснов, 1987, с. 114) и др. Аналогичны были и фундаменты стен Первого болгарского царства, где также применялись деревянные сваи вбитые в землю (Харбова, 1981, с. 107).

Территорию салтово-маяцкой культуры и Южную Сибирь можно считать и родиной болгарских многорядных систем укреплений, т.к. «... сооружение трех валов с напольной стороны особенность, не свойственная русским городищам и... известная строителям салтовских крепостей» (Плетнева, Макарова, 1965, с. 60). Примечательно, что данная «многорядность» применялась булгарами, в основном, только в домонгольский период, тогда как в эпоху Золотой Орды она почти сходит на нет.

Кроме принципов строительства основных системы обороны болгары принесли с собой из Подонья навыки строительства дополнительных укреплений, предназначенных для обороны наименее защищенных от нападения сторон местности. По мнению исследователей, их «... хорошо знали и пользовались им строители салтовских крепостей VIII–IX вв. Они познакомились с ним на бывших скифских городищах, для которых этот прием был характерен» (Плетнева, Макарова, 1965, с. 56, 60). Сюда же можно отнести и эскарпирование пологих склонов, устройство на них рвов. Наиболее типичными дополнительными укреплениями были и отдельные отрезки валов. Все они были призваны максимально обезопасить поселения от нападений, создать наиболее эффективную защиту. Булгары не только тщательно отбирали местность для размещения

и строительства будущих городов и замков, но и искусственно дополняли или исправляли рельеф для нужд обороны, что, зачастую, давало преимущество обороняющимся над противником.

Несомненно, что приведенные факты говорят больше в пользу Востока по части влияния в различных сферах жизни болгар, включая и науку об укреплениях, где мы видим своеобразный синкретизм. В связи с этим, точка зрения А.Х. Халикова о болгарских городищах, имеющих аналогии с Южной Сибирью, Средней Азией, Дунайской Болгарией, заложенных на основе салтово-маяцкой культуры, является наиболее аргументированной (Халиков, 1976, с. 38–39; Халиков, 1973, с. 93). Конечно, зачастую мы

видим довольно значительный хронологический разрыв между фортификационными аналогиями, однако каких-либо иных схожих по типу оборонительных сооружений других территорий и государств не наблюдается. Поэтому еще только предстоит поиск непосредственных связующих звеньев между ними.

Военно-инженерное дело Волжской Булгарии на начальном этапе основывалось на достижениях фортификации многих народов и имело высокий уровень развития, что позволило создать свою собственную школу. Свидетельством тому служат остатки валов и рвов, которые «...до сего дня стоят в твердости непоколебимой» (Рычков, 1770, с. 25).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становление и развитие фортификации в Среднем Поволжье в X–XVI вв. полностью связано с государствами, существовавшими в этом регионе – Волжской Булгарией домонгольского периода, Болгарским улусом Золотой Орды и Казанским ханством. Военное зодчество представляло один из главных элементов их структуры и служило важным гарантом существования и развития этих государств. Фортификационные сооружения выступали в роли показателя экономического потенциала, уровня военно-инженерного дела. Строго продуманное расположение на местности не только служило целям самообороны городищ, но и содействовало успешному функционированию сельской округи.

Некоторую информацию, содержащую данные по оборонительным сооружениям, мы можем почерпнуть из сведений, отраженных в письменных источниках. Их отрывочность и недостаточная полнота конечно не случайна, т.к. они были предназначены отображать наиболее важные события того времени. В связи с этим, задача полного описания некоторых аспектов военного дела и не стояла перед теми или иными авторами, независимо от их профессиональных знаний или отсутствия таковых. Однако, мы все же имеем довольно значительный материал для попытки раскрытия общей картины болгарского и «ханского» оборонительного зодчества.

Одним из основополагающих факторов пространственного размещения любых укрепленных поселений, а также формирования и развития их типов, всегда были природно-географические условия различных территорий. Не является здесь исключением и район Среднего Поволжья, которое имеет разнообразный ландшафт и состоит из трех крупных регионов.

Как известно, равнинные пространства, особенно летом или зимой, благоприятствуют для продвижения войск противника. Не смотря на это, распределение укрепленных поселений болгар чрезвычайно затрудняло и препятствовало свободе маневра любой неприятельской армии. Только хорошо спланированная, длительная акция вторжения с достаточным количеством войск и осадной техники способна привести к захвату тех

или иных территорий. Такая военная кампания, как известно, и была осуществлена монгольскими войсками во время похода на Волжскую Булгарию в 1236 г.

Нужно отметить весьма различное пространство на местности городищ Волжской Булгарии в регионах Среднего Поволжья, где мы видим прямую зависимость от строения рельефа. Укрепленные поселения второй пол. XV – первой пол. XVI вв., т.е. датирующиеся ханским временем, расположены только в Предкамье и Предволжье. Для этого временного периода серьезной преградой и защитой территорий от вторжений извне уже служили, в значительной мере, реки Волга и Кама. В связи с этим, наибольшее внимание уделялось контролю за местами переправ, причем независимо от времени года, тогда как другие участки побережий, являясь более защищенными природой, представляли собой естественную фортификацию. Существовала и немаловажная для всех трех регионов особенность, касающаяся природных защитных свойств лесов, которые не позволяли свободно передвигаться, кроме как по определенным дорогам и маршрутам. Это также отложило свой отпечаток на пространственное размещение городищ, которые не только контролировали различные пути, но и могли служить препятствием для вторжения возможного противника. Таким образом, некоторые из средневековых укрепленных поселений как раз и прикрывали подобные маршруты. Однако какие именно – сейчас сказать довольно сложно.

Многообразие планировочных особенностей городищ X – первой половины XVI вв. может свидетельствовать о высоком уровне местного военно-инженерного дела, которые, несомненно, были связаны со сложными рекогносцировочными работами по всей территории этих средневековых государств. В основном, в данный период времени использовались наиболее защищенные природой местности, причем независимо от регионов. Наблюдается довольно интересная специфика в планировочных особенностях исследуемых средневековых городищ. Она заключается в существовании укрепленных поселений, состоящих из двух

и более площадок. Несомненно, что наличие нескольких отдельно расположенных линий валов и рвов, явно улучшало защиту. Это также делило городища на т.н. «внутренний город» и «внешний город», причем внешняя их часть – болонье, вмещала не только отдельные жилые усадьбы, но также служила убежищем для различных торговцев и их товаров, окрестных жителей и скота в случае военной угрозы.

Системы оборонительных линий городищ представляли собой разнообразную картину. Они варьировали от простой схемы: один вал–один ров, до наиболее сложной: четыре вала–четыре рва. Самое большое по количеству на территории Среднего Поволжья, особенно в домонгольское время, получила распространение первая схема, заключая в себе 48% от всех линий обороны. Следом за ней применялась схема два вала–два рва – это 19% укреплений от общей численности. В данном случае наблюдается определенная «универсальность», свойственная данным крепостным сооружениям в средневековой военно-инженерной науке, распространенной и применяемой в регионе. Они, таким образом, являлись своего рода «классическими» для фортификации государств, располагавшихся в Среднем Поволжье, что может говорить и о некоторой преимущества в принципах и способах обороны большинства поселений на протяжении X – первой половины XVI вв.

Зачастую, кроме напольной стороны, многие из данных городищ укреплялись и с наименее защищенных сторон при помощи дополнительных линий обороны, которые состояли из валов и рвов. Применялось, в некоторых случаях, и эскарпирование пологих мысовых склонов и краев террас, что искусственно дополняло, или даже исправляло детали рельефа для потребностей защиты поселений. К дополнительным оборонительным линиям можно отнести и еще один тип – гласисобразную насыпь, сооружавшуюся булгарами в общем поясе основных укреплений с напольной стороны городищ. Она представляла собой отлогую к полю земляную постройку, возводившуюся перед самым рвом, непосредственно за которым шел контр-эскарп. Ее предназначение заключалось в дополнительном затруднении штурма укреплений для нападающего неприятеля. Она существенно увеличивала глубину и ширину рва, а также облегчала

осажденным обстрел непосредственно прилегающей местности.

На всем протяжении истории развития и существования фортификации в Волжской Булгарии, Болгарском улусе Золотой Орды и Казанском ханстве в качестве замены, а также дополнения функций крепостных башен по продольной защите прилегающей к куртинам территории, применялись изломы систем укреплений, которые состояли из т.н. «входящих» и «исходящих» углов. Первые представляли собой углы оборонительных линий, направленные внутрь площадки городища, а вторые – во внешнюю сторону. Входящие углы защищали местность перед собой перекрестной стрельбой, а исходящие производили двустороннюю фронтальную оборону. Вполне вероятно, что это связано с возможным частым отсутствием на этих памятниках крепостных башен или бастионообразных выступов, за исключением воротных проездов, обычно защищаемых дополнительными разновидностями крепостных конструкций. В то же время, создание данного типа обороны было более дешевым при строительстве (например, по сравнению с возведением крепостных башен), но все же не менее эффективным для защиты поселений. Во входящих углах часто устраивались и воротные проезды. Это позволяло более эффективно их контролировать, а также оборонять во время штурма. Кроме того, для защиты въездов на городища использовались башни или рондели, а также проезды типа переболлов, траверсов и др. Сами подступающие дороги иногда устраивались не с напольной стороны, а по краям террасы, мыса или дну оврага, что максимально затрудняло доступ непосредственно к воротам.

На территории Волжской Булгарии первыми типами оборонительных сооружений, судя по имеющимся материалам, были ограды из рвов, частоколов и столбовых конструкций, иногда дополненных невысокой земляной насыпью. По мере развития военно-инженерного дела, укрепления булгарских городищ совершенствовались и проходили, зачастую, несколько стадий. Появились поселения с дерево-земляными и каменными стенами, которые имели ломаную форму, а в некоторых случаях и бастионообразные выступы и башни.

Прослеживается эволюция дерево-земляных оборонительных сооружений от от-

носителем простого к сложному. Особенно хорошо это видно на примере памятников военного зодчества домонгольского периода истории Волжской Булгарии. Она начиналась с возведения крепостных стен в виде частоколов или тыновых оград в X–XI вв. Также в болгарской военно-инженерной науке применялись столбовые конструкции (каркасно-столбовые), часто двухрядные с внутренней забутовкой, которые не позже XII века переросли в создание более сложных срубных укреплений по всей территории государства. Причем, нужно отметить, тип «ранних» крепостных сооружений использовался на протяжении всего домонгольского периода и не только в качестве дополнительных, но и в качестве основных. Все зависело от социального статуса городищ, их роли в обороне, месторасположения, а также принципа разумной достаточности.

Наивысшего расцвета болгарская фортификация достигает во второй половине домонгольского периода. Именно в это время Волжская Булгария смогла почти тринадцать лет противостоять вторжениям извне. Прошедший столь значительный временной промежуток зависел от многих факторов, и не исключительно от внутривосточных и внешнеполитических. Это было следствием не только высокого уровня военной подготовки войск и героизма населения Болгарского государства. Одной из главных причин, позволивших первоначально сдерживать войска монгольских ханов, оснащенных передовыми средствами осады и взятия городов, в первую очередь, явилась высокая степень развития военно-инженерного дела, а также существовавшая система отдельных оборонительных узлов в виде укрепленных поселений, расположенных по всей территории Волжской Булгарии.

Фортификация, как наука, развивалась и на территории Болгарского улуса Золотой Орды, т.е. практически без перерыва. Об этом можно судить не только исходя из датировки оборонительных линий, но и принимая во внимание прослеживающуюся эволюцию в развитии укреплений, что, также вероятно, свидетельствует и о сохранявшихся военно-инженерных школах и существовании военных инженеров. Для этого времени можно констатировать факт продолжавшегося возведения крепостных сооружений. Об этом же свидетельствует и сохранение всего комплекса традиций строительства

защитных дерево-земляных конструкций и технологических приемов, применявшихся при их сооружении. На некоторых городищах в XIII–XIV вв. могли использоваться и построенные ранее укрепления, для функционирования которых, по-видимому, достаточно было просто проведения ремонтных работ. На болгарских памятниках этого хронологического периода прослеживается большинство известных, а также использованных с домонгольского времени типов крепостных стен – это тыновая ограда, столбовая конструкция (каркасно-столбовая) и городни.

Несмотря на небольшое количество известных городищ Казанского ханства и, соответственно, объектов фортификации, у нас есть широкий спектр их типов и знаний, касающихся технологии их возведения. На сегодняшний день известно применение в строительстве тарас и каменных стен для обороны Казани, городней – на Камаевском и Чаллыном городищах, столбовых конструкций или городней на Утернясьском, а также, возможном наличии тыновой ограды на Тавлинском и Арском городищах.

К средствам защиты относились и системы надолбов, которые применялись в фортификации домонгольского и золотоордынского времени. Они размещались в шахматном порядке, как с напольной стороны, так и в самом рву. Кроме того, устанавливались и ряды частокола с напольной стороны вдоль контр-эскарпа. Также, иногда, они образовывали дополнительное препятствие-барьер, вынесенный на некоторое расстояние от основной линии крепостных стен и позже получивший название фоссе-брея. Она предназначалась для затруднения подступа противнику и его осадной техники непосредственно к основным укреплениям, а также давала прикрытие и возможность выдвигаться вперед обороняющимся для обстрела и сдерживания неприятеля на расстоянии.

Основываясь на материалах исследований, мы можем констатировать факт применения на территории Среднего Поволжья в X – середине XVI вв. всех крепостных конструкций, которые включали в себя частокол, тыновую ограду, столбовую конструкцию (каркасно-столбовую), городни и тарасы. Однако, все же говорить о полном сходстве всех типов укреплений с древнерусскими не приходится, т.к. прослеживается определен-

ная местная специфика, к которой относятся многорядность линий обороны, способы возведения валов, частое отсутствие в них срубных или иных конструкций, хронология и др. Не мог не накладываться свой отпечаток и факт существования в регионе значительного количества городищ, занимавших большую площадь, а значит имевших довольно протяженные линии валов и рвов. Как следствие этому, строились и сложные системы, призванные их оборонять. Особенно это хорошо прослеживается на укрепленных поселениях домонгольского времени.

Вопрос о повсеместном применении и количестве крепостных башен в укреплениях поселений требует отдельного рассмотрения. Например, для домонгольского времени их численность в оборонительных системах городищ, скорее всего, была незначительной. Нужно принимать во внимание и целесообразность возведения в том или ином месте данных элементов военного зодчества, а также высокую стоимость строительства по сравнению с крепостными стенами. Вряд ли можно сомневаться в том, что только воротные проезды должны были иметь максимальную защиту, которая включала и проездные башни. Не вызывает сомнений в этом вопросе лишь эпоха Казанского ханства, для которой имеются различного рода свидетельства использования данных элементов фортификации.

Форма бойниц в крепостных сооружениях, построенных из дерева, часто вызывает вопросы. В этом плане для каменных построек все относительно ясно, т.к. мы имеем множество сохранившихся примеров в виде узких вертикальных или квадратных отверстий. Аналогий же для деревянных конструкций практически не сохранилось, за исключением довольно поздних музеефицированных русских острогов Сибири, относящихся к XVII в. Однако для них характерны бойницы, приспособленные для огнестрельного оружия – небольшие или средние по размерам подквадратные отверстия, прорубленные в стенах. Формы этих проемов, возможно, зависели от конструкции стенок прикрытия боевого хода. Если они состояли из горизонтальных бревен, то и отверстия в них должны были быть аналогичными. В случае устройства парапетов из вертикальных брусьев – проемы в них делались такими же.

Автор работы придерживается давней и

наиболее распространенной точки зрения и склонен считать, что бойницы в деревянных крепостных сооружениях были горизонтальными (или вертикальными), но, в любом случае, устраивались в стыках бревен, наподобие «волоковых окон». Это, несомненно, относится только к исследуемому хронологическому периоду, в основном относящемуся к доогнестрельному времени. Возможно, что данные отверстия для ведения стрельбы из луков и арбалетов иногда могли быть и более широкими, и имели подквадратную форму, закрываясь специальными ставнями. Тем не менее, в таком случае, прочность стенки прикрытия боевого хода существенно нарушалась. В эпоху же Казанского ханства должны были произойти некоторые изменения в их устройстве, т.к. данный период времени уже соотносится с более широким применением пороха и артиллерии для обороны крепостей.

Крепостные постройки в виде городней или тарас, имевшие в верхней части хорды (обламы) с навесными бойницами типа машикулей, наиболее подходили для эффективной защиты городищ. Они представляли собой наиболее грозную силу при обороне, что очень часто вместе с глубокими рвами давало перевес над нападением. Это позволяло проводить комбинированную защиту, как на дальнем расстоянии, так и на ближнем. Преимуществом являлось то, что площадка боевого хода на стене или башне закрывала обороняющихся от поражения неприятельскими камнями и стрелами. Их недостаток заключался в том, что это прикрытия можно было сбить прямыми попаданиями мощных камней типа требюше или перьеров, которые могли использовать монгольские войска во время нашествия на Волжскую Булгарию, Древнюю Русь и Западную Европу.

По материалам археологических исследований в болгарской военно-инженерной науке прослеживается и влияние разных фортификационных школ. Так при сохранении общих инженерных тенденций как конструктивных, так и хронологических – присутствовали и некоторые варианты в способах строительства и системах обороны. Например, здесь можно выделить условно называемые «центральной» и «западную» школы. К первой относятся памятники военного зодчества центральных районов Волжской Булгарии, включая и некоторые городища расположенные непосредственно

в правобережье р. Волги, а ко второй, в основном, оборонительные объекты, находящиеся на территории Верхнего Посурья и в Предволжье.

Для средневековых памятников фортификации Среднего Поволжья выделяются несколько типов деревянных внутривальных конструкций. Сюда входят, например: срубы, частокол, опалубка, каркас в виде деревянных решеток и др. Они давно общеприняты исследователями и фиксируются на некоторых памятниках фортификации. Возможно также, что иногда современная насыпь вала может являться остатками некогда развалившейся или намеренно разрушенной срубной крепостной стены, имевшей внутреннюю засыпку, которая некогда была установлена на дневную поверхность. Поэтому при археологических исследованиях необходимо отдельно рассматривать каждое оборонительное сооружение, обращать внимание на его местонахождение, размеры, форму и т.д.

Во все времена профилировка валов и рвов, в свою очередь, относилась к немаловажным факторам в военно-инженерном деле любого государства. Так разнообразие форм и типов рвов, подразумевало их предназначение не только для пассивной, но и активной обороны, что говорит о специальном выборе при строительстве данной искусственной преграды для каждого конкретного укрепленного поселения, его месторасположения и размеров. В основном, типичными профилями рвов являлись трапеция или треугольник.

Средневековые городища данной территории имели как тот или другой тип в отдельности, так и их комбинирование на одном памятнике. Используя имеющиеся у нас сведения, можно говорить о наибольшем удельном весе рвов треугольной формы. Они представляли большую сложность для преодоления их атакующим противником. Однако, в отличие от рвов трапециевидных, треугольные давали меньше грунта при выемке для возведения оборонительной насыпи, что заставляло дополнительно доставлять землю со стороны. Также их было легче засыпать во время осады, что обычно и делали осаждающие при помощи фашинов и др.

Сами крутости склонов рвов часто имели различное заложение. В некоторых случаях контр-эскарп создавался круче, чем эскарп или наоборот. Иногда отлогости рвов делались одинаковыми. Это было связано,

по-видимому, со специальными инженерными расчетами при строительстве конкретных укреплений отдельно взятого городища, а также его особенностей. Угол наклона крутостей склонов зависел и от структуры почвы, в которой выкапывался ров, что часто прослеживается при археологических раскопках средневековых городищ. Например, в супесчаном грунте заложения отлогостей эскарпа и контр-эскарпа создавались более значительными (пологими). То же самое касается и оборонительных насыпей, где характер применявшейся земли влиял на их возводимую форму. Таким образом, теоретически, имея данные по ее составу, использованному для возведения оборонительных насыпей, можно также с долей вероятности определить, как они выглядели первоначально в древности. Более плотный грунт позволял создавать и более крутые отлогости валов, что было очень важно для защитных функций.

Дополнительные меры защиты земляных насыпей от осыпания при использовании обкладки их дерном, глиняной обмазки, обжига, каменных панцирей или решеток из деревянных слег и кольев, не являлись существенными факторами, определявшими формы валов. В тех же оборонительных насыпях, где использовались в качестве ядра деревянные срубы или иные конструкции, величина крутостей должна была подчиняться тем же законам, что и у простых валов.

Для определения первоначального фортификационного облика поселений требуется проведение анализа всего комплекса оборонительных сооружений, топографии местности и многого другого. Зачастую на одном конкретном памятнике могли применяться различные типы крепостных стен: с наиболее угрожаемых сторон – более мощные конструкции, а там где эскалада была наиболее затруднена из-за особенностей рельефа – более простые. В связи с этим, при реконструкции фортификации любого городища необходимо учитывать такие возможности.

Довольно сложным остается вопрос по определению социального статуса городищ. Только используя исчерпывающие археологические сведения, можно с долей вероятности отождествлять тот или иной памятник с конкретным типом поселения. Несомненно важным подспорьем, тем не менее, могут быть данные о занимаемой городищами

площади, являющейся одним из важных характеризующих элементов. Необходимо и привлечение сведений по окружающим селищам: наличие или отсутствие таковых, их размеры, мощность культурного слоя, характер археологического материала.

Во время монгольского нашествия основные болгарские города, взятые штурмом, были уничтожены, но уже вскоре произошел процесс стабилизации и некоторые укрепленные поселения возрождаются, а также продолжают развиваться те, кто не подвергся разгрому. Например, Болгарское городище в золотоордынское время значительно расширяет свою территорию и уже в 40-е годы XIV века вокруг него воздвигается вал и ров с крепостными стенами и дополнительными укреплениями. На примере археологически исследованных памятников фортификации хорошо представлена тенденция преемственности и дальнейшего развития болгарских укрепленных поселений в XIII–XIV вв., поэтому широко распространенная точка зрения о запрете возведения крепостных сооружений на всех подвластных Золотой Орде территориях не является верной. Можно констатировать, что меньше половины городищ существовало два периода истории Волжской Булгарии. Большая же их часть возникает на новых местах уже в середине – второй половине XIII в.

В многолетнем процессе изучения территории Среднего Поволжья исследователи обращали внимание и на остатки так называемых «длинных валов». Большинство считало их болгарскими укреплениями, расходясь во мнении лишь об их назначении. Отсутствие же археологических данных, которые бы выявили конструктивные особенности этих сооружений, время их возникновения, делали все подобные выводы и заключения голословными. В то же время, их расположение, характерные особенности фортификации

(реданный фронт, бастионы и др.) и, наконец, письменные источники заставляют считать их частью системы русских полевых укреплений, входивших в засечные черты XVII–XVIII вв. Данная точка зрения подтвердилась и в результате археологических исследований. Таким образом, можно констатировать, что время строительства большинства из т.н. «длинных валов» относится к XVII–XVIII вв., а самых ранних – ко второй половине XVI в.

Вопрос об истоках средневековой фортификации государств Среднего Поволжья также является одной из немаловажных проблем. До сегодняшнего дня полностью не выяснено, кто оказал большее воздействие на болгар в военно-инженерном деле. Его истоки уходят вглубь веков и относятся еще к протоболгарскому времени. Весь комплекс полученных знаний был перенесен булгарами еще из областей Казахстана и Западной Сибири. Несомненно, многие истоки военно-инженерной науки нужно искать и в салтово-маяцкой культуре.

Результаты, полученные нами в ходе комплексного исследования фортификации Волжской Булгарии, Болгарского улуса Золотой Орды, а также эпохи Казанского ханства, располагавшихся в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв., позволяют сделать вывод об эволюционном развитии военно-оборонительного дела, его высоком инженерно-технологическом уровне. Наука о строительстве и обороне крепостных сооружений соответствовала уровню теории и практики других государств средневековья. При наличии заимствований в принципах возведения и использования подобных сооружений у народов Евразии, на исследованной территории сложилась региональная военно-инженерная школа, что подтверждается на всех этапах развития фортификации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:**ИСТОЧНИКИ***Архивные материалы*

- Аксенова Н.Д. Отчет о работах на Болгарском городище в 1969 году // АИА РАН. Р-1, № 3921. Казань, 1970. 53 с.
- Ахмаров Г.[Н.] Городище Япанчино на реке Кубне // ОРРК. Казань: б.и., 1891. 8 л.
- Белорыбкин Г.Н. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1986 году. Пенза, 1987 // Архив Пензенского гос. педагог. ун-та. 19 с.
- Белорыбкин Г.Н. Отчет об археологических исследованиях Садовского городища II в 1989 г. Пенза, 1990 // Архив Пензенского гос. педагог. ун-та. 22 с.
- Белорыбкин Г.Н. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1993 году. Пенза, 1994 // Архив Пензенского гос. педагог. ун-та. 11 с.
- Губайдуллин А.М. Отчет – Археологические работы в зоне Куйбышевского водохранилища в пределах Республики Татарстан. Казань, 1993 // Архив ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. № 47. 10 л.
- Губайдуллин А.М. Отчет об археологических разведках на территории Лаишевского района Республики Татарстан в 1994 г. Казань, 1995 // Архив ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. № 56. 15 л.
- Зубов С.Э. Отчет об охранно-спасательных археологических работах на Междуреченском городище в Сызранском районе Самарской области. Самара, 1990. Т. I // Архив Самарского гос. ун-та. 26 с.
- Измайлов И.Л. Отчет о полевых работах на Богдашкинском городище и могильнике (Тетюшский район ТССР) и памятниках разрушающихся в Куйбышевском районе ТССР в зоне Куйбышевского водохранилища (Старокуйбышевский (Спасский) комплекс памятников) в 1990 году. Казань, 1991¹ // Архив ИЯЛИ АНТ. Л. 2–5.
- Кавеев М.М. Отчет об исследовании Болгарского городища на раскопе СХХVII. Казань, 1998. Док. Фонд БГИАМЗ. Инв. № 757–6/112.
- Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVII века. Дисс. на соискание ученой степени док. ист. наук. Машинопись // Архив ИЯЛИ. Ф. 8. Оп. I. Ед.хр. 202, 203. Казань, 1957. 433 с.
- Краснов Ю.А. Исследования на западной части большого вала. Раскоп XVIII – 1967 // БГИАМЗ. Док. фонд. № 5–1. Казань, 1968. 39 с.
- Полубояринова М.Д. Отчет о работах в Болгарах в 1977 г. Раскоп LVII // АИА РАН. Р-1, № 6709. Москва, 1978. 103 с.
- Полубояринова М.Д. Отчет о работе на Болгарском городище на раскопе № LXXIII 1980 г. // АИА РАН. Р-1. № 7681. Москва, 1981. 16 с.
- Савенков Н., Крапивин И. План Болгара 1732 г. // РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 4–1.
- Ситдигов А.Г. Средневековая Казань: историко-археологическое исследование (XI – первая половина XVI в.) Дисс. на соискание ученой степени док. ист. наук: 07.00.06. Машинопись // Архив ИИ АН РТ. Казань, 2013³. 512 с. + Прил. (186 с.: ил.).
- Смирнов А.П. Отчет об археологических исследованиях г. Суvara в 1933 г. // Архив ЛОИА. Л., 1933. Ф. № 2. Оп. 1. № 140. 167 с.
- Смирнов А.П. Краткий отчет Суварской экспедиции 1934 г. // Архив ЛОИА. Л., 1934. Ф. №2. Оп. 1. № 419. 3 с.
- Халиков А.Х. Отчет Казанского отряда экспедиции «Булгар–Киев» за 1990 год. Машинопись // Архив научного фонда Музея археологии ИА АН РТ. Казань, 1991. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70. 96 л. с илл.
- Хлебникова Т.А., Ледайкин В.И. Отчет Болгарского отряда ПАЭ – 1967². р. XVI // АИА РАН. Р-1. № 3480. Москва, 1967. 15 с.
- Хлебникова Т.А. Отчет о работах на раскопках XLI в 1972 г. на городище «Великие Болгары» // АИА РАН. Р-1. № 4719. Казань, 1973. 22 с.
- Хлебникова Т.А., Полякова Г.Ф. Отчет о работах в Болгаре на раскопе XLVI // АИА РАН. Р-1. № 5144. Казань, 1974. 21 с.
- Хлебникова Т.А. Отчет о раскопках Болгарского городища в 1976 году. Отчет о работах

на ЛП раскопе // АИА РАН. Р–I. № 6415. Казань, 1977. 14 с.

Хлебникова Т.А., Савченкова Л.Л. Отчет об исследованиях Болгарского городища в 1981 г. Раскоп LXXVIII // АИА РАН. Р–I. № 8520. Казань, 1982. 12 с.

Хлебникова Т.А., Беляев Л.А. Отчет о работах на раскопе LXXIX в Болгарах на «Малом городке» // АИА РАН. Р–I. № 8520. Казань, 1982. 9 с.

Опубликованные источники

Витрувий Марк Поллион. Об архитектуре. Десять книг / Под ред. А.В. Мишулина. Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1936. 344 с.

Воскресенская летопись // Русские летописи. Рязань: Узорочье, 1998. Т. 2. 646 с.

Воскресенская летопись // Русские летописи. Рязань: Узорочье, 1998. Т. 3. 624 с.

Герберштейн С. Записки о Московии / Под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

Греческие полиоркетики. Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела // Античная библиотека / Под ред. А.В. Мишулина. СПб.: Алетейя, 1996. 352 с.

Древняя Казань глазами современников и историков / Составители и авторы комментариев Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдинов. Казань: Фест, 1996. 448 с.

Записки Юлия Цезаря // Классики исторической мысли / Пер. и коммент. М.М. Покровского; Гай Саллюстий Крисп. Сочинения / Пер., статья и коммент. В.О. Горенштейна. М.: Ладомир–АСТ, 1999. 750 с.

Знаменитые люди о Казани и Казанском крае / Составители, авторы биографий и комментариев А.В. Гарзавина, И.А. Новицкая. Казань: Kazan–Казань, 1999. 424 с.

Казанская история / Подготовка текста, вступ. статья и прим. Г.Н. Моисеевой. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 194 с.

Клари, Робер де. Завоевание Константинополя // Памятники исторической мысли / Отв. ред. З.В. Удальцова. М.: Наука, 1986. 176 с.

Книга Марко Поло. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения / Под ред. Г.И. Патлиной. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1990. 352 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Изд-во Импер. Акад. наук, 1773. Ч. I. 786 с.

Полное собрание ученых путешествий по России: Записки путешествия академика Лепехина. СПб.: Изд-во Импер. Акад. наук, 1821. Т. 3. 552 с.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / Сост. Д.А. Муштафина, В.В. Трепавлов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. 392 с.

ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку. М.: Восточная литература, 1962. 578 с.

ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Наука, 1962. 384 с.

ПСРЛ. Т. VII. Воскресенская летопись. СПб.: Типография Э. Праца, 1856. 355 с.

ПСРЛ. Т. XII. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. 272 с.

ПСРЛ. Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. 310 с.

ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Наука, 1965. 505 с.

ПСРЛ. Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. 546 с.

ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Петроград: Археографическая комиссия, 1921. 272 с.

Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публикация О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М.: Главная редакция восточной литературы, 1971. 137 с.

Рычков Н.[П.] Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб.: Изд-во Импер. Акад. наук, 1770. 189 с.

Рычков Н.[П.] Продолжение журнала или дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства, 1770 году. СПб.: Изд-во Импер. Акад. наук, 1772. 132 с.

Стрейс Я.Я. Три путешествия. Рязань: Александрия, 2006. 496 с.

Типографская летопись // Русские летописи. Рязань: Узорочье, 2001. Т. 9. 576 с.

Флавий И. Иудейская война // Классики исторической мысли / Отв. ред Т.Г. Ничипорович. Минск: Современный литератор, 1999. 704 с.

ЛИТЕРАТУРА

Айдарова-Волкова Г.Н. Архитектурная культура Среднего Поволжья XVI–XIX веков: модель развития, структура типов, влияния. Казань: Казанская архитектурно-строительная академия, 1997. 196 с.

Арсланова А.А. Сведения Ала ад-Дина Джувейни о завоевании монголами Волжской Булгарии // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 33–43.

Артемьев А.[И.] Древний Болгарский город Жукотин // ЖМВД. СПб.: Изд-во Мин-ва внутр. дел, 1851. Ч. XXXIII. Кн. 1. С. 56–74.

Артемьева Н.[Г.] Памятники чжурчжэньского государства Восточного Ся на территории Приморья (1215–1233 гг.) // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. Т. 2. С. 3–9.

Артемьева Н.Г. Фортификационные сооружения чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215–1233) // Форум «Идель–Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель–Алтай: истоки евразийской цивилизации». Тезисы докладов. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 4–7.

Артемьева Н.Г. Столичные города государств Восточного Ся эпохи Цзинь // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. III. С. 439–444.

Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1960. 192 с.

Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1981. 212 с.

Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.

Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. 110 с.

Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск / авторы–составители: Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. 38 с.

Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск / авторы–составители: Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. 38 с.

Археологические памятники бассейна р. Черемшан / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1990. 112 с.

Археологические памятники Восточного Закамья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. 100 с.

Ахмаров Г.[Н.] Городище Япанчино на Кубне // ИОАИЭ. Казань: Изд-во Казанского унта, 1894. Т. XII. Вып. 2. С. 179–182.

Баранов В.С. Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 313–353.

Баранов В.С., Губайдуллин А.М. О некоторых итогах изучения домонгольских напластований Болгарского городища на раскопах CLXXII и CLXXVI в 2012 году // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 193–218.

Баранов И.А. Сугдея VII–XIII вв. К проблеме формирования средневекового города // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Происхождение и эволюция раннесредневекового города / Глав. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. Т. I. Вып. 2а. С. 19–26.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура) / Отв. ред. О.М. Приходнюк. Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.

Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат. 1998. 192 с.

Башкиров А.С. Памятники болгаро-татарской культуры на Волге. Казань: «Татполи-

граф» школа ФЗУ им. Луначарского, 1928. 117 с.

Башкиров А.С. Экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры летом 1928 года // МОРППТ. Казань: Изд-во Наркомпроса, 1929. Вып. III. С. 27–36.

Белавин А.М. “Камский торговый путь из Болгара в страну Вису и Чулман” // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков: материалы международного симпозиума. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 161–172.

Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2000. 200 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск / Под. ред. Е.Е. Покровской. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. 603 с.

Белорыбкин Г.Н. Оборонительные сооружения городищ болгарского времени в Пензенском крае (Сурская группа) // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 112–120.

Белорыбкин Г.Н. Монголы в землях обугаризированных буртас // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 82–87.

Белорыбкин Г.Н. Новые открытия на Юловском городище // Поиски и находки: из записных книжек краеведов. Саратов: Приволжское кн. изд-во (Пенз. отд-ние), 1990. Кн. 2. С. 3–9.

Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.–Пенза: Изд-во Пензенского гос. педагог. ун-та, 2001. 198 с.

Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза: Изд-во Пензенского гос. педагог. ун-та, 2003. 200 с.

Беляев Л.А., Елкина И.И., Лазукин А.В. Новые исследования на территории Малого городка Болгара // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 151–163.

Беляев Л.А., Елкина И.И., Лазукин А.В. Малый городок: исследования 1981–1984 и 2011–2015 годов // Материалы и следования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Л.А. Беляев. Казань–Москва: Поволжье–НН, 2018. Т. I. 136 с., илл.

Беляева С.А. Южнорусские земли во второй половине XIII–XIV в. Киев: Наукова думка, 1982. 119 с.

Березин И.Н. Булгар на Волге. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1853. 92 с.

Бетьковский В.Е. Село Матаки (Казанской губернии, Спасского уезда) // ИОАИЭ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1880. Т. II. С. 180–183.

Богдановский М.[А.] Инженерно-исторический очерк осады Казани 7060–7061 (1552) гг., с 5-ю листами чертежей // Инженерный журнал. СПб.: Типография и литография В.А. Таханова, 1898. № 8. 64 с.

Богдановский М.[А.] К вопросу о расположении городской стены казанского посада в 1552 г. СПб.: Типография и литография В.А. Таханова, 1899. 17 с.

Бокшанин А.А., Непомнин О.Е. Лики Срединного царства. М.: Восточная литература, Институт Востоковедения РАН, 2002. 365 с.

Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. М.: Наука, 2002. № 3. С. 79–97.

Борисов В.Л. Описание развалин города Болгара подполковником Свечиным в 1765 г. // ИОАИЭ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1898¹. Т. XIV. Вып. 5. С. 572–576.

Борисов В.Л. «Историографическое описание о Казанской губернии» Капитона Милковича // ИОАИЭ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1898². Т. XIV. Вып. 5. С. 497–518.

Борисов В.Л. Критическая статья по поводу книги Богдановского «Инженерно-исторический очерк осады Казани 7060-7061 (1552) гг.» // ИОАИЭ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1898³. Т. XIV. Вып. 6. С. 700–715.

Борисов В.Л. Древняя башня в г. Арске Казанской губернии // ИОАИЭ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1900. Т. XVI. Вып. 3. С. 292–298.

Борисов В.Л. Древнее поселение близ деревни Старый Урмат Казанского уезда // ИОАИЭ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1901. Т. XVII. Вып. 1, 4. С. 61–63.

Бороздин И.Н. Археологические разведки в Кремле. Разведка близ Киприановой церк-

ви // МОРППТ. Казань: Татар. кн. изд-во, 1929. Т. III. С. 27–36.

Брей У., Трамп Д. Археологический словарь / Отв. ред. В.П. Алексеев. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры) / Отв. ред. С.Д. Крыжицкий. Киев: Наукова думка, 1991. 160 с.

Бунятов З.М. Государство Хорезмшахов–Ануштегинидов (1097–1231) / Под ред. Л.В. Негря. М.: Наука, 1986. 248 с.

Бурханов А.А. Новые археологические исследования в Закавказье и Казани (предварительное сообщение) // *Tatarica*. Казань: Институт истории АН РТ, 1997/98. № 1. С. 137–144.

Бурханов А.А., Измайлов И.Л. Новые данные по фортификации Казанского ханства (по итогам раскопок памятников Закавказья) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Сборник тез. докл. конф. / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: Изд-во ГИМ, 1999. С. 135–138.

Бурханов А.А. Археология Казанского ханства (история изучения, итоги последних исследований и перспективы) // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань: Фэн, 2002. С. 246–267.

Бурханов А.А., Замалтдинов Р.Р. Изучение средневековых памятников в Закавказье в 2001 году // Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе. Древности / Под ред. Б.Я. Ставиского и А.А. Бурханова. Москва–Казань: *Humanitara* (Изд-во ТГПИ), 2003. Вып. 36. С. 256–261.

Бурханов А.А., Хамзин Р.Н. Историко-археологические исследования в Зеленодольском районе // АО в Татарстане: 2002 год. Казань: Школа, 2004. С. 55–58.

Бусмар [Г-И.] Общий опыт фортификации или науки военного укрепления с атакою и обороною крепостей в котором обе сии науки объяснены одна другою для употребления всех военных людей. СПб.: Типография Н.И. Греча, 1818. 326 с.

Валиев Р.Р. Исследования Северной башни и прилегающей к ней стены Казанского кремля (по раскопкам 2003 г.) // Сборник материалов итоговых конференций молодых ученых Института истории АН РТ за 2003–2004 г. Казань: Институт истории АН РТ, 2004. С. 39–47.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1986. 232 с.

Виолле–ле–Дюк Э. Крепости и осадные орудия. Средства ведения войны в Средние века. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 255 с.

Виолле–ле–Дюк Э. Осада и оборона крепостей. Двадцать два столетия осадного вооружения. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. 378 с.

Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом военных и литераторов / Под ред. Л.И. Зедделера, М.И. Богдановича. 2 издание. СПб.: Типография Главного штаба Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям, 1856. Т. X. 738 с.

Волков И.В. О водоснабжении Болгара в золотоордынское время // Археология Евразийских степей. Средневековая археология / Отв. ред. С.Г. Бочаров. Казань: Orange Key, 2018. № 5. С. 144–151.

Волков И.В., Лопан О.В. О времени освоения и возможных причинах запустения южной части Болгарского городища // Археология Евразийских степей. Средневековая археология / Отв. ред. С.Г. Бочаров. Казань: Orange Key, 2018. № 5. С. 198–203.

Воробьев Н.И. Предкамье // Очерки по географии Татарии. Казань: Татполиграф, 1957. С. 127–132.

Воробьев Н.И. Западное Закамье // Очерки по географии Татарии. Казань: Татполиграф, 1957. С. 132–134.

Воронина В.Л. Из истории среднеазиатской фортификации // СА. М.: Наука, 1964. № 2. С. 40–54.

Выжарова Ж.Н. Древнеславянские поселения (селища, городища и городища-крепости) на территории Болгарии // Труды V международного конгресса славянской археологии / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. Т. I. Вып. 1. С. 105–117.

Вячеслав Н.[Н.] Заметки о городищах, курганах и других древних земляных насыпях в Казанской губернии. Казань: Губернская тип., 1874. 34 с.

Галимова М.Ш., Губайдуллин А.М. Краткие итоги исследования Сюкеевского городища // Из археологии Поволжья и Приуралья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. С. 191–204.

Генинг В.Ф., Евдокимов В.В. Логиновское городище (VI–VII вв. н.э.) // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1969. Вып. 8. С. 102–127.

Георгиев П. Плиска в VIII веке: проблемы и достижения // Поволжская археология / Глав. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фэн, 2014. С. 194–221.

Герни О.Р. Хетты / Отв. ред. В.Г. Ардзинба. М.: Наука, 1987. 240 с.

Голицын Н.С. Русская военная история. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1877. Ч. I. 250 с.

Голотвин А.Н. Усманский участок Белгородской черты XVII века (результаты натурального обследования) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. III. С. 584–589.

Город Болгар: Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. 232 с.

Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. 280 с.

Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН Татарстана, 1996. 316 с.

Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л. Исследования болгарских городищ в Предволжье // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Наговицын Л.А.. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. С. 107–109.

Губайдуллин А.М. Исследования болгарских городищ золотоордынского периода в правобережье Волги // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 1994. С. 43–44.

Губайдуллин А.М. Болгарские городища XIII–XIV вв. в Предволжье // Историко-археологическое изучение Поволжья / Отв. ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 1994. С. 110–113.

Губайдуллин А.М. Городища Волжской Булгарии в Предкамье // Заказанье: проблемы истории и культуры. Материалы конференции / Под ред. А.А. Бурханов. Казань: Заман, 1995². Вып. 1. С. 24–27.

Губайдуллин А.М. О некоторых типах проездов на городищах Волжской Булгарии // Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана. Сб. Тезисов. Казань: Изд-во ГОМ РТ, 1995³. С. 23–26.

Губайдуллин А.М. Некоторые заметки о фортификационных сооружениях Болгарского городища // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет археологического изучения. Итоги и перспективы. Тезисы научной конференции / Под ред. П.Н. Старостина. Болгар: Новая жизнь, 1998¹. С. 29–30.

Губайдуллин А.М. Фортификационные сооружения Болгарского городища // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998². С. 197–198.

Губайдуллин А.М. Укрепления городищ Волжской Булгарии // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 139–145.

Губайдуллин А.М. Оборона границ Волжской Булгарии и Древняя Казань // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2000¹. С. 113–116.

Губайдуллин А.М. Некоторые итоги исследований Чаллынского городища и его укреплений в 1995–1997 годах // Древние Чалы. Борынгы Чалы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2000². С. 203–215.

Губайдуллин А.М. Способы возведения и типы болгарских оборонительных сооружений // Татарская археология. Тюрко-степное Средневековье / Отв. ред. Р.Г. Фахрутдинов. Казань: Институт истории АН РТ, 2000³. № 1–2 (6–7). С. 168–176.

Губайдуллин А.М. Археологические исследования Северной башни Казанского кремля // АО в Татарстане: 2000 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 24–26.

Губайдуллин А.М. К реконструкции оборонительных сооружений Билярского городища // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы Вторых Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2002¹. С. 174–177.

Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Институт истории АН РТ, 2002². 232 с.

Губайдуллин А.М. Некоторые заметки о фортификации Казанского ханства // Вопросы древней истории Волго-Камья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: Мастер Лайн, 2002³. С. 138–141.

Губайдуллин А.М. Археологические исследования на Чаллыном и Болгарском городищах в 1997 году // Проблемы истории, культуры и развития языков народов Татарстана и Волго-Уральского региона / Под ред. А.А. Бурханова. Казань: Gumanitara, 2003¹. Вып. 2. С. 21–22.

Губайдуллин А.М. Исследования средневековых городищ // Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе. Древности / Под ред. Б.Я. Ставиского и А.А. Бурханова. Москва–Казань: Gumanitara, 2003². Вып. 36. С. 207–209.

Губайдуллин А.М. Исследования фортификационных сооружений X в. Болгарского городища // АО в Татарстане: 2002 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Школа, 2004¹. С. 78–79.

Губайдуллин А.М. Булгарские оборонительные сооружения X в. // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2004². С. 51–53.

Губайдуллин А.М. О ранних булгарских оборонительных сооружениях // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Школа, 2006¹. С. 208–218.

Губайдуллин А.М. Булгарские оборонительные сооружения (способы возведения, типы) // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Школа, 2006². С. 218–223.

Губайдуллин А.М. Фортификационный словарь / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Институт истории АН РТ, 2006³. 144 с.

Губайдуллин А.М. Северная башня Казанского кремля (время возникновения, реконструкция) // Казань в средние века и раннее новое время. Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, И.К. Загидуллин. Казань: Институт истории АН РТ, 2006⁴. С. 49–57.

Губайдуллин А.М. О возникновении ранней фортификации Урало-Поволжья // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург–Сургут: Магеллан, 2007. – С. 84–85.

Губайдуллин А.М. О ранних оборонительных сооружениях Урало-Поволжья // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 43–47.

Губайдуллин А.М. Новые данные по оборонительным сооружениям Болгарского городища X в. // Научный Татарстан. Казань: Фэн, 2011¹. № 2. С. 109–111.

Губайдуллин А.М. Фортификация Казани XI–XVI вв. // ВИФ / Глав. ред. К.С. Носов. М.: Остров, 2011². № 2. С. 88–90.

Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л. «Длинные валы» в Волго-Камье: археологические исследования и историческая интерпретация // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения, посвященной 80-летию со дня рождения А.Х. Халикова / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фолиант; Институт истории АН РТ, 2011. Вып. 11. С. 56–65.

Губайдуллин А.М. О фортификации городища Сувар // Филология и культура. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2012¹. № 2 (28). С. 217–220.

Губайдуллин А.М. Коминтерновское II городище // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации / Под общ. ред. А.М. Белавина. Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2012². С. 250–253.

Губайдуллин А.М. Краткий анализ фортификации X–XVI веков на территории Сред-

него Поволжья // Филология и культура. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2014. №2 (36). С. 236–239.

Губайдуллин А.М. Методика реконструкции оборонительных сооружений городищ X–XVI веков Среднего Поволжья // Поволжская археология. 2015. №3. С. 125–143.

Губайдуллин А.М., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. О фортификации «Великого города» – Биляра // Поволжская археология. 2016. № 1. С. 226–237.

Губайдуллин А.М. Типы средневековых дерево-земляных оборонительных сооружений и способы их возведения // Поволжская археология. 2018¹. № 2. С. 297–306.

Губайдуллин А.М. О болгарской фортификации X–XI веков на территории Закамья // Археология Евразийских степей. Средневековая археология / Отв. ред. С.Г. Бочаров. Казань: Orange Key, 2018². № 5. С. 173–176.

Гуркин В.А. Симбирская черта (Материалы XVII–XVIII вв. по истории Симбирского Поволжья). Ульяновск: Российский институт культурологии, 2000. 180 с.

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье / Под ред. В.И. Молодина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 112 с.

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР / Отв. ред. Г.А. Кошеленко. М.: Наука, 1985. 496 с.

Егоров В.Л., Полубояринова М.Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов и Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 39–79.

Енуков В.В., Енукова О.Н. Оборонительные сооружения славян Посеймья (по материалам Ратского городища) // Археология и история юго-востока Древней Руси (материалы научной конференции). Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1993. С. 47–50.

Ермолаев И.П. Город Казань по писцовой книге 1565–1568 годов // Страницы истории города Казани / Отв. ред. М.А. Усманов. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1981. С. 3–15.

Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем) / Отв. ред. М.А. Усманов. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1982. 223 с.

Ефимова А.М. Городецкое селище и болгарское городище у с. Балымеры Татарской АССР (Тр. Куйбышевской археологической экспедиции) // МИА. М.: Наука, 1962. № 111. С. 25–48.

Заволжский муравей / Под ред. М.С. Рыбушкина. Казань: б.и., 1832. Ч. 1. №. 2. 62 с.

Заволжский муравей / Под ред. М.С. Рыбушкина. Казань: б.и., 1833. Ч. III. № 21. 60 с.

Зайцев И. Городище в даче села Б. Тояба Тетюшского уезда // ИОАИЭ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1892. Т. X. Вып. 1. С. 112–113.

Заринский П.[Г.]. Очерки древней Казани, преимущественно XVI века. Казань: б.и., 1877. 218 с.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, 1967. 212 с.

Зеленева Ю.А. Очерки этнокультурной истории Поволжья XIII–XV вв. / Отв. ред. В.А. Иванов. Йошкар–Ола: Марийский гос. ун-т, 2013. 328 с.

Зубов С.Э., Матвеева Г.И., Приказчиков С.И. Междуреченское городище // Краеведческие записки. Самара: Самарский обл. краевед. музей, 1995. Вып. VII. С. 208–225.

Иванин М.И. Описание Закамских линий, Генерального Штаба капитана Иванина // Вестник Императорского Русского географического общества за 1851. Часть I, отдел VI. География историческая. СПб.: Военная типография, 1851. С. 57–78.

Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингиз-хане и Тамерлане. СПб.: Военная типография, 1875. Кн. I. 252 с.

Иванова Н.О., Батанина И.М. Павлиново городище памятник раннего железного века лесостепного Притоболья // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 102–121.

Измайлов И.Л. Поход русских князей на Великий город в 1183 г. и некоторые вопросы тактики обороны волжских булгар // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 99–107.

Измайлов И.Л. История изучения военно-оборонительного дела волжских булгар // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань:

ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 7–21.

Измайлов И.Л. К вопросу об исторической интерпретации «длинных валов» в Закамье // В.О. Ключевский и современность. Тезисы докл. науч. конф. Пенза: Изд-во Пензенского гос. педагог. ин-та, 1991². С. 71–73.

Измайлов И.Л., Губайдуллин А.М. Укрепления Старокуйбышевского (Кураловского) городища // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992. С. 79–89.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело Волжской Булгарии X начала XIII в. / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1997. 214 с.

Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера» / Под ред. А.Г. Мухамадиева. Казань: Татарское кн. изд-во, 2008. 208 с.

История Казани / Под. ред. Я.А. Абдуллина. Казань: Татарское кн. изд-во, 1988. Кн. I. 352 с.

История Чувашской АССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1966. Т. I. 288 с.

Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Институт истории АН РТ, 2004. 132 с.

Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. Казань: Институт истории АН РТ, 2005. 116 с.

Кавеев М.М. О некоторых результатах изучения оборонительных сооружений Билярского городища // Из истории материальной культуры татарского народа / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 36–42.

Кавеев М.М. Исследование Елабужского городища // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 18–27.

Кавеев М.М., Полубояринова М.Д., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Отражение монгольского нашествия в напластованиях Болгара // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 58–71.

Кавеев М.М. Некоторые дополнения к исторической топографии города Болгара // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы Вторых Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. С. 177–181.

Кавеев М.М., Губайдуллин А.М. Археологические работы на IV Кожаевском селище и Бураковском I городище // Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе. Древности. Москва-Казань: Gumanitarya, 2003. Вып. 36. С. 203–204.

Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Татарское кн. изд-во, 1987. 240 с.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия / Отв. ред. А.Г. Ситдилов. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.

Казанские губернские ведомости. Казань: Губернская тип., 1856. № 39. 15 с.

Казань в памятниках истории и культуры. Казань: Татарское кн. изд-во, 1982. 280 с.

Казаринов В.А. Описание Билярских и Баранского городищ // ИОАИЭ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1884. Т. III. С. 89–127.

Калинин Н.Ф. Экспедиция по западным районам Татарской АССР // КСИИМК / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Вып. XLIV. С. 52–66.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Труды КФАН СССР. Серия исторических наук / Отв. ред. Н.И. Воробьев. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 128 с.

Калинин Н.Ф. Раскопки в Казанском Кремле в 1953 году // Известия КФАН СССР. Серия гуманитарных наук / Отв. ред. Н.И. Воробьев. Казань: Таткнигоиздат, 1955. Вып. I. С. 117–138.

Карасев В. Материалы для археологической карты Казанской губернии (Отчет о поездке в Чистопольский уезд) // ИОАИЭ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1911. Т. XXVII. Вып. 1. С. 37–48.

Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья

Чувашского Поволжья. Чебоксары: Уч. зап. ЧувНИИЯЛИЭ, 1972. С. 3–73.

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. / Отв. ред. М.К. Каргер. Л.: Наука, 1976. 138 с.

Клаузевиц К. О войне / Перевод с немецкого А. Рачинского. М.: Воениздат, 1936. Т. I. 444 с.

Коваль В.Ю. Малые города средневековой Руси: основные отличительные особенности // Труды IV (XX) Всероссийского съезда в Казани / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.Г. Ситдилов. Казань: Отечество, 2014. Т. III. С. 76–79.

Коваль В.Ю. Города Волжской Булгарии: проблемы и перспективы исследований // Средневековая археология Волго-Уралья: сборник научных трудов к 65-летию юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. С. 64–66.

Коваль В.Ю. Фортификация как отражение системы организации обороны (по материалам лесной зоны Восточной Европы X–XV вв.) // Археология евразийских степей. Средневековая археология / Отв. ред. С.Г. Бочаров. Казань: Orange Key, 2018, С. 181–184.

Коваль В.Ю., Русаков П.Е. Исследования фортификации города Болгара в 2014–2015 годах // Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса / Отв. ред. А.Г. Ситдилов, Л.А. Беляев. Казань–Москва: Ридо, 2018. Т. II. 160 с., илл.

Когорн М. Новое крепостное строение на мокром или низком горизонте. Которое на три маныры показуется во фортификавание внутренней величины. М.: б.и., 1710. 168 с.

Козлова Т.Н. К проблеме реконструкции оборонительных сооружений кремля Переяславля Рязанского XVII в. (на основе письменных и археологических данных) // Шестые Яхонтовские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции / Отв. ред. И.Г. Кусова. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2012. С. 107–117.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 184 с.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: Восточная литература, 1999. 254 с.

Кравченко Э.Е. Оборонительные сооружения археологического комплекса у с. Сидорово (среднее течение Северского Донца) // Поволжская археология. 2018. № 2. С. 10–32.

Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. 192 с.

Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные по истории города Болгары // СА. М.: Наука, 1969. № 1. С. 211–223.

Краснов Ю.А. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 99–123.

Крыласов Н.Б. Планировка внутреннего пространства Рождественского городища // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Международный научный симпозиум, посвященный памяти Н.А. Мажитова. Сборник материалов / Под ред. А.И. Уразовой. Уфа: Мир печати, 2018. С. 125–134.

Куза А.В. Малые города Древней Руси / Отв. ред. А.А. Медынцева. М.: Наука, 1989. 168 с.

Кунгуров А.Л. Особенности древних и средневековых фортификационных сооружений лесостепного Алтая // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2012. С. 137–140.

Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М.: Высшая школа, 1984. 167 с.

Кызласов Л.Р. Города гуннов // Татарская археология. Кочевой мир средневековой Евразии / Отв. ред. Р.Г. Фахрутдинов. Казань: Институт истории АН РТ, 1998. № 2(3). С. 47–64.

Кюи Ц.А. Учебник фортификации для пехотных юнкерских училищ. Казань: Военная типография, 1892. IV. 194 с.

Ласковский Ф.[Ф.] Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб.: Тип. Императорской Акад. Наук, 1858¹. Ч. I. 316 с.

Ласковский Ф.[Ф.] Карты, планы и чертежи к I части материалов для истории инженерного искусства в России. СПб.: Тип. Императорской Акад. наук, 1858². 28 л.

Лебедев В.И. Легенда или быль: По следам засечных сторожей. Саратов: Приволж. кн.

изд-во (Пенз. отд-ие), 1986. 136 с.

Липатов А.А. Византийские традиции в строительном производстве Древней Руси: строительные растворы, стены, фундаменты. Автореф. канд. диссертации: 07.00.06. СПб., 2006. 23 с.

Малов П. Городище Старая Казань и город Арск // Записки Императорского Археологического общества. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1853. Т. V. С. 116–123.

Матвеев А.В., Татауров С.Ф. К вопросу об оборонительных сооружениях населения Сибирского ханства // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2012. С. 140–143.

Матвеева Г.И. Болгарский слой Старомайнского городища // Новое в средневековой археологии Евразии / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара: СамВен, 1993. С. 153–169.

Матвеева Г.И., Кочкина А.Ф. Муромский городок. Археологические памятники Самарской области / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: СамВен, 1998. 48 с.

Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния. СПб.: Изд-во Генерального штаба, 1861. 650 с.

Мельников С.Е. Село Покровское – Большая Тояба тож // Казанские губ. ведомости. Казань: Губернская тип., 1856¹. № 38. С. 293–295.

Мельников С.Е. Село Покровское – Большая Тояба тож // Казанские губ. ведомости. Казань: Губернская тип., 1856². № 39. С. 302–304.

Мельников С.Е. Замечательные селения по Волге в пределах Казанской губернии // Казанские губ. ведомости. Казань: Губернская тип., 1858. № 15. С. 104–106.

Мельников С.Е. От Чистополя до села Богородского Тетюшского уезда // Казанские губ. ведомости. Казань: Губернская тип., 1862. № 35. С. 340–343, 346–350.

Михеева А.И. Поселения Марийского Поволжья в эпоху средневековья (XIII–XV вв.). Автореф. канд. диссертации: 07.00.06. Ижевск, 2006. 24 с.

Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2009. 304 с.

Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар-Киев. Пути – связи судьбы / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Институт археологии НАН Украины, 1997. 192 с.

Муратова С.Р., Тычинских З.А. Свидетельство о долговременной фортификации сибирских татар на территории Тоболо-Иртышья // ВИФ. СПб.: Остров, 2017. № 6. С. 121–126.

Мухамадиев А.Г. Исследования на раскопе XXX // АО в Татарстане: 2000 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 19.

Набиуллин Н.Г. Оборонительные сооружения Джукетау // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. С. 219–223.

Набиуллин Н.Г. Город Джукетау в свете новых археологических исследований // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Сб. тезисов / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: Изд-во ГИМ, 1999. С. 113–115.

Набиуллин Н.Г., Гариф Н.Г. Исследования болгарского городища Кызыл Чапчак («Краснокадкинское») в 2003 г. // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Школа, 2006. С. 224–238.

Набиуллин Н.Г. Джукетау город болгар на Каме / Под. ред. Ф.Ш. Хузина. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 144 с.

Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Тр. I АС. – М.: Синодальная тип., 1871. Т. II. 121 с.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа / Отв. ред. М.Д. Полубояринова. М.: Восточная литература, 2010. 352 с.

Нигамаев А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирьмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры населения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2005. 228 с.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.

- Никитина Т.Б., Михеева А.И. Аламнер: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 196 с.
- Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей / Отв. ред. А.А. Голубева. М.: Наука, 1987. 185 с.
- Носов К.С. Строительные растворы римских фортификаций в Британии // ВИФ. СПб.: Гангут, 2010. № 1. 84 с.
- Носов К.С. Нетривиальные древо-земляные оборонительные конструкции Московского государства // ВИФ. СПб.: Остров, 2017. № 6. С. 127–134.
- Нуазе–Сент–Поль Г. Полный курс фортификации или науки укрепления. О строении крепостей и укреплений городов. СПб.: Тип. Ф. Дрехслера, 1813. Т. I. 336 с.
- Обрезков А. Следы древнего поселения в окрестностях г. Спасска Казанской губернии // ИОАИЭ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1892. Т. X. Вып. 2. С. 149–154.
- Овсянников В.В. К вопросу о времени создания укреплений Охлебининского и Шиповского городищ // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений / Отв. ред. А.Г. Ситдинов. Казань: Школа, 2006. С. 282–287.
- Овчинникова Б.Б. Искер – Кучумово городище (археологические исследования 1968 года) // Поволжская археология. 2014. № 1. С. 166–193.
- Ополовникова Е.А. Русские крепости в Сибирском Заполярье // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири / Отв. ред. И.В. Асеев, Д.Я. Резун. Новосибирск: Наука, 1989. С. 64–75.
- Остроумов В.П. Казань: Очерки по истории города и его архитектуры. Казань: Издательство КГУ, 1978. 296 с.
- Офман Г.Ю., Пономаренко Е.В., Пономаренко С.В. Изменения природной среды Самарской Луки в эпоху средневековья // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (Тезисы докладов Международной научной археологической конференции) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СамВен, 1995. С. 65–68.
- Перетяткович Г. Поволжье в XV–XVI веках (Очерк из истории края и его колонизации). М.: Типография Грачева И.К., 1877. 334 с.
- Петрушевский И.П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219 – 1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1970. С. 107–140.
- Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 762 с.
- Пинегин М. Казань в ее прошлом и настоящем. Очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города. СПб.: Изд-во А.А. Дубровина, 1890. 604 с.
- Плетнева С.А., Макарова Т.И. Южное городище у с. Витачева // КСИА / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1965. Вып. 104. С. 54–61.
- Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс) / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1989. 288 с.
- Плужников В.И. Термины российского архитектурного наследия. Словарь–гlossарий. М.: Искусство, 1995. 160 с.
- Пономарев П.А. Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. Владения липовогорских князей // ИОАИЭ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1892. Т. VIII. Вып. 5. С. 467–486.
- Пономарев П.А. Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. Тубулга-Тау и неопределенные города // ИОАИЭ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1893. Т. XI. Вып. 4. С. 321–337.
- Пономаренко Е.В., Офман Г.Ю., Пономаренко С.В. Анализ природной среды и природопользования в лесостепной зоне в Средние века на примере городищ Пензенской области // Страницы истории Волго-Донья / Отв. ред. А.С. Касимов. Пенза: Изд-во ПГПУ, 1995. С. 3–32.
- Порфирьев С.И. Древности казанского края в актах генерального межевания // ИОАИЭ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1904. Т. XX. Вып. 1–3. С. 1–16.
- Пупарев А.Г. Казанские губернаторы // Казанские губ. ведомости. Казань: Губернская тип., 1856. № 47. 15 с.
- Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Уфа: Гилем, 1973. Т. V. С. 162–243.
- Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-за-

падной Руси X–XV вв. // МИА. Л.: Наука, 1961. № 105. 244 с.

Раппопорт П.А. Древние русские крепости. М.: Наука, 1965. 88 с.

Раппопорт П.А. Военное зодчество западно-русских земель X–XIV вв. // МИА. Л.: Наука, 1967. № 140. 242 с.

Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). СПб.: Наука, 1994. 235 с.

Рашев Р. Праболгары на юго-западной окраине евразийской степи // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. Т. I. С. 104–117.

Республика Татарстан. Атлас. Екатеринбург: Федеральная служба геодезии и картографии РФ, 2009. 192 с.

Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1870. 367 с.

Романова Е.И. Задачи геоэкологических исследований в изучении культурного слоя на склонах // Склоны на исторических территориях: Материалы VII Международного научно-практического семинара «Комплексное изучение и сохранение исторических территорий» / Под ред. Е.И. Романовой. Рязань: Изд-во Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, 2006. С. 49–52.

Руденко К.А. Итоги исследования городища Кашан I в Татарстане: к вопросу о формировании болгарских городов и протогородов // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: Сб. ст.: Материалы Международного полевого симпозиума / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 111–134.

Руденко К.А. Волжская Булгария в XI–XIII в.: поселения и материальная культура. Казань: Школа, 2007. 244 с.

Руденко К.А. История изучения археологических памятников в г. Тетюши // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы. Казань: Школа, 2009. С. 45–65.

Руденко К.А. Археология XX века: две жизни – две судьбы (О.С. Хованская и А.М. Ефимова) / К.А. Руденко. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. 176 с.

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.) / Под ред. И.Л. Кызласова. Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2014. 768 с.

Рыбушкин М.[С.] Краткая история города Казани. Казань: Типография Л. Шевиц, 1848. Ч. I. 159 с.

Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Из истории населенных пунктов Буинского района Республики Татарстан. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 108 с.

Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск: Свердловское обл. гос. изд-во, 1952. 158 с.

Саначин С.П. К вопросу реконструкции фортификации Казани 1550-х годов // Казань в средние века и раннее новое время. Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, И.К. Загидуллин. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. С. 66–74.

Саначин С.П. Гипотеза фортификации столицы Казанского юрта в его последние дни // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. статей. Выпуск 5: Вопросы источниковедения и историографии истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. С. 73–89.

Саначин С.П. Экспедиция сенатской Комиссии Александра Свечина в Казанское адмиралтейство 1763–1765 годов и ее последствия. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. 288 с.

Свиньин П.[П.] Плавание по Волге в Казань и к развалинам Болгар, в 1823 году // Отечественные записки. СПб.: Типография В. Плавильщикова, 1824. Ч. 18. № 48. С. 1–35.

Ситдииков А.Г. Оборонительные укрепления древней Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2000. С. 22–40.

Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш. Исследования белокаменной стены древней Казани по восточному склону Кремлевского холма // АО в Татарстане: 2000 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин.

Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 12–15.

Ситдигов А.Г. Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования / Отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: Фэн, 2002. С. 160–206.

Ситдигов А.Г. Топография средневековой Казани в свете археологических работ в исторической части города // Казань в средние века и раннее новое время. Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, И.К. Загидуллин. Казань: Институт истории АН РТ, 2006¹. С. 21–22.

Ситдигов А.Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фолиантъ, 2006². 288 с.

Ситдигов А.Г. Укрепления Казани в эпоху средневековья (XI–XVI века) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. Саратов: Изд-во Саратовского гос. соц.-эконом. ун-та, 2008. № 5 (24). С. 148–150.

Ситдигов А.Г. Казанский кремль: история фортификации // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. Казань: Изд-во К(П)ФУ, 2010. Т. 152. № 3–1. С. 97–106.

Ситдигов А.Г. Казанский кремль: изучение и сохранение крепостных стен и башен // Казанская наука. Казань: Казанский Издательский Дом, 2013¹. № 7. С. 34–41.

Ситдигов А.Г. Средневековая Казань. Автореф. диссертации на соискание уч. степ. докт. ист. наук: 07.00.06. Казань: Институт истории АН РТ, 2013². 59 с.

Смагулов Е.А., Павленко Ю.В. Гунны на пути в Европу // Вопросы археологии Казахстана / Отв. ред. З. Самашев. Алматы, Москва: Гылым, 1998. Вып. 2. С. 142–151.

Смирнов А.П. Сувар. Итоги раскопок 1933–1937 гг. // Тр. ГИМ / Под. ред. С.П. Толстова. М.: Издание ГИМ, 1941. Вып. XVI. С. 135–171.

Смирнов А.П. Исследование городища и могильника золотоордынской эпохи у села Б.Тояба Чувашской АССР // Уч. зап. ЧувНИИЯЛИЭ. Чебоксары: Изд-во ЧувНИИЯЛИЭ, 1950. Вып. IV. С. 82–95.

Смирнов А.П. Волжские болгары // Тр. ГИМ / Под. ред. С.П. Толстова. М.: Издание ГИМ, 1951. Вып. XIX. 298 с.

Смирнов А.П. Археологическая экспедиция Ульяновского музея 1960 года // Археологические работы краеведческого музея в 1960 г. Ульяновск: Изд-во музея, 1961. С. 11–13.

Смирнов А.П. Работы Поволжской экспедиции 1960 г. // КСИА. Памятники раннего средневековья. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Вып. 90. С. 25–32.

Смолин В.Ф. Археологический очерк Татарской Республики // МИТ. Казань: Гос. социально-экономическое изд-во, 1925. Вып. II. С. 49–56.

Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). Серия «Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума». Новосибирск: Наука, 2008. Т. 10. 360 с.

Соловьев Е.Т. Одно из древних болгаро-татарских городищ в Тетюшском уезде // ИОАИЭ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1884. Т. III. С. 281–284.

Соловьев Е.Т. Топография древнего города около с. Русских Кирменей (Мамадышского уезда, Казанской губернии) // Тр. IV Археологического съезда. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1891. Т. II. Отд. 7. С. 249–251.

Спасский Н.А. Очерки по родинведению. Казанская губерния. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1912. 376 с.

Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / Под редакцией профессора Н.П. Загоскина. Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1895. 106 с.

Старков А.С. Казанский Кремль во второй половине XVI в. // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Сб. статей / Отв. ред. и составитель И.К. Загидуллин. Казань: Институт истории АН РТ, 2004. С. 23–41.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // Археология СССР. Свод археологических источников / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1967. Вып. Д1–32. 97 с.

Старостин П.Н. Об остатках башен «Девичьего городка» // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985.

С. 34–41.

Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 304 с.

Татауров С.Ф. Археологические исследования памятников Сибирского ханства в Омском Прииртышье в 2003–2006 гг. // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. Т. I. С. 224–226.

Татищев В.Н. История Российская. М.–Л.: Наука, 1964. Т. III. 340 с.

Теляковский А.З. Фортификация. СПб.: Тип. И.И. Глазунова и К°, 1839. Ч. I. 172 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений / Под ред. А.А. Ромаскевича, С.Л. Волина. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 308 с.

Толмачев Н.А. Об остатках древности в пределах Казанской губернии // Тр. IV АС. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1884. Т. I. Отд. I. С. 61–109.

Томпсон А. Гамильтон. Английский замок. Средневековая оборонительная архитектура / Пер. с англ. А.Л. Андреева. М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. 414 с.

Топуридзе К. Казань // Сокровища русского искусства. М.: Академия архитектуры СССР, 1945. 91 с.

Тулуш Д.К. Фортификационные сооружения Южной Сибири (общие и особенные черты) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. III. С. 477–480.

У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана / Перевод с китайского А.И. Желоховцева, Л.А. Боровковой, Н.Ц. Мункуева. М.: Прогресс, 1980. 572 с.

Усков В.А., Водорезов А.В. Формирование антропогенных форм рельефа на исторических территориях // Склоны на исторических территориях: Материалы VII Международного научно-практического семинара «Комплексное изучение и сохранение исторических территорий» / Под ред. Е.И. Романовой. Рязань: Изд-во Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, 2006. С. 109–116.

Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1979. 322 с.

Фахрутдинов Р.Г. К вопросу об оборонных укреплениях домонгольской Булгарии // Труды VIII Всесоюзной студенческой конференции. Археологический сборник. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1964. С. 111–115.

Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Татарское кн. изд-во, 1975. 220 с.

Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1984. 216 с.

Фахрутдинов Р.Г. Классификация и топография болгарских городищ // СА. М.: Наука, 1990. № 4. С. 68–84.

Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки городища у села Большая Тояба Чувашской АССР в 1957 году // Уч. зап. ЧувНИИЯЛИЭ. Чебоксары: Изд-во ЧувНИИЯЛИЭ, 1960. Вып. 19. С. 82–95.

Федоров-Давыдов Г.А. Тигашевское городище (Археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // МИА. М.: Наука, 1962. № 111. С. 49–89.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов и Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 89–131.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Московского ун-та, 1994. 232 с.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 512 с.

Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Томск: Типо-литография П.И. Макушина, 1894. Ч. I. 398 с.

Фролов Н.С. Село Черемшанская крепость (XVII–XIX век). Очерки истории / Под ред. М.В. Черепанова. Казань: Татарское респ. изд-во «Хэтер», 2002. 208 с.

- Халиков А.Х. Некоторые вопросы истории Татарии (по археологическим материалам экспедиции 1949 года) // Ученые записки Казанского гос. университета. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1951. Т. III. Кн. 10. С. 115–123.
- Халиков А.Х. Марийская археологическая экспедиция 1956 г. // Тр. МарНИИ. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИ, 1958. Вып. XI. С. 73–89.
- Халиков А.Х., Старостин П.Н., Фахрутдинов Р.Г. Исследования Биляра // АО 1968 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1969. С. 168–169.
- Халиков А.Х. О столице домонгольской Булгарии // СА. Москва: Наука, 1973. № 3. С. 83–89.
- Халиков А.Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 5–56.
- Халиков А.Х., Мухамадиев А.Г., Шавахин Л.С. Раскопки в Казанском Кремле // АО – 1976. М.: Наука, 1977. С. 179–181.
- Халиков А.Х. История археологического изучения г. Казани // Средневековые археологические памятники Татарии / Под ред. А.Х. Халикова. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1983. С. 111–138.
- Халиков А.Х. Укрепления древнейшей Казани // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 90–111.
- Халиков А.Х., Халиуллин И.Х. Основные этапы монгольского нашествия на Волжскую Булгарию // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 4–22.
- Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань: Татарское кн. изд-во, 1989. 222 с.
- Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая орда и Булгария. Казань: «Фэн», 1994. 164 с.
- Халитов Н.Х. Очерки по архитектуре Ханской Казани. Гипотезы. Факты. Размышления. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 113–116.
- Харбова М.А. Отбранителни съоружения в българското средновековие. София: Издателство «Техника», 1981. 211 с.
- Хлебникова Т.А. Краткие итоги исследования Танкеевского городища в 1963 году // Итоговая научная сессия Казанского института языка, литературы и истории АН СССР за 1963 г. Тезисы докл. Казань: КИЯЛИ АН СССР, 1964. С. 66–68.
- Хлебникова Т.А. Результаты исследования Мало-Сундырского городища в 1958 и 1964 годах // История, археология, этнография мари. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1967¹. Вып. XXII. С. 148–169.
- Хлебникова Т.А. Исследования центра города Болгара в 1964–1970 гг. // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов и Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 18–23.
- Хлебникова Т.А. Ранний Булгар // СА. М.: Наука, 1975. № 2. С. 122–126.
- Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия, топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 32–88.
- Хованская О.С. Новые данные о крепостных сооружениях г. Болгара // КСИИМК. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Вып. 62. С. 129–134.
- Хованская О.С. Оборонительная система города Болгара // МИА / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1958. № 61. С. 316–329.
- Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Государственное изд-во, 1923. 308 с.
- Худяков М.Г. Татарская Казань в рисунках XVI столетия // ВНОТ. Казань: Гос. изд-во, 1930. № 9–10. С. 45–60.
- Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Фонд Тяк, 1990. 310 с.
- Хузин Ф.Ш., Кавеев М.М. Исследования внутренней линии обороны Билярского городища // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 41–57.
- Хузин Ф.Ш. Укрепления внешней линии обороны Билярского городища (к вопросу о времени возникновения и этапах строительства) // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 58–90.

Хузин Ф.Ш., Измайлов И.Л. Археологические разведки в Западном Закамье // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 151–153.

Хузин Ф.Ш. Итоги и перспективы изучения болгарского домонгольского города // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1993. С. 5–32.

Хузин Ф.Ш. Новые исследования на Джукетау // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сб. статей / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 1994. С. 139–142.

Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра-Булгара / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995. 224 с.

Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X-начало XIII вв.) / Отв. ред. Г.М. Давлетшин. Казань: Фест, 1997. 183 с.

Хузин Ф.Ш. Новые открытия Казанского Кремля (предварительное сообщение о раскопках 1997 года) // Tatarica. Казань: Институт истории АН РТ, 1997/98. № 1. С. 133–137.

Хузин Ф.Ш., Набиуллин Н.Г. Булгарский город Джукетау на Каме (по материалам раскопа III 1991, 1993 гг.) // Археологическое изучение болгарских городов / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 90–113.

Хузин Ф.Ш. Древняя Казань в X – начале XIII вв. (по материалам археологических исследований 1994–1998 гг.) // Археологическое изучение болгарских городов / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 1999¹. С. 5–31.

Хузин Ф.Ш. Древняя Казань и проблемы ее возникновения (в свете археологических исследований 1994–1998 гг.) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков: Материалы Международного симпозиума / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 1999². С. 196–226.

Хузин Ф.Ш. Новое в археологии древней Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2000. С. 12–21.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. / Отв. ред. А.М. Белавин. Казань: Мастер Лайн, 2001. 480 с.

Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г. Древняя Казань. Казань: Издательство КГУ, 2005. 154 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1991. 184 с.

Шарифуллин Р.Ф. Колодцы центра Билярского городища // Новое в археологии Поволжья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 102–113.

Шарифуллин Р.Ф. Природные условия и минеральное сырье болгарских строителей // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П. Смирнова. Тезисы научной конференции. Болгар: Институт истории АН РТ, 1999. С. 49–50.

Шарифуллин Р.Ф. Бани Болгара и их изучение // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001¹. С. 217–260.

Шарифуллин Р.Ф. Исследования в северо-восточном конце Казанского кремля (раскоп XIX) // АО в Татарстане: 2000 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2001². С. 16–18.

Шигапов М.Б. Исследования городища Кашан I в 2012 году // Поволжская археология. 2013. С. 299–306.

Шмит А.[К.] Архитектурные чертежи развалин древних Болгар. Сняты с натуры 1827 архитектором А. Шмитом. М.: б.и., 1832. 13 л.

Шперк В.Ф. Фортификационный словарь. М.: Изд-во Военно-инженерной краснознаменной академии им. В.В. Куйбышева, 1946. 128 с.

Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Типография Казанского ун-та, 1877. 586 с.

Шутова Н.И. Краткие сведения о рекогносцировочных исследованиях Арского городища (1983–1984 гг.) // Арск и Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ,

2010. С. 16–23.

Щетенко А.Я. Фортификация поселений древнеиндийской цивилизации // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. С. 58–62.

Яблоков А.[П.] Село Болгары или Успенское Спасского уезда, Казанской губернии (Булгарское городище). По поводу посещения села Высокопреосвященнейшим Димитрием Архиепископом Казанским и Свияжским // ИОАИЭ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1905. 54 с.

Яблонский А.Н. Казанский военный округ. Военно-географическое и статистическое описание / Под ред. генерал-майора Зимина. Казань: Тип. деп-та Генер. штаба, 1907. Отдел I. 144 с.

Яруллина А.Р., Шинкарев А.А., Гиниятуллин К.Г., Мельников Л.В. Почвенные аспекты исследования насыпных фортификационных сооружений Волжской Булгарии // Роль почвы в формировании ландшафтов. Казань: ФЭН, 2003. С. 104–105.

Golden P. Khazar studies: An Historic-Philological inquire into the Origins of the Khazars. Budapest, 1980. Vol. 1–2.

SUMMARY

Fortification in the Middle Volga Region in the 10th – first half of the 16th Centuries. Kazan, 2019.

The defensive systems of medieval defensive fortified settlements and hillforts as one of significant elements of the medieval towns are analysed in the monograph. These systems substantially reflected the specific features of establishment and technological achievements of various societies. The book features the study of fortification of Middle Volga states in the 10th – first half of the 16th centuries, which demonstrates a sufficiently high level not only against the general background of the development of military and defensive arts of the East-European peoples, but also in the entire Eurasia.

The book is intended for archaeologists, historians, military engineers and everyone interested in the history of fortification.

Список сокращений

- АИА РАН – Архив Института археологии Российской Академии наук.
АН РТ (АНТ) – Академия наук Республики Татарстан (Академия наук Татарстана).
АН СССР – Академия наук СССР.
АО – Археологические открытия.
АС – Археологический съезд.
АССР – Автономная советская социалистическая республика.
АЭБ – Археология и этнография Башкирии.
БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.
б.и. – без издательства.
ВИФ – Вопросы истории фортификации.
ВНОТ – Вестник Научного общества татароведения.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГОМ РТ – Государственный объединенный музей Республики Татарстан.
ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел Российской империи.
ИА – Институт археологии.
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан.
ИИ АНТ (ИИ АН РТ) – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Татарстана (Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан).
ИИЯЛ УрО – Институт истории, языка и литературы Уральского отделения АН СССР.
ИОАИЭ – Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова.
КГВ – Казанские Губернские ведомости.
КГУ – Казанский государственный университет.
КНЦ – Казанский научный центр.
К(П)ФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КФАН – Казанский филиал Академии наук СССР.
ЛГУ – Ленинградский государственный университет.
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии.
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт.
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
МГУ – Московский государственный университет.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МИТ – Материалы исследований в Татарии.
МОРППТ – Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников в ТССР.
МОиН РТ – Министерство образования и науки Республики Татарстан.
НАН – Национальная Академия наук Украины.
ОРРК – Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского государственного университета.
ПАЭ – Поволжская археологическая экспедиция.
ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет.
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
РА – Российская археология.
РАН – Российская Академия наук.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник.
СА – Советская археология.
САИ – Свод археологических источников.
СВНЦ ДВО – Северо-восточный научный центр, Дальневосточное отделение РАН.

ТГГИ – Татарский государственный гуманитарный институт.

УИИЯЛ – Уральский институт истории, языка и литературы.

УрО АН СССР – Уральское отделение Академии наук СССР.

ФЗУ – Фабрично-заводское училище.

ЧувНИИЯЛИЭ – Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики.

ПРИЛОЖЕНИЕ

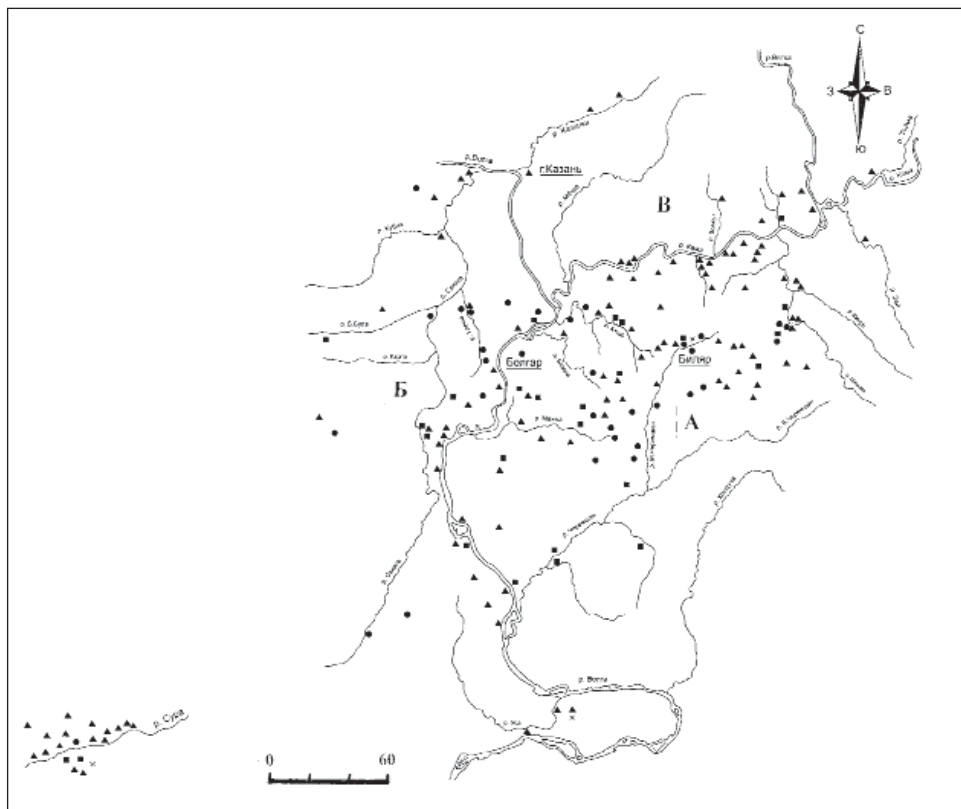

Рис. 1. Карта распространения городищ X – 1-ой пол. XVI вв. на территории Среднего Поволжья

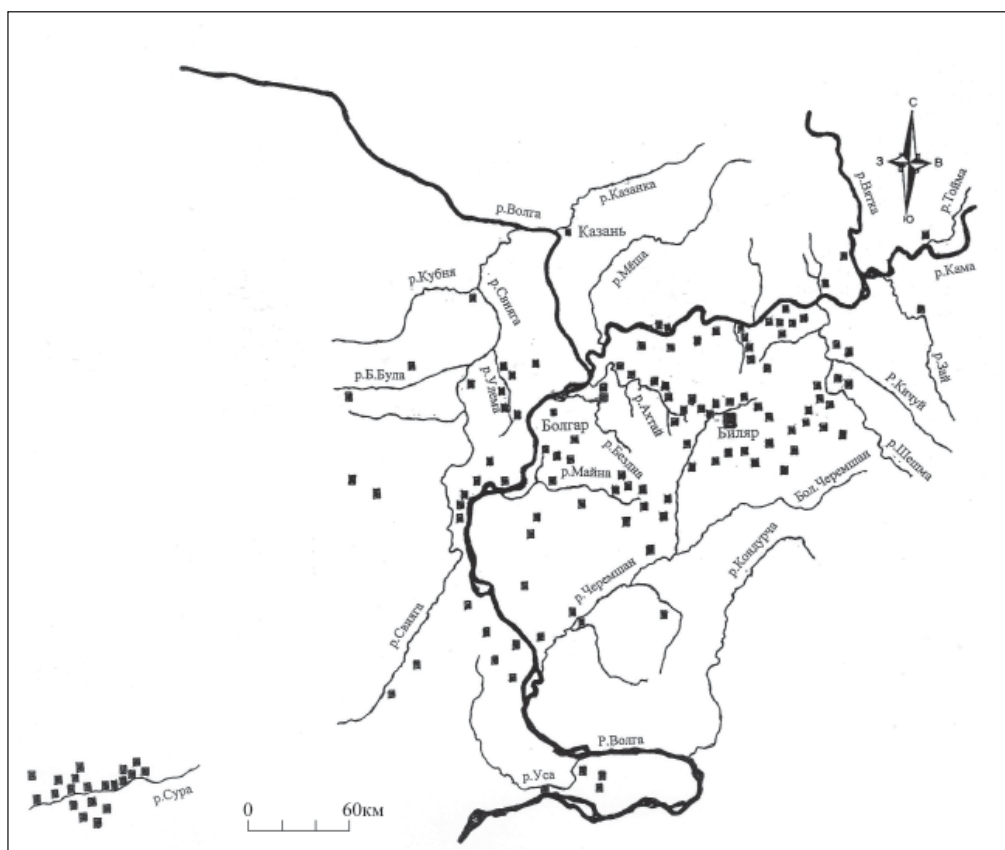

Рис. 1а. Карта распространения городищ Волжской Булгарии домонгольского периода

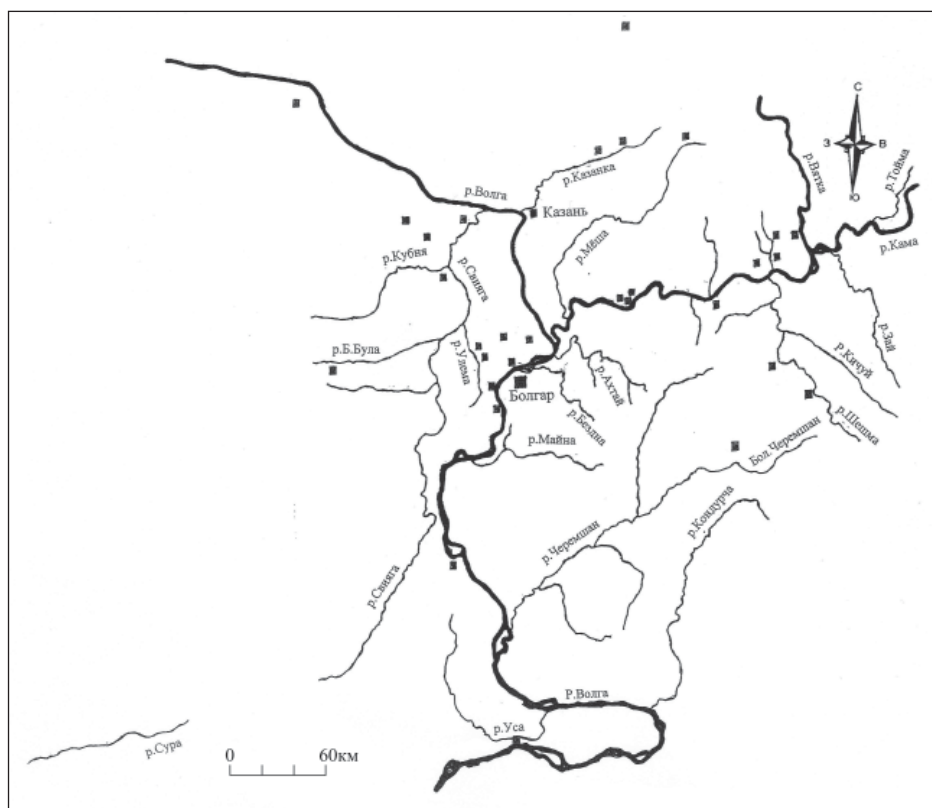

Рис. 16. Карта распространения городищ Волжской Булгарии золотоордынского периода

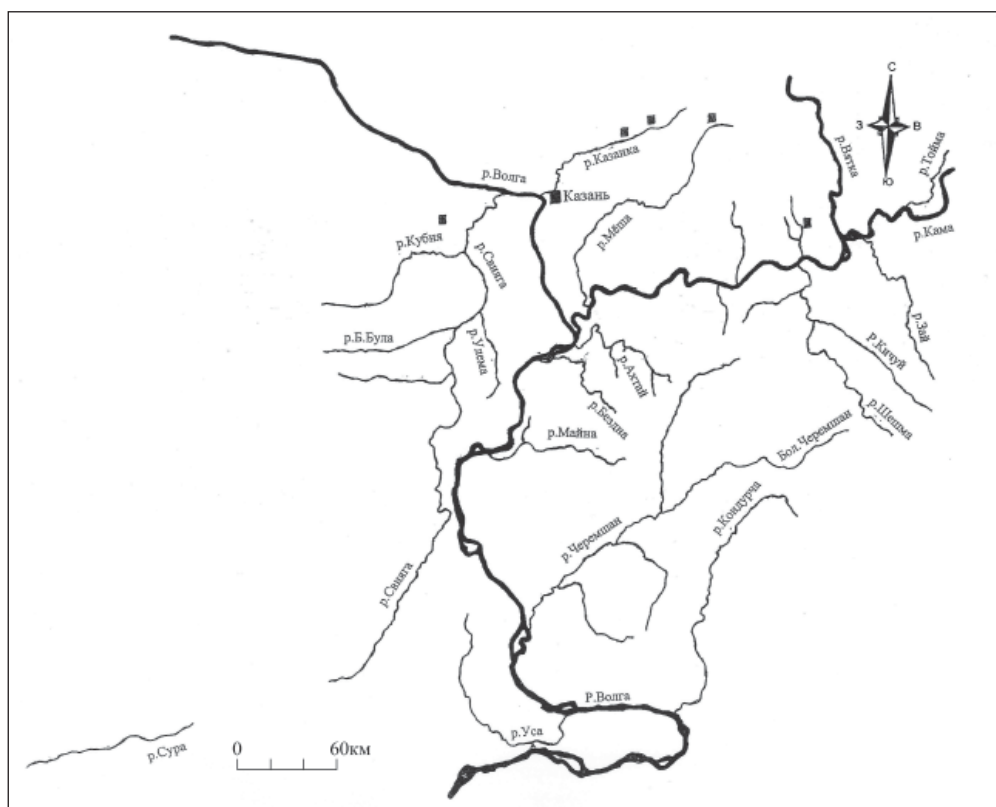

Рис. 1в. Карта распространения городищ Казанского ханства

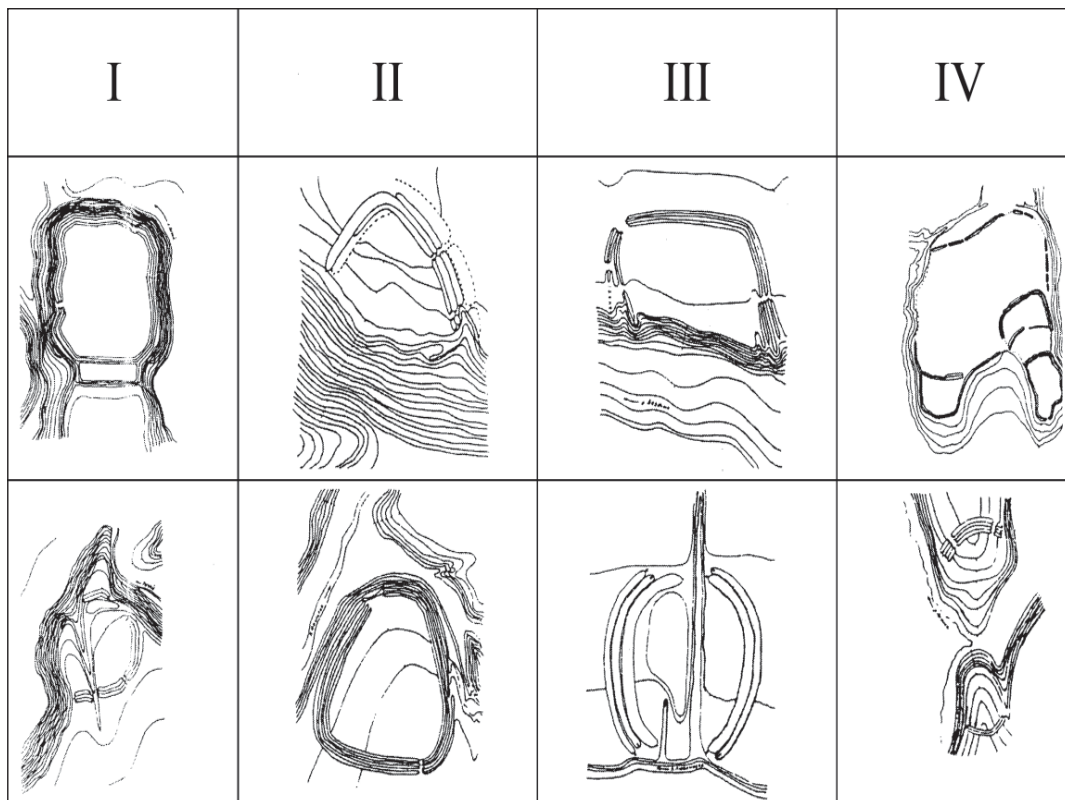

Рис. 2. Типы городищ

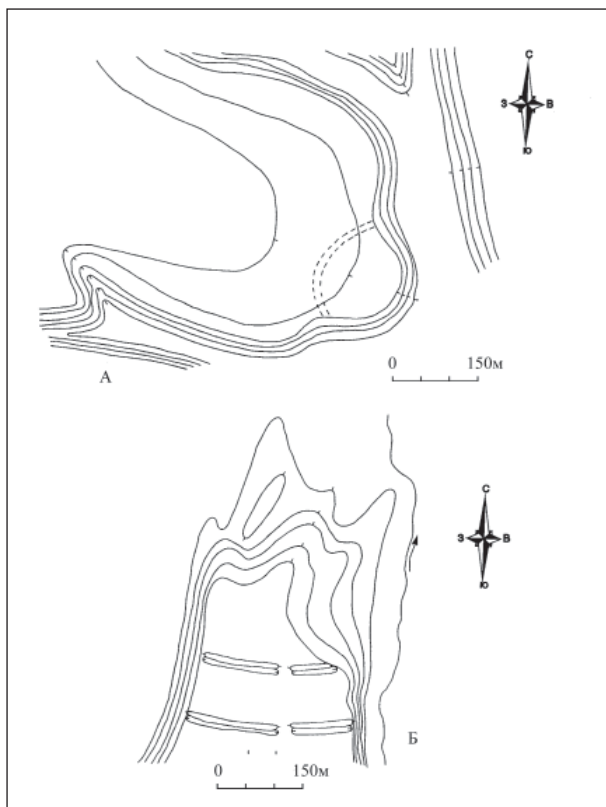

Рис. 3. Городища I типа:
А – Колунецкое,
Б – Селиксенское (по Г.Н. Белорыбкину)

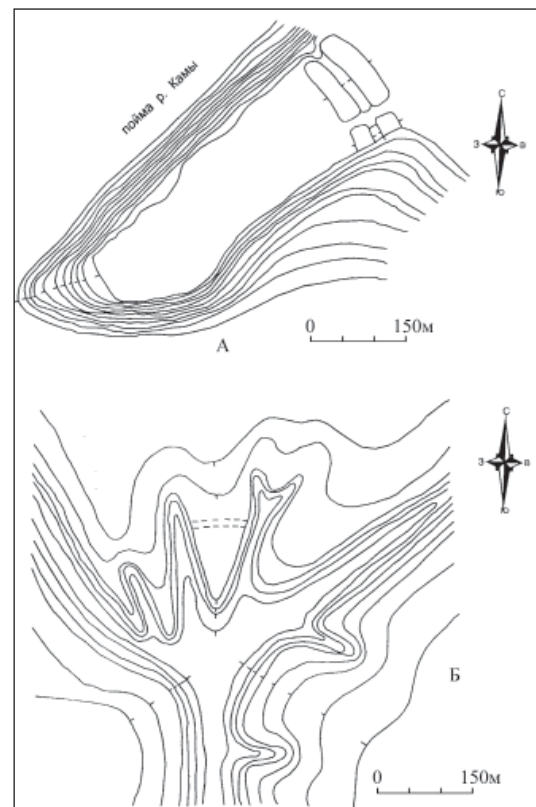

Рис. 4. Городища I типа:
А – Булдырьское (по Р.Г. Фахрутдинову),
Б – «Ежевичная стрелка»

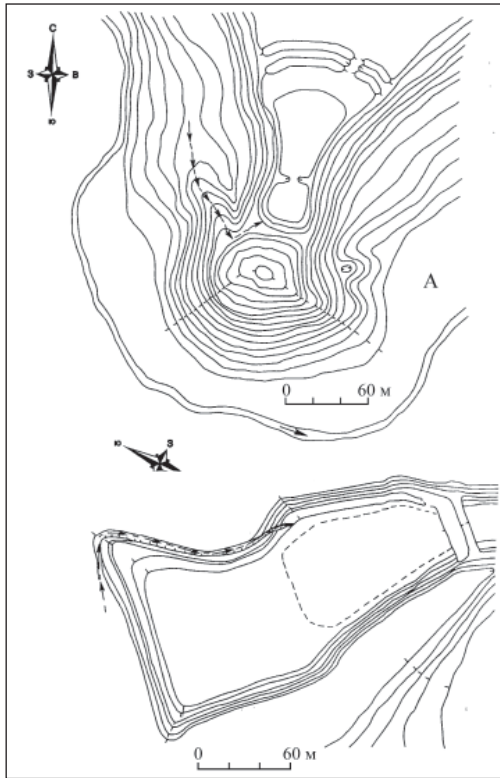

Рис. 5. Городища I типа:
А – Тавлинское,
Б – Щербеньское II

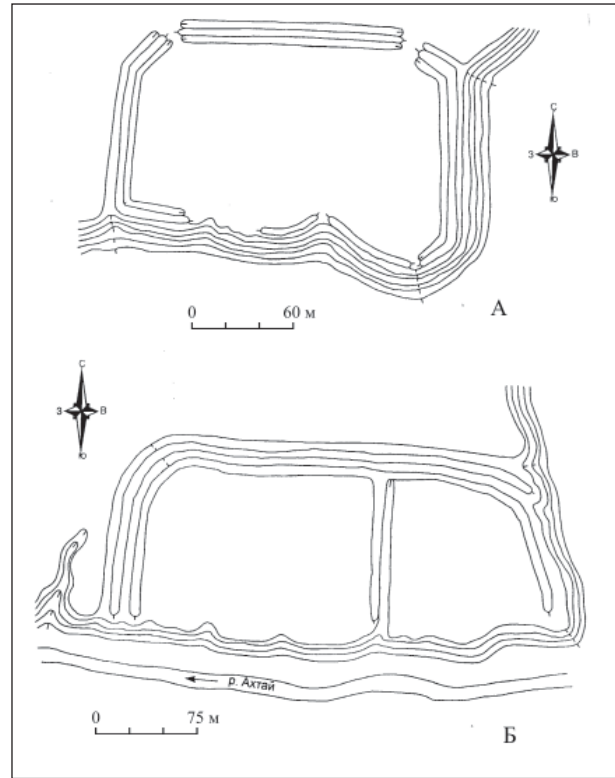

Рис. 6. Городища II типа:
А – Караваяевское (по Р.Г. Фахрутдинову),
Б – Восточно-Войкинское
(по Р.Г. Фахрутдинову)

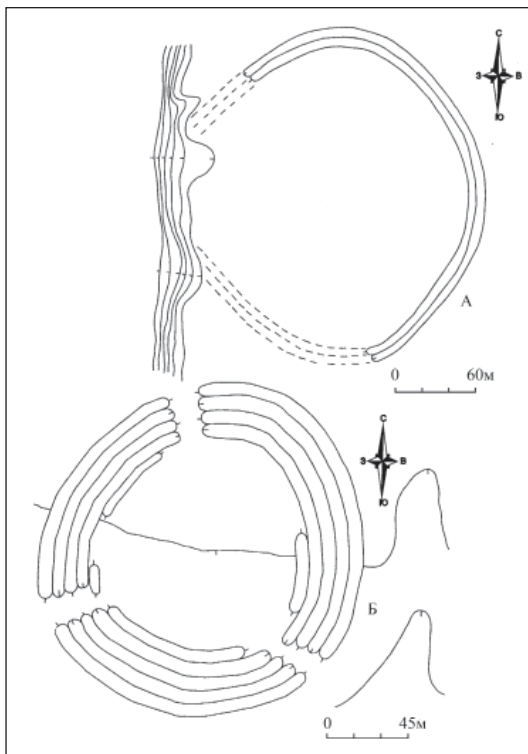

Рис. 7. Городища III типа:
А – Староеналейское
(по Р.Г. Фахрутдинову),
Б – Чуваппаковское (по Р.Г. Фахрутдинову)

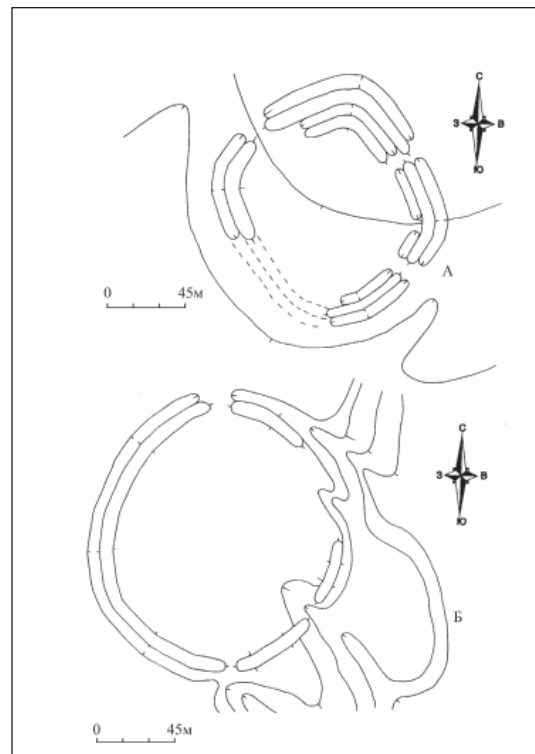

Рис. 8. Городища III типа:
А – Старобаранское (по Р.Г. Фахрутдинову),
Б – Боровкинское (по Р.Г. Фахрутдинову)

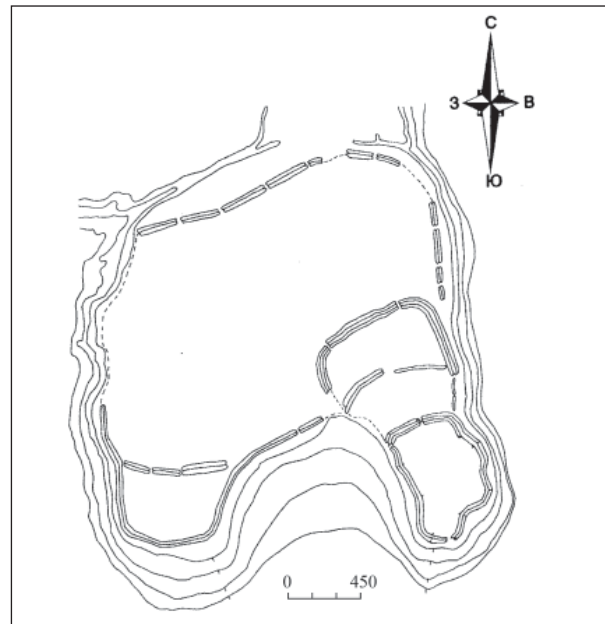

Рис. 9. Городище IV типа: Балынгузское

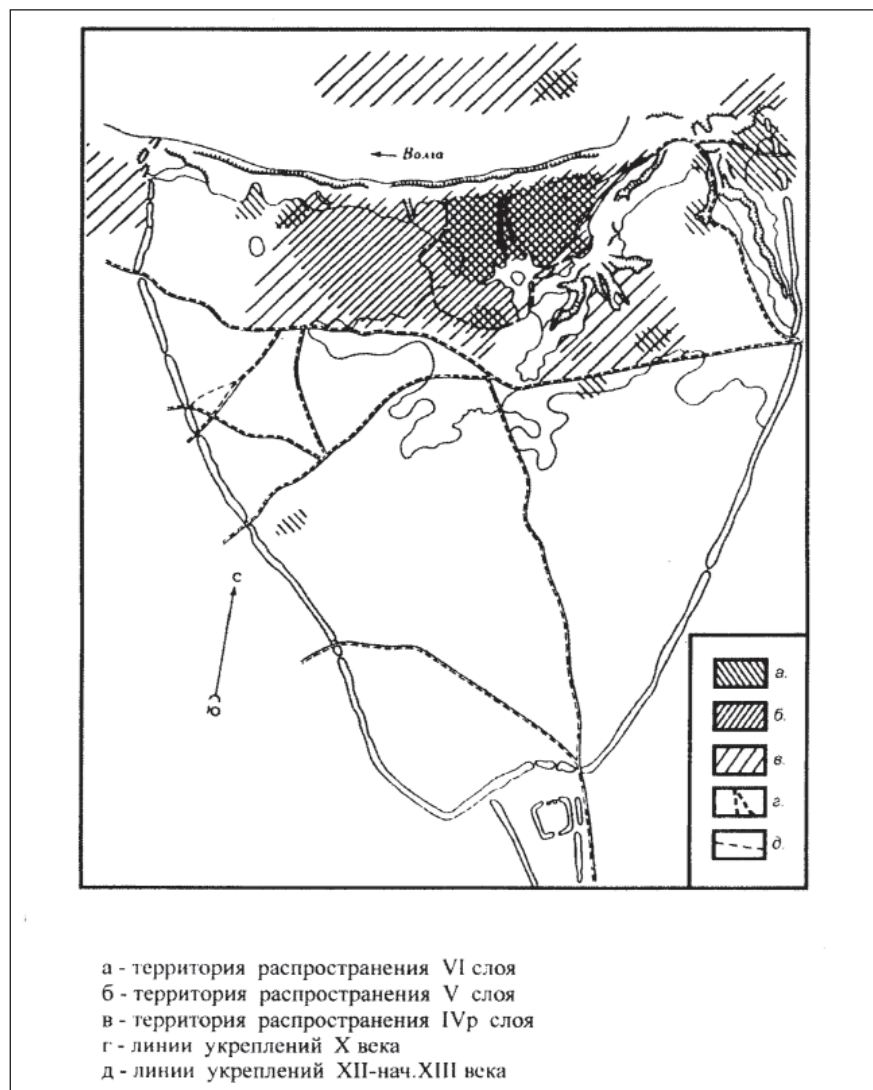

Рис. 10. Болгарское городище (по Т.А. Хлебниковой)

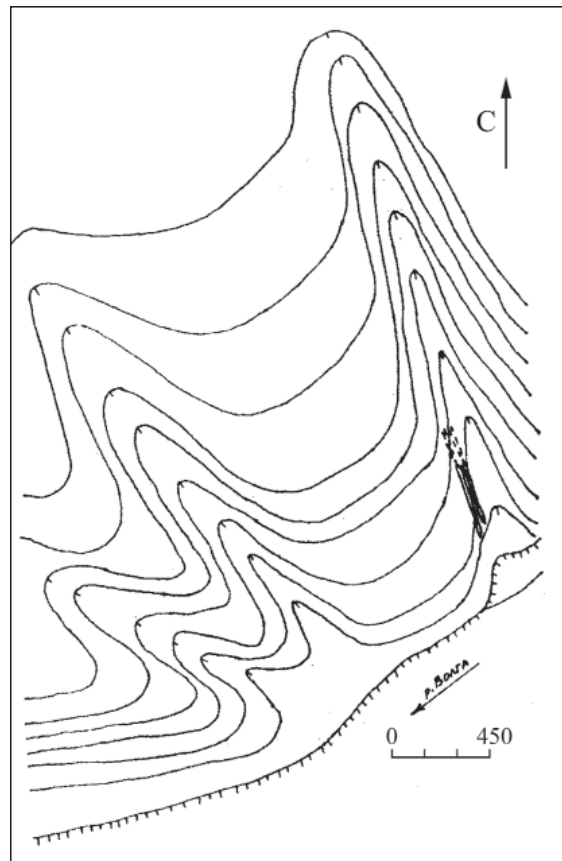

Рис. 11. Сюкеевское городище (по М.Ш. Галимовой)

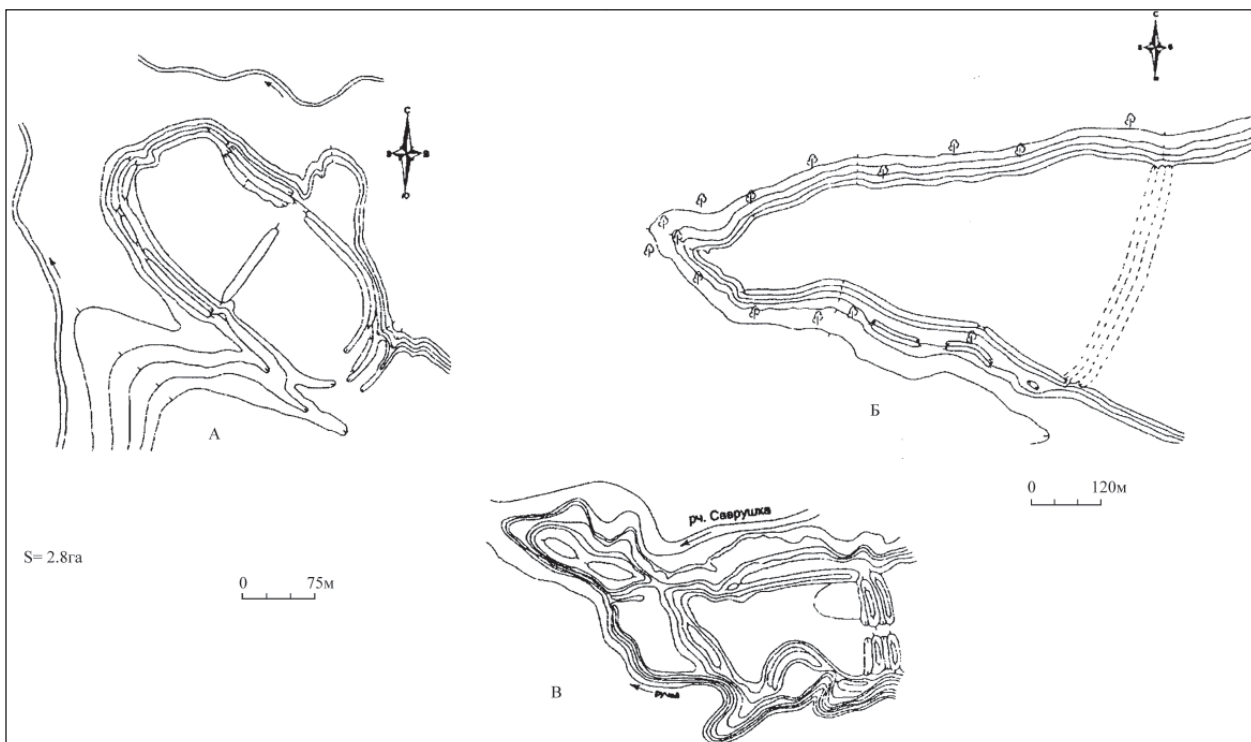

Рис. 12. Городища: А – Ромоданское (по Р.Г. Фахрутдинову),
Б – Красносандюковское II (по Р.Г. Фахрутдинову), В – Савгачевское (по Р.Г. Фахрутдинову)

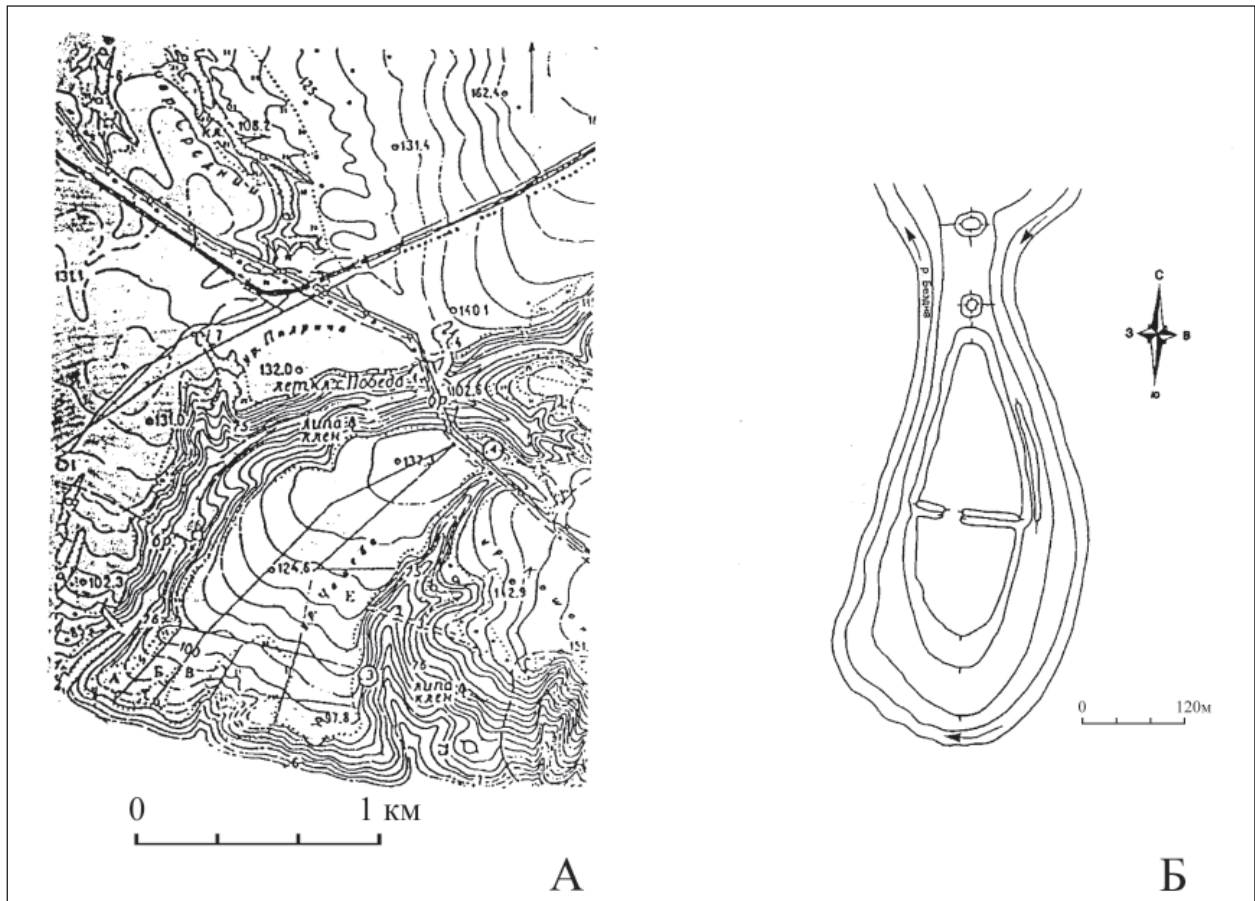

Рис. 13. Городища: А – Кашан I (по К.А. Руденко),
Б – Кураловское (Старокуйбышевское) (по Н.Ф. Калинину)

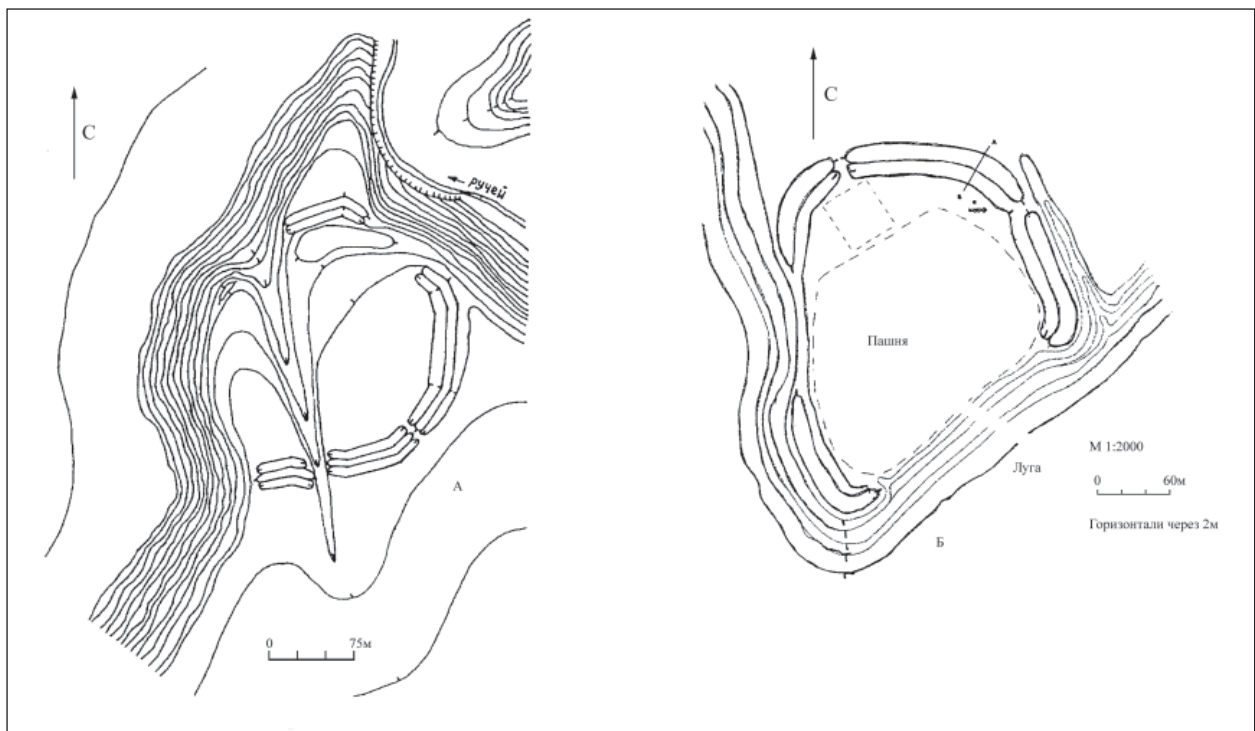

Рис. 14. Городища: А – Чуру-Барышевское, Б – Старокамкинское (по Р.Г. Фахрутдинову)

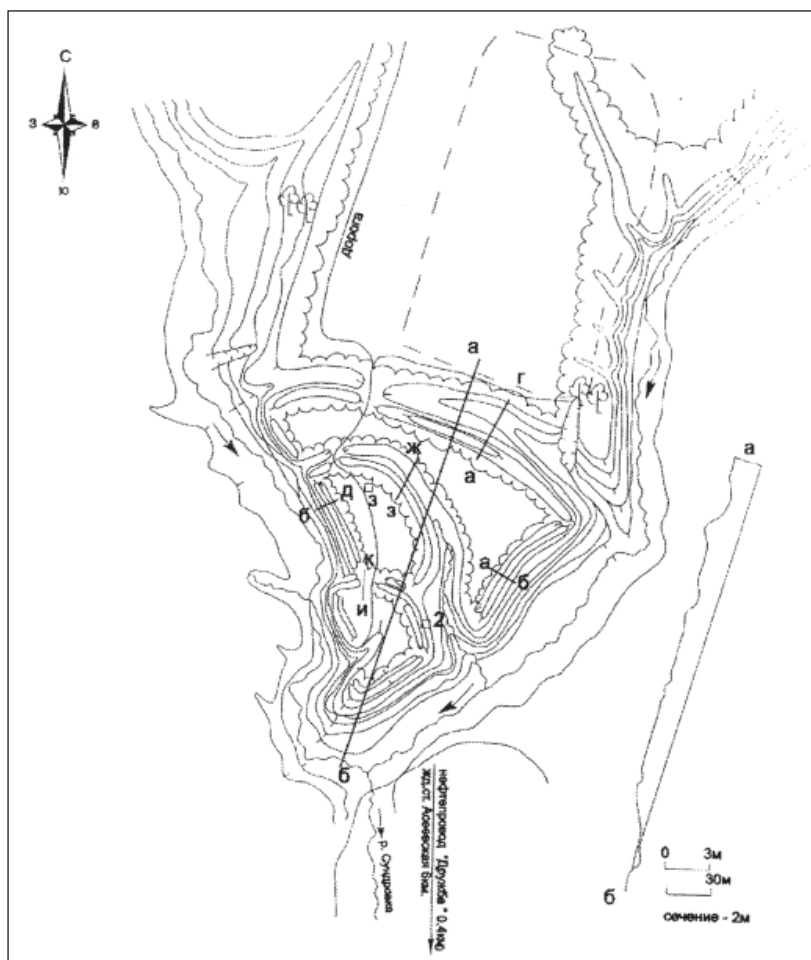

Рис. 15. Сундровское городище (по Г.Н. Белорыбкину)

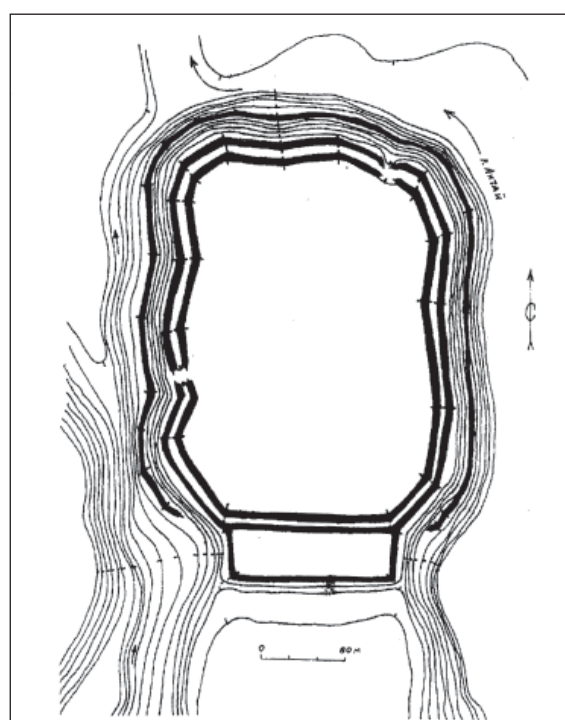

Рис. 16. Староматакское городище

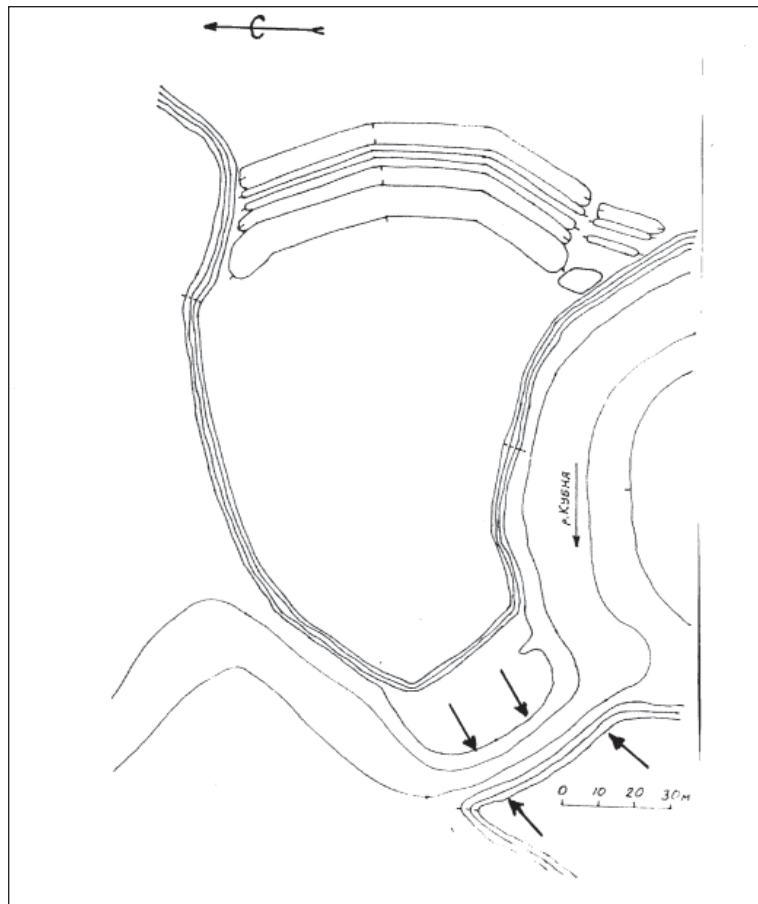

Рис. 17. Луковское (Япанчино) городище

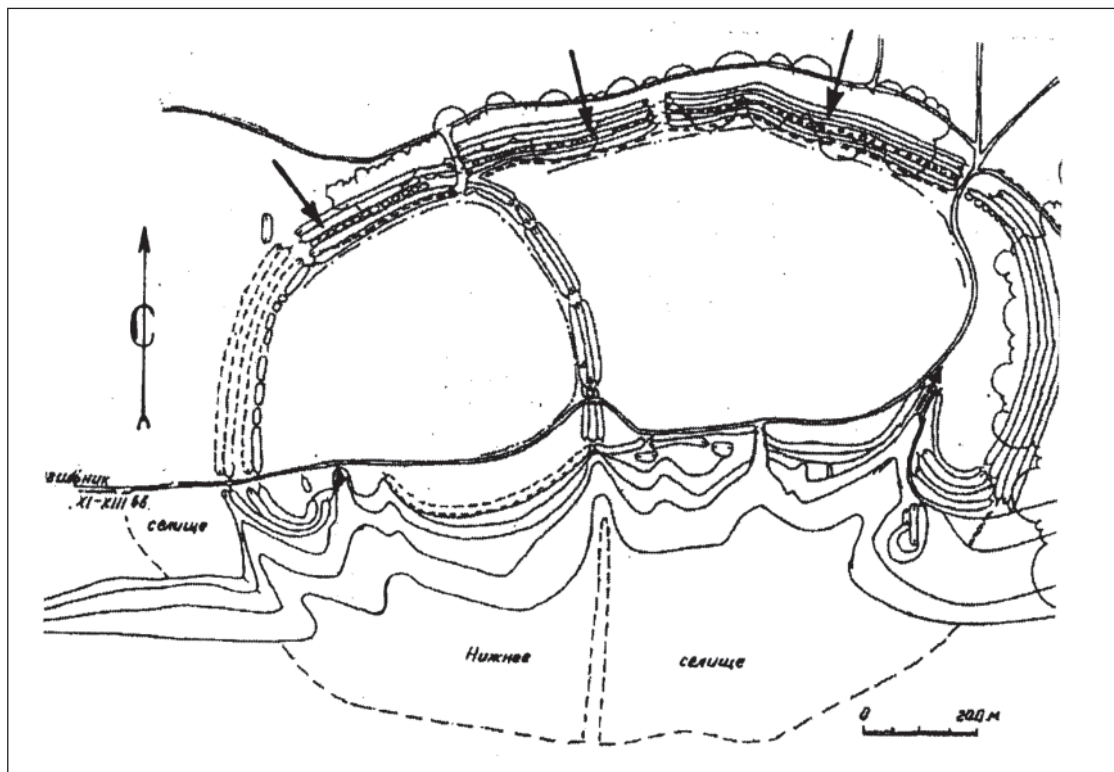

Рис. 18. Кокрятское городище (по А.Х. Халикову)

Рис. 19. Кокрятское городище. Вид с запада

Рис. 20. Кокрятское городище. Вид с юго-востока на оборонительную линию

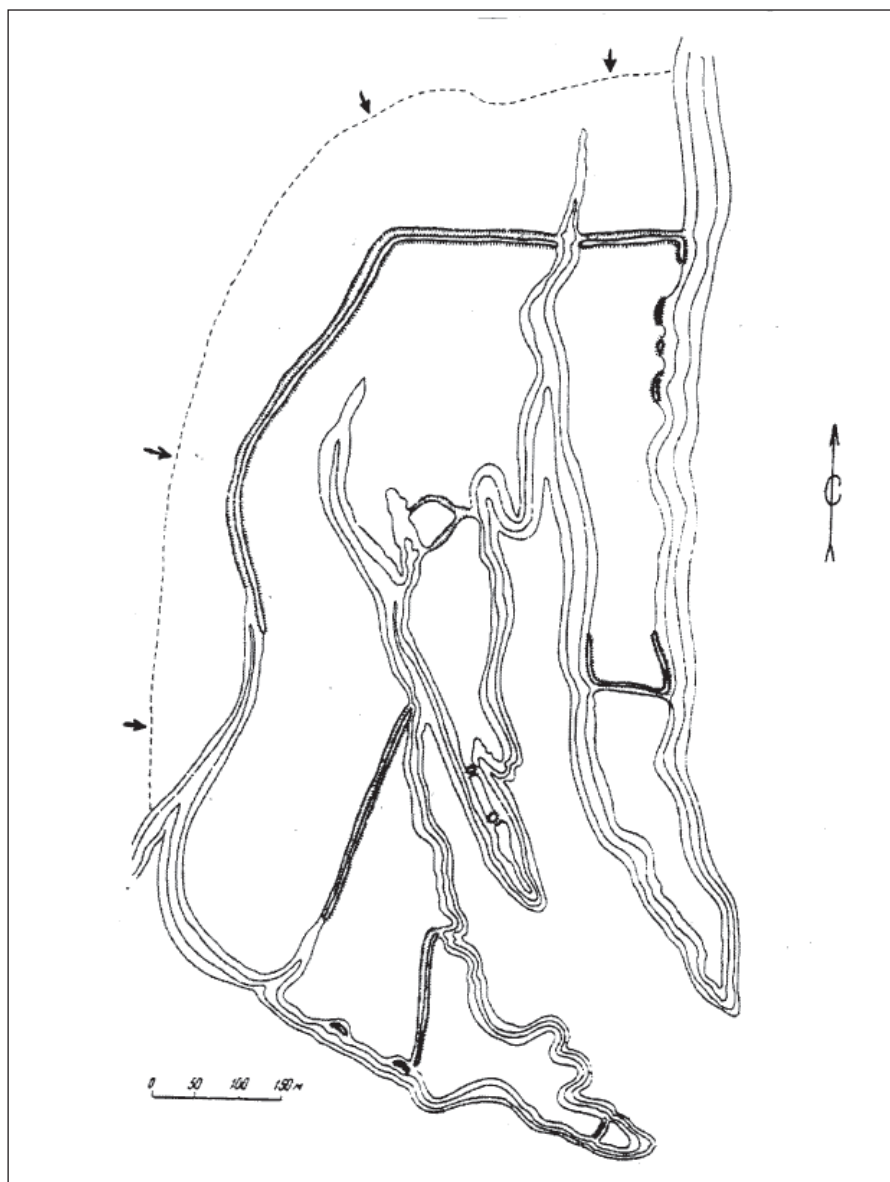

Рис. 21. Большетарханское городище (по П.Н. Старостину)

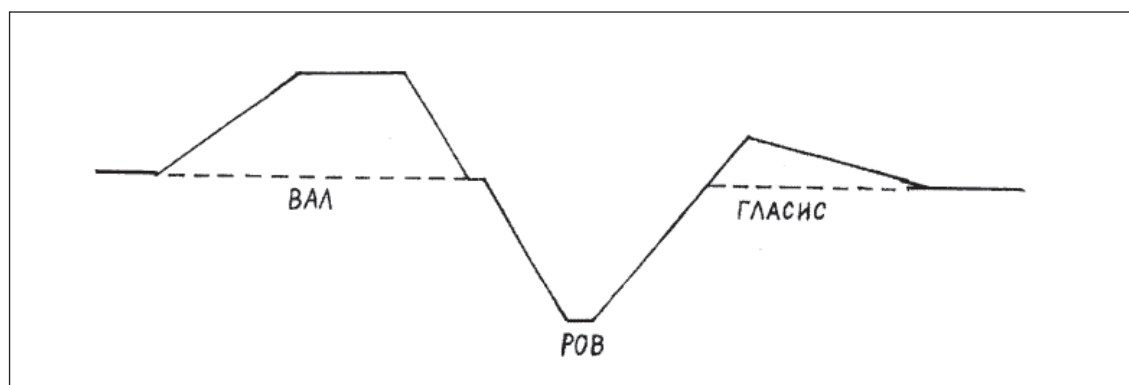

Рис. 22. Профиль укреплений с гласисом (гласисообразной насыпью)

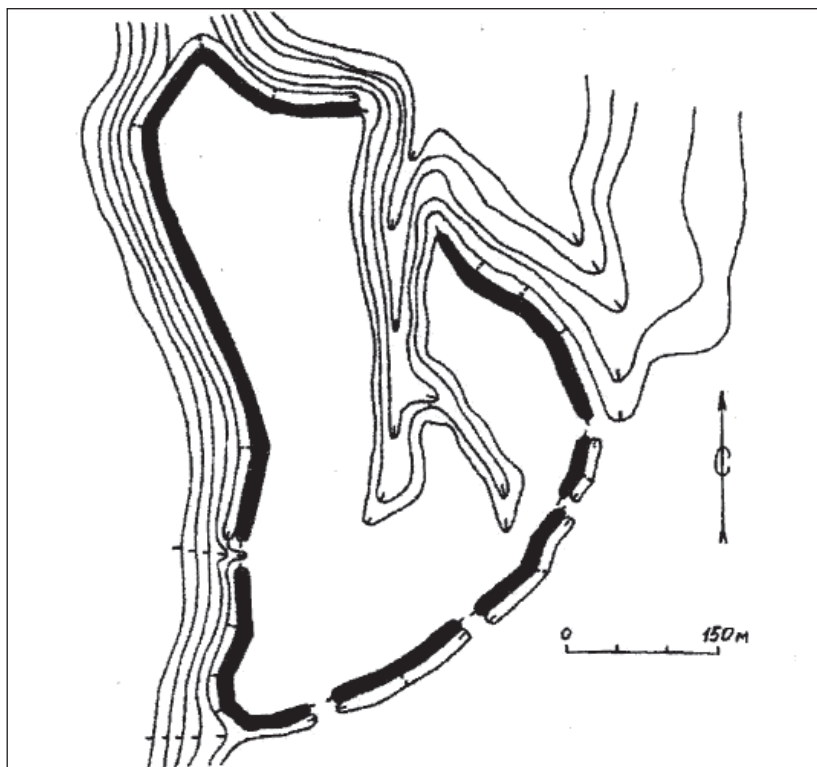

Рис. 23. Якимово-Стрелкинское городище (по Р.Г. Фахрутдинову)

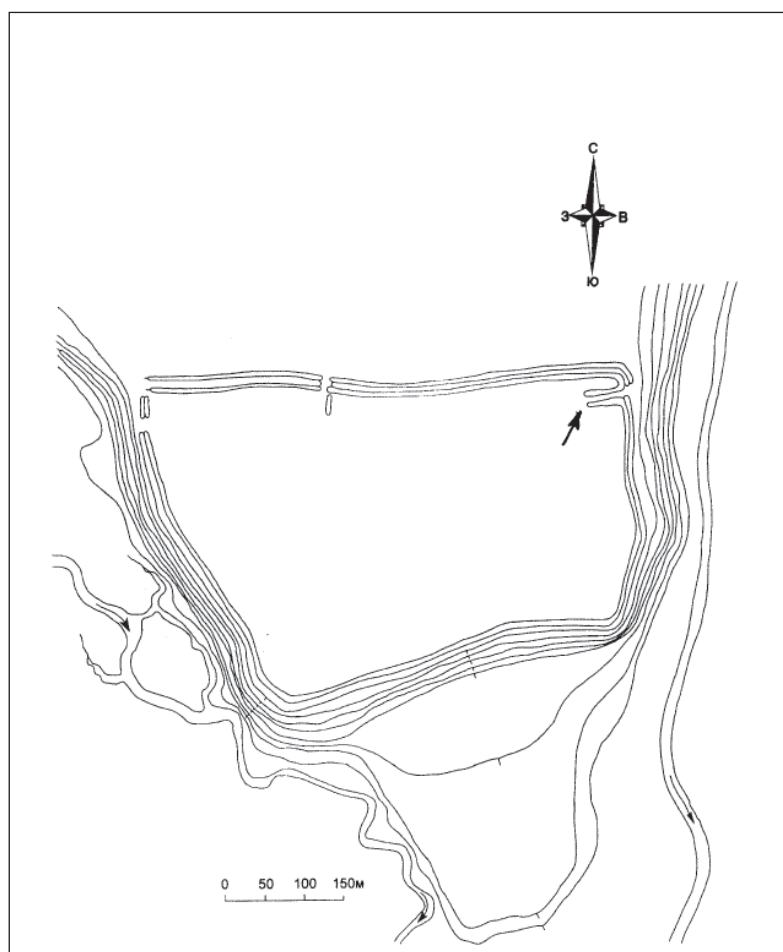

Рис. 24. Николаев-Баранское II городище

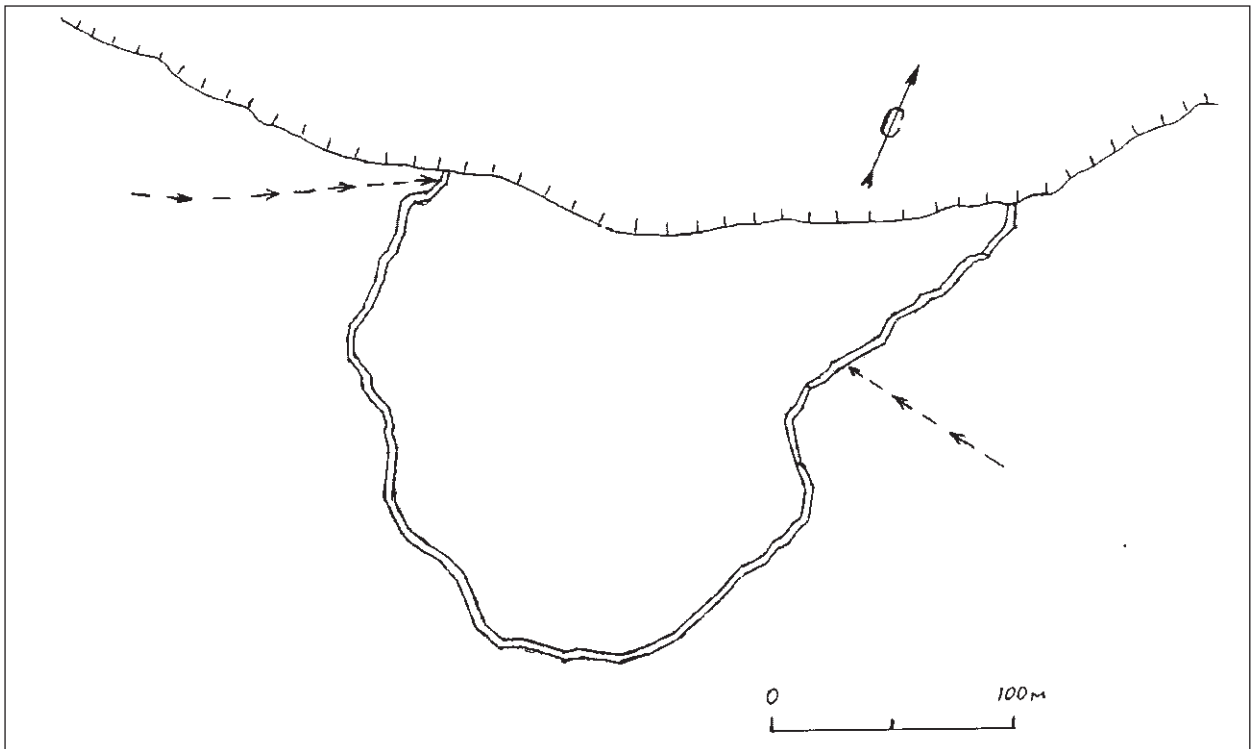

Рис. 25. План оборонительной линии Болгарского городища XII–XIII вв. «Замошный вал» (по Н. Савенкову, И. Крапивицу, 1732 г.)

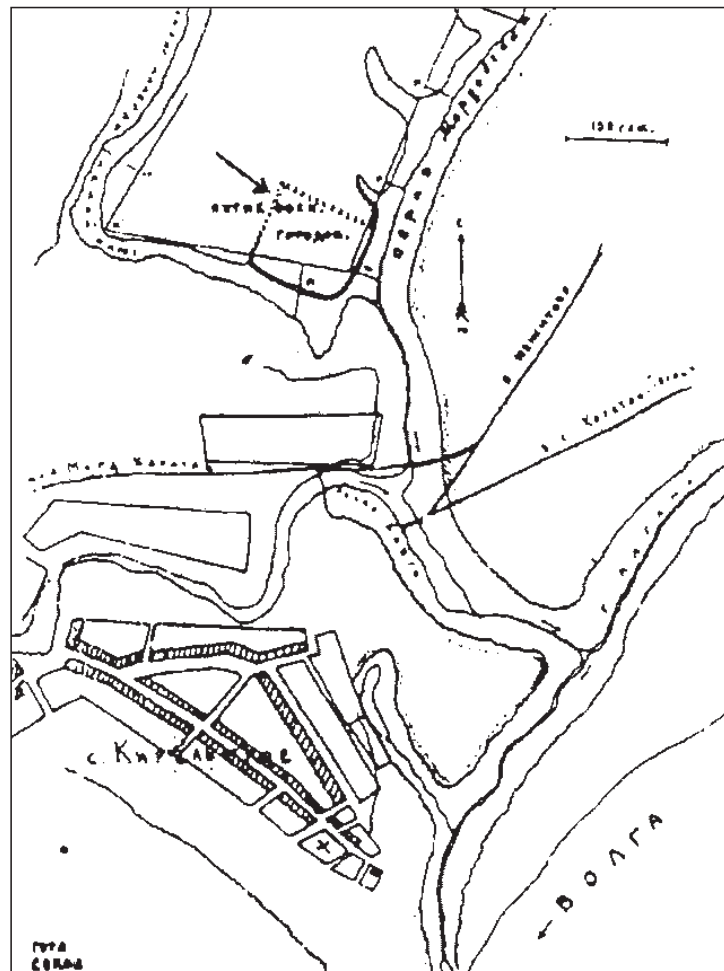

Рис. 26. Янтиковское городище. План местности (по Н.Ф. Калинин)

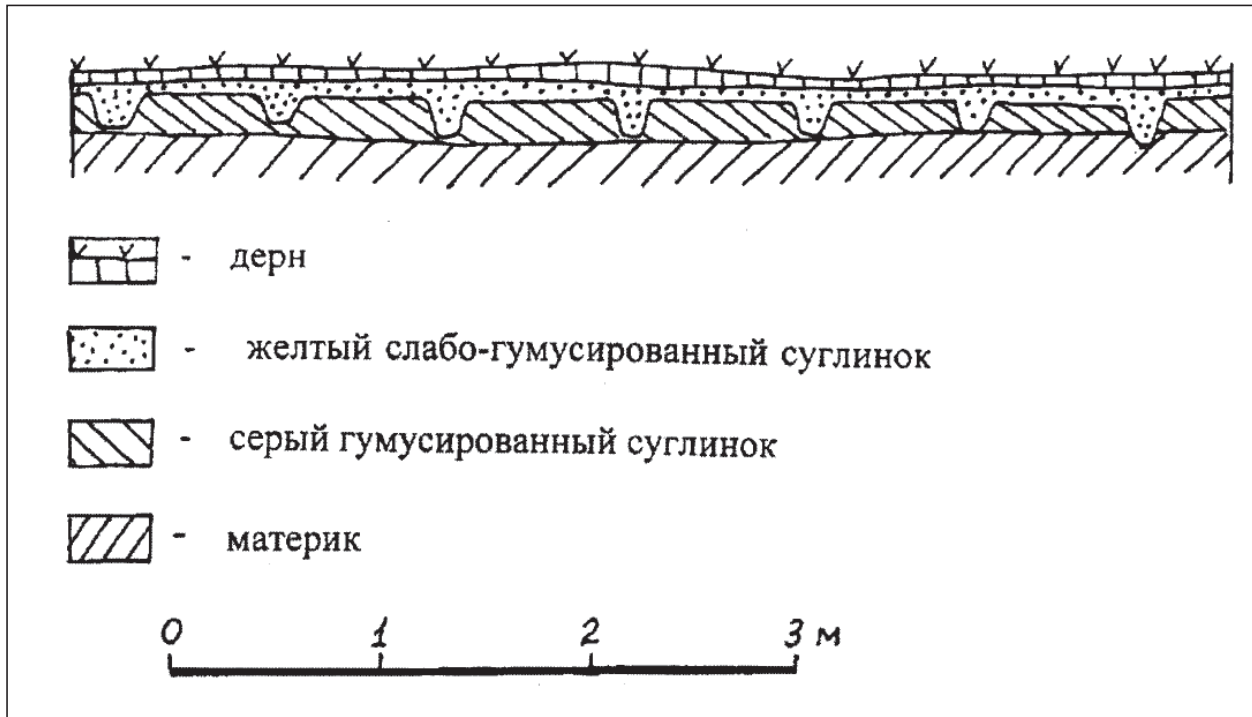

Рис. 27. Янтиковское городище. Профиль стенки раскопа (по Н.Ф. Калинин)

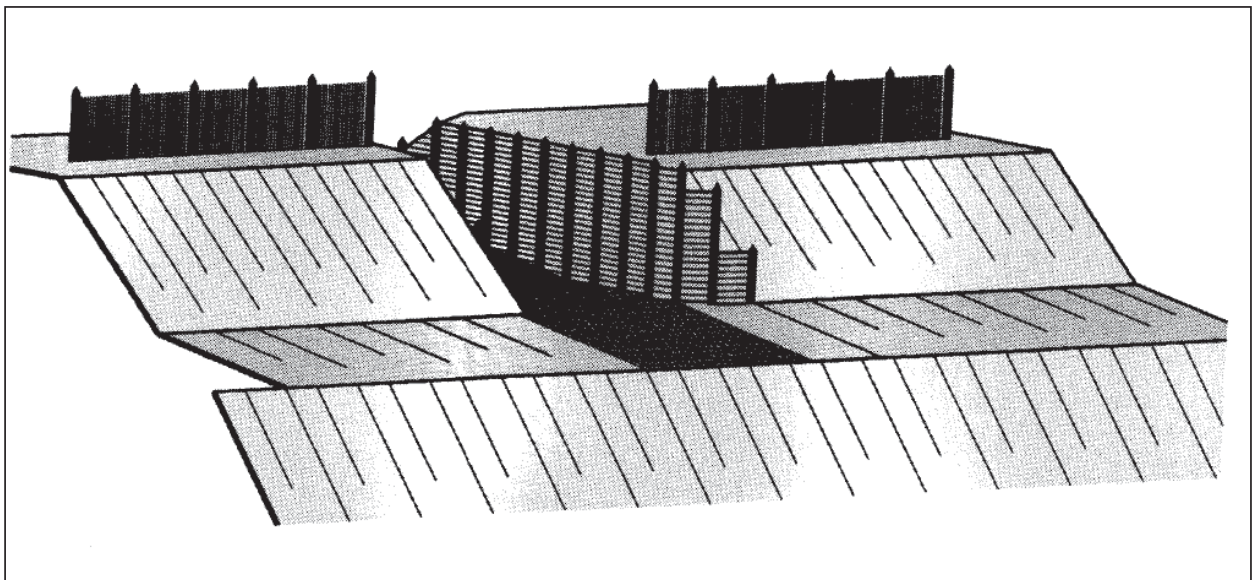

Рис. 28. Реконструкция проезда на Янтиковском городище

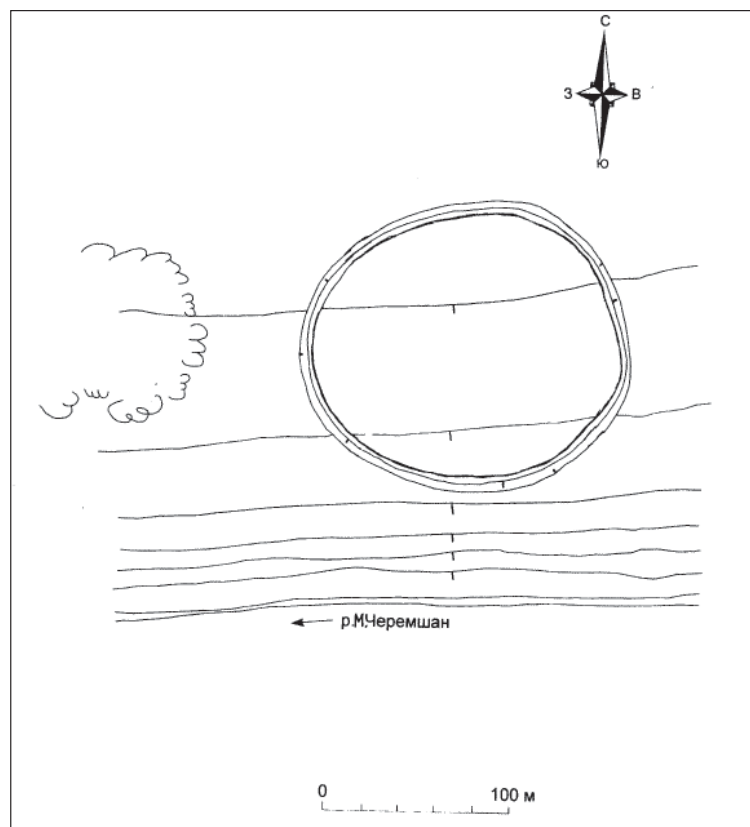

Рис. 29. Горкинское городище (по Н.А. Халикову)

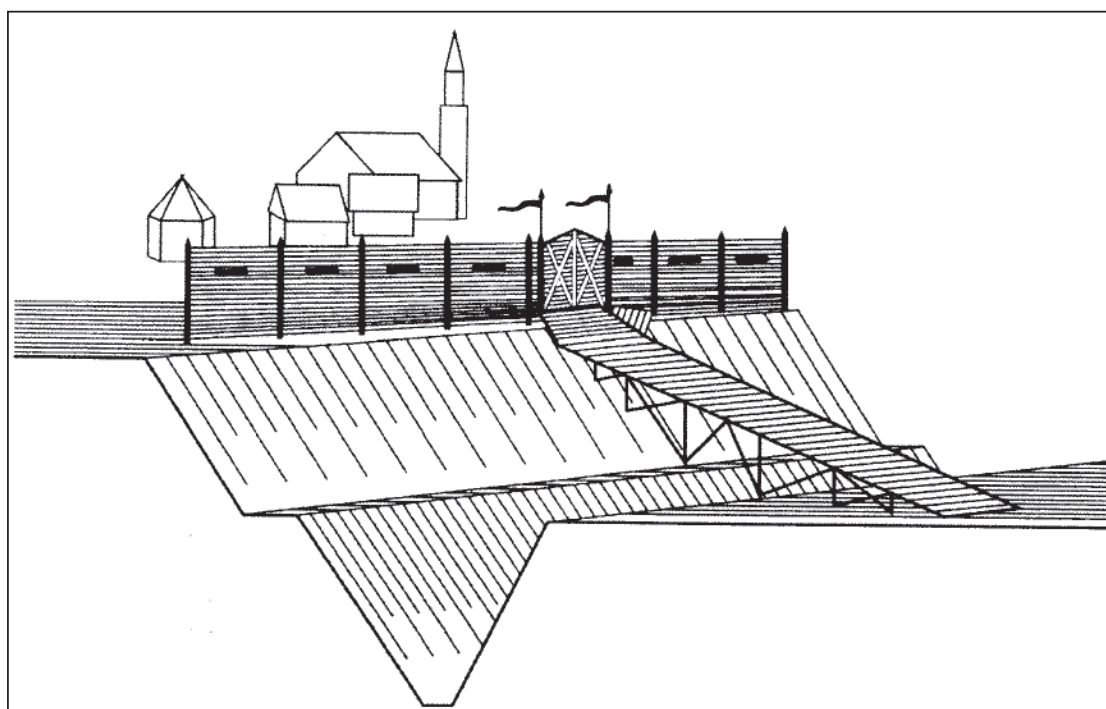

Рис. 30. Реконструкция въезда в виде аппарата

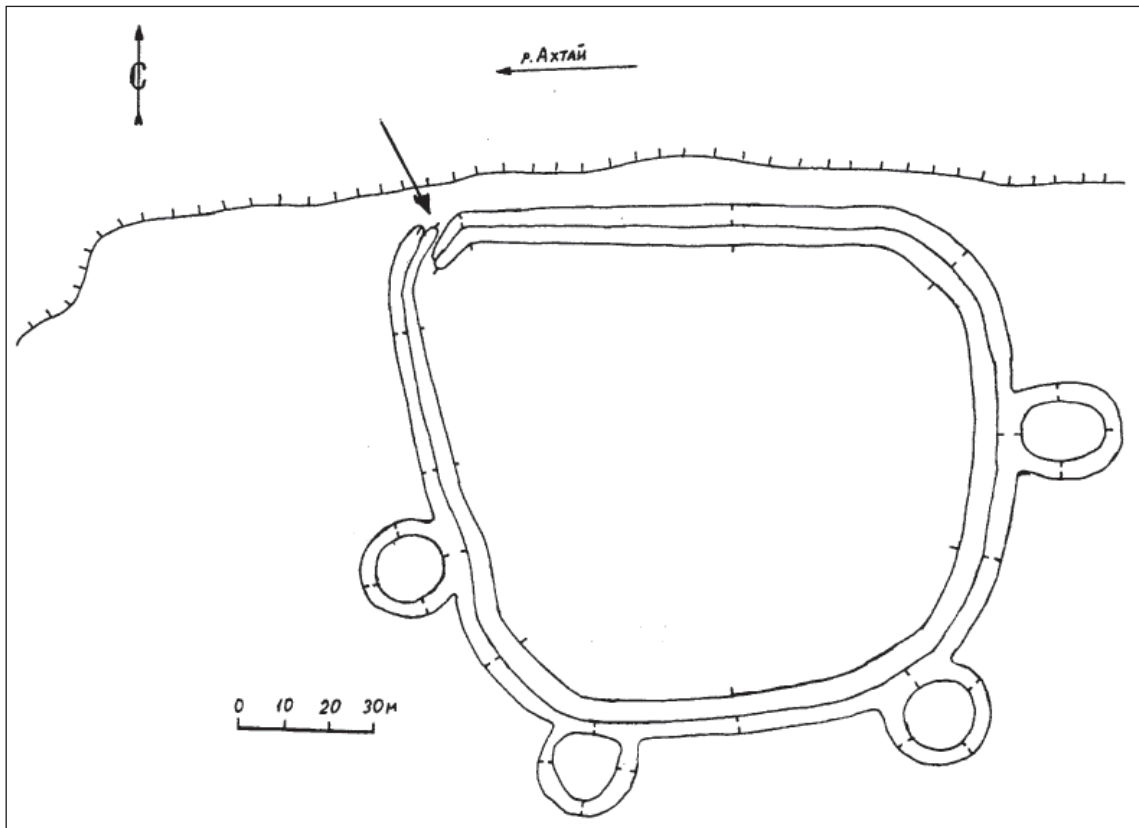

Рис. 31. Городище «Девичий городок». Тип проезда

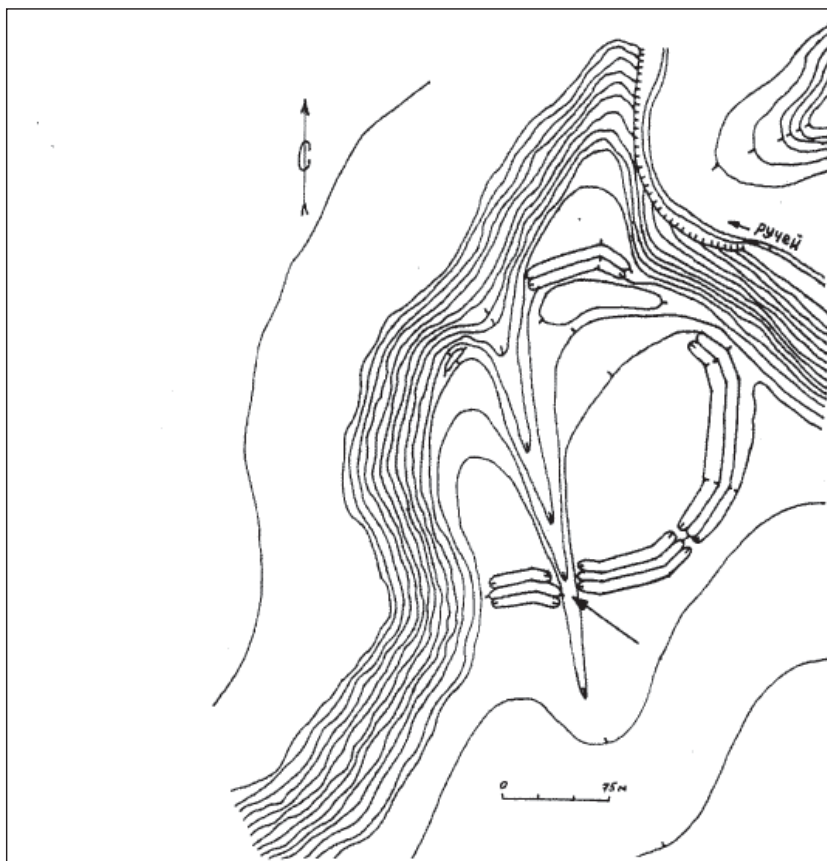

Рис. 32. Чуру-Барышевское городище. Тип проезда

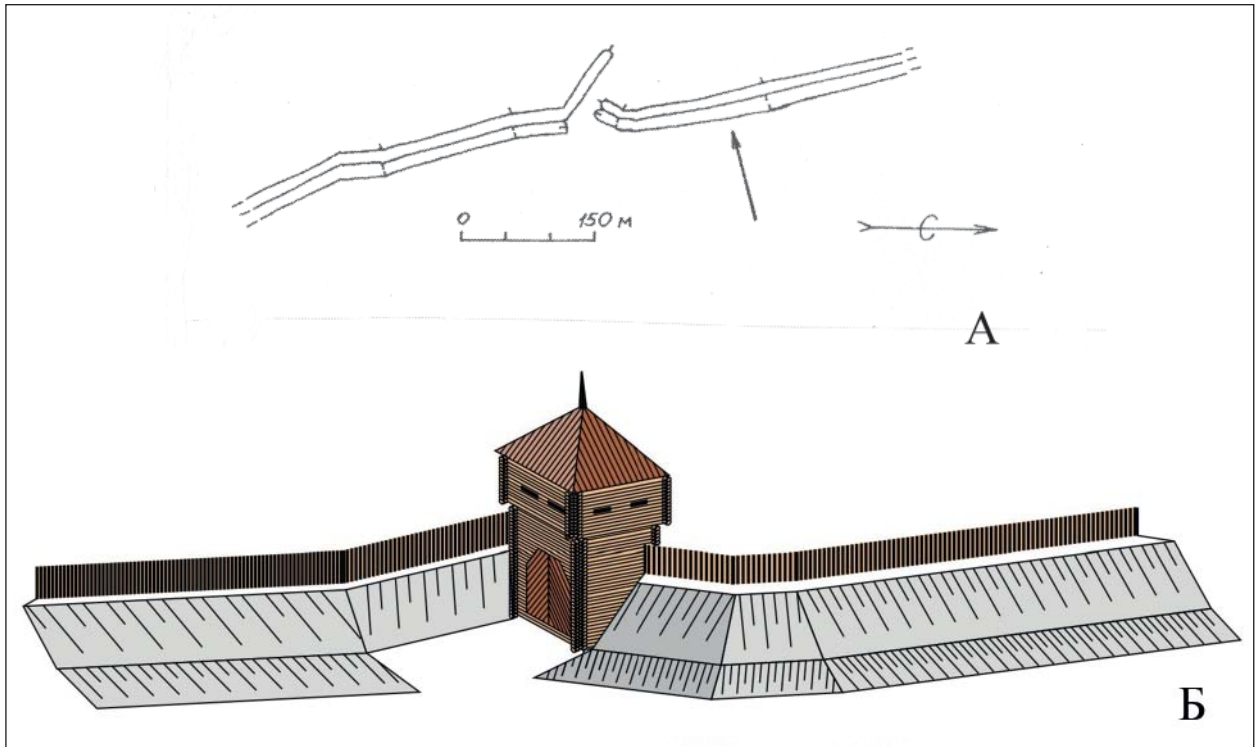

Рис. 33. Болгарское городище. А – тип проезда в восточной части, Б – реконструкция «Восточного проезда»

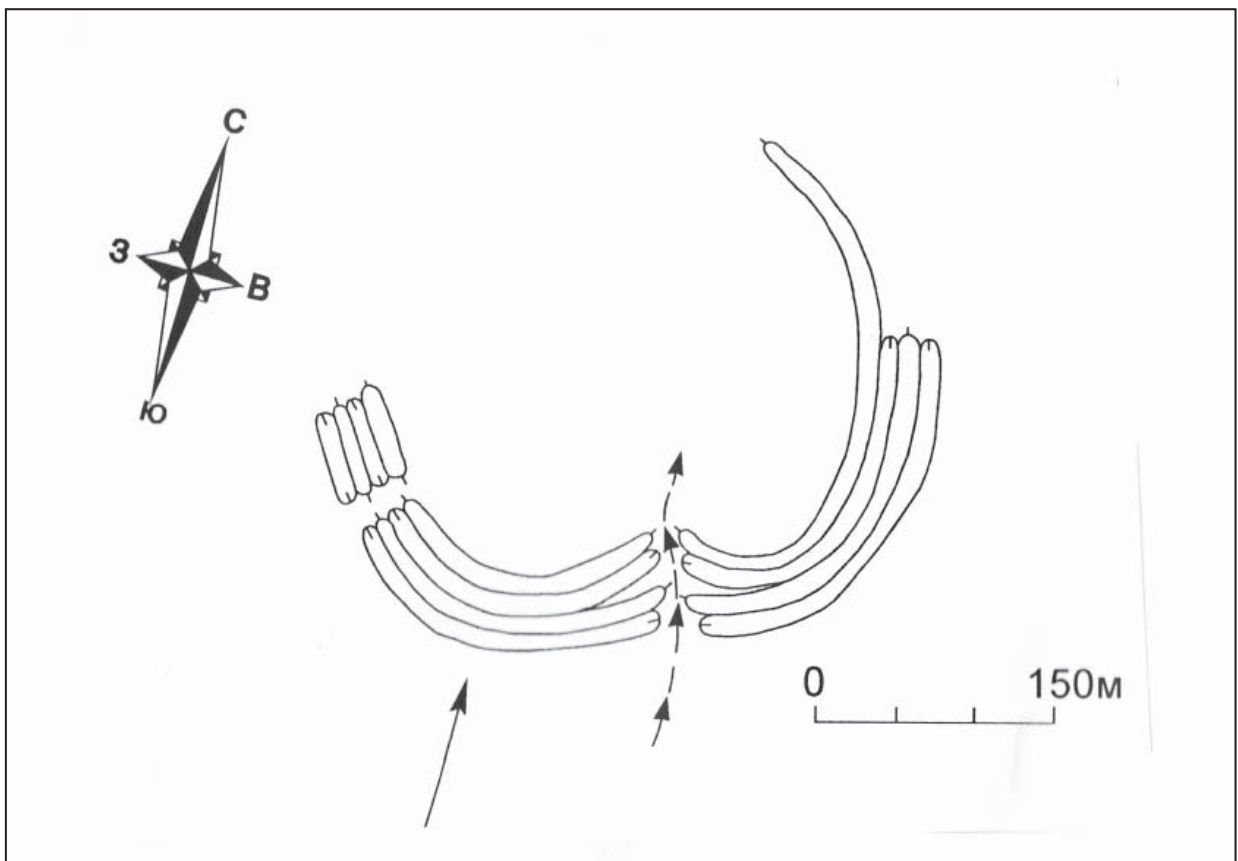

Рис. 34. Юловское городище. Тип проезда «внутреннего города» (по Г.Н. Белорыбкину)

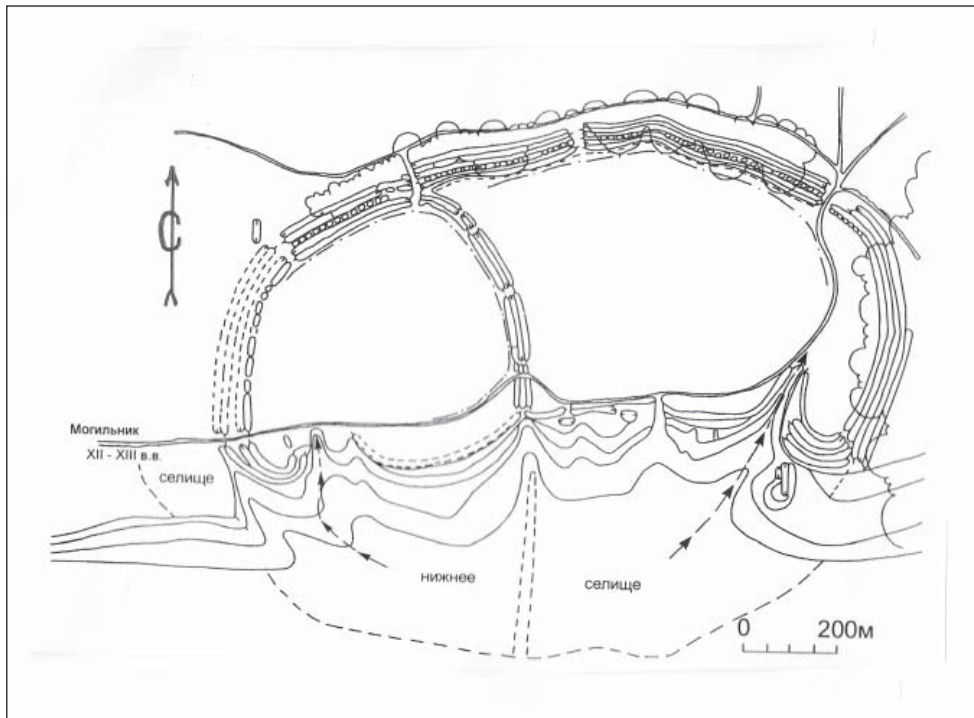

Рис. 35. Кокрятское городище (по А.Х. Халикову). Тип проезда

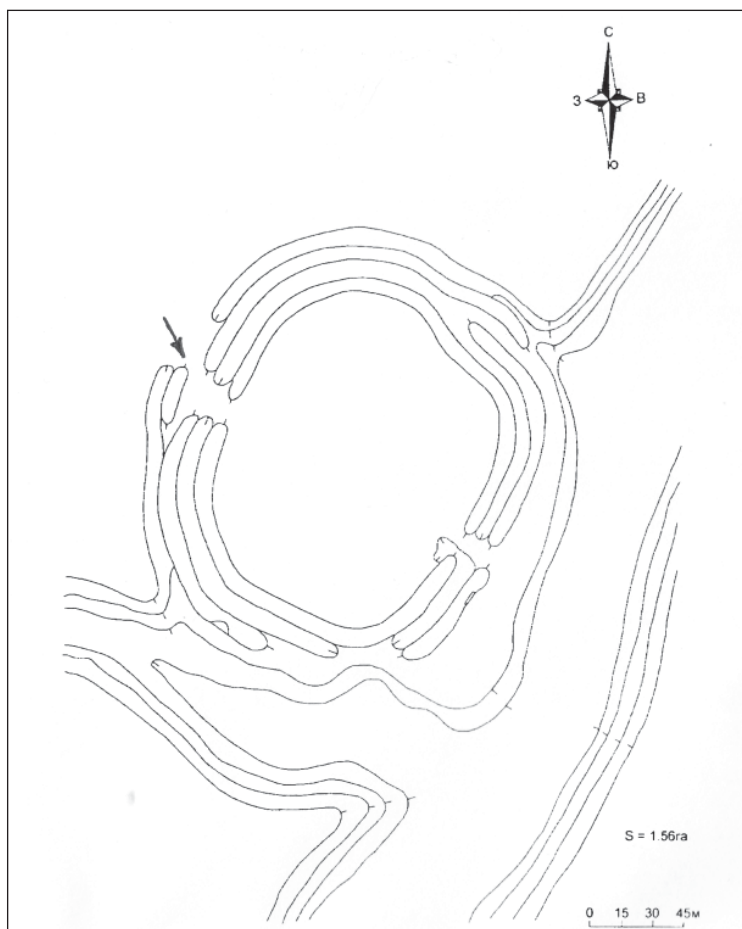

Рис. 36. Екатеринино-Слободское II городище (по Р.Г. Фахрутдинову). Тип проезда

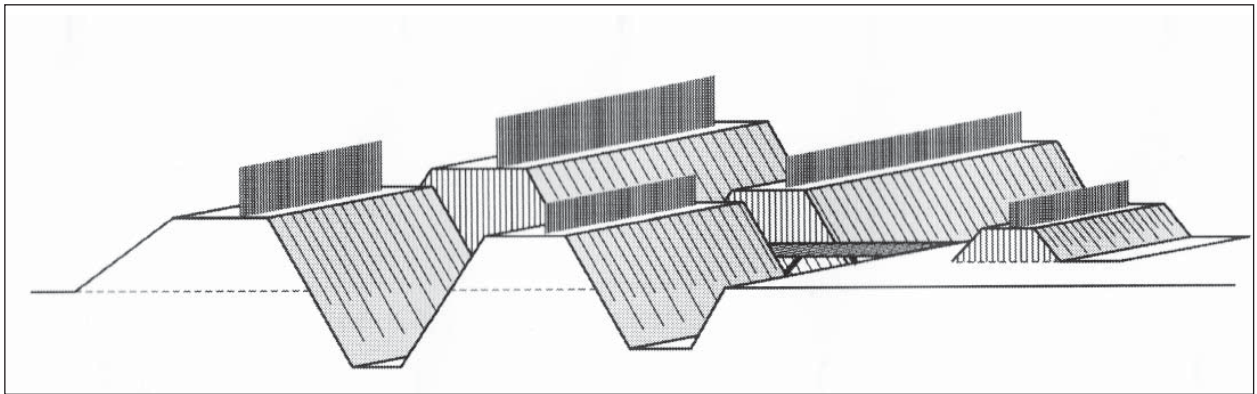

Рис. 37. Реконструкция проезда на Екатериново-Слободском II городище

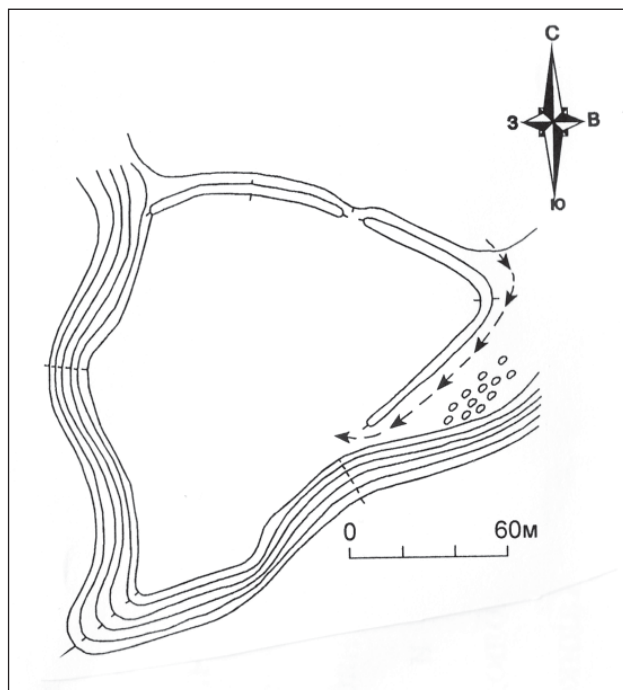

Рис. 38. Краснокадкинское городище (по Р.Г. Фахрутдинову). Тип проезда

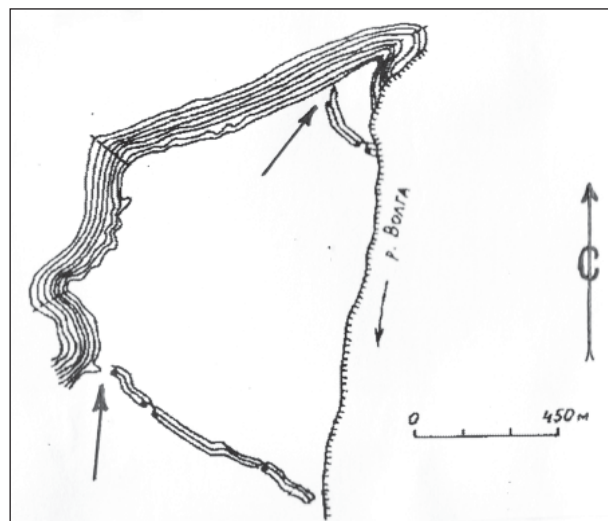

Рис. 39. Городищенское (на р. Волга) городище (по Р.Г. Фахрутдинову). Типы проездов

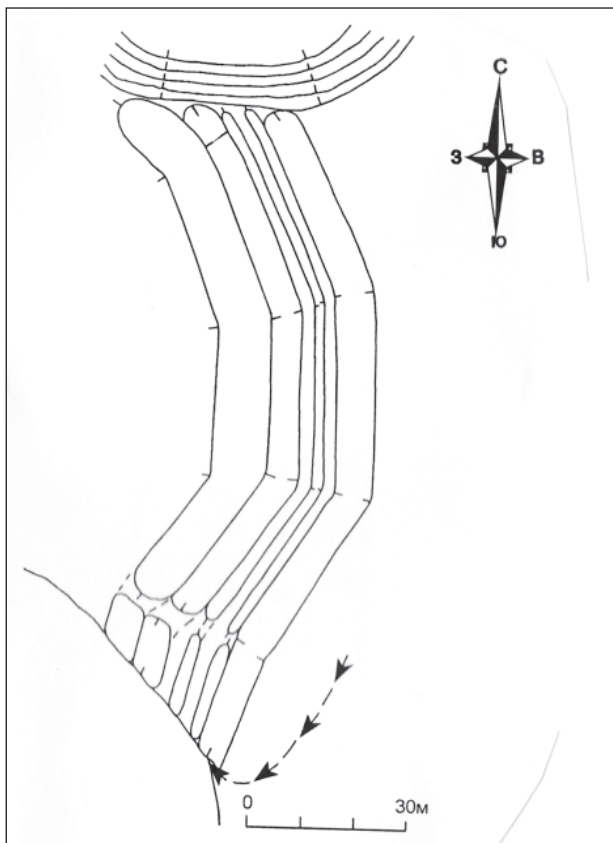

Рис. 40. Место предполагаемого проезда на Луковском (Япанчино) городище

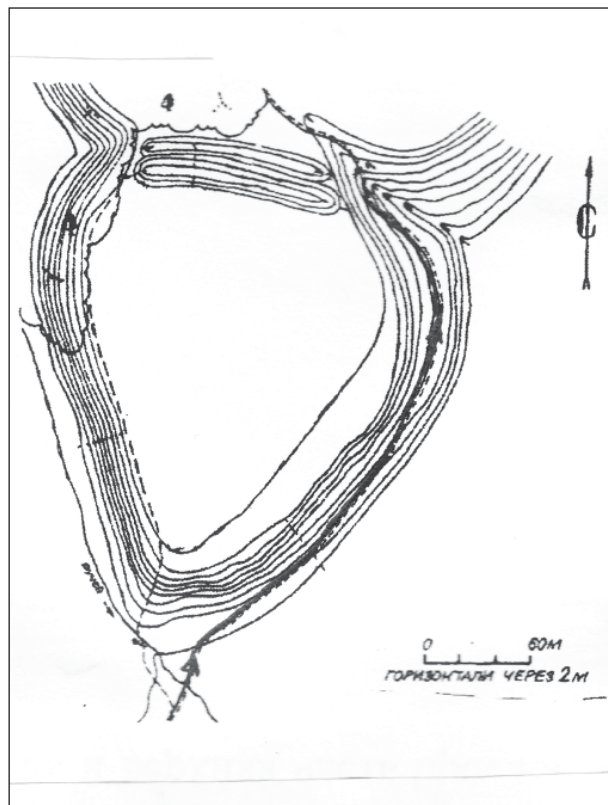

Рис. 41. Арское городище (по Н.И. Шутовой). Тип въезда

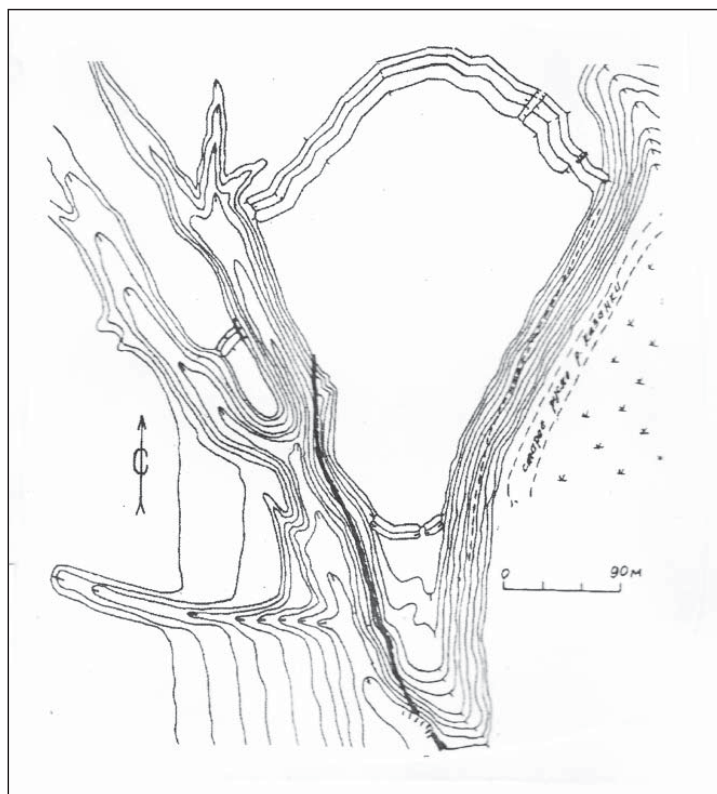

Рис. 42. Камаевское городище. Тип въезда

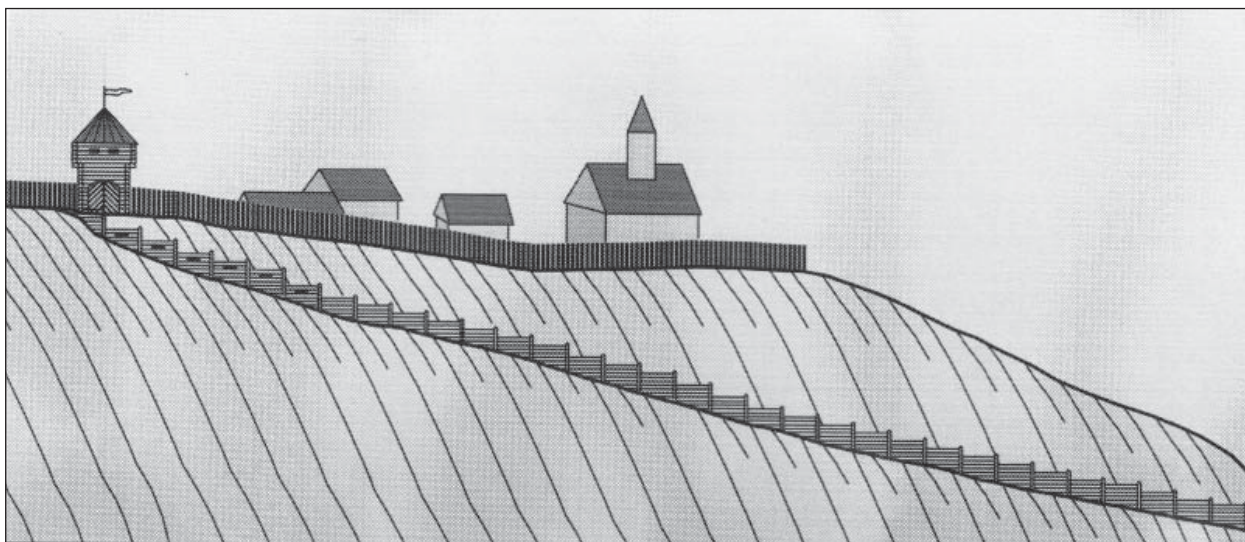

Рис. 43. Реконструкция въезда на Камаевском городище

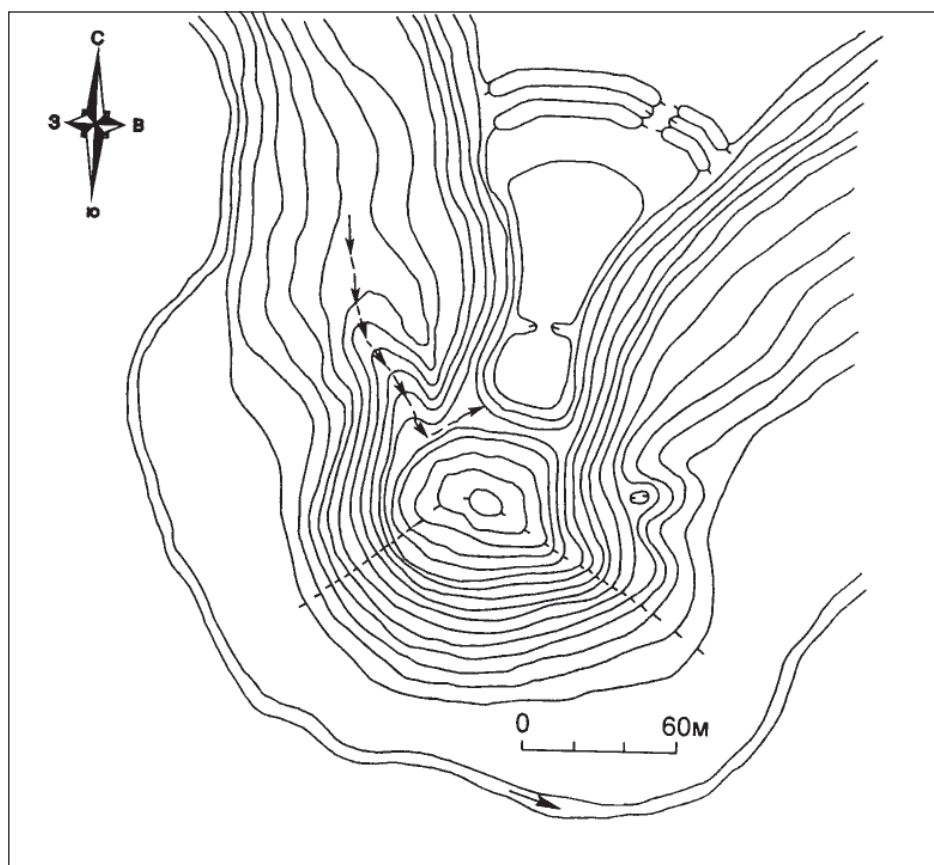

Рис. 44. Тавлинское городище. Тип въезда

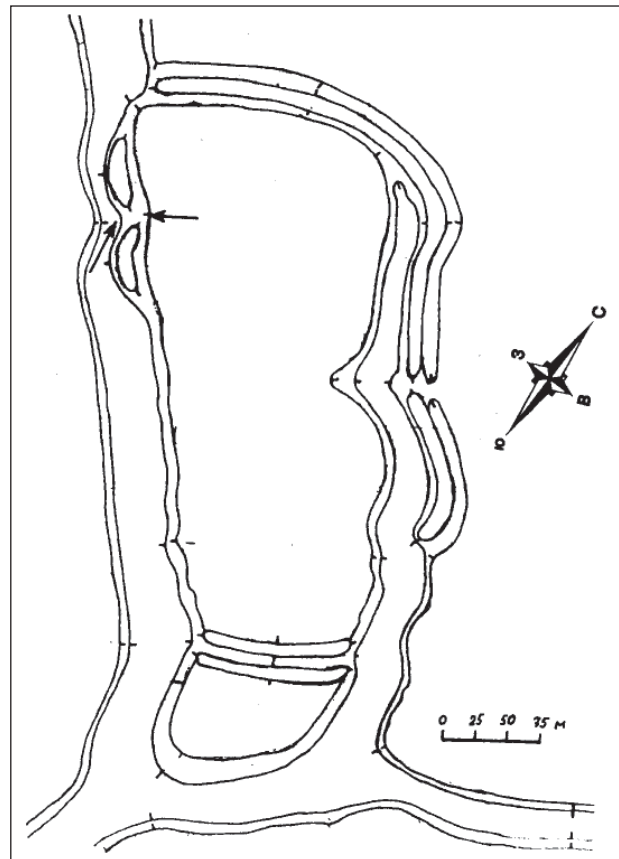

Рис. 45. Богдашкинское городище. Тип проезда «внутреннего города»

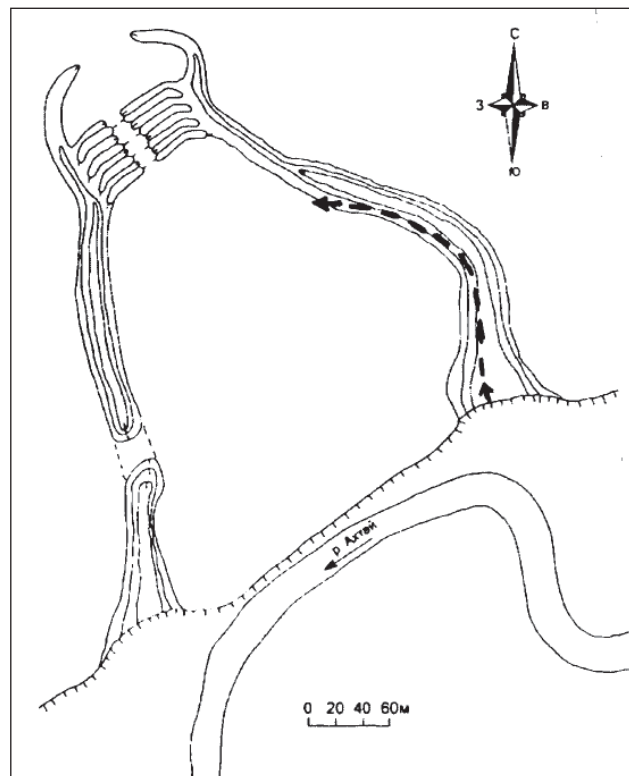

Рис. 46. Бураковское I городище. Тип въезда

Рис. 47. Тип въезда на Елабужском «Чертовом» городище. Вид с северо-востока на пандус

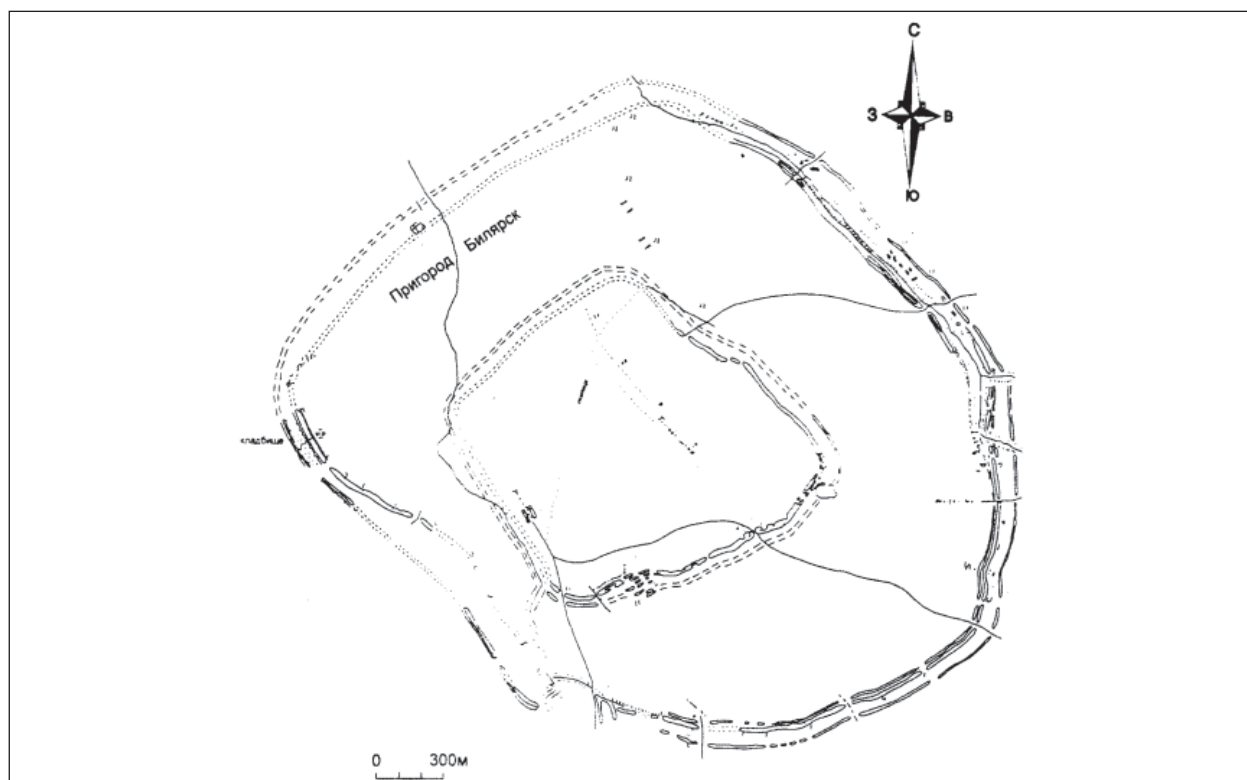

Рис. 48. Билярское городище (по В.Н. Сементовскому)

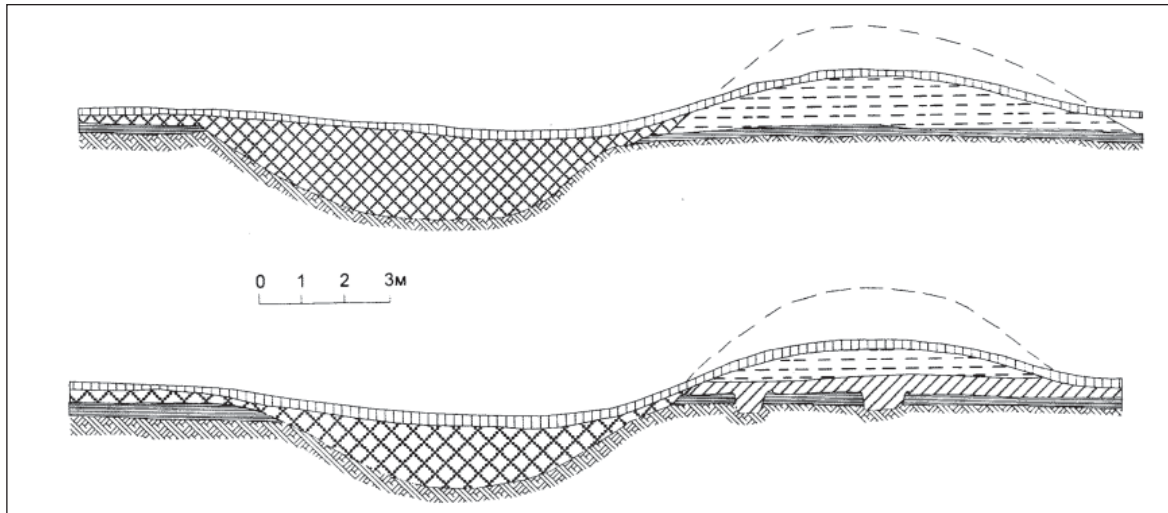
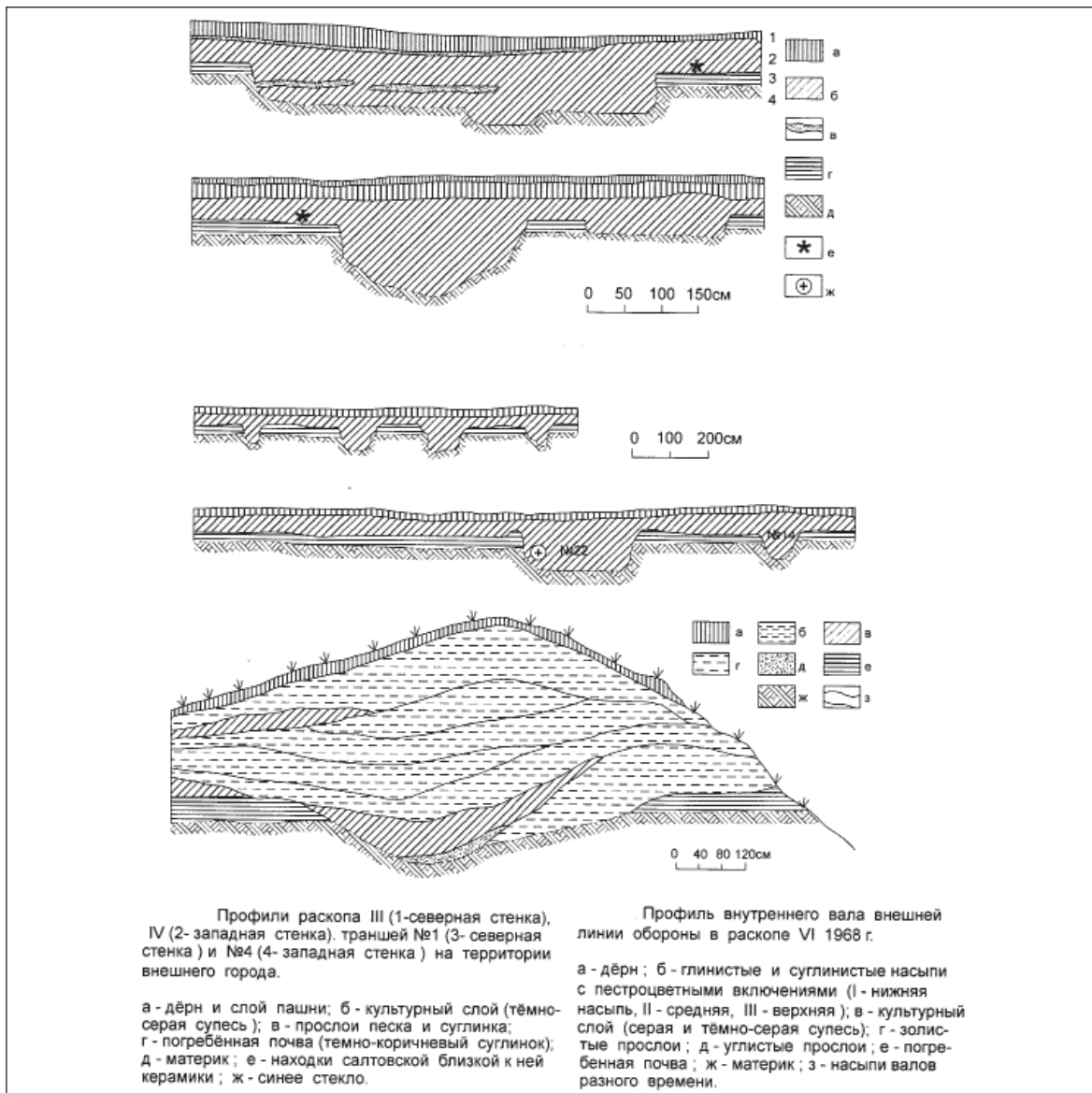

Рис. 49. Профиль укреплений внешней линии обороны «внешнего города» Билярского городища (по Ф.Ш. Хузину)

Профили раскопа III (1-северная стенка), IV (2-западная стенка), траншеи №1 (3-северная стенка) и №4 (4-западная стенка) на территории внешнего города.

а - дерн и слой пашни; б - культурный слой (тёмно-серая супесь); в - прослой песка и суглинка; г - погребённая почва (тёмно-коричневый суглинок); д - материк; е - находки салтовской близкой к ней керамики; ж - синее стекло.

Профиль внутреннего вала внешней линии обороны в раскопе VI 1968 г.

а - дерн; б - глинистые и суглинистые насыпи с пестроцветными включениями (I - нижняя насыпь, II - средняя, III - верхняя); в - культурный слой (серая и тёмно-серая супесь); г - золистые прослойки; д - углистые прослойки; е - погребённая почва; ж - материк; з - насыпи валов разного времени.

Рис. 50. Профиль внутреннего вала «внешнего города» Билярского городища (по Ф.Ш. Хузину)

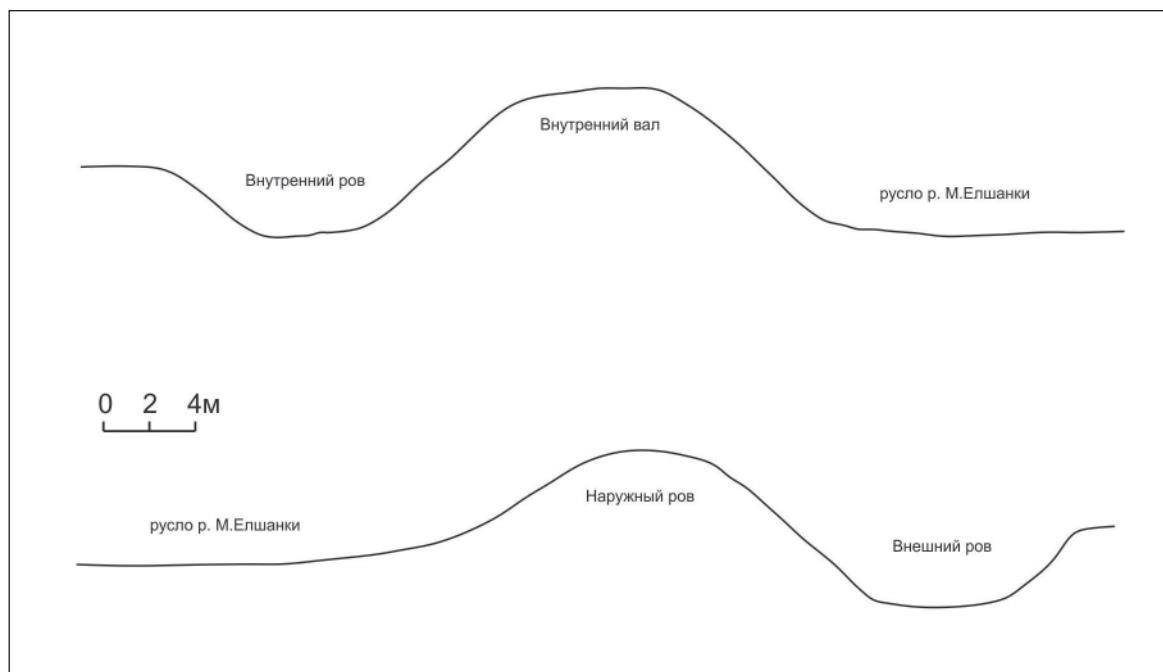

Рис. 51. Билярское городище. Профиль укреплений «внутреннего города» (по Ф.Ш. Хузину)

Рис. 52. Билярское городище.
Вид с юго-востока на линию обороны «внутреннего города» (фото З.Г. Шакирова)

Рис. 53. Билярское городище. Профиль внутреннего вала (фото З.Г. Шакирова)

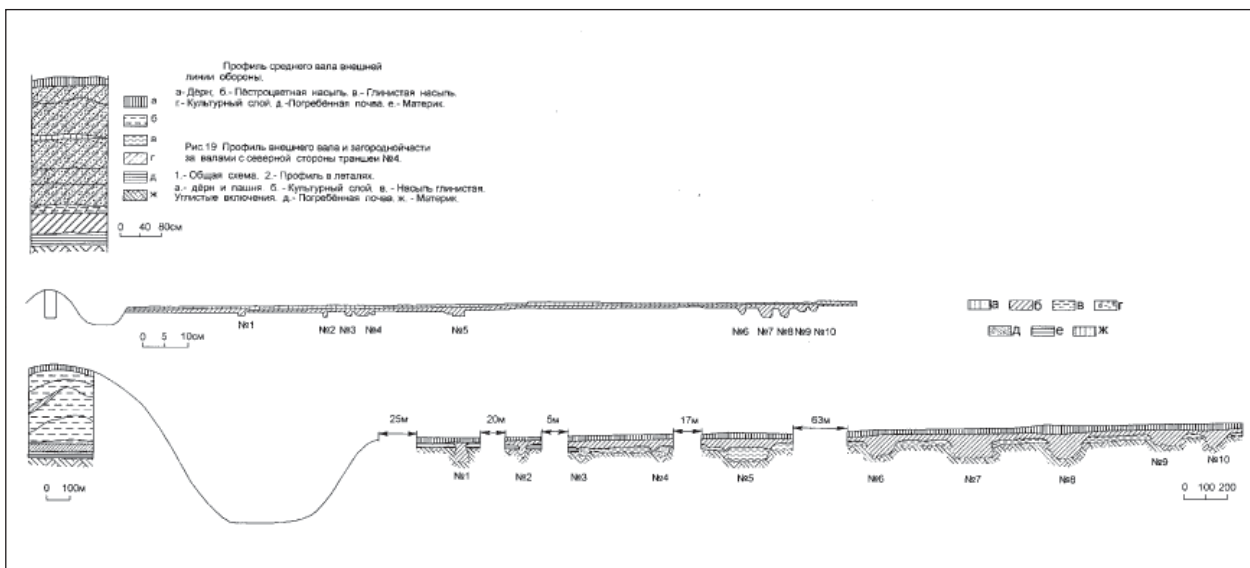

Рис. 54. Билярское городище. Профиль дополнительных укреплений с напольной стороны (по А.Х. Халикову)

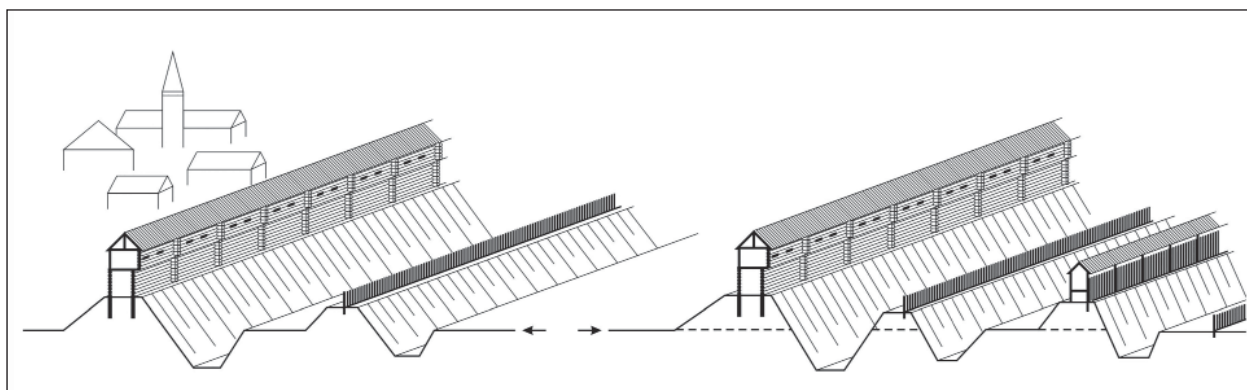

Рис. 55. Реконструкция оборонительных сооружений Билярского городища

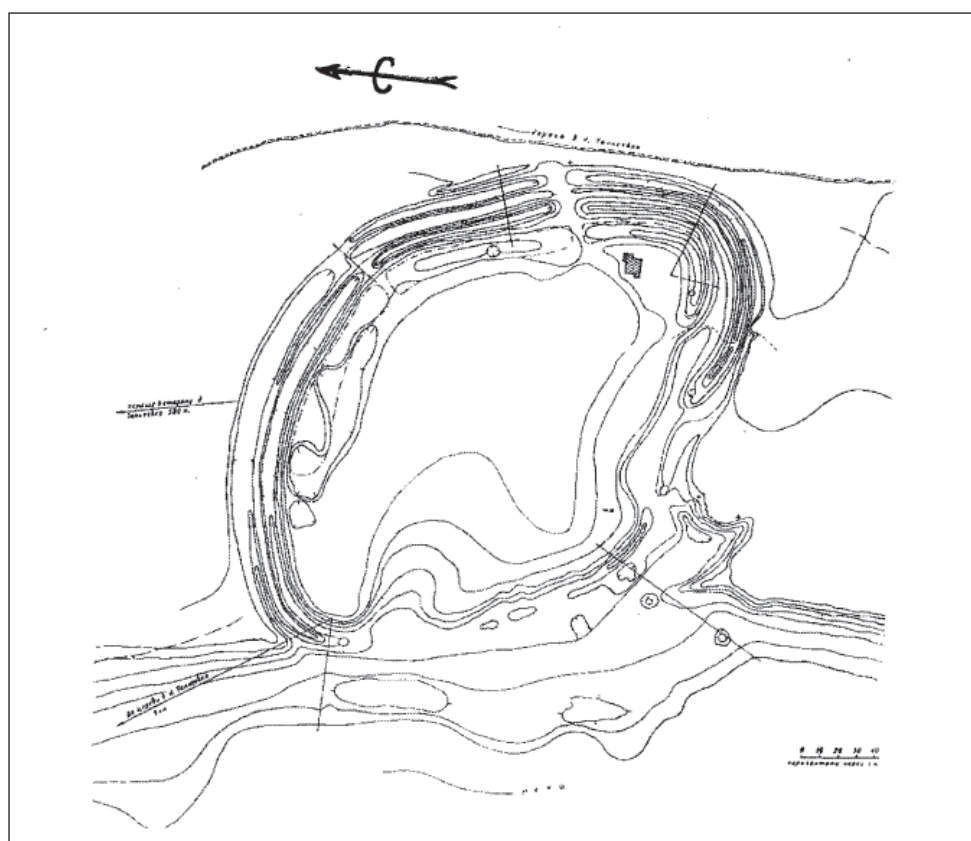

Рис. 56. Танкеевское I городище (по Т.А. Хлебниковой)

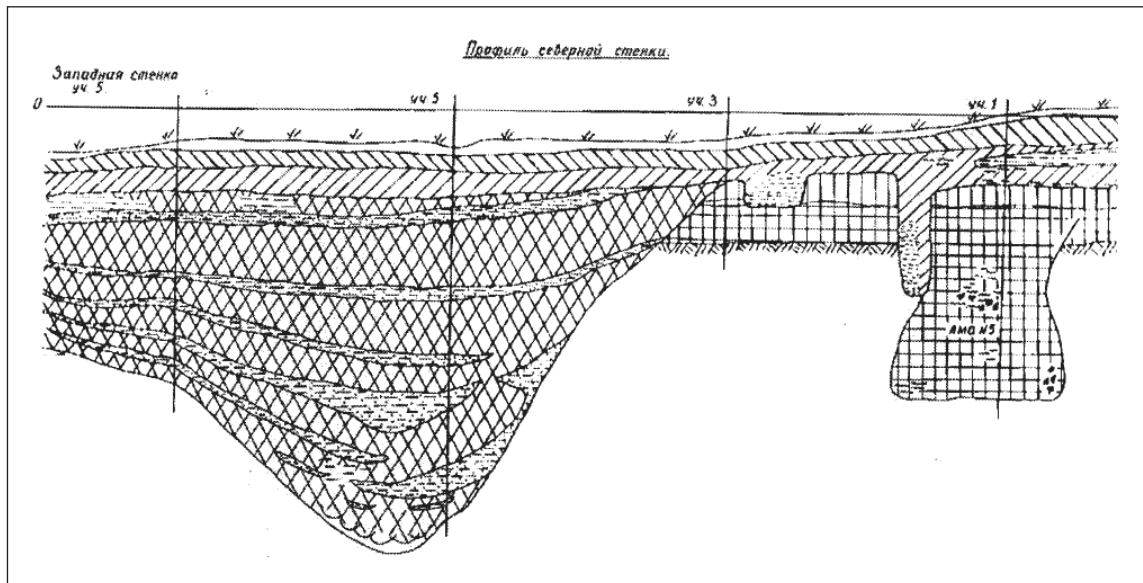

Рис. 57. Танкеевское I городище. Профиль северной стенки раскопа (по Т.А. Хлебниковой)

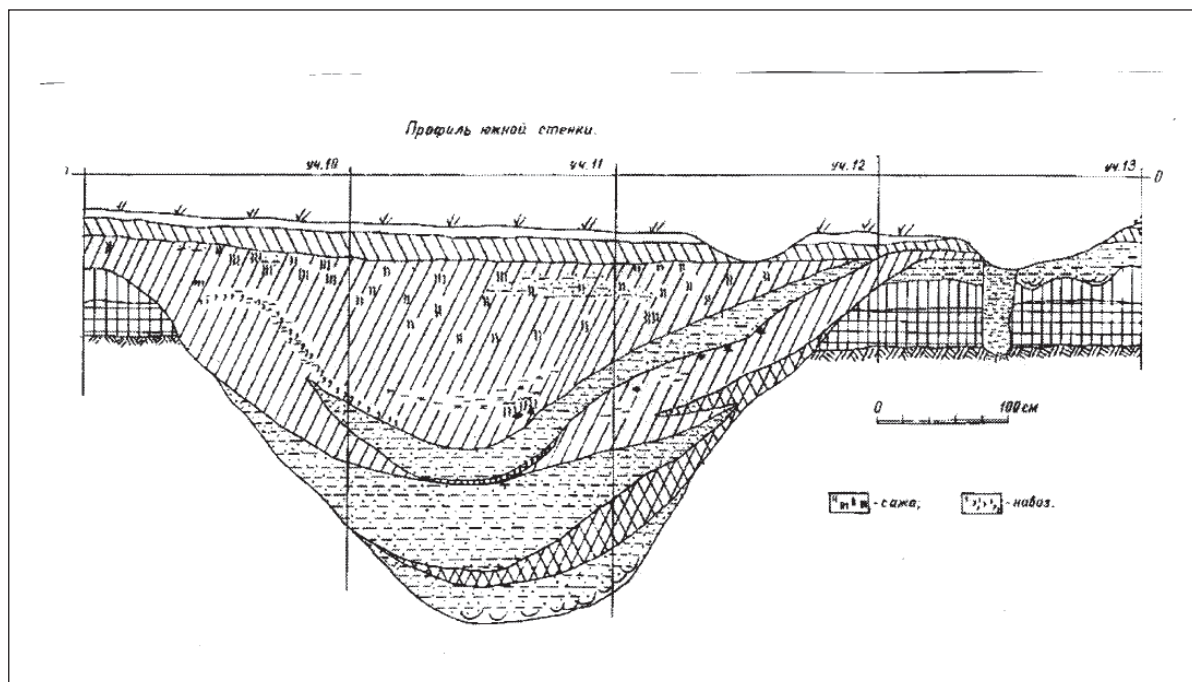

Рис. 58. Танкеевское I городище. Профиль южной стенки раскопа (по Т.А. Хлебниковой)

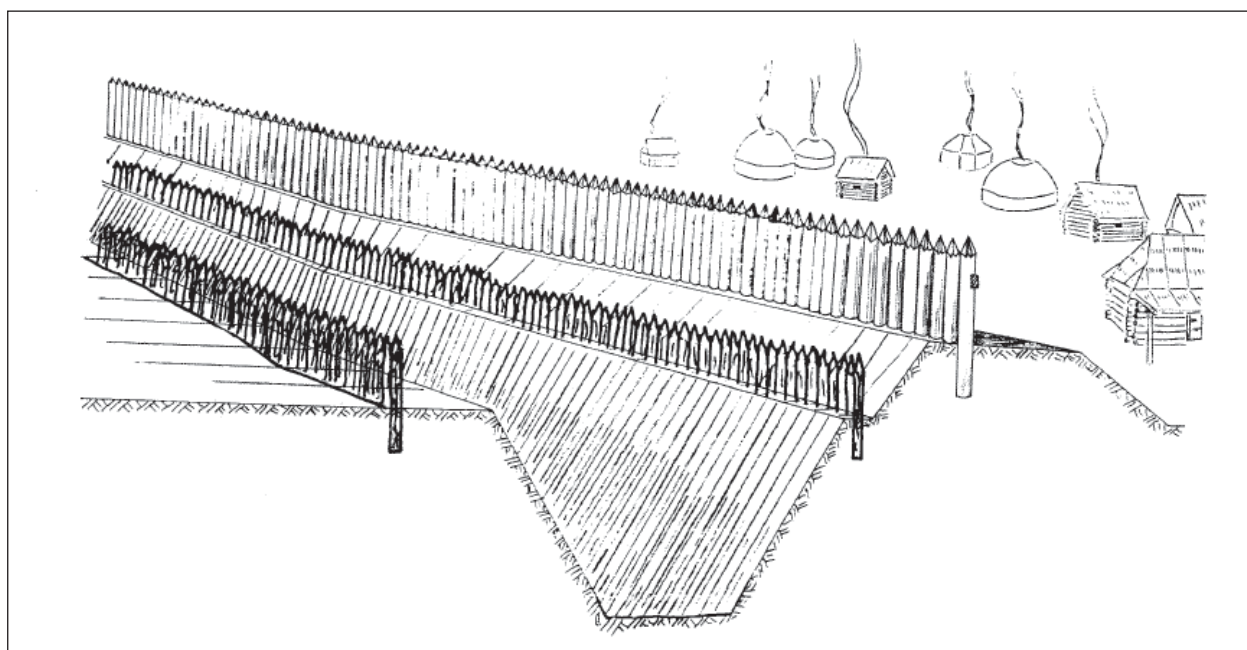

Рис. 59. Реконструкция оборонительных сооружений Танкеевского I городища X в.

Рис. 60. Танкеевское I городище. Вид с запада на оборонительные линии
(Фото Р.Ф. Шарифуллина)

Рис. 61. Танкеевское I городище. Вид с востока на оборонительные линии
(Фото Р.Ф. Шарифуллина)

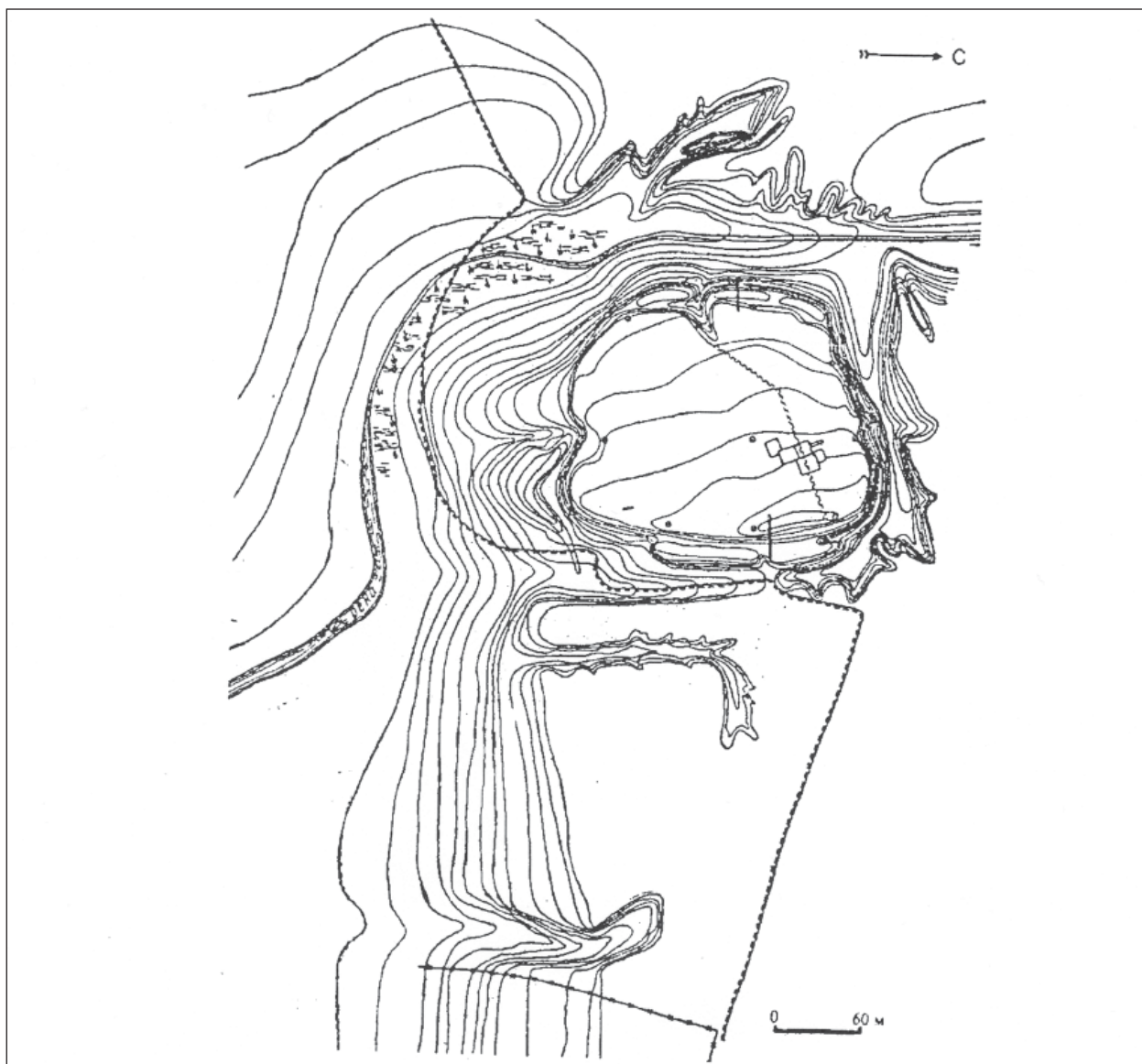

Рис. 62. Андреевское городище (по А.П. Смирнову)

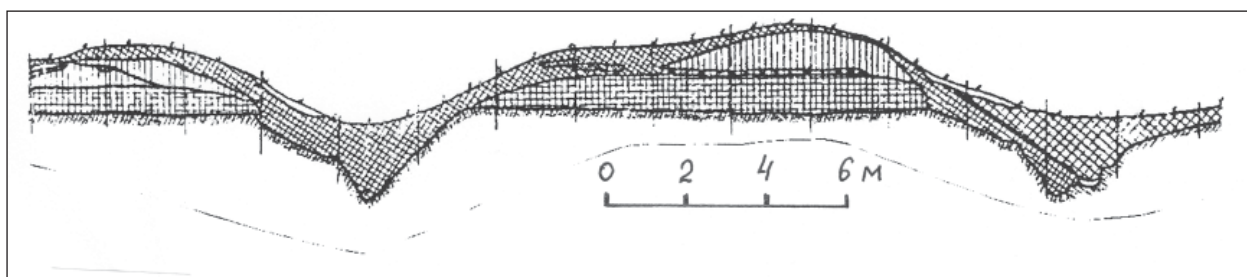

Рис. 63. Андреевское городище. Профиль линий обороны (по А.П. Смирнову)

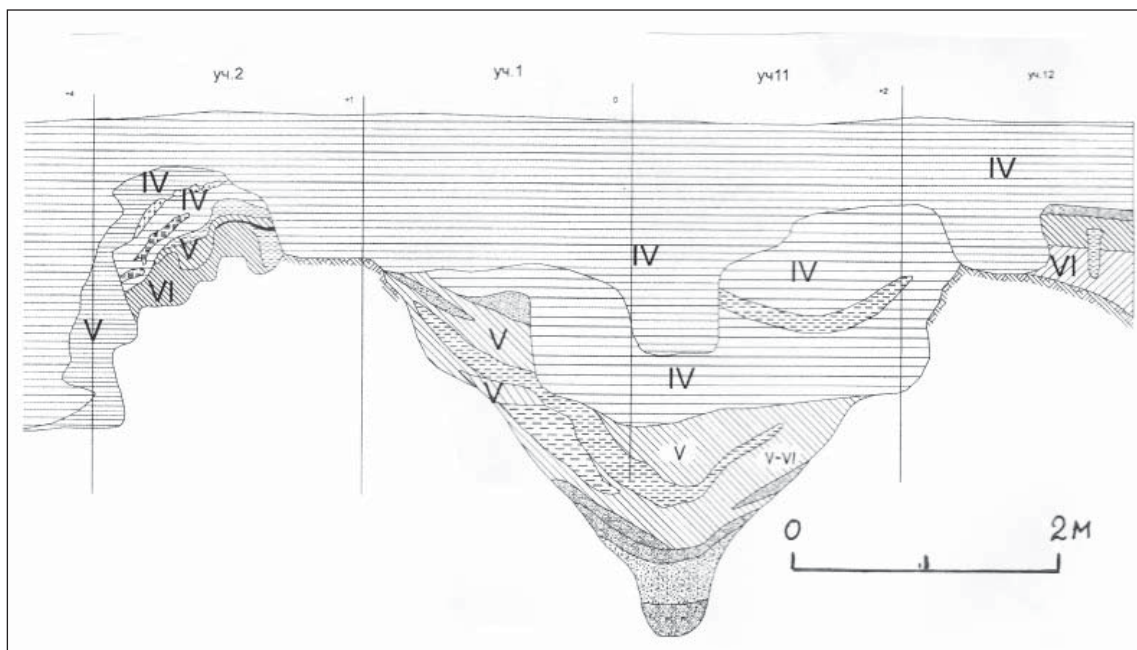

Рис. 64. Болгарское городище. Профиль рва X в. Раскоп ХLI (по Т.А. Хлебниковой)

Рис. 65. Болгарское городище. Следы от стены цитадели X в. Раскоп СХХVII (по М.М. Кавееву)

Рис. 66. Болгарское городище. Следы от стены цитадели X в. Раскоп СХХVII (фото М.М. Кавеева)

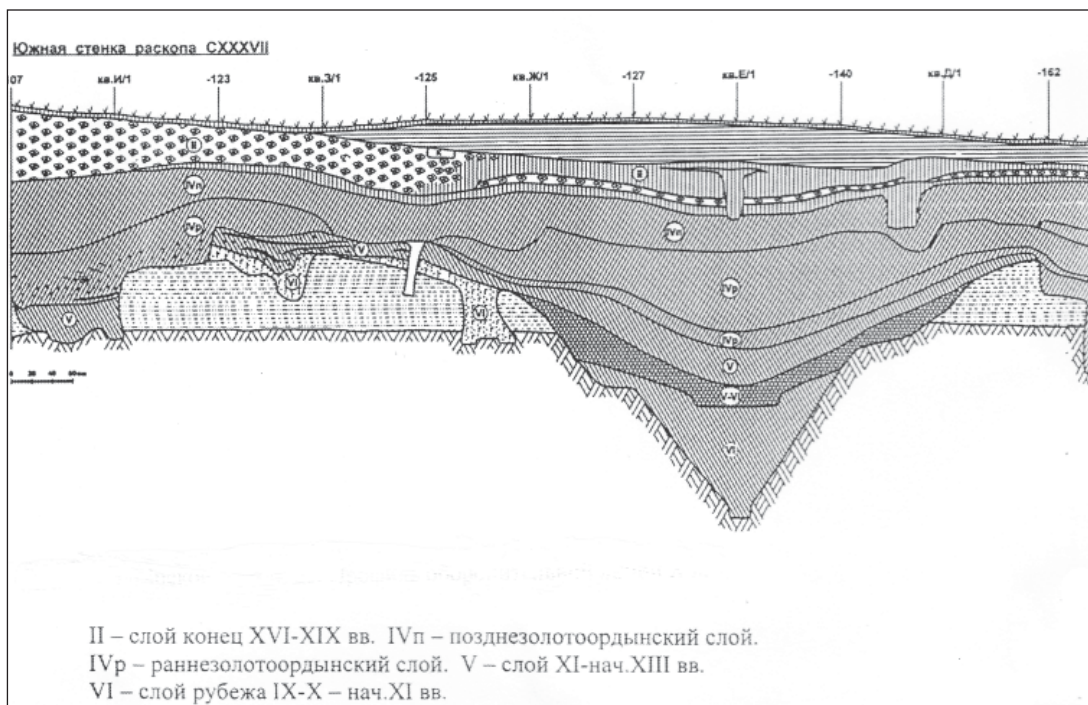

Рис. 67. Болгарское городище. Профиль рва X в. Раскоп СХХVII

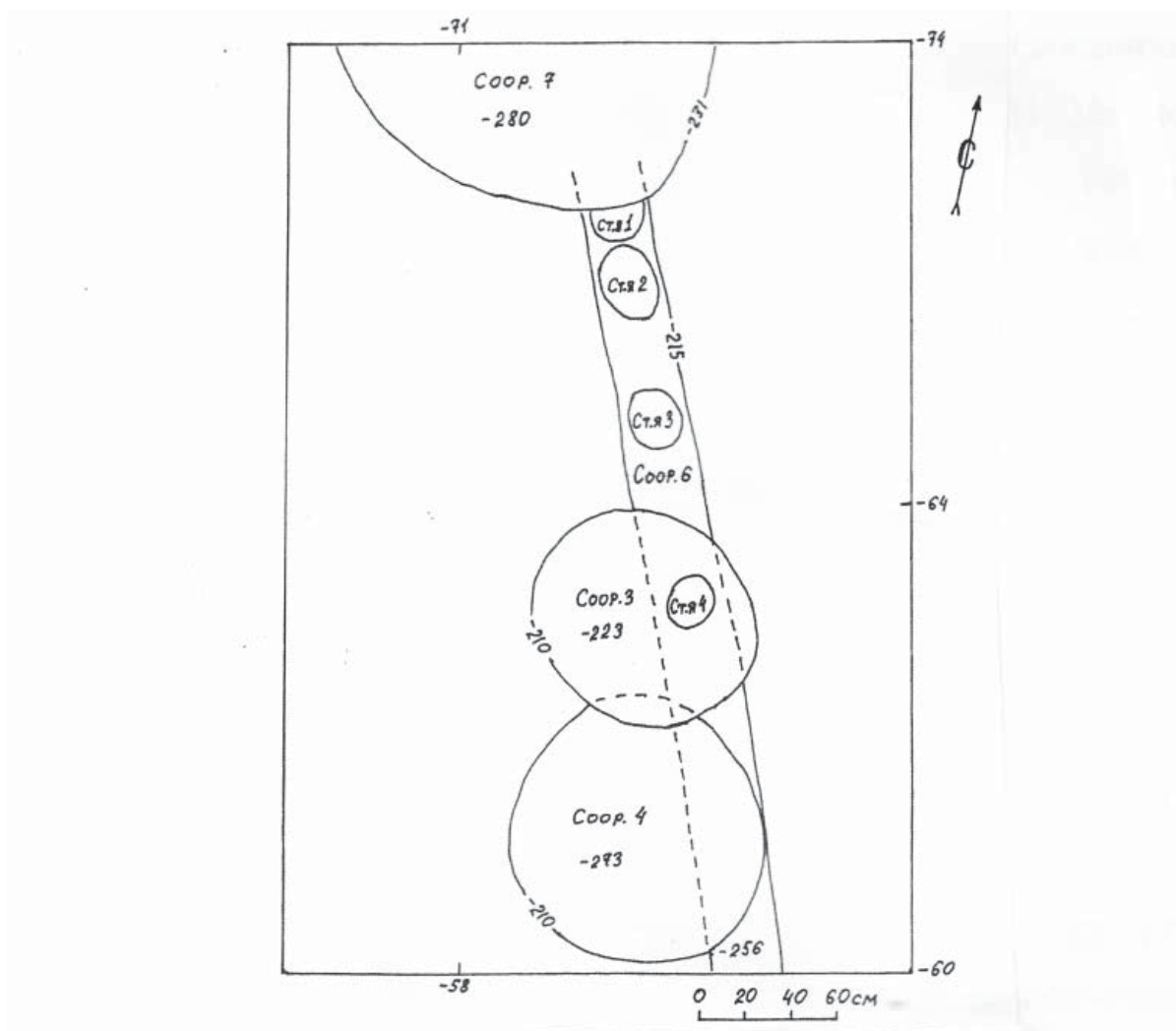

Рис. 68. Болгарское городище. Следы от стены цитадели X в. Раскоп СХLI

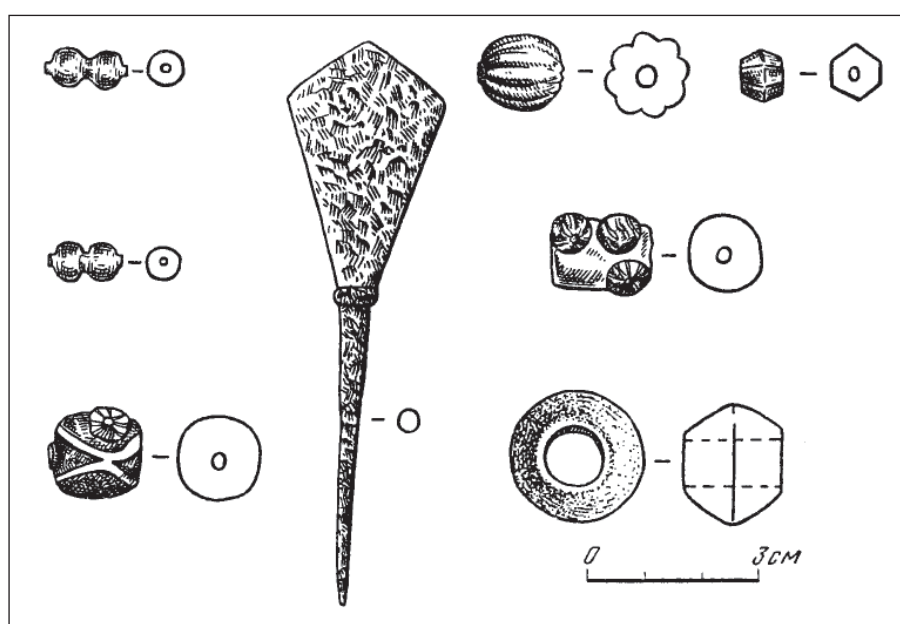

Рис. 69. Болгарское городище. Датирующие находки из VI слоя района цитадели X в. (по Т.А. Хлебниковой)

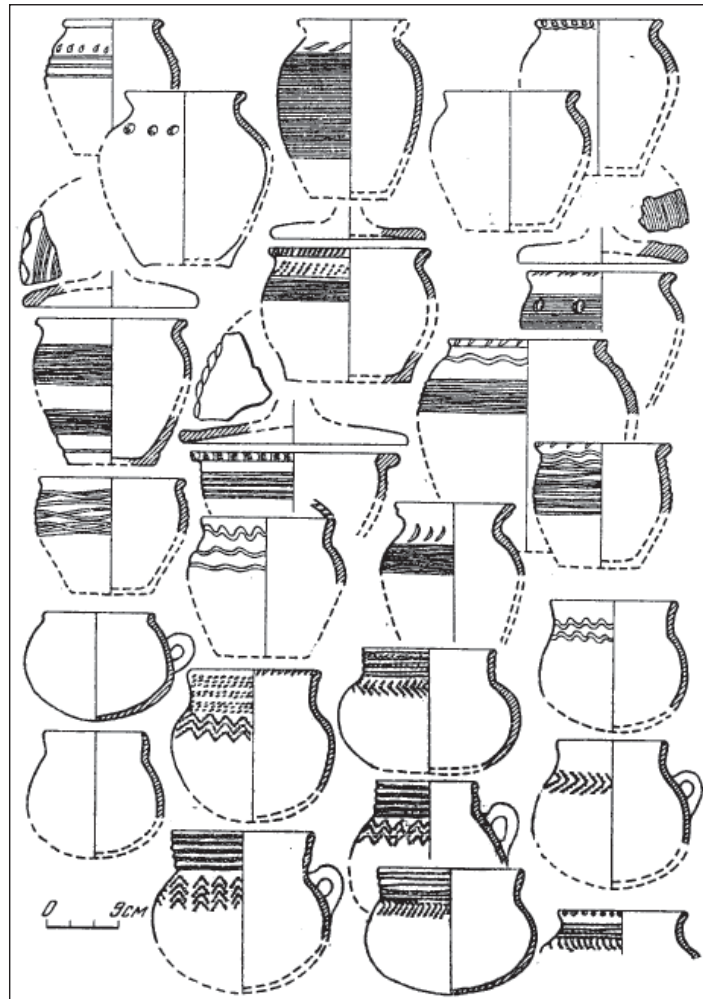

Рис. 70. Болгарское городище. Образцы кухонной посуды VI слоя (по Т.А. Хлебниковой)

Рис. 71. Болгарское городище. Ров X в. Раскоп СXXXVII

Рис. 72. Болгарское городище. Ров X в. Раскоп СХЛІ

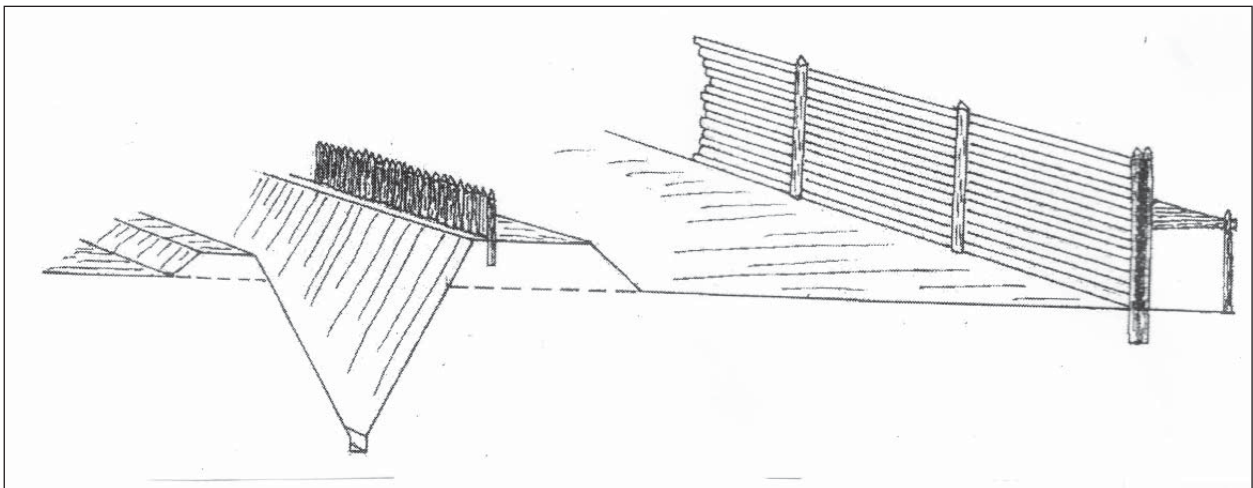

Рис. 73. Реконструкция оборонительных сооружений Болгарского городища X в.

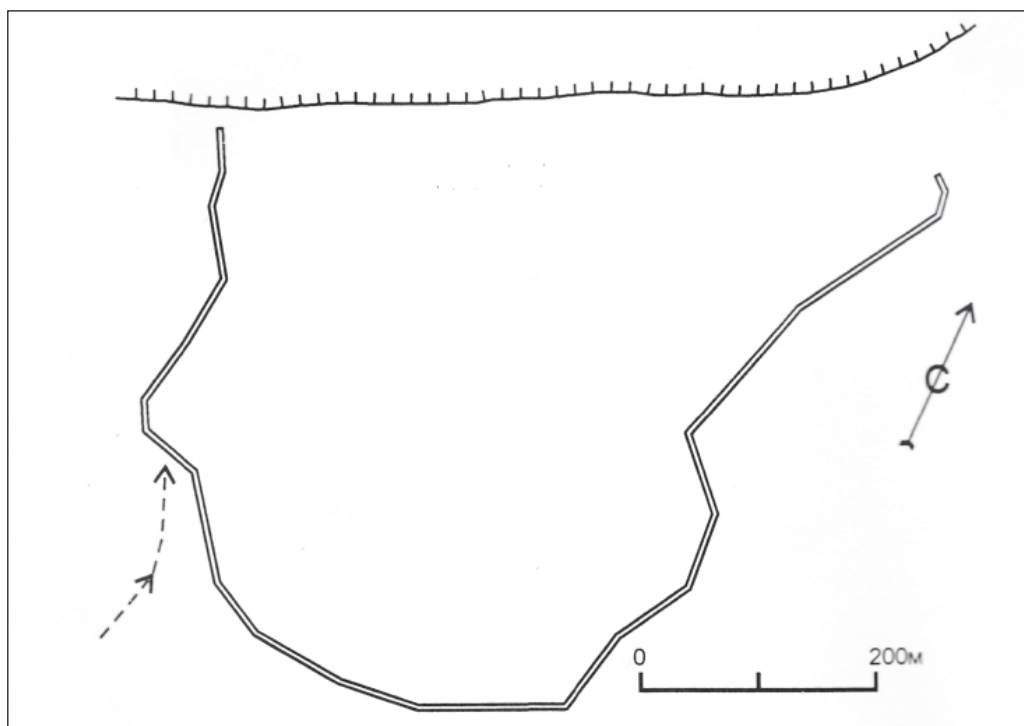

Рис. 74. Болгарское городище. План оборонительной линии XII – нач. XIII вв. (по Т.А. Хлебниковой)

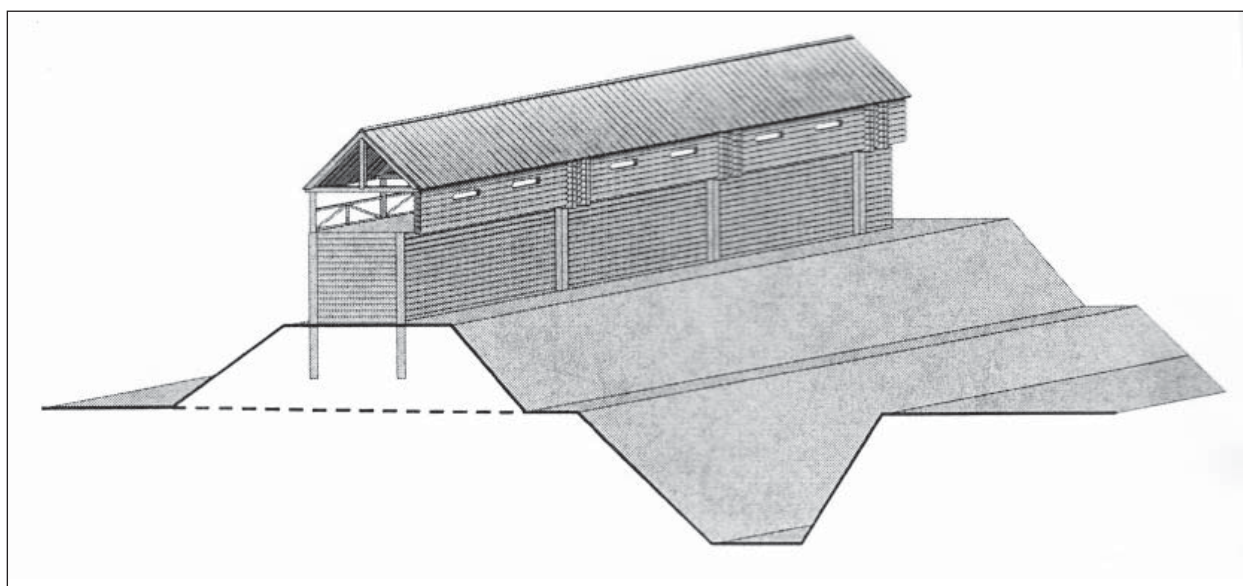

Рис. 75. Вариант реконструкции оборонительных сооружений Болгарского городища XII – нач. XIII вв.

Рис. 76. Болгарское городище. Вид с северо-запада на «Замошный вал». (фото конца XIX в.)

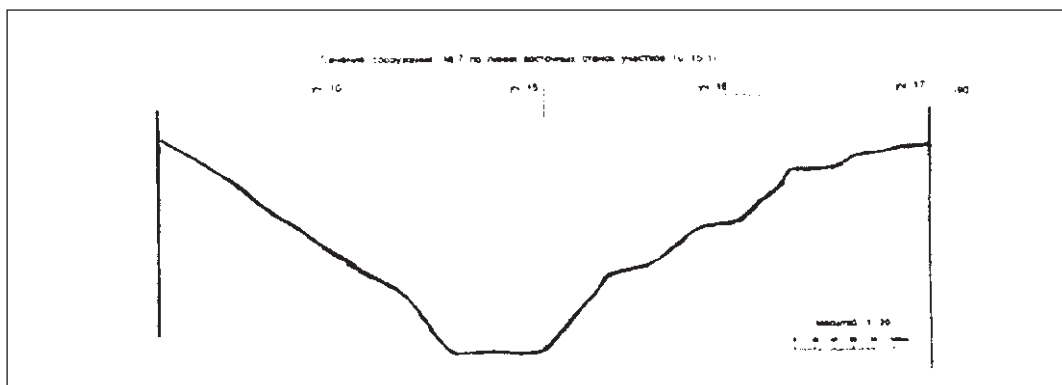

Рис. 77. Болгарское городище. Профиль рва XII – нач. XIII вв.
Раскоп ЛII (по Т.А. Хлебниковой)

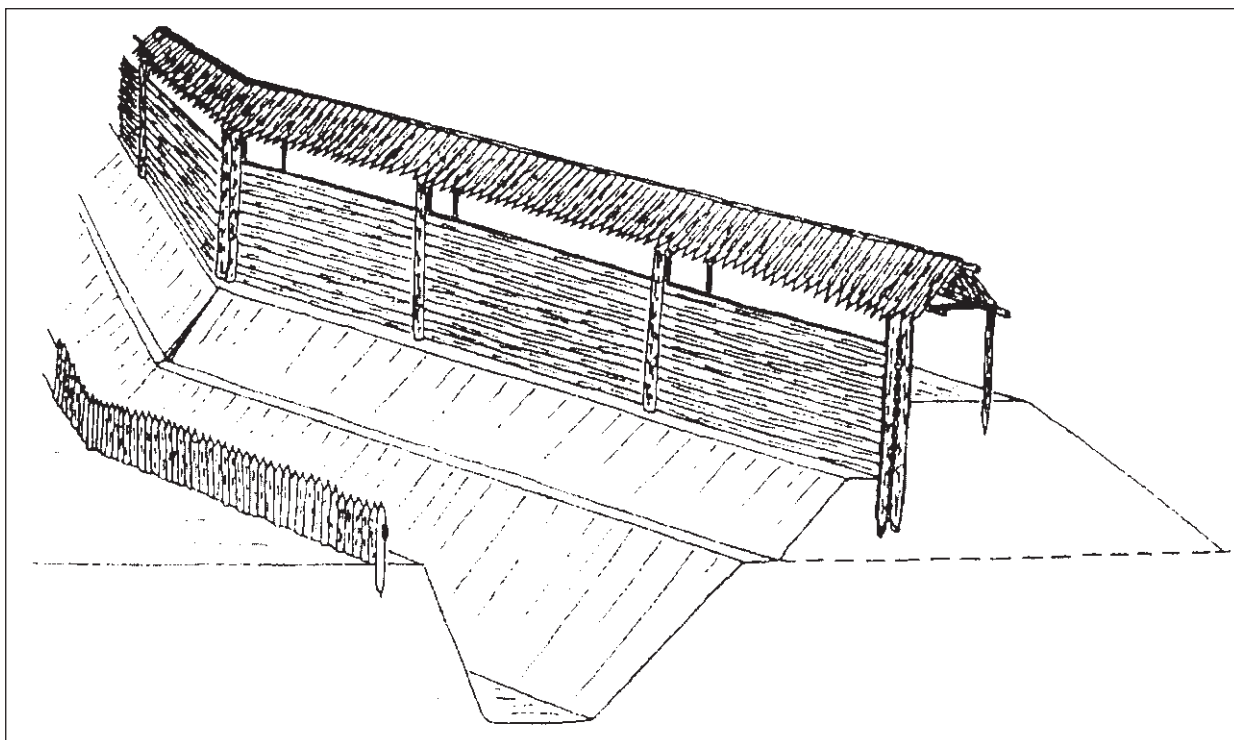

Рис. 78. Вариант реконструкции оборонительных сооружений Болгарского городища XII – нач. XIII вв.

Рис. 79. Болгарское городище. Вид с севера на остатки рва XII – нач. XIII вв. Раскоп CLXXII

Рис. 80. Болгарское городище. Вид с севера на остатки рва X в. Раскоп ССXXXV

Рис. 80а. Частичный развал керамического сосуда X в. Раскоп ССXXXV. Сооружение 8 (ров)

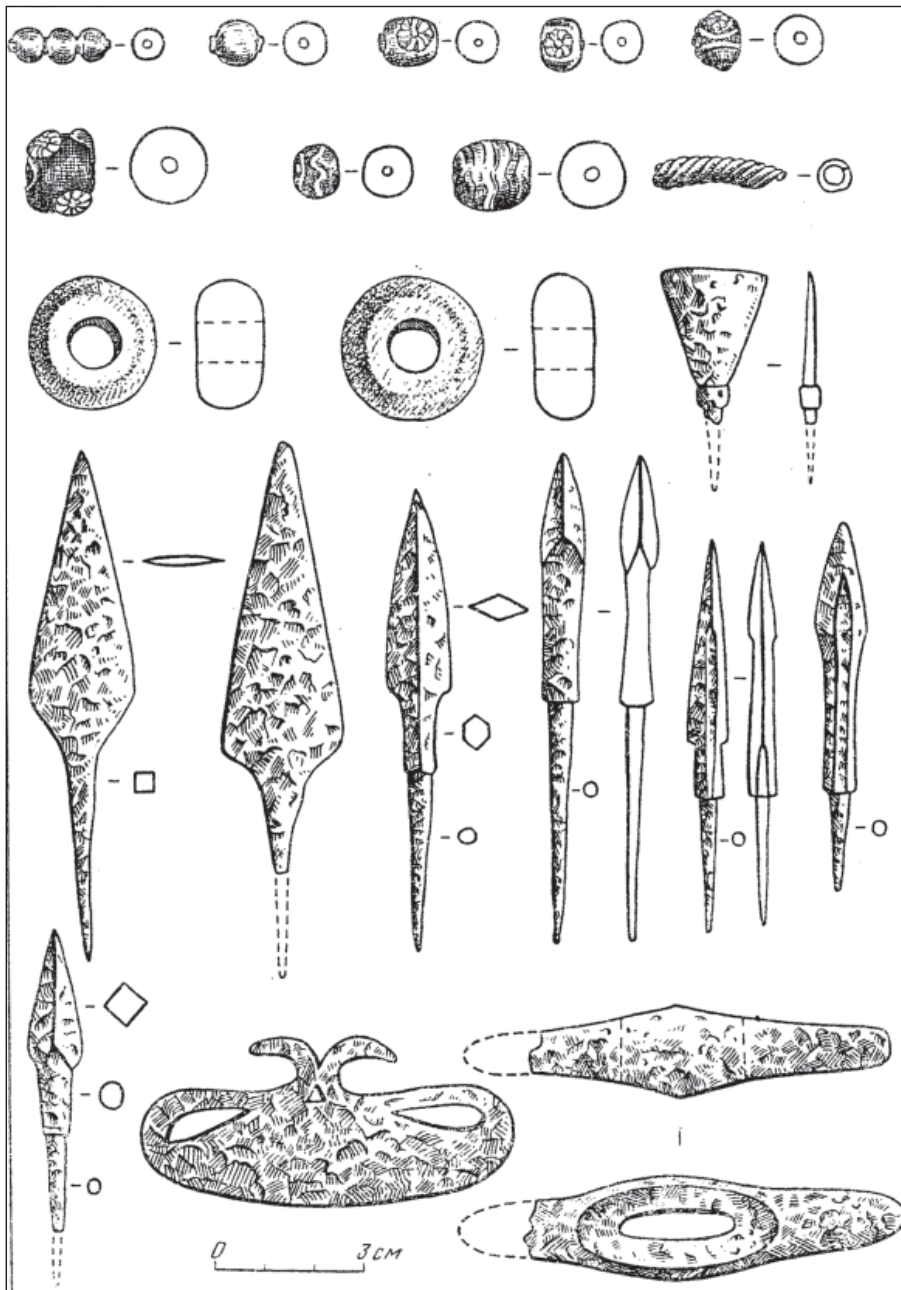

Рис. 81. Болгарское городище. Датированные находки из V слоя (по Т.А. Хлебниковой)

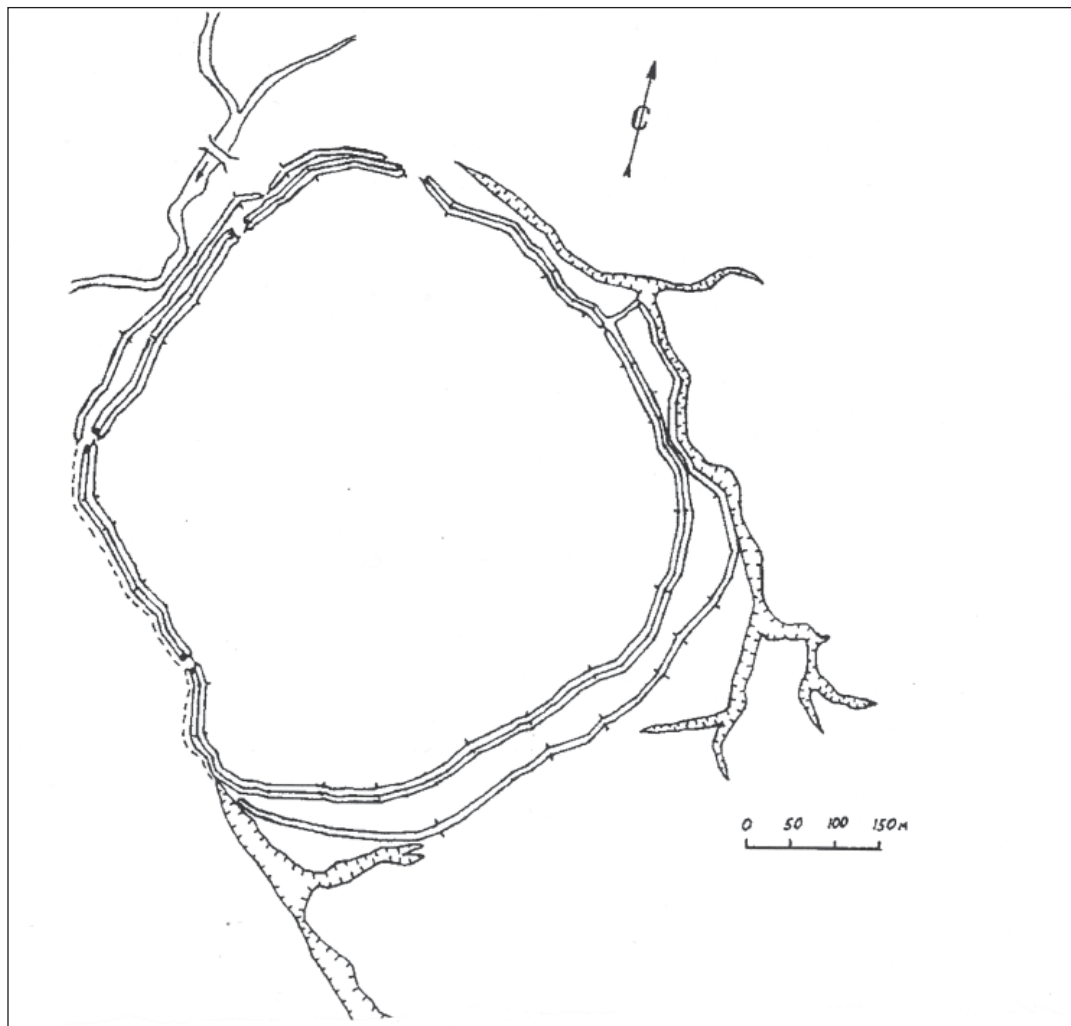

Рис. 82. Суварское городище

Рис. 83. Суварское городище. Профиль оборонительной линии

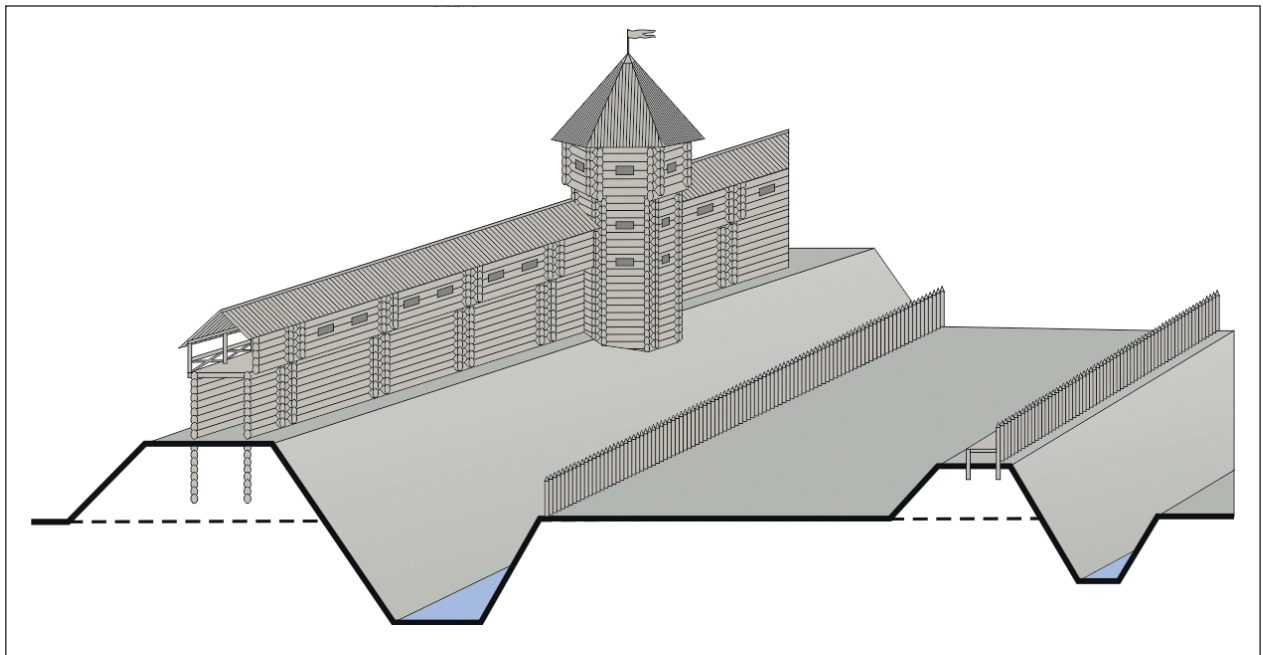

Рис. 84. Реконструкция оборонительных линий Суварского городища

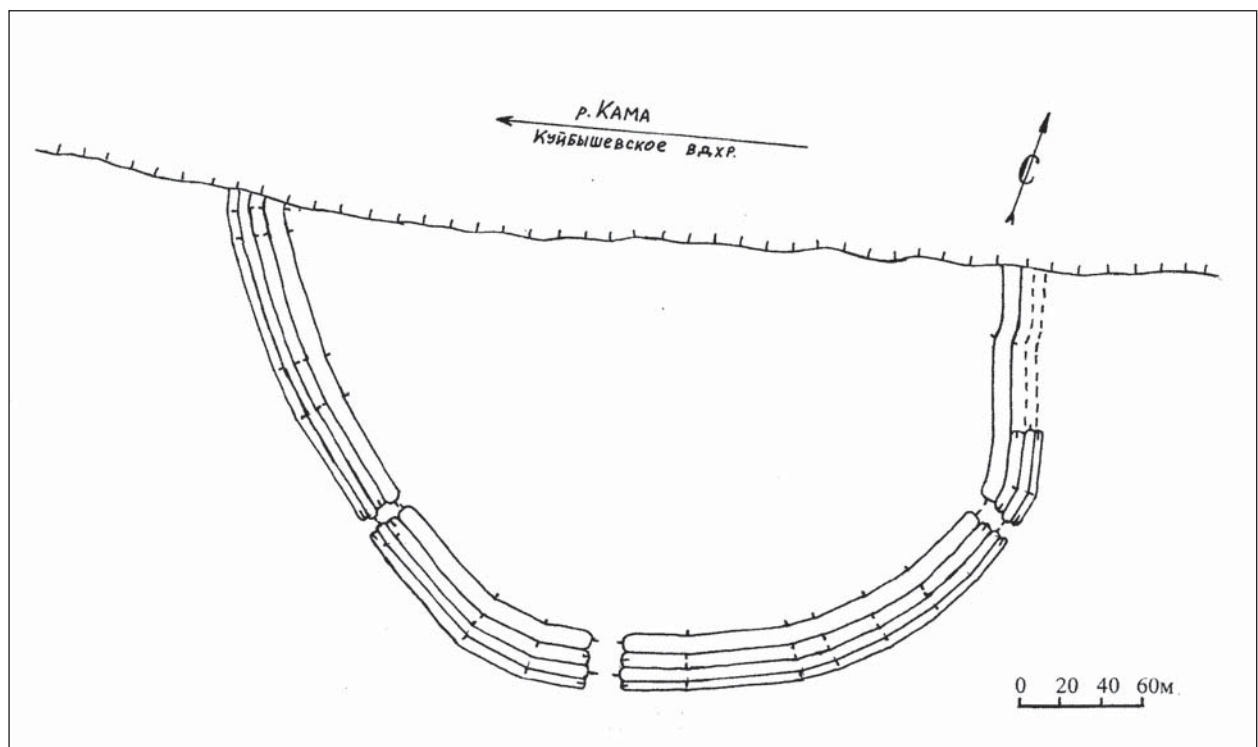

Рис. 85. Коминтерновское II городище

Рис. 86. Коминтерновское II городище. Вид с севера на линии обороны

Рис. 87. Коминтерновское II городище.
Вид с востока на оборонительные линии в южной части памятника

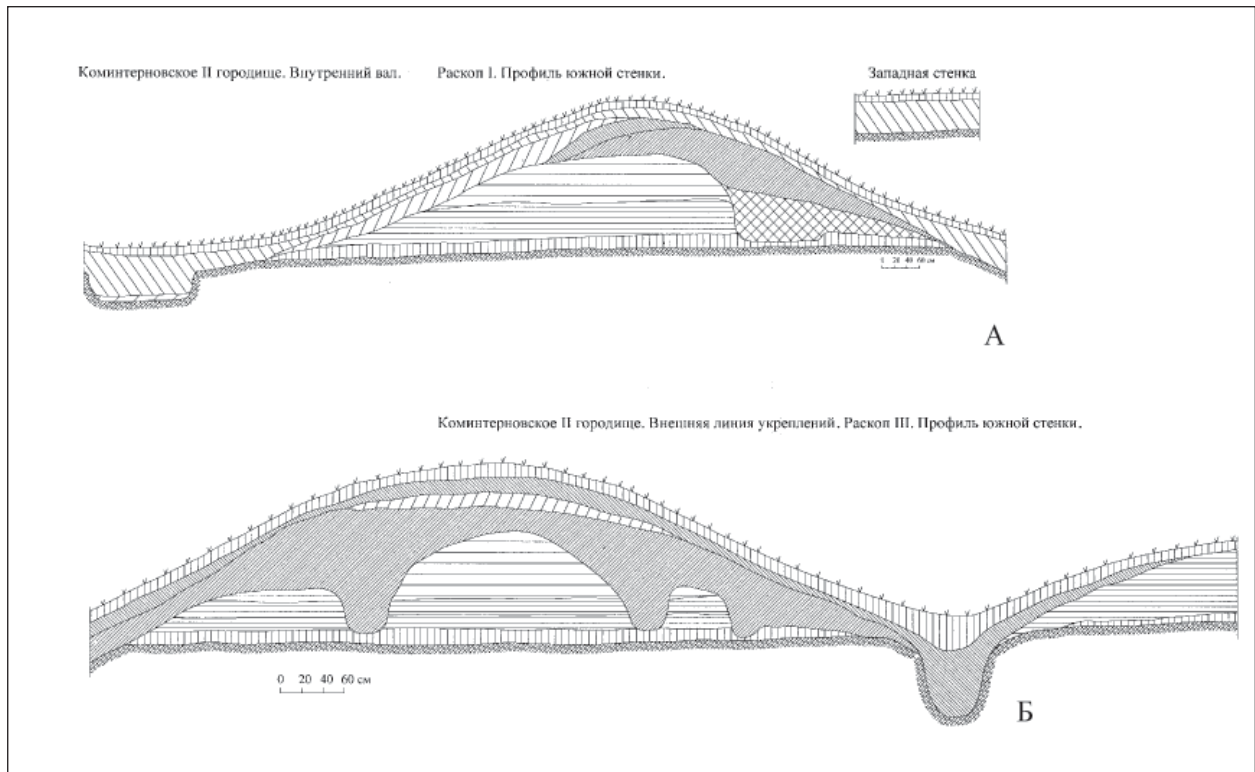

Рис. 88. Коминтерновское II городище.
Профиль укреплений: А – внутренний вал, Б – внешний вал

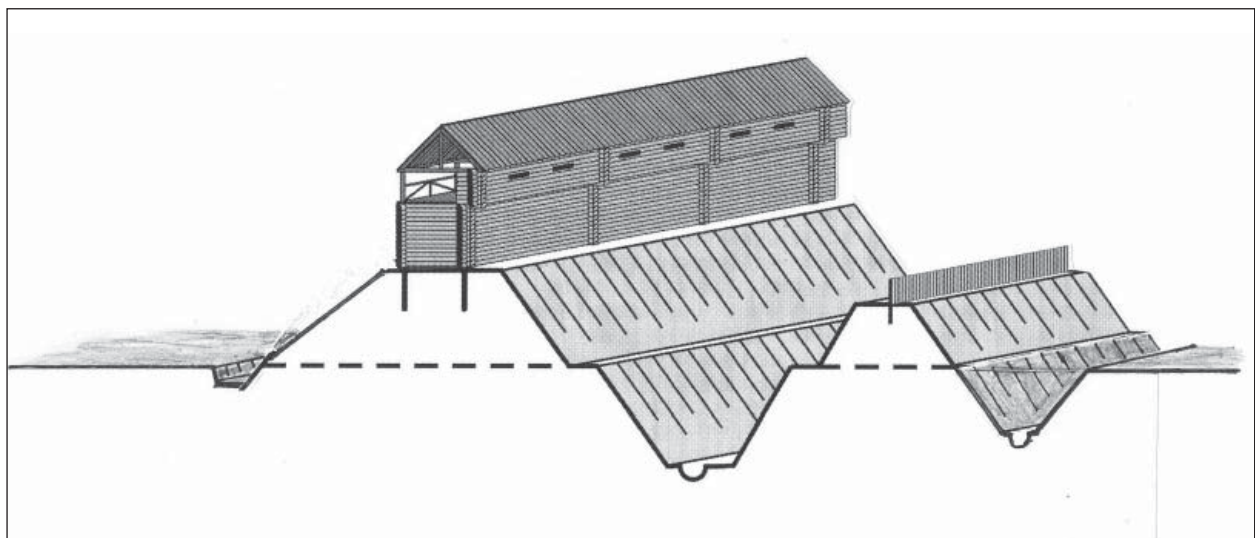

Рис. 89. Реконструкция оборонительных сооружений Коминтерновского II городища

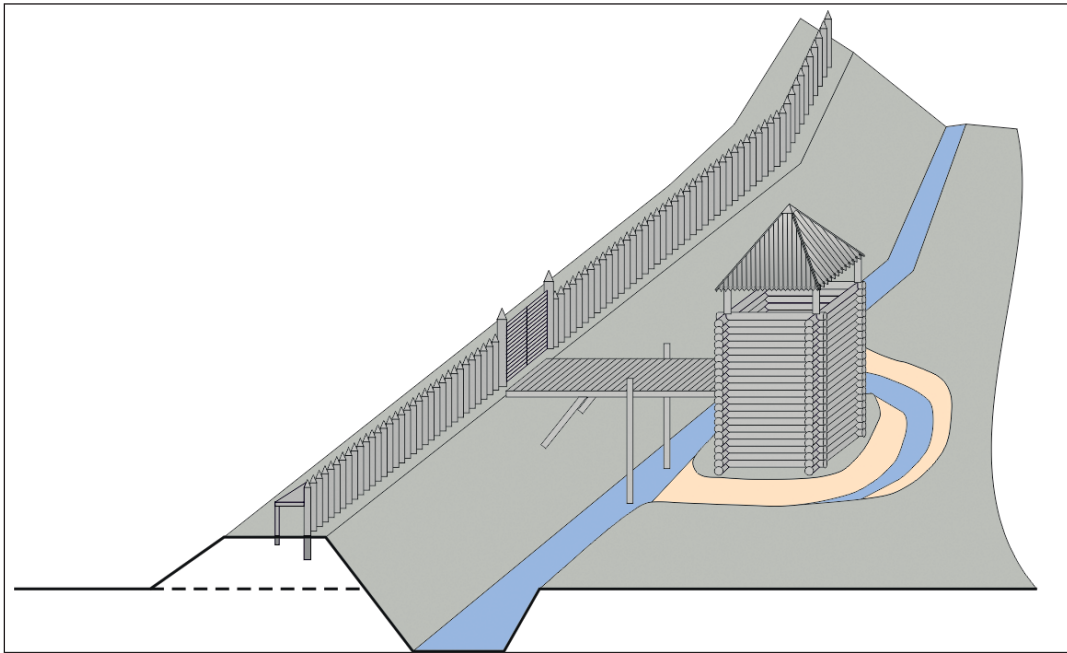

Рис. 90. Реконструкция оборонительных сооружений городища «Девичий городок»

Рис. 91. Городище Джукетау (по Н.Г. Набиуллину)

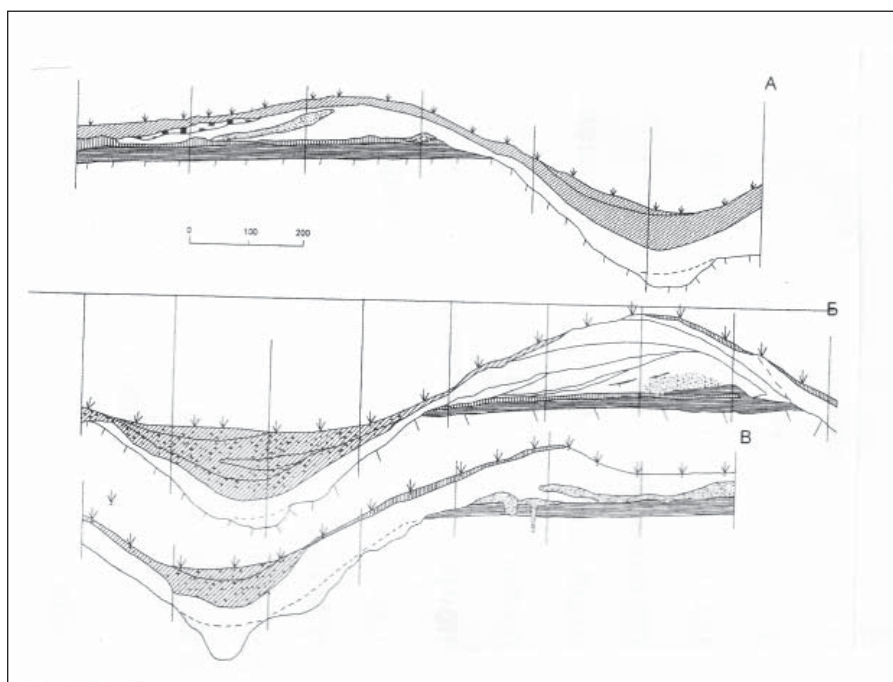

Рис. 92. Городище Джукетау. Профиль укреплений (по Н.Г. Набиуллину)

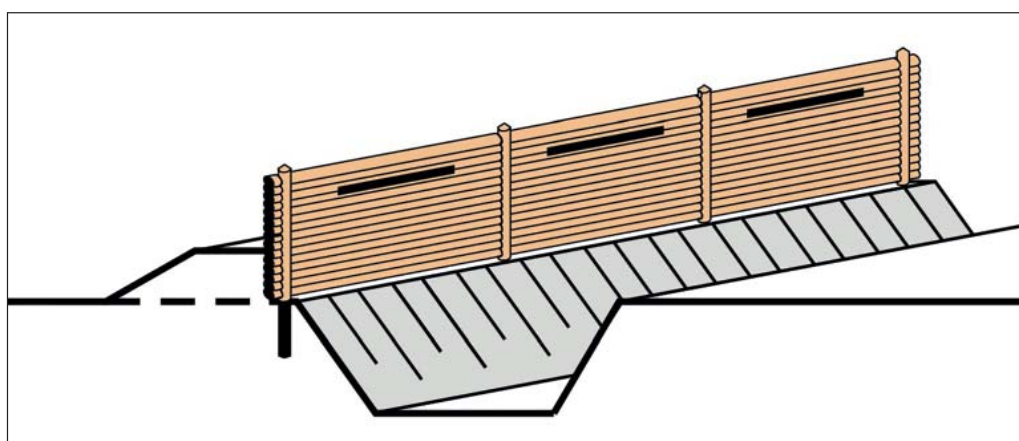

Рис. 93. Реконструкция укреплений городища Джукетау XI в.

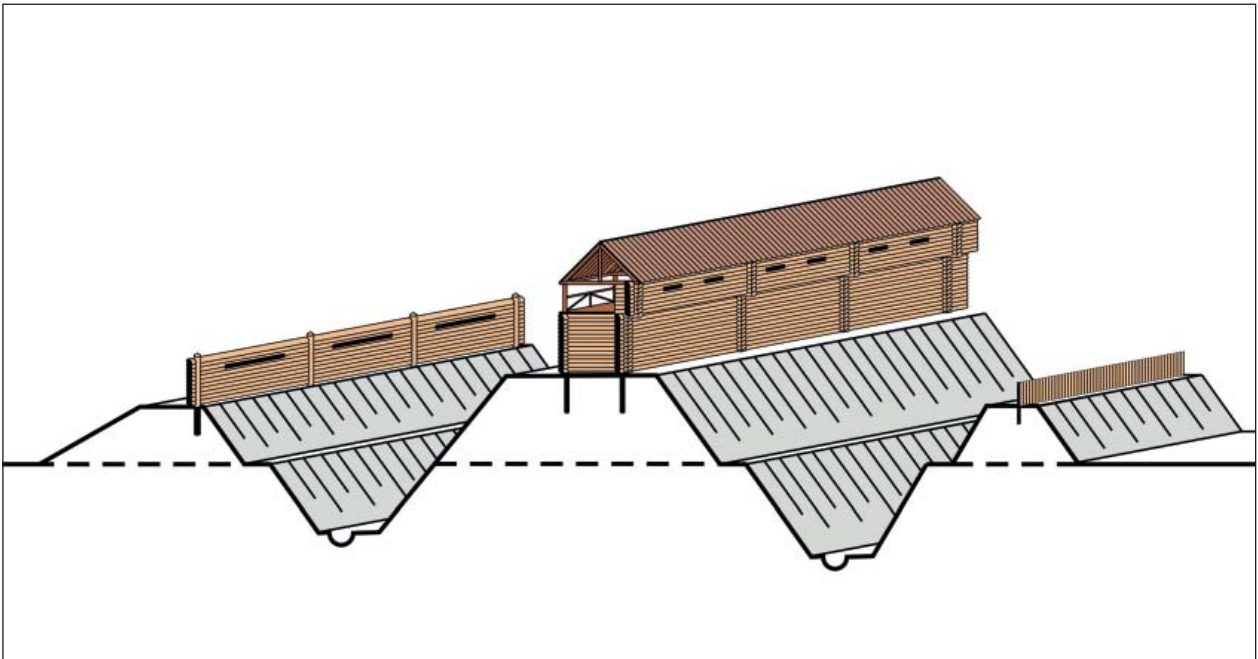

Рис. 94. Реконструкция оборонительных сооружений городища Джукетау XII – нач. XIII вв.

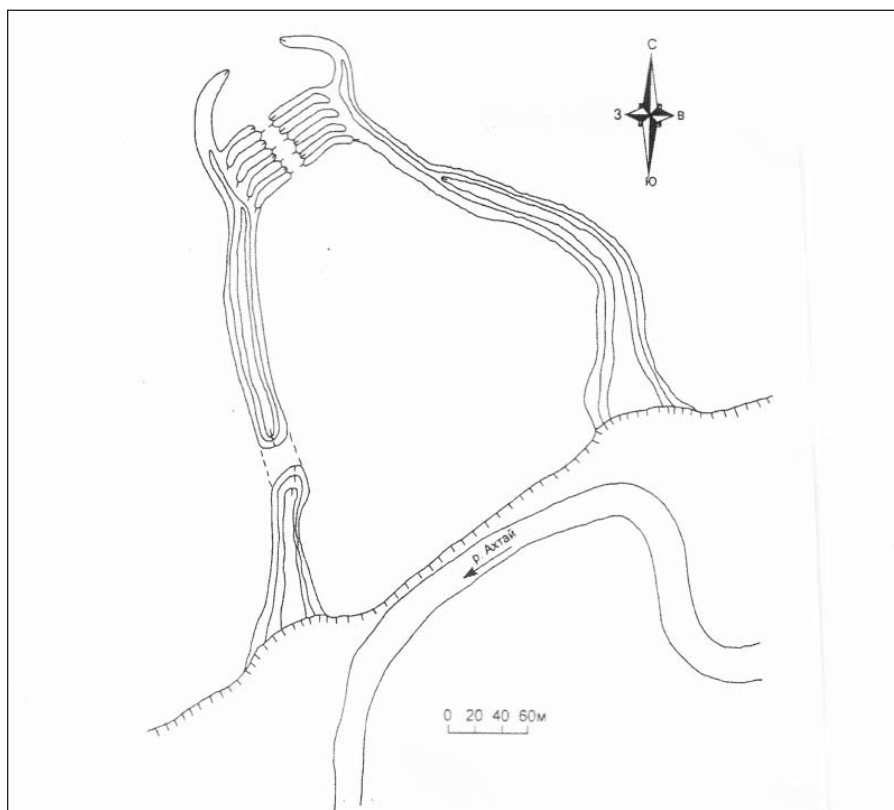

Рис. 95. Бураковское I городище

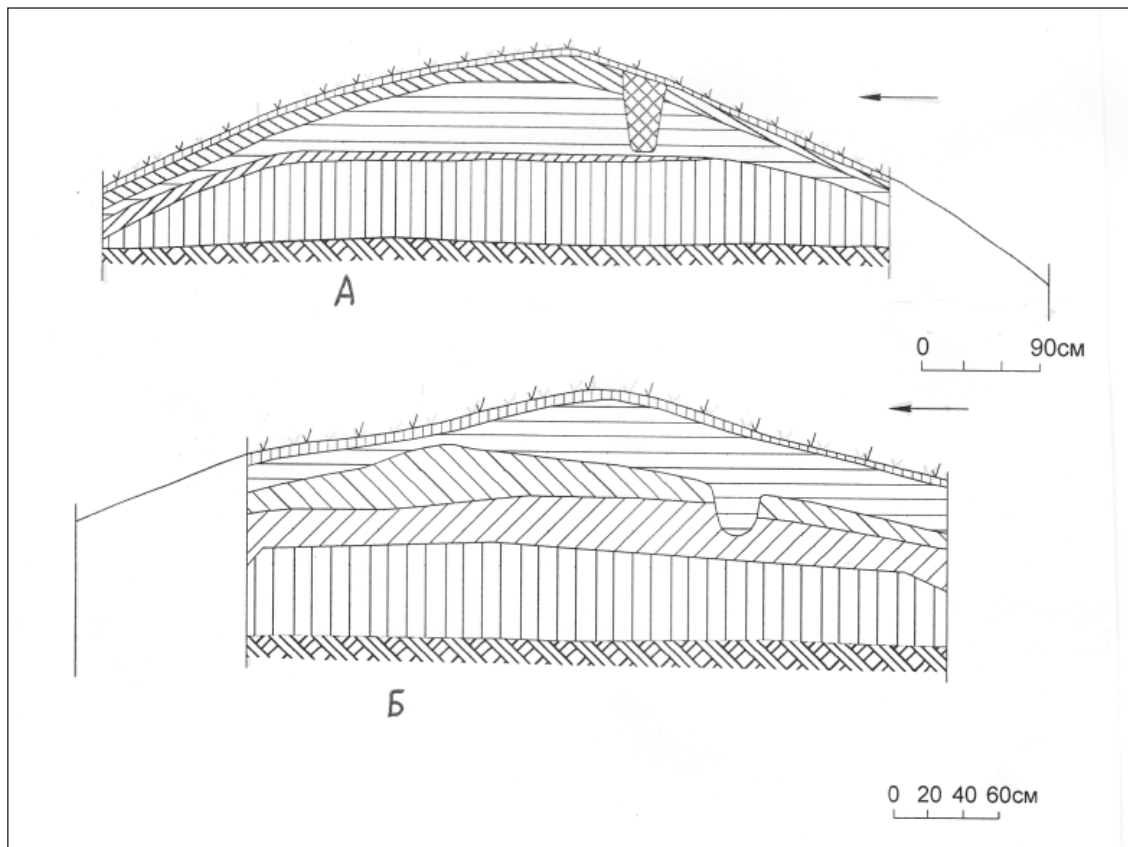

Рис. 96. Бураковское I городище. Профили оборонительных насыпей: А – третий вал, Б – первый внешний вал

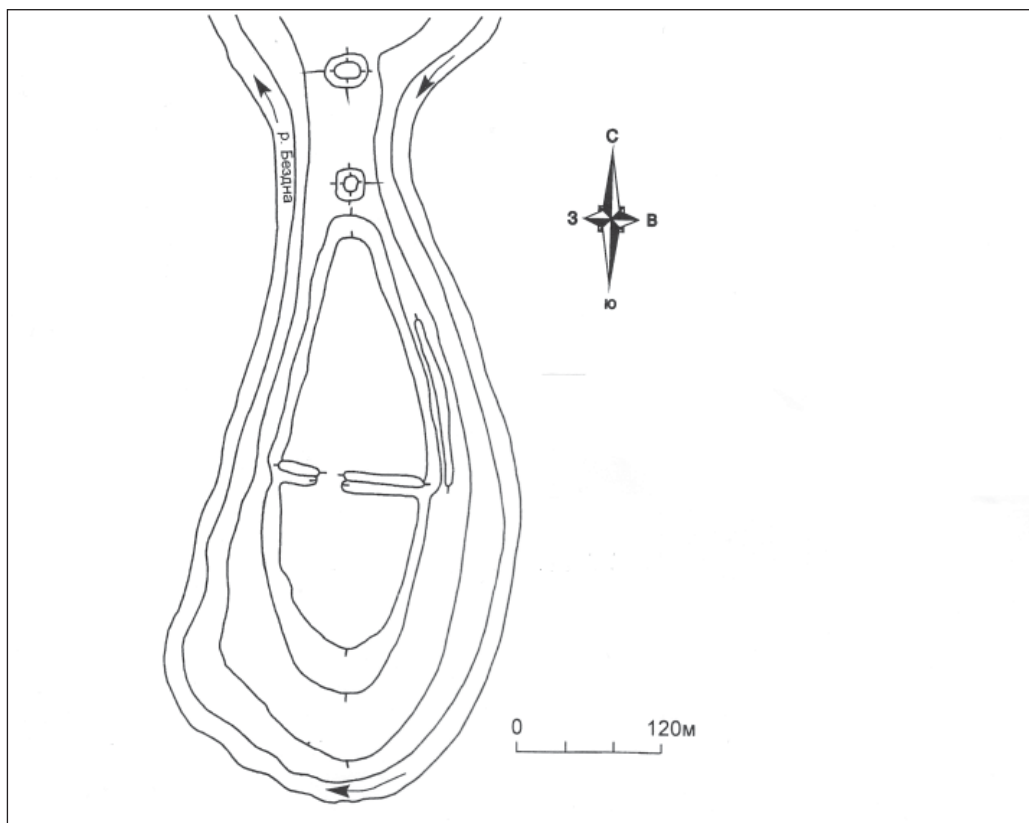

Рис. 97. Кураловское (Старокуйбышевское) городище (по Н.Ф. Калинину)

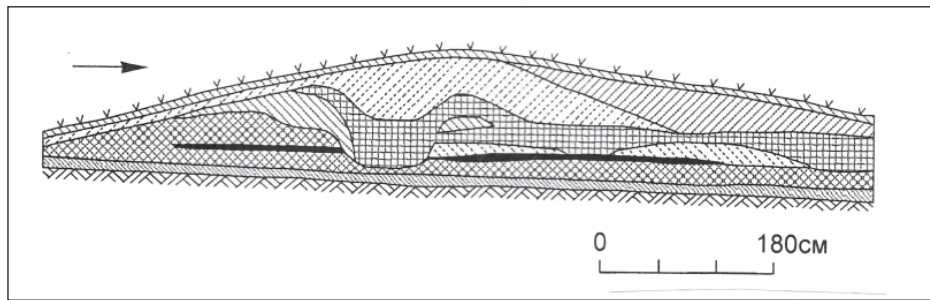

Рис. 98. Кураловское (Старокуйбышевское) городище. Профиль вала

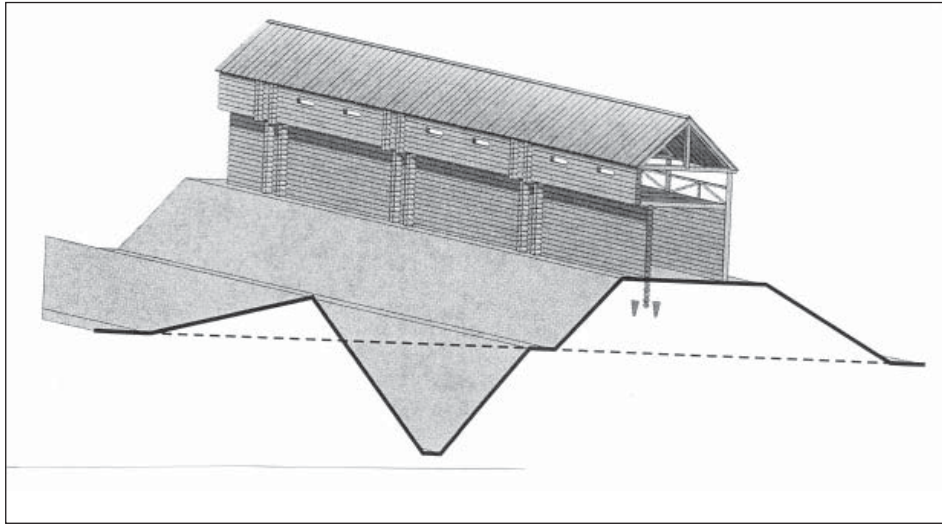

Рис. 99. Реконструкция оборонительных сооружений Кураловского (Старокуйбышевского) городища

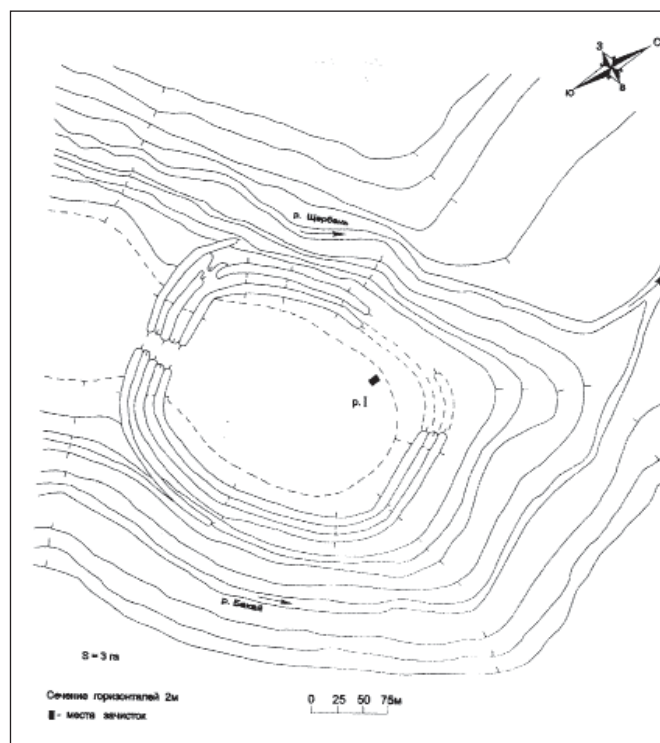

Рис. 100. Щербеньское I городище

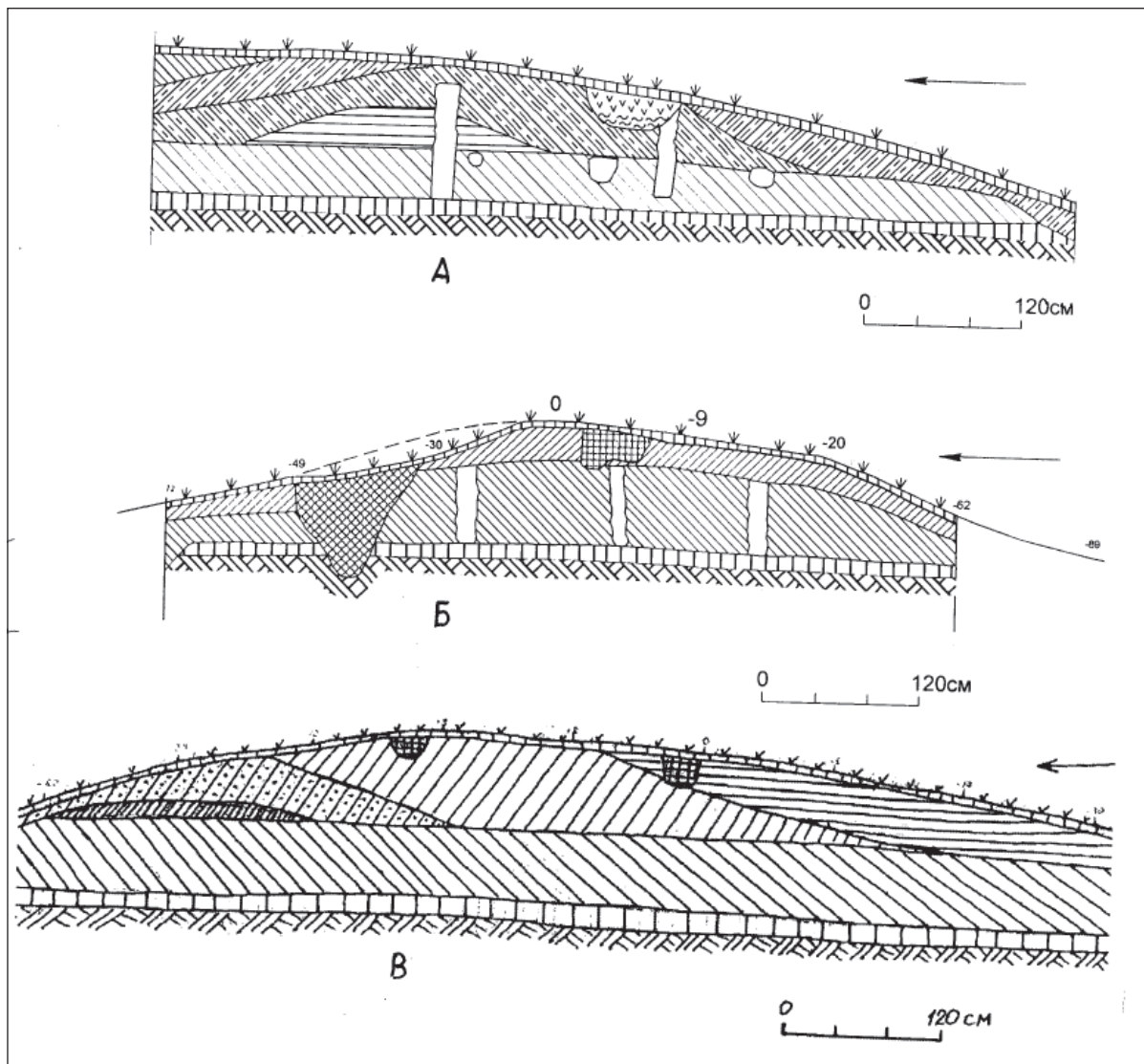

Рис. 101. Щербеньское I городище. Профиль оборонительных насыпей:
 А – внутренний вал, Б – средний вал, В – гласисобразная насыпь

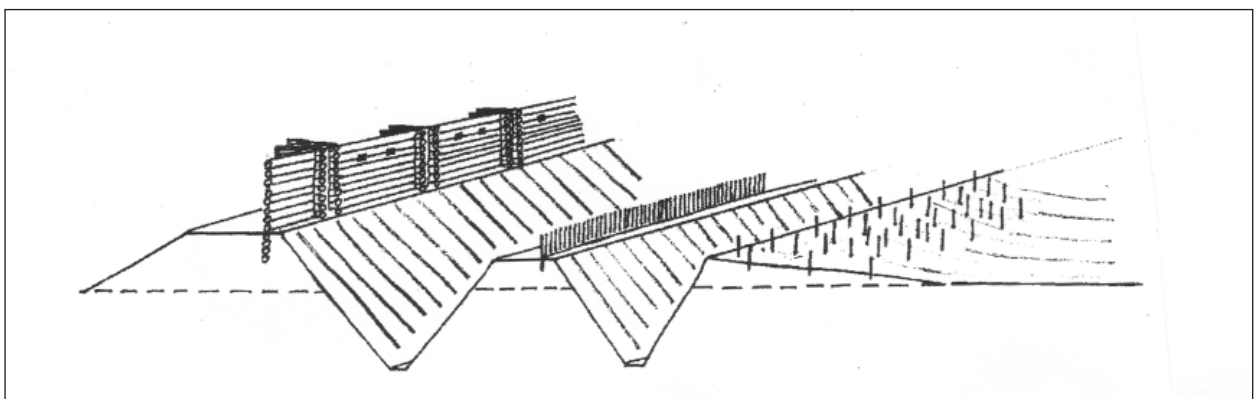

Рис. 102. Реконструкция оборонительных сооружений Щербеньского I городища

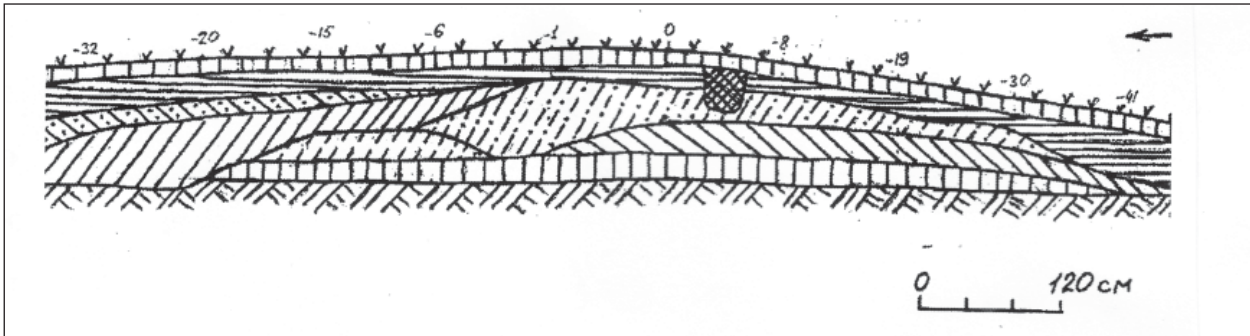

Рис. 103. Щербеньское II городище. Профиль вала

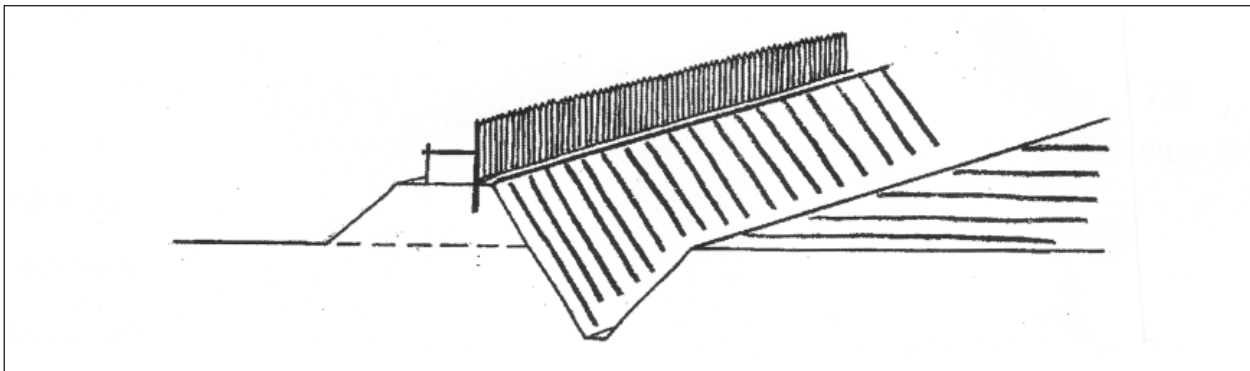

Рис. 104. Реконструкция оборонительных сооружений Щербеньского II городища

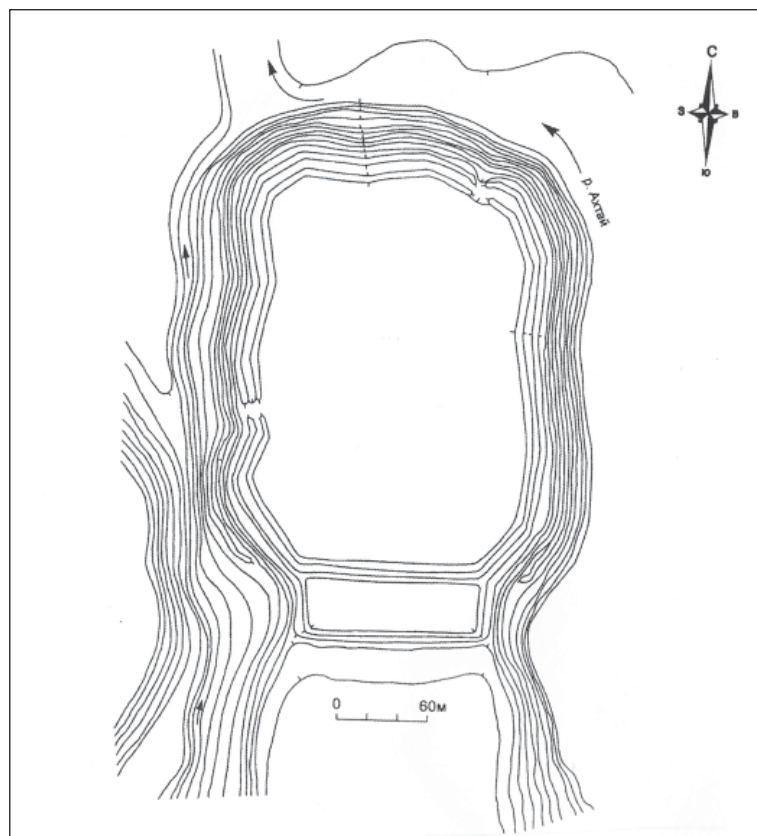

Рис. 105. Староматакское городище

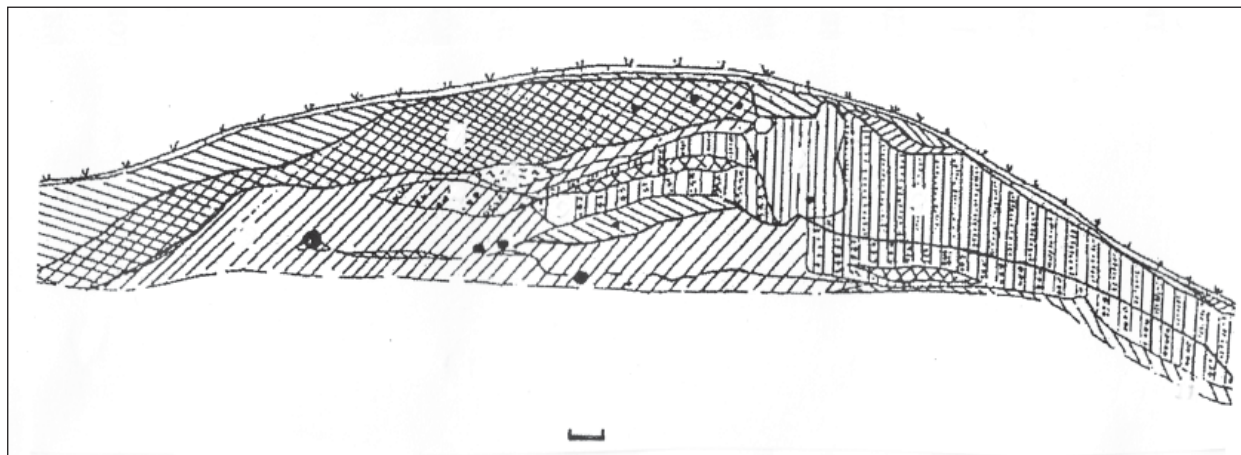

Рис. 106. Староматакское городище. Профиль вала (по К.А. Руденко)

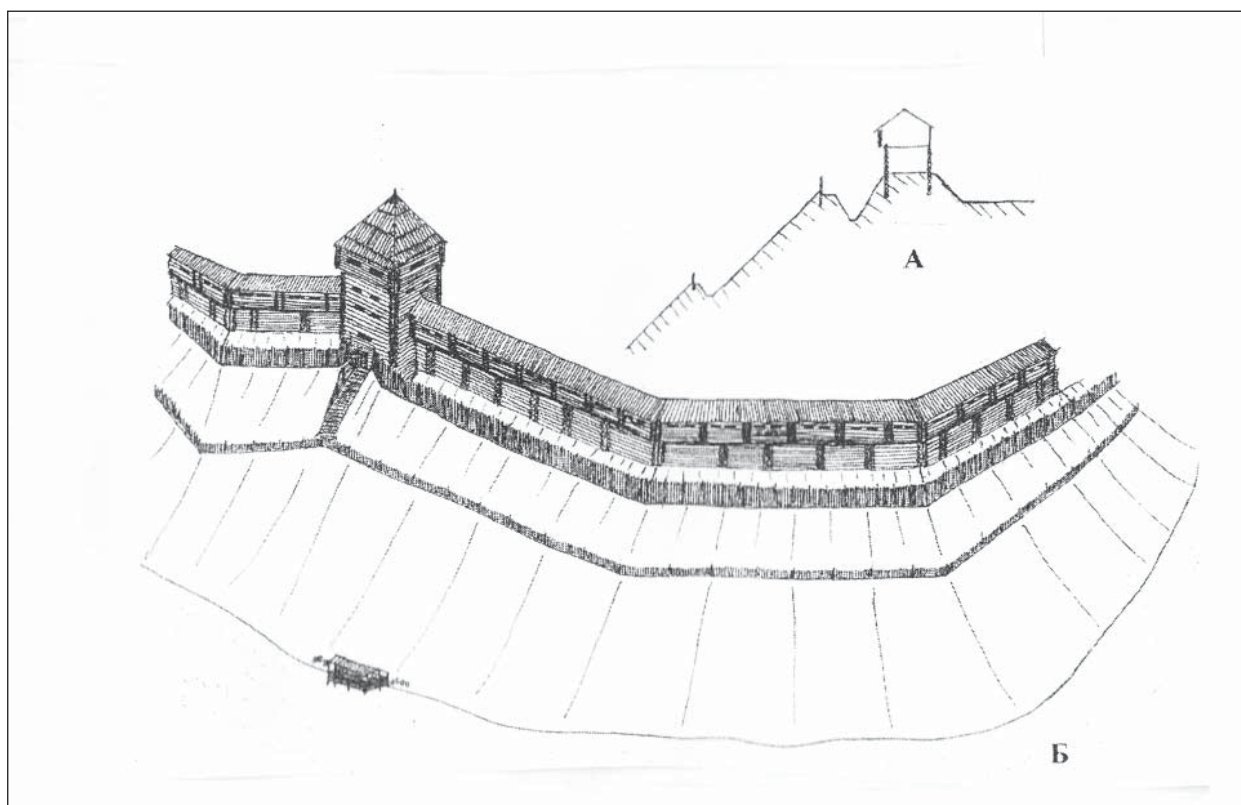

Рис. 107. Реконструкция оборонительных сооружений Староматакского городища:
 А – профиль, Б – вид с северо-запада

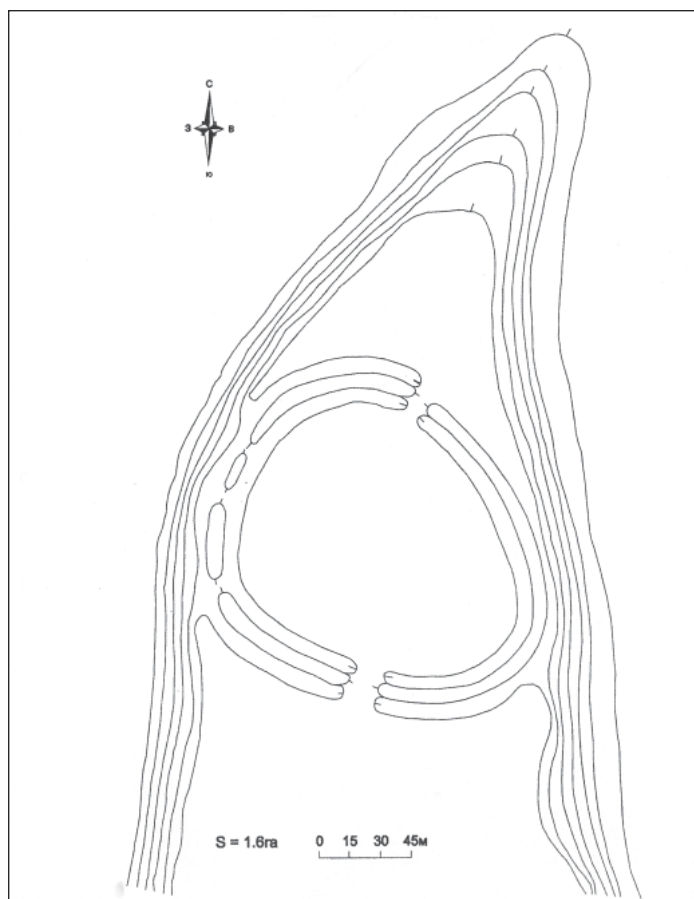

Рис. 108. Татбурнаевское городище (по Р.Г. Фахрутдинову)

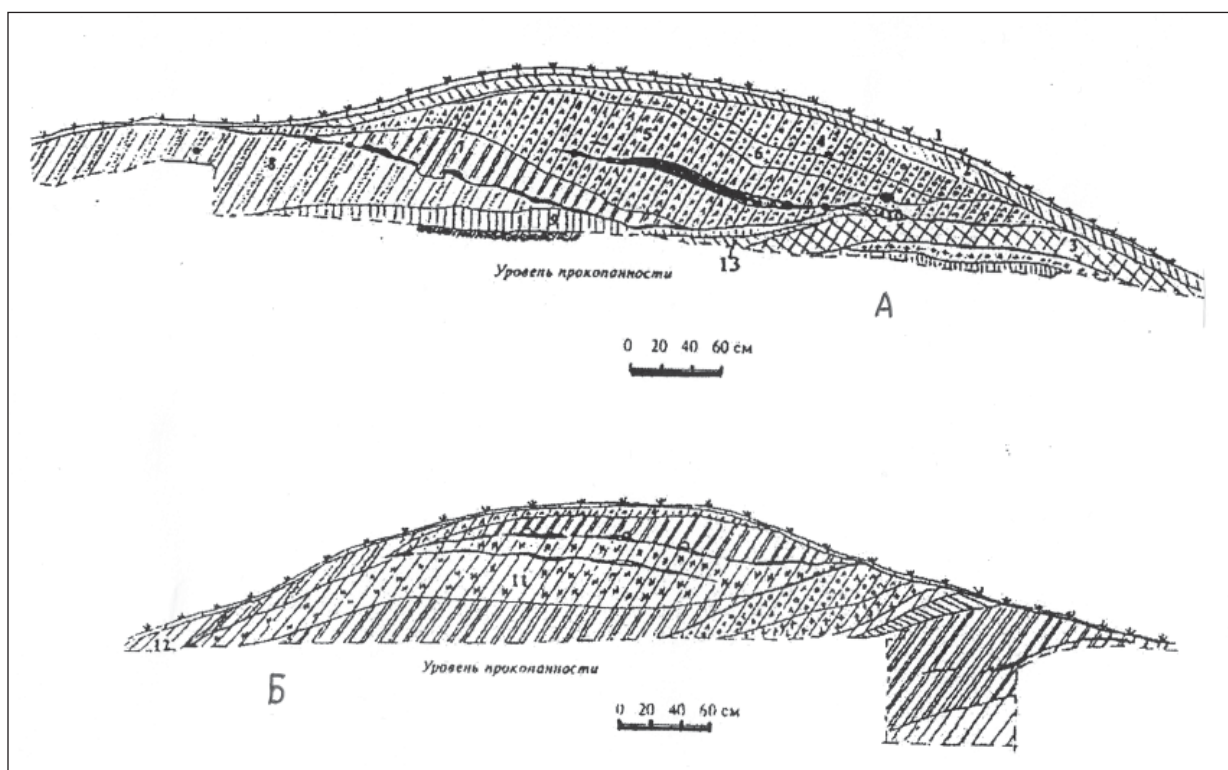

Рис. 109. Татбурнаевское городище. Профили вала:
А – с напольной стороны, Б – со стороны стрелки мыса (по К.А. Руденко)

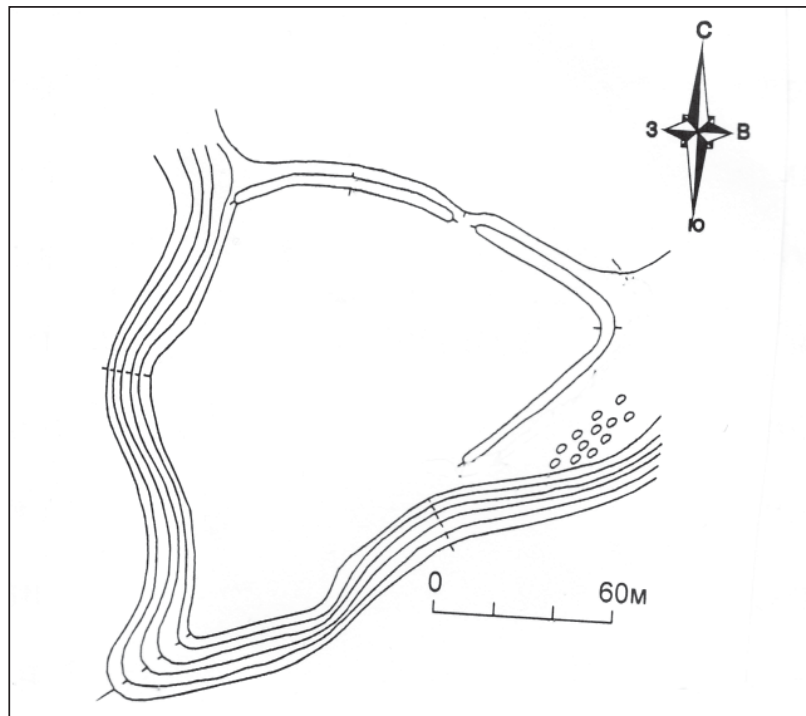

Рис. 110. Краснокадкинское городище (по Р.Г. Фахрудинову)

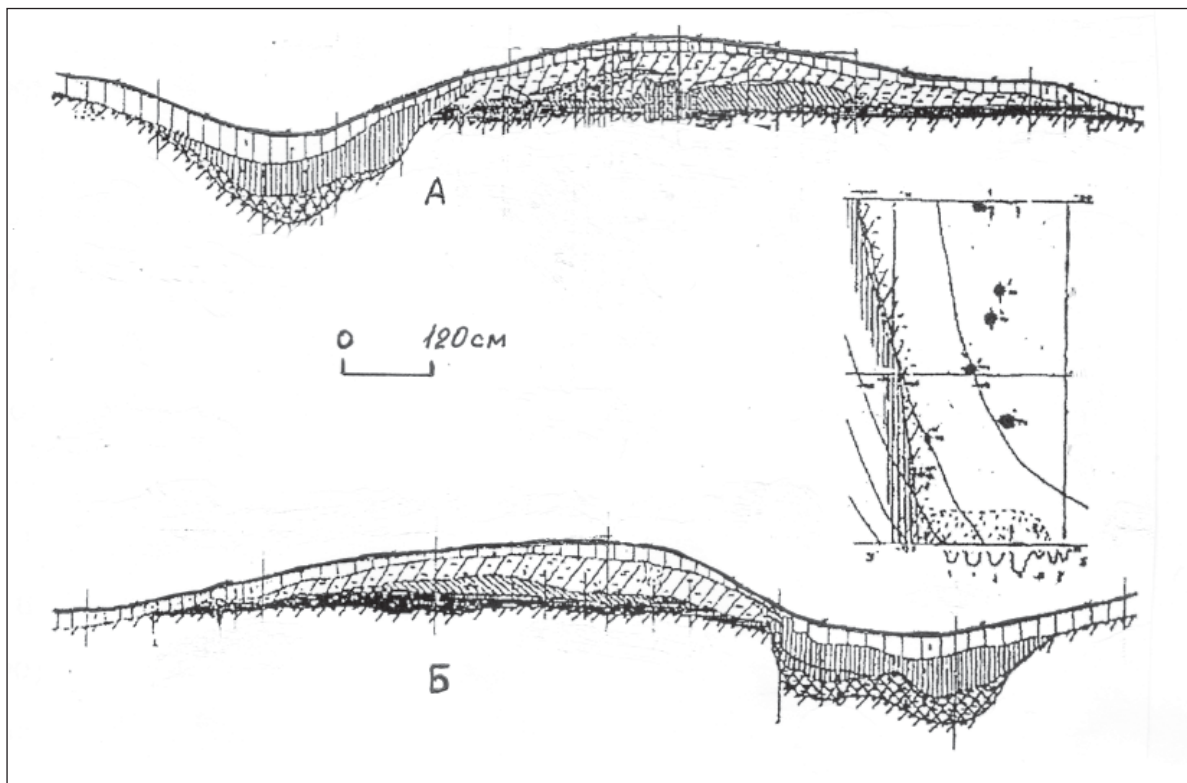

Рис. 111. Краснокадкинское городище. Профили вала:
А – восточная стенка, Б – западная стенка (по Н.Г. Набиуллину)

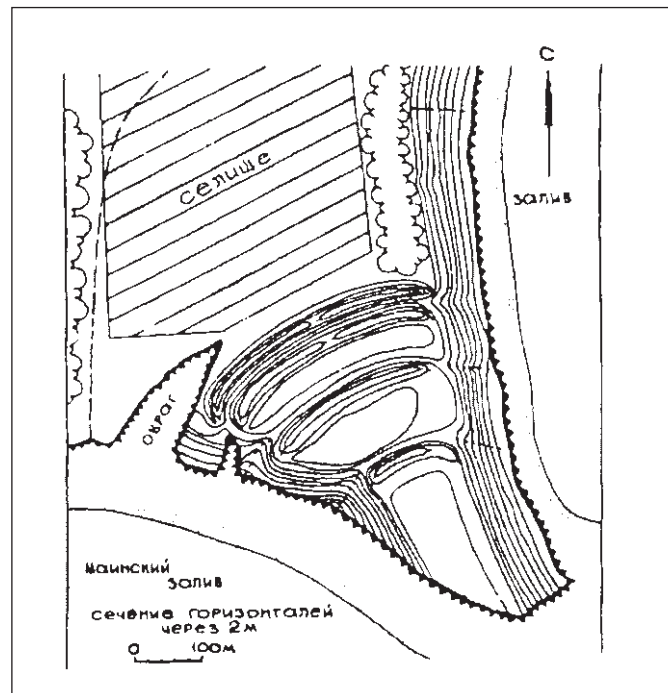

Рис. 112. Старомайнское городище (по Г.И. Матвеевой)

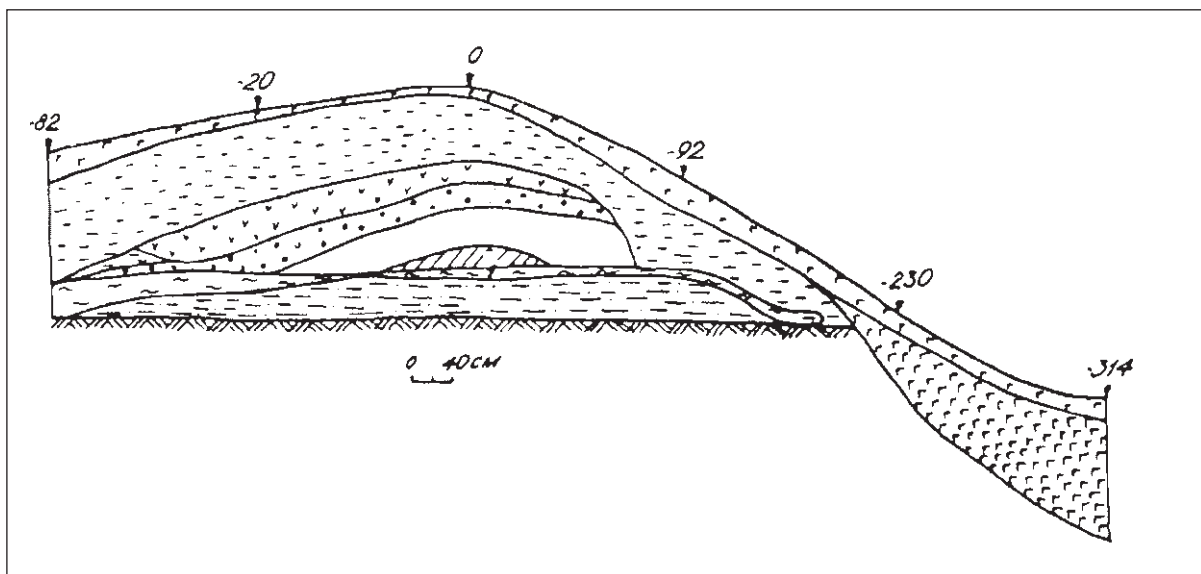

Рис. 113. Старомайнское городище. Профиль внешнего вала (по Г.И. Матвеевой)

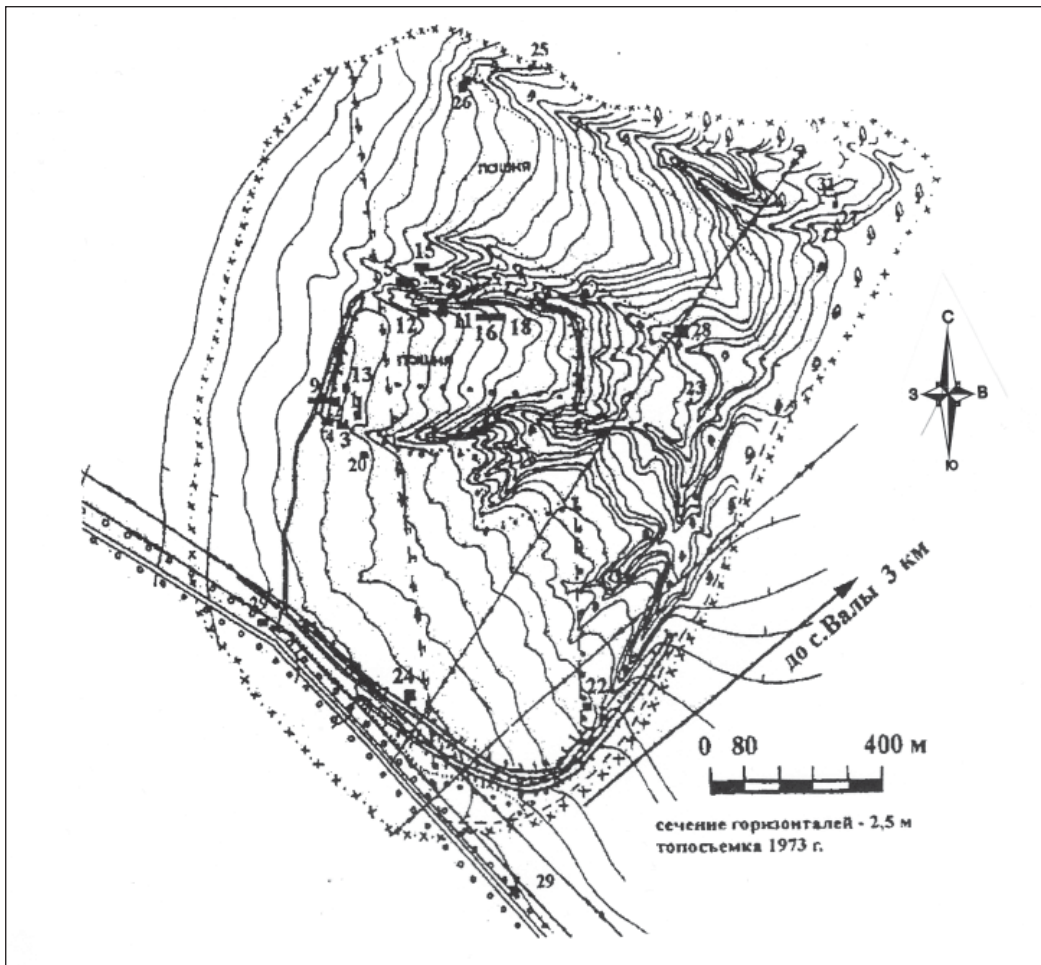

Рис. 114. «Муромский городок» (Валынское городище) (по Г.И. Матвеевой, А.Ф. Кочкиной)

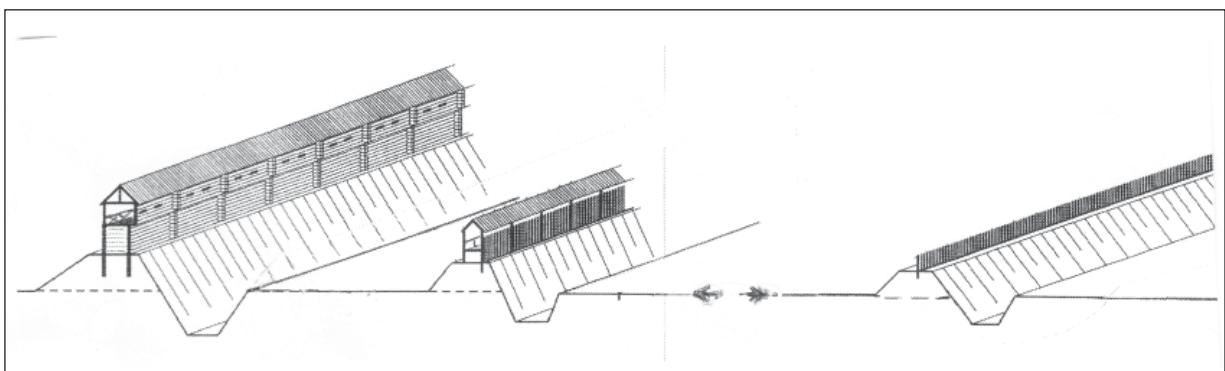

Рис. 115. Реконструкция оборонительных сооружений «Муромского городка»

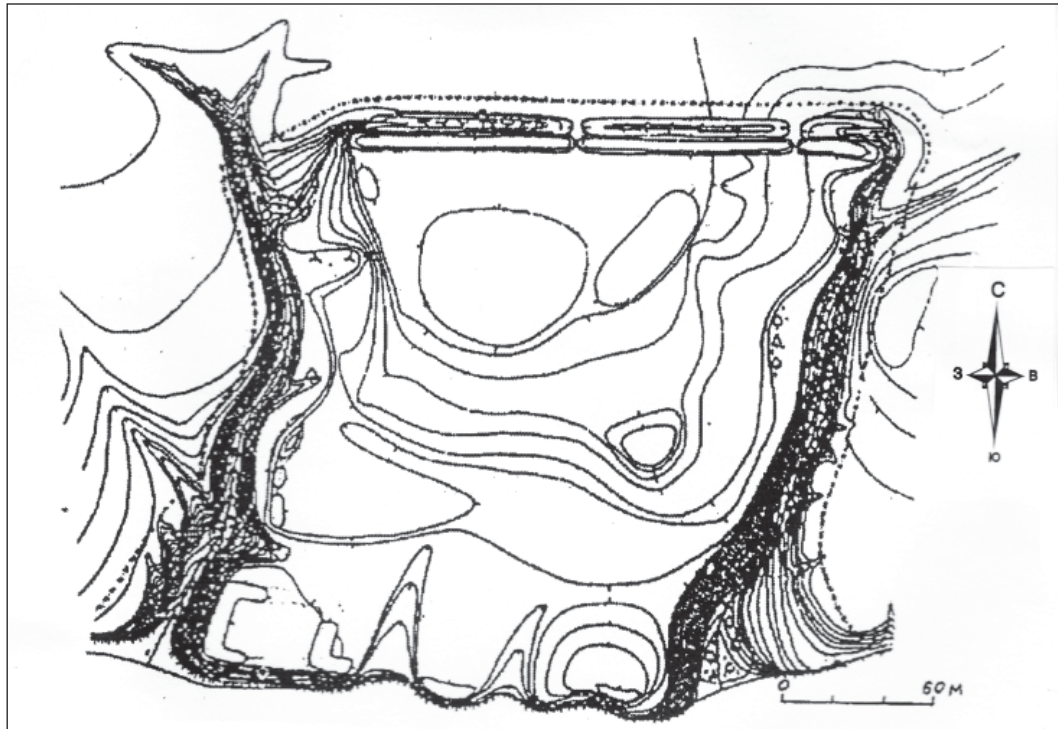

Рис. 116. Междуреченское городище (по С.Э. Зубову)

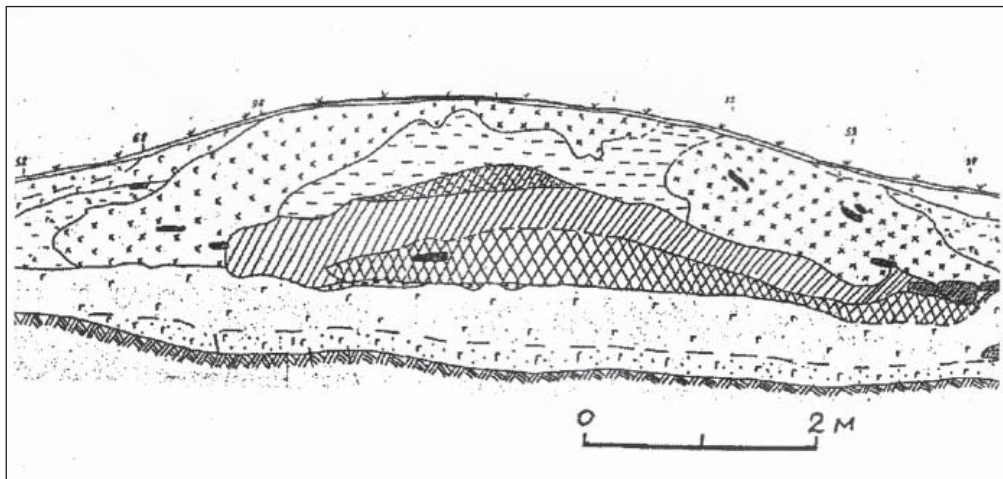

Рис. 117. Междуреченское городище. Профиль вала (по С.Э. Зубову)

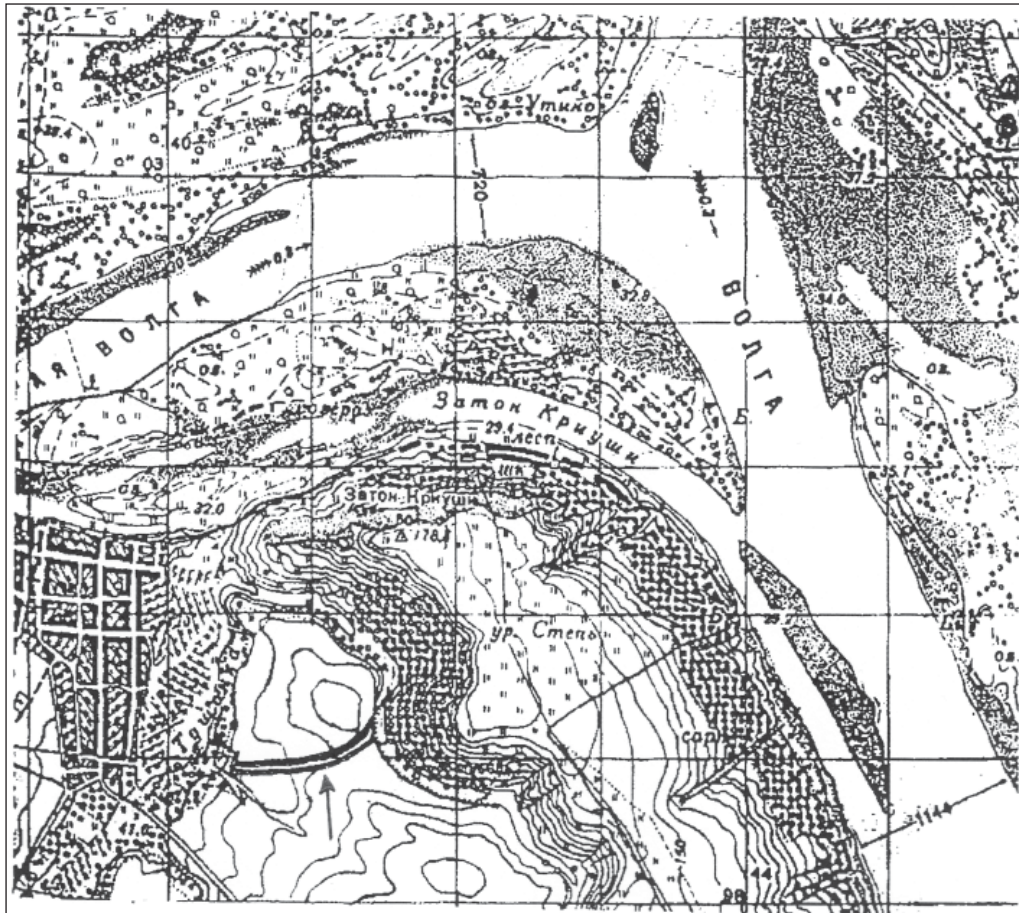

Рис. 118. Криушское II (Арбужинское) городище

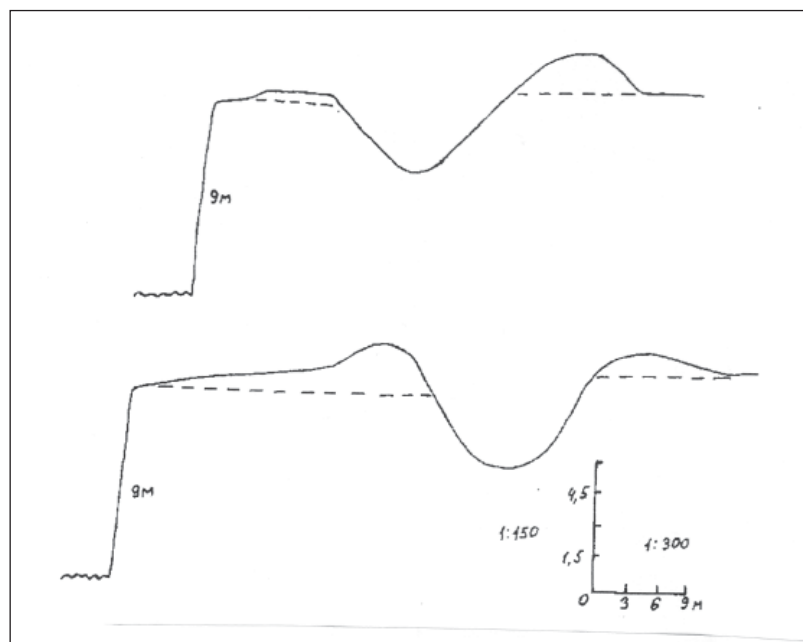

Рис. 119. Криушское II (Арбужинское) городище. Профили линий обороны (по А.Х. Халикову)

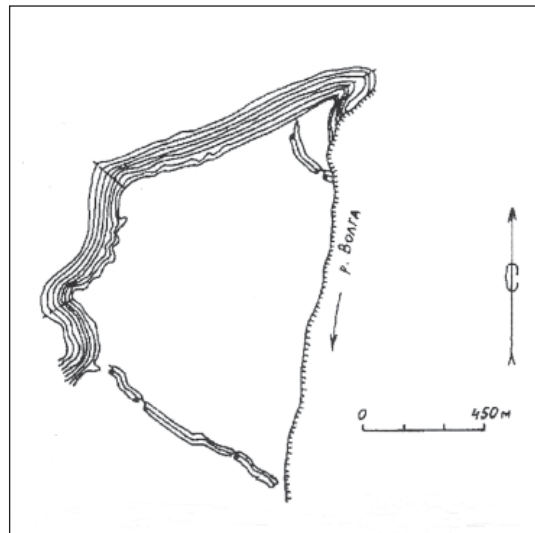

Рис. 120. Горищенское (на р. Волга) городище (по Р.Г. Фахрутдинову)

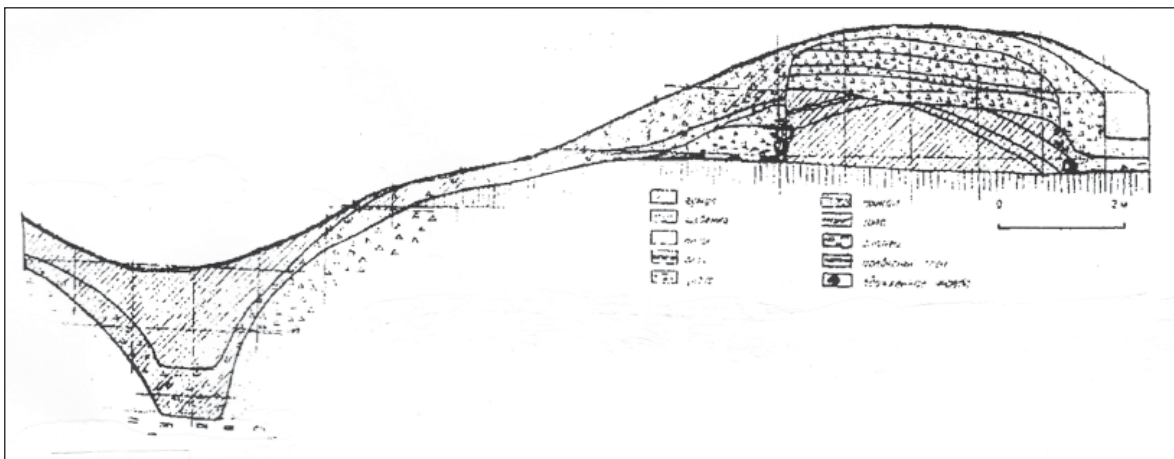

Рис. 121. Горищенское (на р. Волга) городище. Профиль внутреннего вала (по Ю.А. Семькину)

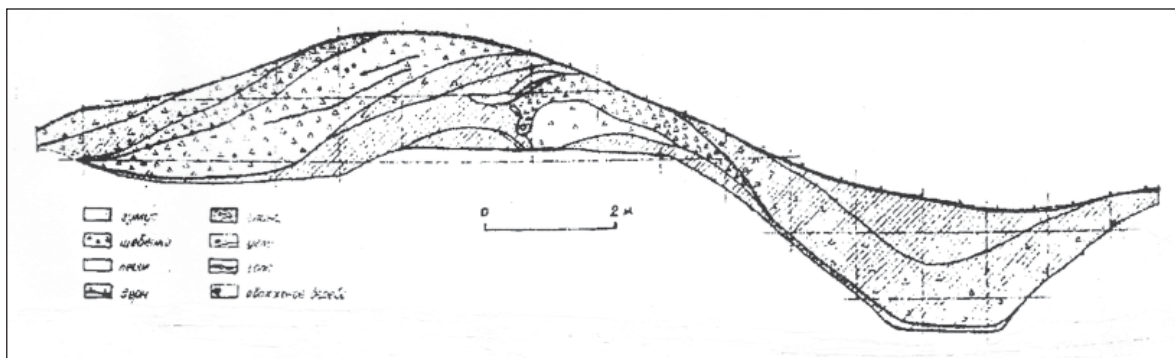

Рис. 122. Горищенское (на р. Волга) городище. Профиль внешнего вала (по Ю.А. Семькину)

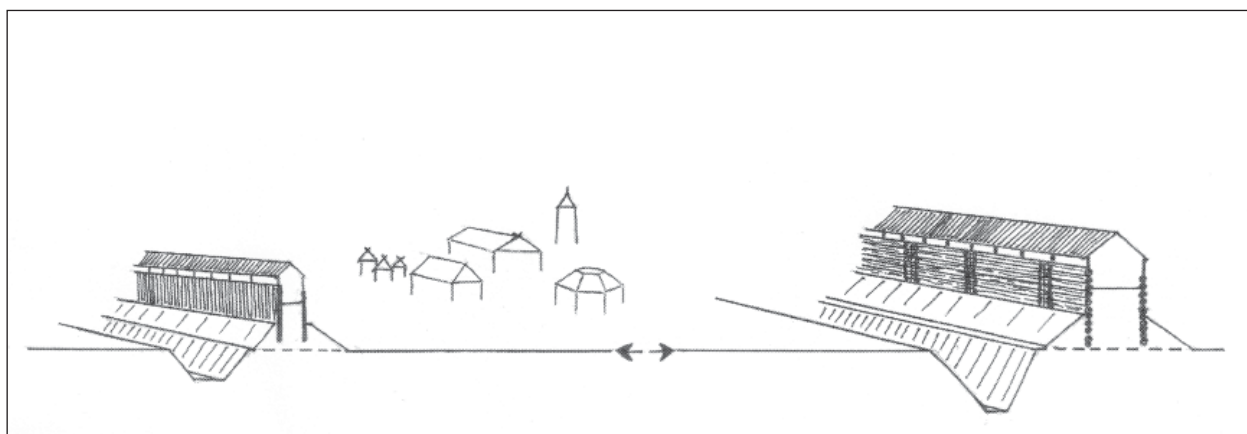

Рис. 123. Реконструкция оборонительных сооружений Городищенского (на р. Волга) городища

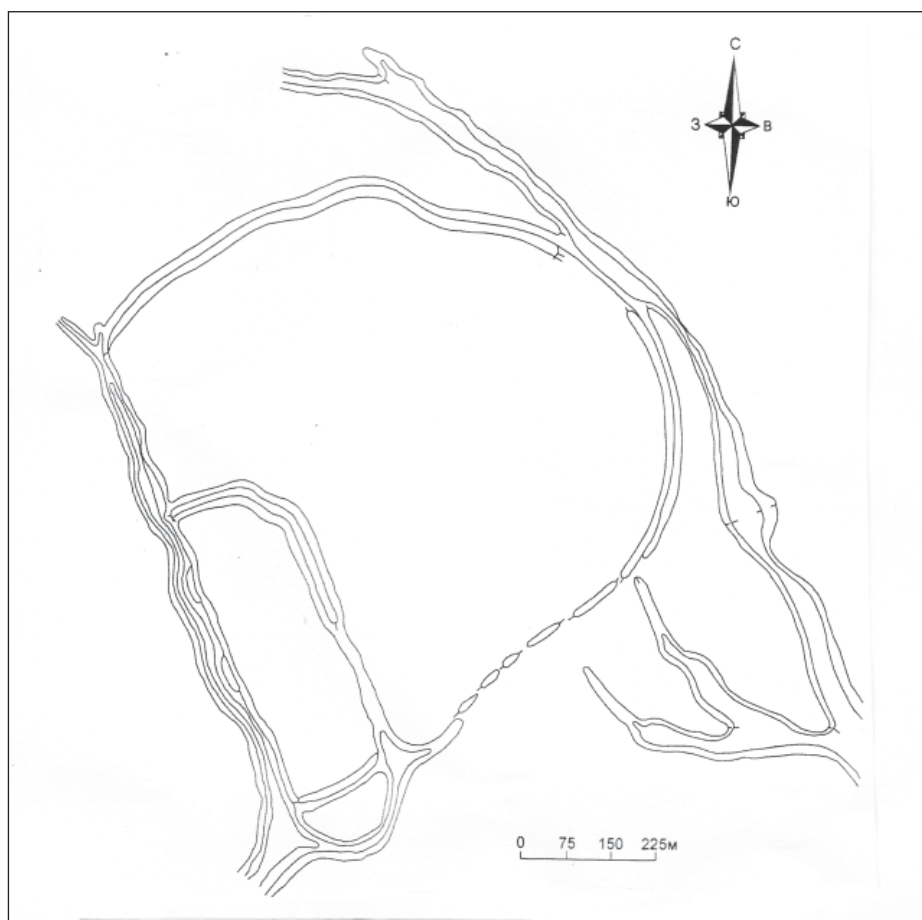

Рис. 124. Богдашкинское городище

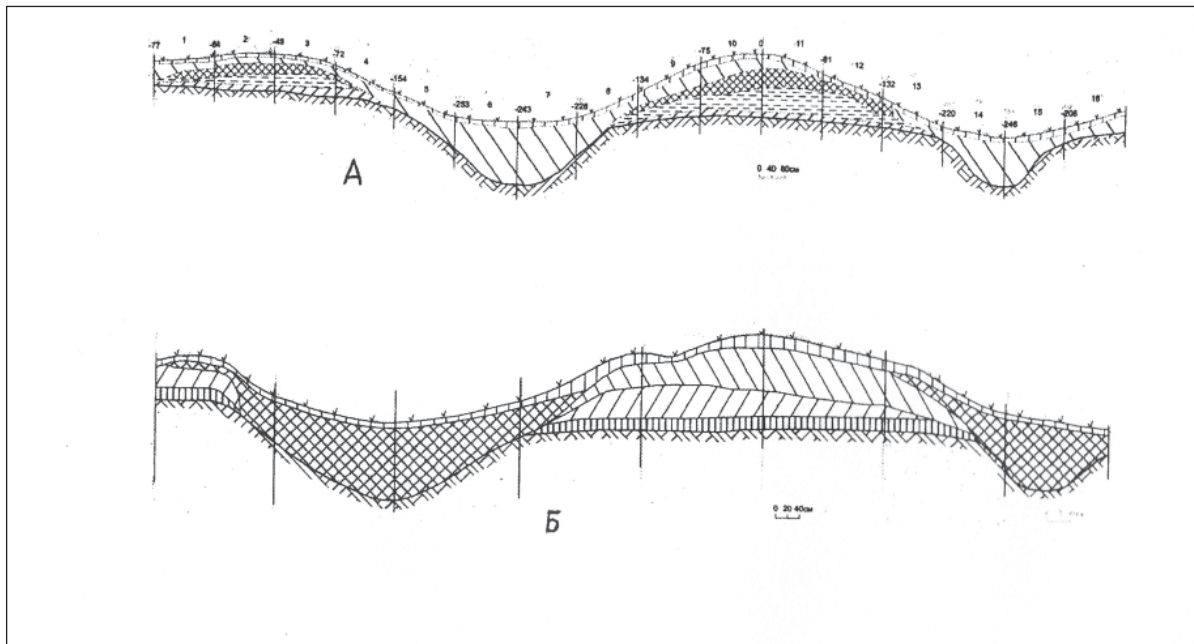

Рис. 125. Богдашкинское городище. Профили оборонительных линий: А – «внутреннего города», Б – «внешнего города» (по И.Л. Измайлову)

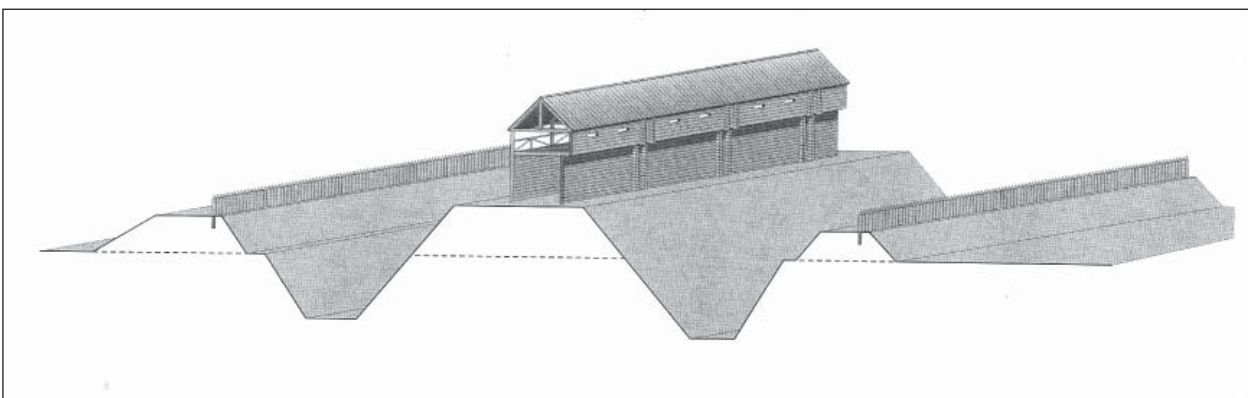

Рис. 126. Реконструкция оборонительных сооружений «внутреннего города» Богдашкинского городища

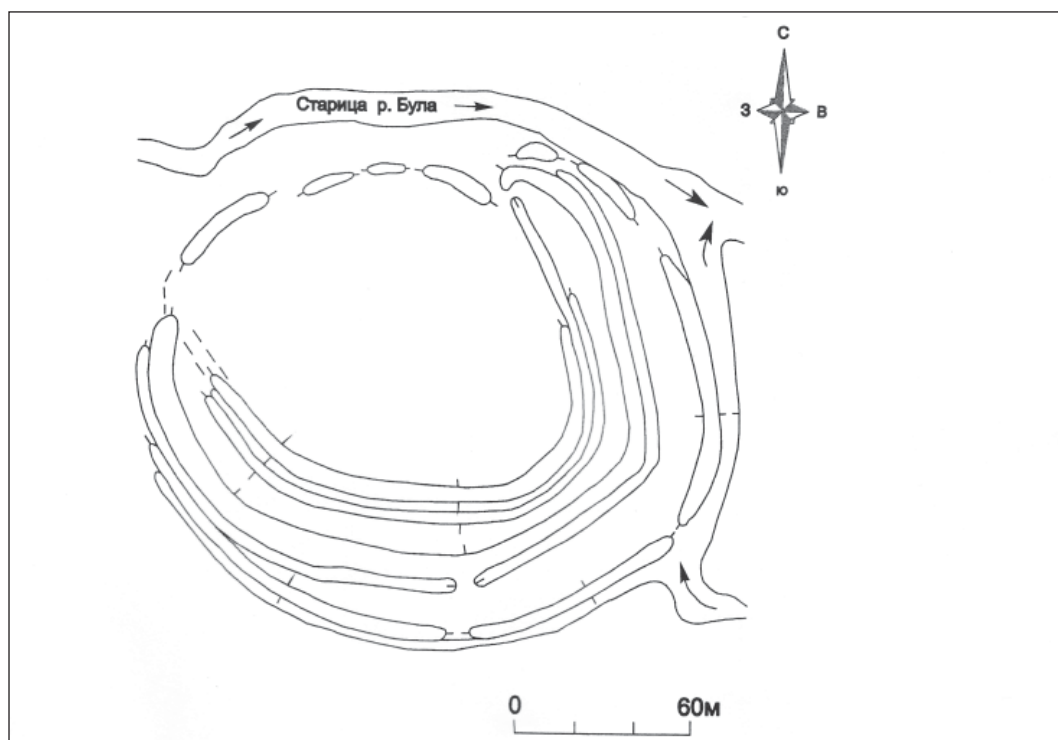

Рис. 127. Тигашевское городище (по Г.А. Федорову-Давыдову)

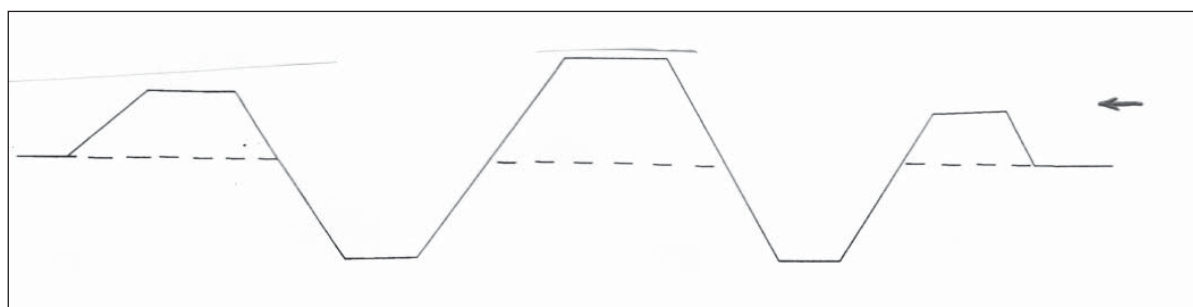

Рис. 128. Большекандалинское городище. Профиль линий обороны (по Н.П. Рычкову)

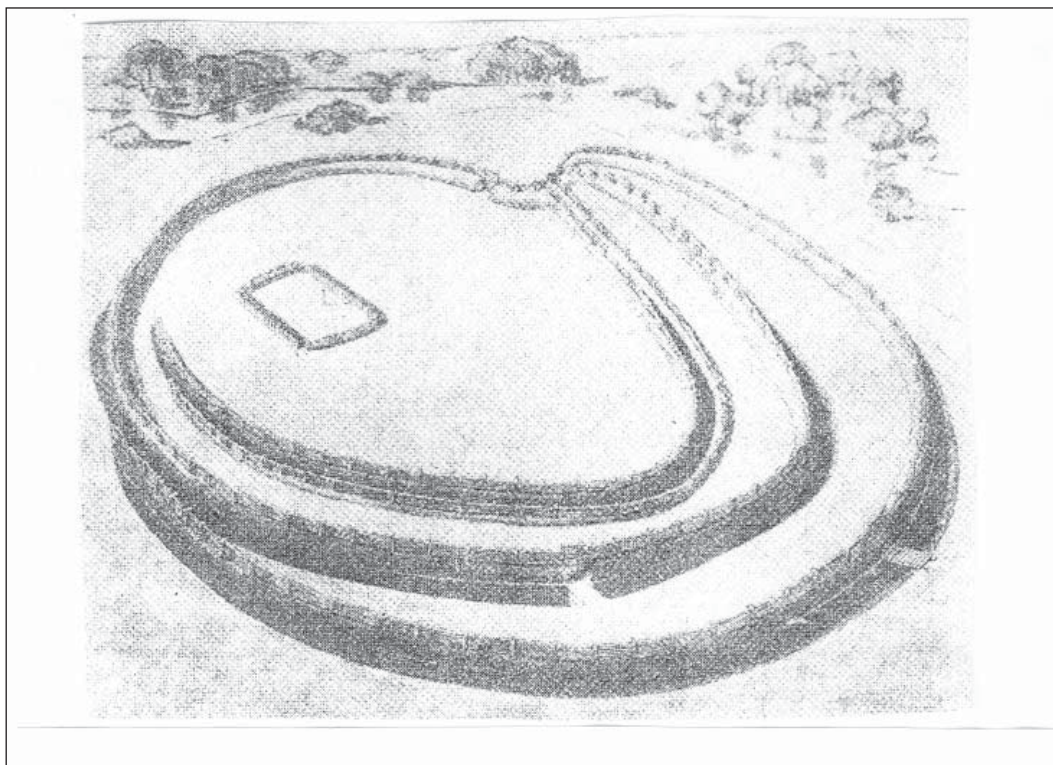

Рис. 129. Реконструкция оборонительных сооружений Тигашевского городища (по Г.А. Федорову-Давыдову)

Рис. 130. Хулашское городище (по Н.Ф. Калинину)

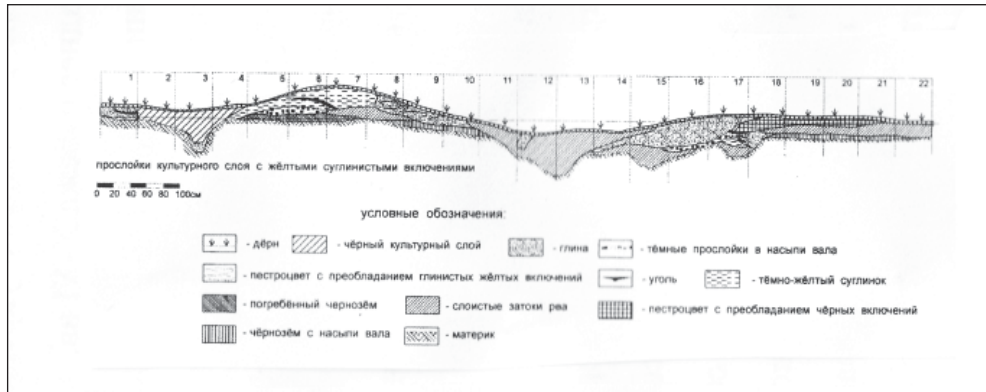

Рис. 131. Хулашское городище. Профиль оборонительных линий (по А.П. Смирнову, В.Ф. Каховскому)

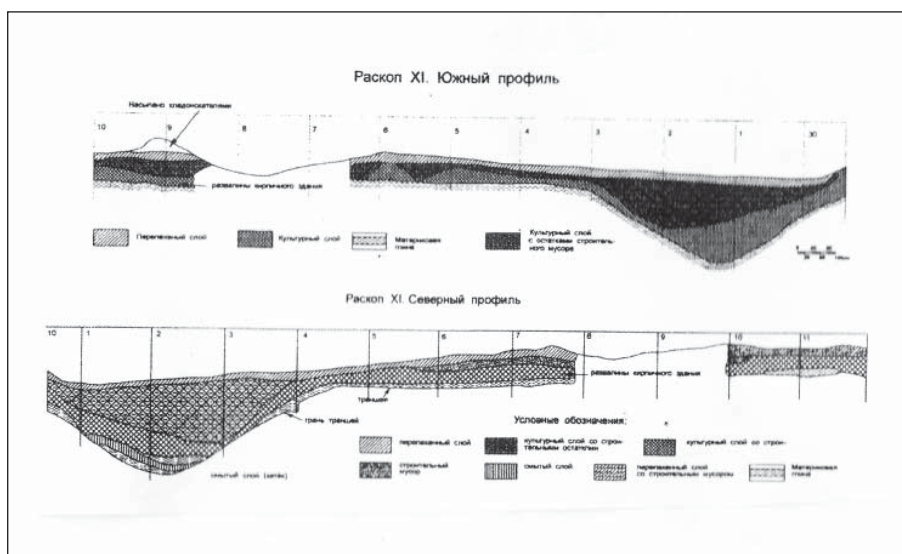

Рис. 132. Хулашское городище. Профили рвов (по А.П. Смирнову, В.Ф. Каховскому)

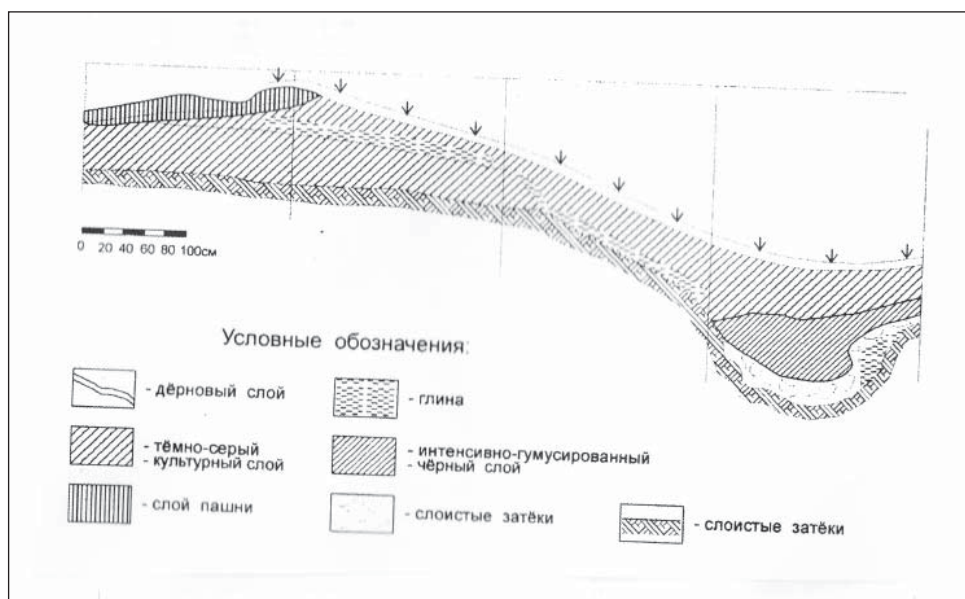

Рис. 133. Хулашское городище. Профиль внешнего рва (по А.П. Смирнову, В.Ф. Каховскому)

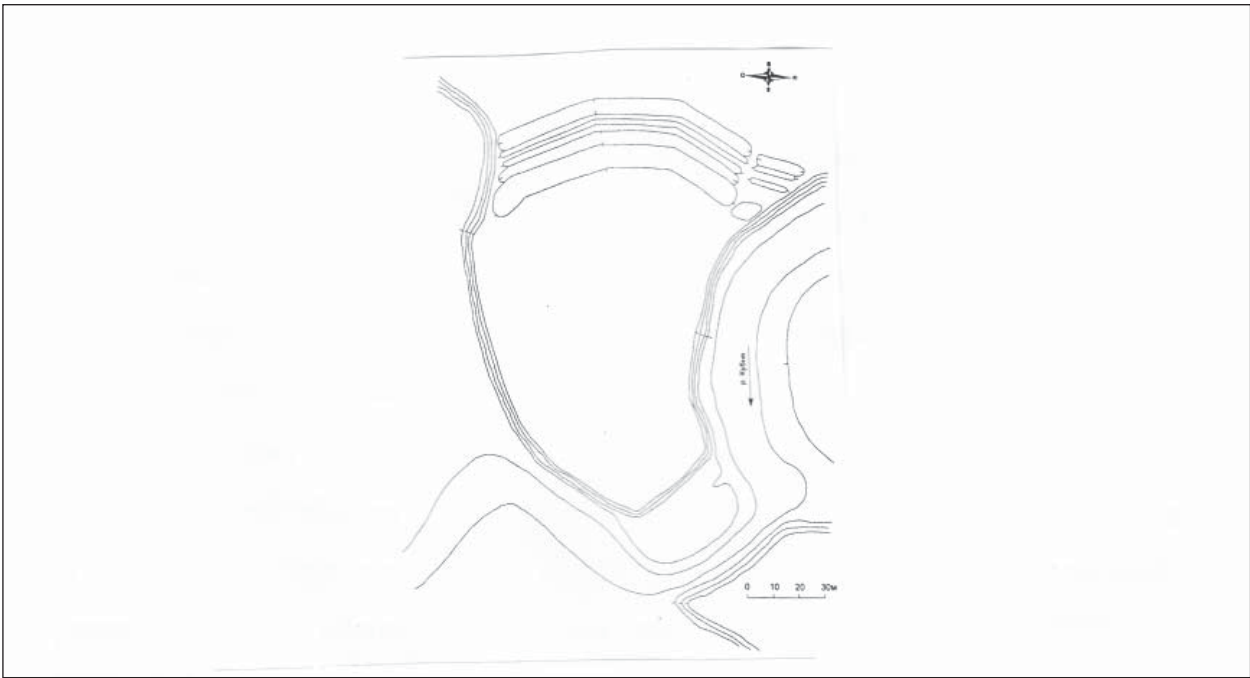

Рис. 134. Луковское (Япанчино) городище

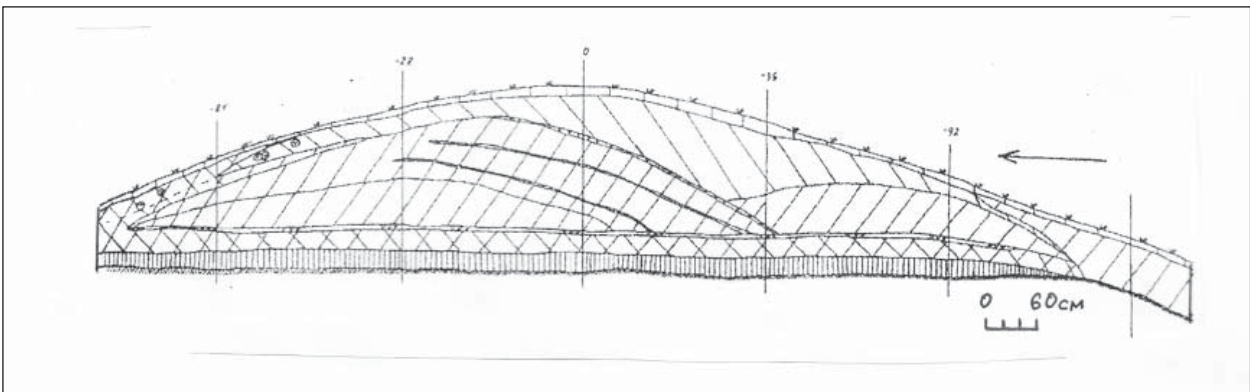

Рис. 135. Луковское (Япанчино) городище. Профиль вала (по И.Л. Измайлову)

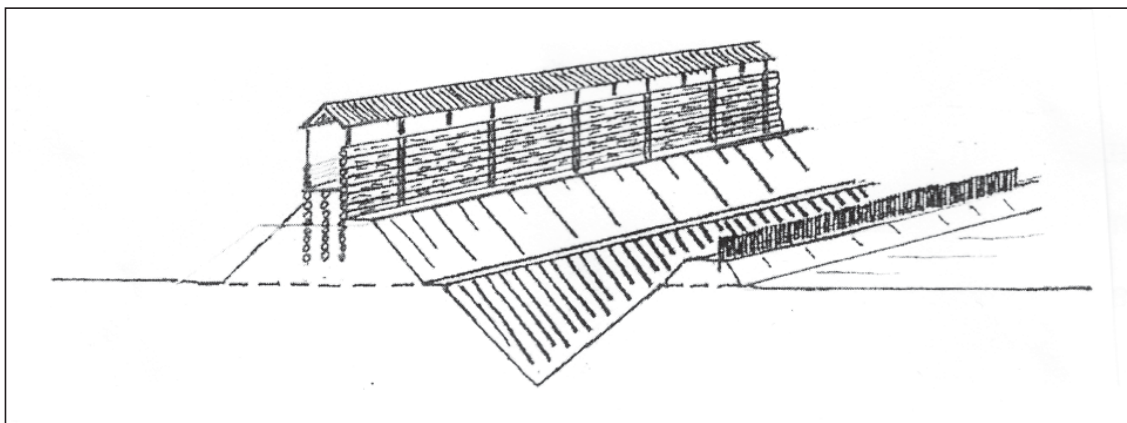

Рис. 136. Реконструкция оборонительных сооружений Луковского (Япанчино) городища XII – нач. XIII вв.

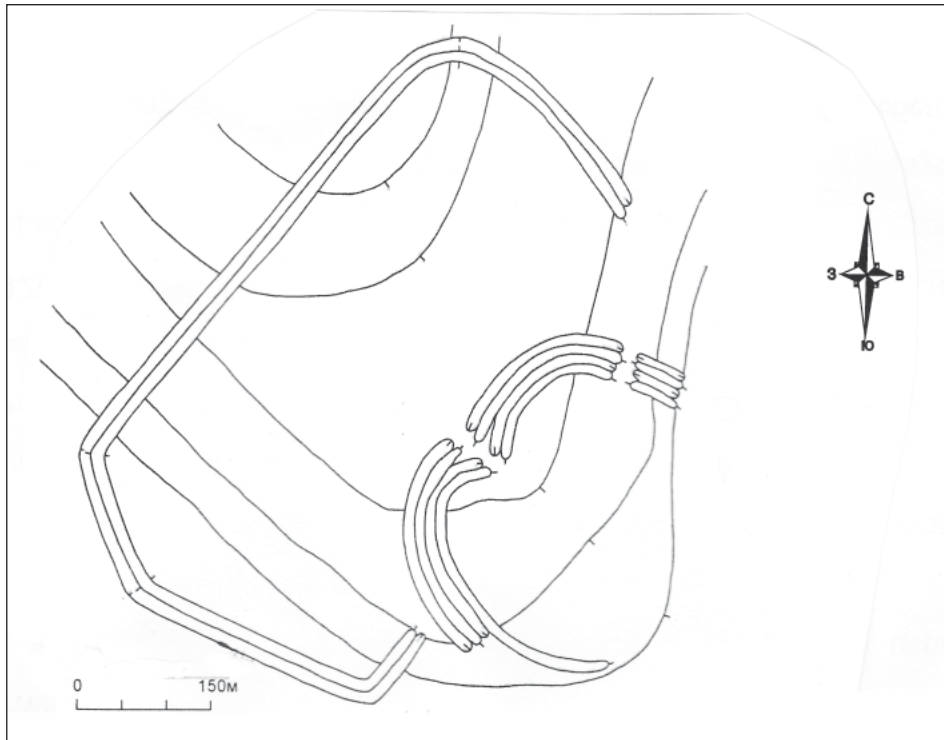

Рис. 137. Юловское городище (по Г.Н. Белорыбкину)

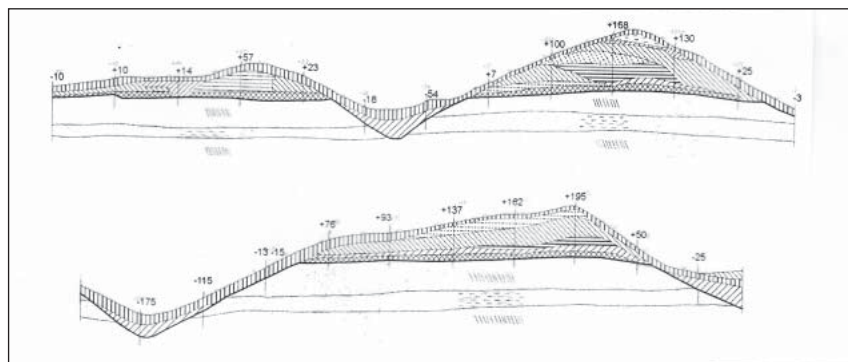

Рис. 138. Юловское городище. Профиль линий обороны (по Г.Н. Белорыбкину)

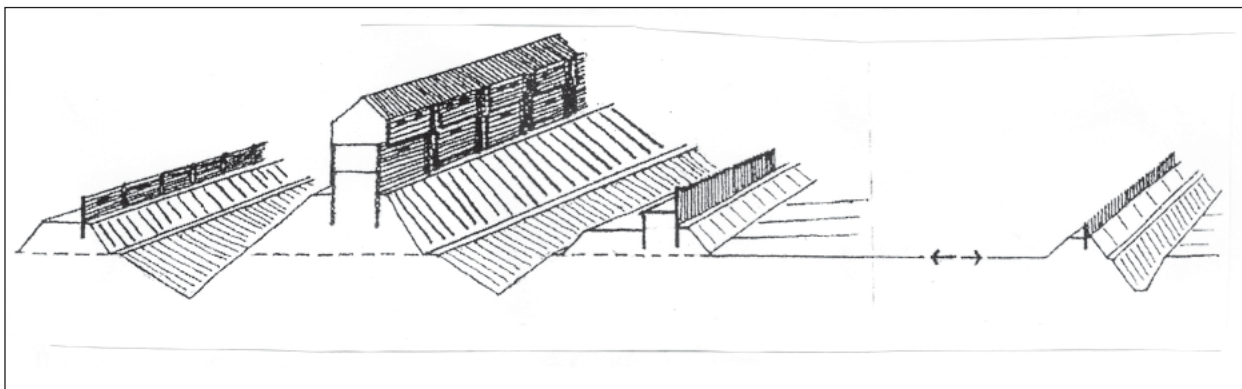

Рис. 139. Реконструкция оборонительных сооружений Юловского городища

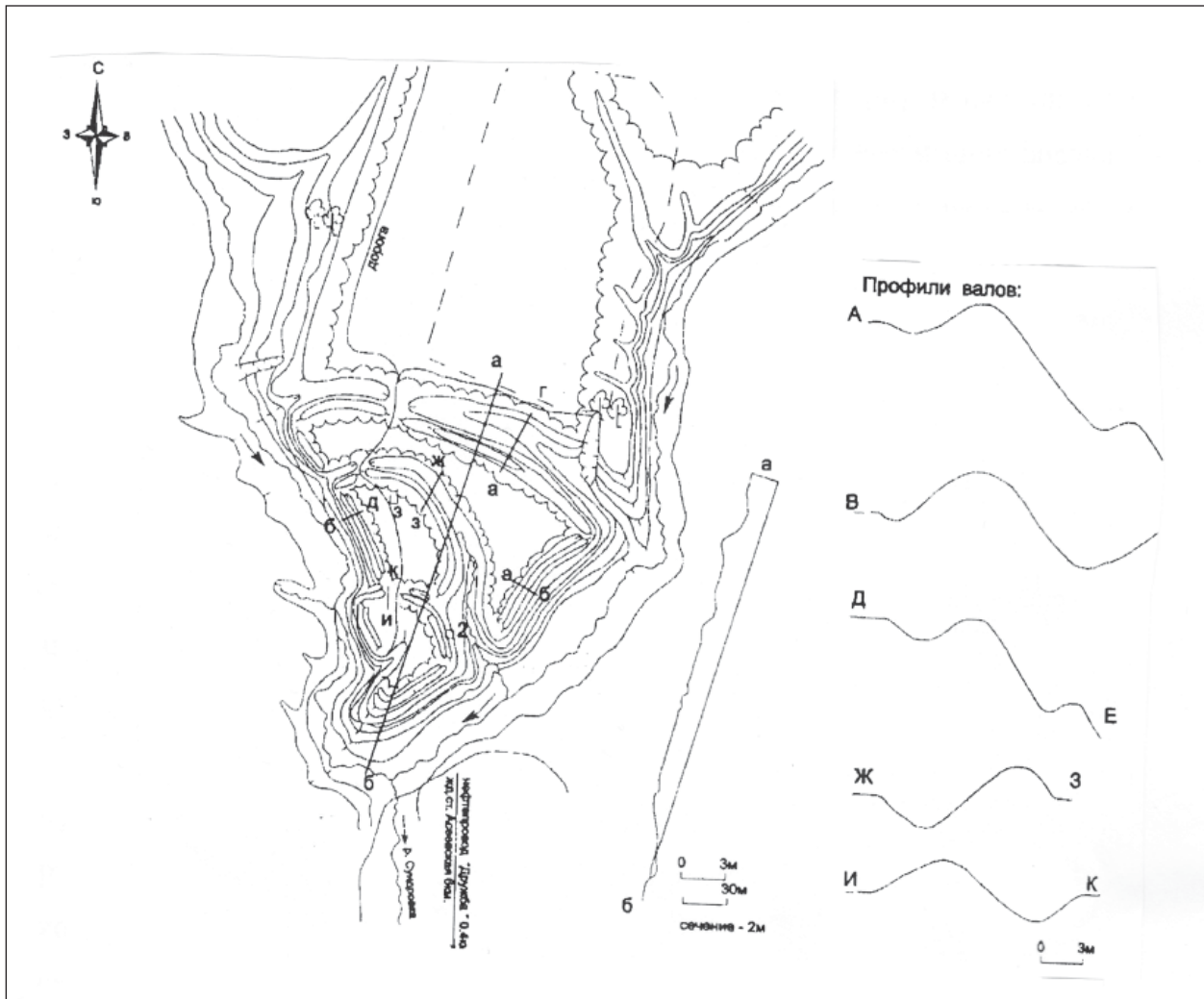

Рис. 140. Сундровское городище (по Г.Н. Белорыбкину)

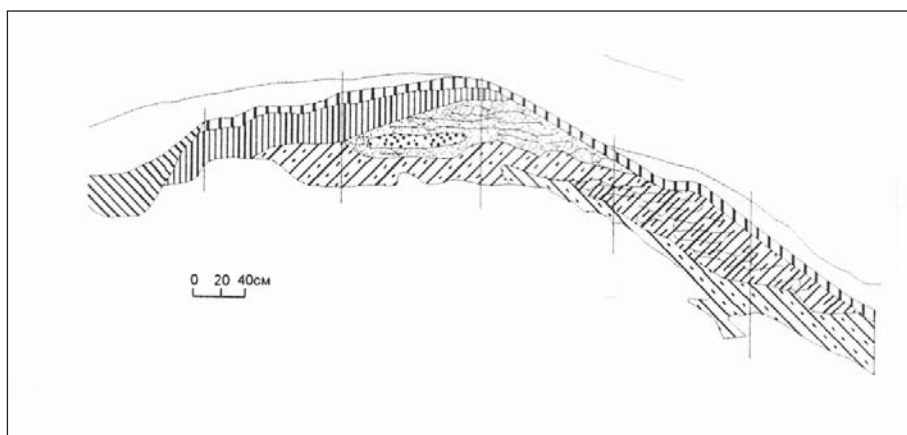

Рис. 141. Сундровское городище. Профиль вала (по Г.Н. Белорыбкину)

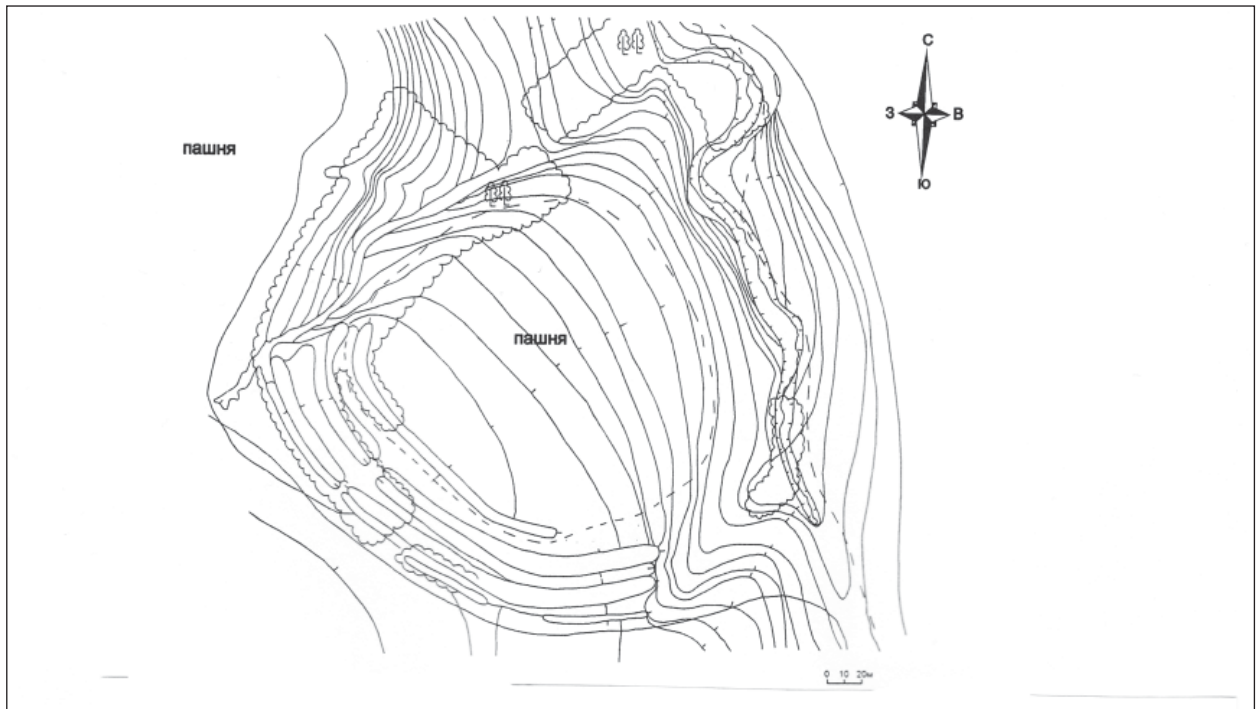

Рис. 142. Садовское II городище (по Г.Н. Белорыбкину)

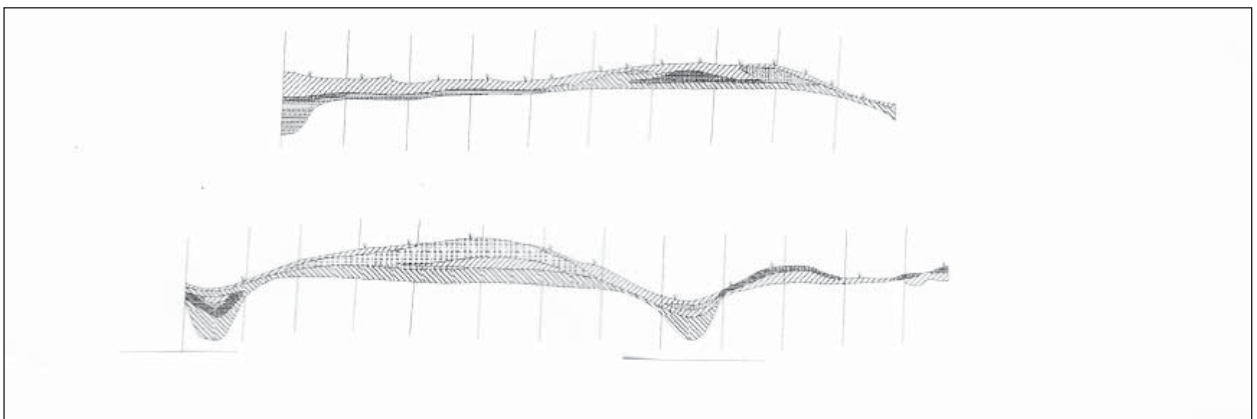

Рис. 143. Садовское II городище. Профиль линий обороны (по Г.Н. Белорыбкину)

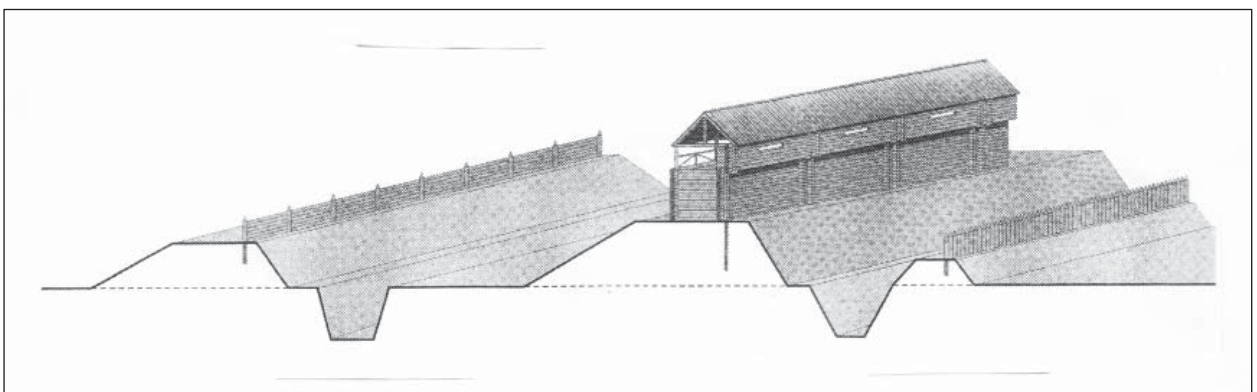

Рис. 144. Реконструкция оборонительных сооружений Садовского II городища

Рис. 145. Неклюдовское I городище (по Г.Н. Белорыбкину)

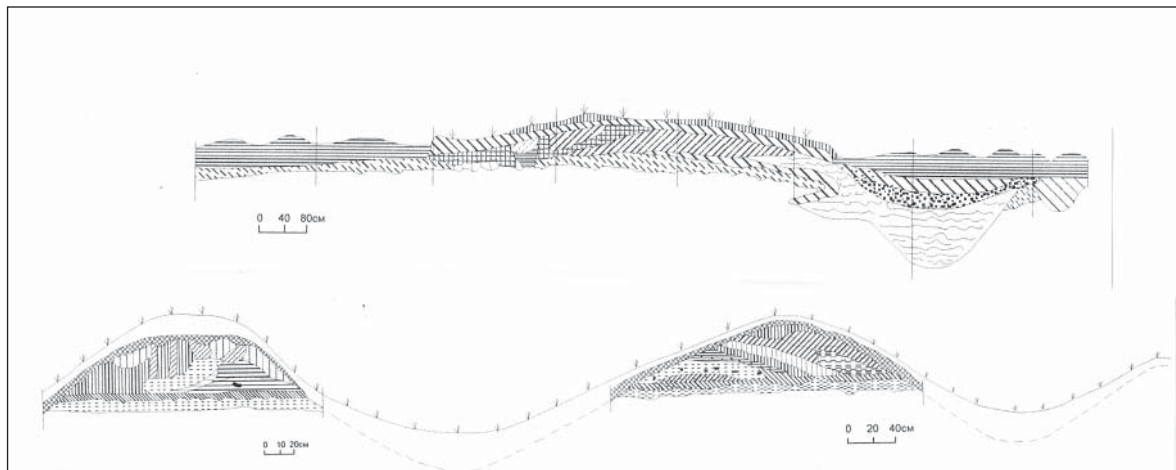

Рис. 146. Неклюдовское I городище. Профили линий обороны (по Г.Н. Белорыбкину)

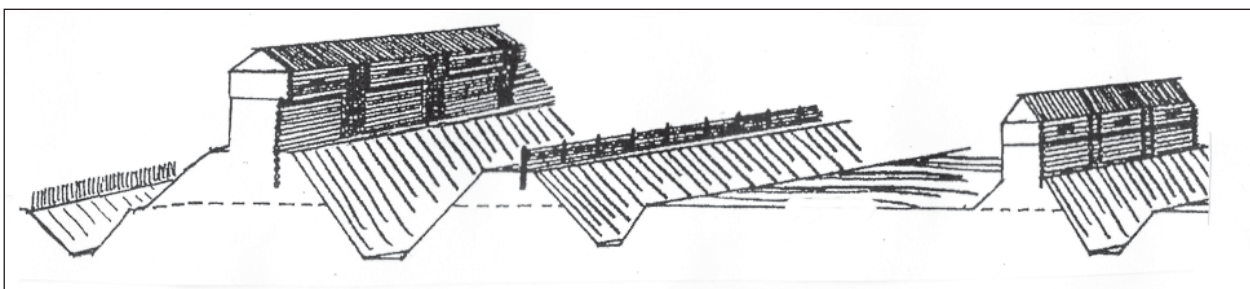

Рис. 147. Реконструкция оборонительных сооружений Неклюдовского I городища

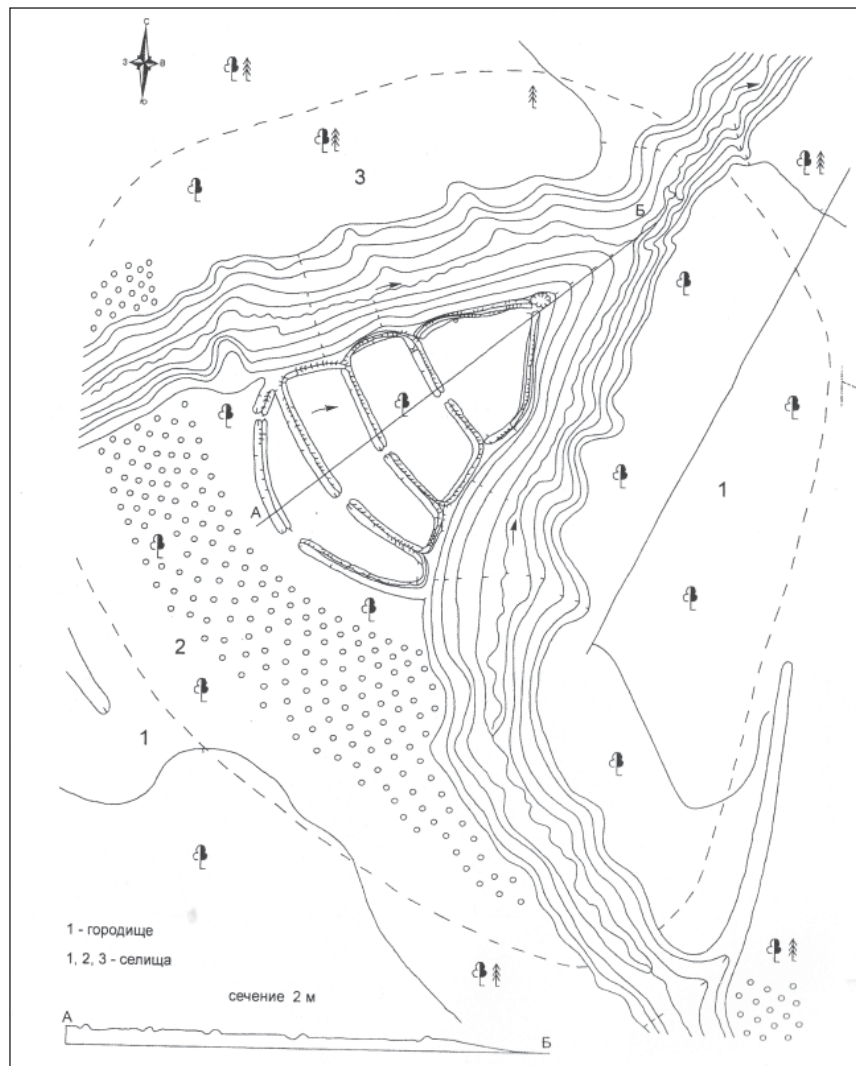

Рис. 148. Золотаревское городище (по Г.Н. Белорыбкину)

Рис. 149. Золотаревское городище. Профиль вала (по Г.Н. Белорыбкину)

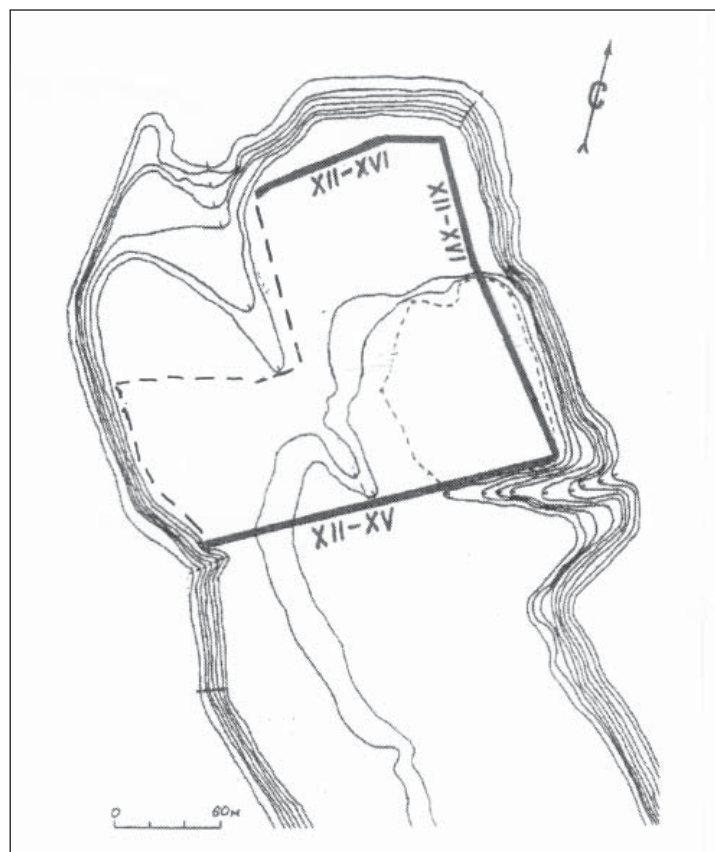

Рис. 150. Городище «Казанский кремль». План каменных стен Казани XII в. (по А.Г. Ситдикову)

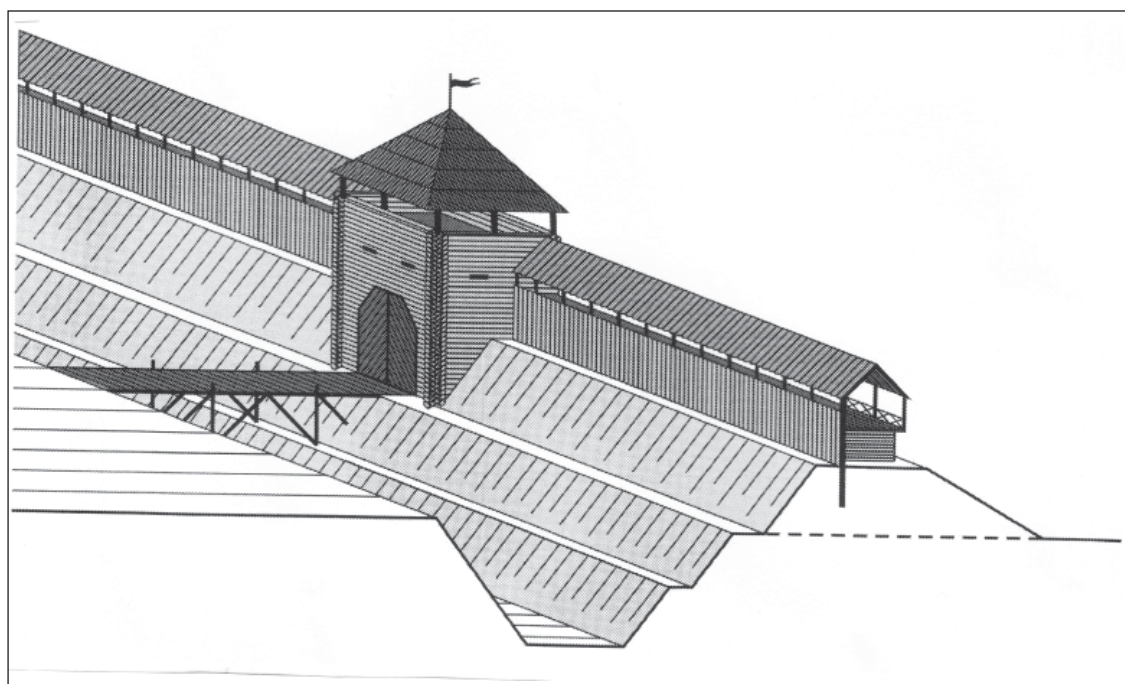

Рис. 151. Реконструкция оборонительных сооружений Казани XI в.

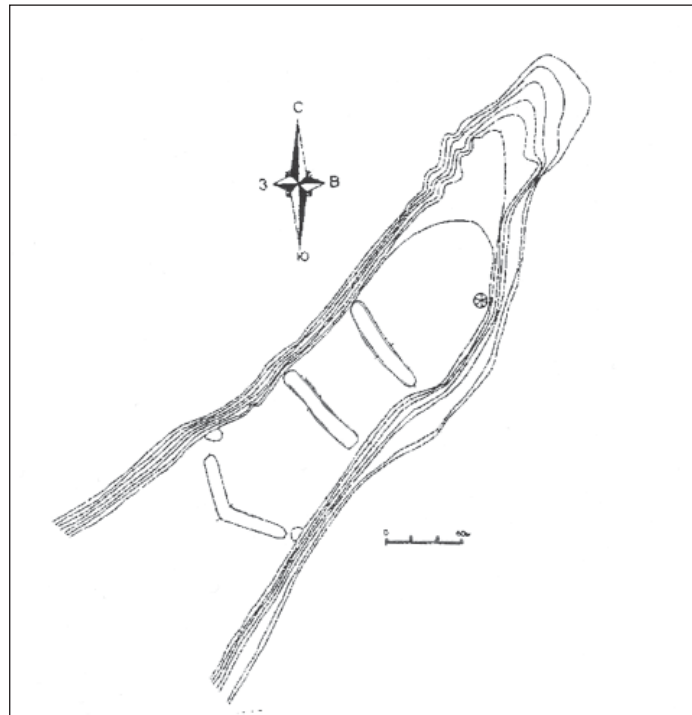

Рис. 152. Елабужское «Чертово» городище

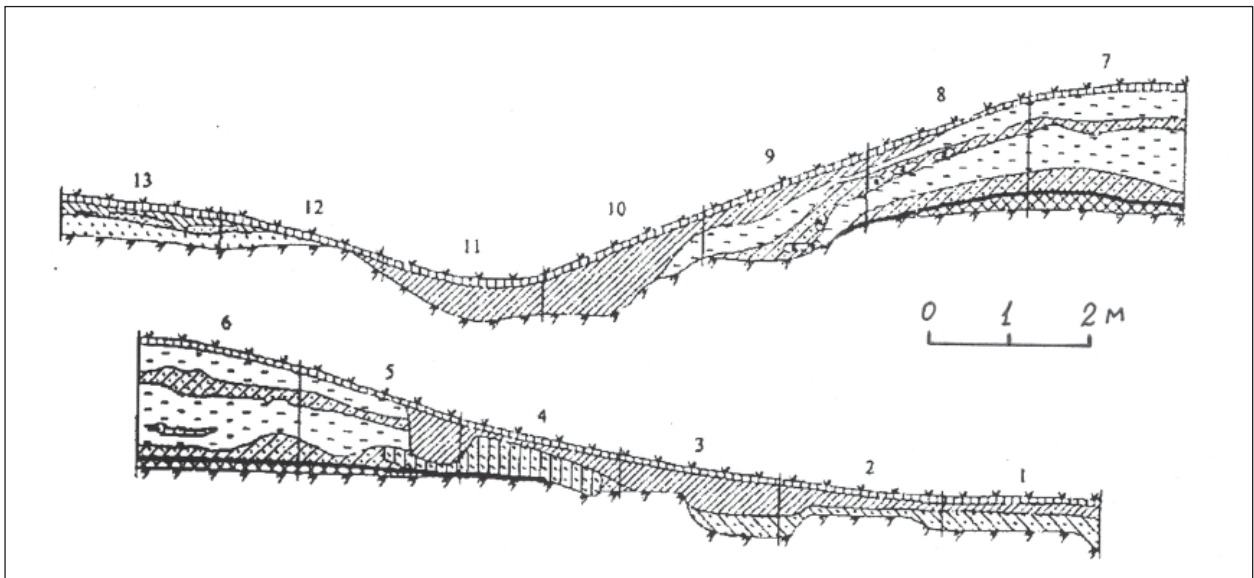

Рис. 153. Елабужское «Чертово» городище. Профиль линии укреплений (по М.М. Кавееву)

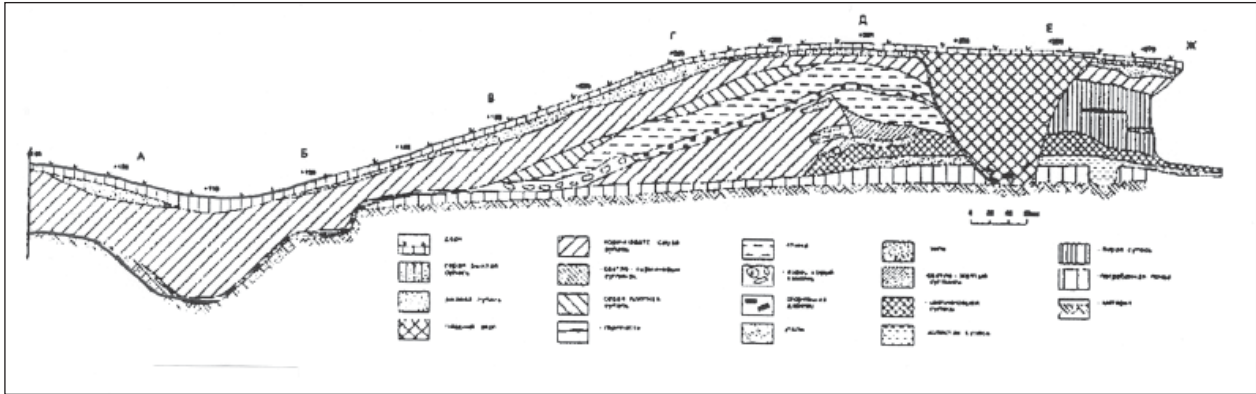

Рис. 154. Елабужское «Чертово» городище. Профиль среднего вала

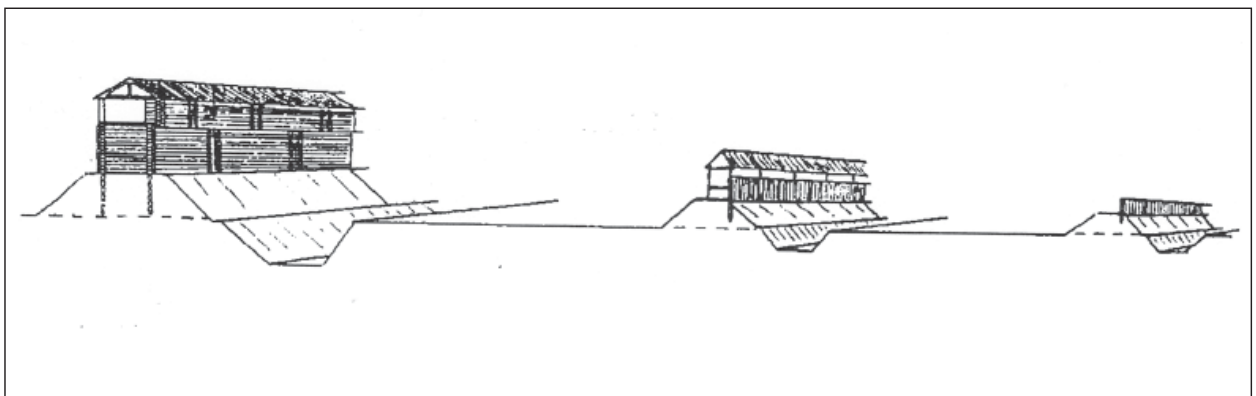

Рис. 155. Реконструкция оборонительных сооружений Елабужского «Чертова» городища

Рис. 156. Елабужское «Чертово» городище. Вид с юго-запада

Рис. 157. Елабужское «Чертово» городище. Профиль среднего вала. Вид с востока

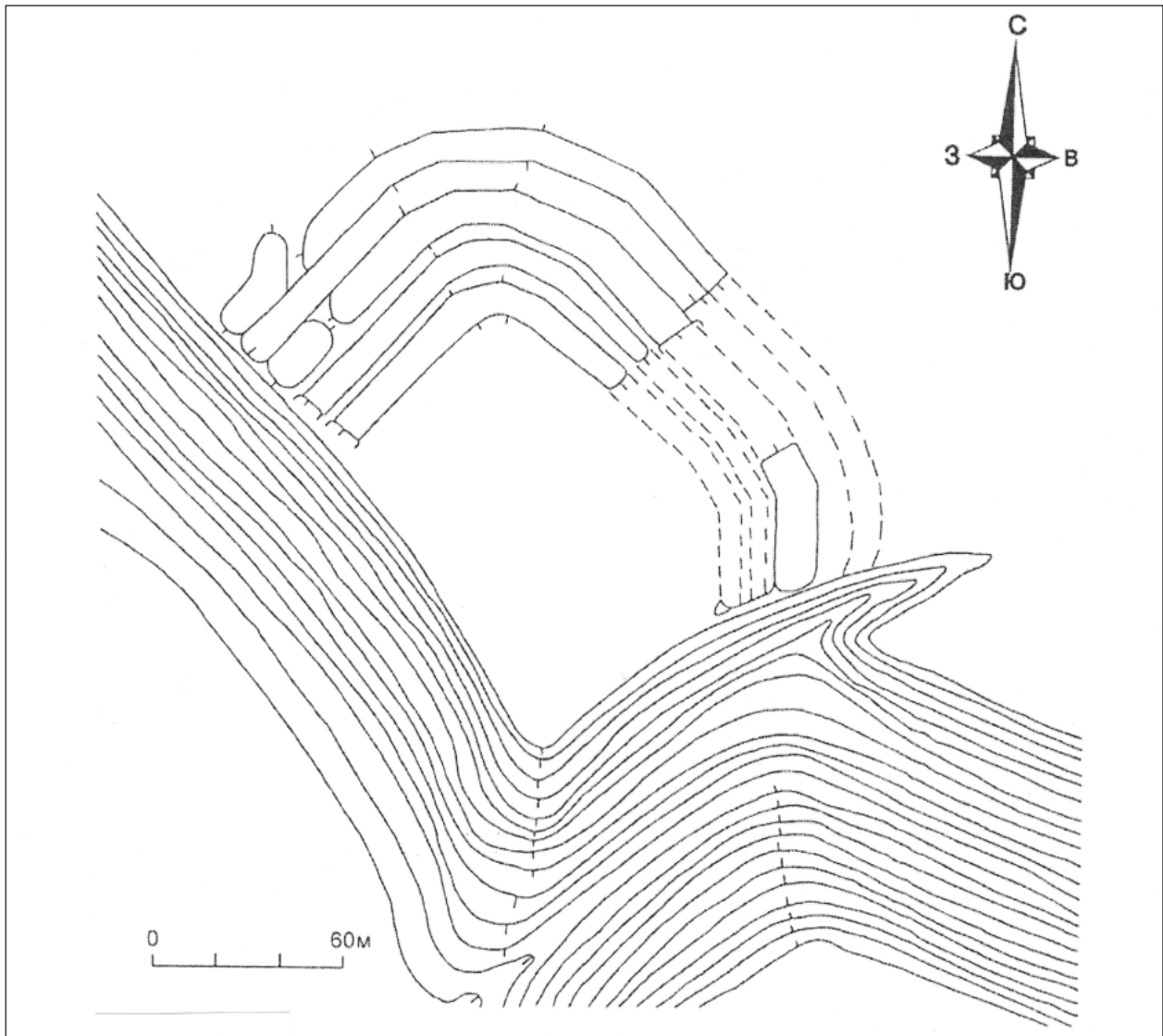

Рис. 158. Чалыньское городище

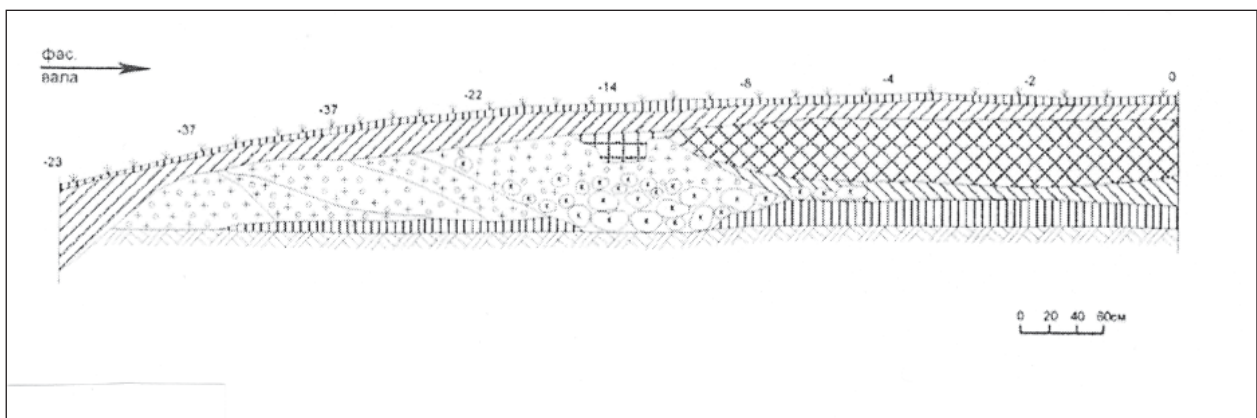

Рис. 159. Чалыньское городище. Профиль первого (внутреннего) вала

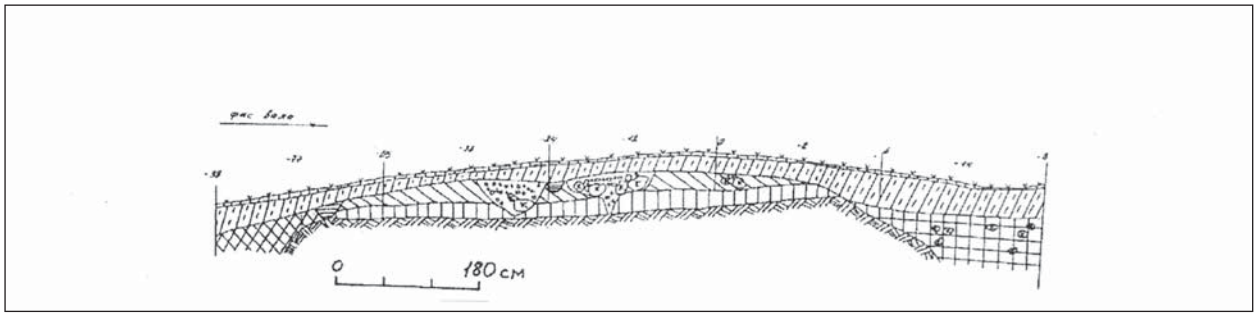

Рис. 160. Чалыньское городище. Профиль второго вала

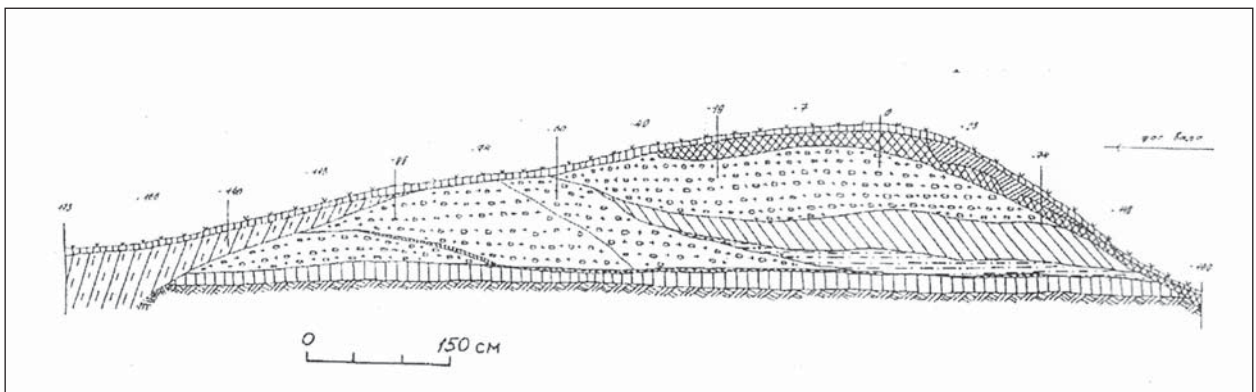

Рис. 161. Чалыньское городище. Профиль третьего вала

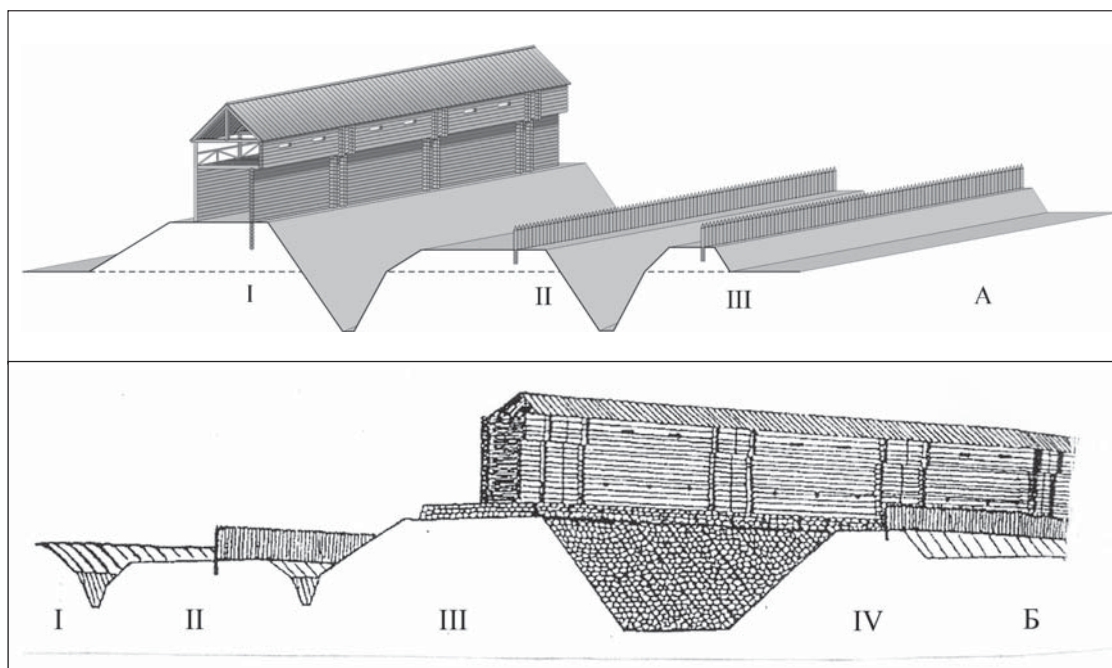

Рис. 162. Реконструкция оборонительных сооружений Чалыньского городища:
А – XII–XIII вв., Б – XV–XVI вв.

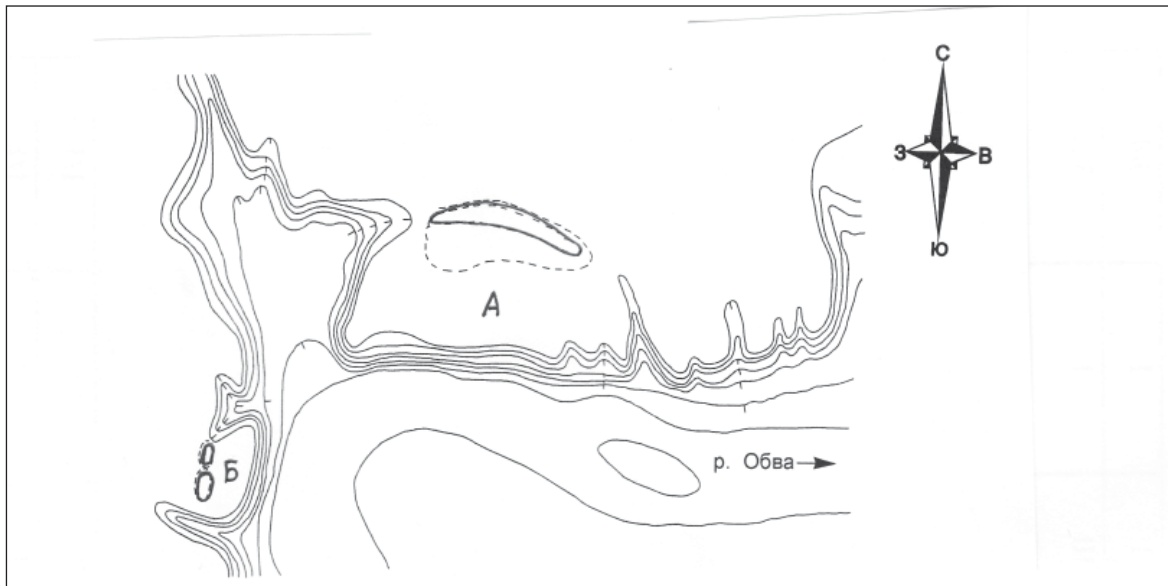

Рис. 163. Рождественский комплекс памятников (по А.М. Белавину, Н.Б. Крыласовой):
А – Рождественское городище, Б – Филипповское городище

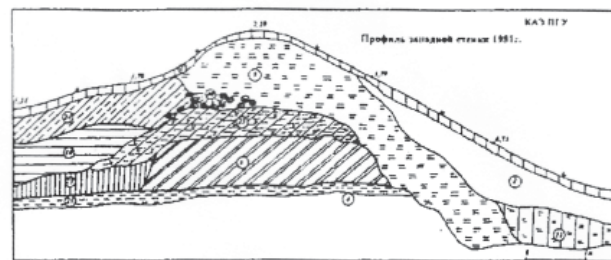

Рис. 164. Рождественское городище. Профиль вала (по Ю.А. Полякову)

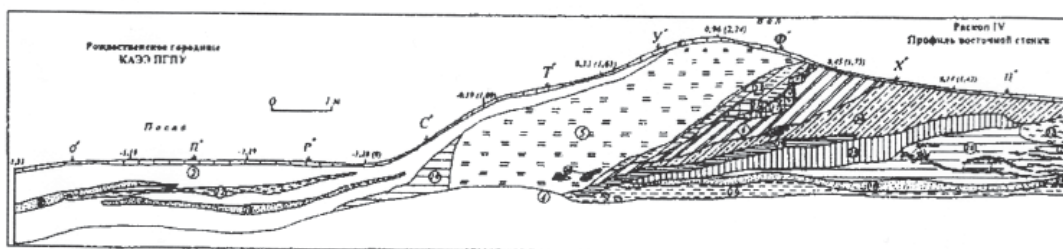

Рис. 165. Рождественское городище. Профиль вала (по А.М. Белавину)

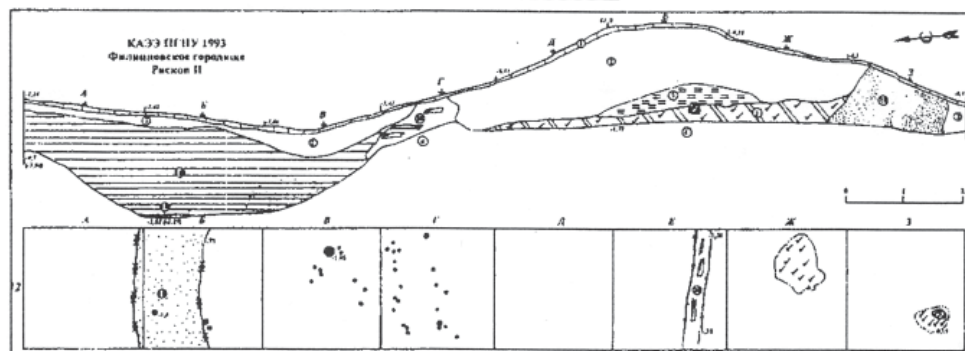

Рис. 166. Филипповское городище. Профиль вала (по Н.Б. Крыласовой)

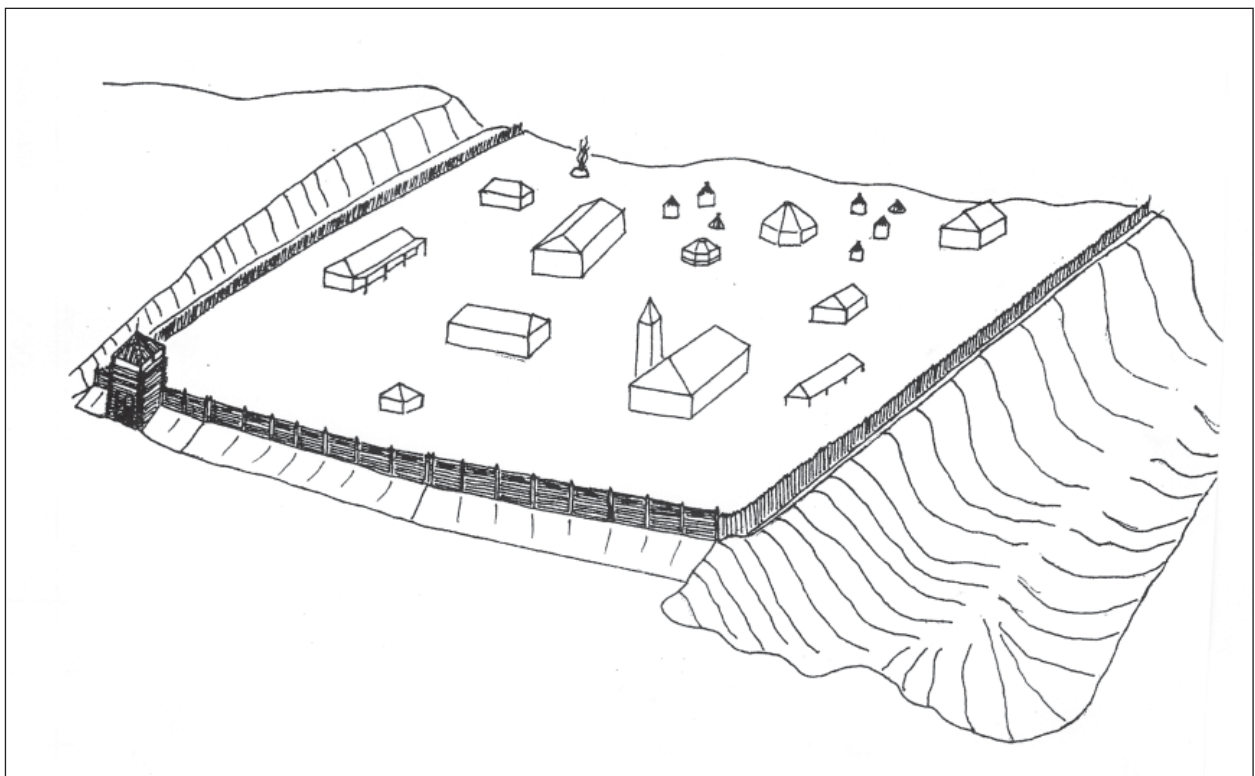

Рис. 167. Реконструкция оборонительных сооружений Рождественского городища

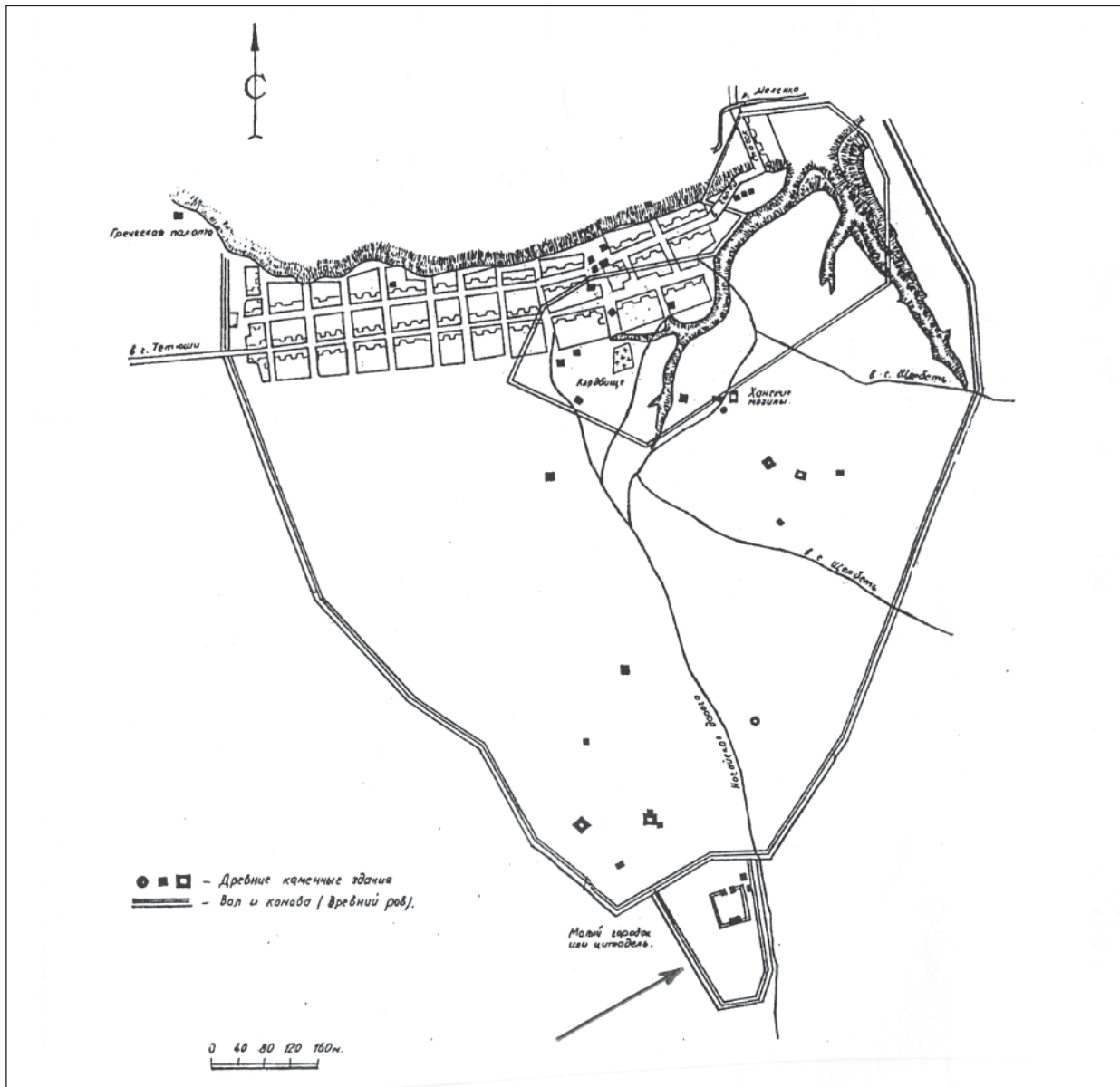

Рис. 168. План Болгарского городища 1869 г.

"План развалин и укреплений бывшей столицы Волжской Болгарии, находящейся при с. Успенское-Болгары" по планам Шмита, Штрауса, Савенкова, Ф.Сурина и исследован. по 1892 г.
(библ. им.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. 18.177.1.160)

Казань, 5 ноября 1892 г.
Приложение к книге "По замечательным местам Поволжья. Поездки по Казанской губернии и к болгарским развалинам".
Изд. Ф.Сурина. К., 1896 г.

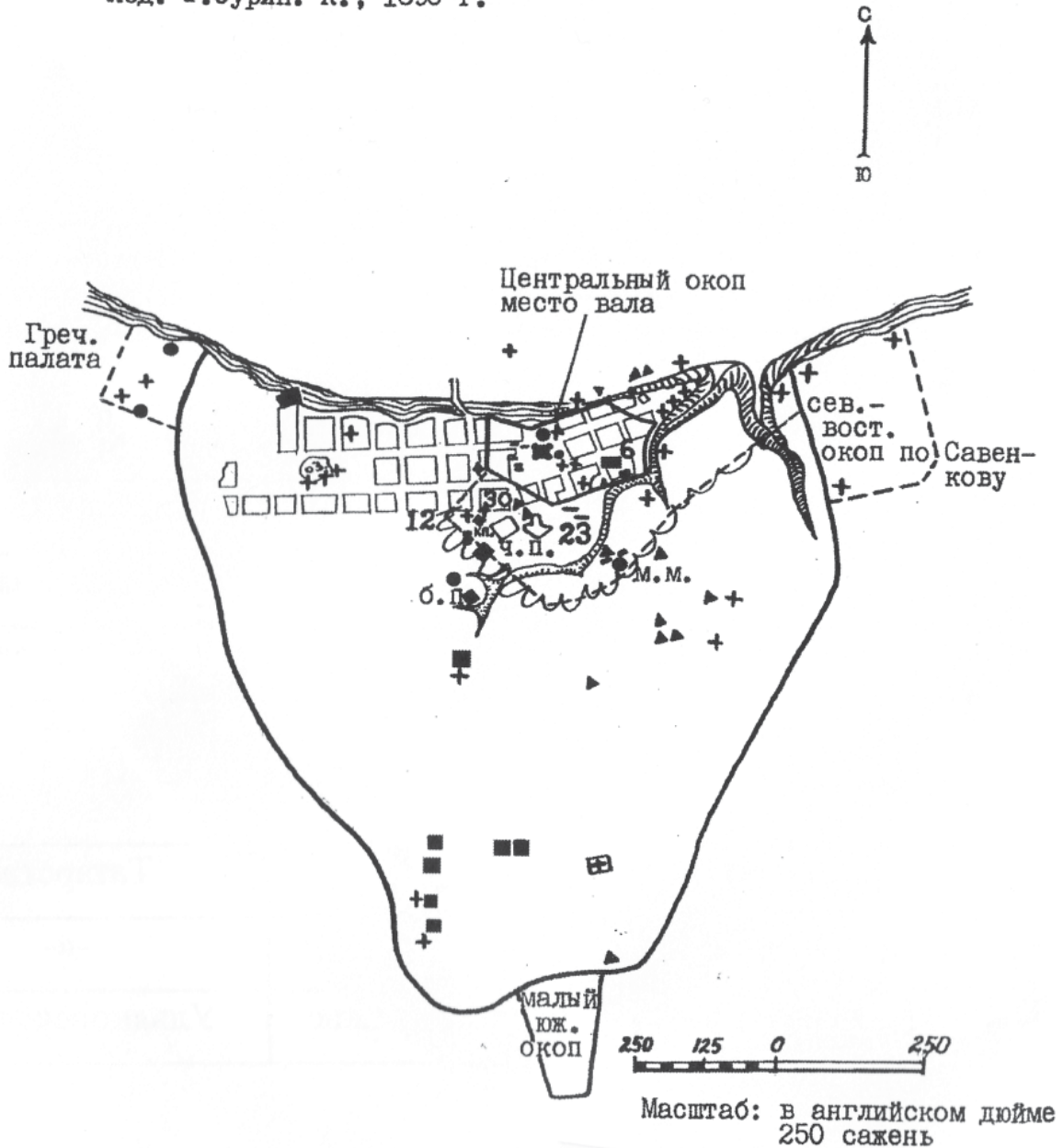

Рис. 169. План Болгарского городища (по Т.А. Хлебниковой)

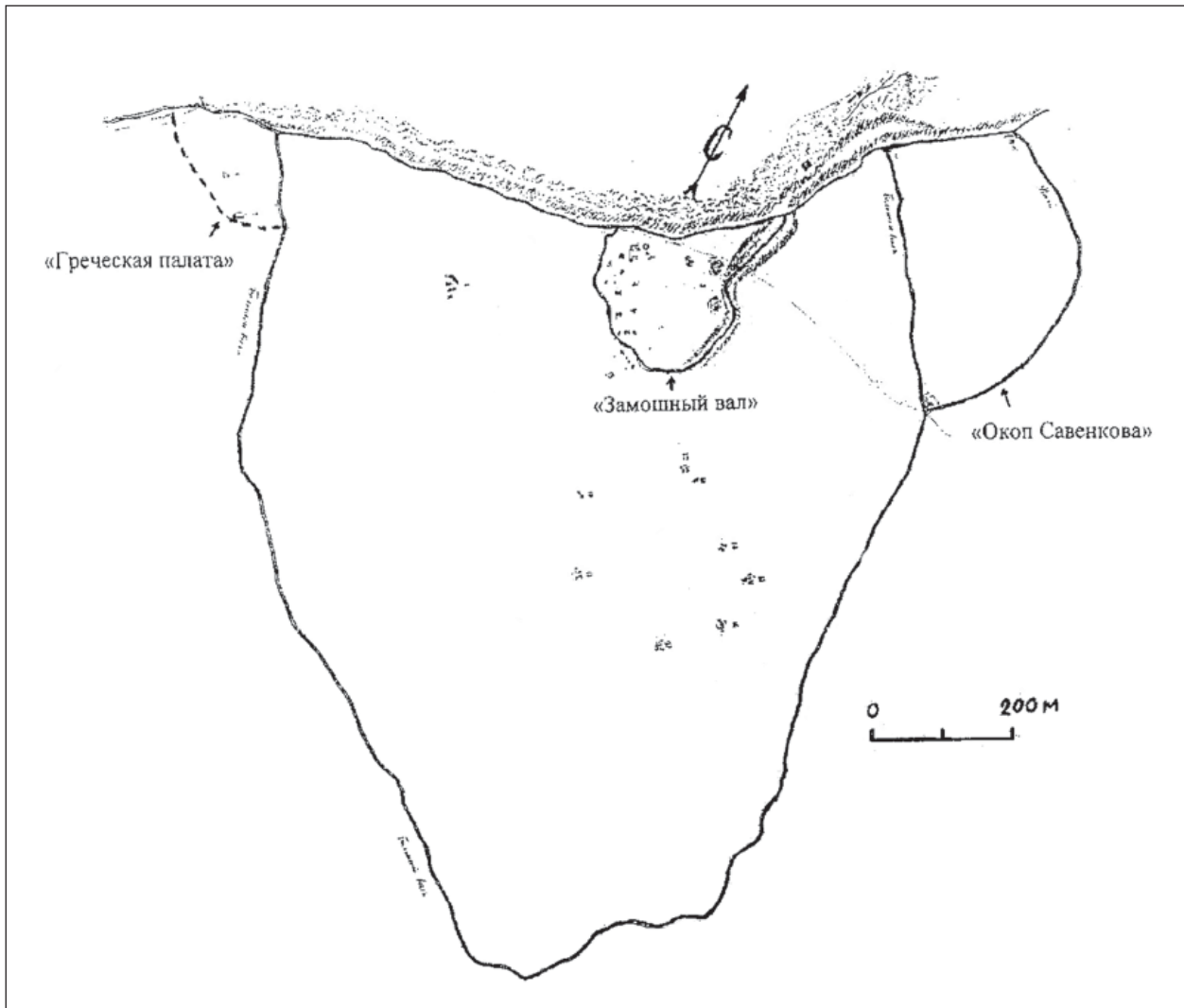

Рис. 170. План Болгарского городища 1732 г. (по Н. Савенкову, И. Крапивину)

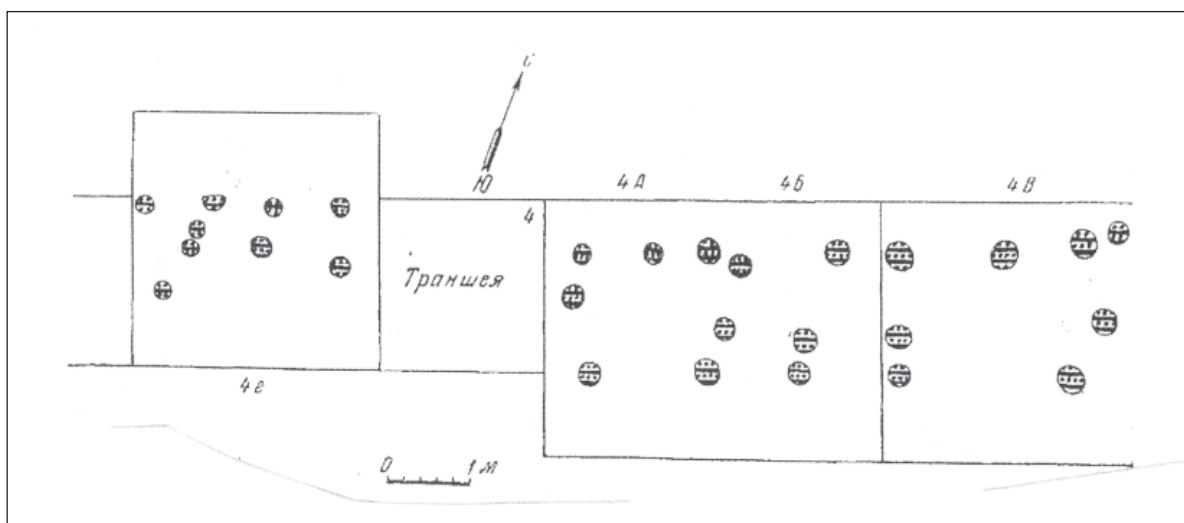

Рис. 171. Болгарское городище. Остатки столбов от крепостной стены (по О.С. Хованской)

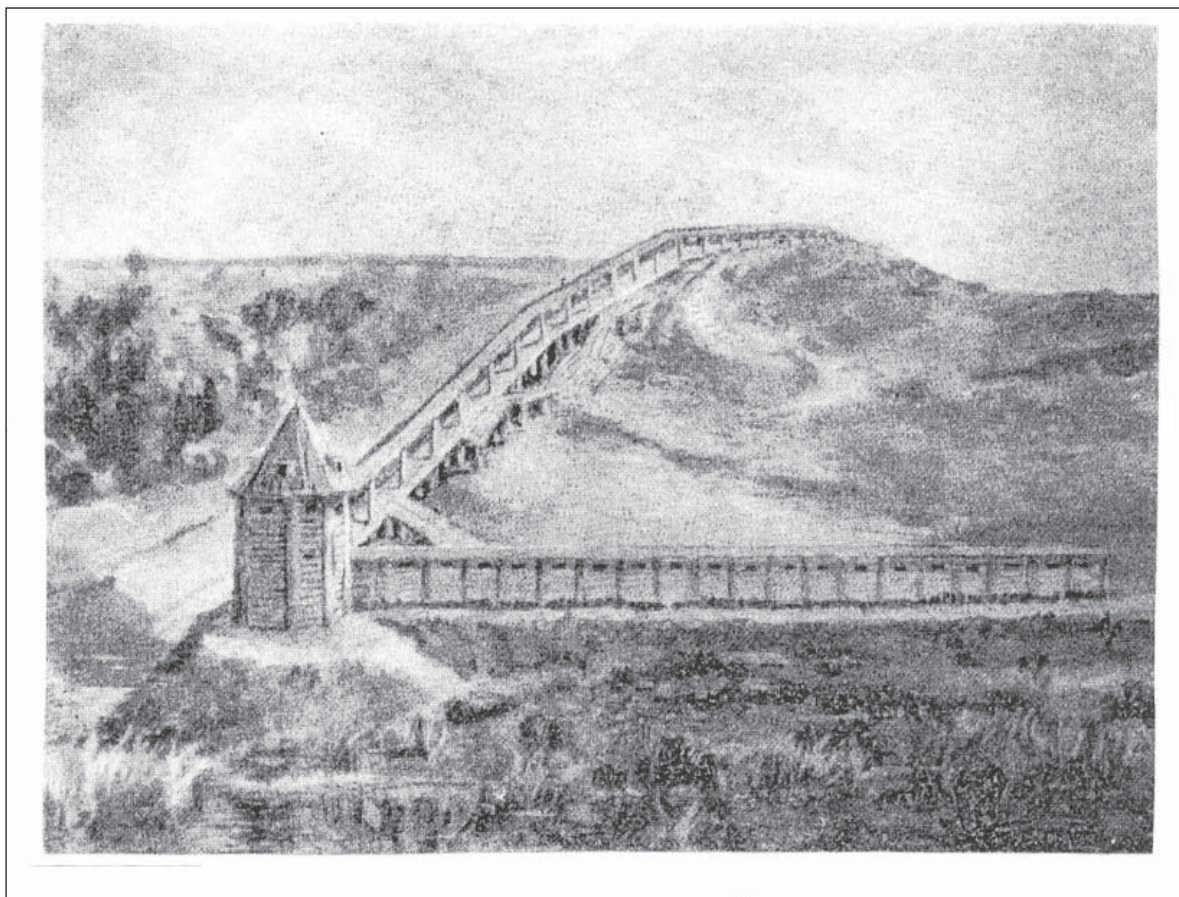

Рис. 172. Крепостные сооружения восточной части Болгара.
Реконструкция Д.И. Архангельского (по О.С. Хованской)

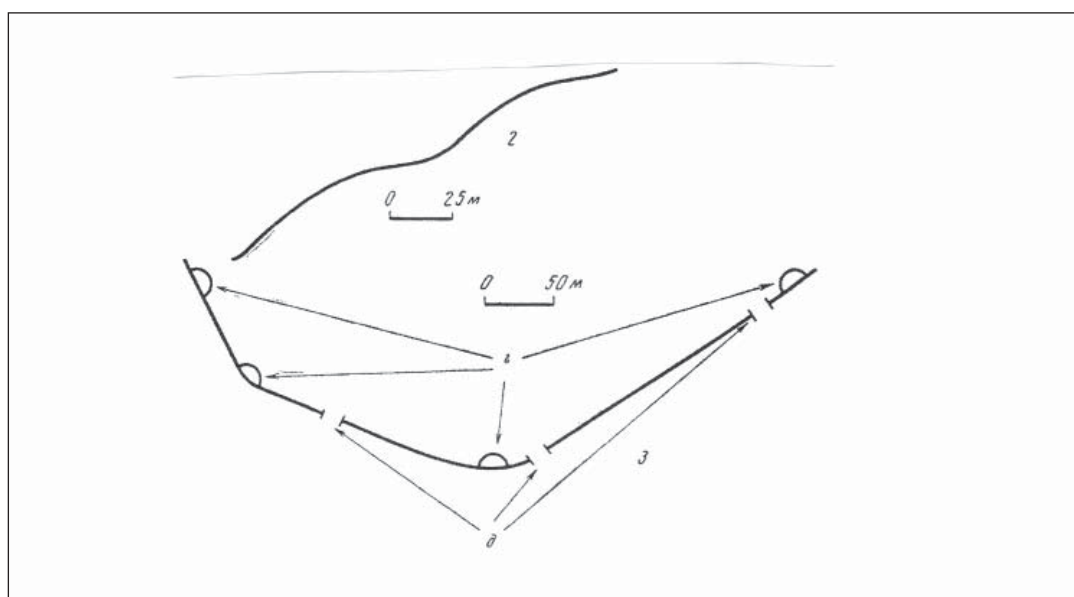

Рис. 173. Расположение крепостных башен Болгара (по Ю.А. Краснову)

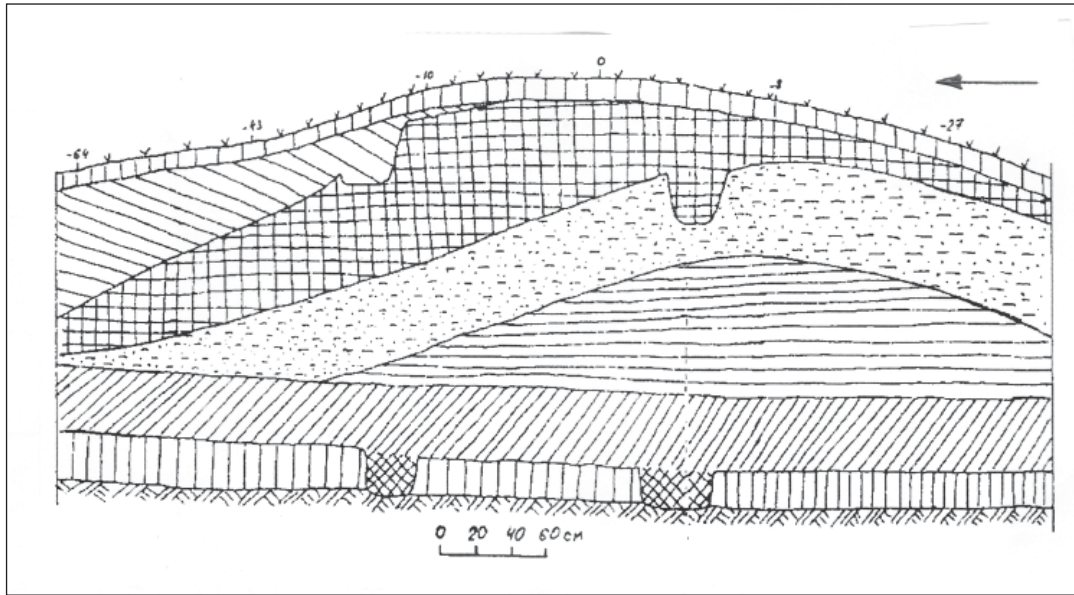

Рис. 174. Болгарское городище. Профиль вала на месте «Восточного проезда»

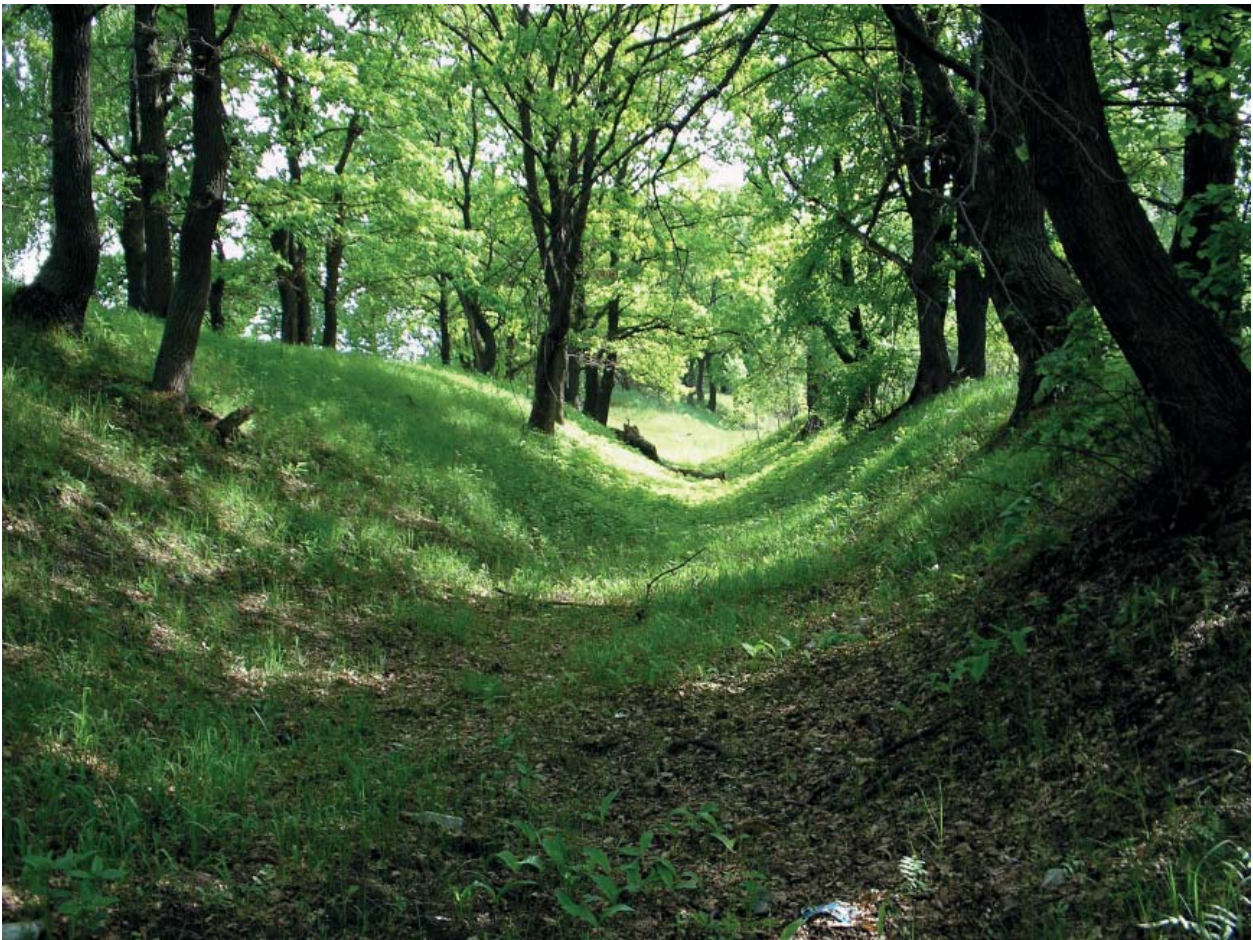

Рис. 175. Болгарское городище. Линия обороны в южной части памятника. Вид с запада

Рис. 176. Болгарское городище. Профиль рва XIV в. в юго-западной части памятника. Вид с запада

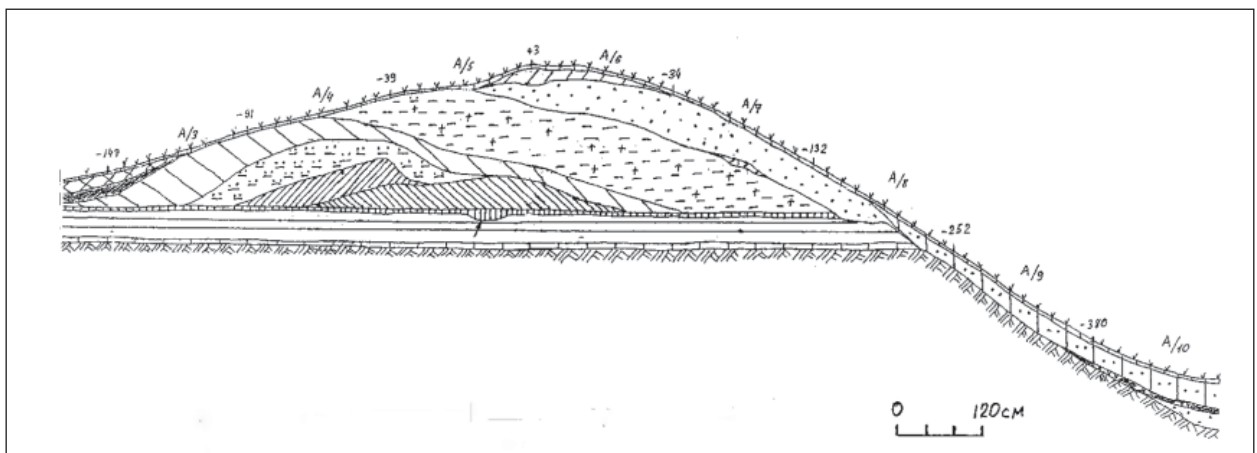

Рис. 177. Болгарское городище. Профиль вала. Раскоп ССVII

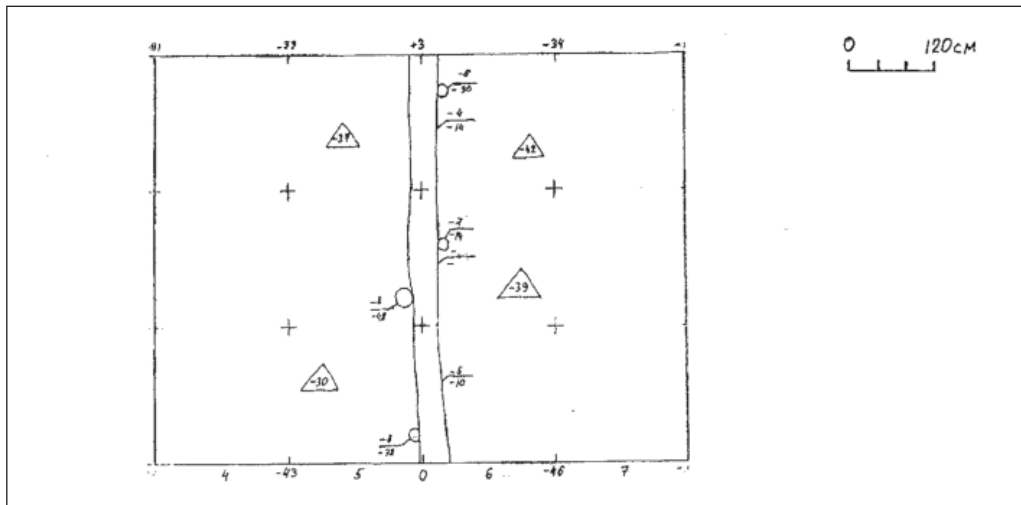

Рис. 178. Болгарское городище. Следы от надвальных конструкций. Раскоп ССVII

Рис. 179. Болгарское городище. Раскоп ССVII. Северо-западная стенка

Рис. 180. Болгарское городище. Раскоп ССVII. Юго-восточная стенка

Рис. 181. Болгарское городище. Раскоп ССVII.
Следы от 1 и 2 рядов надолбов с напольной стороны. Вид с северо-запада

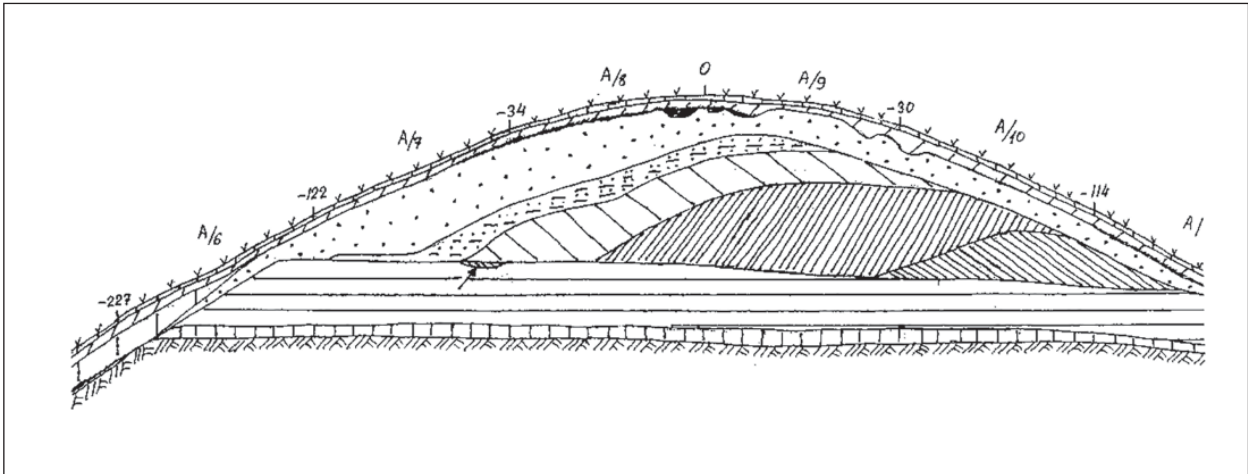

Рис. 182. Болгарское городище. Профиль вала. Раскоп ССХV

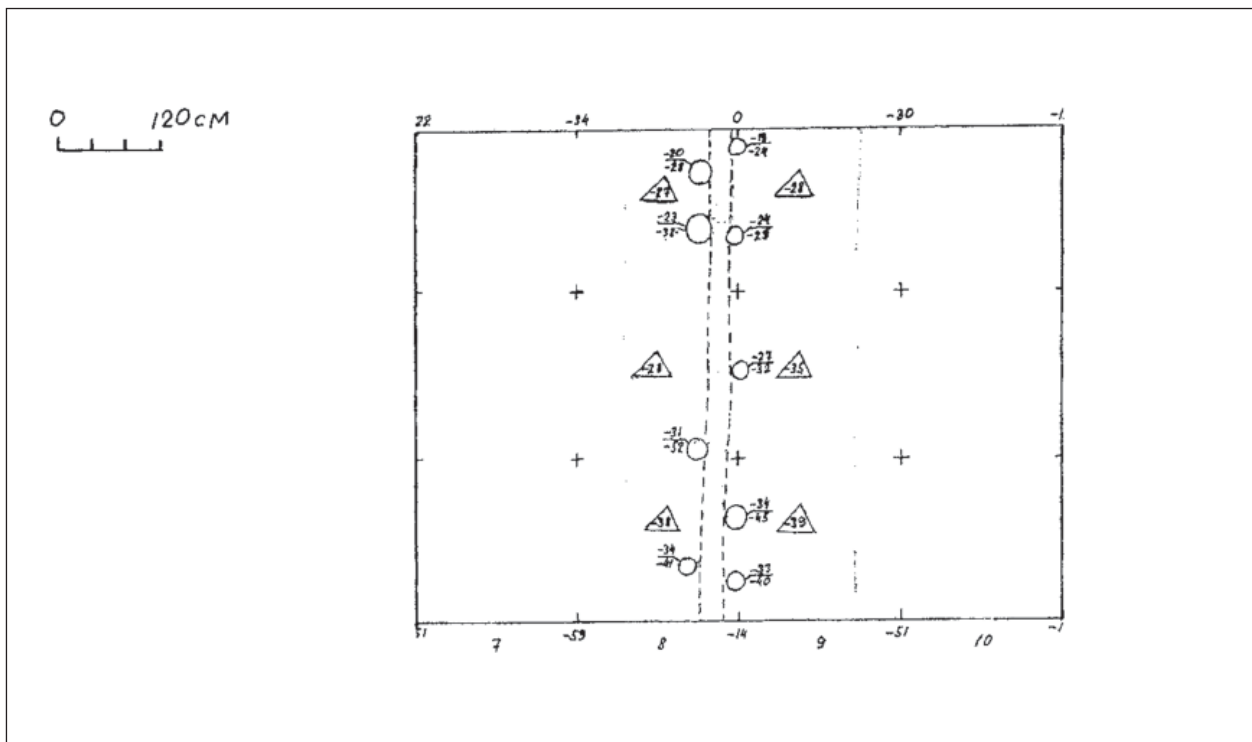

Рис. 183. Болгарское городище. Следы от надвальных конструкций. Раскоп ССХV

Рис. 184. Болгарское городище. Раскоп ССХV. Северная стенка

Рис. 185. Болгарское городище. Раскоп ССХV. Южная стенка

Рис. 186. Болгарское городище. Раскоп ССVII. Анонимная медная монета, чекан Болгара (а)

Рис. 187. Болгарское городище. Раскоп ССVII. Анонимная медная монета, чекан Болгара (б)

Рис. 188. Болгарское городище. Раскоп ССVII. Медная монета Джанибек хана (а)

Рис. 189. Болгарское городище. Раскоп ССVII. Медная монета Джанибек хана (б)

Рис. 190. Болгарское городище. Раскоп ССХV. Медная монета Джанибек хана (а)

Рис. 191. Болгарское городище. Раскоп ССХV. Медная монета Джанибек хана (б)

Рис. 192. Болгарское городище. Раскоп ССХV (сооружение). Медная монета Узбек хана (а)

Рис. 193. Болгарское городище. Раскоп ССХV (сооружение). Медная монета Узбек хана (б)

Рис. 194. Болгарское городище. Раскоп ССХV (сооружение). Медная монета Узбек хана (а)

Рис. 195. Болгарское городище. Раскоп ССХV (сооружение). Медная монета Узбек хана (б)

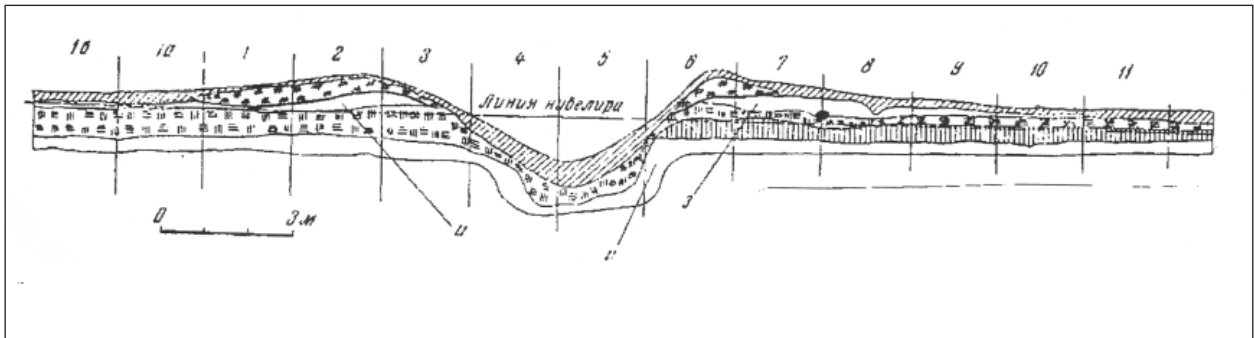

Рис. 196. Болгарское городище. Профиль укреплений в восточной части «Малого городка» (по О.С. Хованской)

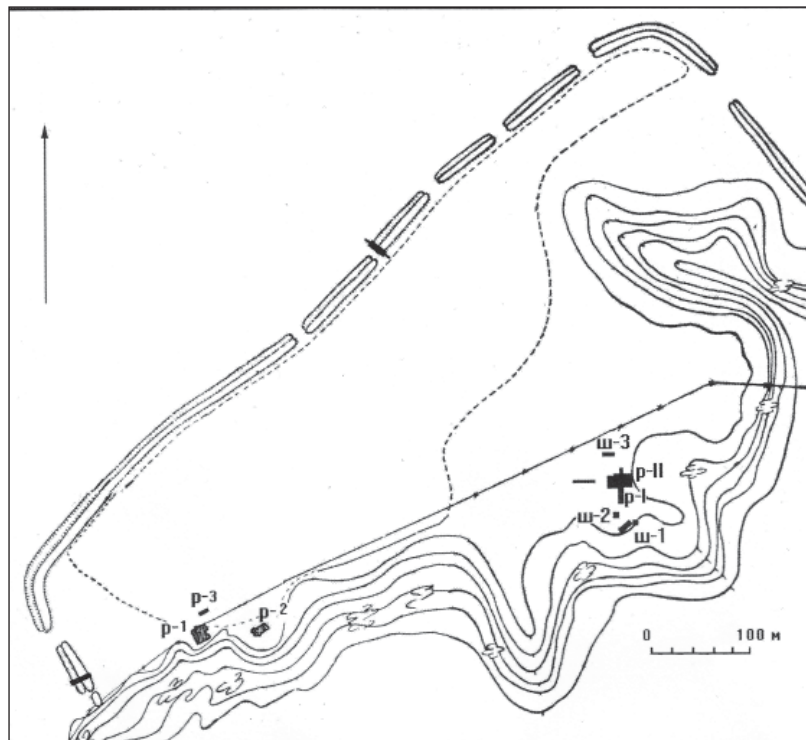

Рис. 197. Охлебининское II городище (по А.Х. Пшеничнюку)

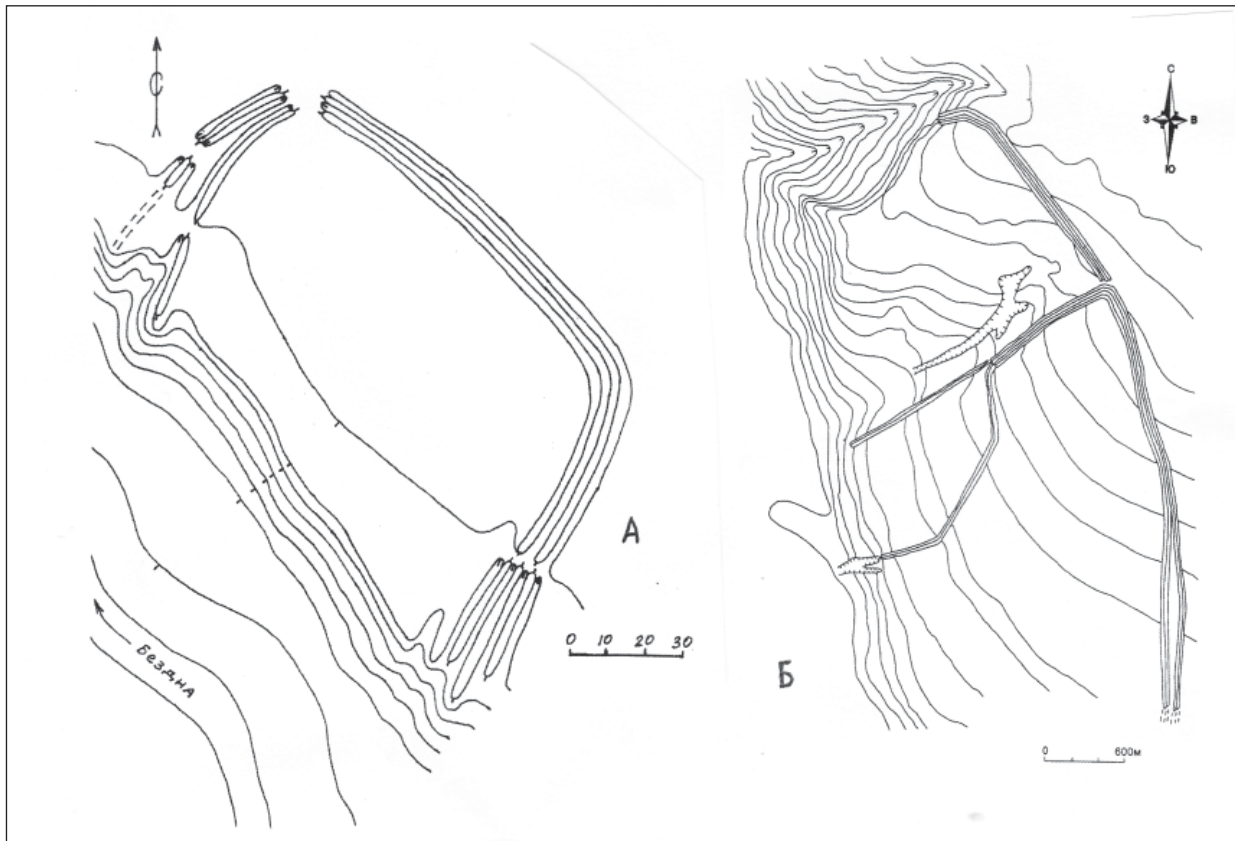

Рис. 198. Гусихинское (А) и Староалейкинское (Б) городища

Рис. 199. Шиповское городище (по В.В. Овсянникову)

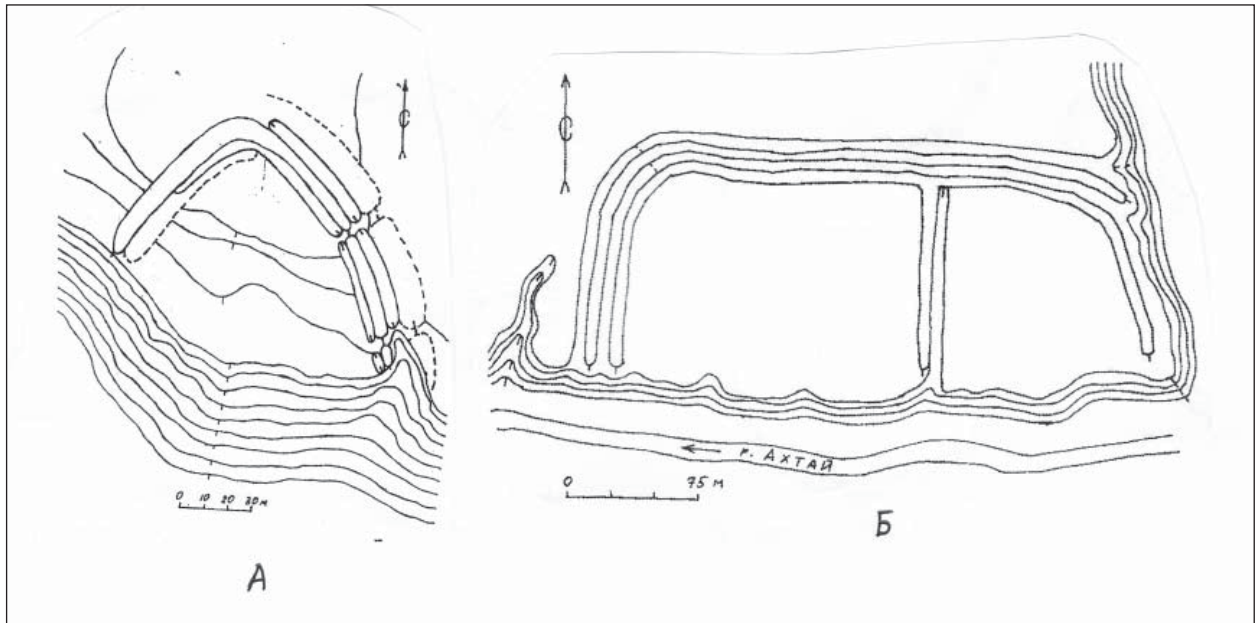

Рис. 200. Омарское (А) и Восточно-Войкинское (Б) городища (по Р.Г. Фахрудинову)

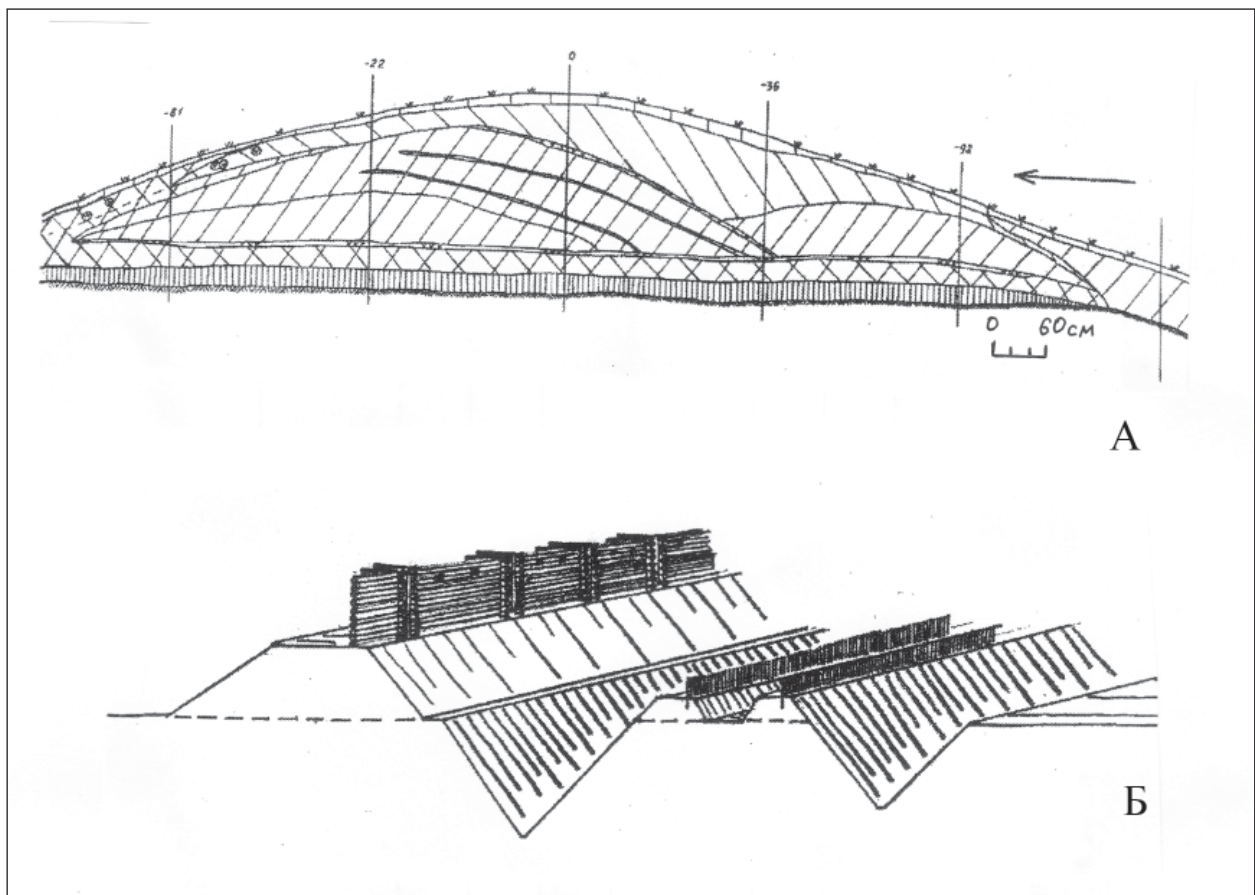

Рис. 201. Луковское (Япанчино) городище. А – Профиль вала, Б – реконструкция оборонительных сооружений 2-ой пол. XIII в.

Рис. 202. Большетоябинское городище (по Г.А. Федорову-Давыдову)

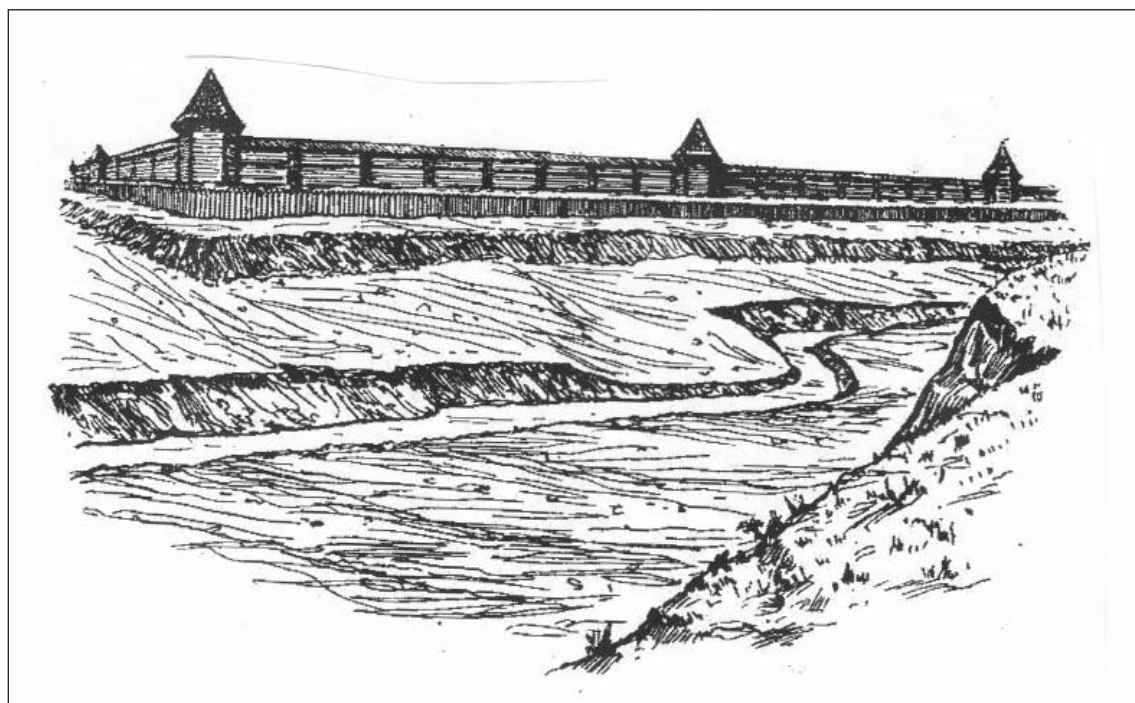

Рис. 203. Реконструкция оборонительных сооружений
Большетоябинского городища (по А.П. Смирнову)

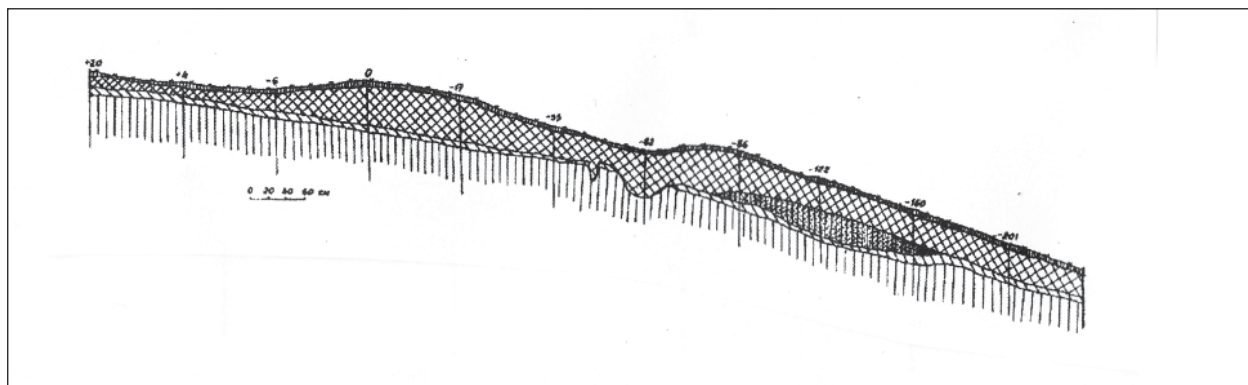

Рис. 204. Сюкеевское городище. Профиль дополнительных укреплений

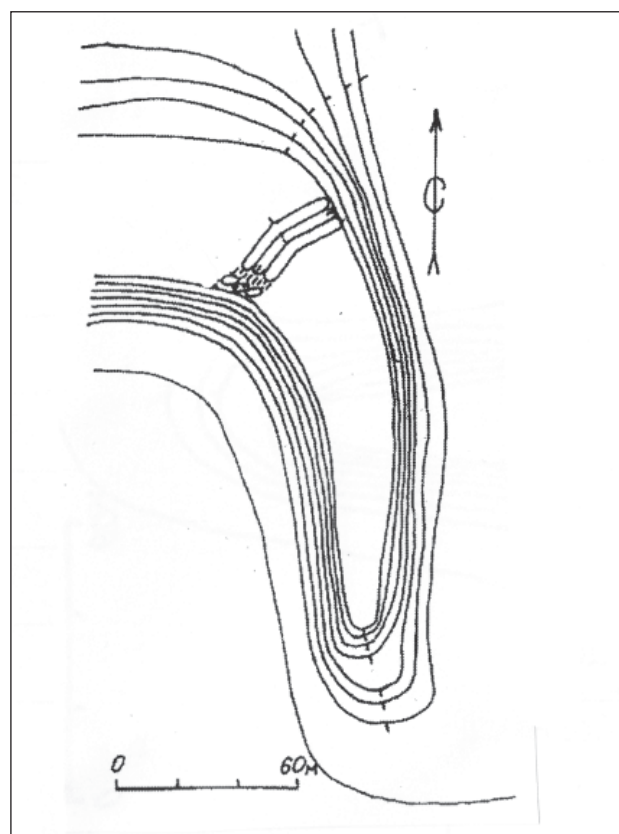

Рис. 205. Исаковское городище

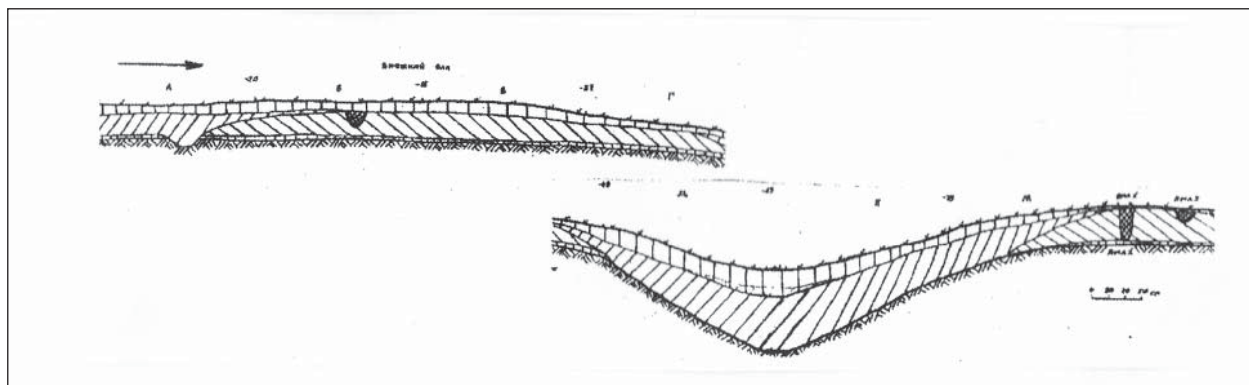

Рис. 206. Исаковское городище. Профиль оборонительных линий

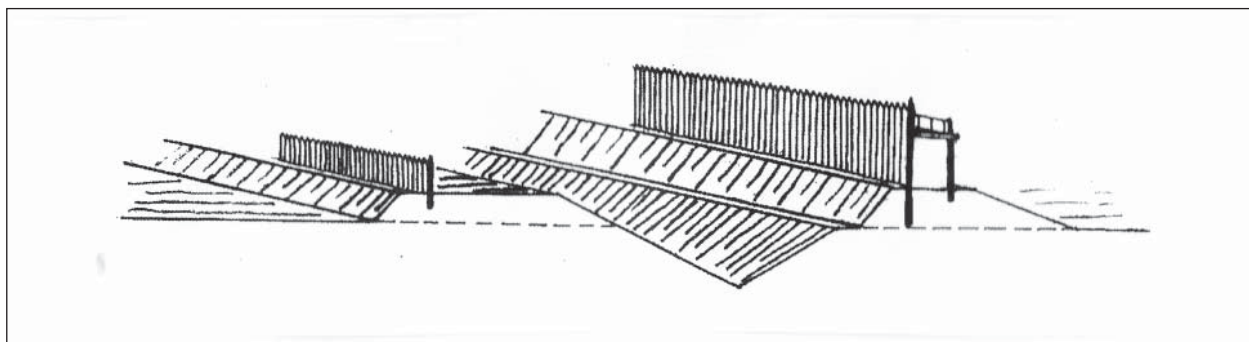

Рис. 207. Реконструкция оборонительных сооружений Исаковского городища

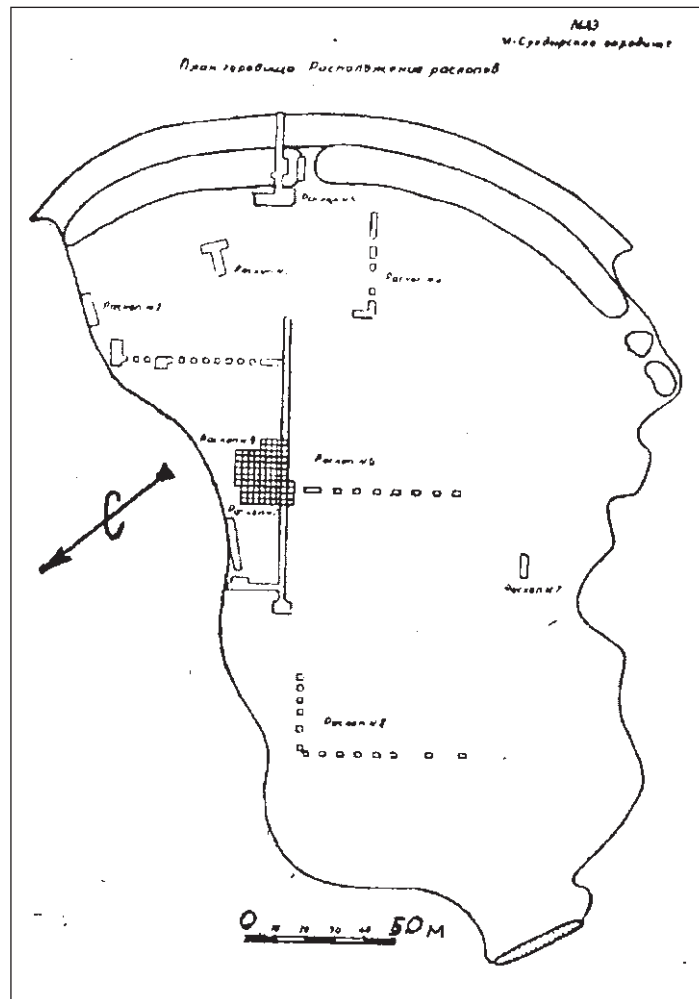

Рис. 208. Мало-Сундырское городище (по Т.А. Хлебниковой)

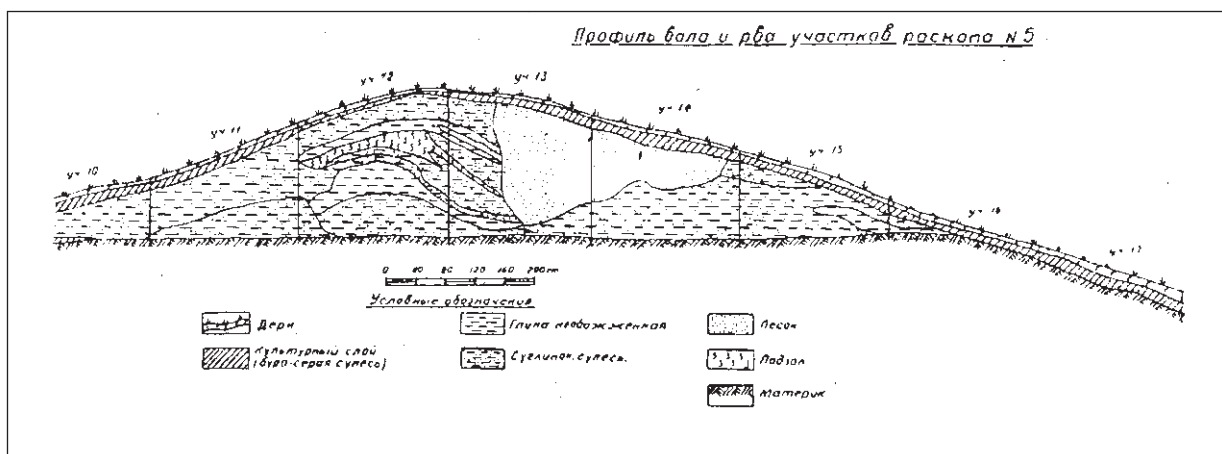

Рис. 209. Мало-Сундырское городище. Профиль вала (по Т.А. Хлебниковой)

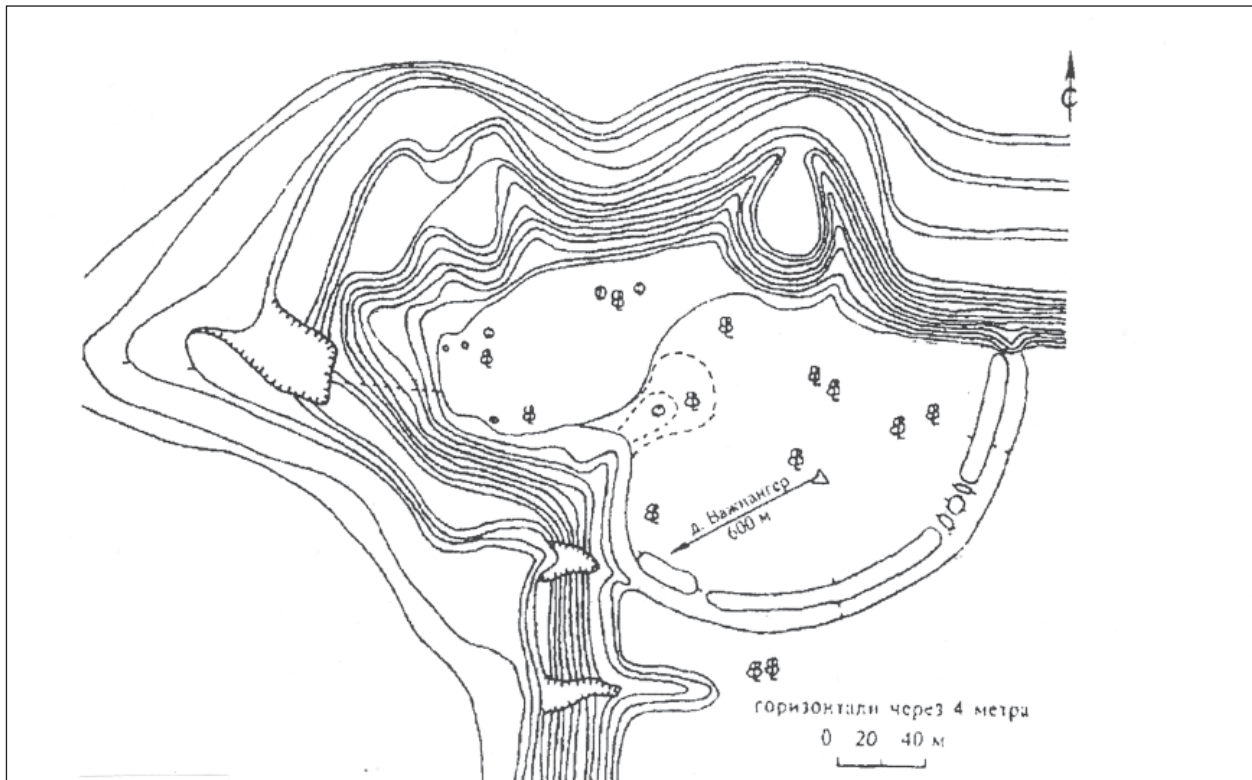

Рис. 210. Мало-Сундырское городище (по Т.Б. Никитиной)

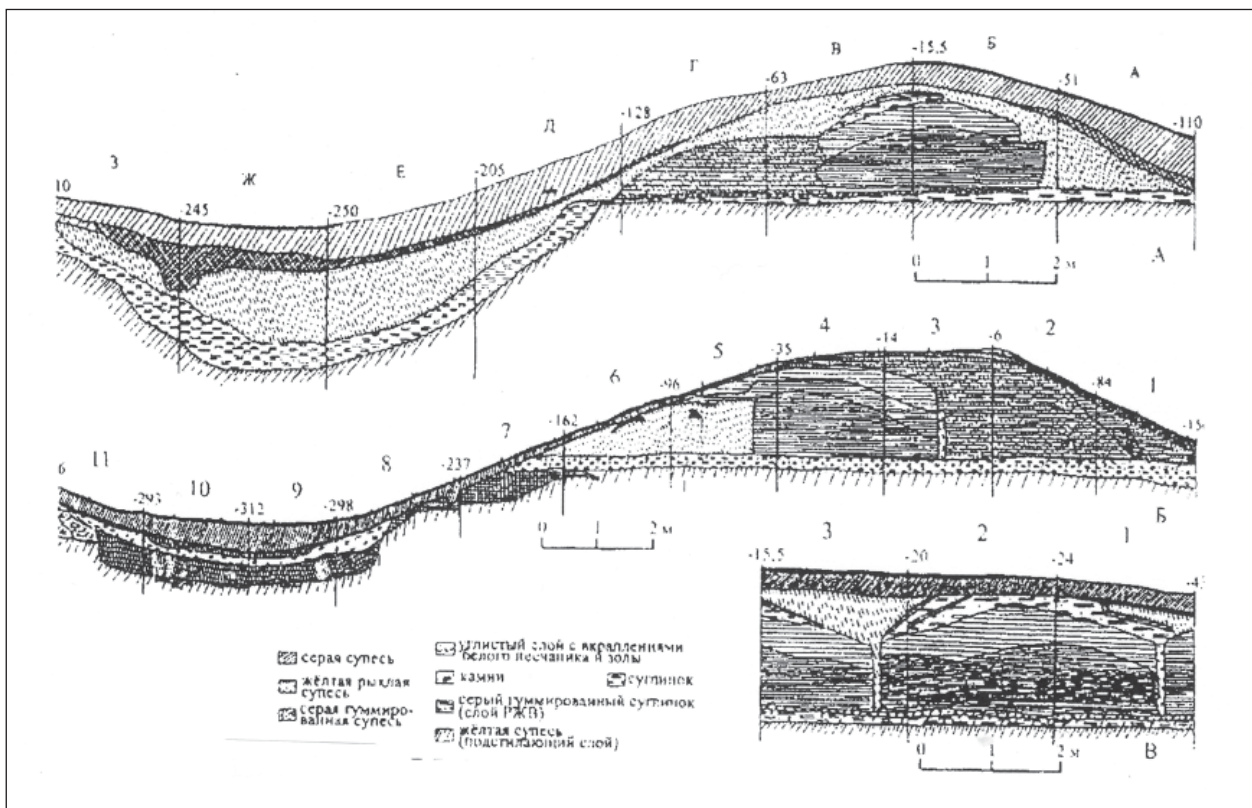

Рис. 211. Мало-Сундырское городище. Профили вала (по Т.Б. Никитиной, А.И. Михеевой)

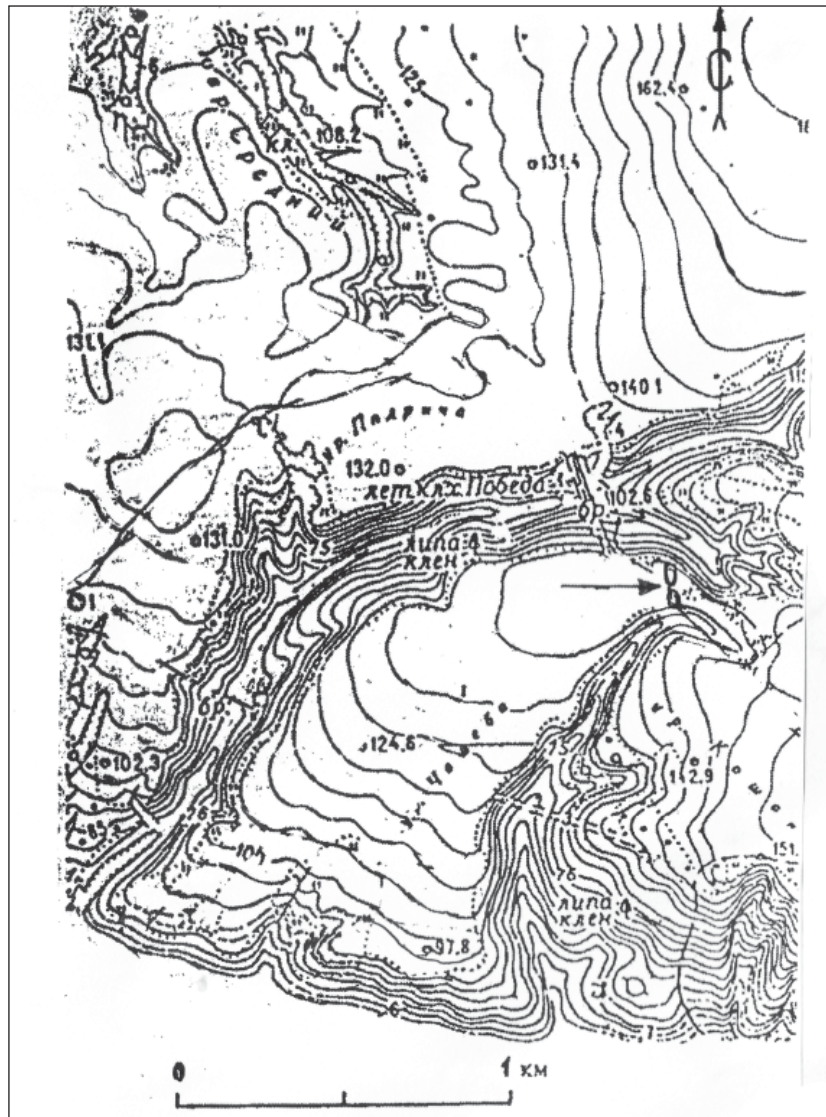

Рис. 212. Городище Кашан I (по К.А. Руденко)

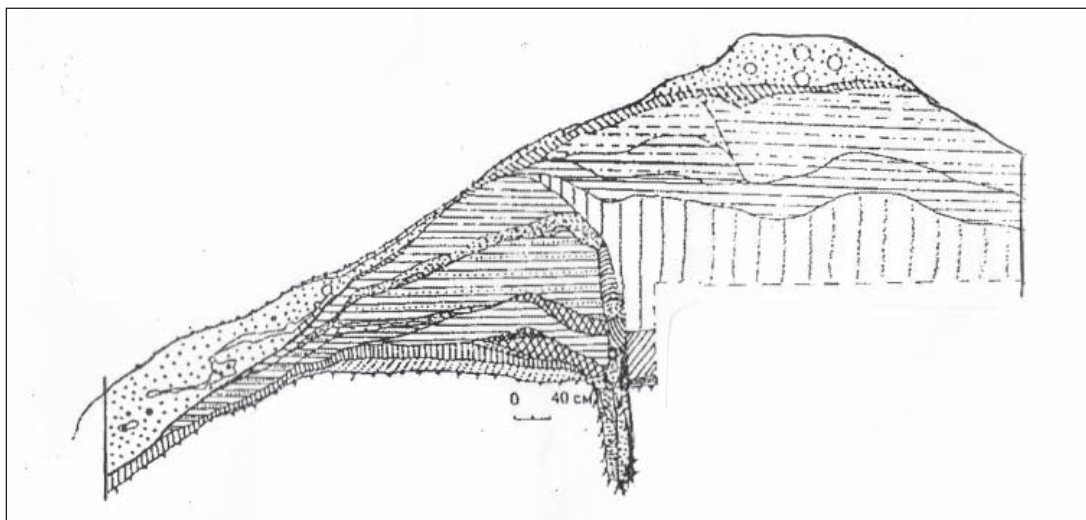

Рис. 213. Городище Кашан I. Профиль вала (по К.А. Руденко)

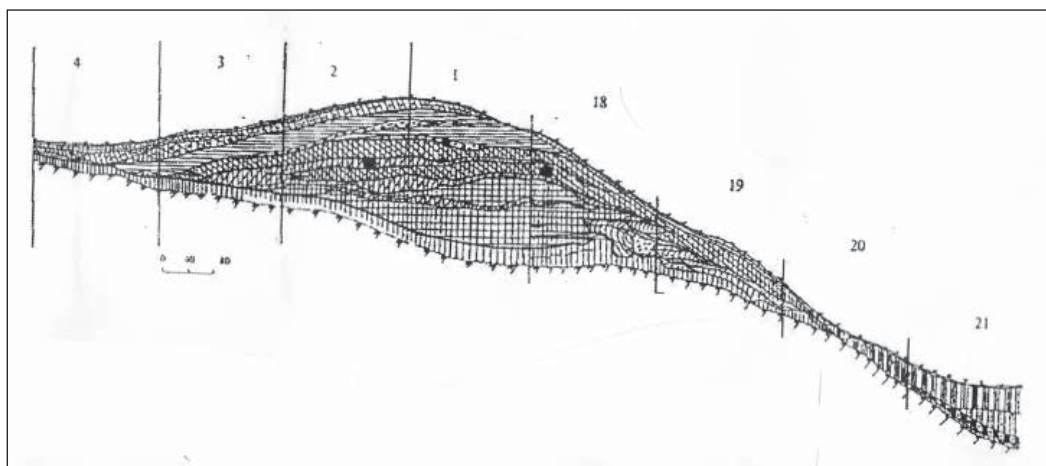

Рис. 214. Городище Кашан I. Профиль дополнительных укреплений (по К.А. Руденко)

Рис. 215. Городище Кашан I. Вид с юго-запада на остатки основного вала

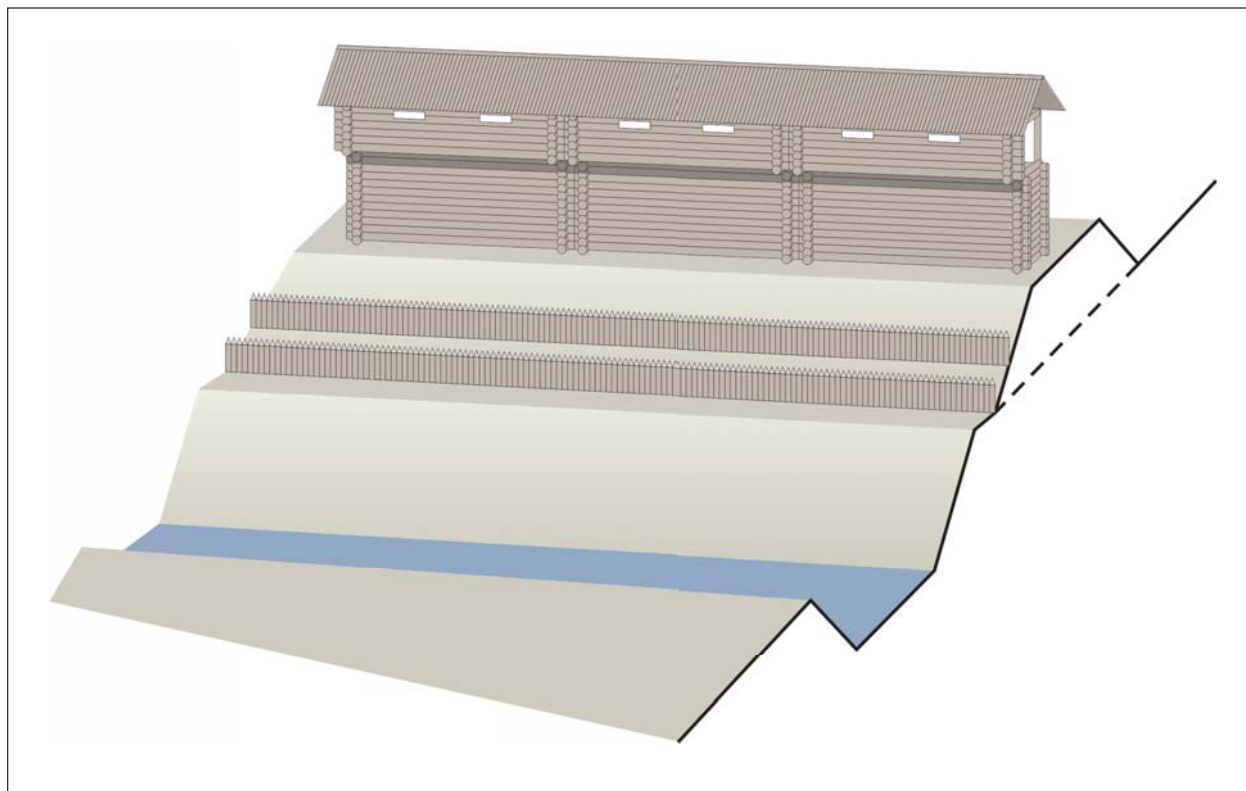

Рис. 216. Реконструкция оборонительных сооружений городища Кашан I

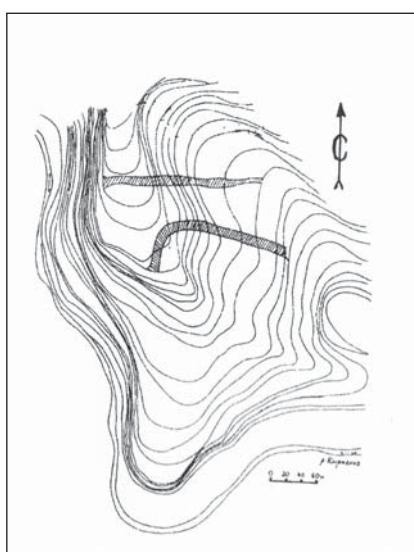

Рис. 217. Кирменское городище
(по Н.Ф. Калинину)

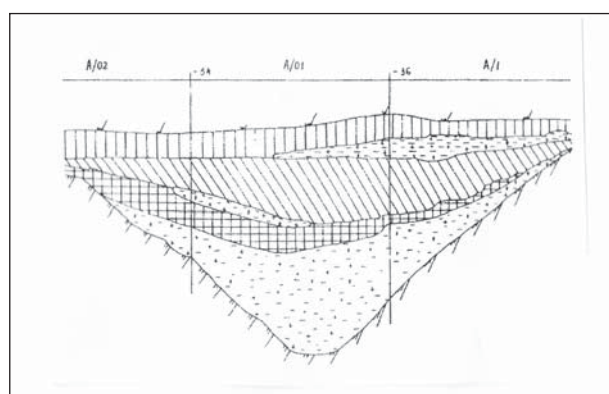

Рис. 218. Кирменское городище.
Профиль рва (по А.З. Нигамеву)

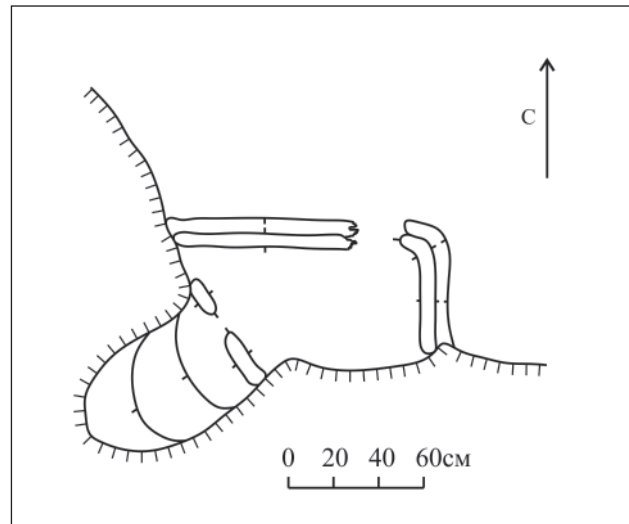

Рис. 219. Ашиязское городище (по Н.Ф. Калинину)

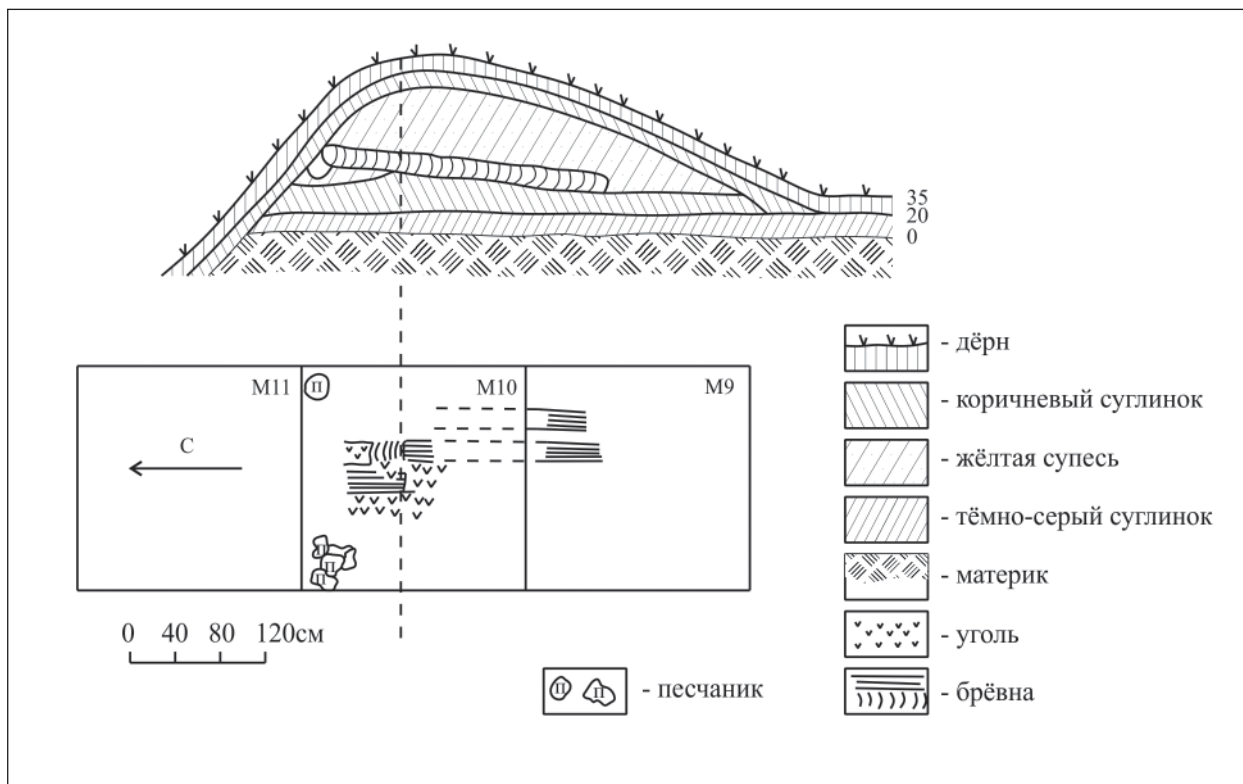

Рис. 220. Ашиязское городище. Профиль вала и фрагмент плана раскопа (по Н.Ф. Калинину)

Рис. 221. Казанский кремль. План Северной башни

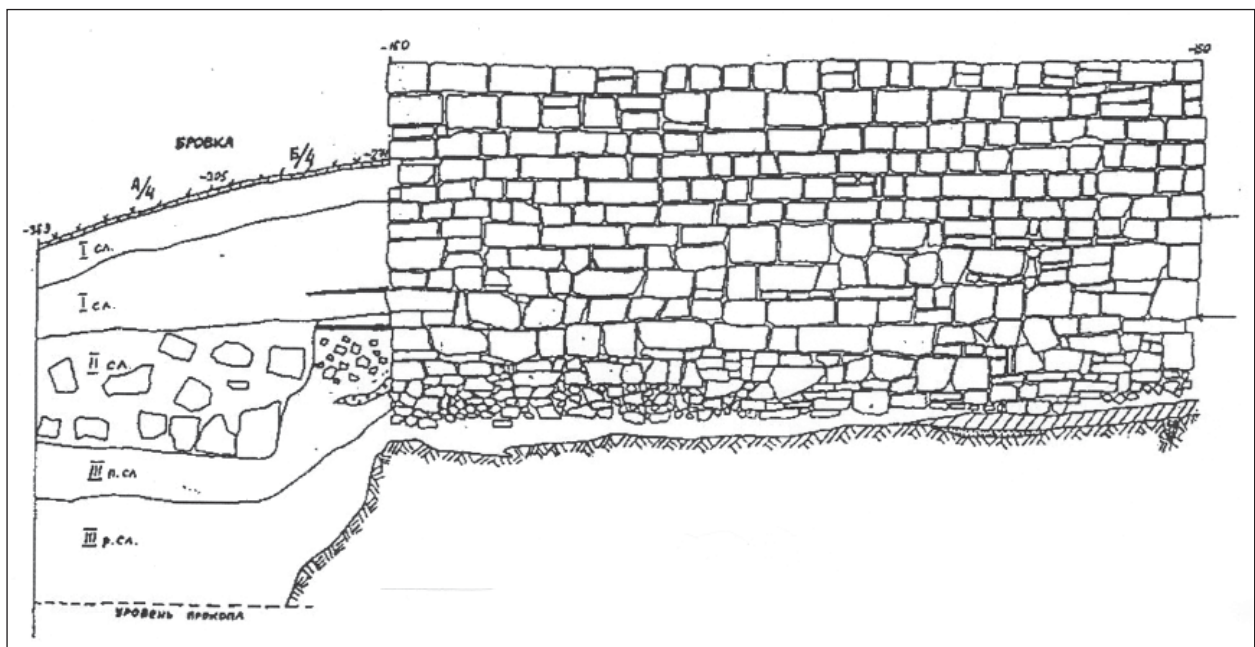

Рис. 222. Казанский кремль. Северный фас остатков Северной башни

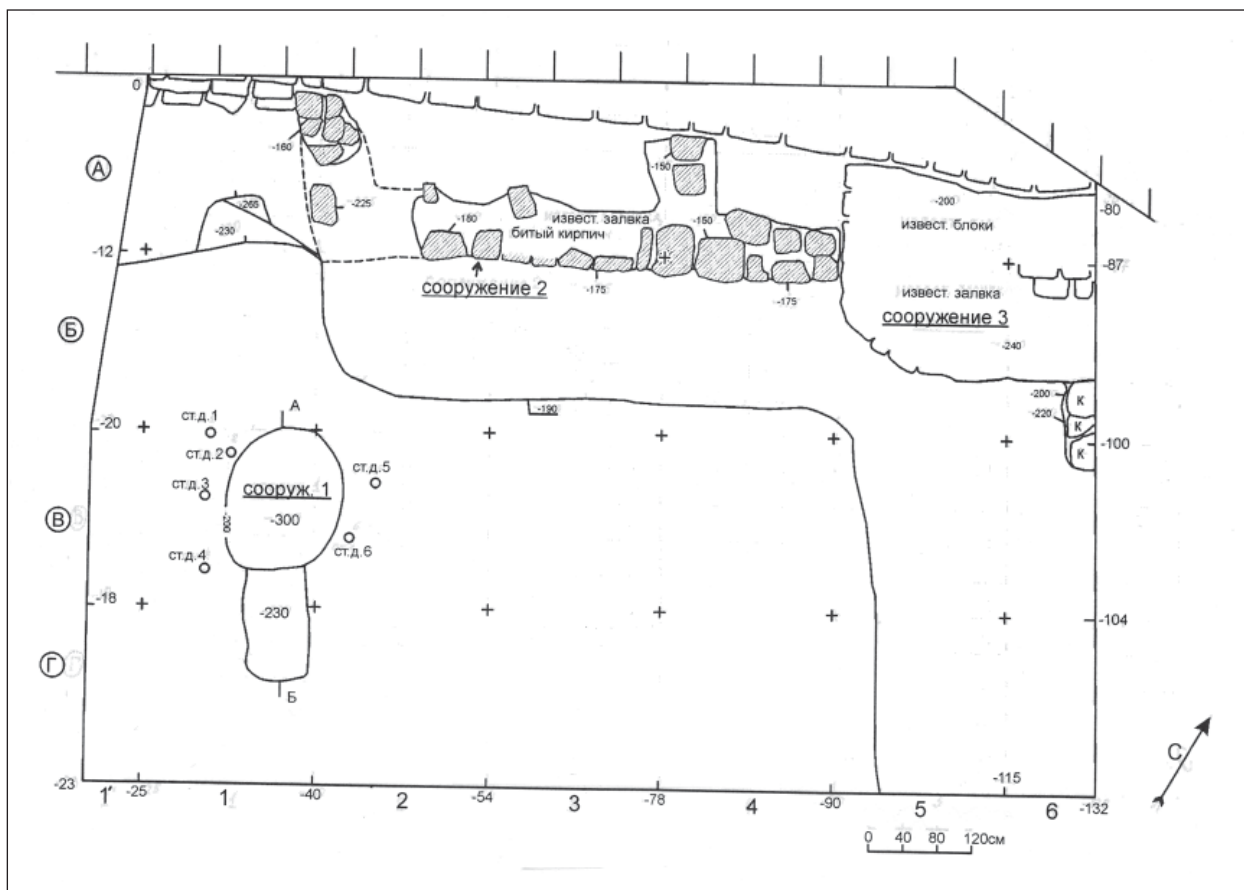

Рис. 223. План раскопа с внутренней стороны современной крепостной стены Казанского кремля

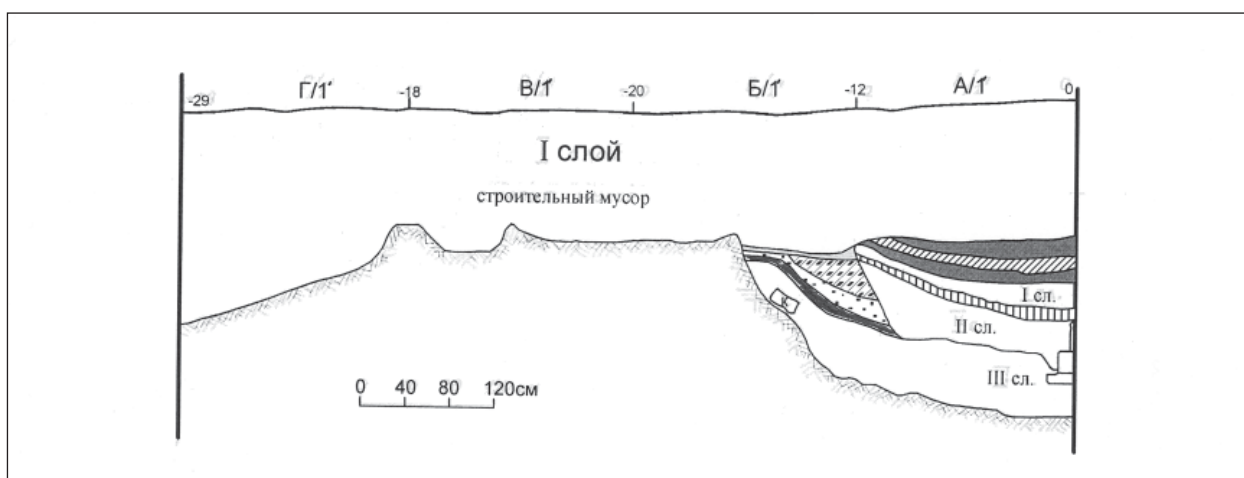

Рис. 224. Западная стенка раскопа, примыкающая к современной крепостной стене Казанского кремля

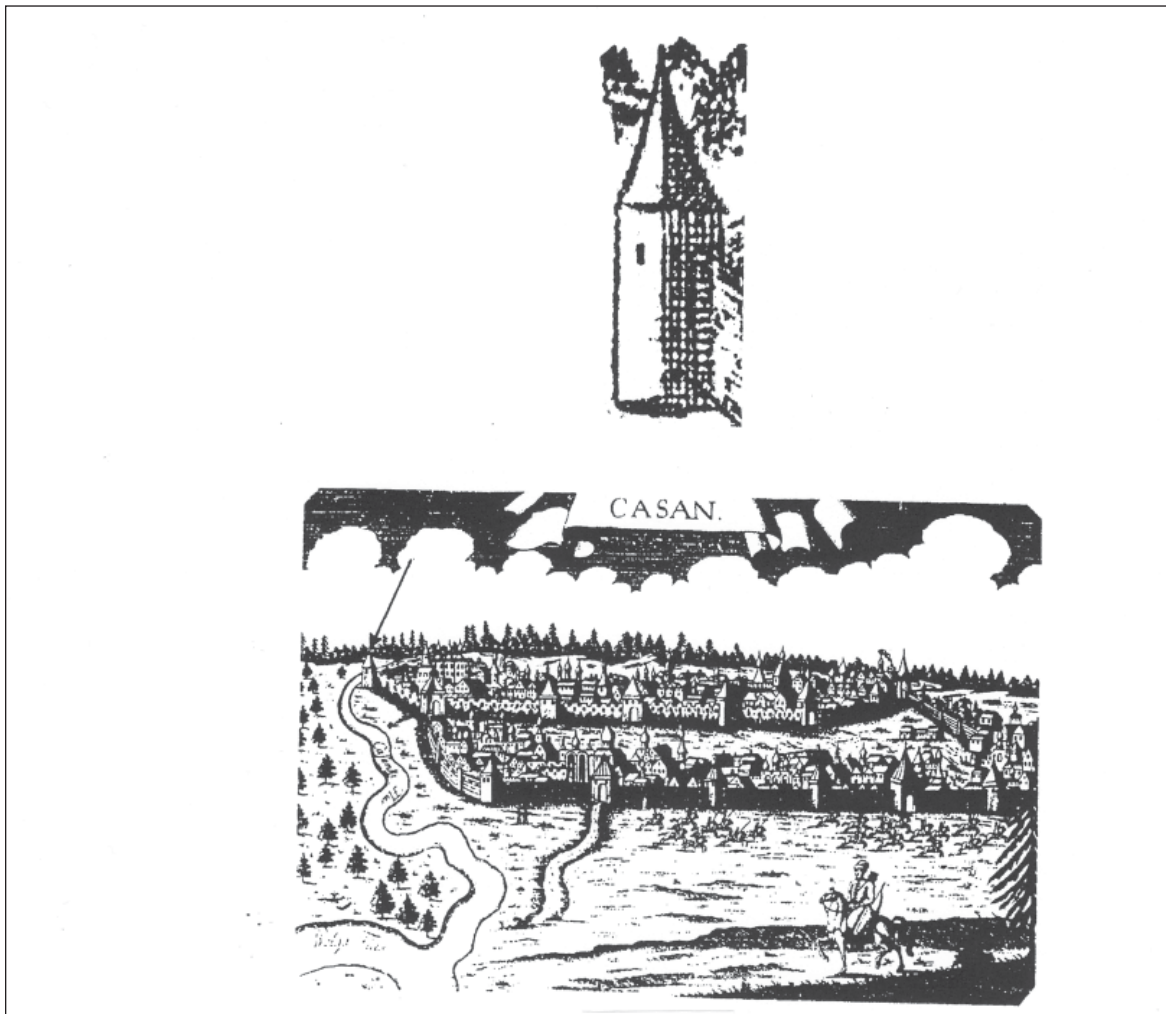

Рис. 225. Изображение Казани Адама Олеария 1-ой пол. XVII в.

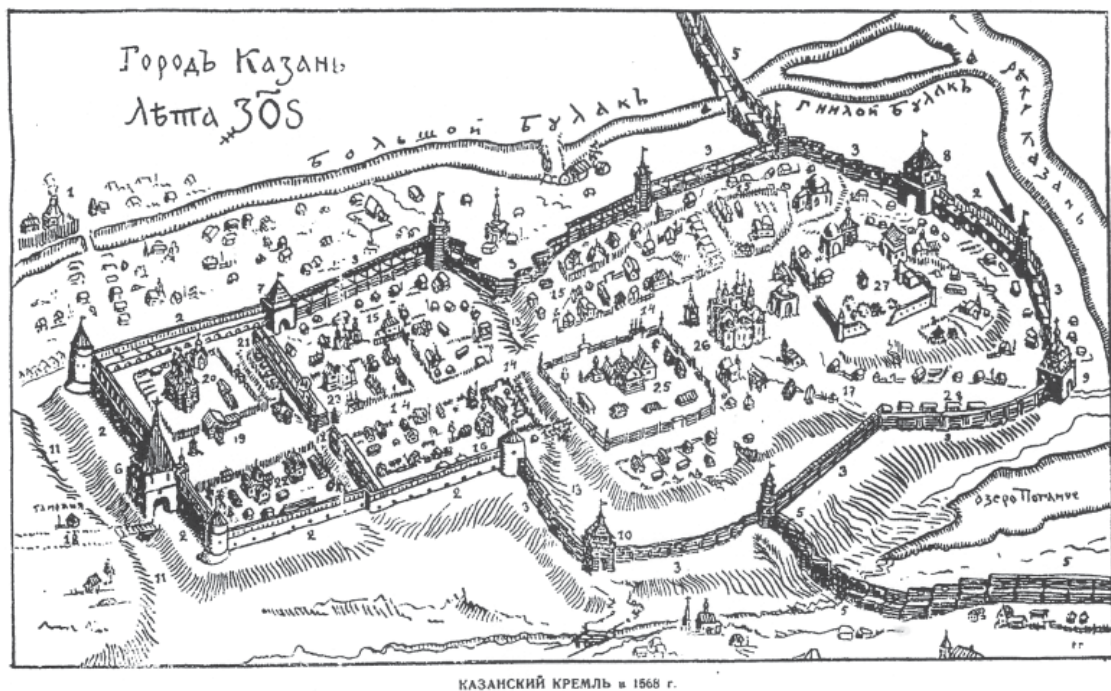
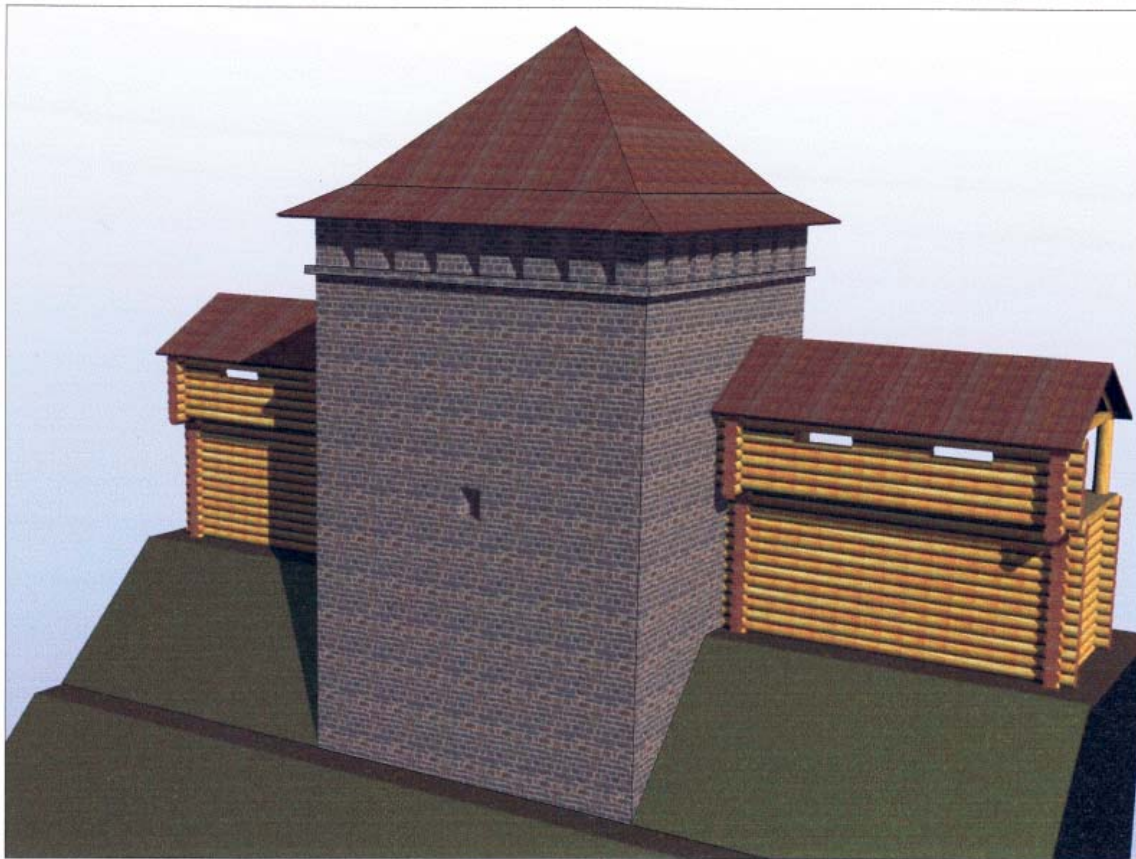
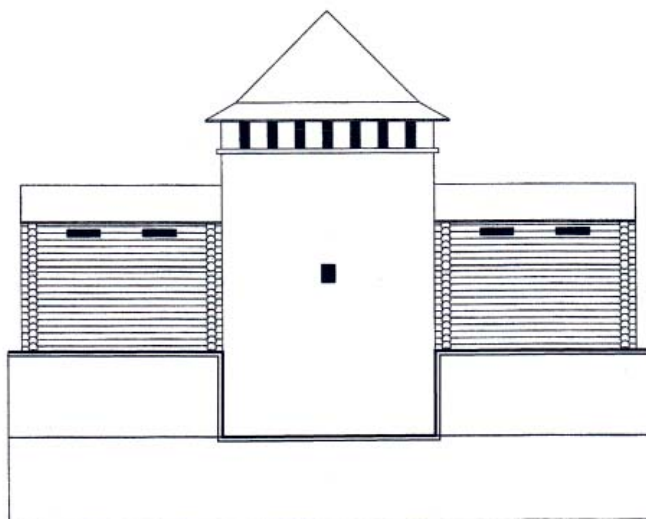

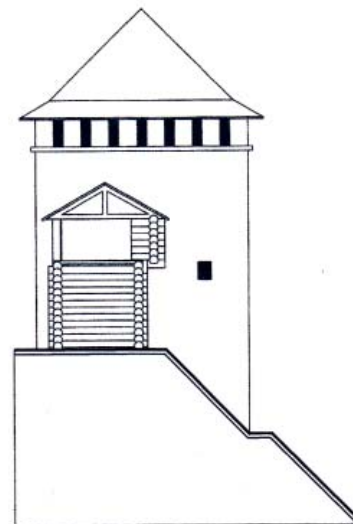
Рис. 226. Реконструкция Казанского кремля 1568 г. (по Н.Ф. Калинин)

Внешний вид

Главный фасад

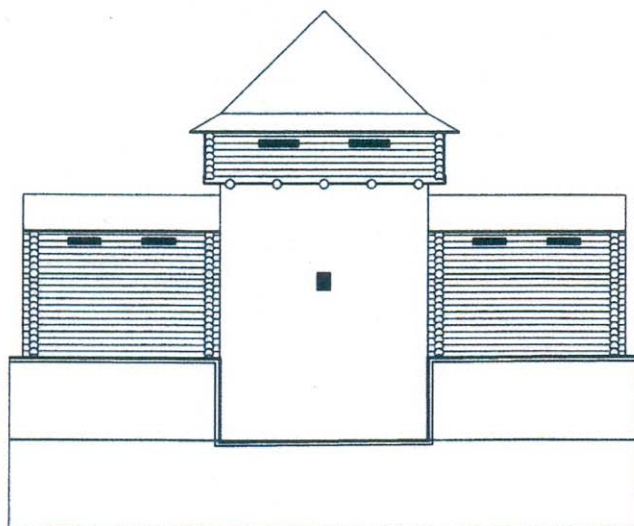

Боковой фасад

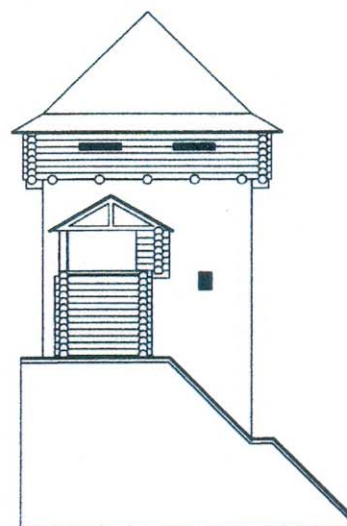
Рис. 227. Реконструкция Северной башни. Вариант А

Внешний вид

Главный фасад

Боковой фасад

Рис. 228. Реконструкция Северной башни. Вариант Б

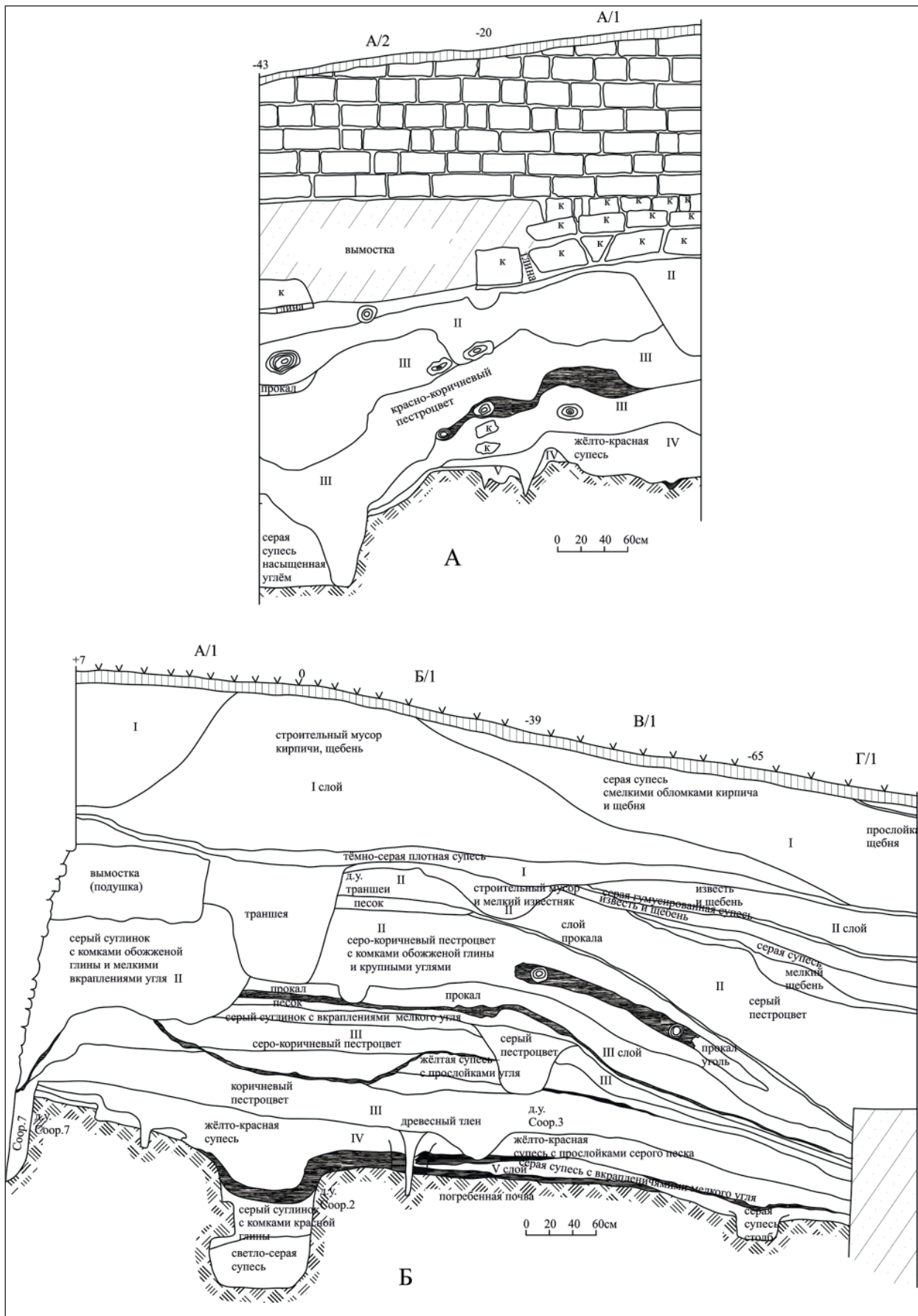

Рис. 229. Казанский кремль. Раскоп XXIV:
 А – профиль восточной стенки, Б – профиль южной стенки

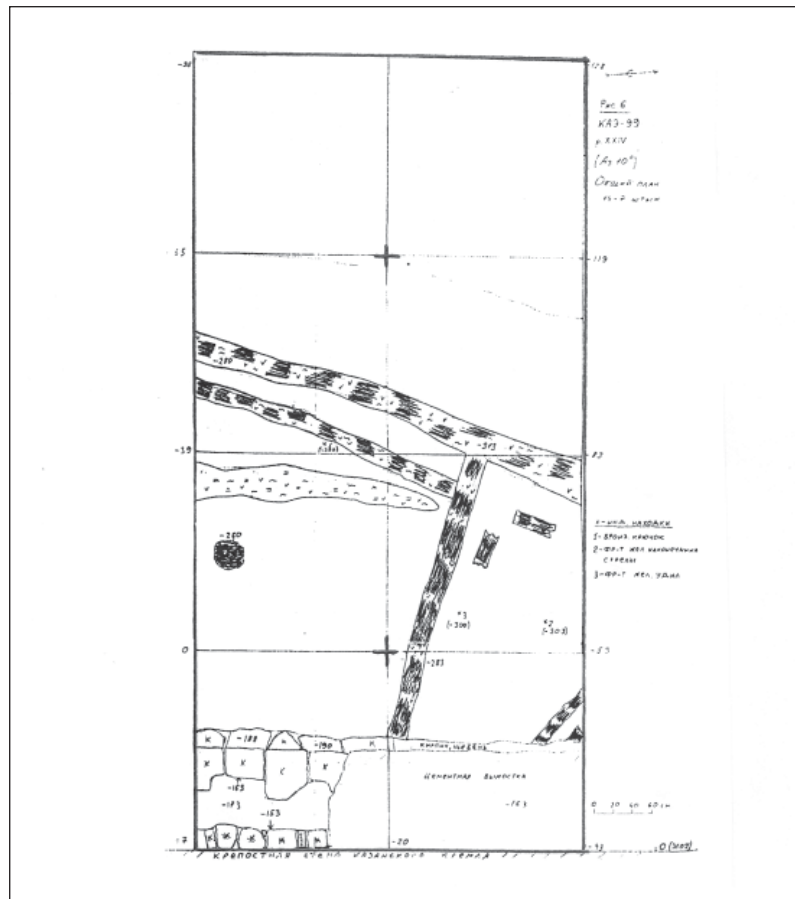

Рис. 230. Казанский кремль. Раскоп XXIV на уровне выявления остатков деревянных конструкций

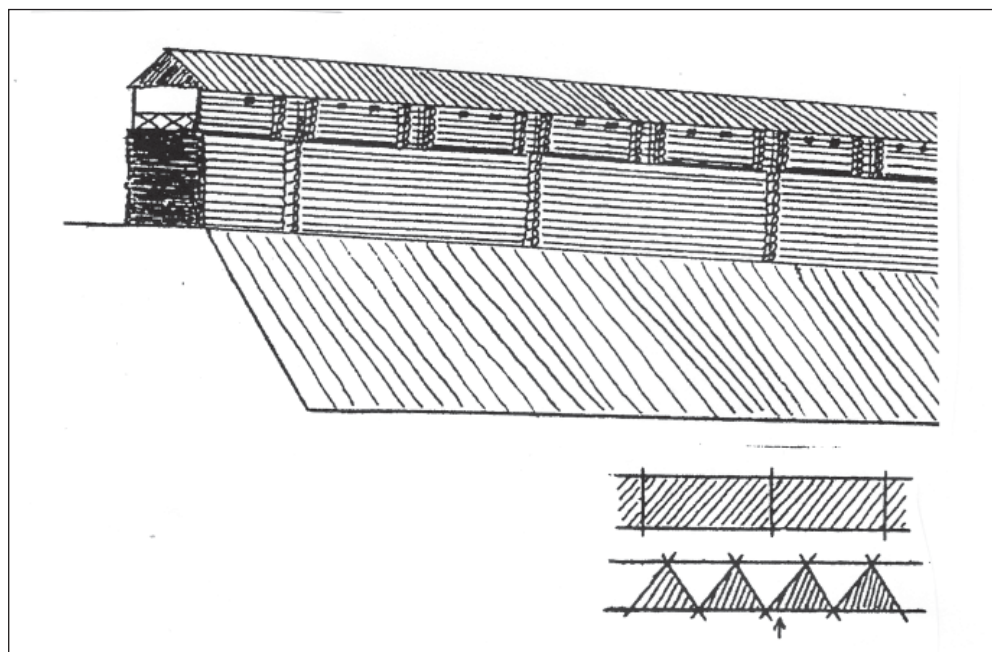

Рис. 231. Реконструкция крепостной стены Казани 1-ой пол. XVI в.

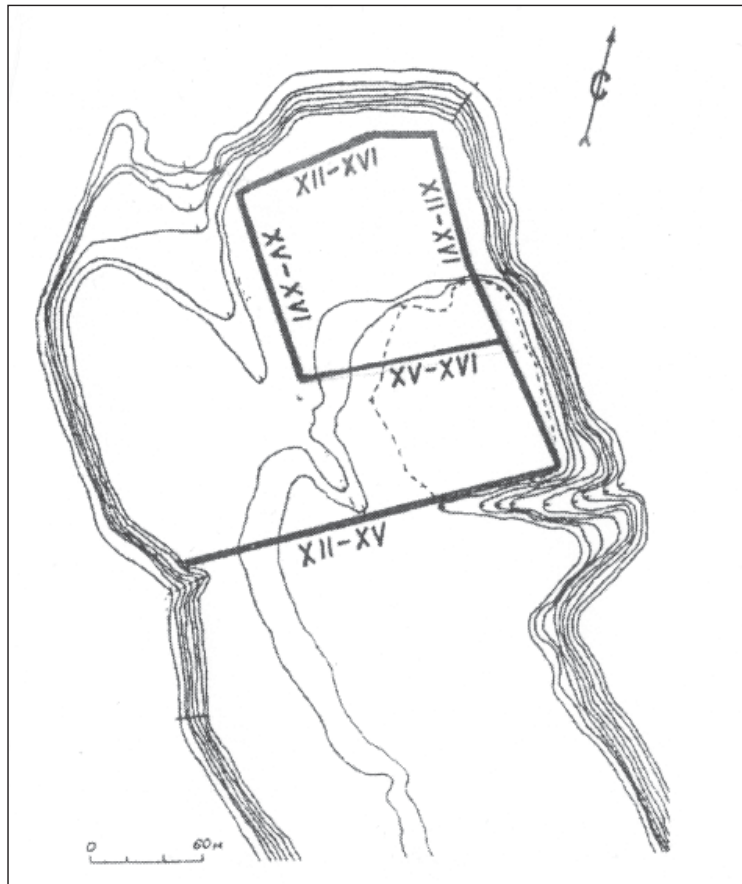

Рис. 232. План каменных стен Казани XII – 1-ой пол. XVI вв. (по А.Г. Ситдикову)

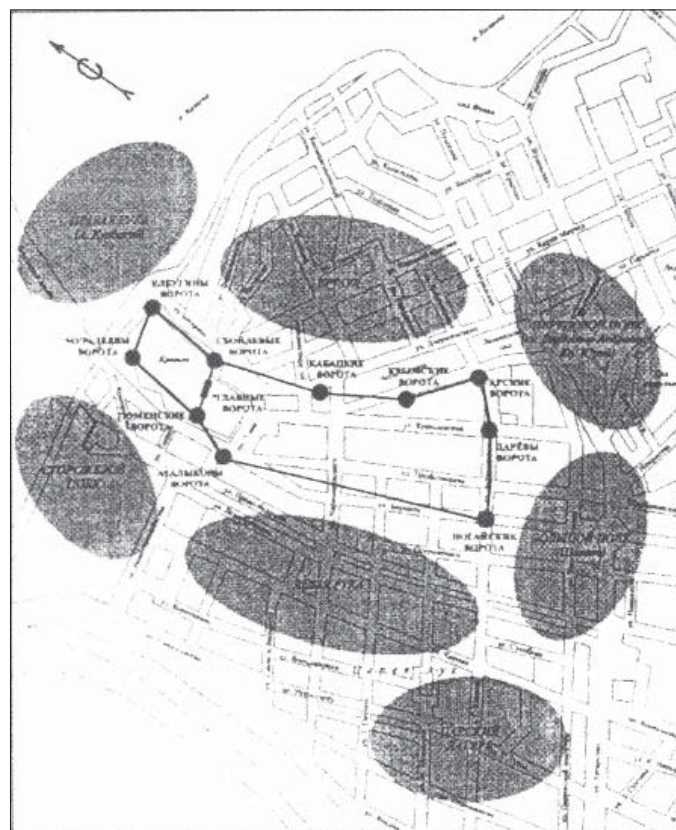

Рис. 233. План укрепленной части Казани 1-ой пол. XVI в. (по А.Г. Ситдикову)

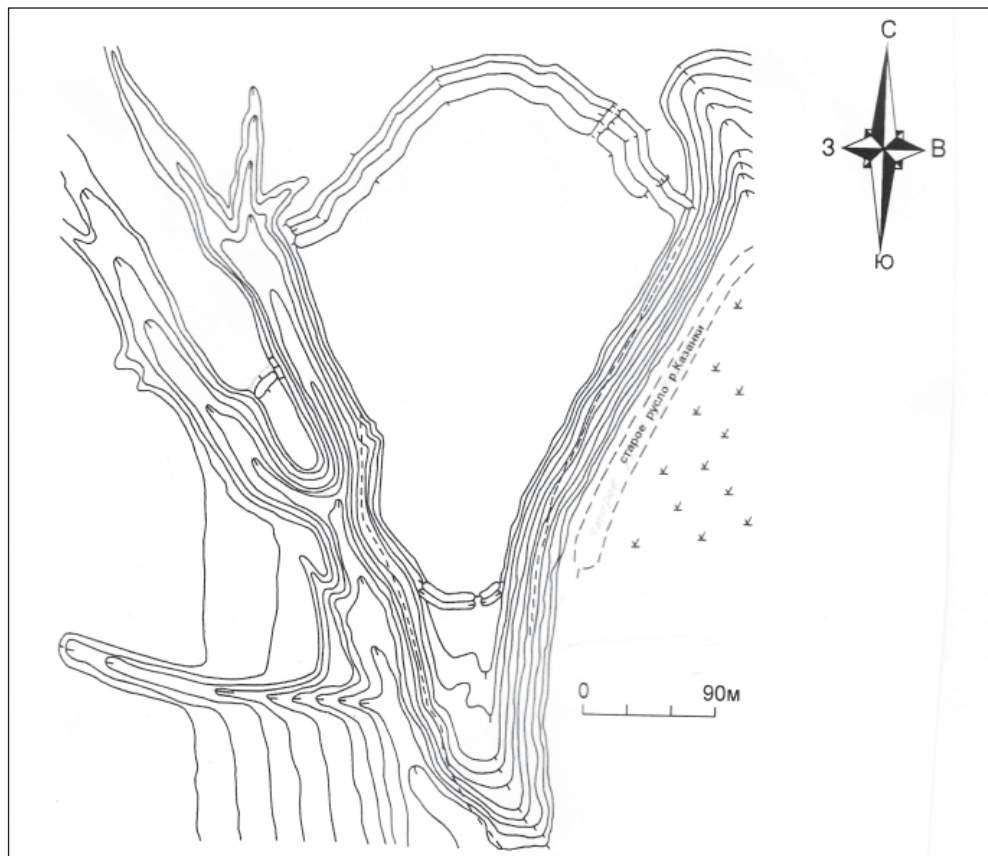

Рис. 234. Камаевское городище

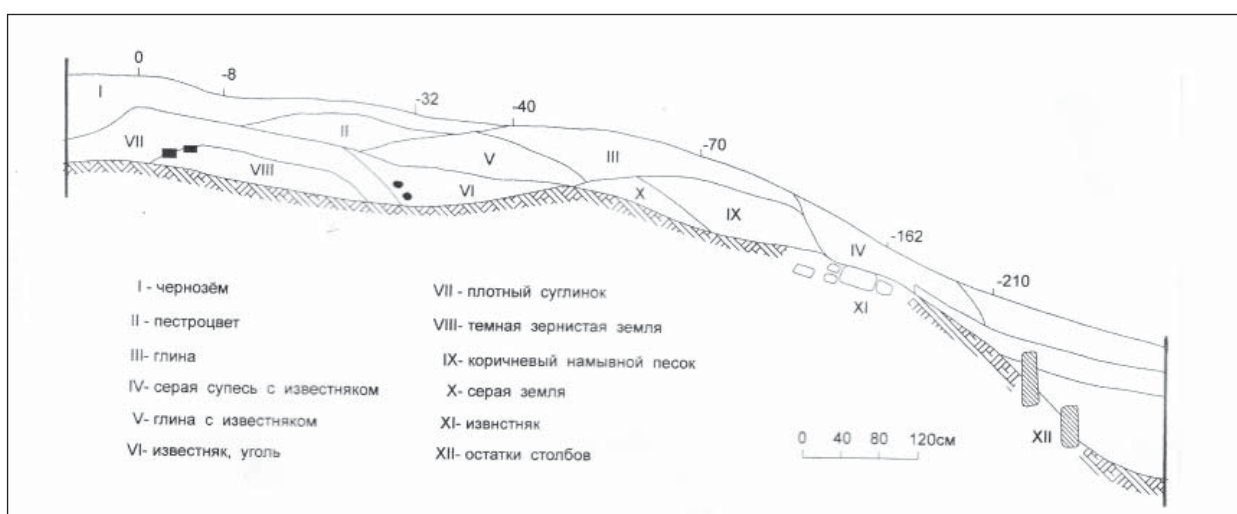

Рис. 235. Камаевское городище. Профиль южного вала (по Н.Ф. Калинину)

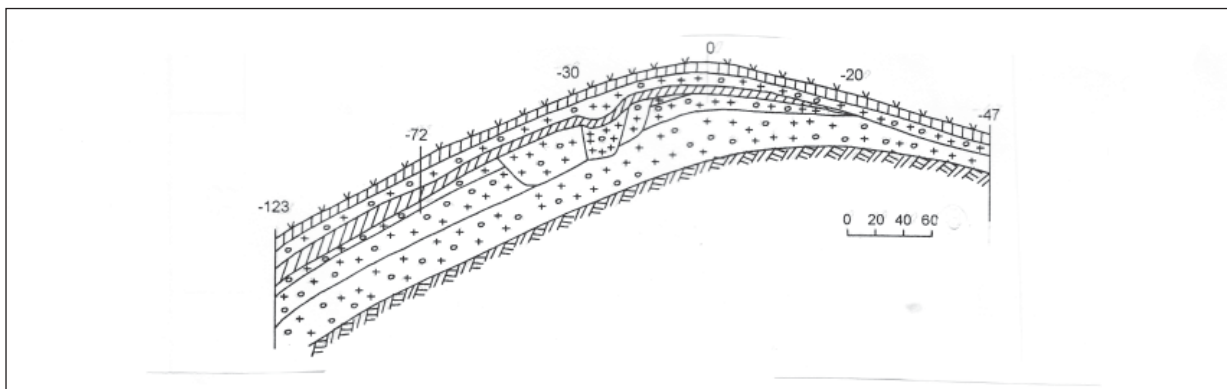

Рис. 236. Камаевское городище. Профиль внешнего вала

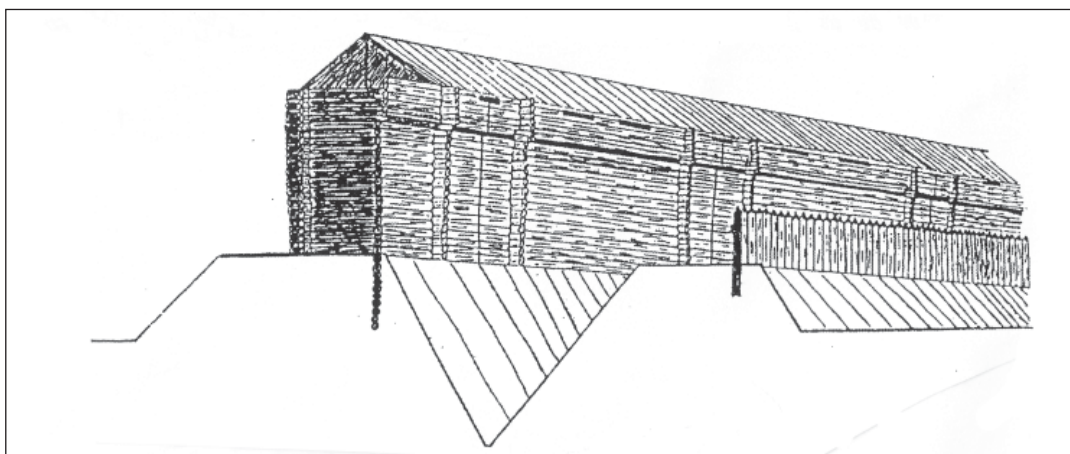

Рис. 237. Реконструкция оборонительных сооружений Камаевского городища

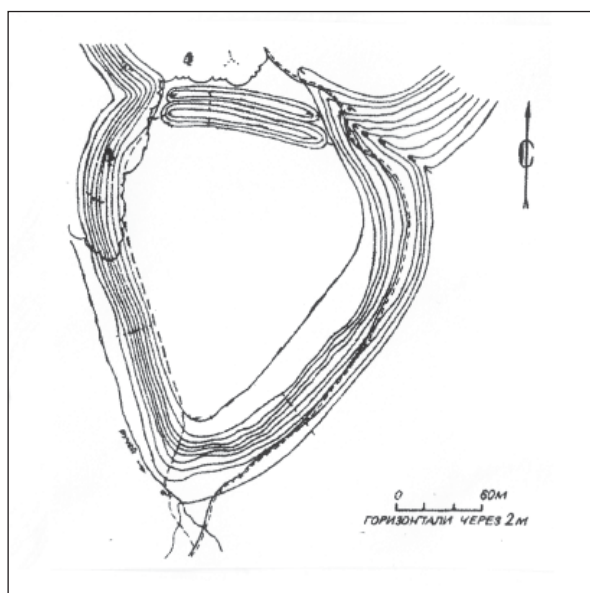

Рис. 238. Арское городище (по Н.И. Шутовой)

Рис. 239. Разгром флотилии князя И. Палецкого в 1524 г.
Миниатюра из «Истории о Казанском царстве» (Из книги Бахтина А.Г., 1998, с. 75)

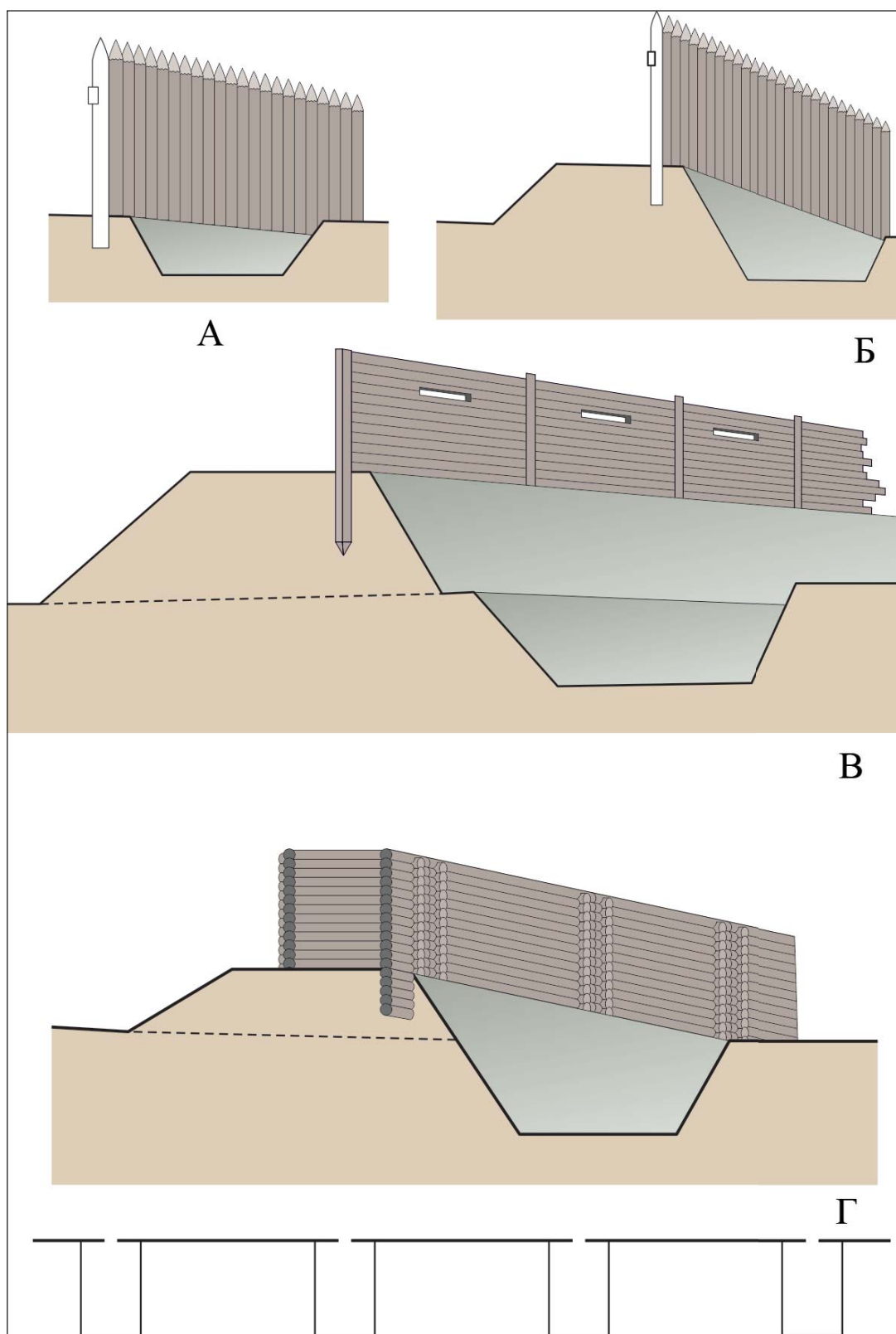

Рис. 240. Типы крепостных стен:
 А–Б – частокол, В – столбовая (каркасно-столбовая) конструкция, Г – городни

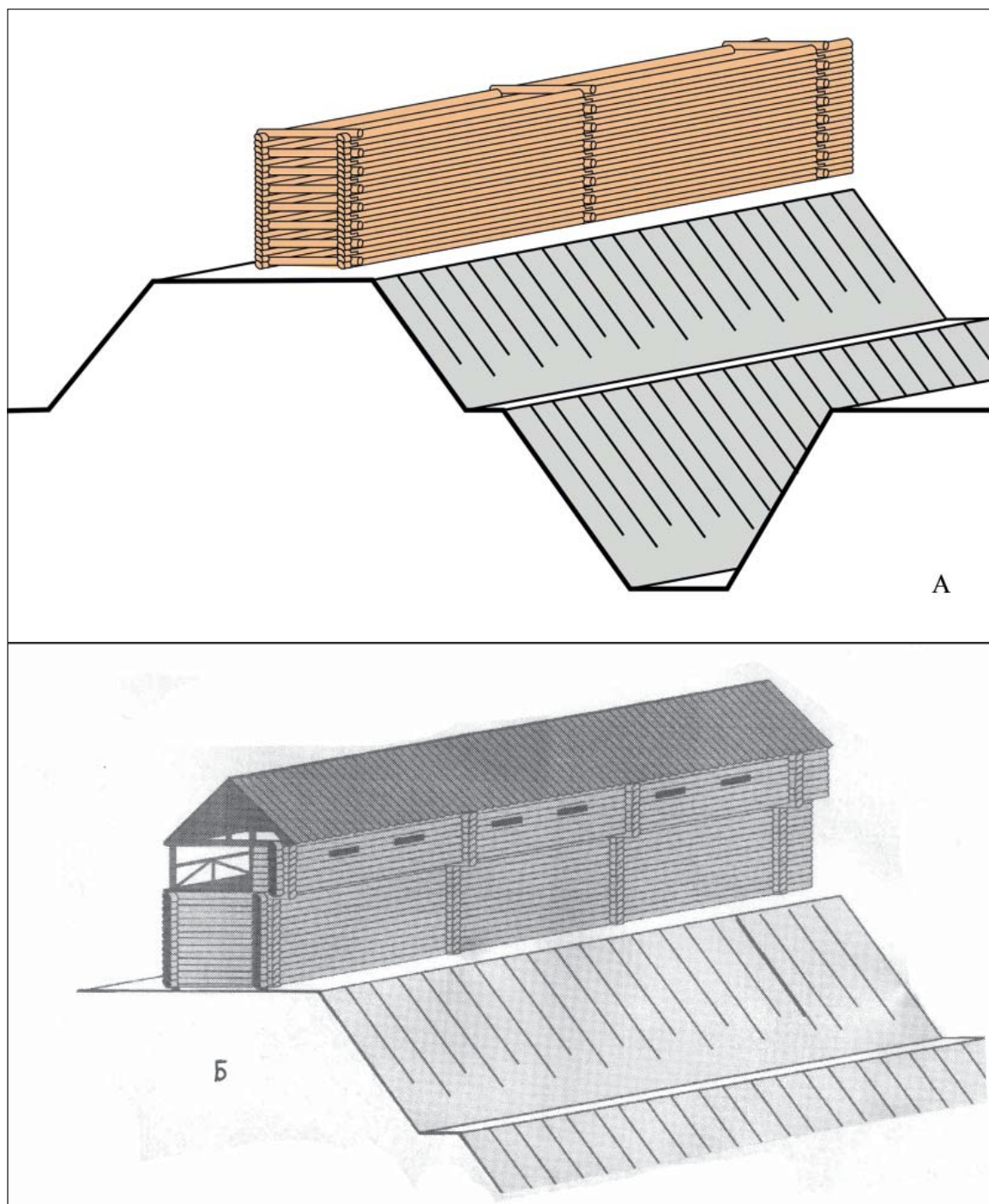

Рис. 241. Крепостная стена в виде тарас (А-Б)

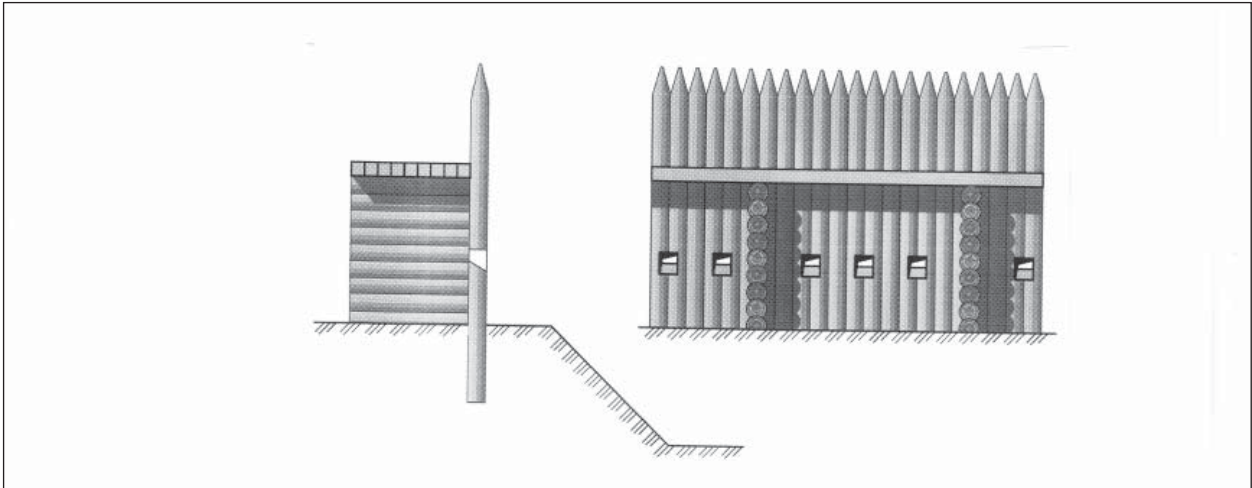

Рис. 242. Тыновая ограда (по Ф.Ф. Ласковскому)

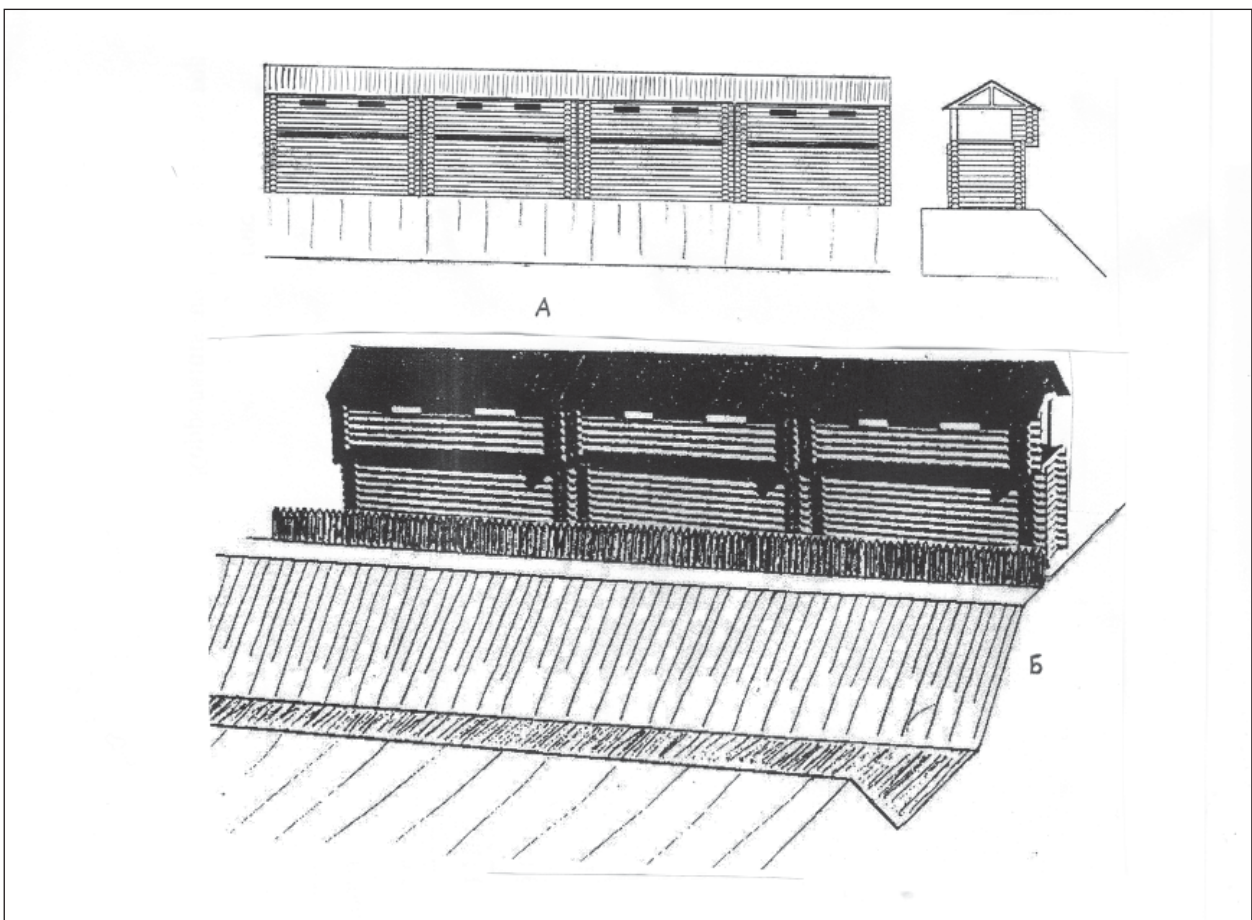

Рис. 243. Крепостная стена из городней (А–Б)

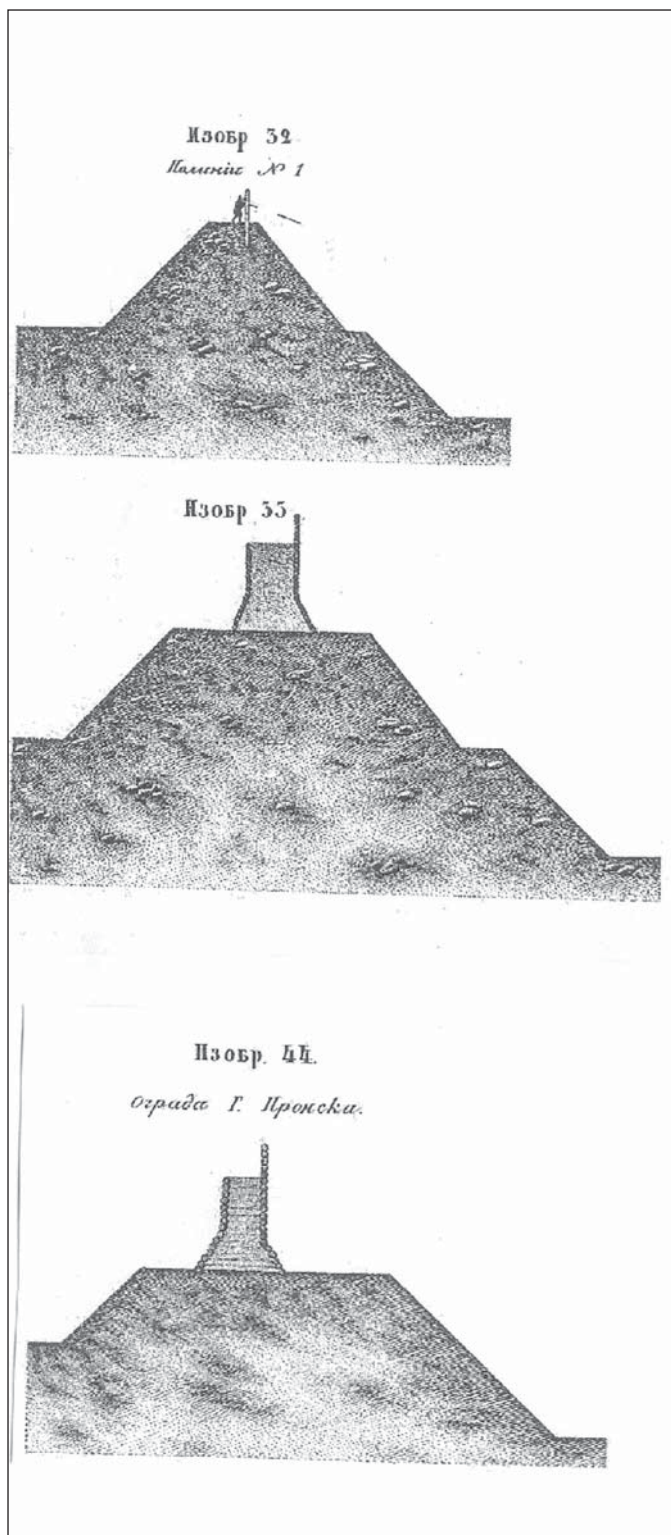

Рис. 244. Типы дерево-земляных оборонительных сооружений (по Ф.Ф. Ласковскому)

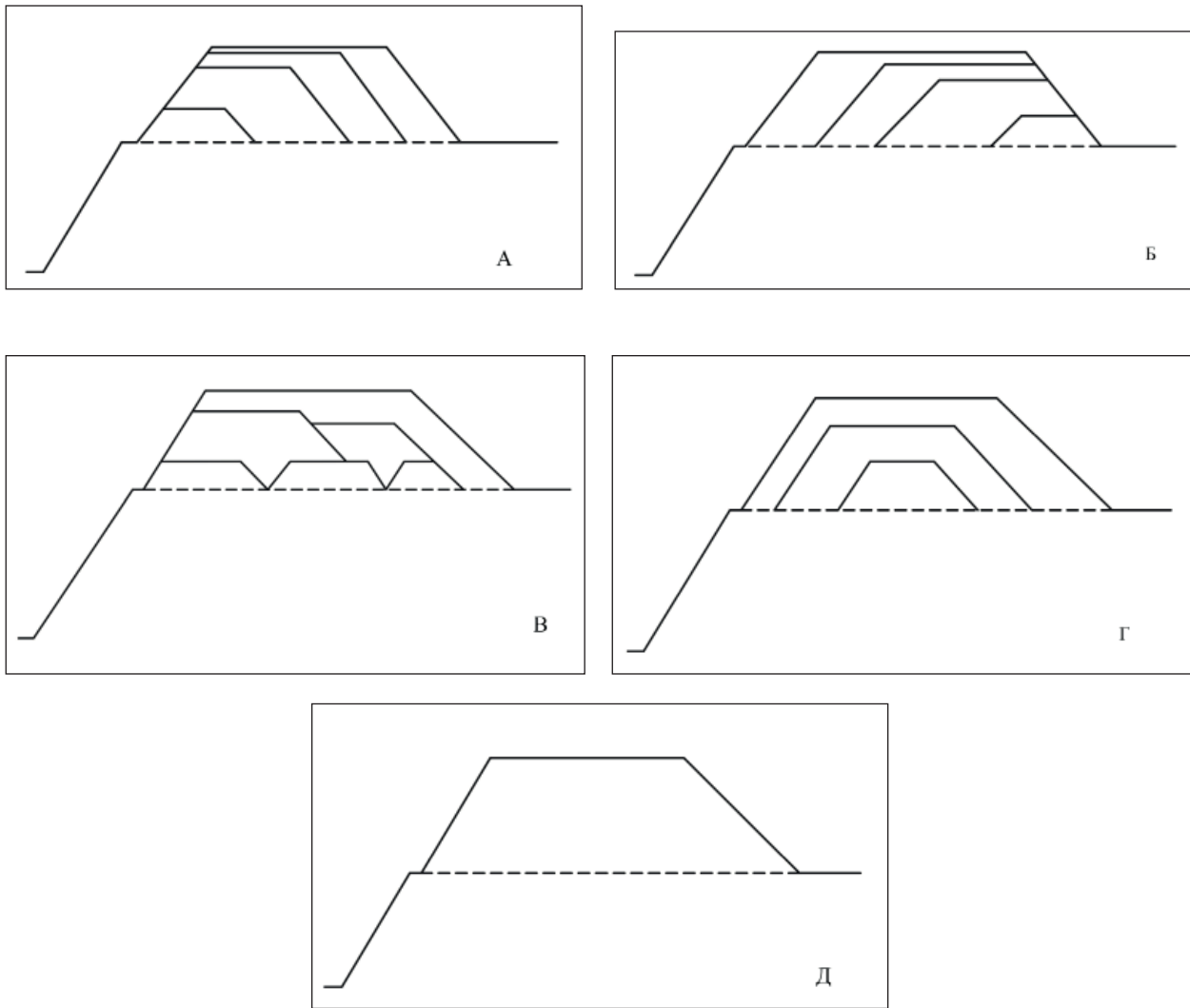

Рис. 245. Технологические способы возведения оборонительных валов из грунта (А–Д)

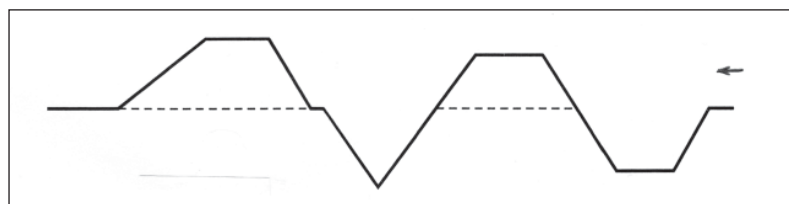

Рис. 246. Татбурнаевское городище. Типы и соотношение оборонительных рвов

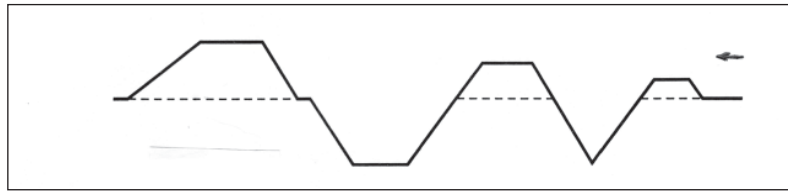

Рис. 247. Большекляринское городище. Типы и соотношение оборонительных рвов

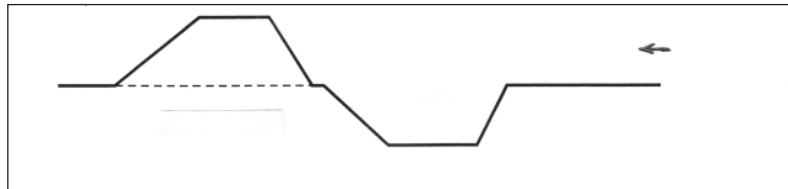

Рис. 248. Тип оборонительного рва с различными заложениями эскарпа и контр-эскарпа (т.н. «Пунический ров»)

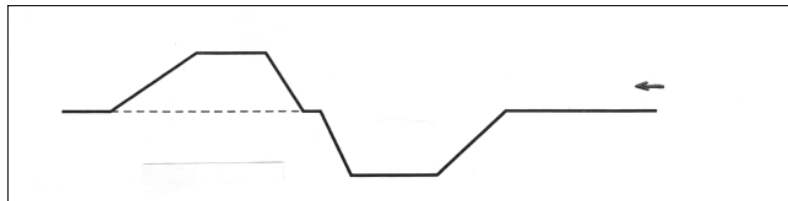

Рис. 249. Тип оборонительного рва с различными заложениями эскарпа и контр-эскарпа

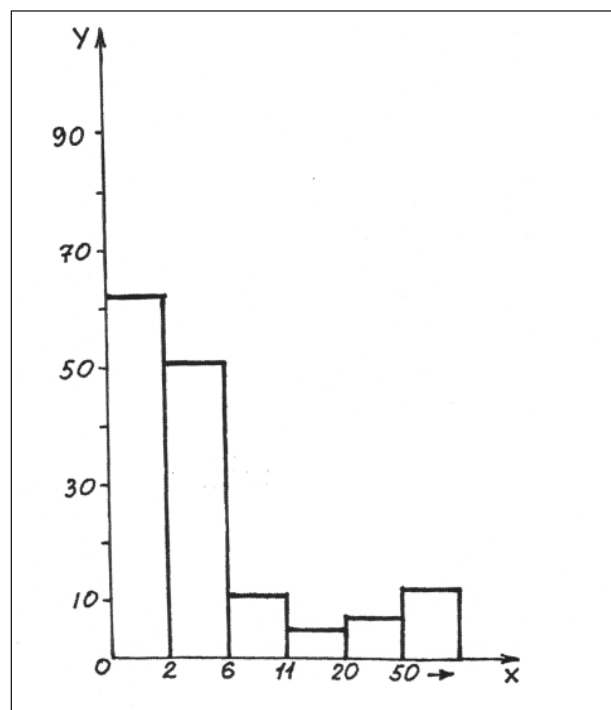

Рис. 250. Соотношение количества и площадей городищ
Ось Y – количество, Ось X – площади в гектарах

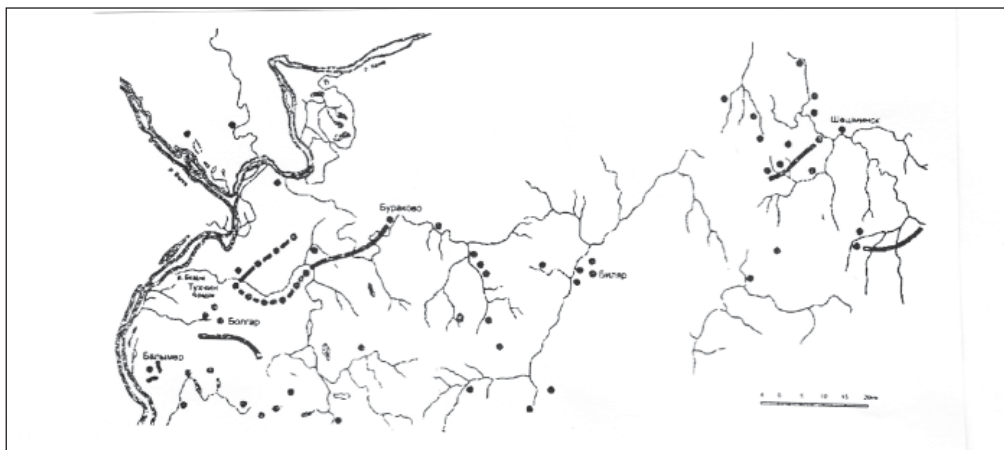

Рис. 251. Расположение «длинных валов» (по А.П. Смирнову)

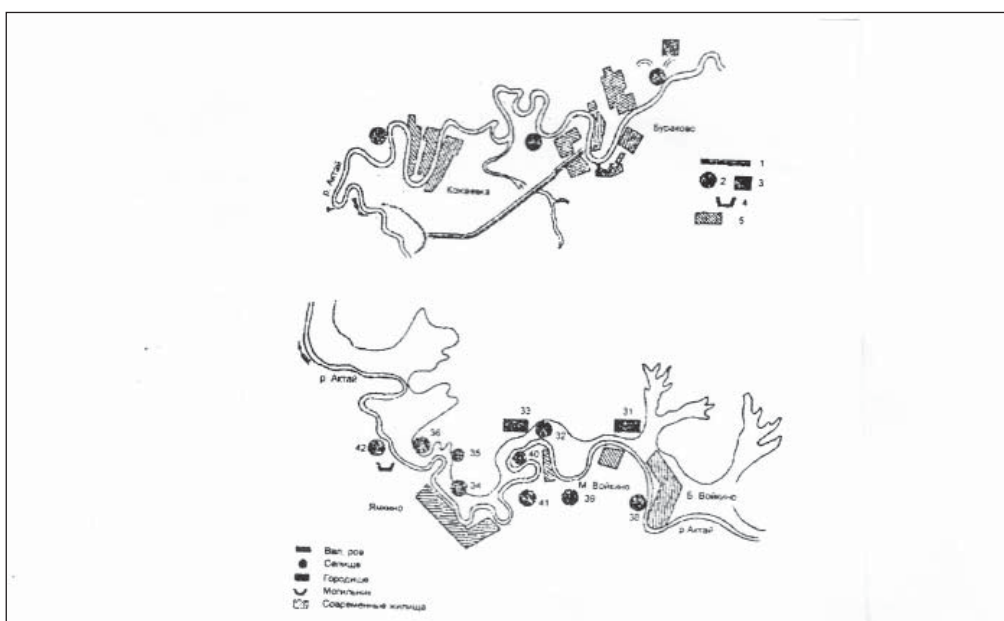

Рис. 252. Планы расположения археологических памятников, в т.ч. «длинного вала» (по Н.Ф. Калинину)

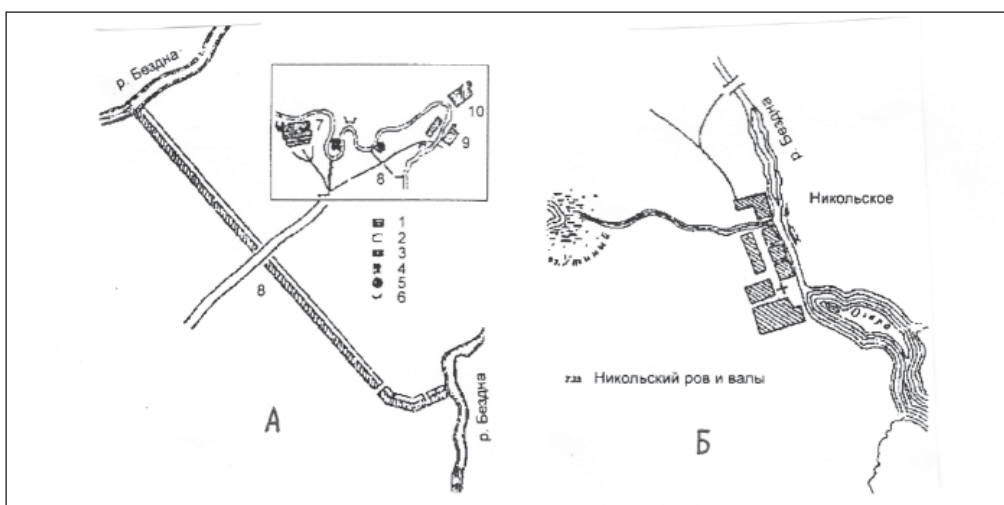

Рис. 253. Куйбышевский (А) и Никольский (Б) «длинные валы» (по Н.Ф. Калинину)

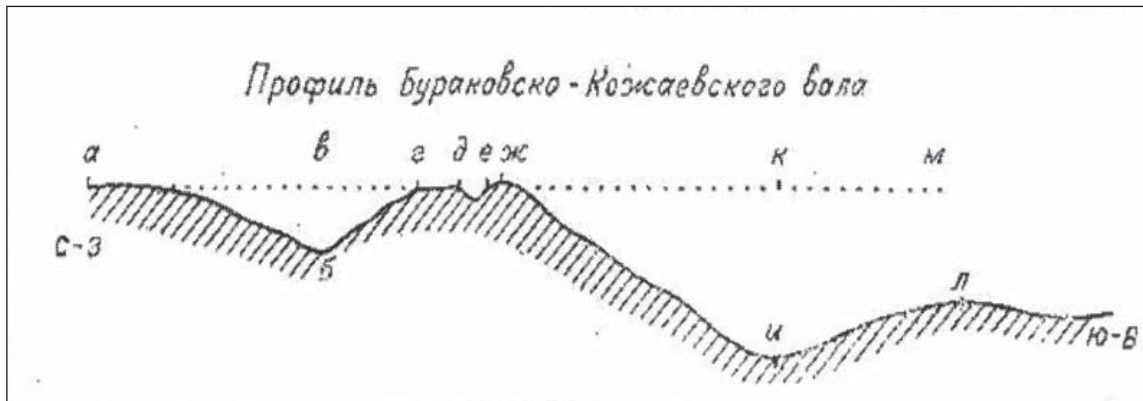

Рис. 254. Профиль Бураковско-Кожяевского вала (по Н.Ф. Калинину)

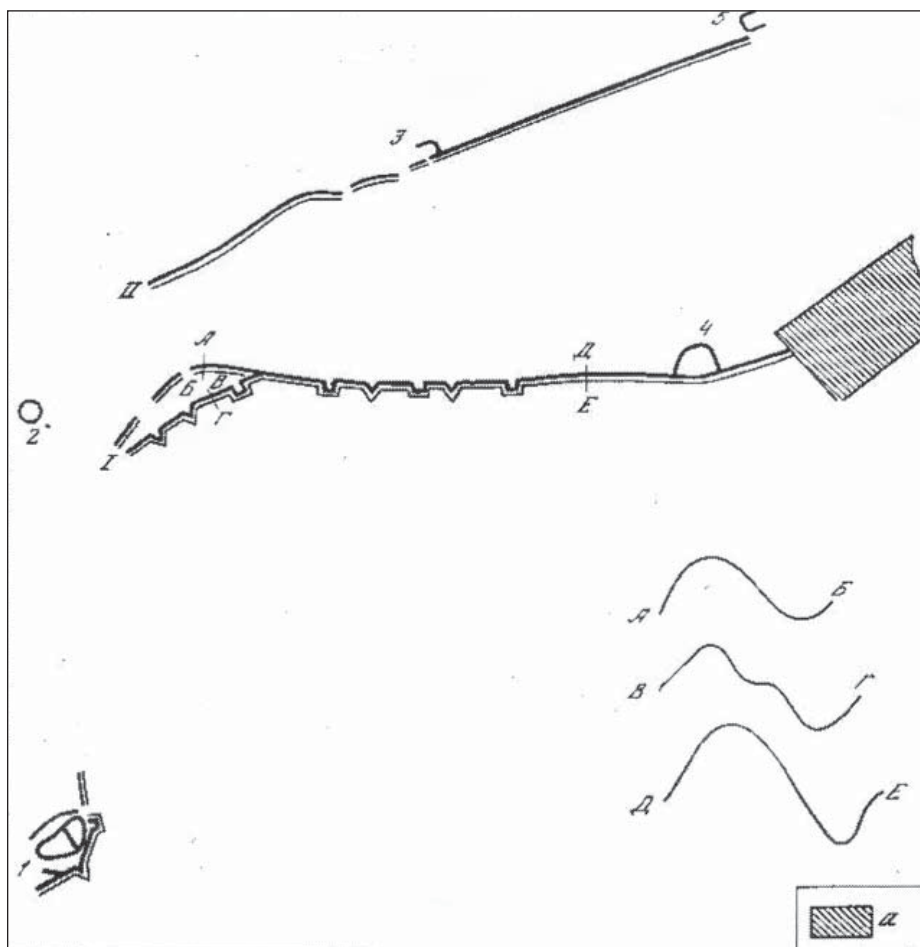

Рис. 255. Схема расположения «длинных валов» в левобережье р. Шешмы (по Р.Г. Фахрутдинову)

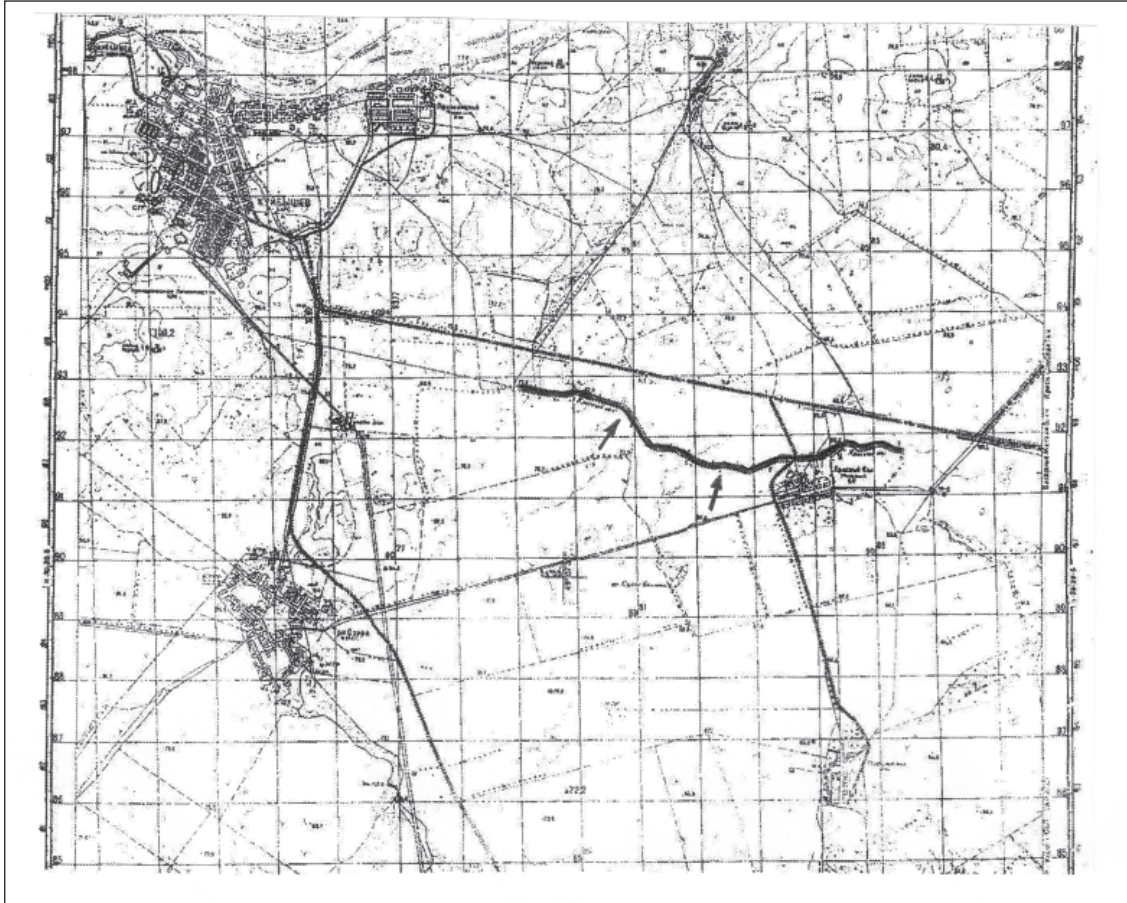

Рис. 256. План расположения Никольского вала на современной карте

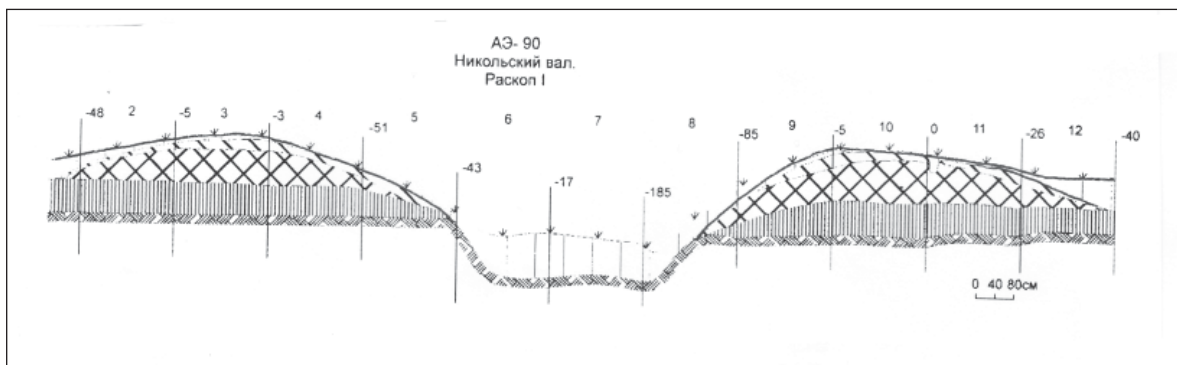

Рис. 257. Профиль Никольского вала (по И.Л. Измайлову)

Рис. 258. План расположения Черемшанского вала на современной карте

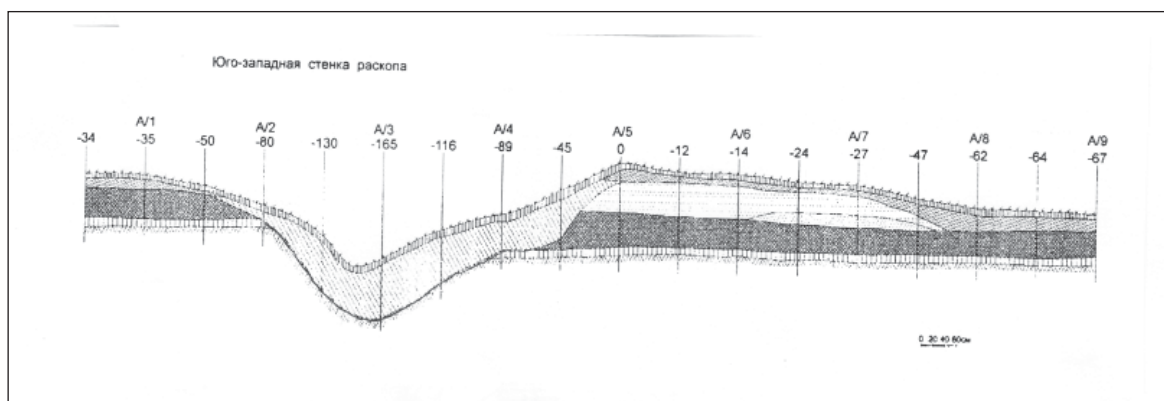

Рис. 259. Профиль Черемшанского вала

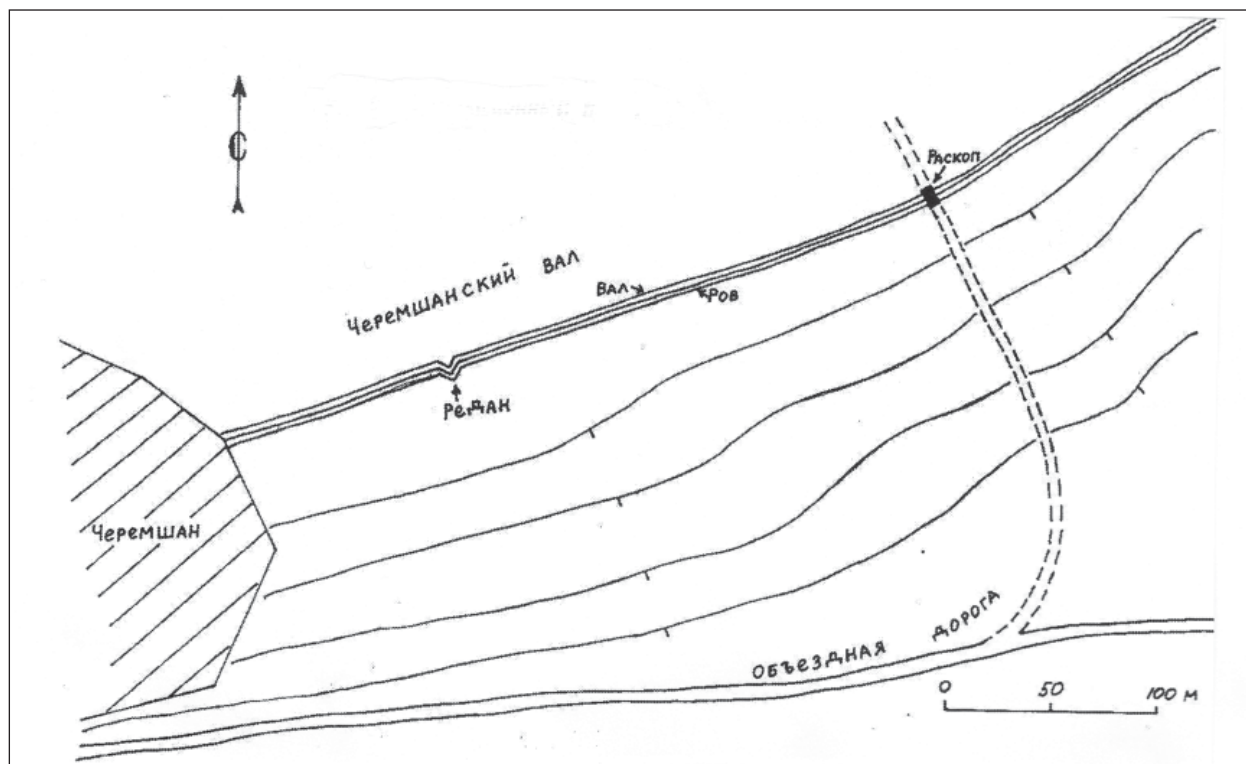

Рис. 260. Черемшанский вал. План местности

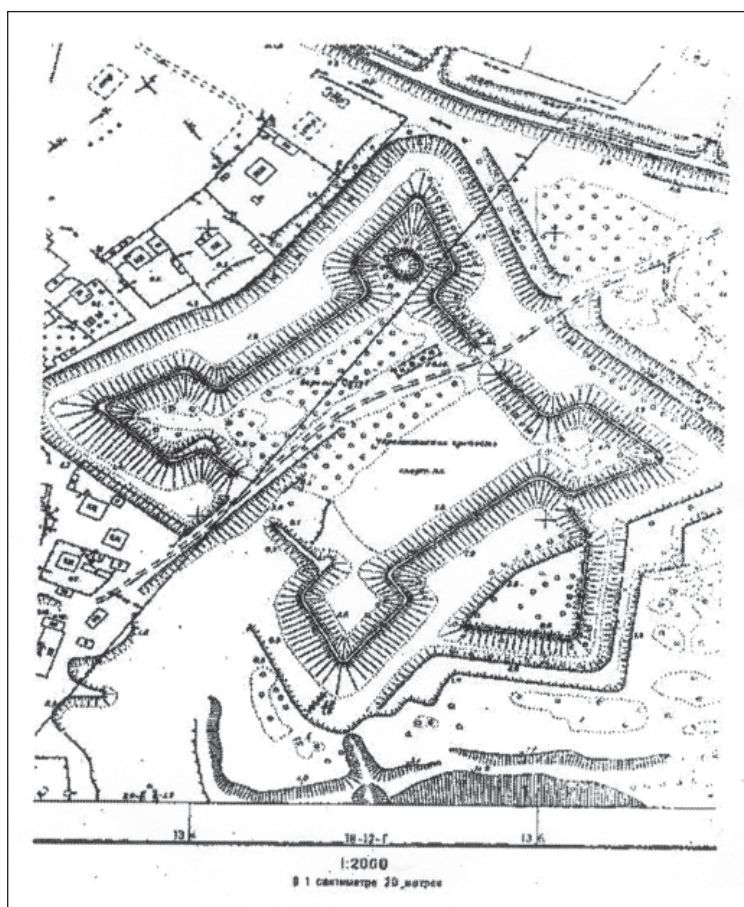

Рис. 261. Черемшанская крепость (по Н.С. Фролову)

Таблица 1

ГОРОДИЩА ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

№ п/п	Наименование	Регион	Административный район	Дата	Площадь	Тип*	Структура**	Кол-во укрепл-ий***
1	Акусбаевское	Закамье	Татарстан	X-XIII	1,6 га	I	1	1/2
2	Александровское	Предволжье	Самарская обл.	X-XIII	-----	-----	1	1/1
3	Алексеевское	Закамье	Татарстан	X-XIII	6 га	I	1	3/3
4	Альменевское	Предволжье	Чувашия	XIII-XIV	34 га	III	1	1/1
5	Андреевское	Закамье	Ульяновская обл.	X-XIII	2,7 га	I	1	1/1
6	Арское****	Предкамье	Татарстан	XIII-XVI	2,4 га	I	1	1/1
7	Аглашкинское	Закамье	-<-	X-XIII	1,2 га	III	1	1/1
8	Ашпизское	Предкамье	-<-	XIII-XIV?	0,22 га	II	1	2/2
9	Базяковское	Закамье	-<-	X-XIII	1,5 га	I	1	2/2
10	Балахчинское	-<-	-<-	X-XIII	0,1125 га	I	1	1/1
11	Бальмерское I	-<-	-<-	X-XIII	3,5 га	III	1	1/1
12	Балынгузское	-<-	-<-	XIII	400 га	IV	3	2/2
13	Барскоенарусинское	-<-	-<-	X-XIV	3,04 га	III	1	1/1
14	Бектяшское	Предволжье	Ульяновская обл.	X-XIII	0,75 га	I	1	1/1
15	Белогорское	Закамье	Татарстан	X-XIII	1 га	I	1	1/1
16	Белоярское I	Закамье	Ульяновская обл.	X-XIII	4,4 га	I	1	1/1
17	Белоярское II	Закамье	Ульяновская обл.	X-XIII	3 га	II	1	2/2
18	Березовогривское	-<-	Татарстан	X-XIII	8,5 га	I	2	1/1
19	Биллярское	-<-	-<-	X-XIII	620 га	III	2	3/3
20	Богдашкинское	Предволжье	-<-	X-XIII	77 га	III	2	2/2
21	Болгарское	Закамье	-<-	X-XV	400 га	III	1	1/1
22	Большекандалинское	Закамье	-<-	X-XIII	1,24 га	I	1	2/2
23	Большекляринское	Предволжье	-<-	XII-XIV	3,3 га	III	1	3/3
24	Большеетарханское	-<-	-<-	IX-XI(?)	70 га	IV	4(?)	1/1
25	Большеетоябинское	-<-	Чувашия	XIII-XIV	27,5 га	I	1	2/2
26	Боровкинское	Закамье	Ульяновская обл.	X-XIII	1,5 га	III	1	1/1
27	Буеракское	Предволжье	-<-	X-XIII	2 га	I	1	3/3
28	Булдырьское	Закамье	Татарстан	X-XIII	2,7 га	I	1	2/1

29	Бураковское I	-«-	-«-	Х-ХIII	4,5 га	I	1	1	4/4
30	Восточно-Войкинское	-«-	-«-	Х-ХIII	8 га	II	2	2	2/2
31	Вышинское II	Предволжье	Пензенская обл.	XI-XIII	0,8 га	I	1	1	1/1
32	Вышинское III	-«-	-«-	XI-XIII	1,6 га	I	1	1	1/1
33	Горкинское	Закамье	Татарстан	XI-XIII	1,34 га	III	1	1	1/1
34	Городищенское (на р.Шешма)	-«-	-«-	Х-ХIII	3 га	I	1	1	1/2
35	Городищенское (Кала-Елгинское)	Предволжье	-«-	Х-ХIII	0,785 га	III	1	1	1/1
36	Городищенское (на р. Волга)	-«-	Ульяновская обл.	Х-ХIII	80,9 га	I	2	2	1/1
37	Грачевское	-«-	Пензенская обл.	XI-XIII	2,4 га	I	1	1	1/1
38	Гусихинское	Закамье	Татарстан	Х-ХIII	1,2 га	III	1	1	2/2
39	«Девичий городок»	-«-	-«-	XI-XII	0,8 га	III	1	1	1/1
40	Деушевское	Предволжье	-«-	Х-ХIII	28,2 га	III	1	1	1/1
41	Джукетау	Закамье	-«-	Х-ХIV	5,8 га	I	1	1	3/2
42	Дигитлинское	Предкамье	-«-	XIII-XIV	1,5 га	I	1	1	1/1
43	«Ежевичная стрелка»	-«-	-«-	XII-XIV	1 га	I	1	1	1/1
44	Екатериново-Слободское I	Закамье	-«-	Х-ХIII	18 га	III	2	2	2/2
45	Екатериново-Слободское II	-«-	-«-	Х-ХIII	1,5 га	II	1	1	2/2
46	Елабужское «Чертово» городище	Предкамье	-«-	XI-XIII	3 га	I	3	3	2/2
47	Елантовское	Закамье	-«-	Х-ХIII	1,04 га	I	1	1	1/1
48	Елаурское	Предволжье	Ульяновская обл.	Х-ХIII	2,5 га	I	1	1	2/2
49	Елховское	Закамье	Татарстан	Х-ХIII	2,8 га	III	1	1	2/2
50	Бряпкинское	-«-	-«-	Х-ХIII	-----	III	1	1	2/2
51	Жигулевское	Предволжье	Самарская обл.	Х-ХIII	2,5 га	I	1	1	1/1
52	Западно-Войкинское	Закамье	Татарстан	Х-ХIII	11 га	II	1	1	3/3
53	Зеленовское	Предволжье	Татарстан	XII-XIV	4,06 га	III	1	1	2/1
54	Змеевское I	Закамье	-«-	Х-ХIII	2 га	I	1	1	3/3
55	Змеевское II	-«-	-«-	Х-ХIII	1,44 га	I	1	1	1/1
56	Золотаревское	Предволжье	Пензенская обл.	XI-XIII	2,5 га	I	4	4	4/4
57	Ивановское	Закамье	Ульяновская обл.	Х-ХIII	1,28 га	I	1	1	2/2
58	Ивашкинское	-«-	Татарстан	Х-ХIII	3,04 га	I	2	2	1/1
59	Изгарское	-«-	-«-	Х-ХIII	3,3 га	I	1	1	1/2
60	Ильчибайское	-«-	Татарстан	XII-XIV	32 га	I	1	1	1/1

61	Иляшкинское	-«-	-«-	Х-ХІІІ	1,24 га	I	1	1	1/1
62	Исаковское	Предволжье	-«-	ХІІІ-ХІV	0,3 га	I	1	1	2/1
63	Казань****	Предкамье	-«-	Х-ХVІ	5-13 га	I	2	2	1/1
64	Камаевское****	-«-	-«-	ХІV-ХVІ	6,12 га	I	1	1	2/1
65	Канаевское	Предволжье	Пензенская обл.	ХІ-ХІІІ	4,6 га	I	1	1	2/2
66	Караваевское	Закамье	Татарстан	Х-ХІІІ	2 га	I	1	1	1/1
67	Карасинское	-«-	Татарстан	Х-ХІІІ	1,8 га	ІІІ	1	1	1/1
68	Кармалейское I	Предволжье	Пензенская обл.	ХІ-ХІІІ	1 га	I	1	1	1/1
69	Кашан I	Предкамье	Татарстан	ХІІ-ХІV	108 га	I	1	1	1/1
70	Кашан II	-«-	-«-	ХІІ-ХІV	28 га	I	1	1	2/1
71	Кирменское	-«-	-«-	ХІІІ-ХІV	10,08 га	I	2	2	2/2
72	Киртелинское	Предволжье	Татарстан	Х-ХІІІ	1,8 га	I	1	1	2/2
73	Кичкинейское	-«-	Пензенская обл.	Х-ХІІІ	1,6 га	I	1	1	2/2
74	«Кладовая гора»	-«-	Пензенская обл.	ХІ-ХІІІ	2,5 га	I	1	1	1/1
75	Кокрягское	Закамье	Ульяновская обл.	Х-ХІІІ	94,5 га	ІІІ	2	2	2/2
76	Колунецкое	Предволжье	Татарстан	ХІІІ-ХІV	1,8 га	I	1	1	1/1
77	Коминтерновское II	Закамье	-«-	Х-ХІІІ	4,48 га	ІІІ	1	1	2/2
78	Коротково-Городищенское	-«-	Ульяновская обл.	Х-ХІІІ	-----	-----	1	1	1/1
79	Котельское I	Предволжье	Пензенская обл.	ХІ-ХІІІ	2,4 га	ІІ	1	1	1/1
80	Котельское II	-«-	-«-	ХІ-ХІІІ	0,8 га	I	1	1	1/1
81	Кочкаловское	Закамье	Татарстан	Х-ХІІІ	10,5 га	I	1	1	1/1
82	Красногорское	Предкамье	Татарстан	ХІІІ-ХІV	2,34 га	I	1	1	1/1
83	Краснокадкинское	Закамье	-«-	Х-ХІІІ	1,92 га	I	1	1	1/1
84	Красноключинское	-«-	-«-	Х-ХІІІ	67 га	I	1	1	2/2
85	Краснореченское	-«-	Ульяновская обл.	Х-ХІІІ	1,8 га	I	1	1	1/1
86	Красносундоковское I	Предволжье	Ульяновская обл.	Х-ХІІІ	45,92 га	ІІ	3(?)	3(?)	2/2
87	Красносундоковское II	-«-	Ульяновская обл.	Х-ХІІІ	9,7 га	I	1	1	1/2
88	Красноярское	Закамье	Ульяновская обл.	Х-ХІІІ	2,3 га	I	1	1	1/1
89	Крестово-Городищенское	-«-	-«-	Х-ХІІІ	16 га	ІІ	1	1	1/1
90	Крецелтанское	-«-	Татарстан	Х-ХІІІ	0,75 га	I	1	1	1/2
91	Кривельское	-«-	-«-	Х-ХІІІ	-----	-----	1	1	1/1
92	Криушское I	Предволжье	Ульяновская обл.	Х-ХІІІ	2,8 га	I	1	1	1/1

93	Криушское II (Арбушкинское)	-«-	-«-	Х-ХIII	80 га	I	1	2/1
94	Кубасское	Закамье	Татарстан	Х-ХIII	-----	I	1	1/1
95	Кураловское (Старокуйбышевское)	-«-	-«-	XI-XIII	1,7 га	I	2	1/1
96	Куркульское	Закамье	Татарстан	Х-ХIII	0,16 га	I	2	1/1
97	Леонидовское	Предволжье	Пензенская обл.	XI-XIII	1,28 га	I	1	2/3
98	Луковское (Япанчино)	-«-	Татарстан	XII-XIV	2,3 га	I	1	2/2
99	Льяшевское	-«-	-«-	XIII-XIV	4,26 га	III	1	1/1
100	Маклашеевское I	Закамье	-«-	Х-ХIII	1,28 га	I	1	2/2
101	Маклашеевское II	-«-	-«-	Х-ХIII	0,26 га	I	1	1/1
102	Малополянское	Закамье	Татарстан	Х-ХIII	0,9 га	I	1	2/2
103	Мало-Сундырское (Важнангерское)	Предволжье	Марий-Эл	XIV-XV	5,67 га	I	1	1/1
104	Малотлишское	Закамье	Татарстан	Х-ХIII	3 га	I	1	1/1
105	Междуреченское	Предволжье	Самарская обл.	XII-XIV	24 га	I	2	1/1
106	Мордовско-Ишимское	-«-	Пензенская обл.	XI-XIII	-----	II	1	2/2
107	«Муромский городок» (Валыньское)	-«-	Самарская обл.	Х-ХIII	100 га	IV	3	2/2
108	Налеткинское	Закамье	Татарстан	Х-ХIII	1,5 га	III	1	1/1
109	Нарат-Елгинское	-«-	-«-	Х-ХIII	1,76 га	I	1	2/1
110	Неклюдовское I	Предволжье	Пензенская обл.	Х-ХIII	8 га	I	2	2/3
111	Неклюдовское II	-«-	Пензенская обл.	XI-XIII	-----	I	1	2/2
112	Нижнекагмисское	-«-	Пензенская обл.	XI-XIII	1,4 га	I	1	3/4
113	Нижнекачевское (Шибашское)	Закамье	Татарстан	Х-ХIII	2,55 га	III	1	3/2
114	Николаев-Баранское I	-«-	-«-	Х-ХIII	0,78 га	III	1	1/1
115	Николаев-Баранское II	-«-	-«-	XIII	27 га	II	1	2/2
116	Никольское	-«-	Ульяновская обл.	Х-ХIII	5 га	I	1	1/1
117	Никола-Райское	Предволжье	Пензенская обл.	XI-XIII	2,5 га	IV	2	2/2
118	Новоаксубаевское	Закамье	Татарстан	Х-ХIII	1,04 га	I	1	1/1
119	Новоальметьевское	-«-	-«-	Х-ХIII	4 га	I	1	2/2
120	Новоамзинское	Закамье	Татарстан	Х-ХIII	0,2 га	III	1	2/2
121	Ново-Мачимское	Предволжье	Пензенская обл.	XI-XIII	2,3 га	II	1	1/1
122	Новомокшинское	Закамье	Татарстан	XII-XIV	1,64 га	I	1	2/2
123	Новослободское	Предволжье	Ульяновская обл.	VIII-XIII(?)	6 га	III	1	1/1
124	Новошешминское I	Закамье	Татарстан	XIII-XIV	15,92 га	III	1	1/1

125	Новошешминское II	-«-	-«-	Башкортостан	X-XIII	2,4 га	I	1	1/1
126	Новошешминское III	-«-	-«-		X-XIII	0,39 га	I	1	2/2
127	Омарское	Предкамье	-«-		XIII-XIV	0,8 га	II	1	1/2
128	Остолоповское	Закамье	-«-		XII-XIV	0,35 га	I	1	1/1
129	Охлебнинское II (Ак-Таш)	-«-	-«-		XIII-XIV	25 га	III	1	1/1
130	Ошинское	-«-	-«-		X-XIII	0,45 га	III	1	1/1
131	Переволоцкое	Предволжье	-«-	Самарская обл.	XI-XIII	1,2 га	I	1	1/1
132	Подбельщинское	-«-	-«-	Ульяновская обл.	X-XIII	7 га	III	1	3/2
133	Поливноовражное	-«-	-«-	Ульяновская обл.	X-XIII	0,18 га	I	1	1/1
134	Рождественское (и Филипповское)	Предкамье	-«-	Пермская обл.	XI-XIV	4,4 га	IV	2	1/1
135	Ромоданское I	Закамье	-«-	Татарстан	X-XIII	2,8 га	I	2	2/2
136	Ромоданское II	-«-	-«-		X-XIII	1,6 га	I	1	1/1
137	Русскосарсазское	-«-	-«-		X-XIII	0,5 га	I	2	1/1
138	Русско-Труевское	Предволжье	-«-	Пензенская обл.	XI-XIII	8 га	I	2	2/2
139	Савгачевское	Закамье	-«-	Татарстан	X-XIII	1,3 га	I	2	2/2
140	Садовское I	Предволжье	-«-	Пензенская обл.	XI-XIII	6,5 га	II	1	2/1
141	Садовское II	-«-	-«-		X-XIII	4 га	I	1	3/3
142	Сакляское	Закамье	-«-	Татарстан	XI-XIII	-----	I	1	1/1
143	Свияжское	Предволжье	-«-	Татарстан	XIII-XIV	-----	I	1	1/1
144	«Святой ключ» I	Закамье	-«-		IX-X(?)	0,12 га	I	1	1/1
145	«Святой ключ» II	-«-	-«-		X-XIII(?)	0,16 га	I	1	1/1
146	Селикское	Предволжье	-«-	Пензенская обл.	XI-XIII	5 га	I	2	1/1
147	Сенгилейское	Закамье	-«-	Ульяновская обл.	X-XIII	2,9 га	I	1	1/1
148	Сосновское I	-«-	-«-	Татарстан	X-XIII	1,82 га	III	1	1/2
149	Сосновское II	-«-	-«-		X-XIII	0,76 га	I	1	1/1
150	Среднелиповское	Предволжье	-«-	Пензенская обл.	XI-XIII	6,2 га	III	1	2/2
151	Староалейкинское	-«-	-«-	Ульяновская обл.	X-XIII	230 га	II	3	2/2
152	Старобаранское	Закамье	-«-	Татарстан	X-XIII	0,81 га	III	1	2/2
153	Староналейское	Предволжье	-«-	Татарстан	X-XIII	2,4 га	III	1	1/1
154	Старокамкинское	Закамье	-«-		X-XIII	3,6 га	I	1	1/1
155	Старомайское	-«-	-«-	Ульяновская обл.	X-XIII	1,5 га	I	2	3/3
156	Старомагакское	-«-	-«-	Татарстан	X-XIII	4,26 га	I	2	2/1
157	Старонохратское I	Закамье	-«-	Татарстан	X-XIII	3,8 га	II	1	3/3

158	Старонохратское II	-<<-	-<<-	-<<-	ХIII-XIV	0,3 га	I	1	2/2
159	Староромашкинское	-<<-	-<<-	-<<-	Х-XIII	2 га	III	1	1/1
160	Старотагадамское	-<<-	-<<-	-<<-	Х-XIII	3,4 га	III	1	1/1
161	Староянашевское	Предволжье	Чувашия	Чувашия	Х-XIII	1,35 га	II	1	1/1
162	Сувар	Закамье	Татарстан	Татарстан	Х-XIII	100 га	III	2	2/2
163	Сундровское	Предволжье	Пензенская обл.	Пензенская обл.	Х-XIII	1,4 га	IV	3	1/1
164	Сюкеевское	-<<-	Татарстан	Татарстан	ХIII-XIV	12,5 га	I	1	2/2
165	Тавлинское****	-<<-	-<<-	-<<-	ХIII-XV	0,68 га	I	2	2/1
166	Танай-Тураевское	-<<-	-<<-	-<<-	ХIII-XIV	3,6 га	III	1	1/1
167	Танкеевское I	Закамье	-<<-	-<<-	Х-XIII	6 га	I	1	2/2
168	Танкеевское II	-<<-	-<<-	-<<-	Х-XIII	0,96 га	II	1	1/1
169	Тагбурнаевское	-<<-	-<<-	-<<-	Х-XIII	1,6 га	I	1	1/2
170	Тагтогульбаевское	-<<-	-<<-	-<<-	Х-XIII	1,33 га	I	2(?)	1/1
171	Тетюшское I	Предволжье	Татарстан	Татарстан	ХIII-XIV	0,97 га	I	1	1/1
172	Тигашевское	Предволжье	Чувашия	Чувашия	Х-XIII	2,2 га	II	1	3/3
173	Тинаркинское	Закамье	Ульяновская обл.	Ульяновская обл.	Х-XIII	1,5 га	III	1	3/3
174	Трескинское	Предволжье	Пензенская обл.	Пензенская обл.	XI-XIII	16 га	I	1	1/1
175	Тубулгатау	Закамье	Татарстан	Татарстан	XI-XIV	1,95 га	I	1	3/2
176	Ундорское I	Предволжье	Ульяновская обл.	Ульяновская обл.	Х-XIII	0,6 га	I	1	1/1
177	Ундорское II	-<<-	-<<-	-<<-	Х-XIII	2,145 га	I	1	2/2
178	Уразлинское	-<<-	Татарстан	Татарстан	ХIII-XIV	2,4 га	III	1	1/1
179	Утернясьское****	Предкамье	-<<-	-<<-	XIV-XVI	1 га	I	1	1/1
180	Утяковское	Закамье	-<<-	-<<-	Х-XIII	5,6 га	I	1	3/3
181	Утяшкинское	-<<-	-<<-	-<<-	Х-XIII	1,12 га	I	1	1/1
182	Хулашское	Предволжье	-<<-	-<<-	Х-XIII	11,29 га	II	1	3/3
183	Чаадаевское	Предволжье	Пензенская обл.	Пензенская обл.	Х-XIII	-----	I	1	1/1
184	Чалыньское****	Предкамье	Татарстан	Татарстан	XII-XVI	1,2 га	II	1	3/3
185	Черемухово-Слободское	Закамье	-<<-	-<<-	Х-XIII	1,16 га	I	1	2/2
186	«Чертов городок»	Закамье	Ульяновская обл.	Ульяновская обл.	VIII-XIII(?)	5 га	I	2	1/1
187	Чувапакское	Закамье	-<<-	-<<-	Х-XIII	1,15 га	III	1	3/2
188	Чувбездинское	Предволжье	Татарстан	Татарстан	Х-XIII	2 га	I	1	2/2
189	Чувбродское	Закамье	-<<-	-<<-	Х-XIII	1 га	III	1	3/3

190	Чуру-Барышевское	Предволжье	Татарстан	XI-XIV	3,37 га	I	1	1/2
191	Шиповское (Рамазанка)	Закамье	Бакортостан	XIII-XIV	15 га	II	1	2/1
192	Шмелевское	Закамье	Ульяновская обл.	X-XIII	28,26 га	III	1	2/2
193	Щербеньское I	Закамье	Татарстан	XI-XIII	3,04 га	I	1	3/2
194	Щербеньское II	-«-	-«-	XI-XIII	2 га	I	1	1/1
195	Юловское	Предволжье	Пензенская обл.	X-XIII	22 га	II	2	3/3
196	Юрманское	Закамье	Ульяновская обл.	X-XIII	5 га	II	1	2/1
197	Якимово-Стрелкинское	-«-	Татарстан	X-XIII	8,8 га	I	1	1/1
198	Янтиковское (Кирельское)	Предволжье	-«-	X-XIII	2,86 га	II	1	2/2

*** Типы городищ:**

I тип – подчиненные рельефу местности

II тип – частично подчиненные рельефу местности

III тип – неподчиненные рельефу местности

IV тип – сложномысовые и сложенные

**** Структура городищ (количество площадок)**

*** **Количество укреплений** – в числителе количество валов / в знаменателе количество рвов

**** **Городища Волжской Булгарии и Казанского ханства**

Таблица 2

Корреляция площадей и типов городищ

Тип/ S	I	II	III	IV	Всего
до 2 га	56	5	17	1	79
до 6 га	37	7	13	1	58
до 11 га	9	3	2	----	14
до 20 га	2	1	2	----	5
до 50 га	4	3	3	----	10
более 50 га	4	1	5	3	13
Всего	112	20	42	5	179

Таблица 3

Корреляция типов и систем укреплений городищ

сист./ тип	1/1	1/2	2/2	2/1	2/3	3/3	3/2	4/4	3/4	Всего
I	65	6	24	7	2	6	3	2	1	116
II	5	1	8	2	----	6	----	----	----	22
III	21	1	11	1	----	4	3	----	----	41
IV	2	----	3	----	----	----	----	----	----	5
Всего	93	8	46	10	2	16	6	2	1	184

Таблица 4

Корреляция площадей и систем укреплений городищ

сист./ S	1/1	1/2	2/2	2/1	2/3	3/3	3/2	4/4	3/4	Всего
до 2 га	46	5	14	3	1	5	1	----	1	76
до 6 га	28	2	13	4	----	6	3	2	----	58
до 11 га	4	1	5	1	1	----	1	----	----	13
до 20 га	3	----	2	----	----	2	----	----	----	7
до 50 га	3	----	4	1	----	----	----	----	----	8
более 50 га	4	----	7	1	----	1	----	----	----	13
Всего	88	8	45	10	2	14	5	2	1	175

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69645
от 2 мая 2017 г. выдано Роскомнадзором
Оригинал-макет – *Г.Ш. Асылгараева*
420012 г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203
Подписано в печать 25.06.2019 г. Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 37,55.
Тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"
г. Казань, ул. Галактионова, 14

